ПОВОЛЖЬЕ

ВЪ XVII И НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА

(ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ КРАЯ).

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Г. Перетятковича.

ПАМЯТИ
Сергѣя Михайловича
СОЛОВЬЕВА.

ОДЕССА
Тип. П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.
1882.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко*.

Изъ XXXIV т. Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поставивъ себѣ цѣлью въ своемъ первомъ трудѣ [1]) прослѣдить исторію распространенія по Волгѣ русскаго господства и русской колонизаціи, я, вслѣдствіе сложности и трудности вопроса, вынужденъ былъ ограничиться въ немъ осуществленіемъ лишь первой задачи, коснувшись, при скудности историческихъ данныхъ, лишь слегка колонизаціи края. Настоящее изслѣдованіе, составляя продолженіе предыдущаго, имѣетъ своимъ предметомъ главнымъ образомъ колонизацію края въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ (до 1708 г. — времени перваго раздѣленія на губерніи), какъ важнѣйшаго явленія въ исторіи низоваго Поволжья за этотъ періодъ времени. Быть можетъ, факты, говорящіе о смѣлости русскаго человѣка при заселеніи пустынной страны, подвергавшейся безпрестаннымъ нападеніямъ кочевниковъ, о способности его найтись при новыхъ и незнакомыхъ ему условіяхъ жизни, наконецъ о неуклонномъ преслѣдованіи имъ своихъ хозяйственныхъ интересовъ

[1]) «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ» Очерки изъ исторіи и колонизаціи края 1877 г.

въ сосѣдствѣ со степью и ея хищными обитателями,— побудятъ нѣкоторыхъ видоизмѣнить свой взглядъ на культурныя способности славянъ вообще и русскаго народа въ частности.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ выразить свою благодарность гг. рецензентамъ, удостоившимъ мой прошлый трудъ своимъ вниманіемъ[1]). На этотъ разъ, во избѣжаніе недоразумѣній, полагаю нужнымъ сдѣлать небольшую оговорку. Какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ изслѣдованіи я старался по возможности дѣлать свои выводы изъ цѣлой группы фактовъ, которые лишь встрѣчались мнѣ въ источникахъ и остерегался дѣлать обобщенія на основаніи единичныхъ явленій.

Такъ какъ главнымъ матеріаломъ для предлагаемаго нынѣ изслѣдованія послужили рукописные документы, хранящіеся въ архивѣ министерства юстиціи, то не могу не выразить своей признательности начальнику архива, Н. В. Калачову, за разрѣшеніе мнѣ работать въ архивѣ даже и не въ обычное для занятій время. Точно также считаю для себя пріятнымъ долгомъ благодарить начальника II-го и III-го отдѣленій вышеупомянутаго архива — В. И. Холмогорова, который обязательно помогъ мнѣ разобраться въ матеріалахъ, хранящихся въ этихъ отдѣленіяхъ.

Въ приложеніи къ изслѣдованію сообщаются дословныя выдержки изъ описей второй половины XVII

[1]) Мнѣ извѣстны отзывы: Отечеств. Запис. іюль мѣсяцъ 1877 годъ; Кіевск. Унив. извѣст. 1877 г.; Историч. библіот. январь мѣсяцъ 1878 годъ; Revue Historique (первая кн. 1878 г.).

вѣка, содержащія въ себѣ довольно цѣнныя свѣдѣнія о средней зажиточности крестьянъ того времени въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ имѣніяхъ Поволжья.

Кромѣ того, для облегченія читателя, къ сочиненію приложена карта Поволжья съ нанесенными на нее болѣе важными поселеніями, упоминаемыми въ текстѣ.

ГЛАВА I-я.

Природныя условія Свіяжскаго уѣзда во второй половинѣ XVI вѣка и заселеніе его. Колонизаціонная дѣятельность Троицкаго и Богородицкаго монастырей въ Свіяжскомъ уѣздѣ. Тетюшскій уѣздъ въ концѣ XVI столѣтія. Состояніе нѣкоторыхъ поволжскихъ уѣздовъ во время междуцарствія и колонизація въ это время. Правительственная дѣятельность въ Поволжьѣ послѣ междуцарствія и колонизація правой стороны низоваго Поволжья послѣ этого времени. Вотчины и помѣстья въ Свіяжскомъ уѣздѣ около XVII вѣка. Колонизація Тетюшскаго уѣзда послѣ междуцарствія и его положеніе. Постройка Симбирской черты и заселеніе ея.

Въ Казанскомъ царствѣ, послѣ его завоеванія и утвержденія въ немъ русской власти, началась хозяйственная дѣятельность Московскаго правительства. Сказалась эта дѣятельность въ формѣ, которая въ то время была обычна на Руси: произведена была опись городамъ, слободамъ, пахотнымъ землямъ и угодьямъ; присоединены были также сюда пустоши — земли, бывшія нѣкогда населенными, которыя, по тогдашнему выраженію, «припущены были» къ извѣстному селу или деревнѣ. Но правительственная дѣятельность въ краѣ не могла ограничиться одною этою стороною, такъ какъ русскому правительству необходимо было озаботиться, чтобы страна, пріобрѣтенная русскою кровію, стала прочнымъ достояніемъ Россіи, а это могло произойти лишь съ водвореніемъ здѣсь русской

культуры. Подобное дѣло не возможно было осуществить правительству только своими силами, — для этого ему нужно было содѣйствіе всего русскаго общества, что мы и встрѣчаемъ здѣсь на самомъ дѣлѣ.

Одинъ изъ образованныхъ и наблюдательныхъ иностранцевъ нынѣшняго столѣтія, хорошо ознакомившійся во время своего путешествія съ нашимъ отечествомъ и народомъ, говоритъ о русскомъ крестьянинѣ между прочимъ слѣдующее: «онъ (крестьянинъ) съ котомкою легко рѣшается на переселеніе и свободно направляется для колонизаціи въ отдаленнѣйшія страны...., если только при этомъ находится съ нимъ его семья и сосѣди»[1]). И, дѣйствительно, хотя во второй половинѣ XVI столѣтія, при выселеніи русскихъ людей во вновь присоединенный край, могли имѣть, и несомнѣнно имѣли, свою долю участія въ отдѣльныхъ случаяхъ недостатки тогдашней общественной жизни и тяжесть экономическихъ условій, о чемъ говорятъ отечественныя и иностранныя извѣстія того времени (лѣтописи и Флетчеръ): все же роль главнаго дѣятеля въ этихъ переселеніяхъ слѣдуетъ признать за тѣмъ факторомъ, который лежитъ глубоко внутри человѣка, имѣетъ характеръ органическій и можетъ проявляться при всякихъ условіяхъ. Какъ бы то ни было, но, вслѣдствіе взаимодѣйствія всѣхъ этихъ дѣятелей, въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ появляется значительное количество русскихъ людей, которые приходятъ сюда большею частію въ видѣ небольшихъ общинъ и съ соизволенія правительственныхъ лицъ занимаютъ здѣсь на льготѣ свободныя земли. Нѣкоторыя указанія на то, что именно такимъ образомъ совершалось первоначальное заселеніе края русскими крестьянами, мы находимъ въ оффиціальныхъ актахъ того времени: уже въ первыхъ писцовыхъ книгахъ, въ которыхъ описываются земли бывшаго Казанскаго царства, встрѣчается большое количество починковъ и деревень, о коихъ

[1]) Haxthausen «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» III, 138 p.

говорится, что данное поселеніе «было за крестьяны на оброкѣ»[1]). Кромѣ того, въ концѣ XVI столѣтія (1599 г.), при описаніи новаго дворцоваго села Ѳедоровскаго, около Тетюшъ, вмѣстѣ съ пятью крестьянскими дворами, которые вышли изъ льготы, описаны 12 другихъ дворовъ, изъ коихъ шестеро обозначены сѣвшими въ этомъ селѣ на тягло 6-го декабря 1598 года, а другіе шесть 6-го апрѣля 1599 года[2]). Наконецъ, это могутъ подтвердить факты подобнаго же рода, совершающіеся на нашихъ глазахъ. Мѣстные жители сообщаютъ изъ Воронежской губерніи, что переселенія крестьянъ отсюда происходятъ цѣлыми общинами. По даннымъ мѣстной казенной палаты, въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ переселилось главнымъ образомъ изъ южной части Воронежской губерніи, преимущественно въ Оренбургскую губернію, около 6500 ревизскихъ душъ[3]). Вслѣдствіе этого можно предположить, что переселенцы еще до своего поселенія на новомъ мѣстѣ составляли небольшую общину людей, соединенныхъ между собой нѣкоторыми интересами. Льготы, даваемыя поселенцамъ на первые годы здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, состояли обыкновенно въ освобожденіи насельниковъ отъ всякихъ платежей и другихъ тягостей на нѣсколько лѣтъ[4]), чтобы они могли обзавестись домомъ, устроиться хозяйствомъ и устранить тѣ природныя препятствія для земледѣлія, которыя здѣсь встрѣчались въ лѣсахъ и болотахъ Хотя по извѣстіямъ XVI столѣтія и по начальнымъ описямъ можно сказать, что нѣкоторые инородцы (Чуваши и Мордва), входившіе въ составъ Казанскаго царства, занимались земледѣліемъ; но занятіе это мало вліяло на свойства здѣшней страны: множество непроходимыхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ и отчасти вслѣдствіе этого изобиліе воды,

[1]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. Свіяжскаго у. за № 848, лл. 141, 145 147, 195 и др.

[2]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. за № 153. лл. 1465—1467.

[3]) «Голосъ» 1880 г. № 343.

[4]) Въ XVI ст. въ Свіяжскомъ и Казанскомъ уѣздахъ нерѣдко встрѣчается 10-ти и 15-ти лѣтній срокъ.

которая въ видѣ ключей, ручьевъ, рѣчекъ и рѣкъ протекала во всевозможныхъ направленіяхъ, значительныя болотныя пространства, нерѣдко встрѣчавшіяся не только на луговой сторонѣ Волги, въ Казанскомъ уѣздѣ, но и въ нагорной сторонѣ, въ Свіяжскомъ уѣздѣ, доказываютъ это самымъ наглядным образомъ. Вслѣдствіе подобныхъ свойствъ страны промыслы бортный и звѣроловный были болѣе удобны здѣсь и пользовались большею симпатіею инородцевъ, чѣмъ хлѣбопашество. И русское населеніе, пришедшее въ этотъ край изъ разныхъ мѣстностей Россіи, встрѣчало достаточно препятствій земледѣльческому занятію, устранить которыя можно было лишь въ продолженіе извѣстнаго времени.

По истеченіи же срока льготы община облагалась со стороны правительства, или пахотою, или же оброкомъ, величина которыхъ обусловливалась пространствомъ крестьянской пашни, положенной въ опредѣленную единицу поземельной мѣры, именуемой вытью; величина выти въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ продолженіи XVI столѣтія ровнялась 10 четямъ въ каждомъ изъ трехъ полей, или же 15 десятинамъ. Что касается тягостей, которыя лежали на крестьянахъ по истеченіи льготнаго срока, то онѣ не только были не однѣ и тѣ же на земляхъ дворцовыхъ и частныхъ, но на тѣхъ и на другихъ онѣ въ свою очередь варьировались; быть можетъ, эта разность иногда обусловливалась различіемъ въ свойствахъ самой земли, которую крестьяне обработывали и съ которой они въ свою очередь получали бо̀льшія или меньшія выгоды[1]).

[1]) Такъ на дворцовыхъ земляхъ Свіяжскаго уѣзда крестьяне «пахали на государя живущихъ вытей десятины, по десятинѣ ржи и по десятинѣ яри». «Починокъ Гремячей... а прежде былъ онъ на оброкѣ за крестьяны... 3 двора крестьянскихъ, пашни добрые земли 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна межъ рѣки Свіяги и городища, что прежъ того косили на государя 25 копенъ, а оброку прежде давали полтора рубля въ Свіяж. городъ». Слѣдовательно здѣсь съ выти платили полтора рубля. «Починокъ Жуковъ, у р. у Волги, на берегу, а прежде тотъ починокъ былъ за крестьяны на оброкѣ, а въ починкѣ 2 двора, пашни добрые земли 6 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна въ лугу межъ Свіяги и городища 25 копенъ

Изъ свободныхъ земель въ Свіяжскомъ уѣздѣ прежде всего могли привлечь къ себѣ переселенцевъ такъ называемыя пустоши, ибо здѣсь уже прежде находились поселенія и слѣдовательно предшествовавшимъ трудомъ на нихъ могли быть устранены нѣкоторыя препятствія для обработки земли. Дѣйствительно, съ болѣе значительными русскими поселеніями въ Свіяжскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемся на пустошахъ, и подобныя поселенія, хотя они состоятъ изъ русскихъ людей, носятъ большею частью названія не русскія—Марквашн, Бурнашово, Тенки и др. Особенность такого рода поселеній состоитъ еще въ томъ, что здѣсь при поселкѣ, кромѣ пахотной земли, иногда очень незначительной, обыкновенно встрѣчаемся съ довольно большими пространствами перелоговъ и зарослей, что̀ естественно въ заброшенной пахотѣ, не подвергавшейся въ продолженіе извѣстнаго времени обработкѣ[1]). Но если здѣшнія пустоши нѣкоторыми своими особенностями могли привлекать къ себѣ русскихъ насельниковъ, то, съ другой стороны, въ нихъ должно было встрѣчаться и такое свойство, которое могло заставить поселенца остановить свое вниманіе на землѣ, хотя и покрытой вѣковымъ лѣсомъ, но обѣщающей болѣе выгодъ, чѣмъ сосѣдняя пустошь, нерѣдко истощенная въ своихъ производительныхъ силахъ прежними своими хозяевами—инородцами и вслѣдствіе этого покинутая ими. На существованіе

что прежъ сего косили на государя, а оброку съ того починка въ государеву казну на годъ по рублю, да пошлины 10 денегъ». «Деревня Ларина, Бѣлая Волошка... а прежде та деревня была оброчная, 15 дворовъ крестьянскихъ, пашни добрые земли 96 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна у рѣки у Волги 500 копенъ. А оброку съ тое деревни крестьяне въ государеву казну давали съ году на годъ по три рубля, да пошлинные съ рубля по 10 денегъ». Въ томъ же уѣздѣ на земляхъ Троицкаго и Богородскаго Свіяжскихъ монастырей крестьяне по той-же книгѣ послѣ льготныхъ лѣтъ должны «пахати монастырскіе десятины съ выти по десятинѣ». Оброкъ же крестьяне должны были платить Богородицкому Свіяжскому монастырю съ 14 вытей слѣдующій: съ трехъ вытей по рублю, а съ 11 вытей по 25 алтынъ съ выти». Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. Свіяжскаго уѣзда № 848 л. л. 129, 141—142, 147, 205, 214, 243, 245.

[1]) Тамъ же л. л. 138, 156, 184, 238, 245, 247.

таких пустошей въ Свіяжскомъ уѣздѣ указываетъ то обстоятельство, что иныя изъ нихъ оставались нѣкоторое время не обработанными, не смотря на то, что приписаны были къ довольно значительнымъ селамъ и монастырямъ, находясь по сосѣдству съ ними[1]). Что же касается того, гдѣ и при какихъ условіяхъ селились русскіе переселенцы, то на основаніи писцовой книги 1567 года можно указать на слѣдующее. Какъ уже замѣчено было, почва Свіяжскаго уѣзда большею частію была покрыта вѣковыми лѣсами, среди которыхъ текли въ изобиліи рѣки разной величины; поэтому поляны, встрѣчавшіяся у значительныхъ рѣкъ, особенно на возвышеніи — на горѣ, «на гривѣ, на врагѣ,» — преимущественно останавливали на себѣ вниманіе русскаго земледѣльца. Но такихъ мѣстъ здѣсь не могло быть много, вслѣдствіе этого и поселенія «на дикомъ полѣ» встрѣчаются сравнительно не часто. Напротивъ того починки, деревни и займища въ лѣсу составляютъ обычное явленіе въ это время въ Свіяжскомъ уѣздѣ. Понятно само собою, что мѣста и земли, находившіяся въ недалекомъ разстояніи отъ такихъ административныхъ и торговыхъ пунктовъ, какъ Свіяжскъ, въ нагорной сторонѣ и Казань, на луговой, должны были быть выгодны не для однихъ лишь служилыхъ людей, но и для другихъ поселенцевъ. Поэтому естественно, что значительныя природныя препятствія для заселенія и пахоты прежде всего устраняются въ такихъ мѣстахъ.

Какъ на особенно часто повторяющійся фактъ въ начальныхъ поселеніяхъ русскихъ людей въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ, слѣдуетъ указать на то, что здѣсь первые землевладѣльцы, отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе той трудности, съ которою здѣсь сопряжено было умноженіе пахоты, стремятся съ самаго начала захватить побольше обширныхъ и въ то время еще совершенно свободныхъ лѣсныхъ угодій, которыя при этомъ измѣряются не десятинами, а верстами. Иногда, особенно въ недавно начавшемся поселеніи, подобнаго измѣ-

[1]) Тамъ же л. л. 143, 186, 243.

ренія и отдѣленія не произведено, а говорится, что «лѣсъ не въ роздѣлѣ съ Татары и съ Чувашею», и нерѣдко подобный лѣсъ означенъ находящимся «около поль»[1]). Въ монастырскихъ поселеніяхъ этого времени также встрѣчаемся съ одною особенностью, которая сохраняется и въ послѣдующихъ монастырскихъ описяхъ Свіяжскаго уѣзда. Здѣсь нерѣдко при описаніи поселка — починка или деревни — послѣ пахоты и сѣнокоса указывается на количество десятинъ «пашеннаго лѣса» и отдѣльно отъ него «непашеннаго лѣса»; при этомъ иногда незначительность пахоты и величина пространства «пашеннаго лѣса» указываютъ намъ на недавно основавшееся поселеніе, отъ котораго ожидаютъ въ будущемъ быстраго роста, вслѣдствіе чего по желанію, вѣроятно, самой общины ей заранѣе отводятъ значительное пространство лѣса на пахоту[2]). Подъ пахоту занималась земля хорошая, плодородная, что было естественно въ странѣ, мало тронутой земледѣліемъ, гдѣ было много свободныхъ земель. Земля обозначается въ писцовыхъ и въ переписныхъ книгахъ не только въ данное время, но и позднѣе, слѣдующимъ образомъ: «пашни паханыя добрыя земли» столько-то. Лишь одинъ разъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, при описаніи земель Троицкаго Свіяжскаго монастыря, въ сельцѣ Городищѣ и его починкѣ Притыкинѣ означено просто: «пашенной земли», безъ обычнаго эпитета «доброй»; при сельцѣ Го-

[1]) Тамъ же л. л. 132, 147, 155, 195, 237, 247 и др.

[2]) «Троицкаго монастыря, что въ городѣ Свіяжскѣ, починокъ Ключевъ на рѣчкѣ на Олгекирѣ, а въ немъ крестьянъ три двора; *пашни добрыя земли* три чети, да переложной пашни 17 чети въ каждомъ полѣ, *лѣсу около поль пашеннаго сорокъ десятинъ*, да непашеннаго 50 десятинъ; живутъ на льготѣ. Богородицкаго Свіяжскаго монастыря: дер. Малое Утяково на рѣкѣ Свіягѣ, а въ деревнѣ крестьянъ два двора да 3 двора пусты, *пашни добрые земли* одна четь въ каждомъ полѣ, *лѣсу около поль пашеннаго* 20 десятинъ и непашеннаго 30 десятинъ; деревня Юртовка на рѣкѣ на Сухой 3 двора крестьянъ, пашни добрые земли 6 чети, лѣсу пашеннаго 30 десятинъ, да непашеннаго 45 десятинъ. Деревня Новое, а поставлена ново на Черномъ лѣсу, а въ дер. крестьянъ 9 двор., сидятъ на льготѣ, пашни добрые земли пять чети въ каждомъ полѣ, лѣсу пашеннаго 60 десятинъ, и др. деревни и починки. Тамъ же л. л 237, 238, 240, 241, 244, 246.

родищѣ означены такимъ образомъ 25 четей въ каждомъ изъ трехъ полей, а въ починкѣ Притыкинѣ 2 чети. Съ перваго раза это можетъ показаться простымъ пропускомъ, особенно если имѣть въ виду теорію Рикардо, по которой пришлое населеніе, при своемъ заселеніи пустыхъ странъ, прежде всего занимаетъ хорошія земли. Но при сопоставленіи описанія шестидесятыхъ годовъ съ послѣдующими описями этихъ мѣстъ окажется, что здѣшняя земля, сравнительно съ другими, по своимъ свойствамъ и не могла быть названа «доброю землею», ибо, по изображенію позднѣйшей описи, «къ сельцу подошли болота большія отъ Свіяжскія дороги въ длину на версту, а поперекъ на полъ-версты»; о самой же пахотной землѣ говорится: «ко всему сельцу паханые худые земли и съ крестьянскою пашнею 25 чети». У починка Притыкина, который въ концѣ XVI столѣтія сталъ деревнею Куземкиной[1]) значится: «въ пашнѣ болотцѣ», а въ XVII столѣтіи уже прямо говорится: «деревня Кузьминина, что былъ починокъ Притыкинъ на болотѣ».

Вслѣдствіе огромныхъ лѣсовъ, а иногда и болотъ, покрывавшихъ собою большую часть Свіяжскаго уѣзда, а также отъ того, что русскіе насельники являлись съ очень незначительнымъ имуществомъ для заведенія своего хозяйства, правительство же и монастыри, кромѣ свободы отъ тягостей на первые годы, были не особенно щедры на помощь имъ, они на первыхъ порахъ не были въ состояніи обработать значительное количество пахоты. Впрочемъ иногда незначительность пахоты

[1]) Названіе починокъ Притыкинъ получилъ, вѣроятно, отъ одного изъ трехъ крестьянъ, жившихъ въ немъ съ самаго начала отдѣльными дворами: во второмъ дворѣ въ немъ значится Куземка Степановъ. Въ концѣ XVI ст. въ деревнѣ Куземкинѣ 4 двора крестьянскихъ, «пашни паханные худые земли 3 десятины, а четвертные пашни 6 четвертей, лѣсу пашеннаго 48 десятинъ, да у деревни Куземкины въ пашнѣ болотцѣ, въ длину и поперекъ того болотца съ полдесятины; а изъ болотца течетъ ручей возлѣ деревни подъ оврагъ въ большое болото». Тамъ же л. л. 243, 244. Арх. Мин. Юст. 1-го Отд. Каз. уѣзд. грам. № 6431 л. 12; писцов. кн. № 1127 л. 981.

здѣсь могла обусловливаться еще малолюдствомъ общины, которою нерѣдко открывалось поселеніе починка или деревни. Во всякомъ случаѣ малость пахотной земли въ новыхъ поселеніяхъ Свіяжскаго уѣзда есть явленіе часто встрѣчающееся. Эта особенность выступаетъ тѣмъ рѣзче, что другія угодья—сѣнокосъ и лѣсъ—съ перваго раза отводятся въ очень значительныхъ размѣрахъ, иногда даже въ огромныхъ[1]). Явленіе это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что такія угодья, какъ сѣнокосъ, требовали сравнительно съ земледѣліемъ употребленія со стороны поселенца лишь незначительнаго труда при изобиліи здѣсь многоводныхъ рѣкъ съ богатыми лугами, между тѣмъ какъ пахота, если только это не была пустошь, требовала предварительнаго очищенія почвы отъ лѣса, или же изсушенія болота, для чего необходимы были извѣстныя средства, значительный трудъ и нѣкоторое время. Что же касается пользованія въ начальное время русскими поселенцами стремительностію теченія воды въ рѣкахъ, у которыхъ они селились, для устройства мельницъ, то извѣстія объ этомъ встрѣчаются въ шестидесятыхъ годахъ XVI ст. чрезвычайно рѣдко. Такъ, напримѣръ, у двухъ монастырей въ Свіяжскомъ уѣздѣ, изъ коихъ у каждаго во владѣніи было по сельцу и по нѣсколько деревень и починковъ, находилось по одной только мельницѣ, но по размѣрамъ своимъ онѣ были довольно значительны [2]), и одна изъ нихъ сдана была на оброкъ за

[1]) Такъ, напримѣръ, въ помѣстной деревнѣ, «что прежде была на оброкѣ за крестьяны», Красная Горка Звѣздина на р. Свіягѣ, при 6 дворахъ крестьянскихъ и 12 четяхъ пашни доброй земли въ каждомъ изъ трехъ полей. сѣна было 1000 копенъ, лѣсу пашеннаго и непашеннаго въ длину и поперекъ на 1 версту. «Въ сельцѣ на Исаковѣ горѣ» (Богород. Свіяж. мон.) при 36 четяхъ пашни доброй земли въ каждомъ полѣ, сѣна по р. Свіягѣ 350 копенъ лѣсу паш. и непаш. «около поль» по смѣтѣ въ длину на версту, а поперекъ на полъ-версты; того жъ монастыря деревня Новое при 9 дворахъ крестьянскихъ и 5 четяхъ пашни добр. земли въ каждомъ полѣ 310 копенъ; деревня Агищева (Троиц. Свіяж. мон.) при 5 дв. крест. и 10 четяхъ пашни по рѣчкѣ и по горамъ 300 копенъ. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 848 л. л. 155, 237, 241, 243, 246.

[2]) Называются онѣ «мельница большое колесо».

три рубля въ годъ. Быть можетъ, значительная стоимость подобныхъ построекъ въ связи съ нѣкоторымъ рискомъ (ибо край въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія не могъ еще считаться окончательно замиреннымъ и успокоеннымъ отъ непріязненныхъ движеній инородцевъ) были причиною этого факта.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы говорили уже, что Московское правительство, послѣ завоеванія Казанскаго царства, поспѣшило роздачею земель служилымъ людямъ и православному духовенству закрѣпить край за Россіею, связавши такимъ образомъ ихъ интересы съ господствомъ въ немъ русскаго правительства. При этомъ значительная часть земель, заселенныхъ уже явившимися изъ Россіи крестьянскими общинами, обложенными со стороны правительства оброкомъ, отдана была служилому сословію, обязанному службою въ городѣ Свіяжскѣ и имѣвшему, по тогдашнимъ понятіямъ, право за свою службу на извѣстный доходъ. Теперь-же, въ виду нѣкоторыхъ явленій, съ которыми впослѣдствіи мы встрѣтимся въ земельномъ хозяйствѣ здѣшняго края, укажемъ на то, какимъ образомъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія распредѣлено было владѣніе землей въ Свіяжскомъ уѣздѣ, и въ частности, какъ распоряжались здѣсь монастыри, получившіе въ вотчину довольно значительныя пространства земли.

Кромѣ немногихъ крупныхъ и людныхъ поселеній, какъ Марквашн, Бусурманская слобода и другія, которыя раздѣлены были на части и отданы нѣсколькимъ служилымъ людямъ, остальныя земли, населенныя русскими крестьянами, всецѣло розданы были въ помѣстье служилымъ людямъ, между которыми нерѣдко встрѣчаются русскія княжескія фамиліи [2]), что

[1]) «Поволжье въ XV и XVI вѣк.», стр. 243—250.

[2]) Такъ, въ средѣ служилыхъ людей, пожалованныхъ помѣстьями въ Свіяжскомъ уѣздѣ, встрѣчаемъ князей: Андрея Ивановича Ростовскаго, Михаила Ѳедоровича сына Бахтеярова-Ростовскаго, Димитрія Ростовскаго, Никиту Ростовскаго, Бориса Семеновича Пожарскаго, братьевъ Никиту и Ѳе-

при небольшомъ количествѣ людей изъ помѣщенныхъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ—всего 34 человѣка, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Большая часть помѣстій Свіяжскаго уѣзда, особенно починки, обладали незначительнымъ населеніемъ и пахотою, слѣдовательно, они еще не успѣли пустить глубокихъ корней въ пріобрѣтенномъ краѣ. Это тѣмъ болѣе можно сказать о нихъ, что населеніе здѣсь большею частію было все пришлое, не связанное съ мѣстомъ, на которомъ оно жило, ни воспоминаніями дѣтства, ни могилами своихъ отцовъ, вслѣдствіе чего потребно было много умѣнья и осторожности, чтобъ поселки эти укрѣпились и развились, т.-е. чтобъ ихъ населеніе, пахота и другія угодья увеличивались.

Изъ православныхъ монастырей получили землю въ Свіяжскомъ уѣздѣ два монастыря: Троицкій Сергіевъ монастырь и Богородицкій. Послѣдній—значительный монастырь въ Свіяжскѣ, основанный здѣсь вскорѣ послѣ завоеванія Казанскаго царства; первымъ игуменомъ его былъ одинъ изъ членовъ просвѣтительной миссіи, снаряженной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ для утвержденія въ краѣ христіанства,—это былъ архимандритъ Германъ, впослѣдствіи архіепископъ Казанскій. Троицкій монастырь получилъ земли въ разныхъ мѣстахъ [2]). Богородицкій монастырь также получилъ свои земли не въ одномъ мѣстѣ; но его владѣнія, кажется, не такъ были разбросаны, какъ земли Троицкаго монастыря: они лежали недалеко отъ рѣки Свіяги, и лишь небольшая часть ихъ находилась нѣсколько въ сторонѣ, подлѣ рѣки Волги.

Оба монастыря, кромѣ своего естественнаго средоточія въ Свіяжскѣ, имѣли для завѣдыванія своими вотчинами еще

дора Дмитріевичей Яновыхъ, Ивана Васильевича Темкина, Романа Андреевича Приимкова, князя Сонцова; кромѣ того, были помѣстья за братьями Шеиными, изъ коихъ одного звали Михаиломъ. Тамъ же л. л. 131, 135, 141, 145, 147, 159, 171, 184, 195.

[2]) На р. р. Волгѣ, Свіягѣ, Бирлѣ, Курмышкѣ и Олгекирѣ.

по одному сельцу[1]); въ каждомъ изъ нихъ находилось по монастырскому двору и была монастырская пашня; ни въ одномъ сельцѣ не упоминается о крестьянскихъ дворахъ. Пахотной земли, какъ монастырской въ сельцахъ, такъ и крестьянской въ деревняхъ было немного. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что «иные крестьяне въ деревняхъ живутъ на льготѣ и выти не учинены и доходъ съ крестьянъ не писанъ, что еще земли не распахали», а льгота должна была миновать у крестьянъ въ разное время. Что касается дѣятельности обоихъ монастырей, то Богородицкій монастырь могъ начать свою колонизацію нѣсколько раньше[2]). Главный центръ его дѣятельности находился на мѣстѣ, подъ бокомъ, поэтому и самая дѣятельность архимандрита Германа могла быть энергичнѣе и плодотворнѣе, не говоря уже о возможности его авторитетнаго вліянія на мѣстѣ, какъ человѣка извѣстнаго лично царю, избравшему его для дѣятельности здѣсь вмѣстѣ съ епископомъ Гуріемъ и архимандритомъ Варсонофіемъ [3]). Вслѣдствіе этого, хотя оба монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ и имѣли въ это время по одному главному хозяйственному центру, но у Богородицкаго монастыря рядомъ съ сельцомъ стоятъ 2 слободки и 8 деревень съ 53 крестьянскими дворами и 27 дворами безпашенными (въ слободѣ); земли обработанной у него въ видѣ «пашни добрыя земли» 263 чети и 2460 копенъ сѣна. У Троицкаго же монастыря при сельцѣ находится лишь 2 деревни и 3 починка съ займищемъ, въ которомъ жило 30-ть дворовъ крестьянскихъ; пахотной земли въ видѣ «пашни добрыя земли» 109 четей, при

[1]) *Сельцомъ* здѣсь именовалось такое поселеніе, въ которомъ недоставало одного или же нѣсколькихъ элементовъ, необходимыхъ для того, чтобы быть селомъ. Такъ, въ настоящемъ случаѣ въ сельцѣ Богородицкаго монастыря—Исаковѣ была церковь, но не было двора священника и церковной земли; въ сельцѣ Троицкаго монастыря — Городищѣ былъ только монастырскій дворъ.

[2]) Онъ основанъ былъ въ 1555 году, а Троицкій Свіяжскій въ 1557 г.

[3]) Чтен. общ. Ист. и Древ. 1880 г. кн. 1-ая «Изложеніе хода Миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію Казанскихъ инородцевъ», А. Можаровскаго.

которыхъ 1900 копенъ сѣна; даже въ итогѣ пашеннаго лѣса, принадлежавшаго обоимъ монастырямъ, замѣтна таже разность: у Богородицкаго монастыря 315 десятинъ пашеннаго лѣса, у Троицкаго лишь 200 десятинъ.[1]).

Но, взглянувши внимательнѣе на часть земель, которыми завладѣлъ строитель Троицкаго Свіяжскаго монастыря на Волгѣ, должны будемъ признать за нимъ значительную долю прозорливости и умѣнья въ выборѣ мѣста для монастырскихъ поселковъ. При впаденіи рѣки Казанки въ Волгу, вблизи отъ Казани, на бойкомъ мѣстѣ на Волгѣ, лежали два острова, недалеко другъ отъ друга. На одномъ изъ этихъ островов, на верхнемъ, еще при царяхъ Казанскихъ, въ извѣстное время происходила ежегодно ярмарка, вслѣдствіе чего этотъ островъ получилъ наименованіе Гостиннаго. Въ этомъ мѣстѣ правый нагорный берегъ Волги, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ длины и ширины, въ то время покрытъ былъ дремучимъ, почти сплошнымъ, лѣсомъ. На этомъ берегу, не смущаясь большимъ лѣсомъ, останавливаетъ свое вниманіе строитель и выпрашиваетъ монастырю пространство на двѣ версты въ длину и на полъ версты поперекъ. «А заняли, говорится въ писцовой книгѣ, то займище Троицкаго Сергіева монастыря, что въ Свіяжскѣ городѣ, строитель съ братьею на Черномъ на дикомъ лѣсу, и строителю съ братьею на томъ займищѣ лѣсъ сѣчи и пашня распахивати и покосы росчисчати, а торгу имъ на томъ займищѣ у Волги ни котораго товару и ѣстнаго ничего не держати для Казанскихъ и Свіяжскихъ торговыхъ людей и посадскихъ торговыхъ людей, ни которыхъ людей, ни Казани, ни Свіяжскаго города на то займище не называти». Вслѣдствіе этого дозволенія «на горнѣй сторонѣ, у рѣки у Волги на берегу противъ Казанскаго устья въ Черномъ дикомъ лѣсу» является «займище новое, а на займищѣ *дворъ монастырской*, да пять шелашей, а живутъ въ нихъ монастырскіе дѣтеныши (работники), а пашни новыя роспаши въ три поля

[1]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. Свіяжск. у. № 848 л. л. 243, 248.

шесть чети, да сѣчи три десятины, покосовъ по Моркваш на 800 копенъ»[1]). Такимъ образомъ въ самомъ началѣ незначительнаго поселенія мы уже встрѣчаемъ особенность, которая указываетъ намъ какъ бы зародышъ въ немъ будущаго хозяйственнаго центра: рядомъ съ сельцомъ Городищемъ, по видимому, главнымъ центромъ монастырской дѣятельности, мы видимъ здѣсь тоже «дворъ монастырскій», въ которомъ, вѣроятно, жилъ и распоряжался представитель Троицкаго Свіяжскаго монастыря; замѣчаемъ также и начало монастырскаго хозяйства—пахоту на почвѣ, расчищенной отъ лѣса. Московское правительство, видя удобства этой мѣстности, стремится оговоркою заранѣе оградить свои интересы: оно обязываетъ монастырь не заводить здѣсь торга, чтобы не подрывать этимъ торговли сосѣднихъ правительственныхъ городовъ; не держать ничего съѣстнаго и не перезывать людей, которые живутъ въ сосѣднихъ городахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на этомъ мѣстѣ закипѣла такая энергичная и широкая дѣятельность, что монастырь уже въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія сталъ ходатайствовать у правительства о предоставленіи ему здѣсь болѣе обширнаго поля для дѣятельности, вслѣдствіе чего въ 1575 году архимандриту Троицкаго Сергіева монастыря съ братьею былъ пожалованъ «дикой и черной лѣсъ на Услонѣ на четыре версты поперекъ, а вдоль отъ Малаго Маркваша по Долгое Владычное озеро, что у Жерновскихъ горъ впало въ Волгу устьемъ, на пашни расчищати лѣсъ, противъ того Чернаго лѣса по подгорью луга на сѣно и на животной дворъ»[2]). И вотъ на мѣстѣ, на которомъ находилось лишь займище съ монастырскимъ дворомъ и шалашами для немногихъ работниковъ, появляется сельцо Услонъ съ храмомъ во

[1]) Тамъ же л. л. 247 и 248. Опись сдѣлана 1567 года.

[2]) Памятная книга Казан. губ. 1866—67 г. «Замѣчательныя селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Каз. губ.» 42 с. Въ рукоп. Арх. Мин. Юст. 1 отд. Казанск. у. за № 6431, 1594 года пространство это обозначено такъ: «лѣсу пашеннаго на 5 верстъ въ длину, а поперегъ отъ р. Волги въ гору на 4 версты», л. 26.

имя Николая Чудотворца» строенія монастырскаго и при немъ священническій дворъ. Кромѣ прежняго монастырскаго двора, въ сельцѣ теперь находится «дворъ прикащиковъ»[1]), достаточное количество крестьянъ и бобылей, составляющихъ общину, которая, будучи поддерживаема монастыремъ, развиваетъ въ началѣ девяностыхъ годовъ XVI столѣтія на пожалованной монастырю землѣ значительную дѣятельность: въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ крестьянская община сельца Услона отдѣляетъ отъ себя поселенцевъ и высылаетъ въ разныя стороны починки. Въ описи 1594 года относительно новыхъ монастырскихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ говорится прямо: «Того же села (т.-е. Услона) починки новые, а поставлены Услонской же землѣ послѣ писцовъ»[2]). Первый выселокъ 1591 года направился изъ сельца на югъ, и крестьяне поселились здѣсь въ концѣ монастырскихъ владѣній, основавши починокъ Варсонофьевъ надъ Долгимъ Владычнымъ озеромъ, что впало въ Волгу. Вторая колонія переселенцевъ вышла въ слѣдующемъ году (1592 г.) и направилась изъ сельца на западъ, гдѣ вблизи основала починокъ, «что сталъ на Печищахъ» (Печищи). Наконецъ, послѣдніе переселенцы покинули Услонъ въ 1593 году и направились какъ и первые, къ югу; здѣсь они расположились подлѣ Варсонофьева поселка и основали «починокъ Куровской, что сталъ на Услоновскомъ же лѣсу». Въ 1594 году, во время описи, всѣ эти починки не успѣли еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно отдѣлиться отъ сельца Услона: въ нихъ, по словамъ

[1]) Обязанность прикащиковъ главнымъ образомъ состояла: въ надзорѣ за исправностью платежа оброковъ и отбыванія повинностей крестьянами, въ доставленіи монастырю денегъ, собранныхъ чрезъ старостъ и цѣловальниковъ, въ доставленіи монастырю свѣдѣній о состояніи вотчины о храненіи крестьянъ отъ обидъ стороннихъ лицъ, судъ надъ крестьянами въ ихъ ссорахъ и спорахъ. «О земел. влад. Россійск. митроп.» М. Горчакова 389—390 стр.

[2]) «Послѣ писцовъ», означаетъ, что они поставлены послѣ описи 1567 г. Борисова и Кикина.

строителя, крестьяне «сѣно косятъ на Услонскихъ лугехъ, а лѣсъ къ починкамъ Услонской». По описи можно замѣтить, что состояніе каждаго починка обусловливается временемъ его возникновенія: такъ, Варсонофьевъ починокъ по своему населенію и по величинѣ пахоты былъ самый большой[1]; затѣмъ слѣдуетъ починокъ Печищи[2]), и наконецъ Куровскій починокъ носитъ характеръ только что начавшагося поселенія: въ немъ лишь 2 двора крестьянскихъ, а «пашни паханные добрые земли осьмина» въ каждомъ полѣ, при чемъ прибавлено: «*а лѣсъ въ пашню къ починку* сельца Услона по старымъ по межевымъ книгамъ». Во всѣхъ починкахъ сельца Услона крестьяне получили одинъ срокъ льготы—на 15 лѣтъ со времени поселенія крестьянъ въ починкѣ. Можно ожидать, что силы Услонской крестьянской общины отъ такой дѣятельности умалились и она сама ослабѣла; но по описи этого сказать нельзя: въ сельцѣ Услонѣ числится 29 дворовъ крестьянскихъ и 20 дворовъ бобыльскихъ; за крестьянами «пашни паханные добрыя земли 76 чети съ осьминою» въ каждомъ полѣ, а сѣна «межъ Гостинного острова и межъ горъ 3000 копенъ.» Крестьяне и бобыли состояли на оброкѣ; самый оброкъ, которымъ они обложены были со стороны монастыря, указываетъ отчасти на ихъ сравнительную зажиточность: крестьяне Услонскіе платили монастырю по 40 алтынъ съ выти[3]), въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ они платили монастырю лишь по рублю съ выти, слѣдовательно болѣе, чѣмъ на 6 алтынъ; бобыли здѣсь обложены были также не малымъ оброкомъ—по 10 алтынъ со двора[4]). Такимъ образомъ, судя по людности Услонской общины и по нѣкоторой ея зажиточности, надобно

---

[1]) Въ немъ находилось 17 дв. крестьянъ и 16 чети пашни добрыя земли въ каждомъ полѣ.

[2]) Въ немъ было 6 дворовъ крестьянъ, 2 двора боб., пашни добрыя земли 6 чети въ каждомъ полѣ.

[3]) Величина выти въ 1594 году была прежняя, т. е. по 10 четей въ каждомъ полѣ или 15 десятинъ.

[4]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грамот. № 6431 л. л. 24—27.

предположить, что здѣшнее населеніе пользовалось уже выгодами бойкой мѣстности, на которой поселилось. Даже и монастырь, стяжательный инстиктъ котораго въ этой мѣстности правительство старалось, какъ мы видѣли, сдержать,—не могъ отказаться отъ того, чтобы не завести «на берегу на Волгѣ баню для проѣзжихъ людей, и какъ ходятъ на низъ и вверхъ проѣзжіе люди и они (монахи) ее въ тѣ поры топятъ. А банной берутъ съ человѣка по полуденьгѣ. И строитель Макарей и крестьяне сказали, что банныхъ денегъ сбираютъ по 2 руб. на годъ»[1]). Вслѣдствіе этого можно сказать, что Услонская крестьянская община отдѣляла отъ себя починки, по всей вѣроятности, лишь вслѣдствіе сознанія возможности дѣлать это не только безъ ущерба для себя, но ради ожидаемыхъ отъ этого выгодъ для нея самой и для выселяемыхъ членовъ общины.

Кромѣ колонизаціоннаго центра, орудовавшаго на Услонскихъ горахъ, въ концѣ XVI столѣтія, крестьянскія общины и въ другихъ монастырскихъ поселеніяхъ съ успѣхомъ занимались пахотою и населеніе въ нихъ большею частію увеличивалось. Понятно, что съ увеличеніемъ пашни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должна была уменьшиться переложная земля и лѣсъ. Это можно замѣтить въ деревняхъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря, если только сравнить состояніе ихъ въ шестидесятыхъ годахъ съ состояніемъ въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія. Самое наименованіе поселенія «починокъ» смѣняется названіемъ «деревня», а значительнѣйшая изъ старыхъ монастырскихъ деревень Килдеево, о которой говорится, что она «поставлена на Мордовской землѣ», стала сельцомъ съ церковью монастырскаго строенія, съ дворомъ священника и дворомъ монастырскимъ, въ которомъ живетъ дворникъ[2]).

---

[1]) Тамъ же л. 33.

[2]) Деревня Ѳедяева, что былъ починокъ Ключевъ (описаніе починка на 7-ой стр. вын. 2-ая) лежитъ недалеко отъ Килдеева, въ дер. 5 дв. кр. пашни паханыя добрыя земли 6 чети, перелогу 14 чети въ каждомъ полѣ, сѣна

Если мы теперь съ правой стороны р. р. Волги и Свіяги обратимся къ лѣвой сторонѣ послѣдней, гдѣ находится старое сельцо Городище и другія поселенія Троицкаго Свіяжскаго монастыря, то и здѣсь мы встрѣтимся съ колонизаціонною дѣятельностію русскаго поселенца. Поприщемъ этой колонизаціи послужили свободныя и отчасти дѣвственныя земли по рѣкамъ Большой и Малой Бирлѣ, притокахъ р. Свіяги съ лѣвой стороны. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ на р. Бирлѣ находилась лишь одна деревня Агишево, которая съ одной стороны, количествомъ своего населенія и пахоты указываетъ на недавность своего появленія здѣсь, съ другой — своимъ названіемъ и довольно значительнымъ перелогомъ намекаетъ на то, что на этомъ мѣстѣ до появленія русскихъ существовало, вѣроятно, инородческое поселеніе, оставившее по себѣ слѣдъ въ названіи мѣстности. Кромѣ того, въ деревнѣ Агишевой есть особенность, какъ бы указывающая на то, что ея первые поселенцы были не русскіе люди: въ писцовой книгѣ прямо сказано: «а живутъ въ ней полоняники,» послѣ чего поименованы 5 дворовъ съ ихъ хозяевами, которые однакожъ названы не такимъ образомъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ русскихъ поселеніяхъ: именемъ и отчествомъ, или же прозвищемъ, а называются

подъ деревнею 30 коп.; лѣсу пашеннаго 40 десятинъ, да непашен. 5 десятинъ. Сопоставивъ съ прежнимъ описаніемъ, находимъ увеличеніе крестьянскихъ дворовъ и пахоты, уменьшеніе перелогу на столько, на сколько увеличилась пашня, и уменьшеніе непашен. лѣса; остальное осталось по прежнему. Деревня Килдеево (опись 1567 года) на р. Курмышкѣ, въ ней 19 дв. крест. (Иванко Грѣхъ, Иванко Хвостъ и другія, все русскія прозвища), пашни добрыя земли 67 чети, да перелогу 32 чети въ каждомъ полѣ; зарослей и дубровъ пашенныхъ къ тремъ полямъ 15 десят.; сѣна по р. Курмышкѣ 200 копенъ, лѣсу паш. и непаш. въ длину на 1 версту, а поперекъ на полъверсты. Сельцо Килдеево (94 году) кр. дв. 18, пашни добр. земли 83 чети, зарослей и дубровъ пашенныхъ къ 3 полямъ 15 десят., сѣна на рѣкѣ Курмышкѣ ставится 200 копенъ, лѣсу паш. и непаш. на 1 верс. длины и на полъ поперекъ. Слѣдовательно пахота увеличилась, перелога нѣтъ, однимъ крестьянскимъ дворомъ стало меньше, все остальное въ позднѣйшей описи осталось по старому, т. е. лѣсъ, сѣно и заросли. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 848 л. 245. 1 отд. Каз. у. грам. № 6431 л. 18—19.

однимъ лишь уменьшительнымъ именемъ, при чемъ въ средѣ ихъ встрѣчаются такія имена, какъ Якушъ и Улянко; и самая деревня въ девяностыхъ годахъ этого столѣтія именуется «деревня Агишева, а Улянково тожъ.» Къ концу XVI столѣтія на р. Бирлѣ, среди монастырскихъ поселеній встрѣчаемъ три деревни, вмѣсто прежней одной, и одинъ починокъ; двѣ деревни населены довольно порядочно, одна же, менѣе значительная изъ нихъ, своимъ названіемъ указываетъ намъ на то, общинѣ какого поселка она обязана своимъ происхожденіемъ: «деревня Уланкова, что былъ починокъ Уланковъ»; среди угодій деревни — починка по прежнему встрѣчаемъ «лѣсу пашеннаго около поль по смѣтѣ 7 десятинъ съ половиною.» Относительно двухъ монастырскихъ поселеній на р. Бирлѣ сказано, что они «поставлены послѣ писцовъ» (т. е. послѣ описи 1567 года) «по государевой жалованной грамотѣ въ 83 году» (1575), слѣдовательно для нихъ была получена земля монастыремъ отъ правительства вновь[1]).

Обращаясь наконецъ къ сельцу Городищу, которому въ началѣ колонизаціонной дѣятельности Троицкаго Свіяжскаго монастыря могла принадлежать значительная доля вліянія, увидимъ, что въ данное время развитіе этого центра было очень слабое сравнительно съ другими поселеніями этого монастыря. Такъ, намъ извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія, вслѣдствіе дѣятельности сельца Городища, на монастырской землѣ въ его сосѣдствѣ появляются два починка — Притыкинъ и Новый. Притыкинъ, какъ мы уже видѣли, къ концу столѣтія увеличился и сталъ деревнею Куземкиною, а починокъ Новый, стоявшій у того же Криваго озера, у котораго находилось и сельцо Городище, увеличился пахотою съ осьмухи въ каждомъ изъ трехъ полей до десятины въ трехъ поляхъ; но пахотная земля Новаго починка, отмѣченная прежде «доброю землею», къ концу XVI ст. «выпахалась»

[1]) Арх. Мин. Юст. 1 отд. Казан. уѣзд. грам. № 6431 л. 20—24.

и теперь стала «худой землею»; самый починокъ, имѣвшій прежде одинъ пустой крестьянскій дворъ, теперь не обладаетъ имъ, — о немъ сказано просто: «а тотъ починокъ пашутъ наѣздомъ изъ сельца Городища». Кромѣ незначительнаго увеличенія пашни, въ сельцѣ Городищѣ значатся роспаханными двѣ десятины перелога или пустоши Бѣлобородѣевской, которая была «припущена» къ нему. Такимъ образомъ монастырская пашня въ сельцѣ Городищѣ за 25 лѣтъ увеличилась почти лишь на одну распаханную пустошь въ двѣ десятины! Но и эта незначительная выгода является очень сомнительною, если мы примемъ во вниманіе достоинство пахотной земли, которая и прежде не богата была плодородіемъ, — она, какъ мы уже говорили, не была отмѣчена обычнымъ эпитетомъ «добрая земля»,—за это же время она истощилась въ своей производительности, такъ что вся обозначена «худою землею»[1]). Но если успѣхи пахоты, вслѣдствіе неблагопріятныхъ природныхъ свойствъ почвы,—на которой основано было сельцо Городище, главнымъ образомъ—болотистости, были сомнительны, то изобиліемъ той же влаги въ этомъ мѣстѣ обусловливалась успѣшность другихъ хозяйственныхъ занятій этого сельца. Уже въ шестидесятыхъ годахъ построена была «противъ сельца Городища за рѣкою за Свіягою на свѣтломъ ручью мельница Большое колесо; да къ той мельницѣ прибавлено луговъ, старыхъ покосовъ по обѣ стороны ручья и новыхъ росчистей 250 копенъ, да островъ за свѣтлымъ ручьемъ въ одну версту длины и

[1]) Опись 1567 года: «сельцо Городище на Кривомъ озерку на Долгомъ, близко р. Свіяги, а въ сельцѣ дворъ Монастырскій, пашни 25 чети, «да перелогу четыре чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна по р. 320 коп., лѣсу пашеного около поль 100 десятинъ.» Въ 1594 г.: «сельцо Городище и т. д., а въ немъ дворъ монастырскій, дв. старецъ Троицкаго Сергіева монастыря; да съ ними же живутъ дѣтеныши (работники); дв. крестьянинъ Васька Привалиха, паханнные худые земли ко всему сельцу и съ крестьянскою пашнею 25 чети, да *новые* роспаши, что было въ перелогѣ, пустошь Бѣлобородѣевская, пашни на тое пустоши 4 чети и припущена пуспошь къ сельцу Городищу; сѣна по р. Свіягѣ 320 копенъ, лѣсу пашен. около поль 150 десятинъ.» Писц. кн. Свіяж. у. № 848 л. 243. 1-ое отд. грам. № 6431 л. 12.

полъ-версты поперекъ»; къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ это время это была единственная мельница во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря. Быть можетъ, особенность этой немаловажной выгоды въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, вслѣдствіе которыхъ и прежде (еще до прибытія русскихъ) здѣсь было довольно значительное поселеніе—Городище, —побудила монастырскаго строителя выбрать это мѣсто для основанія перваго центральнаго пункта тогдашнимъ монастырскимъ вотчинамъ. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія уже видимъ, что «къ той монастырской мельницѣ по обѣ стороны свѣтлаго ручья луговъ, сѣнныхъ старыхъ и новыхъ покосовъ росчистей 20 десятинъ съ полудесятиною, а сѣна ставится 412 копенъ... да къ той же мельницѣ приписанъ островъ въ длину на 1 версту, а поперекъ на полъ-версты, а на томъ острову сѣнныхъ покосовъ 9 десятинъ, а сѣна ставится 180 копенъ, да некоси[1]) и зарослей сѣнныхъ покосовъ 7 десятинъ, а сѣна на тѣхъ зарослехъ ставилося 140 копенъ»[2]). Слѣдовательно усиленная эксплоатація луговъ и сѣнныхъ покосовъ на острову, на которомъ прежде сѣно оставалось безъ употребленія, является послѣдствіемъ осѣдлости русскаго человѣка на этой малоблагопріятной для земледѣлія мѣстности. Сопоставивши теперь въ результатѣ итогъ монастырской дѣятельности за 27 лѣтъ съ послѣдствіемъ его прежней дѣятельности, мы замѣтимъ, что формально «прибыло 2 сельца, да 3 деревни, да починокъ, да пустошь, что припущена въ пашню... прибыло паханные добрые и худые земли 209 чети, да перелогу добрые земли 39 чети, сѣна 2942 копны, лѣсу пашеннаго прибыло 63 десятины, да 100 дворовъ крестьянскихъ и 27 бобыльскихъ»[3]).

Но самая необходимость селиться на малоплодородныхъ земляхъ и обрабатывать ихъ, хотя бы со льготою и при мона-

[1]) Въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ поясняется иногда прибавкою «некоси осока».

[2]) Писц. кн. Свіяж. у. № 848 л. 246; 1 отд. Каз. у. грам. № 6431 л. 15.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-е отд. Казан. у. грам. № 6431 л. л. 31—32.

стырской поддержкѣ, должна была побуждать населеніе, какъ пришлое русское, такъ отчасти и туземное инородческое, двигаться далѣе и тамъ себѣ искать лучшихъ земель съ богатыми угодьями. Движеніе это могло совершаться тѣмъ смѣлѣе, что въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія мѣстность подлѣ Тетюшъ обезпечена уже укрѣпленною засѣкой, проведенной въ вѣковомъ лѣсу, который тянулся на 10 верстъ въ длину и на 8 поперекъ и упирался непосредственно въ р. Свіягу[1]). Такимъ образомъ, кромѣ сторожей, разъѣзжавшихъ въ степи и наблюдавшихъ появленіе непріятеля, земли около Тетюшъ были защищены отъ кочевниковъ и самой природой, къ которой присоединена была искусственная защита посредствомъ засѣки. И земли въ этихъ мѣстахъ во второй половинѣ XVI столѣтія отчасти уже эксплоатировались Тетюшскими служилыми людьми и мѣстными монастырями, которые большею частью и помѣщены были около города[2]). Одно изъ помѣстій, недалеко отъ Тетюшъ и засѣки на р. Улемѣ [3]), принадлежавшее помѣщику Болтину, находилось въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія въ печальномъ состояніи, не взирая на довольно благопріятныя природныя условія. По распоряженію царя Бориса, это помѣстье стало дворцовымъ, и въ немъ для поселенія принято было на льготу нѣсколько крестьянскихъ дворовъ. Въ концѣ столѣтія эти крестьяне составляли общину, которая, вышедши изъ льготы, пахала на себя выти, а на государя десятины [4]). Община состояла первоначально изъ пяти дворовъ крестьянскихъ, которые въ 1599 году вышли изъ льготы и сидѣли на тяглѣ[5]). На рѣкѣ Улемѣ находилась мельница *Большое*

[1]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 153 л. л. 1464—1467.

[2]) Тамъ же 1-ое отд. Казан. у. грам. № 6426 (1589 г.) кн. писцов. № 153, л. 1377 Акт. Истор. и Юрид., собр. Степ. Мельниковымъ, грам. 1 и 2.

[3]) Р. Улема—притокъ р. Свіяги съ правой стороны.

[4]) На выть по 2 чети ржи.

[5]) Трое сидѣли на полъ-чети выти, а двое на чети выти; на первыхъ и на вторыхъ набавлено было еще по стольку же, такъ что первые должны были платить по чети, а вторые по полу-выти.

колесо, старая государева, но пустая, ибо плотина была спущена, а мельникъ означенъ живущимъ въ Тетюшахъ въ жильцахъ. Въ 1599 году построена была здѣсь по царскому приказу церковь во имя Св. великомученика Ѳеодора Стратилата, и село названо Ѳеодоровскимъ.

Въ какой степени серіозно было стремленіе русскаго населенія селиться въ здѣшнихъ мѣстахъ, можно видѣть между прочимъ изъ того, что въ продолженіе едва-ли не двухъ послѣднихъ лѣтъ предъ описью община села Ѳедоровскаго приняла къ себѣ на льготу 13 крестьянскихъ дворовъ и семь дворовъ безпашенныхъ бобылей. Свободной хорошей земли для пахоты оказалось здѣсь вдоволь для всѣхъ. Первоначальные члены общины обрабатывали для себя лишь 18 четей съ осьминою, въ то время, какъ во владѣніи у общины находилось еще 142 чети въ каждомъ полѣ дикаго поля, перелогу и зарослей; что же касается угодій, то онѣ здѣсь были въ обиліи: такъ, «сѣна у села около поль и по дубровамъ и по рѣчкѣ Улемѣ 1700 копенъ»; черный и раменный лѣсъ простирался съ одной стороны до самой засѣки (па 8 верстъ), а съ другой упирался въ р. Свіягу[1]). Кромѣ русскихъ людей въ Тетюшскій уѣздъ стремились для занятія плодородныхъ земель и богатыхъ угодій также и инородцы. Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь около села Ѳедоровскаго землю Черемисина Цивильскаго уѣзда, а въ самомъ началѣ XVII столѣтія вмѣстѣ съ Тетюшскими служилыми людьми сѣнными покосами владѣетъ жившая здѣсь въ трехъ деревняхъ Мордва[2]). Само правительство, стремившееся извлекать пользу изъ людей, находившихся въ его распоряженіи, при случаѣ селило плѣнныхъ на здѣшней окраинѣ въ качествѣ служилыхъ людей. Такъ, въ концѣ XVI столѣтія (1599 г.) двадцать Тетюшскихъ служилыхъ плѣнниковъ получили въ двухъ поляхъ 400 четей[3]). Но не на

[1]) Писцов. кн. № 153 л. л. 1464—1467.

[2]) Тамъ же л. л. 1380 и 1467.

[3]) Арх. Мин. Юст. Вотч. от. № 6740, кн. 1-я № 2-й.

одних окраинах Поволжья мы встрѣчаемся съ заселеніем свободныхъ земель: въ концѣ XVI и въ первыхъ годахъ XVII столѣтій энергією русскихъ людей, преимущественно изъ «верховыхъ мѣстъ», заселяются свободныя земли въ Нижегородскомъ уѣздѣ по правой и по лѣвой сторонѣ Волги. Община поселенцевъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, составлялась изъ людей, которые, выражаясь ихъ словами, «посошлись изъ дальнихъ мѣстъ и дворы поставили, и лѣсъ сѣкли, и перелоги раздирали, землю роспахали» и поселились на украйнѣ близко Черемисъ[1]). Изъ приведеннаго очерка можно видѣть, на сколько успѣшно въ концѣ XVI и въ первые годы XVII столѣтій совершалось заселеніе Свіяжскаго и Тетюшскаго уѣздовъ, этихъ окраинъ Московскаго государства въ Поволжьѣ. Между тѣмъ въ началѣ XVII столѣтія въ Россіи наступило время, когда колонизація Свіяжскаго уѣзда, энергично начатая и успѣшно продолжавшаяся, должна была замедлиться на нѣкоторое время въ силѣ и энергіи своего движенія. Какъ извѣстно, со смертью Бориса Годунова начинается эпоха смутъ, когда на Руси совсѣмъ не существовало общепризнанной и авторитетной власти и когда каждая изъ борющихся сторонъ старалась извлечь для себя побольше матеріальныхъ средствъ, не стѣсняясь при этомъ экономическимъ положеніемъ платящихъ. Такъ, мы знаемъ, что Вологодцы, признавшіе царемъ Лжедимитрія II-го, подверглись отъ него значительнымъ поборамъ съ сохи, съ выти и разнымъ натуральнымъ повинностямъ,—особенно значительны были послѣднія. Когда же однажды сверхъ этого отъ Лжедимитрія пришли грамоты съ новыми требованіями, то «какъ тѣ обѣ грамоты въ народѣ прочли, и Вологжане противъ тѣхъ грамотъ ничего не сказали, а иные многіе заплакали»[2]). Въ это время, кромѣ

[1]) Нижегород. Губерн. Вѣд. 1848 г. Акты Нижегородскихъ монастырей: Печерскаго и Благовѣщенскаго, № 6, грам. № 14; № 13, грам. № 51.

[2]) А. А. Э. т. II-ой № 88-й.

поборовъ и злоупотребленій всякаго рода властей, всѣ противообщественные элементы русскаго общества, сдерживаемые прежде твердою рукою представителей власти, почувствовали себя свободными. А такихъ элементовъ въ русскомъ обществѣ было всегда достаточно; особенно много ихъ было на окраинахъ, вдали отъ центральной власти, въ такомъ, напримѣръ, мѣстѣ, какъ низовое Поволжье. Въ здѣшнихъ мѣстахъ къ безпокойнымъ русскимъ силамъ присоединялась значительная масса инородцевъ, какъ Черемисы, которые въ XVI вѣкѣ до подчиненія ихъ русской власти занимались грабежемъ, а послѣ покоренія Казанскаго царства своими возстаніями не мало безпокоили Московское правительство и сильно озабочивали мѣстныхъ воеводъ. Хотя при Ѳедорѣ Іоанновичѣ энергическими мѣрами, особенно постройкою укрѣпленныхъ городовъ въ нагорной и луговой сторонахъ, эти возстанія и были усмирены, однако въ этихъ мѣстахъ оставалось еще много не только горючаго матеріала, но не мало тлѣло и искръ, ожидавшихъ лишь сильнаго вѣтра, чтобы вспыхнулъ серіозный пожаръ.

Вслѣдствіе одновременнаго существованія въ русской землѣ двухъ правительствъ, изъ которыхъ каждое почитало себя какъ бы законнымъ, для честолюбія и своекорыстія многихъ смѣлыхъ и энергическихъ людей на Руси открылось поприще широкой дѣятельности. Образовались воровскія шайки, которыя не только грабили беззащитныя села и деревни, но нападали на укрѣпленные города и осаждали ихъ. Понятно, что подобныя шайки должны были отличаться особою людностью и смѣлостью въ Поволжьѣ. И дѣйствительно, мы знаемъ изъ лѣтописи, что въ царствованіе Шуйскаго «Мордва и бортники, и боярскіе холопи, и крестьяне собрався придоша на Нижней городъ, осадиша»; при этомъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что скопищемъ начальствовали двое Мордвиновъ, которые, стоя подъ Нижнимъ, «многія пакости дѣяху»[1]). Дерзость

[1]) «Старѣйшинство Мордвина Московъ да Варкодинъ» Никон. л. VIII, 82 ст.

такихъ шаекъ въ Поволжьѣ усилилась особенно въ разгарѣ смутнаго времени, около 1610 и 1611 годовъ; такъ, игуменъ Чебоксарскаго монастыря пишетъ: «въ смутное время приходили въ Чебоксаръ вольскіе казаки и они-де въ тѣ поры городъ Чебоксары взяли, и прежняго ихъ игумена Геласія съ башни скинули и многихъ посадскихъ людей въ тѣ поры побили. . . . и казну заграбили»[1]). Черемисы въ 1609 году взяли и сожгли городъ Цивильскъ[2]). Затѣмъ въ 1610 и въ 1611 годахъ шайки воровскихъ людей осаждали городъ Свіяжскъ и такъ распоряжались въ его уѣздѣ, что многіе люди, по выраженію современниковъ, «розбрелися». Вотчины Богородицкаго Свіяжскаго монастыря, лежавшія недалеко отъ города Свіяжска,—сельцо Исаково съ деревнями, тянувшими къ нему, о которыхъ выше говорено, всѣ были «отъ измѣнниковъ выжжены, а крестьяне побиты, а иные въ осадѣ померли, а иные разбрелися».[3]) Справедливость требуетъ замѣтить при этомъ, что разбойническія движенія въ Поволжьѣ не пользовались сочувствіемъ всѣхъ инородцевъ и татаръ. Среди нихъ отдѣлилось не мало людей труда и порядка, которые въ это время поддерживали русскихъ воеводъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сидѣли вмѣстѣ въ осадѣ и съ русскими же вмѣстѣ терпѣли лишенія и опасности, какъ въ городѣ, такъ, вѣроятно, и въ уѣздѣ; воеводы русскіе съ своей стороны помогали въ осадѣ подобнымъ инородцамъ и татарамъ наравнѣ съ русскими, чѣмъ только могли[4]). Хотя съ избранія Михаила Θедоровича Романова на престолъ и прекратилось междуцарствіе, но далеко еще не прекратились смуты[5]); это

[1]) Прав. Собес. 1864 Февр. 202 с. «Вліяніе монастырей на разсел. народ. въ Казан. краѣ,» выдержка изъ Чебоксарской монаст. рукоп. библіот. Казан. акад.

[2]) Чтеніе Общ. ист. и древн. Россійск. 1880 г. 1-ая кн. «Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію Казан. инородцевъ.» А. Можаровскаго, 7 стр. примѣч. 2-е

[3]) А. А. Эксп. т. III № 86.

[4]) Тамъ же.

[5]) Доп. А. И. т. II, № 17.

особенно слѣдуетъ отнести къ Поволжью, гдѣ находилось не мало воровскихъ шаекъ, которыя попрежнему продолжали опустошать край. Понятно, какія чувства такія опустошенія возбуждали здѣсь въ русскихъ людяхъ и въ тѣхъ инородцахъ, которые склонны были къ мирному земледѣльческому труду, каковыми преимущественнѣе другихъ были Чуваши и Мордва: они покидаютъ свою родину, гдѣ не находятъ безопасности, и съ небольшимъ имуществомъ отправляются въ отдаленныя отселѣ мѣста. Здѣсь они выбираютъ для поселенія мѣсто, не только удобное для земледѣлія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшее и другими выгодами, которыми они дорожили въ это время: они селятся подлѣ Волги въ мѣстахъ пустынныхъ и незамѣтныхъ съ рѣки, гдѣ вслѣдствіе этого меньше можно было ждать нападенія грабительскихъ шаекъ, шнырявшихъ по Волгѣ. При подобныхъ условіяхъ произошло основаніе и заселеніе Чувашской деревни Пролей-Каша. Въ 1611 году нѣсколько Чувашъ Свіяжскаго уѣзда пришли въ Тетюшскій уѣздъ и на югъ отъ Тетюшъ въ 15 верстахъ отъ города облюбовали «дикое поле»; поле это лежало недалеко отъ засѣки подлѣ Чернаго лѣса, къ которому «прилегли татарскія отчины бортныя угодья». Мѣсто было выбрано поселенцами очень удачно: у деревни протекала рѣчка Черемшанка, впадающая въ Волгу; вблизи находилось озеро Крестовое, соединявшееся съ Волгою, а около прилегала «дикая степь» съ сѣнными покосами. Это мѣсто, богатое всякими угодьями, лежало подлѣ самой Волги, но было закрыто и незамѣтно со стороны рѣки[1]). Эти выгоды привлекли вскорѣ сюда Чувашей не только изъ сосѣдняго Свіяжскаго, но и изъ другихъ уѣздовъ; въ одинъ лишь 1615 годъ въ Пролей-Кашинскую деревню при-

[1]) Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія Олеарій говоритъ, что за Тетюшами «до конца Волги уже не встрѣчается болѣе ни одного селенія», хотя вслѣдъ за этимъ онъ упоминаетъ объ островѣ Пролей-Кашѣ, на который онъ, повидимому, обратилъ свое вниманіе. Отсюда можно заключить, что самаго селенія, которое уже давно существовало здѣсь, не было замѣтно съ Волги. Чт. Общ. Ист. и Древ. 1869 кн. I, 421 стр.

было до 15 человѣкъ, семеро изъ Свіяжскаго уѣзда. Въ 1618 году, когда деревню описывалъ Матвѣй Пальчиковъ, она вся состояла изъ 39 дворовъ Чувашскихъ, среди которыхъ было 34 двора крестьянскихъ и 5 дв. бобыльскихъ. Всѣ Чуваши — переселенцы правой нагорной стороны Волги. Болѣе всего, какъ и слѣдовало ожидать, было переселенцевъ въ Пролей-Кашѣ изъ сосѣдняго Свіяжскаго уѣзда — 19 дворовъ; затѣмъ сосѣдній Свіяжскому и выше его лежащій по Волгѣ Цивильскій уѣздъ выслалъ въ деревню 10 дворовъ; уѣздъ, сосѣдній съ Цивильскимъ, по Волгѣ, Чебоксарскій выслалъ сюда 7 дворовъ; Курмышскій уѣздъ, выше Чебоксарскаго, выслалъ лишь 2 переселенцевъ, и наконецъ изъ Кадомскаго уѣзда, лежащаго въ сторонѣ отъ Волги, во всей деревнѣ былъ только одинъ переселенецъ. Пахотной земли у переселенцевъ, семь лѣтъ спустя, было еще немного: всего 10 четвертей въ каждомъ полѣ или 15 десятинъ; но за то среди угодій значатся: «3 мельницы мутовки, на р. Черемшанѣ, которыя были за ними на оброкѣ, да кромѣ того озеро Крестовое и сама рѣчка Черемшанка[1]). По всей вѣроятности, къ этимъ же годамъ относится выселеніе и другихъ «уѣздныхъ людей Свіяжскаго и Цивильскаго уѣздовъ», которые селились отъ Тетюшъ въ разстояніи 5, 6, 10, 20 и больше верстъ. Предполагаемъ это потому, что въ 1619 году, по дозорнымъ книгамъ, въ такомъ именно разстояніи отъ Тетюшъ земли заселены были крестьянами, ясачными татарами, Чувашами, Черемисами и Мордвою Свіяжскаго и Цивильскаго уѣздовъ [2]). Подобный наплывъ переселенцевъ изъ уѣздовъ верхняго Поволжья не могъ остаться безъ вліянія въ частности на отдѣльные поселки въ Тетюшскомъ уѣздѣ. И дѣйствительно, если мы теперь обратимся снова къ селу Ѳедоровскому и сравнимъ его прежнее состояніе съ тѣмъ, какимъ оно является вскорѣ

[1]) Писцов. кн. Каз. уѣзд. № 153, л. л. 1160 — 1167 «Книги деревни Пролей-Каще, Чювашѣ, Тетюшскаго уѣзда Матвѣева дозору Пальчикова».

[2]) Тамъ же, л. 1379.

послѣ междуцарствія, то увидимъ, что въ немъ въ 1616 году вмѣсто прежнихъ 18 дворовъ крестьянскихъ и 7 дворовъ бобыльскихъ, находится уже 60 дворовъ крестьянъ нельготныхъ и 47 дворовъ такихъ крестьянъ, которые жили на льготѣ; бобылей въ селѣ въ это время было 26 дворовъ. Кромѣ того теперь къ селу Ѳедоровскому тянетъ Тинчюринъ починокъ, который появился въ сосѣдствѣ и, вѣроятно, при содѣйствіи общины села Ѳедоровскаго; въ Тинчюринѣ починкѣ въ это время состояло 34 двора крестьянскихъ и 3 двора бобыльскихъ. Но не одинъ лишь русскій починокъ тянулъ къ селу Ѳедоровскому—къ нему были приписаны еще двѣ мордовскія деревни—починки, изъ которыхъ въ одномъ находилось 19 дворовъ, а въ другихъ 9[1]).

Хотя съ прекращеніемъ междуцарствія и былъ устраненъ одинъ изъ главныхъ источниковъ смутъ, но спокойствіе въ Московскомъ государствѣ еще далеко не вполнѣ было возстановлено; особенно это слѣдуетъ отнести къ Поволжью, гдѣ находилось достаточно людей, которымъ было выгодно нестроеніе и беззащитность русской земли. Нѣкоторые изъ такихъ людей и при существованіи вполнѣ законнаго правительства на Руси, не стѣсняясь, при случаѣ нападали на русскія окраины, грабили здѣшнее населеніе и не мало людей уводили съ собою въ плѣнъ; таковыми были кочевые обитатели степей: Ногайцы и Крымцы. Но, кромѣ степняковъ, въ русскомъ обществѣ находилось не мало своихъ людей, которые были не прочь пожить на счетъ трудоваго населенія, пользуясь и зажиточностію предпріимчиваго купца, и скромнымъ достаткомъ трудящагося земледѣльца: то были казаки. Московское правительство, вслѣдствіе скудости своихъ средствъ для борьбы съ опасностями, грозившими ему постоянно на окраинахъ, старается пользоваться для своихъ цѣлей даже безпокойною силою казачества; впрочемъ оно поступало такъ не столько для своей защиты, сколько для развѣдыванія о непріятелѣ въ степи и

[1]) Тамъ же л. л. 972—990.

о воровскихъ казачьихъ шайкахъ въ Поволжьѣ. Но, пользуясь ихъ ненадежною службою, русское правительство въ концѣ XVI вѣка не обманывало себя относительно этой силы въ Поволжьѣ; такъ, въ своихъ наказахъ тамошнимъ воеводамъ, оно рекомендуетъ имъ пользоваться удобнымъ волжскимъ путемъ лишь въ томъ случаѣ, когда «тихо будетъ на Волгѣ отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ людей и отъ казаковъ, отъ воровъ и отъ Черкасъ»[1]). Слѣдовательно и при существованіи твердой правительственной власти казаки на Волгѣ не особенно стѣсняли себя въ своей дѣятельности. Единственно, междуцарствіе, грабежи всякихъ каравановъ, отдѣльныхъ судовъ и людей на Волгѣ стали гораздо чаще; понятно, что подобное состояніе, т. е. отсутствіе твердой правительственной власти на Руси, долженствовало быть выгодно какъ Ногайцамъ, такъ и казакамъ. Еще въ самомъ началѣ смутнаго времени Ногайцы, какъ будто зная, что Московскому правительству въ то время было не до поволжскихъ окраинъ, проникли черезъ засѣку въ Тетюшскій уѣздъ, напали на находившіяся тутъ Мордовскія деревни и такъ ихъ «погромили», что онѣ и черезъ 12 лѣтъ все еще были «пустовыми деревнями»[2]). Поэтому, когда въ Россіи большинствомъ людей, сознавшихъ наконецъ необходимость прочнаго государственнаго наряда, избранъ былъ на Московскій престолъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, то въ Поволжьѣ вслѣдствіе единства выгодъ соединяются между собою Ногайцы съ атаманомъ Заруцкимъ и «собрався. . . . хотятъ итти къ Самарѣ», гдѣ въ то время засѣлъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей по освобожденію Россіи отъ непріятелей князь Димитрій Пожарскій. Узнавши объ этомъ, новое правительство снарядило весною 1614 года двухъ стрѣлецкихъ головъ, отдавши въ распоряженіе каждому по 500 стрѣльцовъ съ наказомъ: одному изъ нихъ на устьѣ рѣки Усы «поставити острожекъ и въ острожкѣ укрѣпиться»,

¹) А. И. т. I № 230.
¹) Писцов. кн. № 153, л. 1380.

а другому въ южной части Самарской луки, на переволокѣ, «гдѣ переволочатся съ Волги на Усу рѣку», тоже «поставити острожекъ и въ острожкѣ укрѣпиться»[1]). Имъ обоимъ, кромѣ помощи князю Пожарскому, велѣно «провѣдывати всякими мѣрами про астраханскихъ воровъ (Заруцкаго съ Мариною) и про воровскихъ казаковъ и про ногаи и про всякихъ воровскихъ людей, и если воровъ будетъ не много, то ему (головѣ), прося у Бога милости, на тѣхъ воровскихъ людей, приходити и надъ ними промышляти. . . смотря по тамошнему дѣлу». Сверхъ того имъ поручено было въ здѣшнихъ мѣстахъ «рыбныхъ ловцовъ ото всякихъ воровскихъ людей оберегати, чтобы воровскіе люди, съ низу безвѣстно пришедъ, рыбныхъ ловцовъ не погромили»[2]). Изъ этого можно сдѣлать двоякій выводъ: съ одной стороны, замѣтно, что низовое Поволжье въ данное время было еще далеко отъ спокойствія, хотя прошелъ цѣлый годъ со времени прекращенія междуцарствія, которое доставляло обильную пищу смутѣ; съ другой стороны можно видѣть и то, что, не взирая на сравнительно неспокойное состояніе Поволжья, на рѣкѣ Волгѣ, притомъ въ мѣстахъ очень мало населенныхъ, многіе люди занимаются рыбнымъ промысломъ и установившееся правительство почитаетъ своимъ долгомъ защищать ихъ отъ опасностей. Это было важно для правительства потому еще, что въ низовомъ Поволжьѣ въ рыбномъ промыслѣ были заинтересованы нѣкоторые богатые и вліятельные монастыри, которые «изстари по государевымъ жалованнымъ грамотамъ рыбныя ловля имѣли въ Казани на Волгѣ и ниже Тетюшъ до Самары. . . . ниже Самары и Саратова», и теперь они, вѣроятно, постарались возстановить на пожалованныхъ мѣстахъ свои рыбные промыслы[3]). Высказано даже мнѣніе, что подъ защитою вышеупомянутыхъ

¹) Слѣдовательно одинъ острожекъ построенъ былъ въ началѣ Самарской луки, а другой въ концѣ ея.
²) А. И. т. III № 252, 259, 262.
³) Арх. М. Юст. 1-ое отд. Казан. уѣзд. грам. №№ 6429, 6448.

острожковъ въ прилегающихъ къ нимъ мѣстахъ Поволжья увеличилось осѣдлое населеніе[1]). Такимъ образомъ слѣдуетъ признать стремленіе новаго Московскаго правительства возстановить на Руси и поддержать всѣми средствами порядокъ, хотя при этомъ нельзя не упомянуть, что средствъ у него, особенно на первыхъ порахъ, было очень немного. Но вслѣдствіе искренняго сознанія необходимости найти эти средства молодое правительство прежде всего старается уяснить себѣ вопросъ о платежныхъ способностяхъ народа; съ этою цѣлью оно вскорѣ разослало въ разныя мѣста служилыхъ людей, чтобъ тѣ ознакомились съ его экономическимъ состояніемъ. Среди другихъ мѣстностей такіе люди посланы были и въ Поволжье—въ Свіяжскій и въ Тетюшскій уѣзды. Существуетъ отрывочное указаніе, что въ 1614 году въ Свіяжскій уѣздъ отправленъ былъ князь Никита Волконскій съ подъячимъ Василіемъ Карповымъ для описи уѣзда; ими составлены были и поданы въ приказъ «приправочныя книги», которыми даже впослѣдствіи Московское правительство руководилось относительно помѣстій служилыхъ людей въ этомъ уѣздѣ[2]). Къ сожалѣнію книги эти, столь важныя для ознакомленія съ экономическимъ состояніемъ Свіяжскаго уѣзда послѣ смутнаго времени, не дошли до насъ. Отъ Тетюшскаго уѣзда сохранилось лишь нѣсколько дозорныхъ книгъ отдѣльныхъ селъ и деревень 1618 и 1619 годовъ. Между тѣмъ нѣкоторые факты изъ жизни Поволжскихъ городовъ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка могутъ намъ косвенно указать на тѣ разоренія, которымъ они подверглись въ смутное время. Такъ, Осипу Хлопову поручено было въ 1622 году приверстать въ городѣ Козьмодемьянскѣ сто ямскихъ охотниковъ, а онъ могъ набрать лишь

[1]) Город. посел. Рос. Имп. т. IV, 540.

[2]) Арх. Мин. Юст. подлин. писц. кн. за № 6468, кн. 30, л. 1026 Почти всѣ описи, помѣщенныя въ этой книгѣ относятся къ 1646 или 1647 г. г. и почти всѣ описывають Поволжскіе уѣзды. Къ несчастію, нѣкоторыя листы сильно истлѣли, а другіе перепутаны такъ, что пользоваться ими слѣдуетъ съ осторожностью, провѣряя копіею Свіяжскаго уѣзда, помѣщ. въ кн. 8.

50 человѣкъ, кои, образовавъ изъ себя общину, «гоняли за сто человѣкъ и государево денежное и хлѣбное жалованье имали за сто человѣкъ»; даже въ 1629 году охотники эти были въ числѣ «охудалыхъ людей ямскихъ охотниковъ» и у нихъ до ста недоставало 28 человѣкъ[1]). Такимъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній относительно экономическаго состоянія Свіяжскаго и Тетюшскаго уѣздовъ въ началѣ XVII столѣтія мы должны довольствоваться признаніемъ лишь общаго положенія, подтверждаемаго нѣкоторыми печатными актами, что оба эти уѣзда въ смутное время были довольно сильно разорены.

Если съ избранія Михаила Ѳедоровича Романова и не закончилось на Руси безпокойное время, ибо въ русскомъ обществѣ еще много оставалось элементовъ, благопріятныхъ смутѣ, то все же слѣдуетъ признать, что юридическая законность смутъ избраніемъ царя была устранена. Плѣномъ же Марины съ ея сыномъ, а, вслѣдъ за этимъ, миромъ съ Швеціею и Польшею устранена была возможность разнымъ хищникамъ прикрываться легальностью, вслѣдствіе чего люди труда и порядка мало по малу достигли спокойствія, въ которомъ они такъ нуждались для своего хозяйственнаго возрожденія. Существуютъ указанія, что около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія Поволжье въ верховыхъ частяхъ своихъ освободилось отъ безпокойствъ смутнаго времени, вслѣдствіе чего отсюда начинаются передвиженія мирнаго населенія, искавшаго себѣ выгодъ въ промысловыхъ занятіяхъ въ низовомъ Поволжьѣ[2]). Такимъ образомъ, мы опять встрѣ-

[1]) Арх. Мин. Юст. Писцов. и переп. кн. № 847 л. 32.

[2]) Въ 1621 году бояринъ и Казанскій воевода Лыковъ писалъ въ Москву, «что многіе рыбные ловцы *верховскихъ городовъ*, которые напередъ сего оброчились въ Казани въ нашихъ (т. е. правительственныхъ) водахъ, нынѣ оброчатся менши прежнево, а льготя себе оброчатся на Самарѣ и на Саратовѣ и на Царицынѣ и у Казанскаго митрополита и у монастырей.» Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. № 6429. (Собраніе грамотъ Спасскаго Преобр. монаст.).

чаемся въ Поволжьѣ съ явленіями, которыя относятся къ колонизаціонной дѣятельности. Естественно было подобнымъ явленіямъ начаться прежде всего въ мѣстахъ, которыя лежатъ близко къ густо населеннымъ частямъ Поволжья. Однимъ изъ такихъ мѣстъ было пустынное пространство на правомъ берегу Волги въ тридцати верстахъ отъ города Чебоксаръ, гдѣ протекаютъ двѣ небольшія рѣчки, впадающія въ Волгу: Верхняя и Нижняя Сундырка. Здѣсь, кромѣ высокаго берега, удобнаго для пахоты и въ то время свободнаго отъ населенія, находилось у Волги мѣсто, гдѣ могла быть устроена удобная пристань; съ противоположной же стороны въ Волгу впадали двѣ довольно значительныя рѣки: Большая и Малая Кокшаги[1]). Около двадцатаго года XVII вѣка на этомъ мѣстѣ находилась лишь «пустынька Сундырская». И вотъ здѣсь начинаютъ селиться крестьяне, образовывается небольшая община, положившая основаніе селу Сундырю, которое царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1624 году пожаловалъ въ вотчину Крутицкому митрополиту Сильвестру[2]). На бойкомъ мѣстѣ, подъ защитою сильнаго человѣка, какимъ несомнѣнно въ то время былъ митрополитъ, Сундырская крестьянская община развиваетъ значительную дѣятельность, которую, однако, мы можемъ представить лишь во внѣшнемъ ея проявленіи. Община заселяетъ не только мѣстность, непосредственно примыкающую къ Волгѣ, но отдѣляетъ отъ себя колоніи и постепенно населяетъ даже такія земли, которыя находились въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ села и отъ р. Волги. Заселеніе окружныхъ земель происходитъ въ формѣ обычной на Руси: появляются починки, которые постепенно покрываютъ собою окрестности села Сундыря. При этомъ естественно было заселиться прежде всего мѣстамъ, ближайшимъ къ селу. И, дѣйствительно, первые починки, судя по ихъ большему развитію во время описи, были именно тѣ,

[1]) Журналъ мин. Внутр. дѣлъ 1856 г. октябрь, стр. 99—101.

[2]) Памятн. кн. Казан. губ. 1868—69 г. «Замѣчат. селенія по Волгѣ въ предѣл. Казан. губ.» стр. 9.

что лежали о бокъ съ селомъ, за оврагами, въ которыхъ протекали рѣчки Верхняя и Нижняя Сундырки. Починокъ Денисовъ, вѣроятно, былъ первымъ, который отдѣлился отъ села Сундыря, ибо въ немъ при 10 дворахъ крестьянскихъ находилось 7 дворовъ бобыльскихъ, въ то время, какъ въ остальныхъ починкахъ, кромѣ Верхняго Сундыря, гдѣ тоже крестьянскихъ дворовъ было болѣе бобыльскихъ, — число крестьянскихъ дворовъ было или одинаково съ бобыльскими, или же послѣднихъ было больше первыхъ[1]). Состояніе общины въ самомъ селѣ въ сороковыхъ годахъ XVII ст. указываетъ на то, что она значительное количество починковъ могла отдѣлять въ разное время безъ ущерба для себя. Въ селѣ въ это время находились 31 дворъ крестьянъ и 46 дворовъ бобылей; преобладаніе въ селѣ бобылей надъ крестьянами какъ будто указываетъ на продолжающійся приливъ населенія передъ самою переписью. Другіе факты тоже подтверждаютъ, что въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ средѣ Поволжанъ существовало стремленіе къ выселеніямъ, при чемъ переселенія происходятъ, главнымъ образомъ, въ направленіи къ Низу. Такъ, на посадѣ Кузьмодемьянскомъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ оказалось, сравнительно съ 1622 годомъ, «прибылыхъ, живущихъ своими дворами», 19 посадскихъ дворовъ, между которыми попадаются люди съ такими прозвищами, какъ «Нижегородецъ» и «Лысковецъ»[2]). Впрочемъ крестьяне Поволжья выселялись въ это время не въ одни лишь сосѣднія или же близкія мѣста къ переселенцамъ, какъ указанныя нами, но и въ болѣе отдаленныя земли. Конечно, въ мѣста ближайшія

[1]) У села Сундыря по описи 1646 года всѣхъ починковъ было 8: поч. Денисовъ—10 дв. крест. и 7 дв. боб.; Верхній Сундырь—4 дв. кр. и 3 двора боб.; поч. Ворошиловъ—5 дв. кр. и 5 дв. боб.; поч. Костентиновъ—2 дв. кр. и 2 дв. боб.; поч. Бракинъ — 4 дв. кр. и 6 дв. боб.; поч. Подшиваловъ — 5 дв. кр. и 7 дв. боб.; поч. Моляковъ — 6 дв. кр. и 7 дв. боб. Послѣдній починокъ находился въ разстояніи 2 верстъ отъ села. Арх. М. Юст. переп. кн. 30 № 6468, л. л. 534—552.

[2]) Тамъ же, писцов. кн. № 847 л. 37. Село Лысково на прав. берегу Волги, Нижегород. уѣзда.

перейти было легче и удобнѣе; поэтому подобныя переселенія должны были совершаться охотнѣе и чаще, чѣмъ въ отдаленныя и слабо населенныя страны; но на родинѣ иногда для земледѣльца наступали условія, при которыхъ никакое разстояніе не останавливало его отъ переселенія.

Въ существованіи многихъ тяжелыхъ условій для поселянина Верхняго и Средняго Поволжья въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія мы не можемъ сомнѣваться. Какъ на явленіе довольно общаго свойства въ Московскомъ управленіи и администраціи до эпохи смутъ, можно указать на слабое развитіе чувства законности; это обусловливалось отчасти преобладаніемъ патріархальности въ понятіяхъ, какъ членовъ русскаго общества того времени, такъ и самаго правительства. Время смутъ съ своей стороны способно было лишь еще болѣе ослабить въ людяхъ привычки и чувства законности. Да и то чувство авторитетнаго страха, которое прежде могло внушать служилымъ людямъ прочное Московское правительство, въ настоящее время, вслѣдствіе молодости правительственной власти, должно было быть гораздо слабѣе. Къ этому присоединяется чрезвычайная скудость матеріальныхъ средствъ у новаго правительства и необходимость во что бы то ни стало добыть ихъ для удовлетворенія своихъ крайнихъ нуждъ. И вотъ для сбора денегъ съ большей части разореннаго и еще не вполнѣ оправившагося населенія посылаются люди, которые привыкли ни предъ чѣмъ не останавливаться. Такъ, напримѣръ, въ августовской отпискѣ царю 1618 года съ Бѣлоозера говорится: «а о посадскихъ, государь, людяхъ писали мы, холопи твои, къ тебѣ, государю, напередъ сего, что посадскихъ людей для осаднаго времени было мало, и изъ тѣхъ многіе лучшіе люди съ правежевъ разбѣглись безвѣстно съ женами и съ дѣтьми, покиня домы свои пусты; а правимъ, государь, на нихъ мы, холопи твои, твоихъ государевыхъ денегъ за Новгородскіе за хлѣбные запасы и за кабацкіе дворы и кабацкихъ же недоборныхъ денегъ, по твоимъ государевымъ грамотамъ, 970 рублей 11 алтынъ; да на нихъ же,

государь, на посадскихъ людяхъ правилъ изъ ямскаго приказа недѣльщикъ Микита Стоговъ твоихъ государевыхъ ямскихъ денегъ 683 руб. 11 алт.; да на нихъ же, государь, на посадскихъ людехъ правитъ съ патріарша двора сынъ боярской Григорій Молинъ твоихъ государевыхъ *запросныхъ денегъ* 200 рублевъ. А которые, государь, были посадскіе люди еще остались на Бѣлѣ озерѣ, и изъ тѣхъ многіе нынѣ, какъ пріѣхалъ на Бѣлоозеро съ Москвы дворянинъ Петръ Хомутовъ и атаманы и есаулы и казаки, ноугородскіе челобитчики, для твоихъ государевыхъ хлѣбныхъ денегъ, и они *изъ достальныхъ многіе розбѣжались*. . . и дворяне и дѣти боярскія живутъ по домамъ (т. е. въ деревняхъ въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ) и бѣгаютъ по лѣсомъ, а твоего государева указу не слушаютъ, въ осадъ (въ городъ) сами не ѣдутъ и крестьяномъ своимъ ѣхать не велятъ»; жалуются далѣе на то, что имъ «осады укрѣпить не-кѣмъ»[1]). Впрочемъ, и сами помѣщики, которые въ настоящемъ случаѣ какъ будто защищали своихъ крестьянъ отъ тягостей и неудобствъ осады, подъ часъ обращаются съ ними также жестоко. Это можно видѣть отчасти изъ челобитной, которую подалъ въ 1625 году на имя царя отъ лица крестьянъ староста села Ширинги Ярославскаго уѣзда. Въ этой челобитной крестьяне жалуются на своего помѣщика князя Артемья Шейдякова, который, пріѣхавши осенью въ пожалованное ему помѣстье — село Ширингу, «крестьянишекъ, что приходили къ нему по обычаю съ хлѣбами на поклонъ, билъ, мучилъ и на ледникъ сажалъ»; будучи женатъ, онъ, князь Артемій, бралъ къ себѣ на постелю татарокъ отъ некрещеныхъ татаръ; затѣмъ, взявши съ крестьянъ, «противъ государева указу», сполна денежный оброкъ за годъ, отписей въ этомъ имъ крестьянамъ, какъ полагалось, не далъ. Уѣхавши изъ села въ Ярославль, князь Артемій всѣ оброчныя деньги и платье съ себя проигралъ «веселымъ женкамъ»; послѣ чего опять съѣхалъ на Рождество въ село Ширингу,

[1]) А. А. Э. т. III № 97. Въ родѣ этого же и въ № 116 (1620 г.).

взявши съ собою въ деревню «веселыхъ»; здѣсь онъ сталъ крестьянъ мучить «смертнымъ правежемъ» въ новыхъ оброчныхъ годовыхъ деньгахъ и доправилъ на нихъ сверхъ опредѣленнаго указомъ оброка 50 рублей, да 40 ведеръ вина, да 10 варъ пива, да 10 пудъ меду. Сверхъ того, «у которыхъ крестьянишекъ были нарочитыя лошаденки, тѣхъ лошадей онъ взялъ на себя»; которые крестьяне на князя Артемья били челомъ государю объ его насильствѣ и «немѣрномъ правежѣ», на тѣхъ «онъ похваляется смертнымъ убійствомъ, хочетъ ихъ посѣкать своими руками». Въ заключеніе своей челобитной крестьяне говорятъ: «и мы, сироты твои, не перетерпя его (помѣщика своего) немѣрнаго правежа и великой муки, разбрелись отъ него розно»[1]). Если служилые люди Московскаго государства не стѣснялись такъ поступать съ людьми, которые были такими же христіанами, какъ и они сами, которые владѣли русскимъ языкомъ, могли составить челобитную и подать ее самому царю, то, понятно, что тѣ же служилые люди относительно инородцевъ могли дѣйствовать еще возмутительнѣе. Сохранилось извѣстіе, что въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія много Мордвы, которая въ Нижегородскомъ уѣздѣ занималась земледѣліемъ и бортничествомъ, разбѣжалось отъ притѣсненій и налоговъ въ разныя стороны. Когда же Московское правительство для уясненія причинъ этого бѣгства отправило въ 1630 году въ Нижегородскій уѣздъ Петра Корсакова съ подъячимъ Дружиной Огарковымъ, то слѣдователи, «сыскивая пробѣглую Мордву», дѣлали ей въ свою очередь большія насилія и притѣсненія, отъ которыхъ, понятно, оставшіеся не привязывались сильнѣе къ своей родинѣ[2]). Вслѣдствіе подобныхъ фактовъ, само правительство, посылая въ это время (1627 г.) въ городъ воеводъ, въ уѣздѣ которыхъ было много инородцевъ, въ грамотахъ своихъ внушаетъ

[1]) Ист. Росс. С. Соловьева т. IX сс. 429—431.

[2]) Нижегород. губ. вѣдомости 1848 г. № 21 грам. 117. Русскій Вѣстникъ 1867 г. ч. VI с. 513 «Очерки Мордвы» П. Мельникова.

имъ, чтобъ они, выискивая среди инородцевъ захребетниковъ, свободныхъ отъ ясака, писали въ ясакъ лишь тѣхъ людей, «которые въ двадцать лѣтъ и больше, а меньши 18 лѣтъ .. за посмѣшно бъ и малыхъ ребятъ въ ясакъ писати не велѣли. . . . *чтобъ впредь ясачные люди не розбѣжались*; и дозоромъ дозирать и валовымъ письмомъ писать Цивильскаго уѣзду Черемисскихъ волостей никого бъ не посылали и сами не ѣздили, *чтобъ тѣмъ Черемисы не ожесточить и не розогнать*»[1])

Результатомъ подобныхъ условій должно было явиться сильное передвиженіе населенія, особенно въ такихъ уѣздахъ, которые лежатъ въ предѣлахъ Волжскаго пути. При этомъ естественно, что тѣ землевладѣльцы, которыхъ вотчины пострадали отъ смутъ во время междуцарствія, должны были теперь стараться всѣми средствами улучшить состояніе своихъ земель, большей частью разоренныхъ и лишенныхъ значительной части своего населенія; поэтому они, вѣроятно, и не пропускали случая привлечь въ свои деревни и села новыхъ поселенцевъ. Понятно, что у вліятельныхъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, каковыми въ то время несомнѣнно были монастыри, было больше средства привлекать населеніе на свои земли. Самимъ крестьянамъ должно было быть выгоднѣе селиться на земляхъ, напримѣръ, такого монастыря, какъ Троицко-Сергіевъ, который, будучи богатъ, могъ и средствами помочь крестьянину, и льготу дать ему большую, и, наконецъ, своимъ вліяніемъ могъ его защитить на случай какихъ-нибудь претензій къ нему со стороны прежняго землевладѣльца по истеченіи 10 или 15 лѣтняго срока. Вслѣдствіе этого выселявшіеся должны были предпочтительно селиться въ Поволжье на монастырскихъ земляхъ. Посадскіе люди въ городахъ, образовывавшіе общину, которая обязана была нести довольно значительныя тягости, также заинтересованы были въ увеличеніи своего числа, ибо въ такомъ случаѣ общую сумму повинностей и тягостей они

[1]) Доп. А. И. т. II № 79.

могли разложить на большее количество лицъ, вслѣдствіе чего имъ было легче нести тягости. Подобное стремленіе къ увеличенію своихъ членовъ должно было у посадскихъ людей усилиться послѣ эпохи смутъ, потому что въ это время большая часть городовъ на Руси, особенно въ Поволжьѣ, сильно пострадала въ своей зажиточности и въ количествѣ своихъ гражданъ. Рѣдкій городъ въ Поволжьѣ не выдерживалъ осадъ отъ воровскихъ шаекъ или не откупался отъ ихъ предводителей; иные города даже были разорены во время междуцарствія и теперь должны были вновь отстраиваться. Кромѣ того, въ Поволжскихъ городахъ, какъ въ военныхъ центрахъ, обыкновенно жили стрѣльцы, число которыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Свіяжскѣ, было довольно значительное; составъ же стрѣльцовъ часто пополнялся новыми людьми изъ посадскихъ или изъ свободныхъ, гулящихъ людей. Наконецъ, самъ государь, какъ землевладѣлецъ очень крупный, обладалъ множествомъ земель въ видѣ дворцовыхъ вотчинъ, въ заселеніи и доходности которыхъ онъ всегда, а теперь особенно, былъ заинтересованъ.

Слѣдуетъ предполагать, что человѣку, который рѣшился навсегда разстаться съ родиной, жилось въ ней не особенно хорошо. Поэтому, покидая насиженное мѣсто, онъ не могъ уносить съ собою большаго имущества; особенно это слѣдуетъ сказать относительно того случая, когда переселенецъ имѣлъ въ виду мѣста, далекія отъ своей родины. Очень рѣдко переселенецъ обладалъ достаточными средствами, чтобъ онъ могъ на мѣстѣ, гдѣ рѣшилъ поселиться, сейчасъ же заняться постройкою для себя избы. Вслѣдствіе этого поселиться на время у кого-нибудь изъ мѣстныхъ людей, перебиться кое-какъ нѣкоторое время, помогая своею работою человѣку, который его принялъ въ свою избу, было часто для переселенца на новомъ мѣстѣ необходимостью. Впослѣдствіи, обзаведшись своею избою и нѣкоторымъ хозяйствомъ, переселенецъ, по естественному разсчету, долженъ былъ брать на себя сначала небольшой оброкъ, поджидая, когда у него подростутъ дѣти и увеличатся

его хозяйственныя средства. Поэтому переселенецъ чаще всего долженъ былъ являться на новомъ мѣстѣ захребетникомъ, подсосѣдникомъ или сосѣдомъ у мѣстнаго крестьянина или у бобыля; иногда, впрочемъ очень рѣдко, даже у сосѣда встрѣчается подсосѣдникъ или захребетникъ. И вотъ впослѣдствіи сосѣдъ или захребетникъ становится бобылемъ и затѣмъ уже дѣлается крестьяниномъ. Но при поддержкѣ на новомъ мѣстѣ со стороны общины, членомъ которой становился переселенецъ, или же при помощи землевладѣльца, на землѣ котораго селился, онъ могъ съ разу, смотря по семьѣ, — если были взрослые,—и по поддержкѣ, стать бобылемъ или же крестьяниномъ [1]).

Слѣдуетъ предположить, что энергическаго человѣка, которому на родинѣ плохо жилось, въ Поволжьѣ прежде всего могъ привлечь къ себѣ городъ, который на этомъ бойкомъ пути въ томъ или иномъ мѣстѣ былъ торговымъ и административнымъ центромъ, гдѣ, слѣдовательно, онъ могъ надѣяться, что его энергія и смѣтка найдутъ себѣ скорое примѣненіе и хорошую оцѣнку. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, какъ мы видѣли, въ Козьмодемьянскѣ между посадскими встрѣчаемся съ 19-ю «прибылыми»; кромѣ посадскихъ, въ городѣ на посадѣ жило 13-ть дворовъ «прибылыхъ бобылей» и шестеро захребетниковъ «приходцевъ» [2]). Это было въ концѣ двадцатыхъ годовъ; впослѣдствіи контингентъ подобныхъ людей въ городахъ Поволжскихъ долженъ былъ увеличиться. Дѣйствительно, по описи 1646 года, въ городѣ Чебоксарахъ на посадѣ, кромѣ 23 человѣкъ, «у которыхъ своихъ дворовъ нѣтъ, живутъ въ сосѣдехъ», встрѣчаемъ 38 человѣкъ «дворовыхъ захребетниковъ» и 11 человѣкъ «бобылей и захребетниковъ безъ дворовъ» [3]). Въ городѣ же Свіяжскѣ можно найти въ описываемое

[1]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 6468 л. 1033.
[2]) Тамъ же писцов. кн. № 847 лл. 37 и 90.
[3]) Казань. переписн. кн. 30 № 6468 лл. 482—494.

время слѣды еще большаго числа пришлаго люда, живущаго на посадѣ и занятаго тутъ различными дѣлами. Такъ, кромѣ обычныхъ сосѣдей, подсосѣдниковъ и захребетниковъ, живущихъ у посадскихъ людей, мы находимъ, что «у посадскихъ людей живутъ въ сосѣдствѣ посадскіе жъ люди»; далѣе встрѣчаемъ, что «посадскіе бобыли живутъ въ сосѣдствѣ у посадскихъ же людей... да посадскіе жъ люди и бобыли живутъ на дворничествѣ и въ сосѣдехъ у всякихъ чиновъ людей». На посадѣ встрѣчаемся съ такими прозвищами: «Москвитинъ суконной сотни», а другой «Москвитинъ торговый человѣкъ». Затѣмъ, на дворничествѣ живетъ «земскій захребетникъ», а у Свіяжскаго стрѣльца въ сосѣдяхъ «земскій бобыль»[1]). Съ признаками люда пришлаго изъ верхнихъ частей Поволжья встрѣчаемся въ Свіяжскѣ между стрѣльцами, среди которыхъ изрѣдка попадаются такія прозвища, какъ «Костромитинъ» или же «Нижегородецъ»[2]).

Если теперь отъ города Свіяжска обратимся къ селамъ и деревнямъ Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ и сравнимъ ихъ состояніе въ 1646 году съ тѣмъ, въ какомъ они находились въ концѣ XVI столѣтія, то мы найдемъ въ нихъ значительную перемѣну относительно числа дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. Но, разумѣется, какъ прежде, такъ и теперь, не всѣ монастырскія поселенія двигаются впередъ съ одинаковымъ успѣхомъ. И прежде мы видѣли, что поселки, основанные на плохой землѣ и при другихъ малоблагопріятныхъ условіяхъ, развивались очень медленно сравнительно съ тѣми, условія которыхъ предоставляли поселенцамъ больше выгодъ. Въ настоящее время замѣчается тоже, только съ тѣмъ различіемъ, что теперь, при болѣе значитель-

[1]) Тамъ же, лл. 638, 644, 652, 655, 673.

[2]) Стрѣльцы въ Свіяжскѣ дѣлились на «пахотныхъ стрѣльцовъ», которыхъ было 34 двора, затѣмъ, просто «стрѣльцы»—послѣднихъ находилось въ городѣ 96 дворовъ; въ ихъ средѣ встрѣчается около 10 дворовъ вдовъ стрѣлецкихъ, у которыхъ въ сосѣдяхъ живутъ часто стрѣльцы. Тамъ же лл. 673—680.

номъ промежуткѣ времени, особенности эти выступаютъ нѣсколько рѣзче.

Въ концѣ XVI столѣтія среди поселеній Троицкаго Свіяжскаго монастыря находились три сельца. Этимъ сельцамъ естественно было за такой значительный промежутокъ времени стать селами, не смотря на разореніе смутной эпохи. Дѣйствительно, такое превращеніе совершилось съ двумя сельцами: съ Услономъ и съ Кильдеевымъ, а Городище и черезъ 50 лѣтъ осталось сельцомъ. Но рядомъ съ развитіемъ старыхъ центровъ въ монастырскихъ поселеніяхъ за это время успѣли образоваться и выступили новыя средоточія дѣятельности. Одинъ изъ такихъ новыхъ центровъ составился изъ двухъ незначительныхъ поселковъ сельца Услона, которые находились въ очень близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго: изъ починковъ Варсонофьева и Куровскаго Починокъ Варсонофьевъ сперва расположенъ былъ нѣсколько выше, и его жители на старомъ мѣстѣ терпѣли недостатокъ въ водѣ; кромѣ того, спускъ къ р. Волгѣ тамъ былъ неудобенъ; вслѣдствіе этого населеніе въ 1637 году переселилось оттуда на небольшую и неровную площадку при скатѣ горы, гдѣ построило церковь Успенія и, соединившись съ жителями Куровскаго починка, образовало вмѣстѣ съ нимъ село, которое стало именоваться Нижнимъ Услономъ, въ отличіе отъ прежняго Услона, называющагося съ тѣхъ поръ Большимъ или же Верхнимъ Услономъ[1]). И вотъ новый центръ обнаруживаетъ свою самостоятельную дѣятельность заселеніемъ ближнихъ мѣстъ: въ 1646 году къ Нижнему Услону тянутъ два новыхъ поселенія: деревня Студенецъ и починокъ Воробьевъ, появившіеся по сосѣдству и, вѣроятно, не безъ содѣйствія крестьянской общины села Нижняго Услона; въ деревнѣ Студенцѣ въ это время и бобыли еще были общіе съ селомъ[2]). Другой изъ

[1]) Писцов. кн. за № 1127 л. 990. Памятн. кн. Казан. губ. 1866—1867 гг. «Замѣч. селен. по Волгѣ въ пред. Каз. губ.» стр. 42.

[2]) Въ селѣ Нижнемъ Услонѣ въ 1646 г. находились: «дворъ мона-

новыхъ центровъ образовался между монастырскими поселеніями, находившимися на р. Бирлѣ, притокѣ рѣки Свіяги съ правой стороны. Такимъ центромъ стала здѣсь деревня Селменцова, упоминаемая впервые въ описи 1594 года, слѣдовательно, какъ и Нижній Услонъ, принадлежавшая не къ самымъ старымъ монастырскимъ поселеніямъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ, община деревни Селменцовой своею дѣятельностью успѣла при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ возвыситься надъ общинами иныхъ, болѣе старыхъ поселковъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и ихъ деревня, переименованная въ село Новое, стала центромъ, къ которому тянутъ другія монастырскія поселенія на р. Бирлѣ. Состояніе Новаго села въ 1646 году, быть можетъ, условливавшееся отчасти уже его новымъ положеніемъ среди монастырскихъ поселеній, указываетъ намъ на его значительное преимущество въ это время. Между тѣмъ какъ въ остальныхъ деревняхъ, расположенныхъ въ этой мѣстности и тявувшихъ къ Новому селу, количество крестьянъ ни въ одной не достигаетъ 30 дворовъ [1]), — въ Новомъ селѣ, при церкви съ дворомъ священника и монастырскимъ дворомъ, находится 69 дворовъ крестьянскихъ и 28 дворовъ бобыльскихъ; кромѣ того, въ немъ живетъ 6 человѣкъ захребетниковъ, о которыхъ говорится, что они «живутъ переходя по крестьяномъ, а своихъ дворовъ у нихъ нѣтъ». Кромѣ старыхъ поселковъ, тянувшихъ къ Новому селу, мы встрѣчаемся здѣсь съ Новою деревнею и Новымъ почин-

стырскій, а въ немъ живетъ дворникъ и церковный дьячекъ; дворъ поповъ, дворъ пономар., 105 дв. крестьянскихъ, да у нихъ дѣтей и братьи и племянниковъ 235 чел. Да въ селѣ жъ на Нижнемъ Услонѣ и на Студенцѣ бобылей 24 дв., да у нихъ дѣтей и братьи 27 чел. да 1 чел. захребетникъ. Да къ тому жъ сельцу дер. Студенецъ, а въ ней крестьянскіе дворы 18, да у нихъ дѣтей и проч. 47 челов. да 1 чел. захребетникъ. Поч. Воробьевъ, въ немъ кр. дв. 10». Писцов. кн. № 6468 л. 789—810.

[1]) Деревня Агишево—Улянкова,—23 дв. кр. и 3 дв. боб. Дер. Корнухова, 29 дв. кр. и 2 дв. боб. Въ остальныхъ еще меньше. Тамъ же лл. 737—758.

комъ [1]), которые, быть можетъ, явились результатомъ дѣятельности общины этого новаго центра, поддерживаемаго монастыремъ.

Обращаясь теперь къ обзору прежнихъ центровъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря, изъ которыхъ двое стали селами, мы и у нихъ встрѣчаемся, вмѣстѣ съ приращеніемъ населенія, съ явленіями колонизаціонной дѣятельности; при этомъ энергія, обнаруженная селомъ Килдеевомъ, нѣсколько выдѣляетъ его сравнительно съ селомъ Большимъ Услономъ. Въ каждомъ селѣ, кромѣ дворовъ причта при церкви, въ настоящее время встрѣчаемъ по монастырскому двору и по прикащичьему [2]). Но къ селу Килдееву, кромѣ деревни Ѳедяевой, которая примыкала къ нему въ концѣ XVI ст., тянутъ теперь еще три новые починка, между тѣмъ какъ къ селу Большому Услону, кромѣ прежняго поселенія Печищи, ставшаго, правда, значительною деревнею, въ настоящее время примыкаетъ лишь починокъ Долгушевъ [3]). Наконецъ, и въ сельцѣ Городищѣ мы должны

[1]) Дер. Одинокая Береза—19 дв. крест., у котор. дѣт., брат. и племян. 53 чел. и 11 дв. боб., у коихъ и дѣтей и проч. 7 чел. да 2 чел. захреб., о которыхъ сказано: «живутъ въ той же деревнѣ по крестьянскимъ дворамъ переходя». Починокъ Рыкова Поляна, а въ ней крестьянскіе дворы — 11, у нихъ братьи, дѣтей и племянниковъ 19 чел. Тамъ же л. л. 763—767.

[2]) Въ сельцѣ Килдеевѣ въ концѣ XVI ст. не было еще двора прикащика.

[3]) Село Килдеево, «а въ немъ церковь, дворъ монастырской, а въ немъ дворникъ Агейко Ивановъ съ племянники, дворъ прикащиковъ, а въ немъ дворникъ Гришка Кузьминъ, дворъ попа, а въ немъ живетъ земской дьячекъ; крестьянскіе дворы 61, у нихъ дѣтей и братій 144 человѣка; того жъ села бобыли 7 дв., у нихъ дѣтей 7 чел., да въ томъ же селѣ захребетники живутъ по тѣмъ же крестьянскимъ дворомъ 7 чоловѣкъ, у нихъ дѣтей 2 человѣка. Починокъ Никоновъ — 23 двора крест., у нихъ дѣтей и братьи 62 чел., да 5 человѣкъ захребетн. Починокъ Кузьминъ — 7 двор. кр.; у нихъ дѣтей и братьи 17 челов. Поч. Патрикѣевъ—7 двор. крестьян., у которыхъ дѣтей и братьи 17 человѣкъ. Село Большой Услонъ—въ немъ церковь, дв. монастырской, а въ немъ живетъ прикащикъ Ларіонъ Дубанинъ; дворъ Троицкаго монастыря слуги. Да на церковной землѣ дворъ просвирни, дв. Черные старицы, дв. вдовы, дв. попа. Крестьянскіе дворы—87, у нихъ дѣтей и братьи 228 человѣкъ; да сосѣдъ и захребетниковъ 10 чел., у которыхъ дѣтей 2 чел.; бобыльскихъ дворовъ 71, у нихъ дѣтей и братьи

признать нѣкоторый успѣхъ въ развитіи, если сравнимъ его состояніе въ 1646 году съ тѣмъ, въ которомъ онъ былъ въ концѣ XVI столѣтія: въ немъ при прежнемъ монастырскомъ дворѣ, гдѣ живетъ дворникъ, мы находимъ уже не одинъ, какъ это было прежде, а пять дворовъ крестьянскихъ и три двора бобыльскихъ; кромѣ того въ немъ живетъ три захребетника, о которыхъ сказано: «живутъ въ томъ же сельцѣ по тѣмъ же крестьянскимъ дворомъ». Къ сельцу Городищу въ это время примыкаетъ лишь деревня Кузелкина, состояніе которой не показываетъ успѣшности ея роста за этотъ промежутокъ времени: въ ней 7 дворовъ крестьянскихъ и 1 дв. бобыльскій [1]). Но слишкомъ медленный ростъ сельца Городища и деревни Кузелкиной не могутъ насъ удивлять, ибо намъ извѣстны условія, съ которыми надлежало бороться мѣстному населенію при его земледѣльческомъ занятіи: высушить довольно обширное болото, отчасти покрытое и окруженное лѣсомъ,—для этого у тогдашняго крестьянина было слишкомъ мало знаній и матеріальныхъ средствъ; монастырь же, вѣроятно, находилъ мало выгодъ для себя затрачивать свои средства здѣсь въ виду незначительной прибыли, въ то время, какъ онъ могъ въ этой же странѣ, но только въ иныхъ мѣстахъ, употребить ихъ съ огромнымъ для себя барышомъ. Интересны для насъ самые вопросы: когда появляются новые поселки въ Свіяжскомъ уѣздѣ, съ которыми мы встрѣчаемся въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія, и въ какихъ мѣстахъ они первоначально основывались? Къ сожалѣнію, отвѣчать опредѣленно на первый вопросъ мы не въ состояніи, вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній, и должны пока довольствоваться указаніемъ

125 челов. Деревня Печищи—крест. дв. 52, у нихъ дѣтей и братьи 105 чел., да боб. 9 дв., у нихъ дѣтей и братьи 17 чел. Починокъ Долгушевъ—крест. дв. 13, у нихъ дѣтей и братьи 39 чел.» Писцов. кн. № 6468 лл. 768 — 790; 816—832. (И въ этомъ, и въ другихъ случаяхъ необходимо сличеніе подлинной Писцовой книги за № 6468 съ копіею за № 848, ибо въ подлинной листы нерѣдко перепутаны).

[1]) Тамъ же л. 734—736.

лишь того промежутка времени, въ которомъ новыя поселенія могли возникнуть. Намъ извѣстно, что въ 1619 году Московскимъ правительствомъ разослана была по городамъ окружная грамота, въ которой сказано: «мы приговорили во всѣ городы, которые не были въ разореньѣ, послать писцовъ; а которые городы были отъ Московскихъ людей или отъ Черкасъ въ разореньѣ и въ тѣ городы послать дозорщиковъ добрыхъ», чтобъ сдѣланы были описи «въ правду» [1]). Эта общая перепись производилась до 1625 года. Но, такъ какъ большая часть книгъ, составленныхъ въ это время, сгорѣла въ Москвѣ въ большой пожаръ 1625 г., то правительство распорядилось вновь переписать тѣ земли, книги которыхъ сгорѣли; эта перепись продолжалась до 1630 года, и составленныя книги отосланы были въ приказъ. По этимъ книгамъ и стали собираться доходы съ дворовъ; онѣ дѣйствовали до 1646 и 1647 годовъ, когда составлены были новыя описи и книги [2]). Такъ какъ въ 1646 г. всѣ вышеупомянутые починки и деревни уже встрѣчаются въ описяхъ, то мы на основаніи выраженія описи 1652 г. объ нихъ: «а въ жалованной грамотѣ (монастырю) и въ старыхъ въ писцовыхъ и въ дозорныхъ книгахъ тѣхъ деревень и починковъ затѣмъ монастыремъ не написано» [3]), можемъ предположить, что вышеупомянутые деревни и починки возникли приблизительно между двадцатыми и сороковыми годами. Относительно втораго вопроса мы въ состояніи дать болѣе обстоятельный отвѣтъ: изъ четырехъ деревень и четырехъ починковъ, появившихся вновь у Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ, 4 поселка основаны были «на ключѣ», остальные на рѣчкахъ и рѣкахъ. Кромѣ того объ нихъ о всѣхъ сказано: «*а поставлены тѣ деревни и починки* послѣ

[1]) А. А. Э. т. III, № 105.

[2]) «О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митроп., патріарх. и Св. Синода» М. Горчакова.

[3]) Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. № 1127 л. 992.

прежнихъ писцовъ и дозорщиковъ *на монастырскомъ на дикомъ лѣсу*»[1]).

Не у одного лишь Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ шло успѣшно дѣло колонизаціи, — Богородицкій монастырь нисколько не уступалъ ему въ этомъ отношеніи. Мы уже видѣли, что Богородицкій монастырь въ грамотѣ, поданной молодому царю, свидѣтельствуетъ о разореніи въ смутное время ворами не одного только его хозяйственнаго средоточія, но и всѣхъ деревень, тянувшихъ къ нему: «и сельцо Исаково и деревни выжгли и крестьянъ побили»; послѣднее выраженіе вмѣстѣ съ другимъ — «а иные (крестьяне) разбрелися» — можетъ вообще указывать намъ на плохое состояніе въ то время монастырскихъ вотчинъ; а такъ какъ въ той же грамотѣ говорится объ осадѣ и разореніи ворами города Свіяжска, то можно предположить, что и состояніе подгородныхъ монастырскихъ слободъ было не лучше. Обращаясь къ сельцу Исакову въ сороковыхъ годахъ XVII ст., мы застаемъ его селомъ, гдѣ, кромѣ прежняго монастырскаго двора, въ которомъ живутъ дворникъ и монастырскіе работники, находится 67 дворовъ крестьянскихъ и 29 дворовъ бобыльскихъ[2]); при церкви, которая была и прежде, 3 двора, изъ которыхъ въ каждомъ живетъ особый священникъ; сверхъ того, особые дворы для дьячка и для пономаря[3]). Но не только село Исаково находилось въ это время въ такомъ состояніи,— тянувшія къ нему деревни по своей людности производятъ большею частью тоже впечатлѣніе. Естественно было и монастырскимъ слободамъ подъ Свіяжскомъ за это время не только оправиться, но

---

[1]) Въ 4-хъ деревняхъ и 4 починкахъ Троицкаго монастыря находилось въ 1652 году 126 дв. крест., да 16 дв. боб., да у нихъ дѣтей и братьи и захребетниковъ 380 чел., пашни пах. добр. земли 528 чет. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 900 коп. Тамъ же л. 995.

[2]) Въ 1567 году въ сельцѣ Исаковѣ совсѣмъ не означено крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

[3]) Въ 1567 году при церкви не означено ни одного двора, принадлежавшаго причту.

и увеличиться числомъ: между ними мы встрѣчаемъ теперь одну новую, состояніе которой по числу населенія немного уступаетъ старой слободѣ[1]). Нѣсколько селъ, которыя прежде были деревнями, а также нѣсколько новыхъ «деревень—починковъ», встрѣчающихся намъ въ описи сороковыхъ годовъ Свіяжскаго уѣзда, достаточно свидѣтельствуютъ о колонизаціонной дѣятельности здѣсь, какъ отдѣльныхъ крестьянскихъ общинъ, такъ и самого Богородицкаго монастыря, умѣвшаго своимъ вліяніемъ и средствами возбуждать и поддерживать энергію и духъ предпріимчивости въ общинахъ, уже жившихъ на монастырскихъ земляхъ или же вновь появившихся. Но, кромѣ того, и у Богородицкаго монастыря, какъ это мы видѣли у Троицкаго, встрѣчаемся съ новымъ селомъ, тремя деревнями и тремя деревнями-починками[2]), о которыхъ говорится: «за Богородицкимъ монастыремъ села и деревни и починки, а въ жалованныхъ грамотахъ и въ выписяхъ и въ писцовыхъ и въ дозорныхъ книгахъ тѣхъ селъ и деревень и починковъ за тѣмъ монастыремъ не написано, потому что тѣ села и деревни и починки поставлены вновь послѣ прежнихъ писцовыхъ и дозорныхъ на монастырскомъ на вотчинниковомъ на дикомъ поверстномъ лѣсу»[3]).

---

[1]) Для примѣра: деревня Юртово (оп. 1567 г.) на р. Сухой, 3 дв. крест., пашни добр. земли 6 чети да перелогу 17 чети въ каждомъ полѣ: сѣна по р. Свіягѣ 50 коп., лѣсу паш. 30 десят. да непаш. 45 десят. Слободка на Бусурманскомъ врагѣ противъ Бусурманской слободы, а въ ней живутъ крестьяне безпашенные 15 дворовъ. Въ 1646 г. дер. Старые Юрты, а въ ней 24 дв. крестьянъ, у нихъ дѣтей, братьи и племянниковъ 71 человѣкъ; 5 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братьи 10 чел. да 1 челов. сосѣдъ. Подъ городомъ за р. Свіягою Шевлягина слобода, стоитъ на Бусурманскомъ врагѣ, противъ Бусурманской слободы; 46 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братьи и племянниковъ 74 чел. Подъ городомъ Свіяжскомъ на Коровей гривѣ (новая) слобода—35 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братьи 54 человѣка. Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. № 848 л. л. 238—240, № 6468 л. л. 834—875.

[2]) О нѣкоторыхъ изъ нихъ въ описи сказано также, что они расположены «на ключѣ».

[3]) Въ селѣ, 3-хъ деревняхъ и 3-хъ деревняхъ-починкахъ Богородицкаго монастыря находилось въ 1652 году крестьянъ 121 дворъ, да 15 двор.

Ознакомившись съ колонизаціонною дѣятельностью монастырей въ Свіяжскомъ уѣздѣ, намъ теперь слѣдуетъ обратиться къ обзору правительственной дѣятельности здѣсь относительно населенныхъ земель, которыми правительство распоряжалось въ своихъ интересахъ. Земли эти, какъ уже сказано, розданы были Московскимъ правительствомъ въ помѣстья служилымъ людямъ, обязаннымъ нести за нихъ службу по Свіяжску. Выше замѣчено было также, что правительство, отдавая въ помѣстья земли, не имѣло въ то время наклонности сильно дробить ихъ между служилыми людьми; напротивъ, въ 1567 году можно замѣтить нѣкоторое стремленіе соединять въ однѣхъ рукахъ помѣстье, которое до этого было за нѣсколькими лицами[1]). Даже болѣе населенныя и обширныя села, какъ Маркваши и Бурнашево Красное, имѣли очень ограниченное число помѣщиковъ. Совершенно иными представляются намъ помѣстья служилыхъ людей въ 1646 году: въ это время въ деревняхъ средне-населенныхъ можно довольно часто встрѣтить трехъ или четырехъ помѣщиковъ. Въ помѣстьяхъ же болѣе населенныхъ, каковыми въ это время были село Бурнашево Красное или Жилецкая слобода, число помѣщиковъ было очень порядочное[2]). Принципа—дробить помѣстья на небольшіе же-

---

боб., у которыхъ дѣтей и братьи и племянниковъ и сосѣдъ и захребетниковъ 289 человѣкъ, пашни пах. добрыя земли 782 чети въ каждомъ изъ трехъ полей, сѣна 940 коп. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. № 1127 лл. 978—979.

[1]) Такъ, напримѣръ, поступлено было съ Жилецкою слободою и съ селомъ Теньки, которыя до 1567 года были за нѣсколькими помѣщиками, а въ этомъ году каждое отдано было отдѣльному лицу. Писц. кн. № 848 лл. 137, 159.

[2]) Село Бурнашево, въ которомъ въ XVI ст. было 48 дв. крестьянъ, числилось въ помѣстьѣ за двумя помѣщиками. Въ XVII столѣтіи (1646 г.) въ немъ было 35 дв. крест. и 5 дв. боб., испомѣщено было въ немъ около 17 помѣщиковъ», при чемъ попадаются помѣщики совсѣмъ безъ крестьянъ, или же съ однимъ или 2-мя крестьянскими дворами. Въ Жилецкой слободѣ въ XVI ст. было 19 дв. крест., и она въ 1567 году отдана была въ помѣстье дьяку Безсонову; въ 1646 г. она была населена бобылями—33 дв. и находилась въ помѣстьѣ за 8 помѣщиками; за однимъ помѣщикомъ встрѣчается 1 дв. Писцов. кн. № 848 лл. 159—160, 184—185, № 6468 лл. 1060—1064, 1082 и слѣд.

ребья и раздавать ихъ уѣзднымъ служилымъ людямъ правительство XVII столѣтія держалось не только относительно русскихъ служилыхъ людей, но и относительно служилыхъ инородцевъ; такъ, напримѣръ, въ селѣ Архангельскомъ, «что бывало Татарское Бурпашево», было испомѣщено 15 чел. служилыхъ татаръ[1]); при чемъ здѣсь встрѣчаются тѣ же явленія, которыя мы видимъ въ русскихъ селахъ и деревняхъ, т. е. попадаются помѣщики съ однимъ или двумя дворами крестьянскими, и бобыльскіе дворы преобладаютъ надъ крестьянскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ указать еще на одно явленіе, нерѣдко повторяющееся въ помѣстьяхъ служилыхъ людей этого времени—на встрѣчающіеся у нихъ пустые крестьянскіе дворы, владѣтели которыхъ отмѣчены въ бѣгахъ; это, при небольшомъ большею частію количествѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи помѣщиковъ, невольно бросается въ глаза. Хотя, необходимо упомянуть, пустые дворы попадаются въ это время также и въ монастырскихъ вотчинахъ, но рѣже, чѣмъ въ помѣстьяхъ служилыхъ людей. Подобный фактъ отчасти можетъ указывать на тяжелое положеніе крестьянина у мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, которое въ это время должно было увеличиться вслѣдствіе стѣсненій крестьянъ наканунѣ отмѣны срочныхъ годовъ и окончательнаго ихъ закрѣпощенія Уложеніемъ.

Но если въ такой большой промежутокъ времени и на земляхъ служилыхъ людей можно замѣтить нѣкоторое, иногда даже значительное, приращеніе населенія[2]), если и въ ихъ рукахъ нѣкоторыя деревни, увеличившись, стали селами, если

---

[1]) Тамъ же л. 1070.

[2]) Напримѣръ: деревня Бѣлая Волошка, бывшая въ 1567 году въ помѣстьѣ за однимъ помѣщикомъ, имѣла 15 дв. крестьянъ; въ 1646 году она уже село съ церковью, при которой дворъ попа, 41 дв. кр., у которыхъ дѣтей, братьи и племянниковъ 100 чел., да 16 дв. боб., у коихъ дѣтей и братьи и плем. 22 чел. Въ селѣ испомѣщены 5 человѣкъ помѣщиковъ. Тамъже лл. 1014—1021.

починки возникали и на ихъ земляхъ [1]),—то все же необходимо признать, что дѣятельность служилыхъ людей въ Свіяжскомъ уѣздѣ относительно колонизаціи края далеко отстаетъ отъ дѣятельности здѣсь монастырей. Обусловливается это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что у служилыхъ людей большей частью во владѣніи были помѣстья, а у монастырей вотчины, слѣдовательно мотивы къ проявленію энергіи у тѣхъ и у другихъ были различны; кромѣ того, не безъ серіознаго вліянія должно было быть и то, что крестьянская община на земляхъ служилыхъ людей уже и теперь, по всей вѣроятности, какъ впослѣдствіи при Котошихинѣ, не могла пользоваться тою долею свободы, которая ей была доступна въ монастырскихъ вотчинахъ; поэтому она не могла на земляхъ первыхъ выказать ту энергію и развить такую самодѣятельность, какъ на монастырскихъ земляхъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія (1652 — 1653 гг.) произведена была новая опись Свіяжскому уѣзду, и копія съ этой писцовой книги сохранилась; поэтому мы можемъ видѣть тѣ измѣненія, которыя произошли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за этотъ небольшой промежутокъ времени въ селахъ и въ деревняхъ Свіяжскаго уѣзда. Но прежде, чѣмъ приступить къ обозрѣнію фактовъ народно-хозяйственной жизни, содержащихся въ этомъ документѣ, мы должны указать на одну особенность, встрѣченную нами въ немъ, которая отличаетъ его отъ другихъ подобнаго рода актовъ. Эта особенность состоитъ въ томъ, что большинство монастырскихъ населенныхъ земель Свіяжскаго уѣзда—слободы, села и деревни — разсматриваются въ этой писцовой книгѣ двояко: сперва описываются населенія, пахота и угодья на первоначальной или, такъ сказать, основной землѣ, а затѣмъ говорится: «да въ томъ же селѣ (или деревнѣ) сверхъ дачъ

[1]) Такъ, напримѣръ, починокъ *Сунчалѣевъ*, а въ немъ дворъ помѣщика служилаго татарина Кибяка Мурвы *Сунчалѣева*. Тамъ же лл. 1124 — 1127.

примѣрено лишніе земли», при чемъ на примѣрной землѣ указывается количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, сѣна и прочаго, и наконецъ дѣлается итогъ всему описанному, начинающійся обыкновенно словами: «обоего» — столько-то. Сопоставивши величину первоначальной или основной пахотной земли въ селахъ и деревняхъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря съ пахотою, которая находилась въ этихъ вотчинахъ въ концѣ XVI столѣтія, мы замѣтили въ общемъ ихъ приблизительное совпаденіе[1]). Вслѣдствіе этого можно предположить, что здѣсь

[1]) Для примѣра: Сельцо Услонъ по описи 1594 г. въ немъ 29 дв. кр. и 20 дв. боб., пашни 76 чети съ осьмухою въ каждомъ полѣ; сѣна 3000 коп. Село Большое Услонъ (1652 г.), а въ селѣ церковь, да въ селѣ дворъ поповъ и проч., пашни пах. церков. добрые земли 20 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 коп., да 25 дв. кр. да 5 дв. боб., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьи и захребетниковъ 71 челов., пашни пах. добрые земли 76 чети въ кажд. полѣ; сѣна 1500 копенъ. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачъ лишніе земли 443 чети съ осьминою въ каждомъ полѣ, сѣна 200 коп., а на ту, на примѣренную землю 97 дв. крестьян. да 20 дв. боб. да у нихъ дѣтей и братьевъ и зятьевъ и пасынковъ и захребетниковъ 257 челов. И обоего. . . Деревня Селменцова (оп. 1594) на р. Берлѣ, а въ ней крестьянъ 19 дв., пашни пахан. добр. земли 40 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 200 коп. Село Новое, что была деревня Селменцова (оп. 1652 г.) на р. на Берлѣ, а въ селѣ церковь съ папертью древянна клѣтски; дворъ поп. двор. дьяч., дв. просвир.; паш. пах. церк. добр. земли 20 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 40 коп., да въ селѣ дворъ монастырской, а въ немъ дворникъ, да 8 дв. крест., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ же дѣтей и братьи и племян. и захреб. 25 чел., пашни пах. добрыя земли 40 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 520 коп. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли, паш. пах. добрые земли 330 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 100 копенъ; а на ту на примѣренную землю 80 дв. крест. да 11 дв. боб., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьевъ и зятьевъ и племянниковъ и захребетниковъ 225 человѣкъ. И обоего. . . Деревня, что былъ починокъ Уланковъ (оп. 1594 г.), а въ ней крест. 6 дв. и 2 дв. боб., пашни пах. добрыя земли 21 чети въ каждомъ полѣ, да перелогу 3 чети въ каждомъ полѣ, лѣсу пашеннаго около поль 7 десят. съ $^{1}/_{2}$, сѣна 150 коп. Деревня, что былъ починокъ Уланковъ (оп. 1652 г.) на рѣкѣ на Берлѣ, а въ ней 7 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьи и племян. 20 человѣкъ, пашни паханыя добрыя земли 29 четв. въ каждомъ полѣ. Сѣна 550 коп. Да въ той же деревнѣ примѣр. сверхъ дачи лишніе земли пашен. пах. добр. земли 90 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 100 коп.; а на ту на прим. землю 16 дворовъ крестьянъ, да у нихъ дѣтей и братьи и захребетниковъ 44 чел. да 2 дв. пустыхъ крестьян. И обоего. . . Арх. Мин. Юст. 1-ое Отд. Казан. уѣзд. грам. № 6431 лл. 20—26. Писцов. кн. № 1127 лл. 985—988.

къ основной пахотѣ отнесена та земля, на которой первоначально основалась крестьянская община и которая при этомъ отмѣрена была для ея первыхъ членовъ. Кромѣ того слѣдуетъ предположить, что члены первоначальной общины удержали отмежеванную имъ землю съ угодьями для себя и для своихъ потомковъ,—новые-же члены, явившіеся, быть можетъ, послѣ междуцарствія и селившіеся тутъ же, образовывали изъ себя по отношенію къ землѣ и угодьямъ новую общину. Такимъ образомъ, первоначальная крестьянская община на монастырскихъ земляхъ относительно своихъ угодій, особенно въ пахотной землѣ, замкнулась, и пришлое населеніе селится и разростается на такъ называемой «лишней примѣренной землѣ». Когда же совершилось это раздѣленіе и впервые установлена была» примѣренная земля» въ монастырскихъ поселеніяхъ Свіяжскаго уѣзда, мы вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній рѣшительно опредѣлить не можемъ. Но, если принять во вниманіе, что количество пахоты на основной землѣ большею частью приближается къ величинѣ пахоты, которую находимъ въ монастырскихъ поселеніяхъ уѣзда въ концѣ XVI вѣка, то можно предположить, что земля въ селахъ и въ деревняхъ монастырскихъ Свіяжскаго уѣзда стала «примѣряться» лишь въ первой описи XVII вѣка, которая, вѣроятно, произведена была вскорѣ послѣ междуцарствія, когда новое правительство съ фискальною цѣлью старалось привести въ извѣстность состояніе населенныхъ земель и платежную способность своихъ подданныхъ. Нельзя ли предположить, что послѣ экономическаго погрома смутнаго времени немногіе уцѣлѣвщіе члены крестьянскихъ общинъ въ отдѣльныхъ селахъ и деревняхъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свіяжскаго уѣзда потребовали отъ нихъ утвержденія за собою и за своимъ потомствомъ пахотной земли и угодій, которыя они до эпохи смутъ сообща обработывали и уже пользовались ими, выгораживая такимъ образомъ, какъ бы въ награду себѣ и своимъ потомкамъ, произведенія своего труда отъ новыхъ пришельцевъ? Быть можетъ, и монастыри съ своей стороны, сознавая

нѣкоторую справедливость за подобными требованіями старыхъ крестьнскихъ общинъ, много потерпѣвшихъ во время междуцарствія, согласились на это.

Выше мы уже говорили о томъ, что сохранились нѣкоторыя косвенныя указанія относительно того, что въ 1614 г. изъ Москвы посланы были въ Свіяжскій уѣздъ служилые люди для описи; извѣстно, что они для правительства составили книги, на которыя оно впослѣдствіи ссылается; быть можетъ, въ этихъ-то книгахъ сдѣлана была впервые оговорка относительно этого предмета. Во всякомъ случаѣ изъ описи Свіяжскаго уѣзда 1652 года можно видѣть, что въ монастырскихъ вотчинахъ въ это время встрѣчаются большею частью двѣ разныя общины, которыя, хотя живутъ на одномъ мѣстѣ, но владѣютъ, повидимому, отдѣльно пахотною землею и сѣнными покосами. Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что и въ помѣстьяхъ, и въ вотчинахъ служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда встрѣчаемся въ это время съ примѣренною землею; но здѣсь она, вслѣдствіе, быть можетъ, крайней раздробленности помѣстій и незначительности примѣренной земли, не имѣетъ того значенія въ колонизаціи края, какъ въ монастырскихъ имѣніяхъ.

Первое, что выдѣляется въ писцовой книгѣ половины XVII столѣтія, сравнительно съ описью конца XVI столѣтія, это—малочисленность въ большинствѣ монастырскихъ вотчинъ крестьянъ и бобылей, живущихъ на первоначальной землѣ. Повидимому, погромъ смутнаго времени былъ такъ великъ, что приращеніе населенія посредствомъ нарожденія въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній не могло сгладить той убыли, которую потерпѣли крестьянскія общины на монастырскихъ земляхъ во время междуцарствія. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе большое количество населенія на «примѣренной лишней землѣ», сравнительно съ числомъ поселенцевъ на первоначальной землѣ. Судя по увеличенію населенія на примѣренной землѣ, приливъ новыхъ насельниковъ на монастырскихъ земляхъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ долженъ былъ быть довольно великъ. Понятно, что

этотъ приливъ не могъ быть одинаковъ во всѣхъ монастырскихъ вотчинахъ: на бойкихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Большомъ и Нижнемъ Услонахъ съ нѣкоторыми тянувшими къ нимъ деревнями, равно какъ въ селахъ: Новомъ, Исаковѣ, и въ иныхъ пунктахъ, приливъ былъ очень силенъ, — въ другихъ же мѣстахъ онъ былъ гораздо слабѣе. Вмѣстѣ съ умноженіемъ населенія на примѣренной землѣ замѣтно и сильное увеличеніе здѣсь пахотной земли, которая при значительномъ умноженіи населенія иногда въ нѣсколько разъ превосходитъ пахоту на первоначальной землѣ[1]). Это явленіе въ хозяйственной жизни общинъ обусловливается, по всей вѣроятности, тѣмъ, что луга могли быть съ самаго начала замѣчены первоначальными поселенцами на монастырскихъ земляхъ, которые тотчасъ же обратили на нихъ вниманіе, какъ на статью для себя чрезвычайно выгодную, особенно при трудности мѣстами скоро увеличить свою пахоту. Не то должно было происходить впослѣдствіи, когда новые сѣнокосы добывались либо очищеніемъ полянъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, либо высушиваніемъ болотныхъ пространствъ. Обѣ эти операціи сопряжены съ затратою довольно значительнаго труда, не лица, а цѣлой общины; поэтому, сѣнокосы встрѣчаются теперь въ скромныхъ размѣрахъ сравнительно съ пахотою, которая могла постепенно

[1]) Такъ, напримѣръ, *деревня, что былъ починокъ Печищи*, по обѣ стороны ручья, близко р. Волги, а въ ней 10 дв. крест., да у нихъ дѣтей и братьи и проч. 23 челов., пашни пах. доб. земли 6 чети съ осьминою въ каж. полѣ; сѣна 500 коп. Да въ той же деревнѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли, паш. пах. доб. земли 125 чети въ кажд. полѣ, сѣна 50 коп., а на ту на примѣр. землю 48 дв. крест., и 9 двор. боб., да у нихъ дѣтей и братьи и племян. и захреб. 110 челов. *Деревня Новая* (Богородицкаго монастыря), а Старая Нижняя Вязовая тожъ, на озерѣ на Вязовскомъ у р. у Волги, подъ Вязовыми горами, а въ ней 7 дворовъ кр., да у нихъ дѣтей и сосѣдъ 16 человѣкъ, пашни пах. доб. земли 45 чети въ каждомъ полѣ; сѣна 320 коп. да въ той же деревнѣ сверхъ дачи примѣрено лишніе земли пашни пах. доб. земли 104 чети въ кажд. полѣ, сѣна 80 коп., а на ту примѣрную землю 15 дворовъ крестьянъ, да 4 дв. бобылей, а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ же дѣтей и братьи 38 челов. Тамъ же писц. кн. № 1127 лл. 966, 989—990.

увеличиваться работою отдѣльной семьи при небольшой поддержкѣ со стороны. Увеличеніе пахотной земли сравнительно съ сѣнокосомъ въ этотъ періодъ времени замѣтно и на церковной землѣ въ селахъ служилыхъ людей. Въ то время, какъ въ XVI столѣтіи для причта въ селахъ Свіяжскаго уѣзда отводилось обыкновенно 6 четей пахоты въ каждомъ полѣ и 30 копенъ сѣна, въ половинѣ XVII столѣтія на земляхъ служилыхъ людей обычная величина церковной пахотной земли 16 четей въ каждомъ полѣ и 20 копенъ сѣна; въ монастырскихъ селахъ въ это время для причта отводится 20 четей пахотной земли и 30, рѣже 40 копенъ сѣна[1]). Повторяясь въ частномъ хозяйствѣ, фактъ этотъ выдѣляется также и въ общей суммѣ монастырскихъ земель, которая помѣщена въ концѣ описи землямъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свіяжскаго уѣзда[2]). Понятно, что, кромѣ сѣноковъ, въ XVII столѣтіи должны были уменьшиться, сравнительно съ прошлымъ, и лѣсныя пространства, особенно имѣя въ виду значительное увеличеніе пахотной земли въ этомъ по преимуществу лѣсномъ уѣздѣ. И дѣйствительно, съ пашеннымъ лѣсомъ въ нынѣшнее время мы встрѣчаемся только въ старомъ сельцѣ

[1]) Писцов. кн. Свіяжскаго уѣзда № 848, лл. 155, 184, № 1127 лл. 879, 966, 981, 983, 986, 988.

[2]) Въ Троицкомъ монастырѣ въ 1652 г. въ вотчинѣ было 5 селъ, да сельцо, да 5 деревень, а въ селахъ 5 церквей, пашни пах. церк. доб. земли 100 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 160 копенъ, да 104 дв. крест., да 10 дв. боб; крес. пашни пах. доб. земли 443 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 6650 копенъ. Да тогожъ монастыря въ вотчинѣ, въ селахъ и въ деревняхъ примѣрено лишніе земли сверхъ дачи паш. пах. доб. земли 2217 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 1250 коп., а на ту на примѣрную землю 469 дв. кр. да 59 дв. боб. Въ Богородицкомъ монастырѣ на первоначальной землѣ въ вотчинѣ въ 1652 г.: 2 слободки, 4 села, 15 деревень, а въ селахъ 4 церкви; пашни пах. церков. доб. земли 80 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 140 коп., 384 дв. крест., да 90 дв. боб; кр. паш. пах. доб. земли 1269 чети въ кажд. полѣ, сѣна 8025 коп. Да у тогожъ монастыря въ вотчинахъ, въ селахъ и въ деревняхъ, которыя за монастыремъ въ дачѣ написаны, сверхъ монастырской дачи примѣрено лишніе земли пашни пах. доб. зем. 2153 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 3800 коп., а на ту на примѣренную землю 340 дв. крест. и 60 дв. боб. Писц. кн. за № 1127 лл. 977—979, 994.

Городищѣ, и при томъ въ количествѣ лишь 89 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей [1]) Слѣдуетъ указать еще на одну особенность въ монастырскихъ вотчинахъ половины XVII-го столѣтія, которая довольно рѣзко отдѣляетъ ихъ не только отъ XVI столѣтія, но и отъ современныхъ вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей въ Свіяжскомъ уѣздѣ: у монастырей, кромѣ одной пустоши Богородицкаго монастыря, совершенно не упоминается о перелогахъ и зарosляхъ, что можетъ свидѣтельствовать объ успѣшной хозяйственной дѣятельности крестьянскихъ общинъ на монастырскихъ вотчинныхъ земляхъ.

Сопоставляя въ частностяхъ описаніе монастырскихъ вотчинъ Свіяжскаго уѣзда половины XVII столѣтія съ описаніями ихъ конца XVI вѣка и сороковыхъ годовъ XVII-го столѣтія, мы должны отмѣтить нѣкоторыя замѣченныя нами измѣненія, какъ въ свойствахъ почвы мѣстами, такъ и въ хозяйственной жизни вотчинъ и крестьянскихъ общинъ.

Благодаря увеличенію пахотной земли, уменьшенію лѣсовъ, изсушенію мѣстами болотъ, число ключей и источниковъ должно значительно уменьшиться, вслѣдствіе чего количество влаги и стремительность теченія воды въ небольшихъ рѣчкахъ должны были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уменьшиться. Какъ результатъ этого, мы находимъ, что въ половинѣ XVII столѣтія исчезли многія небольшія водяныя мельницы, которыя именуются «меленки колотовки». Такъ, напримѣръ, въ концѣ XVI вѣка подъ деревнею Агишево, Улянково тожъ, что лежала на р. Берлѣ, находились «3 меленки колотовки крестьянскія»; подъ починкомъ Корноуховскимъ, бывшимъ на этой же рѣчкѣ, стояли «на ручью 3 крестьянскія меленки колотовки» [2]),—со всѣми ими мы уже не встрѣчаемся въ описяхъ половины XVII столѣтія. Но за то вмѣсто маленькихъ мельницъ мы видимъ въ это время новыя, большія мельницы, назначеніе которыхъ было удовлетворять увеличившейся по-

[1]) Тамъ же л. 981.

[2]) Арх. Мин. Юст. 1-е отд. Казан. у. грам. № 6431 лл. 22 и 24.

требности вслѣдствіе умноженія населенія въ монастырскихъ вотчинахъ. Такъ, въ вотчинахъ Троице-Сергіева монастыря вмѣсто одной мельницы «Большое колесо», которую мы встрѣчали въ XVI столѣтіи, теперь находимъ 4 мельницы «Большое колесо» и одну «меленку колотовку»; на земляхъ Богородицкаго монастыря вмѣсто одной мельницы «Большое колесо» находимъ въ настоящее время 3 мельницы «Большое колесо», да 2 «меленки колотовки» [1]). Съ уменьшеніемъ влаги исчезли мѣстами препятствія къ улучшенію почвы и къ увеличенію ея производительности. Такъ, мы знаемъ, что подлѣ сельца Городища лежало большое болото; что у деревни Кузeмкиной, тянувшей къ этому сельцу, находилось «въ пашнѣ болотцо», намъ извѣстно также, что въ сельцѣ Городищѣ съ самаго начала была монастырская запашка на 25 четяхъ въ каждомъ полѣ, кромѣ крестьянской; въ деревнѣ Кузeмкинэй крестьянской пашни числилось 6 четей, или 3 десятины,—вся здѣшняя земля въ концѣ XVI столѣтія, какъ мы уже знаемъ, получила наименованіе «худой земли». Но настойчивый трудъ небольшой крестьянской общины, поддерживаемой, вѣроятно, монастыремъ, достигъ въ теченіе полустолѣтія того, что пашенная земля сельца Городища и деревни Кузeмкиной стала наконецъ «доброю землею» [2]). Среди селъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря на р. Берлѣ, гдѣ главнымъ мѣстомъ его хозяйственной дѣятельности было село Новое, въ настоящее время встрѣчаемся съ новымъ селомъ, которымъ стала «деревня Агишево, Улянково тожъ». Но состояніе села Агишева въ 1652 году, сравнительно съ его прежнимъ состояніемъ, указываетъ намъ на

[1]) Тамъ же лл. 978 и 995.

[2]) Сельцо Городище (оп. 1652 г.), а въ селѣ дворъ монастырской, а въ немъ 1 человѣкъ дворникъ, да 5 дв. кр. да 2 дв. бобыл., да у нихъ дѣтей и братіи и зятей и захребетниковъ 15 чел., *пашни паханные добрые земли 47 чети,* да лѣсу пашен. 89 чети и обоего 136 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 320 коп.; здѣсь же означена по прежнему мельница больш. кол.; да около сѣна 410 коп. Дер. Кузминина, что былъ починокъ Притыкинъ на болотѣ, а въ ней 8 дв. крест. да дв. боб., да у нихъ дѣтей и братьи и племяниковъ 21 челов., *пашни пах. доб. земли 36 чети* въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 100 копенъ. Тамъ же, л. 981.

довольно медленное развитіе этого пункта, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ, по всей вѣроятности, было и его значеніе среди монастырскихъ селъ; въ немъ не упоминается даже о монастырскомъ дворѣ, въ которомъ жилъ представитель монастырскаго хозяйства [1]). Какъ въ селѣ Агишевѣ, такъ и въ другихъ селахъ и деревняхъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свіяжскаго уѣзда, прогрессъ за настоящій промежутокъ времени (1646—1652 гг.) состоялъ не столько въ прибытіи новыхъ членовъ, сколько въ переходѣ бобылей или сосѣдей въ число крестьянъ [2]).

Обозрѣвая помѣстья и вотчины служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда, каковыми они намъ являются по описи 1652 г., мы должны признать въ хозяйственномъ отношеніи гораздо большую удовлетворительность за вотчинами. По всей вѣроятности, это обусловливается тѣмъ, что вотчина по своему типу приближалась къ собственности, вслѣдствіе чего пользовалась со стороны владѣльца лучшею хозяйственною дѣятельностью, чѣмъ помѣстье, въ прочныхъ отношеніяхъ котораго къ своему потомству владѣлецъ не такъ могъ быть увѣренъ. Вслѣдствіе этого встрѣчаемся съ такимъ, напримѣръ, фактомъ: служилый человѣкъ владѣетъ жеребьями въ четырехъ разныхъ мѣстахъ, при чемъ въ двухъ онъ владѣетъ ими какъ помѣщикъ, а въ двухъ какъ вотчинникъ,—и мы видимъ, что вотчинные жеребья лица, по составу своего населенія, находятся въ удовлетворительномъ состояніи, въ то время, какъ помѣстные жеребья въ самомъ жалкомъ положеніи,—обстоятельство, достойное тѣмъ большаго вниманія, что за шесть лѣтъ до этого состояніе одного изъ помѣстныхъ жеребьевъ, бывшаго и тогда за тѣмъ же лицомъ, находилось въ удовлетворительномъ состояніи [1]). Кромѣ того, не могло не отзываться ущербомъ на вотчинахъ и на помѣстьяхъ сильное ихъ дробленіе на небольшіе жеребья, которые были раски-

[1]) Деревня Агишево, а Улянково тожъ, (по оп. 1594 г.), на р. Бирлѣ а въ ней кр. дв. 20 и 1 дв. боб., паш. пах. доб. земли 30 чети въ кажд. полѣ, да перелогу 3 чети въ каждомъ полѣ, сѣна по рѣкѣ Бирлѣ 300 коп. Деревня Улянково (по оп. 1646 г.) 23 дв. кр., у нихъ братьи, дѣтей и племян. 50 челов., 3 дв. боб. «тое жъ деревни захребетники, а живутъ они въ той же деревни по крестьянскимъ дворамъ переходя—5 челов.» (среди нихъ 3 вдовы съ дѣтьми). По описи 1652 г.—Село, что была деревня Агишево, а Улянково тожъ, а въ немъ церковь, паш. церков. доб. земли 20 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 30 коп., да въ селѣ жъ 7 дв. кр., у которыхъ дѣтей и братьи и плем. 15 челов., пашни пах. доб. земли 33 чети въ кажд. полѣ, сѣна 350 коп. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли 91 четв. въ кажд. полѣ, сѣна 50 коп., а на ту на примѣрную земли 20 дв. кр., у которыхъ дѣтей и братьи и племян. 49 человѣкъ. Арх. Мин. Юст. 1-е Отд. Казан. уѣзда грам. № 6431 лл. 21—22; писцов. кн. № 1127 л. 986.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ селѣ Большомъ Услонѣ въ 1646 году было 87 дв. крест. и 71 дв. боб.; а въ 1652 г. 122 дв. кр. и 25 дв. боб. Въ селѣ Нижнемъ Услонѣ въ 1646 г. 105 дв. кр. и вмѣстѣ съ деревнею Студенецъ 24 дв. боб., въ этомъ же селѣ въ 1652 г. 116 дв. крест. и 12 дв. боб. Въ селѣ Новомъ въ 1646 г. 69 дв. кр. и 28 дв. боб., въ 1652 г. 88 дв. кр. и 11 дв. бобыл. Въ деревняхъ тоже. Писц. кн. за 6468 лл. 737, 768, 789 (свѣрено съ копіею). № 1127 лл. 983, 988, 990--991.

[1]) Въ селѣ Бѣлой Волошкѣ (по оп. 1646 г.) за Петромъ Тимофѣевымъ сыномъ Есипова на его жеребей при *помѣщичьемъ* дворѣ находилось 11 дв. кр. и 9 дв. боб. Въ этомъ же селѣ за нимъ (по оп. 1652 г.) «жеребей, на его жеребей дворъ помѣщиковъ, да 2 дв. крестьянскихъ пустыхъ, пашни пах доб. земли 16 чети въ кажд. полѣ, сѣна 70 копенъ. Да у него жъ Петра въ томъ же селѣ примѣрено лишніе земли пашни пах. добр. земли 8 чети съ $^1/_2$ въ кажд. полѣ, сѣна 20 коп. За нимъ же въ Жилецкой слободѣ на р. Сулицѣ (оп. 1646 г.) въ помѣстьѣ 6 дв. боб. Въ той же слободѣ (оп. 1652 г. за нимъ въ *вотчинѣ* жеребей, а на его жеребей 6 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братьи одиннадцать человѣкъ, *даны ему тѣ бобыли въ вотчину за четвертную пашню*, за 20 четвертей съ осьминою въ полѣ, а во дву потомужъ. За нимъ же въ селѣ Бурнашевѣ Красномъ или Русскомъ, на р. Сулицѣ жеребей въ *помѣстье*, а на его жеребей 2 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, пустыхъ, пашни пах. доб. земли 7 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 30 коп.; да у него жъ въ томъ же селѣ примѣрено лишніе земли пах. доб. земли осьмина въ каждомъ полѣ, сѣна 3 копны. За нимъ же въ деревнѣ Ѳедьковѣ, что былъ починокъ (починкомъ было это поселеніе въ 1567 г.) въ *вотчинѣ*, (по оп. 1652 года) половина той деревни, а на его половинѣ 3 дв. крестьян., у которыхъ дѣтей и братьи 5 челов.; паш. пах. доб. земли 10 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 60 копенъ. Да у него жъ Петра примѣрено въ той же деревнѣ сверхъ дачи его лишніе земли паш. пах. добр. земли 24 чети въ кажд. полѣ, сѣна 20 коп., а на ту примѣр. землю 5 дв. крест. да дв. боб., да у нихъ же дѣтей и братьи и сосѣд 16 челов.». Арх. Мин. Юст. III Вотчин. Отд. писцов. кн. за № 6468 лл. 1014—1021, 1060—1064; за № 1127 лл. 877, 880, 934, 948.

нуты въ разныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего хозяйственная дѣятельность служилаго человѣка должна была по необходимости разбрасываться. Въ такихъ случаяхъ помѣщику и вотчиннику трудно было услѣдить за всѣми злоупотребленіями не только по управленію, но и по суду, ибо въ настоящее время, по всей вѣроятности, начало становиться достояніемъ дѣйствительной жизни упоминаемое Котошихинымъ: «помѣщики и вотчинники вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлѣхъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ»[1]). Вслѣдствіе, вѣроятно, разбросанности помѣстныхъ и вотчинныхъ жеребьевъ, встрѣчается нерѣдко, что во дворѣ помѣщика или вотчинника на жеребьѣ живетъ не самъ онъ, а его крестьянинъ; иногда же вмѣсто двора помѣщика обозначенъ дворъ прикащиковъ[2]). Самая дробимость селъ и деревень на жеребья съ 1646 года не уменьшалась, а большей частью увеличивалась[3]). Какъ результатъ подобныхъ условій, является запущенность хозяйствъ въ помѣстьяхъ, что замѣчается не только въ запустѣніи крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, но также въ пустошахъ, въ перелогахъ и въ пашнѣ, о которой говорится: «лѣсомъ поросло». И подобные факты большею частью являются не послѣдствіемъ истощенія земли, потому что о нѣкоторыхъ пустошахъ прямо сказано: «а въ ней пашни и перелогу и лѣсомъ поросло *добрые земли*» столько-то; но самую подобную пустошь съ незначительнымъ количествомъ пахоты и сѣнокоса находимъ во владѣніи двухъ помѣщиковъ, такъ что ни одинъ не былъ серіозно заитересованъ здѣсь, ибо у нихъ иногда находились въ другихъ мѣстахъ болѣе значительные,

[1]) Котошихинъ гл. XI, ст. 3.

[2]) Писцов. кн. за № 6468 л. 1082 и др. № 1127 л. 937.

[3]) Такъ, наприм., въ селѣ Бурнашево Красное въ 1646 году состояло только около 17 помѣщиковъ, а въ 1652 году здѣсь помѣстья числились за 31 помѣщикомъ и за вдовою помѣщицей; въ другихъ, не столь значительныхъ селахъ и деревняхъ увеличеніе болѣе умѣренное, но большей частію большее, чѣмъ въ 1646 году. Писцов. кн. за № 6468 лл. 1082 и слѣд., 1014—1021; за № 1127 лл. 890 — 891, 937.

не запущенные жеребья[1]). Но и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей, какъ и въ монастырскихъ вотчинахъ, за настоящій промежутокъ времени (6 лѣтъ), можно не рѣдко замѣтить въ населеніи переходъ изъ бобылей въ крестьяне, что отчасти, быть можетъ, указываетъ на увеличеніе зажиточности въ пришломъ населеніи Свіяжскаго уѣзда, которое селилось здѣсь на земляхъ служилыхъ людей[2]). Наконецъ, разсматривая въ цѣломъ земли служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда въ отношеніи населенности, пахоты и сѣнокоса, и сопоставляя ихъ нынѣшнее состояніе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ съ ихъ состояніемъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, мы должны признать въ нихъ большею частью незначительный прогрессъ; даже въ починкахъ, которые стали пустошами, количество запущенной пахоты и сѣнокоса болѣе, чѣмъ было въ нихъ прежде. Но, сопоставляя хозяйственное состояніе земель служилыхъ людей въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVII ст. съ таковымъ же состояніемъ монастырскихъ земель, мы не можемъ не признать ихъ часто запущенными, находящимися въ печальномъ положеніи. Это, по всей вѣроятности, обусловливается тѣмъ, что крестьянская община на земляхъ служилыхъ людей, даже въ большихъ и людныхъ селахъ, обыкновенно дѣлима была системою помѣстныхъ жеребьевъ на отдѣльныя, иногда незначительныя доли[3]), вслѣдствіе чего, понятно, она не могла

[1]) «Пустошъ что былъ починокъ Жуковъ» (оп. 1652 г.): испомѣщено было здѣсь 2 служилыхъ человѣка,—за однимъ было 4 чети въ каждомъ полѣ и 25 коп., а за другимъ 5 чети въ кажд. полѣ и 10 коп. Въ 1567 г. починокъ былъ въ помѣстье за однимъ и въ немъ было тогда 6 чети въ кажд. полѣ и 25 коп. Писцов. кн. за № 1127 лл. 893, 895 896 и пр.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ Жилецкой слободѣ, бывшей въ помѣстьѣ за служилыми людьми въ 1646 году, всѣ 33 двора были бобыльскіе, а въ 1652 г. за помѣстными людьми, въ ней стояло 13 дв. крест. и 19 дв. боб. Въ селѣ Бѣлой Волошкѣ также за это время число крестьянъ увеличилось, а бобылей уменьшилось. Писцов. кн. за № 6468 лл. 1060—1064, 1262—1263. Писцов. кн. № 1127 лл. 878 и 937.

[3]) Одинъ, два, три двора крестьянскихъ и бобыльскихъ встрѣчаются у нихъ довольно часто.

проявлять своей энергіи надлежащимъ образомъ. При разнообразіи характеровъ служилыхъ людей, ихъ интересовъ, столкновеній единичныхъ самолюбій, при томъ вліяніи, которое они, какъ землевладѣльцы, должны были имѣть въ общинѣ чрезъ своихъ крестьянъ и бобылей,—нельзя было ожидать серіознаго проявленія самодѣятельности даже и въ многочисленной крестьянской общинѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить значительную экономическую зависимость отдѣльныхъ членовъ крестьянской общины отъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые въ настоящее время, по словамъ современника, «*подати свои на крестьянъ своихъ кладутъ сами*, сколько съ кого что взяти»; при этомъ ограниченіе землевладѣльческаго произвола было крайне неопредѣленно: оно, по словамъ того же современника, состояло лишь въ томъ, чтобы «подати съ нихъ (крестьянъ помѣщичьихъ и вотчинничьихъ) имати по силѣ, съ кого что мочно взяти». Хотя тотъ же авторъ и говоритъ далѣе, что отъ царя въ жалованныхъ грамотахъ служилымъ людямъ обыкновенно писалось, чтобы помѣщики и вотчинники со своихъ крестьянъ не брали «черезъ силу, чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать» [1]), грозя въ такомъ случаѣ отнятіемъ помѣстья или вотчины отъ владѣльца, — но нерѣдко въ это время попадающіяся пустыя помѣстья-жеребья свидѣтельствуютъ, что подобной угрозы служилые люди не особенно боялись; быть можетъ, это обусловливалось тѣмъ, что и правительству не было выгоды брать себѣ пустое помѣстье отъ служилаго человѣка. Впрочемъ, и самое наказаніе служилаго человѣка отобраніемъ пустаго помѣстья было для него проблематическимъ, ибо этимъ онъ не только избавлялся отъ тягости владѣть запустѣлымъ жеребьемъ, но кромѣ того могъ почитать себя освобожденнымъ отъ нѣкоторыхъ своихъ обязанностей предъ правительствомъ, которыя онъ несъ, какъ владѣлецъ извѣстнаго жеребья-помѣстья, которое запустѣло.

[1]) Котошихинъ «О Россіи», гл. XI, ст. 3.

Если въ заключеніе взглянемъ на земли, непосредственно примыкавшія къ средоточію уѣздной жизни, къ городу Свіяжску, то и здѣсь замѣтимъ тѣ же явленія, только сосредоточенныя на небольшомъ пространствѣ. Какъ въ селахъ и деревняхъ Свіяжскихъ монастырей, такъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей, въ подгородномъ стану встрѣчаемся съ «примѣренною лишнею землею», на которой расположены крестьяне и бобыли; но и здѣсь количество пахотной земли и число крестьянскихъ дворовъ въ монастырскихъ селахъ и деревняхъ превосходятъ значительно пахоту и дворы крестьянскіе въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей. Это вмѣстѣ съ пустошами и перелогами, которые встрѣчаются у послѣднихъ, подтверждаетъ высказанное прежде мнѣніе о неудовлетворительномъ хозяйственномъ состояніи земель служилыхъ людей сравнительно съ землями монастырскими въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVII столѣтія [1]). Затѣмъ въ подгородномъ же стану, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе нормальнаго состоянія въ монастырскихъ вотчинахъ крестьянскихъ общинъ, встрѣчаемся и съ монастырскою колонизаціею, выразившеюся здѣсь въ первой половинѣ XVII-го столѣтія столь же наглядно, какъ и въ другихъ мѣстахъ уѣзда. За обоими монастырями въ подгородномъ стану числится отдѣльно: «село да 10 деревень, да 4 починка, а въ дачѣ и въ книгахъ того села и

[1]) «Да въ подгородномъ же стану у помѣщиковъ и у вотчинниковъ въ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ пустошахъ сверхъ помѣстныхъ и вотчин. дачъ примѣрено лишніе земли пашни пах. доб. земли 1187 чети, да перелогу 73 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 2347 чети; а на ту на примѣр. землю 113 дв. кр. да 8 дв. боб.; да у нихъ дѣт. и брат. и сосѣдъ и захребетниковъ 236 челов. Да въ томъ же подгородномъ стану Свіяжскаго города соборные церкви у протопопа съ братіею и Бегородицкаго и Троицкаго Сергіева мон. Свіяж., въ вотчинахъ, въ селахъ и въ деревняхъ и въ пустошахъ, которые. . . . написаны сверхъ дачъ, примѣрено лишніе земли, паш. пах. доб. земли 4450 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 1050 коп.; а на ту на примѣрен. землю 812 дв. крест. да 123 дв. боб., да у нихъ дѣтей и братьевъ и тестевъ и зятьевъ и пасынковъ и внучатъ и пріемышевъ и сосѣдъ и захребетниковъ 2070 чел.». Писцов. кн. за № 1127 лл. 1005—1006.

деревень и починковъ за тѣми монастыри не написано, а поставлены они послѣ прежнихъ писцовъ и дозорщиковъ на монастырскомъ на дикомъ лѣсу»[1]).

Тетюшскій уѣздъ, подобно инымъ Поволжскимъ уѣздамъ, былъ посѣщаемъ въ смутное время воровскими шайками; поэтому Казанскіе воеводы считали необходимымъ посылать служилыхъ людей на ряду съ другими Поволжскими городами и «подъ Тетюши»[2]). Но мы могли видѣть уже по заселенію чувашской деревни Пролей-Каша, что въ смутное время нѣкоторые люди уходили въ Тетюшскій уѣздъ изъ другихъ Поволжскихъ уѣздовъ и селились здѣсь на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ, спасаясь отъ бурь междуцарствія. Судя по быстрому росту населенія въ деревнѣ Пролей-Каша и въ селѣ Ѳедоровскомъ, слѣдуетъ предположить, что небольшой Тетюшскій уѣздъ могъ скоро возстановить убыль своего населенія и оправиться отъ разореній эпохи смутъ. Чѣмъ же, однако, обусловливается сильное движеніе населенія въ Тетюшскій уѣздъ? По всей вѣроятности, обиліе свободной плодородной земли и всякаго рода угодій влекло сюда какъ предпріимчиваго русскаго человѣка, такъ и инородца. Нѣкоторые факты, съ которыми мы встрѣчаемся въ поселеніяхъ Тетюшскаго уѣзда въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, могутъ подкрѣпить высказанное предположеніе. Спустя годъ послѣ описи деревни Пролей-Каша, населеніе ея осложняется новымъ пришлымъ элементомъ, сообщившимъ ей новый характеръ. Въ 1619 году въ дозорныхъ Тетюшскихъ книгахъ эта деревня именуется уже не просто чувашскою, а «чувашскою и латышскою»; въ другой разъ здѣсь же при упоминовеніи о Крестовомъ озерѣ, которымъ, какъ было сказано, прежде владѣли изъ оброка Чуваши деревни Пролей-Каша, говорится, что

[1]) Въ этомъ селѣ, въ деревняхъ и въ починкахъ состояло 247 дв. крест. и 31 дв. боб., у которыхъ дѣтей, братьи, племянниковъ, сосѣдей и захребетниковъ 669 челов.; пашни пах. доб. земли 1309 чети въ кажд. полѣ, сѣна 1840 коп. Тамъ же лл. 1004—1005.

[2]) А. А. Эк. т. II № 157.

этимъ озеромъ «владѣютъ Пролей-Кашинскіе Латыши и Чуваша»[1]). Отсюда можно вывести, что врядъ-ли это былъ одинъ или два Латыша, попавшіе случайно въ чувашскую деревню; по всей вѣроятности, ихъ было болѣе, ибо иначе трудно допустить ту общую окраску значительной чувашской деревни, которую дѣлаютъ служилые люди, Тетюшскіе старожилы, называя ее «чувашскою и латышскою». О чрезвычайномъ изобиліи угодій въ здѣшнихъ мѣстахъ можетъ отчасти свидѣтельствовать слѣдующее: Мордва деревни Кулунчи, тянувшая къ селу Ѳедоровскому, владѣла въ это время «сѣнными покосы *безъ дачи на дикомъ полѣ* по татарскому городищу и за городище» на 15 верстъ; сами крестьяне дворцоваго села Ѳедоровскаго, «что подъ Тетюшами, владѣютъ сѣнными покосы на дикомъ полѣ до р. Брусянки, а отъ Брусянки до стараго татарскаго городища *безъ дачи на 15 верстъ и больши въ длину*»[2]).

Само село Ѳедоровское своимъ состояніемъ въ 1619 году сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было не только на рубежѣ между XVI и XVII вѣками, но даже за три года предъ этимъ, можетъ свидѣтельствовать о значительной энергіи, съ которою земледѣльческое населеніе Россіи стремилось въ страну, гдѣ начиналась полоса чернозема[3]). Сильно увеличившаяся пахота въ селѣ Ѳедоровскомъ вмѣстѣ съ прибылымъ населеніемъ въ немъ самомъ и въ починкахъ, примыкавшихъ къ нему, доказываетъ нагляднымъ образомъ, что русскіе люди и инородцы скоро оцѣнили земледѣльческія преимущества здѣшней почвы сравнительно съ супесью и суглинкомъ коренной Россіи и верховаго Поволжья[4]). Въ концѣ сороковыхъ

[1]) Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. Каз. у. № 153. «Книги дозорныя по мѣстнымъ и порозжимъ землямъ, около Тетюшъ 7127 году» лл. 1378—1379.

[2]) Тамъ же лл. 1379—1380.

[3]) Geologie des europ. Russlands von Murchison und and., bearbeitet von Leonhard., t. I, p. 344.

[4]) Въ селѣ Ѳедоровскомъ, по оп. 1599 г., пахот. крестьян. земли было 18 четей въ кажд. полѣ; да дикаго поля, перелогу и зарослей 142 чети, сѣна 1700 коп., лѣсу чернаго и рамен. по смѣтѣ въ длину на 10 верстъ, а попе-

годовъ крестьянская община дворцоваго села Өедоровскаго вмѣстѣ съ общинами деревень, тянувшихъ къ нему, какъ къ своему центру, переселены были на Симбирскую черту. Но большое количество пахотной земли, уже обработанной ими и оставленной, нагляднѣе всего свидѣтельствуетъ объ ихъ культурной дѣятельности въ Тетюшскомъ уѣздѣ [1]). Вслѣдствіе такого наплыва переселенцевъ въ Тетюшскій уѣздъ въ болѣе населенныхъ его мѣстахъ насельники пользуются уже не однѣми хорошими землями, а обращаются и къ такимъ, на которыя они вначалѣ, по всей вѣроятности, не обращали вниманія. Такъ, мы знаемъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія (1574 года) служилому человѣку Тетюшскаго уѣзда Качалу Жукову отдѣлено было подъ городомъ по рѣчкѣ Имелнѣ селище старое, подъ дворъ, подъ огородъ и подъ гуменное

рекъ до засѣки на 8 верстъ, крест. 5 дв. нельготн., 13 дв. льгот., 7 дв. боб. Въ 1616 г. Авг. 107 дв. кр. и 26 боб. дв.; въ Тинчюринѣ поч. 34 дв. кр. и 3 дв. боб. Въ мордов. деревняхъ: Кулучинской 19 дв., Янговатовой 9 дв. Въ 1619 г. въ томъ же селѣ 112 дв. кр. и 32 дв. боб. «А пашни крестьянскіе по смѣтѣ 132 чети, да перелогу и зарослей 142 чети, да церковные земли 6 чети: земля добрая, сѣна по р. Улемѣ и около поль 1700 копенъ, да на трехъ полянкахъ, что по рѣчкѣ Малиновкѣ 590 коп., лѣсу черново и рам. по смѣтѣ вдлину на 10 вер., а поперекъ до засѣки на 8 верстъ. И тотъ лѣсъ вобче села Өедоровскаго съ деревнями». Къ селу Өедоровскому починокъ Тинчюринъ, а въ немъ дв. крест. 34 дв. и 15 дв. боб., крестьянскіе пашни по смѣтѣ 36 чети, да перелогу и зарослей 22 чети, земля добрая. Къ селу же Өедоровскому починки: Янгуватовъ, а въ немъ живутъ Мордва на оброкѣ, 9 дв., 35 чети, земля добрая; починокъ Колучинской на денежномъ оброкѣ, а въ немъ живутъ Мордва 32 дв., пашни къ нему 38 чети, да перелогу и зарослей 120 чети, земля добрая. Да къ тому жъ селу Өедоровскому починокъ Мечасовской (новый) на денежномъ оброкѣ, на льготѣ, а въ немъ 19 дв., пашни къ тому починку 8 чети, да перелогу и зарослей и дубровъ пашенныхъ на 70 чети, земля добрая, Писцов. кн. за № 153 лл. 972—990, 1464—1469, 1470—1482.

[1]) Въ селѣ Өедоровскомъ въ 1650 году пахоты находилось въ трехъ мѣстахъ 915 десятинъ въ каждомъ полѣ. Въ приселкѣ Тинчюринѣ пашни было 130 десятинъ въ кажд. полѣ, кромѣ *новоросчистной* земли, которую крестьяне расчистили вмѣстѣ съ ясачною Чувашею Цивильскаго уѣзда,—32 десятин. въ кажд. полѣ; въ деревнѣ Янгуватовѣ пахоты 76 десят. въ кажд. полѣ и въ деревнѣ Мечасовѣ (починокъ 1619 г.) 196 десятинъ въ каждомъ полѣ. Писцов. кн. за № 1127 лл. 376—380.

мѣсто, при чемъ въ грамотѣ сказано: «а къ тому усадищу отмѣрено пашни отъ рѣчки отъ Имелни *поляна, что была Нагайскіе станы*, промежу лѣсомъ и *желтымъ болотомъ до городовые межи*. . . . дикова поля на 25 четей» въ каждомъ изъ трехъ полей, и сѣна около пашни на 65 десятинъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія за Иваномъ Жуковымъ *«подъ Тетюшами»* значится уже *«починокъ на Желтомъ болотѣ»* [1]). Такимъ образомъ утилизуется подъ городомъ земля, мало пригодная для поселенія, вслѣдствіе умножившагося населенія и сравнительно большей безопасности, которою, по всей вѣроятности, пользовалось населеніе подгородныхъ земель въ этихъ окраинныхъ мѣстахъ.

Въ селѣ Өедоровскомъ Тетюшскаго уѣзда вмѣстѣ съ тянувшими къ нему русскими и инородческими починками мы встрѣчаемся съ значительными перелогами и зарослями, не смотря на то, что пришлое населеніе, повидимому, селится здѣсь впервые и съ энергіею занимается земледѣліемъ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ постоянно прибывающимъ контингентомъ новыхъ переселенцевъ, которые, поступивши въ вотчину, стремились обыкновенно обратиться поскорѣе къ исконному и привычному своему занятію земледѣліемъ, должно было, по видимому, исключить возможность существованія въ здѣшнихъ мѣстахъ зарослей и перелоговъ. Но несомнѣнность существованія въ Тетюшскомъ уѣздѣ подобныхъ явленій заставляетъ насъ усумниться въ томъ, чтобъ появляющіеся въ XVII столѣтіи переселенцы были здѣсь первыми насельниками, которые обработывали впервые почву. По всей вѣроятности, и прежде здѣсь существовали поселенія, жители которыхъ занимались земледѣліемъ; но потомъ эти поселки исчезли, а нивы ихъ заросли лѣсомъ; и стали однѣ изъ нихъ зарослями, а другія перелогами. Аналогическія этому явленія въ Тетюшскомъ уѣздѣ, о которыхъ будемъ говорить впослѣд-

[1]) Акты Ист. и Юрид. собр. Ст. Мельниковымъ, I т., грам. 1 и 8-ая.

ствіи, отчасти могутъ подкрѣпить высказанное здѣсь мнѣніе.

Благопріятныя условія для земледѣлія, о которыхъ рѣчь была выше, искони существовали и могли къ себѣ привлекать переселенцевъ изъ верховаго Поволжья и другихъ мѣстъ. Но рядомъ съ благодатною почвою и богатыми угодьями поселенецъ въ этихъ, уже совершенно окраинныхъ мѣстахъ, искони же встрѣчался съ кочевыми обитателями сосѣднихъ степей, которые всегда стремились поживиться плодами трудовъ окраиннаго населенія. Русское правительство послѣ присоединенія этихъ земель обратило свое вниманіе на это обстоятельство. Сторожи, учрежденныя въ здѣшнихъ мѣстахъ для наблюденія за появленіемъ непріятеля въ степи, а потомъ засѣка, устроенная въ лѣсу, были правительственными мѣрами для защиты населенія здѣшней окраины. Вѣковой лѣсъ, тянувшійся на большое пространство, примыкая одной стороной къ рѣкѣ Свіягѣ, и самъ по себѣ могъ служить нѣкоторой защитой противъ коннаго непріятеля; но правительство распорядилось еще устроить въ немъ засѣку, къ которой окрестные жители обязаны были въ XVII столѣтіи высылать съ 10 дворовъ по человѣку «съ пищальми, съ саблями и со всякимъ боемъ» [1]. Но само собою понятно, что рядомъ съ мѣрами безопасности, которыя предпринимались правительствомъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ должно было умножиться населеніе и его благосостояніе долженствовало увеличиваться; съ этимъ вмѣстѣ возрастала приманка и должна была разгораться хищность обитателя степи, который выжидалъ лишь наступленія благопріятнаго для него времени и обстоятельствъ. Мы видѣли уже, какъ кочевники старались воспользоваться смутнымъ временемъ для своихъ цѣлей и какъ они стремились вмѣстѣ съ Заруцкимъ поддержать и продлить на Руси междуцарствіе, столь для нихъ выгодное. Кромѣ того, вслѣдствіе умноженія въ Тетюшскомъ уѣздѣ земледѣльческаго населенія, въ немъ долженъ

[1] Акты Ист. и Юрид., собр. Ст. Мельниковымъ, т. I, грам. XXII.

былъ уменьшиться лѣсъ, задерживавшій собой кочеваго непріятеля во время его вторженія [1]. Дѣйствительно, старый черный Тетюшскій лѣсъ съ засѣкою, тянувшійся прежде на 10 верстъ въ длину и на 8 поперекъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ простирался лишь на 6 верстъ въ длину и на три поперекъ [2]. При такихъ условіяхъ старыя мѣры должны были стать менѣе дѣйствительны для окраиннаго населенія Тетюшскаго уѣзда. Отдѣльные факты, встрѣчаемые лишь въ памятникахъ сороковыхъ годовъ, но совершившіеся, по всей вѣроятности, раньше, подтверждаютъ только что высказанное. Намъ уже извѣстно [3], что въ концѣ XVI столѣтія на югъ отъ Тетюшъ появился пустынный монастырь, которому пожалована была «пониже монастыря на рѣчкѣ Черемшѣ *пустошь Атары*», — при чемъ прибавлено: «и черному священнику Іонѣ и старцу Нилу съ братьею на той пустоши пашня пахати и сѣно косити и всякими угодьи владѣти» [4]. А въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія въ писцовой книгѣ написано: «Покровскаго монастыря, что въ городѣ Тетюшехъ. . . . что напередъ сего была пустыня въ Нижнихъ Тетюшахъ, на Тетюшской же сторонѣ, внизъ рѣки Волги на берегу . . . рѣки Волги *пустошь, что была того монастыря деревня Атары* подъ горами и *подъ старымъ Тетюшскимъ лѣсомъ* на рѣчкѣ на Черемшѣ . . . а на той пустоши *старые селища*, а по сказкѣ того монастыря крестьянъ были деревни — монастырской и крестьянскіе дворы, *и тѣ дворы отъ войны запустѣли . . . и пашенныя земли перелогомъ и лѣсомъ поросли* [5]. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ на здѣшней окраинѣ, мы въ сороковыхъ годахъ

[1] Въ Тетюшскомъ уѣздѣ нерѣдко встрѣчаемся «съ росчистьми», «росчистными полянами», «старыми селищами», которыхъ «пашенныя земли перелогомъ и лѣсомъ поросли» и которыя расположены иногда въ южной части уѣзда «подлѣ лѣса чернаго», гдѣ была устроена засѣка. Писцов. кн. а № 1127, лл. 382, 386, 388.

[2] Тамъ же л. 374.

[3] Поволжье въ XV и XVI вв. 1877 г. 321 стр. примѣчаніе.

[4] Ар. Мин. Юст. 1-ое Отд. Каз. у., грам. № 6426.

[5] Писцов. кн. за № 1127 л. 388.

XVII столѣтія уже встрѣчаемся съ новыми мѣрами со стороны правительства, назначенными для защиты окраиннаго населенія[1]). Съ лѣвой стороны Свіяги на рѣчкѣ Карлѣ, которая текла въ предѣлахъ Свіяжскаго уѣзда, основана была слобода, состоявшая изъ «полковыхъ казаковъ», числомъ около 200 человѣкъ; назначеніе этихъ служилыхъ людей, поселенныхъ въ слободѣ, вѣроятно, состояло въ охраненіи и защитѣ окраиннаго населенія; за свою службу они получили по тогдашнему обыкновенію пахоту и другія угодья въ достаточномъ количествѣ. Своими прозвищами Карлинскіе полковые казаки свидѣтельствуютъ о своемъ сбродномъ характерѣ, при чемъ главный контингентъ ихъ представило Поволжье [2]). Съ правой стороны р. Свіяги, на притокѣ ея около Тетюшской засѣки, построенъ острожекъ, который отъ рѣчки Килни, у которой стоялъ, получилъ названіе Килнинскаго острожка; «поставленъ» онъ былъ здѣсь собственно «для приходу воинскихъ людей», т. е. для защиты окраины отъ непріятельскаго вторженія [3]).

Трудно сказать, на сколько послѣднія мѣры въ соединеніи съ прежними доставляли надежную защиту окраинному населенію правой стороны Поволжья. Но если принять во вниманіе отрывочность и даже нѣкоторую случайность такихъ мѣръ, какъ основаніе въ одномъ мѣстѣ казачьей слободы, а въ другомъ постройку острожка; если вспомнить, что засѣку охраняли крестьяне и бобыли, о которыхъ ихъ землевладѣльцы

[1]) Лишь по актамъ, дошедшимъ до насъ, мы встрѣчаемся съ ними въ сороковыхъ годахъ, на самомъ же дѣлѣ онѣ, по всей вѣроятности, заведены были гораздо раньше.

[2]) Такъ, среди Карлинскихъ казаковъ попадаются съ прозвищами: «Нижегородецъ»—10 человѣкъ, «Свіяженинъ»—10 человѣкъ, «Мурашкинецъ»—7 человѣкъ, «Казанецъ» — 4 человѣка, «Тенковецъ» — 3 человѣка, «Тетюшенинъ»—2 челов.; затѣмъ встрѣчаются Арзамасцы, Володимерцы, Тверитинъ, Суздалецъ, Темниковецъ, Хлыновецъ, Смолянинъ, Новгородецъ, Москвитинъ, Муромецъ, Астраханецъ и Латышъ. Пашни за ними было пахот. доб. земли 1413 четей, кромѣ дикаго поля. Писцов. кн. за № 6468, лл. 985—1012; за № 1127 лл. 1099—1100.

[3]) Писцов. кн. за № 1127 л. 1085—1086.

свидѣтельствуютъ правительству, что они «люди пахотные, а не служилые, и имъ де то дѣло (охраненіе и защита засѣки) не за обычай» [1]),—если, говорю, принять все это во вниманіе, то нельзя не усумниться въ дѣйствительности такихъ мѣръ для защиты пограничнаго населенія. Ненадежность подобныхъ мѣръ въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія должна была стать ясна и для самого правительства, потому что на окраинѣ же, но только въ другомъ мѣстѣ, оно получило возможность оцѣнить въ это время дѣйствительность иной мѣры для защиты пограничнаго населенія отъ вторженій кочевниковъ.

Въ 1636 году московское правительство распорядилось для защиты Рязанскихъ, Шацкихъ и мещерскихъ окраинныхъ мѣстъ отъ «воинскихъ людей» поставить въ полѣ городъ, которымъ бы можно было въ этихъ мѣстахъ «войну отъ Татаръ отнять». Вслѣдствіе этого «на лѣсномъ Воронежѣ поставленъ городъ Козловъ», въ которомъ были «устроены стрѣльцы и казаки и всякіе жилецкіе люди»; «да отъ Козлова же въ Шацкой же сторонѣ... на 12 верстъ учиненъ земляной валъ, а по тому земляному валу поставлены три городки земляные съ башнями.... да въ томъ же году для береженья отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ людей... на полѣ на р. Цнѣ поставленъ городъ Танбовъ, а въ немъ устроены всякіе служилые люди; да отъ Танбова къ Козлову городу къ земляному валу учинены надолбы; за Шацкимъ же отъ поля на рѣкѣ на Ломовѣ поставлены два города Ломовы—Верхней и Нижней... *и тѣми новыми городы и крепостьми въ Ряжскихъ, Рязанскихъ и въ Шатцкихъ во всѣхъ мѣстѣхъ татарская война отъ приходовъ укрѣплена*». Затѣмъ говорится о попыткѣ непріятеля въ 1637 году вторгнуться внутрь Россіи; но воеводы, сказано, изъ этихъ городковъ не пропустили непріятеля, почему, по примѣру уже выстроенныхъ городковъ, правительство намѣрено построить подобныя же укрѣп-

[1]) Акты Истор. и Юрид. собр. Ст. Мельниковымъ, грам. XXII.

ленія и въ другихъ мѣстахъ на югѣ и юго-востокѣ, «чтобы тѣми городами и острогами отъ крымскихъ, отъ ногайскихъ и отъ азовскихъ людей... во всѣхъ украинскихъ городѣхъ войну отнять»[1]). Быть можетъ, въ Москвѣ уже въ это время зародилась мысль о постройкѣ укрѣпленной черты для защиты правой стороны Поволжья, — мысль осуществившаяся лишь чрезъ 10 лѣтъ въ видѣ Симбирской черты. Дѣлаю это предположеніе потому, что правительство, повидимому, теперь уже убѣдилось въ болѣе серіозной дѣйствительности этой, хотя и дорого стоющей, мѣры, сравнительно съ прежде практиковавшимися. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что лишь въ 1648 году открылись работы по сооруженію укрѣпленной Симбирской черты, получившей свое наименованіе отъ вновь построеннаго города у рѣки Волги, отъ котораго черта эта непосредственно зачиналась; городъ же свое названіе наслѣдовалъ отъ живописнаго урочища, на которомъ онъ былъ построенъ, гдѣ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, и прежде находилось болгарское или татарское поселеніе съ тѣмъ же названіемъ[2]). Выстроенъ былъ городъ Симбирскъ по приказу правительства бояриномъ и оружейничимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово съ товарищи. Для постройки города и укрѣпленій, примыкавшихъ къ нему, вызваны были «посошные люди низовыхъ городовъ, съ русскихъ—съ 5 дворовъ, а съ ясашныхъ — съ 3 дворовъ по человѣку»[3]). Укрѣпленъ былъ городъ Симбирскъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства того времени. Кремль, главнѣйшая его часть, занималъ самое возвышенное мѣсто; за нимъ слѣдовалъ «острогъ», заключавшій въ себѣ посады и обведенный рвомъ и тыномъ. Отъ новаго города начиналась укрѣпленная черта, которая была ведена въ югозападномъ направленіи. Черта состояла изъ не-

[1]) А. А. Эксп. т. III № 268.

[2]) Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1869 г. кн. I ст. 424 «Путеш. Олеарія». Город. посел. Рос. Им. т. IV ст. 505.

[3]) Орен. Типогр. Рычкова 1762 г. II ч. 106 ст. примѣчаніе.

прерывнаго вала со рвомъ, увѣнчаннымъ деревяннымъ тыномъ. Въ лѣсныхъ мѣстахъ валъ прерывался засѣкою, устроенною черезъ весь лѣсъ, а въ другихъ мѣстахъ особыми укрѣпленіями, которыя назывались острогами и острожками, со стѣнами и рвами вокругъ и съ башнями по угламъ и въ серединѣ стѣнъ. Всѣхъ остроговъ отъ Симбирска до Инсара позднѣе было восемь[1]). Симбирская черта съ укрѣпленіями строилась въ продолженіе шести лѣтъ, —«работныхъ людей у валового острожнаго дѣла было до 1654 года во всякое лѣто по 3326 и по 4898 человѣкъ»[2]). Послѣднее изъ значительныхъ укрѣпленій, которымъ Симбирская черта заканчивалась на юго-западѣ, былъ Инсарскій острогъ; впрочемъ укрѣпленная черта продолжалась и за Инсаромъ въ югозападномъ направленіи и примыкала къ Нижне-Ломовской чертѣ, которая уже входила въ составъ другой укрѣпленной черты, упомянутой выше[3]). Работы на чертѣ открылись одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что, кромѣ города Симбирска, въ 1648 году построенъ былъ и городъ острогъ Инсаръ съ частью своей черты, которая упоминается въ этомъ же году[4]). Какъ для построенія города Симбирска, остроговъ и острожковъ на чертѣ, такъ и для заселенія этихъ укрѣпленій воинскими людьми, Московское правительство обращалось прежде всего къ ближайшимъ мѣстамъ и затѣмъ уже къ болѣе далекимъ отъ черты. Такъ, намъ извѣстно, что все населеніе большаго села Ѳедоровскаго, вмѣстѣ съ жителями

[1]) Болѣе значительные отъ Симбирска остроги были слѣдующіе: Тагай, Урень, Корсунь, Погорѣлой, Аргашъ, Сурскъ, Темаръ и Саранскъ. (Атласъ Рос. Им. 1745 года). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что на рукописной картѣ конца XVII ст. по Симбирской чертѣ, здѣсь отмѣченной, нарисовано лишь 7 остроговъ: четыре изъ нихъ между Волгою и Сурою, а три между Сурою и Мокшею. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, карта Астр. губ. № 7.

[2]) Город. посел. Росс. Имп. IV т. 505 ст. Орен. Топогр. Рычкова, II т. 106 ст.

[3]) Арх. Ист. и Юрид. свѣд. Н. Калачева кн. 2-ая, полов. 1-ая, «Объ Инсарѣ и его уѣздѣ», Н. Калачева, 60 и 68 сс.

[4]) Тамъ же, 56 ст.

нѣкоторыхъ поселеній, тянувшихъ къ этому селу, находившемуся недалеко отъ Тетюшской засѣки, переведено было на Симбирскую черту[1]). Все военное населеніе Килнинскаго острожка вмѣстѣ съ полковыми казаками Карлинской слободы переселено было также на Симбирскую черту[2]). Для заселенія города Инсара взято было въ 1647 году 300 службъ[3]) изъ ближайшаго къ нему города Темникова; въ то же время «построено» было столько же служебъ подъ названіемъ казаковъ по Инсарской чертѣ въ засѣчныхъ крѣпостяхъ и слободахъ. Для этого взяты были люди не только изъ окрестныхъ селеній города Темникова, но и изъ окрестностей самого Инсара. «Нѣкоторыя селенія были даже сполна перевезены на Инсарскую черту, гдѣ на новыхъ мѣстахъ жители ихъ устроены были дворами и надѣлены пашней и другими угодьями съ обязанностями служилыхъ людей. Причина такого перемѣщенія цѣлыхъ селеній заключалась, какъ говорится въ актахъ, въ томъ, *что они безпрерывно разорялись Ногайцами*. . . . Внутренняя сторона за Инсарскою чертою получила названіе *Русской* и была причислена вмѣстѣ съ самимъ городомъ Инсаромъ къ Руси, а сторона, оставшаяся внѣ черты, стала называться *Ногайской*, *Крымской* или *степной*»[4]). Въ слободахъ и острожкахъ на чертѣ для надобности службы водворялись

¹) Арх. Мин. Юст. 1-е Отд. Казан. у. грам. за № 6513. Писцов кн. за № 6513. Писцов. кн. за № 1127 лл. 376—381.

²) Писцов. кн. за № 1127 лл. 1085, 1100.

³) Изъ актовъ того времени видно, что на Инсарскую черту на службу переводились изъ семьи по одному, по два, рѣдко по 3 человѣка; другіе оставались въ тяглѣ на прежнемъ жительствѣ. «Переведенцы, взятые изъ одной семьи (иногда два двоюродные брата), записывались *въ одну службу*, т. е. считались на службѣ за одного человѣка, и по этому разсчету получали жалованье на дворовое строеніе, какъ скоро оно было выстроено (отъ 4 до 5 рублей), и оружіе, смотря по службѣ, въ которую назначались: мушкетъ, карабинъ, пищаль, ружье, а нѣкоторымъ велѣно служить въ саадакѣ; одинъ человѣкъ изъ семьи чаще все записывался *въ полуслужбѣ* и соразмѣрно съ этимъ получалъ половинное жалованье на дворовое строеніе, или же *на подмогу ему* приписываемо было стороннее лицо». Арх. Ист. Юрид. свѣд., 57—58 сс.

⁴) Тамъ же 58—59 сс.

изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстъ безразлично какъ русскіе, такъ и инородцы. Такъ, по словамъ одной грамоты, «какъ построенъ городъ Корсунь и Корсунская черта, и въ то время переведены въ Корсунь изъ Алаторскаго уѣзда станишные мурзы для вѣстей отъ приходу воинскихъ людей», при чемъ десяти изъ нихъ впослѣдствіи было поручено «быть въ Корсуни въ дозорщикахъ»[1]); затѣмъ на черту около Инсара переведена Мордва съ тяглыхъ жеребьевъ изъ разныхъ селеній Темниковскаго уѣзда и приверстана въ казачью службу за городомъ Инсаромъ въ направленіи къ Нижнему Ломову; съ Крымской стороны изъ-за валу тоже переведена была Мордва на черту и поселена выше Инсара въ направленіи къ Саранску[2]). Кромѣ того, намъ извѣстно, что нѣкоторые Татаре изъ деревень Свіяжскаго уѣзда переведены были въ это время «въ государеву конную службу по городу Симбирску въ слободу Елховку на вѣчное житье»[3]). Изъ Тетюшъ по указу государя переведены были въ 1649 году 50 человѣкъ Днѣпровскихъ казаковъ вмѣстѣ съ ихъ атаманомъ «въ новой Симбирской городъ на вѣчное житье»[4]). Въ томъ же году изъ Лаишева[5]) переведено было 40 человѣкъ конныхъ казаковъ въ Симбирскій уѣздъ въ слободу Лебяжью[6]). Наконецъ есть извѣстіе, что изъ города Арска[7]) въ 1649 году переведены были по

¹) Арх. Мин. Юст. III Вотчин. Отд. Казань, отказная стар. лѣтъ, кн. № 6 и № 18 грам.

²) Арх. Ист. Юрид. свѣдѣній 57 и 68 с.

³) Акты, собр. Ст. Мельниковымъ, I грам. 26.

⁴) Эти Днѣпровскіе казаки вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ были предъ этимъ испомѣщены на службѣ въ Тетюшахъ, и за ними числилось пахотной земли во всѣхъ трехъ поляхъ 782 десятины. Изъ всей общины ихъ «оставленъ былъ въ Тетюшахъ одинъ человѣкъ казакъ *за слѣпотою* и служилъ въ городѣ; и его жеребей, пашня и сѣнные покосы отданы дѣтямъ его 2 сынамъ — Ивашкѣ да Назаркѣ, которые послѣ его остались и служатъ въ городѣ жъ». Писцов. кн. за № 1127 л. 375. Тетюшская слобода лежитъ между Тагаемъ и Симбирскомъ, на мѣстѣ, по которому шла черта.

⁵) На Камѣ рѣкѣ, недалеко отъ устья.

⁶) Арх. Мин. Юст. III Отд. Вотч. Казань № 6552 кн. 1-ая дѣло за № 14.

⁷) На р. Казанкѣ выше, Казани.

указу государя въ конные казаки 50 человѣкъ на Симбирскую черту въ Юшанскъ[1]), вблизи котораго они основали Арскую слободу[2]). Но русское правительство половины XVII вѣка, сооружая Симбирскую черту для защиты своего окраиннаго населенія, имѣло большую нужду въ людяхъ для заселенія воздвигаемой черты; при недостаткѣ таковыхъ въ своихъ городахъ и въ дворцовыхъ имѣніяхъ оно безъ стѣсненія брало людей съ частныхъ земель и водворяло ихъ на чертѣ. Такъ, мы знаемъ, что 57 дворовъ бобылей были взяты въ 1648 г. у Спасскаго монастыря и переведены «съ монастырскихъ выгонныхъ земель въ Воронцовскую и въ Тагайскую и въ иныя слободы, въ тягло и въ посадъ»; гораздо позднѣе (въ концѣ XVII столѣтія) и въ другое уже царствованіе былъ вознагражденъ Спасскій монастырь за матеріальный ущербъ, причиненный ему этимъ отнятіемъ[3]). Всѣ люди, выселяемые въ города, остроги, острожки и слободы по Симбирской чертѣ, какъ и Инсарскіе, вѣроятно, получали деньги на дворовое строеніе; кромѣ того, имъ всѣмъ на новомъ мѣстѣ, «отмѣрено на пашню земли и сѣнные покосы и всякія угодья», смотря по званію, которымъ обладалъ тотъ или другой изъ нихъ[4]); при этомъ земля отмѣривалась не только наличнымъ членамъ общины, но иногда отводилась также «на прибавочныхъ людей», т, е. тѣмъ, которые еще должны будутъ прибыть впослѣдствіи[5]). Пахотная земля и угодья отводились не всегда близко черты, а иногда довольно далеко, такъ что, напримѣръ,

[1]) Вѣроятно, въ то время небольшой острожекъ, между Симбирскомъ и Тагаемъ.

[2]) Тамъ же, Казань, отказная книга старыхъ лѣтъ съ городами кн. 4, № дѣла 7.

[3]) Тамъ же Межевая кн. за № 159 л. 37.

[4]) Вѣроятно, на Симбирской чертѣ, какъ впослѣдствіи на Закамской линіи, пятидесятники получали по 40 четей, десятники по 30, а рядовые по 20 четей въ каждомъ изъ зполей пахотной земли. На такую мысль наводитъ все количество земли пахотной, отмѣренной коннымъ казакамъ Лебяжьей слободы.

[5]) Арх. III Отд. Вотч. кн. 1, дѣло за № 14 и кн. 35 №6 473.

Корсунскіе казаки впослѣдствіи жалуются правительству, что «они за дальними полями лошадей перемучили и оскудали; чтобъ ихъ изъ Корсуни на тѣ ихъ отводныя поля выпустить и дворами дозволить построиться на рѣчкѣ Потьмѣ»,[1]). Вслѣдствіе отдаленности пахотныхъ земель отъ мѣста жительства служилыхъ людей, они иногда совершенно отказывались пользоваться отведенною землею, — обстоятельство, бывавшее поводомъ къ появленію на подобной землѣ новаго поселенія. Такъ именно случилось съ другою группою казаковъ, водворенныхъ въ городѣ Корсуни строителемъ его, воеводою Борисомъ Приклонскимъ. Онъ отвелъ Корсунскимъ казакамъ, пятидесятнику Ортюшкѣ Тарасову съ товарищи, на пашню земли и сѣнныхъ покосовъ въ десяти верстахъ отъ города, на рѣкѣ Вердивасской. По словамъ грамоты, «Корсунскіе казаки съ того Борисова отвода на той землѣ пашни не пахали и лежала впустѣ многое время». Впослѣдствіи, когда воеводою въ Корсуни былъ Савелій Скрипицынъ, то онъ утилизовалъ эту землю, «прибравъ отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братьевъ и отъ дядей племянниковъ, и на той казачьей землѣ построилъ вновь Вердивасскую слободу и на пашню земли и сѣнные покосы отвелъ»[2]). Валъ и засѣчныя крѣпости должны были не только впослѣдствіи, но и вначалѣ охраняться караульными, разставленными по близости другъ отъ друга («сторожи частые»). Для такихъ карауловъ назначалось потребное число служилыхъ людей изъ русскихъ или же инородцевъ, получавшихъ здѣсь землю, которымъ исключительно вмѣнялась въ обязанность эта служба: они отправляли ее, перемѣняясь между собою на заранѣе указанныхъ имъ мѣстахъ[3]). Назна-

[1]) Тамъ же. Корсунскій острогъ сосѣдній съ Тагаемъ. Въ немъ, какъ и въ Инсарѣ и въ другихъ болѣе значительныхъ острогахъ на чертѣ, были особые воеводы.

[2]) Арх. Мин. Юст. III Отд. Казань Отказн. стар. лѣтъ кн. 5 № 85.

[3]) Арх. Мин. Юст. III Вотч. Отд. Казань отказн. стар. лѣтъ кн. 5 № 32. Такъ Борисомъ Приклонскимъ въ Сокольскомъ острогѣ на Корсунск. чертѣ назначены были 15 ч. татаръ дер. Ключище Симб. у., которые должны были по валу служить казачью службу. Арх. Истор. Юрид. свѣд., ст. Н. Калачева стр. 76.

ніе вновь построенной Симбирской черты, состоявшей изъ вала со рвомъ, засѣкъ, острожковъ и остроговъ, тоже, по всей вѣроятности, съ самаго начала состояло въ наблюденіи городскихъ и острожныхъ воеводъ на чертѣ за тѣмъ, «чтобъ воинскіе люди къ Симбирску и къ. . . . Симбирской чертѣ на русскія и на мордовскія деревни безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили и уѣздныхъ людей не повоевали и не побили и въ полонъ не поимали»[1]). Сверхъ того, въ мѣстахъ степныхъ по чертѣ учреждены были *подъѣзды*, *станы* и *сторожи*. «Въ подъѣздъ посылались служилые люди изъ города за приписанную къ нему черту, въ степь, для «провѣдыванія вѣстей про непріятельскихъ воинскихъ людей». Иногда отправляема была съ тою же цѣлью *станица*, т. е. нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Мѣсто, гдѣ они обыкновенно останавливались для собиранія свѣдѣній, называлось *становъ*, или также станицей, отчего и самые служилые люди назывались *станичниками*. Напротивъ, *сторожи* были такіе пункты или возвышенныя мѣста, гдѣ постоянно находились сторожа, наблюдавшіе за всѣмъ, что происходило въ степи. Извѣстно, что такіе сторожи были разставлены не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, такъ что вѣсти о непріятеляхъ передавались въ городъ чрезвычайно скоро посредствомъ извѣщенія ими другъ друга, а ближайшимъ къ городу сторожемъ самого городскаго начальства. Такія вѣсти . . . . сообщались тотчасъ въ другіе города, въ которые назначено было правительствомъ. Подобныя сообщенія производились чрезъ вѣстовщиковъ, нарочно для того приставленныхъ» [2]).

---

[1]) Акт. Ист. т. V № 208.

[2]) Арх. Ист. Юрид. свѣд., статья Н. В. Калачева, с. 69.

ГЛАВА II-я.

Казанскій уѣздъ, его сходство и отличіе отъ Свіяжскаго уѣзда. Правительственныя мѣры для защиты Казанскаго уѣзда въ концѣ XVI вѣка и колонизація его въ это время и въ началѣ XVII столѣтія. Распространеніе христіанства между инородцами въ первой четверти XVII вѣка и хозяйственное состояніе ихъ земель въ это время. Поселенія въ Казанскомъ уѣздѣ около половины XVII столѣтія и его колонизація въ это время. Закамскія земли въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Калмыки въ Поволжьѣ. Сооруженія на Закамской чертѣ и заселеніе ея. Положеніе крестьянъ въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ первой половинѣ XVII ст.

Казанскій уѣздъ послѣ утвержденія въ немъ русской власти, при водвореніи здѣсь пришлаго русскаго населенія, находился отчасти въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ и Свіяжскій уѣздъ. Поэтому нѣкоторыя хозяйственно-колонизаціонныя явленія, съ которыми мы познакомились уже въ Свіяжскомъ уѣздѣ, встрѣчаются намъ и въ Казанскомъ уѣздѣ, лежавшемъ на лѣвой, луговой сторонѣ Волги. Казанскій уѣздъ, какъ и Свіяжскій, покрытъ былъ большей частью огромными лѣсами, по которымъ въ разнообразномъ направленіи текли разной величины рѣки. Вслѣдствіе этого и здѣсь поселенцы большею частью предпочитали вначалѣ селиться на пустошахъ, которыхъ въ Казанскомъ уѣздѣ даже было больше, чѣмъ въ Свіяжскомъ, ибо прежде онъ былъ гораздо населеннѣе послѣдняго. Такимъ образомъ значительныя пространства перелоговъ и зарослей при сравнительно небольшомъ пространствѣ пахоты, вмѣстѣ съ обширными лѣсными и сѣнокосными угодьями составляютъ и въ Казанскомъ уѣздѣ явленіе, часто

повторяющееся[1]). Но Казанскій уѣздъ, имѣя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходство съ Свіяжскимъ, въ другихъ не мало отъ него различается. Казанскій уѣздъ, говоря вообще, обнимаетъ собой земли луговой стороны р. Волги; пространствомъ своимъ онъ гораздо обширнѣе Свіяжскаго; земли, входившія въ его составъ, орошались слѣдующими рѣками: Илетью и Казанкою, впадавшими въ Волгу, и Міошею, притокомъ р. Камы. Съ одной стороны Казанскій уѣздъ соприкасался съ Волгою, а съ двухъ другихъ—граничилъ Камою и Вяткою. Въ Казанскій уѣздъ съ самаго начала входилъ Лаишевскій острожекъ на р. Камѣ; къ нему же принадлежалъ пригородъ Арскъ на р. Казанкѣ и пригородъ Алатъ на одномъ изъ притоковъ р. Илети. Въ соотвѣтствіи съ болѣе обширнымъ пространствомъ Казанскаго уѣзда, и земли его по свойствамъ своимъ были разнообразнѣе, чѣмъ земли Свіяжскаго уѣзда: около Камы встрѣчаемся съ полосою чернозема[2]), между тѣмъ какъ въ области средняго теченія рѣки Вятки, почва съ самаго начала не отличалась плодородіемъ. Наконецъ, особенность Казанскаго уѣзда, имѣвшая не маловажныя слѣдствія для его населенія заключалась въ томъ, что онъ довольно значительною своею частью примыкалъ непосредственно къ р. Камѣ, за которою тянулись безграничныя пространства, свободныя въ тогдашнее время отъ осѣдлаго населенія; здѣсь начиналось царство кочевыхъ народовъ, признававшихъ, правда, авторитетъ русской власти, но въ то же время не стѣснявшихъ себя въ нападеніи и грабежѣ русскаго окраиннаго населенія. Вслѣдствіе подобнаго сосѣдства и опасностей, съ которыми оно было сопряжено для населенія Казанскаго уѣзда, русское правительство вскорѣ послѣ завоеванія Казани занялось вопросомъ о защитѣ своихъ подданныхъ отъ кочевыхъ обитателей степи. Прежде всего оно обратило вниманіе на тѣ мѣста по р. Камѣ, которыми Ногайцы пользовались для перехода съ лѣвой, низменной, стороны

[1]) Писц. кн. аз. у. за № 643 лл. 185, 186, 398, 399, 412—414 и др.
[2]) Списки насел. мѣстъ Рос. имп. Казанск. губ. 4 стр.

на правую, нагорную. Въ одномъ такомъ пунктѣ построенъ былъ Лаишевскій острогъ или городъ, а другой—Анатошскій перевозъ—поручено было стеречь крестьянамъ ближайшей деревни, названной сторожевою; за эту службу имъ дана была пахотная земля и угодья[1]). Послѣдняя мѣра въ глазахъ правительства, по всей вѣроятности, была лишь временной, потому что въ концѣ XVI вѣка въ этихъ мѣстахъ мы застаемъ построенными два острога, изъ которыхъ одинъ находился на правомъ берегу Камы, а другой подлѣ на рѣчкѣ Беткѣ, впадающей тутъ же въ р. Каму. Оба острога были деревянные и имѣли по пяти башенъ съ тремя острожными воротами. Относительно того, на сколько эти остроги достигали цѣли, ради которой они были воздвигнуты, мы можемъ отчасти догадываться по довольно значительному населенію, находимому въ здѣшнихъ мѣстахъ въ концѣ XVI столѣтія. Около острога, что на берегу Камы, раскинулась большая слобода, получившая наименованіе «Рыбной»—отъ промысла, которымъ занимались ея жители. О выгодахъ этого занятія въ здѣшнихъ мѣстахъ и о зажиточности населенія слободы можетъ свидѣтельствовать не только величина оброка, платимаго отдѣльными членами этой общины, но также и то, что церковь, съ теплою трапезою, съ образами, книгами и мѣдными колоколами, означена какъ «сооруженіе и строеніе мірское»; церковной пашни не было,—священникъ и клиръ жили приходомъ. Въ слободѣ находилось 69 дворовъ крестьянскихъ оброчныхъ, платившихъ «въ государеву казну за рыбу 49 рублей, 26 алтынъ, 4 деньги»; въ этой же слободѣ было семь лавокъ, которыми владѣтели торговали «безоброчно». Нѣкоторые крестьяне—13 человѣкъ—составили изъ себя особую общину и, сверхъ рыбной ловли, занялись еще пахотою; но такъ какъ здѣшняя земля покрыта была лѣсомъ, то они стали ее расчищать и въ концѣ столѣтія о нихъ сказано «пашутъ *своей росчисти* 32 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ безоброчно до государева указу». Рыбная

[1]) «Поволжье въ XV и XVI вв.» сс. 240 и 255 съ примѣчаніемъ.

слобода была дворцовою и въ ней находилось «государево садовое озеро», сдѣланное крестьянами, которые «рыбу въ озеро сажаютъ и стерегутъ и изъ озера рыбу вынимаютъ»[1]) Немного выше Рыбной слободы лежитъ дворцовое село Анатошъ, въ которомъ было «три государевы житницы» и дворъ прикащика; въ селѣ находились 30 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, обрабатывавшихъ «на себя» 130 четвертей въ каждомъ полѣ, и 13 дворовъ оброчныхъ, вносившихъ оброкъ большей частью (9 дв.) по 4 гривны съ двора на годъ. Нѣсколько повыше села Анатошскаго, на рѣкѣ Беткѣ, притокѣ Камы, стоялъ другой острогъ — Бетки, получившій свое названіе отъ рѣки, на которой находился; около острога расположено было село Бетки съ церковью, церковною пашнею, 35 дворами пашенныхъ крестьянъ и семью оброчными дворами, платящими большею частью по 10 алтынъ (6 двор.) на годъ; пахоты у крестьянъ села Бетки было столько же, сколько и у Анатошскихъ, сѣнокосъ же гораздо большій[2]). Къ этимъ дворцовымъ селамъ

[1]) Среди оброчныхъ крестьянъ въ Рыбной слободѣ между прочимъ значится: «Дворъ Василія Өедорова Карачева— оброку платитъ за 3 рыбы полтора рубля. Дворъ Микифоръ Архиповъ, земли росчиститъ на четь, оброку платитъ за 3 рыбы полтора рубля. . . дв. Василій *Пермитинъ*, оброку платитъ за полторы рыбы — 40 алтынъ съ полугривною; дворъ Варлаамъ Петровъ *Пермитинъ*, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ. Дворъ Меньшой Ивановъ оброку платитъ за 2 рыбы рубль. Дв. Семенъ Ивановъ оброку платитъ за рыбу 16 алтынъ» и т. д. Такихъ дворовъ описано 39. Въ этой же слободѣ дворы оброчные,—всѣхъ дворовъ 30: «оброку платятъ съ дворовъ своихъ ровно—по 12 алтынъ 3 деньги съ двора». «Въ той же Рыбной слободѣ *дворы нищихъ старцевъ*: Дв. Митька Ивановъ, дв. Митька *Слѣпой*. Тое жъ Рыбные слободы крестьяне Василій Өедоровъ Карачевъ, Иванъ Троеимовъ и Микифоръ Архиповъ съ товарищи 13 человѣкъ пашутъ своей росчисти, а хто сколько пашетъ — то писано поимянно». Писц. книга Каз. у. за № 153 лл. 1447—1454.

[2]) У крестьянъ дворцоваго села Анатошъ сѣна было 600 коп., да въ угодьяхъ у нихъ 2 рѣчки Анатошъ и Бетка; на послѣдней было «государева мельница Большое колесо». У крестьянъ села Бетки сѣна 2000 коп. Не обусловливается ли этою значительною разностью въ сѣнокосѣ то, что въ селѣ Беткахъ означено въ «живущемъ» 13 вытей, а въ селѣ Анатошѣ 10 вытей, не смотря на то, что пахота крестьянская по количеству четей одна и та же—130 четей въ каждомъ полѣ—? Тамъ же лл. 1431—1437.

въ концѣ XVI вѣка тянуло шесть деревень, изъ коихъ въ одной—деревня Урай—находилось 25 дворовъ крестьянскихъ, семь дворовъ оброчныхъ и пять дворовъ льготныхъ; въ остальныхъ деревняхъ число дворовъ было не такъ велико, но количество вытей, числившихся въ это время за ними, указываетъ намъ на довольно значительную величину ихъ пахоты и слѣдовательно на порядочную степень зажиточности[1]). Объ одной деревнѣ сказано даже, что «стала послѣ писцовыхъ книгъ Микиты Борисова», т. е., послѣ 1567 года,— можетъ быть, она появилась уже вслѣдствіе увеличившейся безопасности въ здѣшнихъ мѣстахъ послѣ построенія острожковъ[2]).

Выше было замѣчено, что Казанскій уѣздъ по нѣкоторымъ явленіямъ, которыми съ самаго начала сопровождалось его заселеніе, сходенъ со Свіяжскимъ; это сходство заключается въ несоразмѣрности перелоговъ, зарослей, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ угодій съ пахотою въ вотчинахъ духовенства и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей. Подобные факты въ хозяйственной жизни выступаютъ здѣсь тѣмъ рельефнѣе, что населеніе повидимому на многихъ земляхъ только что успѣло отстроиться, ибо въ описи не рѣдко прямо говорится «что выти еще не учинены, крестьяне живутъ на льготѣ»[3]). Такой фактъ, часто повторяясь въ хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ общинъ, выдѣляется также и въ общей суммѣ обработанной земли у крупныхъ землевладѣльцевъ Казанскаго уѣзда[4]). Вслѣдствіе дѣятельности

[1]) Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Ошнякѣ находилось 16 дворовъ, которые сидѣли на 6 вытяхъ; въ деревнѣ Кузмининѣ 10 дв. сидѣли на 4 выт.

[2]) Тамъ же лл. 1437—1444.

[3]) Писц. кн. Каз. у. за № 643 лл. 186, 416 и нѣк. друг.

[4]) Такъ, напр., у Казанскаго архіепископа (1567 г.) въ вотчинахъ его въ Казанскомъ уѣздѣ было пашни доб. земли 452 чети, перелогу 735 четей, зарослей и дубровъ пашенныхъ 315 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей; сѣна 8650 коп., лѣсу пашеного 430 десят., да лѣсу пашенного и непашен. на 17 вер. въ длину и 9 попер. У Спасскаго Преображенскаго монастыря, что въ городѣ Казани, въ его вотчинахъ паш. добр. зем. 203 чети, перелогу 63 чети, зарослей и дубр. паш. 53 десят., лѣсу на 10 вер. съ полов. длины и на 7 съ полов. поперекъ. Тамъ же лл. 401—402 и 416.

крестьянскихъ общинъ, на вотчинныхъ земляхъ Спасо-преображенскаго монастыря, спустя уже тринадцать лѣтъ послѣ описи шестидесятыхъ годовъ, пахотная земля увеличивается на 60 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей. На этотъ разъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ пахоты встрѣчаемся и съ *пахотнымъ лѣсомъ* въ вотчинахъ Спасо-преображенскаго монастыря. Рядомъ съ такими фактами является совершенно естественнымъ уменьшеніе на монастырскихъ земляхъ лѣсныхъ угодій, на счетъ которыхъ отчасти и могла только увеличиваться пахота [1]). Чрезъ 12 лѣтъ Преображенскому монастырю была дана грамота, которою не только подтверждены были за монастыремъ прежнія его пожалованія, но предоставлены были новыя: «велѣли учинити въ старой и въ новой ихъ монастырской землѣ и что они припахали старова монастырскова лѣсу пашню на 1200 чети, что имъ роспахати въ ихъ же монастырскомъ лѣсу» [2]). Колонизаціонная дѣятельность Преображенскаго монастыря впрочемъ не ограничивалась въ это время уѣздомъ,—въ самомъ острогѣ Казанскомъ заселена была имъ слобода бобылями, которые при своемъ поселеніи получили матерьяльную поддержку отъ монастыря [3]). Другой крупный вотчинникъ Казанскаго уѣзда, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельнѣйшимъ лицемъ въ этой странѣ,—Казанскій митрополитъ, дѣйствовалъ во второй половинѣ XVI столѣтія въ культурно-хозяйственномъ отношеніи едва ли не успѣшнѣе всѣхъ въ цѣломъ краѣ. Такъ, мы знаемъ изъ царской грамоты, что въ концѣ даннаго столѣтія во владѣніи у Казанскаго митрополита находилось земли около 7871 четвертей, — на 5871 четверть болѣе противъ

[1]) По приписи дьяка Битяговскаго 1580 года въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря было 263 чети паш. добр. земли, 72 чети перелогу, 50 десятинъ лѣсу пашеннаго, 160 десят. зарослей и дубр. пашен.; лѣсу пашен. и непашен. на 10 вер. длины и на 6 попер. (уменьш. на полторы версты поперекъ и на полъ версты въ длину). Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. № 6429 гр. 1592 года.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, грам. 1599 г.

прежнихъ писцовыхъ книгъ; вслѣдствіе чего лишняя земля отписана была на государя и лишь по челобитью митрополита отдана была ему обратно [1]). Сохранился фактъ, свидѣтельствующій между прочимъ о колонизаціонной дѣятельности самого правительства въ это время, какъ землевладѣльца Казанскаго уѣзда. Къ 1600 году съ дозволенія правительства недалеко отъ Казани на дворцовомъ «Черномъ лѣсу поставлены» были крестьянскими общинами село Борисоглѣбское и деревня Караваева, на которыя впослѣдствіи предъявлялъ свои притязанія Казанскій митрополитъ Матѳей [2]). Но не одни русскіе люди являются въ настоящее время дѣятелями по заселенію Казанскаго уѣзда: нѣкоторые и изъ инородцевъ, болѣе другихъ расположенные къ земледѣлію, дѣйствуютъ съ энергіею въ томъ же направленіи. Намъ извѣстно, что ясашные Чуваши деревни Тюбекъ владѣли пахотною землею недалеко отъ пригорода Арска; часть этой земли отдѣлена была правительствомъ для пригорода Арска, а общинѣ въ замѣнъ отнятой у нея земли предоставлена была на имя старосты деревни Тюбекъ по сосѣдству съ деревнею на ключѣ земля, которая была покрыта еловымъ лѣсомъ. Въ 1595 году чувашская ясашная община деревни Тюбекъ [3]), состоявшая изъ 12 дворовъ, почувствовала недостатокъ пахотной земли въ своей деревнѣ, и тогда «*они изъ своей деревни изъ Тюбека* по той дачѣ, для того что у нихъ пашни мало, *отдѣлили трехъ человѣкъ въ починокъ въ Новой Тюбекъ*—Максимка Яковлева, да Олешку Васильева, да Семена Килѣева—*въ старые въ цѣлые ясаки*», на мѣсто, отведенное имъ у ключа. Черезъ пять лѣтъ (1600 г.) чувашскіе бобыли сосѣдней деревни Чечурча отдѣлились отъ

[1]) Тамъ же, грам. 1627 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Говоримъ рѣшительно *община* потому, что и въ нынѣшнее время въ деревняхъ Казанскаго уѣзда Чуваши живутъ семейнородовыми общинами, поселенія которыхъ нерѣдко носятъ названія отцовъ семейства или родоначальниковъ, впервые тутъ поселившихся. «Мат. Эт.Рос. Каз. губ.» Ритиха стр. 46, 62 и 63; «Инородцы Каз. губ.»—Сбоева стр. 18—20.

своей общины въ числѣ трехъ человѣкъ и заняли землю на цѣлый ясакъ по другой сторонѣ ключа; эту землю предоставило имъ правительство также въ замѣнъ земли, отошедшей отъ ихъ деревни для пригорода Арска. Сверхъ того спустя три года (1603 г.) изъ деревни старый Тюбекъ снова отдѣлились три Чувашенина и заняли землю на ключѣ же около своихъ товарищей; сѣли они здѣсь на полъ-ясакѣ, на льготѣ[1]). Къ концу XVI столѣтія усиливается въ Казанскомъ уѣздѣ и колонизаціонная дѣятельность Преображенскаго монастыря. Успѣху этой дѣятельности монастыря должна была способствовать какъ близость части монастырскихъ земель къ городу Казани, гдѣ находился самый монастырь, такъ, съ другой стороны, сосредоточенность монастырскихъ владѣній въ немногихъ мѣстахъ—главнымъ образомъ на притокѣ рѣки Казанки, на рѣчкѣ Ноксѣ. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія средства Преображенскаго монастыря увеличились новыми пожалованіями, вслѣдствіе чего въ распоряженіи его, кромѣ прежнихъ земель, находилась еще половина деревни Салмачей, село Борисоглѣбское, Плетени тожъ, съ деревнею Поповкою подъ Казанью[2]). И прежде средства Преображенскаго монастыря были немалы, — съ пріобрѣтеніемъ же земель въ столь выгодномъ мѣстѣ они должны были усилиться въ замѣтной степени, что не могло остаться безъ послѣдствій для хозяйственной дѣятельности монастыря, какъ по отношенію ко вновь доставшимся ему вотчинамъ, такъ и къ находившимся прежде въ его владѣніи. Главнымъ хозяйственнымъ центромъ для подгородныхъ земель Преображенскаго монастыря въ началѣ XVII столѣтія[3]) было село Борисоглѣбское, Плетени тожъ, въ которомъ построена была монастыремъ деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба; при церкви былъ дворъ священника, и въ селѣ находились два монастырскихъ двора. Село Борисоглѣбское населено было бобылями, которые, живя подъ городомъ, предпочитали промышленныя занятія земледѣльческому; число ихъ въ это время было не велико и всѣ они платили одинаковый оброкъ[1]). Въ селѣ находилась небольшая монастырская пашня[2]), обрабатываемая крестьянами деревень и деревень-починковъ, которые въ данное время тянули къ селу Борисоглѣбскому. Изъ деревень, тянувшихъ къ селу Борисоглѣбскому, прежде упоминались лишь деревни Поповка и Борискова; первая, какъ мы знаемъ, пожалована была монастырю вмѣстѣ съ селомъ Борисоглѣбскимъ, вторая же упоминается въ писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Тогдашнее состояніе деревни Борисовой, какъ впрочемъ и большей части другихъ поселеній, своею пахотою, перелогомъ, населеніемъ, зарослями, значительнымъ сѣнокосомъ, большимъ пахотнымъ и непахотнымъ лѣсомъ и льготою указывало на недавность своего появленія въ здѣшнихъ мѣстахъ. О другихъ поселкахъ, примыкавшихъ къ селу Борисоглѣбскому, и пахавшихъ въ немъ монастырскую пашню[3]), говорится слѣдующее: «деревня Семибратениковъ, *Борисковъ починокъ тожъ*», въ описи же половины XVII в. о ней же сказано, что она *«стала на болотѣ* послѣ большихъ писцовъ[4])

[1]) Писц. кн. Каз. у. за № 642 лл. 160—163.

[2]) Село Борисоглѣбское съ тянувшею къ нему деревнею Поповкою сперва было въ помѣстьѣ за Никифоромъ Чепчуговымъ, «а послѣ Микифора было въ государевыхъ дворцовыхъ селехъ, а дана въ Преображенскій монастырь по государевѣ грамотѣ въ 104 году» (1596). 1-ое отд. Арх. Мин. Юст. Каз. у. № 6553 л. 3 обор.

[3]) Опись селамъ, сельцамъ и деревнямъ Преображенскаго монастыря сдѣлана была Иваномъ Болтинымъ и Осипомъ Аристовымъ вмѣстѣ съ подъячимъ Иваномъ Турусовымъ въ 1603 году. Списокъ съ нихъ сдѣланъ только вотчинъ монастырскихъ и наход. подъ № 6553. 1-го отд. Каз. у.

[1]) Эта одинаковость оброка, платимаго бобылями, быть можетъ, обусловливается недавностью ихъ поселенія. Всѣхъ бобылей было 15 дворовъ и платили они по 10 алтынъ съ двора. Сверхъ того были три бобыля льготныхъ; прозвище одного было «Кожевникъ», а другаго «Костромитинъ». По окончаніи льготы они должны были платить тотъ же оброкъ—10 алтынъ на годъ съ двора.

[2]) 17 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей.

[3]) Пахали крестьяне здѣсь по десятинѣ съ выти; выть по прежнему заключала въ себѣ 10 четей въ каждомъ изъ трехъ полей.

[4]) Большими писцами именуются обыкновенно писцы 1565—67 годовъ.

деревни Борисковы на лѣсу»; о другомъ поселеніи, «деревня Харинъ починокъ» сказано въ описи половины XVII вѣка только, что она, «*стала* послѣ большихъ писцовъ *на Борисковской землѣ*»; наконецъ о третьей деревнѣ, «Новоселки», упоминается въ половинѣ XVII ст. только, что она «стала послѣ большихъ писцовъ», — при чемъ послѣдняя деревня относительно населенія и пахоты была самая развитая изъ трехъ поселковъ; затѣмъ въ этомъ отношеніи идетъ Харинъ починокъ и потомъ наконецъ Семибратениковъ[1]). Такимъ образомъ, починокъ Семибратениковъ прямо именуется починкомъ деревни Борисовы; слѣдоватслъно это поселеніе образовалось чрезъ выдѣленіе отъ общины деревни Борисовой отдѣльной колоніи. Надобно предполагать, что и Харинъ починокъ образовался такимъ же образомъ, потому что о немъ сказано, что онъ возникъ послѣ большихъ писцовъ на землѣ, принадлежавшей деревнѣ Борисовой; только, вѣроятно, его основаніе предшествовало починку Семибратеникову, ибо въ немъ населенія и пахоты въ началѣ столѣтія было болѣе, чѣмъ у послѣдняго. Быть можетъ, и появленіе деревни Новоселокъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ деревнѣ Борисовой, ибо, кромѣ ея названія, она также возникла «послѣ большихъ

[1]) *Деревня Борисова* (оп. 1567 г.) на озерѣ на Кабанѣ на верхнемъ, 3 дв. крест. (только въ одномъ дворѣ одинъ человѣкъ, а въ остальныхъ двухъ больше), паш. доб. земли 13 четей, перелогу 4 чети, зарослей и дубровъ паш. 5 десят. въ каждомъ полѣ, сѣна 150 коп.; лѣсу паш. и непашен. полторы версты въ длину и 1 вер. попер.; *Деревня Борисова* Большая на озерѣ на Кабанѣ (оп. 1603) крест. дв. 11, 4 выти, крестьянскіе пашни 37 четей въ каждомъ полѣ, сѣна 70 коп., земля добрая; лѣсу непашен. полторы версты. *Деревня Новоселки, на озерѣ на Кабанѣ*,; 13 дв. крестьянъ, 4 выти, пашни крест. 40 чети, сѣна нѣтъ, косятъ наймуя на сторонѣ; лѣсу непашеннаго около поль 3 десятины. *Дер. Харинъ починокъ*, на истокѣ, 6 дв. крест. да дворъ бобыльск., 2 выти; паш. крест. пах. 20 чети въ кажд. полѣ; земля добрая; сѣна и лѣсу нѣтъ, сѣно косятъ наймуя на сторонѣ. *Дер. Семибратениковъ*, Борисковъ починокъ тожъ, 5 дв. крест. въ живущемъ 1 выть съ четью, пашни крест. пах. 12 чети въ кажд. полѣ, сѣна и лѣсу нѣтъ, косятъ наймуя на сторонѣ» Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 643 л. 415. 1-го отд. Каз. у. № 6553 лл. 5—8.

писцовъ» и стояла на томъ же озерѣ, на которомъ съ самаго начала основалась община деревни Борисовой. Быть можетъ, болѣе раннее основаніе деревни Новоселокъ[1]) и довольно скорое увеличеніе въ ней населенія и пахоты были причиною того, что память объ этой связи ея съ деревнею Борисовой исчезла въ началѣ XVII столѣтія. Изъ другихъ вновь появившихся поселеній Преображенскаго монастыря только относительно деревни-починка Решетникова съ нѣкоторою вѣроятностью можно указать на его происхожденіе. Опись починка Решетникова помѣщена непосредственно вслѣдъ за описью сельца Клыки и начинается такимъ образомъ: «деревня-починокъ Решетниковъ *на болотѣ мшаномъ, сталъ ново на лѣсу промежъ сельца Клыковъ*». Дѣйствительно, у сельца Клыки Мельничные, что на р. Ноксѣ[2]), вмѣстѣ съ деревнями Большіе и Средніе Клыки на той же рѣкѣ, былъ въ 1567 году во владѣніи общій лѣсъ, простиравшійся на 2 версты въ длину и на одну версту поперекъ; въ самомъ сельцѣ Клыкахъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, правда, не было крестьянъ, а находились лишь два монастырскихъ двора да монастырская пашня съ сѣнокосомъ[3]), — но въ началѣ XVII столѣтія въ этомъ сельцѣ уже жила крестьянская община изъ 14 дворовъ, которая имѣла довольно порядочную пахоту, кромѣ монастырской[4]).

Такимъ образомъ, возникновеніе починка Решетникова при помощи общины сельца Клыки представляется весьма вѣроятнымъ, особенно, если принять во вниманіе незначительность въ данное время населенія и пахоты въ поселкѣ[5]), равно какъ и

[1]) Вслѣдствіе этого, вѣроятно, только въ ней среди угодій и попадается лѣсъ, въ то время, какъ у другихъ поселковъ его нѣтъ.

[2]) Клыки *Мельничные*, ибо на рѣкѣ Ноксѣ находилась мельница Большое колесо.

[3]) «Пашни монастырскіе добрые земля 30 четей въ каждомъ полѣ, а сѣна по р. Ноксѣ и около поль 100 пай».

[4]) Писц. кн. за № 643 и 1-го отд. Каз. у. № 6553, л. 9—10.

[5]) Въ починкѣ Решетниковѣ находилось 306 крест. и 7 четей пахоты въ одномъ полѣ; сѣна 30 копенъ.

то, что его крестьяне во время описи находились еще на льготѣ, что все вмѣстѣ взятое указываетъ на недавность появленія поселка. О возникновеніи остальныхъ поселковъ, съ которыми впервые встрѣчаемся въ началѣ XVII столѣтія, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, вслѣдствіе отсутствія въ этомъ направленіи какихъ либо указаній [1]). Изъ отношеній же нѣкоторыхъ новыхъ поселковъ къ тому или другому хозяйственному центру въ настоящемъ случаѣ мы не рѣшаемся дѣлать какого либо предположенія [2]). Изъ другихъ измѣненій, происшедшихъ за настоящій промежутокъ времени въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря, слѣдуетъ отмѣтить превращеніе починка Сафарова на р. Ноксѣ въ село Богородское. Въ соотвѣтствіе съ этимъ мы находимъ въ немъ теперь церковь, строенія монастырскаго, съ дворомъ при ней священника, съ дворами монастырскими и съ монастырскою же пашнею, обрабатываемою квестьянами села Богородскаго и деревень, примыкавшихъ къ нему въ хозяйственномъ отношеніи. Хотя число крестьянскихъ дворовъ села было невелико, но зажиточность ихъ, судя по крестьянской пахотѣ и по тому, что сельская церковь снабжена была образами, книгами, колоколами и утварью на счетъ прихожанъ, вѣроятно, была порядочная. Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности этого поселенія: величина сѣнокоса въ немъ осталась та же, что и прежде, равно какъ не измѣнилось и пространство непаханнаго лѣса; послѣднее обстоятельство впрочемъ объясняется въ концѣ описи: «а въ томъ лѣсу борти, вотчинники Татаровя, а оброкъ даютъ въ

[1]) Это новыя поселенія суть слѣдующія: *деревня-починокъ Хариповской* 5 дв. крест. на 5 вытяхъ, сѣна нѣтъ, живутъ на льготѣ. *Деревня-починокъ Черемхинъ*—4 дв крест., на 1 выти, сѣна около поль 40 коп. *Починокъ Некрасовъ*,—въ немъ 2 дв. крест. (въ однемъ дворѣ живетъ «Некраско Кузьминъ, да сынъ Якунко») оба двора на полторы выти, сѣна 45 коп.; два поселка стоятъ на р. Ноксѣ. № 6553 лл. 13, 18—19.

[2]) Крестьяне деревни-починка Черемхина вмѣстѣ съ крестьянами деревни Большихъ Клыковъ пахали монастырскую пашню въ деревнѣ Подсѣкѣ, а крестьяне починка Некрасова пахали монастырскую пашню вмѣстѣ съ крестьнами другихъ деревень въ селѣ Богородскомъ.

монастырь». Такимъ образомъ, значительное увеличеніе пахотной земли, находимое нами въ селѣ Богородскомъ, сравнительно съ тѣмъ, какое было въ починкѣ Сафаровѣ, произошло главнымъ образомъ на счетъ перелогу и зарослей, которые съ самаго начала въ довольно значительномъ количествѣ встрѣчаются въ починкѣ [1]). Съ монастырскимъ хозяйствомъ въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря въ данное время встрѣчаемся одинаково какъ въ селахъ и сельцахъ, такъ и въ деревняхъ. Даже можно сказать, что самая значительная пахота монастырская находится теперь въ деревнѣ [2]), между тѣмъ какъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія монастырская пашня была лишь въ одномъ сельцѣ Клыкахъ. При этомъ нужно упомянуть, что монастырь для пахоты и для другихъ своихъ промысловъ пользуется уже не только трудомъ крестьянъ, живущихъ на его земляхъ, но содержитъ еще и порядочное количество рабочихъ людей («дѣтенышевъ»), обозначаемыхъ какъ «годовые наемные»; судя по такимъ ихъ прозвищамъ, какъ «Нижегородецъ» или «Вологжанинъ», они приходили въ Казанскій уѣздъ изъ разныхъ, и не близкихъ, мѣстъ [3]). Пространство монастыр-

[1]) *Починокъ Саваровъ* (он. 1567) на р. Ноксѣ, а въ немъ крест. 3 дв., паш. доб. зем. 5 чет., да перелогу 20 четей въ каждомъ полѣ, да зарослей и дубровъ пашенныхъ къ тремъ полямъ 15 десятинъ; сѣна по рѣкѣ и по дубровѣ 100 коп.; лѣсу паш. и непаш. около поль по смѣтѣ 50 десятинъ. Да у того жъ починка монастырская мельница Большое Колесо, а у мельницы дворъ монастырскій, а живетъ въ немъ мельникъ старикъ Якимъ». *Село Богородское, а Саваровъ починокъ тожъ* (оп. 1603) на р. Ноксѣ, а въ немъ храмъ древянъ Успенія преч. Богородицы, монастырское строеніе, а въ церкви образы и книги и всякое строеніе мірское, дворъ монастырской, а въ немъ живутъ старцы изъ монастыря наѣздомъ, перемѣняясь, да 2 дѣтеныша (работника); на монастырскомъ же дворѣ дворъ коровей, а въ немъ живетъ мельникъ, . . . пашни монастырскіе 22 чети съ осьминою, пашутъ Богородскаго села крестьяне, да Енгильдеевскаго, да Некрасова починка, да деревни-починка Полянокъ» крест. двор. 10, «въ живущемъ полѣ пяты выти, пашни пах. крестьянскіе 45 четей въ каждомъ полѣ . . сѣна по рѣкѣ и около поль по дубровамъ 100 коп. лѣсу непаш. 50 десят., а въ томъ лѣсу борти, вотчинники татаровя, а оброкъ даютъ въ монастырь». Писц. кн. Каз. у. за № 643 л. 411; 1-е отд. Каз. у. № 6558, л. 17.

[2]) Деревня *Подсѣка* за Арскимъ полемъ.

[3]) 1-го отд. Каз. у. № 6553 лл. 5, 9, 15, 17, 20.

ской пахоты, обрабатываемой лишь монастырскими крестьянами, увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза, противъ того, какою мы ее оставили въ XVI столѣтіи [1]). Число крестьянскихъ дворовъ съ 44 увеличилось до 121 двора. Крестьянская пашня отъ 263 четвертей возросла до 840 четвертей въ каждомъ полѣ. Въ нѣкоторомъ отношеніи съ увеличеніемъ пахотной земли въ монастырскихъ вотчинахъ и умноженіемъ населенія въ нихъ должно находиться уменьшеніе лѣснаго пространства,—которое дѣйствительно съ 10 верстъ длины и 6 поперекъ умалилось до 6 верстъ длины и 3 съ половиною поперекъ. Но прибыль сѣнокоса въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря, какъ и въ поселеніяхъ Свіяжскаго уѣзда въ XVII столѣтіи, находится не въ соотвѣтстіи съ увеличеніемъ пахотной земли; мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ новыхъ монастырскихъ поселеніяхъ подъ Казанью сѣна совсѣмъ не было,—въ описи говорится: «косятъ наймуя на сторонѣ»; въ иныхъ поселеніяхъ сѣнокосы совсѣмъ не увеличились, а въ другихъ если и замѣтно увеличеніе, то въ размѣрахъ очень скромныхъ [2]). Слѣдуетъ упомянуть также и о томъ, что въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ въ началѣ XVII столѣтія совсѣмъ не встрѣчаемся съ перелогами и зарослями на пахотной землѣ,—явленіе, косвенно свидѣтельствующее объ удовлетворительномъ состояніи здѣсь крестьянскаго и монастырскаго хозяйствъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря находимъ три мельницы, которыя принадлежали къ одному типу—«Большое колесо» и расположены были на р. Ноксѣ. Въ старыхъ сельцахъ и въ деревняхъ, находившихся на р. Ноксѣ, пахота и населеніе увеличились за этотъ промежутокъ времени болѣе, чѣмъ вдвое противу того, какими они были въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія. Сверхъ того, на р. Ноксѣ появляются новыя поселенія [1]), которыхъ крестьяне также обзаводятся пашнею и потребляютъ лѣсъ въ мѣстахъ близкихъ къ рѣкѣ. Вслѣдствіе подобной дѣятельности количество влаги должно было уменьшиться, и воды въ рѣкѣ въ послѣднее время не могло уже быть такъ много, какъ въ началѣ появленія здѣсь поселеній. Въ результатѣ сила водной стремительности въ рѣкѣ Ноксѣ стала гораздо слабѣе, и мельницы, расположенныя на рѣкѣ, не могли теперь всѣ успѣшно работать, вслѣдствіе чего, вѣроятно, одна мельница на р. Ноксѣ упразднена совсѣмъ и либо перенесена, либо вновь построена на другой рѣкѣ, на Сельдѣ. Но и старыя мельницы на р. Ноксѣ величиною своихъ поставовъ теперь уже не всегда были подъ силу рѣкѣ, на которой стояли, потому что о нихъ говорится: «а мелетъ вешнею полою или дождевою скопленною водою» [2]).

Въ заключеніе укажемъ еще одну особенность, съ которою вначалѣ встрѣчаемся въ поселеніяхъ Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ, и на ея послѣдующее видоизмѣненіе. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ монастырскихъ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка среди поселенцевъ вмѣстѣ съ русскими крестьянами живутъ «новокрещены, полоняники и Чуваши»; объ одномъ починкѣ даже прямо сказано: «а живутъ въ немъ Татаровя на льготѣ» [3]). Въ началѣ XVII столѣтія во всѣхъ этихъ поселеніяхъ, не исключая починка, все населеніе

[1]) Прежде монастырская пашня въ сельцѣ Клыкахъ состояла изъ 30 четей въ каждомъ полѣ, а теперь—84 четей въ каждомъ полѣ; 19 четвертей обрабатывали дѣтеныши.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ сельцѣ Клыкахъ на р. Ноксѣ въ шестидесятыхъ годахъ было 100 коп. и въ началѣ XVII ст. столько же. Въ сельцѣ Среднемъ Клыкѣ, на той же рѣкѣ сперва 150 коп., и впослѣдствіи столько-же. Починокъ Шамасырь сперва 50 коп., потомъ ставши деревнею въ началѣ XVII в. 80 коп. и другіе подобные же факты. Писц. кн. Каз. у. за № 643 и 1-ое отд. Каз. у. № 6553 л. 3, 12.

[1]) На р. Ноксѣ расположены были—деревня-починокъ Хариповской и починокъ Некрасовъ.

[2]) Тамъ же лл. 9, 17, 19.

[3]) Смѣшанное населеніе на земляхъ Преображенскаго монастыря въ 1567 году встрѣчается въ сельцѣ Средній Клыкъ и въ сельцѣ Куюкѣ; имена и прозвища такого рода: «Малахъ полоняникъ, Серга Дочшакъ Осташевъ, Енакъ, Еней и др. Починокъ, въ которомъ живутъ татаровя, называется Шамасырь, въ немъ 6 дв.: дв. Шамасырь, дв. Аникей, дв. Марча Осановъ и др.» Писц. кн. Каз. у. за № 643 л. 413 и др.

носитъ православныя имена съ русскими прозвищами,—слѣдовательно совершилось полное претвореніе за этотъ промежутокъ времени инородцевъ и иновѣрцевъ въ православныхъ русскихъ людей [1]).

Изъ приведенныхъ очерковъ можно видѣть, что на луговой сторонѣ Волги, какъ это мы видѣли ранѣе въ нагорной, дѣло русской колонизаціи и культуры подвигалось довольно успѣшно во второй половинѣ XVI столѣтія. Но съ наступленіемъ эпохи смутъ и въ Казанскомъ уѣздѣ, какъ въ Свіяжскомъ, исчезла безопасность личности и собственности, начались убійства и разоренія не только деревень и селъ, но также и городовъ. И здѣсь, на луговой сторонѣ, преимущественными дѣятелями при разореніяхъ являются инородцы, которые не останавливались и предъ религіозною святынею; такъ, въ одной изъ грамотъ смутнаго времени говорится, «что всякіе воры, и Черемиса и многіе люди городъ Котельничъ взяли и церкви Божіи осквернили и многихъ людей побили и до основанія разорили» [2]). Судя по оскверненію церквей, слѣдуетъ предполагать, что въ данномъ дѣлѣ главными дѣятелями были язычники Черемисы, у которыхъ грабительскіе инстинкты были изощрены, и христіанская святыня не имѣла никакого значенія. Вслѣдствіе отсутствія безопасности и большихъ разореній, въ уѣздѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не собирали доходовъ, такъ что денегъ на общественные расходы въ Казани не было. Объ этомъ сами Казанцы свидѣтельствуютъ въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія: «а у насъ въ Казани въ сборѣ денегъ нѣтъ, потому всякихъ доходовъ съ Чуваши и съ Черемисы съ дворовъ ясашныхъ и съ вотчинъ оброчныхъ денегъ

[1]) Въ сельцѣ Куюкахъ въ 1603 г. староста Терешка Григорьевъ, затѣмъ Якунка Леонтьевъ, Посничко Андреевъ, Ивановъ, Васильевъ, Ѳедосѣевъ, Михайловъ и др. Въ деревнѣ Малые Татарскіе Клыки, что былъ починокъ Шамасырь, Савка Андреевъ, Вахрамѣйко Дмитрѣевъ, Петрушка Ѳедоровъ, прозвище Беверимъ, Лучка Петровъ, Ѳедька Ивановъ и др. (всѣхъ 9 двор.). 1-ое отд. Каз. у. № 6553. лл. 12 и 16.

[2]) Ак. Арх. Эксп. т. II-ой № 148.

не имано для смутнаго времени *по три годы ни одное деньги, и кабаки заперты были по многое время и таможенныхъ пошлинъ взяти было не съ чево»* [1]).

И въ Казанскомъ уѣздѣ съ избраніемъ Михаила Ѳедоровича на царскій престолъ не установилось полное спокойствіе, хотя и прекратилось междуцарствіе; здѣсь къ мѣстнымъ элементамъ безпокойства въ видѣ множества Черемисъ присоединялось и сосѣдство со степью, которая начиналась непосредственно за рѣкою Камою. Намъ извѣстно уже, что на правомъ берегу Камы въ нѣкоторыхъ, болѣе опасныхъ, мѣстахъ построены были острожки, укрѣпленные башнями и снабженные пищалями, отъ чего безопасность могла здѣсь нѣсколько увеличиться; мы указывали, что въ нѣкоторой связи съ этимъ, по всей вѣроятности, находится умноженіе населенія въ поселеніяхъ, которыя встрѣчаются около остроговъ. Но, быть можетъ, умноженіе населенія въ Казанскомъ уѣздѣ вскорѣ послѣ смутнаго времени и нѣкоторая зажиточность его сильнѣе соблазняла кочевыхъ обитателей сосѣдней степи, находившихъ себѣ иногда хорошихъ союзниковъ въ мѣстныхъ инородцахъ, вмѣстѣ съ которыми они могли успѣшно производить свои вторженія и разорять трудовое земледѣльческое населеніе уѣзда [2]). Вѣроятно, вслѣдствіе этого около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія (1617 г.) въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ Казанскаго уѣзда, на ряду съ прибылымъ населеніемъ, попадается не мало дворовъ, о которыхъ прямо сказано: «крестьянскіе дворы пустые отъ татарскаго разоренья» [3]).

Землевладѣльцы съ большими средствами, владѣвшіе землями въ такихъ мѣстахъ, которыя подвергались опасности отъ

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 256; А. А. Эк. т. II, № 188.

[2]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6429 гр. 1644 г.

[3]) Въ селѣ Бетькахъ по оп. 1617 г. на 44 двора жилыхъ, пустовыхъ отъ вышеприведенной причины 14 дв.; въ дер. Ошнякѣ, тянувшей къ Бетькамъ, на 21 дв. жилой, 4 двора пустыхъ; въ новомъ починкѣ Горбуновѣ на 9 дв. жилыхъ, 2 дв. пустыхъ. Писц. кн. Каз. уѣзда за № 153, № 508 лл. 1027—1038.

нападеній со стороны кочевыхъ обитателей степи, съ дозволенія правительства на свой счетъ воздвигали острожки «для приходу Нагайскихъ людей». Подобное позволеніе получилъ въ данное время (1617 г.) архимандритъ Богородицкаго монастыря, владѣвшій пожалованною землею въ Казанскомъ уѣздѣ «на рѣкѣ на Вяткѣ близко Камы рѣки», гдѣ у него находилось сельцо Мамадышъ, бывшее въ опасности отъ близкаго сосѣдства закамской степи [1]. Самъ великій государь, какъ крупный землевладѣлецъ, долженъ былъ тоже заботиться о безопасности крестьянъ, которые жили на дворцовыхъ земляхъ. Эта опасность, какъ мы уже видѣли, могла грозить населенію Казанскаго уѣзда, не только со стороны Камы, а также и со стороны инородцевъ, жившихъ въ уѣздѣ; изъ коихъ нѣкоторые — Черемисы—производили большія опустошенія по среднему теченію р. Вятки. Намекъ на разрушительную дѣятельность Черемисъ въ эпоху смутъ находимъ, кромѣ выше приведеннаго, еще въ другомъ мѣстѣ—по среднему теченію р. Вятки. Около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія на р. Вяткѣ въ дворцовой Кукарской слободѣ находимъ «кругомъ слободы острогъ, а на острогѣ три пищали затинныхъ, да въ казнѣ 10 ручныхъ самопаловъ». Въ самой слободѣ въ данное время находилась деревянная церковь съ образами и колоколами «государева строенья», дворъ прикащика, 84 двора крестьянскихъ, 12 бобыльскихъ и 5 дворовъ льготныхъ. Крестьяне значатся «на отъѣзжей пашнѣ», которой только 30 четвертей «на росчистяхъ». Кромѣ того, въ слободѣ числится «церковные земли лѣсомъ поросло 40 четей, да крестьянскіе жъ земли *боровымъ большимъ лѣсомъ поросло* 180 четей» [2]. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ одной стороны съ довольно значительною крестьянскою общиной, а съ другой—съ очень небольшою, сравнительно съ числомъ членовъ общины, пахотой, о которой говорится, что она расчищена,—слѣдовательно, прежде была покрыта лѣсомъ;

[1]) А. А. Э. т. III, № 90.
[2]) Писц. кн. Каз. у. за № 153 лл. 1556—1564.

затѣмъ упоминается о довольно значительной церковной землѣ и о большой пахотѣ крестьянской, которыя поросли лѣсомъ. По этимъ даннымъ слѣдуетъ предполагать, что прежде здѣсь находилось довольно значительное поселеніе, жители котораго распахали землю для церкви и для самихъ себя, но потомъ, быть можетъ, въ смутное время, жившая тутъ крестьянская община подвергалась нападенію и разоренію, вслѣдствіе чего земля большею частью была брошена и успѣла заростi лѣсомъ. Послѣ междуцарствія, правительство, вслѣдствіе опасностей, которыя, вѣроятно, грозили здѣсь общинѣ дворцовыхъ крестьянъ, распорядилось окружить слободу острогомъ; и вотъ къ остаткамъ отъ прежней общины крестьянской присоединяются новые,—быть можетъ, возвратились также нѣкоторые изъ разбѣжавшихся,— и стали расчищать почву, успѣвшую заростi порядочнымъ лѣсомъ. Предположеніе о разгромѣ Кукарской слободы выведено изъ показаній старосты и слободскихъ крестьянъ, что «крестьяне десятинные пашни не пашутъ и денежнаго оброку не платятъ отъ смутныхъ годовъ», и далѣе они же показали, что «платежныя отписи у нихъ поимали Черемиса въ смутные годы». Кромѣ обычныхъ льготъ крестьянъ влекли сюда еще обширныя угодья въ видѣ «рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ и всякихъ водяныхъ промысловъ», которыя предоставлены были имъ въ разномъ направленіи на много верстъ по рѣкѣ Вяткѣ и по ея притокамъ—Пижмѣ и Немдѣ [1]).

Мы видѣли разоренія, которыя Казанскій уѣздъ испыталъ въ смутное время въ разныхъ мѣстахъ, видѣли также и недостатокъ средствъ въ первое время для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, въ то время, какъ они требовали удовлетворенія. Одною изъ общественныхъ нуждъ въ Казанскомъ уѣздѣ, гдѣ среди населенія находилось не мало всякихъ инородцевъ, были средства для содержанія стрѣльцовъ, которые должны были поддерживать авторитетъ русской власти и порядокъ, еще не вполнѣ установившійся въ краѣ, граничившемъ со

[1]) Тамъ же лл. 1561—1564.

степью и его кочевыми обитателями. Эти-то средства, быть можетъ, мѣстами взимаемыя въ очень значительномъ количествѣ, въ соединеніи съ нападеніями пришлыхъ и мѣстныхъ инородцевъ являются причинами того, что послѣ междуцарствія уже нѣкоторые крестьяне, жившіе на дворцовыхъ земляхъ, «разбѣжались отъ татарскіе шатости и отъ стрѣлецкихъ запасовъ»[1]).

Казанское царство, богатое землями, по всей вѣроятности, старалось также ихъ раздачей отдѣльнымъ людямъ извлекать для себя нѣкоторыя выгоды. Вслѣдствіе этого русское правительство послѣ завоеванія Казанскаго царства застало не мало такихъ людей, которые владѣли здѣсь землями «по старинѣ». Непосредственно послѣ завоеванія Московское правительство по понятному чувству осторожности не могло къ своимъ новымъ подданнымъ отнестись съ такимъ же довѣріемъ, какъ къ русскимъ людямъ, которыхъ оно и старается поэтому водворять въ этой странѣ въ качествѣ служилыхъ людей на доставшихся ему обширныхъ земляхъ Казанскаго царства. Въ то же время русское правительство не могло отнять землю у туземныхъ землевладѣльцевъ, которые не скомпрометировали себя участіемъ въ возстаніяхъ противъ Россіи. Поэтому мы встрѣчаемъ иногда, что нѣкоторые туземцы, обладавшіе «жеребьями», «послѣ Казанскаго взятья съ того жеребью земли въ государеву казну платятъ денежной оброкъ». По всей вѣроятности, оброкъ этотъ былъ не великъ и правительство находитъ впослѣдствіи для себя болѣе выгоднымъ подобныхъ людей обязать вмѣсто денежнаго оброка «съ жеребья служить государева служба»[2]). Этимъ, должно быть, обусловливается значительное количество служилыхъ новокрещенъ, служилыхъ татаръ и ясачныхъ чувашъ, владѣвшихъ въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстными жеребьями и землею «безъ дачь и государевыхъ грамотъ и выписей», которые, однако, указывали правительственнымъ лицамъ, какъ на

[1]) Тамъ же лл. 1503—1510. (описаніе 1621 года дворцоваго села Сабуголей съ деревнями).

[2]) Писц. кн. Каз. у. за № 642, л. 27.

законное основаніе для своего обладанія, на то, «что тѣми жеребьи владѣли отцы ихъ и дядья и братья до Казанскаго и послѣ Казанскаго взятья, а они послѣ ихъ тѣми помѣстными жеребьи владѣютъ по старинѣ жъ безъ дачь»[1]). Московское правительство, съ своей стороны, послѣ замиренія края старается пользоваться умомъ и энергіею мѣстнаго населенія для государственныхъ цѣлей; русскихъ служилыхъ людей было недостаточно для удовлетворенія нуждъ здѣшняго края, поэтому правительство раздаетъ отдѣльныя жеребья и другія доходныя статьи въ помѣстье инородцамъ, обращая ихъ въ своихъ служилыхъ людей и обязывая службою себѣ въ здѣшней странѣ. Земли и угодья, бывшія за служилыми и ясачными инородцами, обыкновенно записывались въ отдѣльныхъ книгахъ, которыя не смѣшивались съ книгами, заключавшими въ себѣ земли и угодья русскихъ служилыхъ людей.

Приступая къ обзору явленій, которыя встрѣчаются намъ въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ инородческомъ хозяйствѣ Казанскаго уѣзда, мы предварительно должны остановиться на одномъ обстоятельствѣ: въ это время намъ нерѣдко попадаются въ деревняхъ и даже иногда въ селахъ земли, находящіяся во владѣніи «за служилыми за ясачными *новокрещены*». Чтобы намъ понятно было это обстоятельство, мы должны сперва указать на нѣкоторые факты, совершившіеся въ Казанскомъ уѣздѣ вскорѣ послѣ прекращенія на Руси междуцарствія.

Начало XVII столѣтія въ жизни русскаго народа, какъ извѣстно, было болѣзненною эпохою, извѣстною подъ названіемъ эпохи смутъ, о которой выше говорено было достаточно. Народъ русскій вышелъ изъ этой тяжелой эпохи побѣдителемъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что возродившійся въ лучшихъ людяхъ политическій смыслъ сообщился большинству тогдашняго общества, понявшаго необходимость для русскаго народа особеннаго политическаго единенія, которое было бы независи-

[1]) Тамъ же лл. 69—70, 140, 235 238.

мымъ отъ западныхъ сосѣдей Россіи. Но время это было временемъ возрожденія не одного только общественнаго смысла въ русскомъ народѣ, а также и временемъ возбужденія въ немъ религіознаго чувства, потому что русскій человѣкъ сознавалъ въ то время не столько политическую особенность свою отъ сосѣдей, сколько религіозную. Многіе члены русскаго общества въ соотвѣтствіи съ своимъ религіознымъ настроеніемъ склонны были видѣть въ единичныхъ и общественныхъ страданіяхъ смутнаго времени наказаніе, свыше ниспосланное за тѣ пороки и недостатки, которые обнаруживались въ нравственныхъ и экономическихъ отношеніяхъ общества тогдашняго времени [1]). Результатомъ подобнаго настроенія является обыкновенно необходимость покаянія, вслѣдствіе чего число братіи въ монастыряхъ увеличивается прибытіемъ новыхъ членовъ, ищущихъ въ монастыряхъ удовлетворенія охватившей ихъ религіозной ревности. И дѣйствительно, въ Преображенскомъ монастырѣ, что въ Казани, количество братіи въ началѣ XVII столѣтія сильно увеличилось [2]). Въ Преображенскій же монастырь пришелъ въ 1618 году, между прочимъ, и благочестивый инокъ Филаретъ. Проживая въ монастырѣ, Филаретъ часто удалялся для молитвы въ пустынныя мѣста. «Однажды, пришедъ на мѣсто, на которомъ стоитъ теперь Раифская пустынь, онъ плѣнился красотою и безмолвіемъ его и рѣшился остаться тутъ. Никого не было въ этомъ мѣстѣ, только дикіе Черемисы приходили по временамъ на озеро для принесенія языческихъ жертвъ. Скоро собрались къ нему другіе иноки, и, по смерти Филарета, здѣсь былъ основанъ монастырь» [3]).

Около двадцатыхъ годовъ этого столѣтія появился въ Казанскомъ уѣздѣ и другой монастырь, основанный инокомъ

---

[1]) Подозрѣніе, легкое отношеніе къ присягѣ, огромные росты и пр.

[2]) Въ 1614 году архимандритъ Преображенскаго монастыря въ своей челобитной царю пишетъ, что при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ въ ихъ монастырѣ «братьи было немного, *всего братовъ съ тридцать, а ныне де въ монастырѣ братьи умножило, братовъ съ полтараста*» Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6429, грам. 1614 г.

[3]) Правосл. собес. 1864 года Февр. «Вліяніе монаст. на разс. народное въ Казан. краѣ» Нурманскаго 204 с. (ссылка на рукоп. библ. Казан. акад.).

Евфиміемъ [1]). Прибывши въ Казань Евфимій сталъ искать уединеннаго мѣста, которое обрѣлъ тамъ, гдѣ въ настоящее время находится Семиозерная пустынь. Это мѣсто, кромѣ озеръ, было въ то время богато еще и вѣковымъ лѣсомъ, въ которомъ жили Черемисы. Около того мѣста, гдѣ поселился инокъ Евфимій, стоялъ тогда дубъ, къ которому приходили Черемисы для принесенія языческихъ жертвоприношеній. Однажды въ этотъ дубъ ударила молнія и разбила его. Черемисы приняли это за особенное знаменіе Божіе и удалились отсюда. Къ Евфимію между тѣмъ начали сходится другіе иноки; положено было основаніе монастырю, около котораго вскорѣ стали появляться и крестьянскіе дворы. Такимъ образомъ возникъ Семиозерный монастырь [2]). Въ иномъ мѣстѣ было уже нами высказано [3]), что первымъ православнымъ монастырямъ въ здѣшнемъ краѣ, населенномъ исключительно язычниками и магометанами, естественнѣе всего было являться въ городахъ, какъ единственныхъ въ тогдашнее время мѣстахъ, гдѣ жили многіе христіане. Съ тѣхъ поръ, однако, въ продолженіи пятидесятилѣтняго господства здѣсь московскаго государства, обстоятельства нѣсколько измѣнились: въ Казанскомъ уѣздѣ появляются не только русскіе служилые люди, но на земляхъ, принадлежащихъ имъ и другимъ русскимъ землевладѣльцамъ, поселяются и общины православныхъ крестьянъ, которые водворяютъ здѣсь русскую культуру. Вслѣдствіе этого и православные монастыри могли, такъ сказать, выйти изъ-за городскихъ стѣнъ, потому что они получили теперь возможность опираться на православнаго русскаго человѣка не въ городѣ только, но и внѣ городской черты. И вотъ религіозный подъемъ, наглядно обнаружившійся въ появленіи въ Казанскомъ уѣздѣ православныхъ монастырей среди инородцевъ и на землѣ для нихъ священной

---

[1]) Раифская пустынь находится въ западномъ направленіи отъ города Казани приблизительно въ 30 верстахъ отъ города; Семиозерная болѣе въ сѣверномъ направленіи и въ 17 верстахъ отъ Казани. Извѣстія о Семиозерной пустыни попадаются около 1625 года.

[2]) Тамъ же сс. 203—204.

[3]) Поволжье въ XV и XVI вв. 243 стр.

(они совершали въ тѣхъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, свои языческія жертвоприношенія), долженъ былъ сказаться также и въ ревности по распространенію Христовой вѣры между инородцами. Этимъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить значительное число служилыхъ и ясачныхъ *новокрещенъ*, съ которыми встрѣчаемся въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ [1]). При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что къ христіанству обращались иногда инородцы, владѣвшіе «помѣстными жеребьями безъ дачь и государевыхъ грамотъ..... по старинѣ» [2]), слѣдовательно, люди, бывшіе, повидимому, издавна обезпеченными. Кромѣ того, есть факты, показывающіе, что это обращеніе, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, было не одною лишь формальностью, потому что, напримѣръ, служилые новокрещены бывшей деревни Ишеры, среди которыхъ находились люди, искони обладавшіе землею, построили деревянную церковь, снабдили ее образами, книгами, ризами, сосудами церковными и колоколами,—все это означено, какъ «строенье служилыхъ и ясачныхъ новокрещенъ» [3]); такимъ образомъ инородческая деревня превращается въ православное село усиліями и средствами новыхъ христіанъ, что не можетъ несвидѣтельствовать объ ихъ ревности къ христіанской вѣрѣ.

Обращаясь къ хозяйству служилыхъ и ясачныхъ инородцевъ въ Казанскомъ уѣздѣ, мы прежде всего должны отмѣтить тотъ фактъ, что въ данное время у нихъ большей частью преобладаетъ сѣнокосъ надъ пахотою въ столь рѣзкой формѣ, въ какой почти не встрѣчается въ поселеніяхъ русскихъ людей [4]);

[1]) Служилые и ясачные новокрещены встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда—въ деревняхъ и въ волостяхъ. См. Писц. кн. Каз. у. № 642 лл. 5—7, 58—90, 103, 124.

[2]) Тамъ же лл. 69—70.

[3]) Тамъ же.

[4]) Для примѣра—«*деревня Аганбашъ* за Ясачною Чувашею за 22 дворами пашни 198 чет. въ каждомъ полѣ, сѣна по р. Мешѣ да за р. за Камою 6600 коп. *Въ волости въ Малмыжѣ* за служилыми и за ясачными людьми пашни и перелогу и лѣсомъ поросло 248 чет. въ кажд. полѣ, сѣна на 8200 коп.; лѣсу дубровы пашенные въ длину на 3 вер., а поперекъ на 1 в. *Въ дер. Байгозѣ* за ясачною Чувашею и за служилыми татары паш. 93 чет., сѣна 4700 коп. Тамъ-же лл. 16, 43, 124 и др.

даже у священника села Ишеры, населеннаго, какъ мы уже видѣли, ясачными и служилыми инородцами, при 16 четвертяхъ пахоты въ каждомъ полѣ числится 300 копенъ сѣна. Но и та земля, которая находилась подъ пахотою, далеко не вся была обработана удовлетворительно въ хозяйственномъ отношеніи, о чемъ свидѣтельствуютъ довольно наглядно пустоши, перелоги и поросли, нерѣдко попадающіяся на ихъ земляхъ [1]). Отсюда можно заключить, что, вѣроятно, инородцы въ Казанскомъ уѣздѣ и въ описываемое время скотоводствомъ занимались съ бо́льшею охотою, чѣмъ земледѣліемъ. Населеніе инородческихъ земель, кромѣ самихъ инородцевъ, состоявшихъ изъ служилыхъ и ясачныхъ новокрещенъ, татаръ, черемисъ и чувашъ, принадлежало также и другимъ народностямъ; такъ, напримѣръ, среди нихъ встрѣчаются «дворы латышскіе», а затѣмъ люди съ прозвищами «Латышъ», «Литвинко», «Нѣмчинъ», которые иногда занимаются пахотою и живутъ на льготѣ; между льготными земледѣльцами на земляхъ служилыхъ инородцевъ изрѣдка попадаются дворы людей съ прозвищемъ «Русакъ» [2]). Кромѣ пахотныхъ земель съ сѣнокосными угодьями за служилыми инородцами въ помѣстьѣ въ Казанскомъ уѣздѣ находились еще и другія доходныя статьи, какъ-то: рыбныя ловли въ рѣкахъ и озерахъ, бортные ухожаи, бобровые гоны, перевозы и мельницы на рѣкахъ и кабаки; къ послѣднимъ, кажется, иногда относились отдѣльныя строенія на рѣчныхъ перевозахъ и на дорогахъ, гдѣ взималось съ проѣзжихъ «таможенное». Всѣ эти доходныя статьи эксплоатировались либо непосредственно служилыми людьми, либо же сдавались ими на откупъ другимъ лицамъ. Въ общемъ и состояніе перечисленныхъ статей дохода у служилыхъ инородцевъ находилось въ несовсѣмъ удовлетворительномъ состояніи. Это лучше всего можно видѣть изъ того обстоятельства, что изъ всей суммы угодій и доходныхъ статей въ Казанскомъ уѣздѣ болѣе четверти были пусты,—слѣдова-

[1]) Тамъ лл. 5, 25, 31, 46, 122, 124 и др.

[2]) Тамъ же лл. 2, 15, 103—104, 109, 112—113.

тельно не приносили своимъ владѣльцамъ никакой выгоды [1]). Что же касается до положенія въ это время инородцевъ на луговой сторонѣ, то можно сказать, что оно въ общемъ было тоже, что и въ нагорной сторонѣ. И здѣсь воеводамъ, отправляемымъ въ какой-либо городъ, въ уѣздѣ котораго жили инородцы, поручалось «смотрѣти надъ головою стрѣлецкимъ и надъ подъячими и надъ толмачами и надъ приставы и надъ всякими русскими людьми и *беречи того накрѣпко, чтобъ они Черемисы не обидили и посуловъ и поминковъ съ нихъ не имали и насильствъ имъ нечинили*; да емужъ смотрѣти за дѣтьми боярскими за всякими сборщики и за кабацкими и за таможенными откупщики дозирати по часту, чтобъ . . . . . Царевонокшайскимъ Новокрещеномъ и Черемисы и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людемъ напрасные жесточи и насильства и налоговъ и продажъ не дѣлали . . . . . а къ Новокрещеномъ и къ Черемисамъ держати ласки и привѣтъ и береженье, чтобъ они въ Царевококшайскомъ измѣнъ не завели и какова дурна не учинили»; здѣсь же поручается воеводѣ «лучшихъ людей» изъ Черемисы «имати въ аманаты» (заложники) и держать ихъ въ городѣ [2]).

Около половины XVII вѣка служилому человѣку Семену Волынскому было поручено Казанскимъ приказомъ сдѣлать опись Казанскому уѣзду. Вѣроятно, вслѣдствіе обширности и довольно уже значительной населенности этого уѣзда опись въ данное время производилась въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1648—1656 гг.). Заключалась она въ нѣсколькихъ тетрадяхъ или книгахъ, при чемъ населеніе селъ и деревень переписывались, кажется, въ отдѣльныхъ книгахъ, а пахота и угодье

[1]) Въ Казанскомъ уѣздѣ за служилыми инородцами числилось около 92 кабаковъ, 42 бортныхъ ухожаевъ, 6 перевозовъ на разныхъ рѣкахъ и 5 бобровыхъ гоновъ. Изъ нихъ пустыми были 25 кабаковъ, 11 бортныхъ ухожаевъ, 2 бобровые гона. Тамъ же лл. 241—242.

[2]) Арх. Мин. Юст. Родослов. кн. Рос. двор. т. I, л. 406—407. Наказъ 1626 года воеводѣ Воронцову.

также въ отдѣльныхъ [1]). Въ книгахъ Волынскаго мы снова встрѣчаемся съ вотчинами Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ. Кромѣ прежнихъ поселеній, успѣвшихъ за это время большей частью видоизмѣниться въ своемъ населеніи и пахотѣ, здѣсь попадаются такіе поселки, которые вновь появились за этотъ значительный промежутокъ времени.

Село Борисоглѣбское, что подъ Казанью, въ началѣ XVII столѣтія, какъ мы знаемъ, было населено бобылями, число которыхъ не доходило до двадцати, а оброкъ, платимый ими монастырю, былъ менѣе пяти рублей. Въ половинѣ XVII вѣка село Борисоглѣбское населено оброчными крестьянами, которые «пашни не пашутъ, а оброкъ денежной платятъ въ монастырь съ дворовые и съ огородные земли». Въ немъ кромѣ трехъ причетничьихъ дворовъ, въ которыхъ живутъ своими дворами отдѣльно священникъ, дьяконъ и пономарь, находится 127 дворовъ оброчныхъ бобылей и ихъ вдовъ, вносившихъ въ монастырскую казну болѣе ста рублей. Главные плательщики въ слободѣ были, повидимому, кожевники, число которыхъ, судя по ихъ прозвищамъ, равнялось 27 дворамъ; нѣкоторые изъ нихъ платили по одному и по два рубля,—а одинъ даже вносилъ пятирублевый оброкъ [2]); за тѣмъ идутъ оброчные крестьяне съ прозвищами: «огородникъ» (шестеро), «плотникъ» (семеро), «токарь» (четверо), «скорнякъ» (двое), «портной мастеръ» (двое), «сапожный мастеръ» (двое),—далѣе по одному двору—«строгальщикъ», «шерстобитъ», «ветошникъ», «крашенильникъ», «сыромятникъ» и «калачникъ» [3]). Нѣкоторые слобожане своими прозвищами, кромѣ занятія, указываютъ иногда и

[1]) Сравнить слѣд. Писц. кн. за № 155 и собр. грам. 1-го отдѣл. Каз. у. за № 6553 лл. 1, 25—100.

[2]) «Дворъ Васька Кондратьевъ сынъ *Кожевникъ, прозвище пастухъ*, у него 4 сына, да у него жъ купленной татаринъ Степка Романовъ сынъ *новокрещенъ*, у Степки сынъ Лукьянко,—оброку платитъ пять рублевъ» 1-ое отд. Каз. у. № 6553 л. 30.

[3]) Два двора платили оброку по три рубля, 6 дворовъ болѣе двухъ рублей, 23 двора вносили болѣе рубля, оброкъ же остальныхъ дворовъ былъ менѣе рубля.

мѣсто своей родины, откуда они пришли въ слободу,—такъ, напримѣръ, «Ярославецъ кожевникъ» или «Строгальщикъ Ярославецъ» [1]). Иные слобожане въ одно время принадлежали и къ городскому посаду и состояли членами общины села Борисоглѣбскаго,—по этому поводу въ описи говорится, что они «въ посадъ тянутъ съ полушки, а въ монастырь съ земли», или же въ другомъ мѣстѣ: «тягло тянутъ съ посадскими людьми, оброкъ платятъ въ монастырь» [2]). Но повидимому такая двойная зависимость непріятна была для правительства, потому что большею частью въ подобныхъ случаяхъ опредѣляется: «а впредь ему жить въ Казани на посадѣ». Кромѣ того извѣстно, что въ селѣ Борисоглѣбскомъ въ началѣ XVII вѣка въ небольшомъ количествѣ [3]) находилась монастырская пашня, обрабатываемая крестьянами тѣхъ деревень, которые тянули къ нему, какъ къ своему хозяйственному центру. И въ половинѣ XVII столѣтія застаемъ тутъ монастырское земельное хозяйство, но только на гораздо обширнѣйшемъ пространствѣ: здѣсь находилось «пашни монастырскіе десятинные» 63 десятины въ каждомъ изъ трехъ полей [4]). Монастырская пахота, по всей вѣроятности, воздѣлывалась по прежнему крестьянами деревень, находившихся вблизи отъ села Борисоглѣбскаго и примыкавшихъ къ нему въ хозяйственномъ отношеніи. Понятно, что въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ монастырскою пахотой должно было находиться въ данное время какъ населеніе деревень, тянувшихъ къ нему, такъ и крестьянская въ нихъ пашня. Но не во всѣхъ деревняхъ число крестьянскихъ дворовъ и пашня увеличились одинаково: въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ деревнѣ Семибратеникахъ, которая, какъ мы уже знаемъ, на-

[1]) «Дворъ Максимко Якимовъ сынъ *Ярославецъ Кожевникъ*, у него сынъ Ивашко, оброку платитъ два рубля. Дворъ Логинко Ондреевъ сынъ *строгальщикъ Ярославецъ*, у него четыре сына (имена), оброку 20 алтынъ, а прежъ сего онъ Логинко въ Ярославлѣ на посадѣ, а въ селѣ Борисоглѣбскомъ за монастыремъ живетъ десятый годъ.» Тамъ же лл. 28, 39—40.

[2]) Тамъ же лл. 28, 34.

[3]) Семнадцать четвертей въ каждомъ полѣ.

[4]) Писц. кн, за № 1127 л. 5.

ходилась при неблагопріятныхъ естественныхъ условіяхъ («на болотѣ»), число дворовъ увеличилось лишь однимъ; слѣдуетъ впрочемъ замѣтить при этомъ, что количество людей, жившихъ въ этихъ шести дворахъ было довольно значительное: «а людей въ нихъ 27 человѣкъ». Значительнымъ количествомъ трудовыхъ силъ, сосредоточенныхъ въ небольшомъ числѣ дворовъ, слѣдуетъ объяснить и умноженіе крестьянской пашни, находимое въ деревнѣ Семибратеникахъ, въ которой пахота могла увеличиться, главнымъ образомъ, «отъ лѣсные росчисти» [1]). Въ другихъ поселеніяхъ, тянувшихъ къ селу Борисоглѣбскому, хотя число дворовъ увеличилось и болѣе, нежели въ деревнѣ Семибратеникахъ, но увеличеніе это умѣренное; только въ деревнѣ Борисовѣ, община которой въ прежнее время отдѣляла отъ себя новые поселки и этимъ, вѣроятно, нѣсколько задерживала умноженіе своего населенія, теперь число дворовъ увеличилось почти втрое противъ предъидущаго. Но если въ остальныхъ поселкахъ число вновь прибывшихъ дворовъ и невелико, то за то количество людей, живущихъ въ этихъ дворахъ, лишь немногимъ уступаетъ деревни Семибратеникамъ. Въ соотвѣтствіи съ населеніемъ во всѣхъ деревняхъ встрѣчается значительное увеличеніе пахотной земли и, какъ кажется, большей частью отъ «лѣсные росчисти» [2]). Лѣсныя угодья въ до-

[1]) *Деревня Семибратеники* (1603 г.) паш. крестьян. 12 четей въ кажд. полѣ; земля добрая. Деревня Семибратеники (пол. XVII вѣка) *на Сухой Долъ*, пашни 16 десятинъ съ половиною въ каждомъ полѣ «тое жъ деревни лѣсные росчисти подлѣ Ногайскіе дороги полъ третьи десятины» въ каждомъ изъ трехъ полей. 1-ое отд. Каз. у. № 6553 л. 6 обор. и л. 45. Писц. книга за № 1127 л. 6.

[2]) «*Деревня Поповка* (1603 г.) на озеркѣ 13 дв. крест., а людей въ ней 15 чел. крестьянъ, въ живущемъ 5 вытей, паш. пахан. крестьянскіе 50 чет. въ каждомъ полѣ, сѣна подъ деревнею 240 коп. лѣсу непаш. 1 верста. *Она-же* (пол. XVII в.) крест. дв. 29, а людей въ нихъ 80 челов. да 3 двора бобылей, а людей въ нихъ 6 челов. паш. крест. 84 десят. въ каждомъ полѣ сѣнныхъ покосовъ 36 десят. *Дер. Борискова* (1603) *Большая*, на озерѣ на Кабанѣ 11 дв. крест., паш. крестьянскіе 37 четей въ кажд. полѣ, лѣсу непаш. полторы версты. *Она-же* (полов. XVII в.) 31 дв. крест. и боб., людей въ нихъ 107 челов. пашни 212 дес. въ кажд. полѣ «тоежъ деревни лѣсные рос-

вольно обширныхъ размѣрахъ значились въ началѣ XVII столѣтія въ деревняхъ Поповкѣ и Большой Борисковой, вслѣдствіе чего пахота монастырская и крестьянская могли расширяться въ извѣсномъ направленіи безъ стѣсненій. Въ остальныхъ прежде существовавшихъ монастырскихъ вотчинахъ населеніе за это время умножилось въ общемъ въ два съ половиною раза противъ того числа, какое было въ нихъ въ началѣ столѣтія. Увеличеніе это встрѣчается и въ крупныхъ, и въ мелкихъ поселеніяхъ; послѣднія даже увеличиваются обыкновенно съ бóльшею энергіею, чѣмъ первыя [1]). Новыхъ поселеній въ Казанскомъ уѣздѣ у Преображенскаго монастыря въ настоящій промежутокъ времени прибавилось не много,—но иныя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Къ подобнымъ поселеніямъ слѣдуетъ отнести новое село Егорьевское на р. Каинкѣ. Объ этомъ селѣ сказано, что это сперва «былъ погостъ особно», а затѣмъ «росчищали они (крестьяне) къ церковной землѣ изъ государевы пашни и отводного лѣсу, которой лѣсъ отведенъ и отграненъ былъ къ церкви, пашенные земли . . . . . въ трехъ поляхъ 73 десятины» [2]). Въ половинѣ XVII вѣка въ селѣ

чисти 2 десятины въ каждомъ полѣ». *Дер. Новоселки* (1603) 13 дв. кр., паш. крест. 40 четей въ каждомъ полѣ, лѣсу непашен. около поль 3 десят. *Она же* (въ полов. XVII в.) двор. крест. и боб. 19, людей въ нихъ 67 человѣкъ, пашни крест. 40 четей въ кажд. полѣ «тоежъ деревни лѣсные росчисти 7 десят.» въ кажд. полѣ. *Дер. Харинъ починокъ* (1603 г.) на истокѣ, 6 дворовъ крест. и 1 дв. боб., паш. крест. 20 четей. *Она же* (въ пол. XVII в.) 11 дв. крест., людей въ нихъ 38 челов., паш. крест. 27 десят. въ каждомъ полѣ. «Тоежъ деревни лѣсные росчисти подлѣ Ногайскіе дороги полтретьи десятины». Арх. Мин. Юст. 1 ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553 лл. 6, 7, 44—45, 46—48, 49. Писц. кн. за № 1127 л. 5—6.

[1]) *Деревня починокъ Енгильдѣевъ* (1603) на р. Ноксѣ 14 дв. кр. *Она же* (въ пол. XVII в.) «*по объ стороны р. Ноксы, стоитъ на 4 посада*, крест. и бобыльск. дворовъ 49, а людей въ нихъ 179 челов. *Деревня починокъ Хариповской* (1603) 5 дв. крaст.; *она же* (въ пол. XVII в.) *стоитъ на рѣкѣ Ноксѣ на 2 посада съ прорѣзжими улицы*, крестьян. и боб. дворовъ 24, людей въ нихъ 93 челов. *Сельцо Куюкъ* (1603 г.) на рѣкѣ Куюковкѣ, 40 дв. крест. и 1 дв. боб., *оно же* (въ пол. XVII с.) крест. и боб. дв. 35, людей въ нихъ 107 чел. Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6553 лл. 13, 15, 17, 19, 72—74, 82—89, 91—94, 96—100.

[2]) Писц. кн. Сем. Волынскаго № 155 л. 71.

Егорьевскомъ при церкви застаемъ три двора для причта, въ которыхъ отдѣльно жили священникъ, дьяконъ и пономарь; затѣмъ дворъ монастырскій, гдѣ жили работники, и 40 дворовъ крестьянскихъ [1]). Изъ другихъ поселковъ монастыря слѣдуетъ указать на новое поселеніе на пустоши, которая прежде принадлежала служилому человѣку, а потомъ пожалована была Преображенскому монастырю и онъ заселилъ ее [2]). Были еще у Преображенскаго монастыря новыя поселенія за р. Камою, на лѣвой сторонѣ ея, но объ нихъ будетъ рѣчь ниже.

Обращаясь къ культурной дѣятельности другаго крупнаго поземельнаго владѣтеля Казанскаго уѣзда, къ дворцовому вѣдомству, мы должны признать, что и на его земляхъ встрѣчаемся за это время съ энергическою дѣятельностью крестьянскихъ общинъ, направленною къ устраненію значительныхъ природныхъ препятствій, которыя встрѣчались на пути земледѣлію. Впрочемъ и здѣсь дѣятельность какъ общинъ, такъ и правительства была въ разныхъ поселеніяхъ неодинакова: въ однихъ количество росчистей и величина пахотной земли умножилась сравнительно съ началомъ XVII столѣтія сильно, а въ другихъ, хотя тоже произошло увеличеніе пахоты, но сравнительно гораздо умѣреннѣе [3]).

[1]) 1-ое отд. Каз. у. № 6553 лл. 53—56.

[2]) Тамъ же л. 50.

[3]) Такъ въ *дворцовой деревнѣ Побѣдиловѣ починкѣ въ 1617 году* было крестьянской пашни 25 чет. въ кажд. полѣ; а въ полов. XVII в. крестьянской пашни въ ней 71 десят. въ кажд. полѣ, да «лѣсные росчисти» 16 дес. въ кажд. полѣ. Въ дворц. *дер. Заднія Атары* въ 1619 г. крест. паш. 30 четей въ кажд. полѣ, а въ полов. XVII ст. въ ней крест. паш. 88 десят. въ кажд. полѣ, да лѣсные росчисти въ разныхъ мѣстахъ 10 десят. въ кажд. полѣ. Въ дворцовомъ селѣ Беткахъ въ началѣ XVII ст. пахота крестьянская равнялась 130 чет. въ кажд. полѣ, а въ половинѣ XVII ст. въ немъ «государевы десятинные и крестьянскіе пашни 552 дес. въ кажд. полѣ.» Въ дворц. селѣ Анатошѣ въ началѣ XVII ст. крест. пашни 130 четей въ кажд. полѣ, а въ полов. XVII ст. въ немъ госуд. и крест. пашни 337 чет. въ каждомъ полѣ, и въ другихъ мѣстахъ тоже. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 153 лл. 1418 — 1517. Писцов. кн. за № 1127 лл. 4, 20—23, 117; Писцов. кн. за № 155 л. 90.

Если отъ крупныхъ поземельныхъ владѣтелей Казанскаго уѣзда мы перейдемъ къ мелкимъ, то и здѣсь, какъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе, вѣроятно, незначительности средствъ, которыми чаще всего располагали служилые люди, и того, что ихъ помѣстья большей частью были раздроблены, ихъ владѣнія въ хозяйственномъ отношеніи уже въ концѣ столѣтія находились часто не въ удовлетворительномъ состояніи [1]). Но, не смотря на это, въ половинѣ XVII столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ встрѣчаются поселки съ названіями селецъ и деревень, о которыхъ сказано, что это «починокъ-выставка» стараго села или деревни, находившагося «въ помѣстьяхъ за разными помѣщиками», при чемъ помѣщики въ выставкѣ попадаются иногда тѣ же, что и въ главномъ селѣ; иногда деревня именуется такимъ образомъ: «деревня Черемышъ новая помѣстная татарская и ясачная выставка изъ деревни старые Черемыши». Подобныя выставки какъ бы въ воспоминаніе объ общинѣ, отъ которой онѣ первоначально отдѣлились, носятъ часто названіе своей метрополіи [2]). Наконецъ въ Казанскомъ уѣздѣ встрѣчаемся еще съ явною дѣятельностью крестьянскихъ общинъ на земляхъ дворцоваго вѣдомства, богатою по своимъ культурно-колонизаціоннымъ послѣдствіямъ. Поприщемъ для

---

[1]) Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать состояніе двухъ помѣстьевъ въ Казанскомъ уѣздѣ служилыхъ людей, которые были пожалованы Троицкому Свіяжскому монастырю въ 1593 году. Помѣстье, бывшее въ селѣ Царицынѣ за Андреемъ Плещеевымъ: при 8 дв. крестьянскихъ 40 чет. паш. доб. зем. въ кажд. полѣ, находилось 63 чети перелогу и зарослей въ кажд. полѣ. Въ половинѣ деревни Пермяковѣ, которая была въ помѣстьѣ за Михаиломъ Волынскимъ, 4 дв. крест., паш. доб. земли 50 четей въ кажд. полѣ, перелогу 38 четей въ кажд. полѣ, да дубр. пашенныхъ 10 десят. въ кажд. полѣ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6431 лл. 5, 7.

[2]) Тогожъ села *Шигалѣева выставка—сельцо*, что былъ *починокъ Шигалѣевской* на рѣкѣ на Сулѣ въ помѣстьѣ за разными помѣщики». «За Михаиломъ Посниковымъ сыномъ Неѣлова въ сельцѣ, что была *деревня Кады малая выставка изъ села Кады*». «*Тогожъ села Кишкилдѣева выстовка—деревня Кишкилдѣева*». «*Деревня Новая Мамла выставокъ* изъ Ясачной *старой деревни Мамлыжъ*» и друг. Писц. кн. за № 1127 лл. 153 — 157, 167 — 168, 172, 177, 183 и др.

этой дѣятельности являются земли по среднему теченію рѣки Вятки, не отличавшіяся благодатною почвою и чаще всего покрытыя лѣсомъ. Центральнымъ пунктомъ для группы поселеній, основанныхъ здѣсь большей частью небольшими крестьянскими общинами, является дворцовая Кукарская слобода, съ состояніемъ которой въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія мы уже ознакомились. Мы видѣли, что Кукарская слобода въ то время состояла изъ крестьянскихъ дворовъ, число которыхъ хотя и было довольно значительно (100 дв.), но крестьянская «отъѣзжая пашня» далеко не соотвѣтствовала ихъ количеству и могла вызвать предположеніе, что большая часть здѣшнихъ насельниковъ поселилась на мѣстѣ лишь послѣ смутнаго времени, отъ котораго Кукарская слобода, повидимому, сильно пострадала. Въ то же время указано было и на особенность въ этой же слободѣ,— на обширныя угодья, которыя простирались на десятки верстъ по пустыннымъ притокамъ р. Вятки. Около половины XVII вѣка на этихъ рѣкахъ и на самой Вяткѣ встрѣчаемся съ очень значительнымъ количествомъ поселковъ, большей частью носящихъ названіе—займищъ, починковъ и деревень, что были починками; большинство поселеній обладаютъ незначительною пахотою, о которой нерѣдко говорится: «пашни новоросчистные земли», или «пашни и лѣсной росчисти», или же просто: «пашни и росчисти». Крестьянскія общины въ поселкахъ состоятъ чаще всего изъ 3, 5, 10 человѣкъ, при чемъ форма выраженій нерѣдко такая: «Починокъ Матюшки Важенина съ товарищи». Изрѣдка, но встрѣчается, что поселенецъ своимъ прозвищемъ указываетъ на свое прежнее отечество; такъ, попадаются «Пермитинъ», «Перминъ» и «Двинянинъ» [1]).

---

[1]) Писц. кн. за № 1127 лл. 277 — 301. Всего на этихъ листахъ описано «за крестьяны» около 200 мелкихъ поселковъ. Для примѣра: «*Деревня что былъ починокъ Обуховской*, за Логинкомъ Левонтьевымъ, сыномъ *Обухова*, съ пятью товарищи»,—13 десятинъ въ каждомъ полѣ. «Займище вверхъ по Кукавкѣ рѣкѣ, въ черномъ лѣсу, крестьянина Емельяна Григорьева, сына Медуницына, по смѣтѣ на десятину въ трехъ поляхъ». «Деревни Жерков-

Кромѣ крестьянъ и крестьянскихъ общинъ, культурными дѣятелями въ здѣшнихъ мѣстахъ являются и представители православнаго духовенства: такъ, напримѣръ, говорится о «росчисти» попа села Петровскаго; въ Кукарской слободѣ въ данное время находимъ монастырь Покрова Богородицы, который, съ своей стороны, также поддерживалъ колонизаціонно-хозяйственную дѣятельность крестьянскихъ общинъ, основывавшихъ починки на его земляхъ по рр. Вяткѣ и Немдѣ [1]).

Представленный очеркъ показываетъ наглядно, сколь успѣшно совершалось заселеніе обширнаго Казанскаго уѣзда въ первой половинѣ XVII столѣтія. Отсюда мы можемъ видѣть, что и на луговой, какъ въ нагорной сторонѣ, главнымъ дѣятелемъ въ культурной дѣятельности Россіи въ здѣшнихъ, большей частью пустынныхъ и покрытыхъ лѣсомъ странахъ является русскій крестьянинъ и тѣ инородцы, которые больше другихъ имѣли охоты къ земледѣльческому занятію—Чуваши и Мордва. Дѣло остальныхъ дѣятелей, по всей вѣроятности, заключалось большей частью лишь въ помощи и въ поддержкѣ крестьянскихъ общинъ, которыя рѣдко сами могли обладать достаточными средствами для своей хозяйственно-колонизаціонной дѣятельности на первыхъ порахъ.

Въ то время, какъ такимъ образомъ засѣлялись и обрабатывались земли Казанскаго уѣзда, замыкаемыя рр. Волгою Камою и Вяткою, страны, простиравшіяся за Камою и отчасти примыкавшія къ Волгѣ, находились еще въ первобытномъ состояніи. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ Закамскія страны совсѣмъ не обращали на себя вниманія предпріимчиваго населенія Поволжья,—напротивъ, вскорѣ послѣ замиренія вновь

ской бобыля Петрушки Кузьмодемьянова, близко Кузьмодемьяновы деревни переложные земли»—2 десятины въ кажд. полѣ «Починокъ Осипинской на рѣчкѣ на Бѣлой, Ивашки Ларіонова Двинянина съ товарищи, пашни новоросчистные земли и подъ сѣно 5 десят.» въ кажд. полѣ. «Займище вверхъ по р. Вяткѣ, выше жерновыхъ горъ. . . Богдашки Земцова съ товарищи» 8 человѣкъ «росчисти по смѣтѣ 15 десятинъ въ трехъ поляхъ». Тамъ же лл. 278, 283, 290, 293.

[1]) Тамъ же лл. 301—304.

присоединеннаго царства мы уже встрѣчаемся здѣсь съ дѣятельностью русскихъ и инородцевъ, которые жили въ сосѣднихъ уѣздахъ луговой и нагорной сторонъ. Но эта дѣятельность вовсе не была постоянною, а временной; поэтому она нисколько не измѣняла общаго характера первобытности странъ Закамскихъ, отчасти примыкавшихъ къ Волгѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что русскіе люди, главнымъ образомъ, обращали здѣсь свое вниманіе на богатые сѣнокосные луга, находившіеся по сосѣдству съ мѣстомъ ихъ жительства, и на рыбную ловлю въ притокахъ Волжскихъ, между тѣмъ какъ инородцы нагорной и луговой сторонъ Волги въ этой сторонѣ занимались преимущественно бортными ухожаями и бобровыми гонами. Такъ, мы знаемъ изъ писцовой книги XVI вѣка и жалованной грамоты первой половины XVII столѣтія, что Преображенскій монастырь въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія ловилъ рыбу въ Чертыкѣ и въ Красномъ озерѣ «съ заводьми и съ истоки» [1]). Дозорная книга первой четверти XVII вѣка свидѣтельствуетъ, что лугами на лѣвой сторонѣ р. Волги противъ Тетюшъ пользовались «Тетюшскіе троицкіе попы и дворяне и дѣти боярскія и стрѣльцы и служилые казаки и полоненники и посадскіе люди и крестьяне монастырскіе и дѣтей боярскихъ и всякіе люди Тетюшскаго города изстари какъ и Тетюшской городъ сталъ». Здѣсь же говорится, что послѣ междуцарствія дѣтямъ боярскимъ даны были «въ угодье, а не въ помѣстье» четыре озерка, находившіяся на луговой сторонѣ Волги противъ Тетюшъ [2]). Покровскому Тетюшскому монастырю въ первой четверти XVII столѣтія предоставлены

[1]) Писц. кн. Каз. у. № 643. 1-ое отд. Каз. у. гр. за № 6471. Чертыкъ и Красное озеро соединяются съ р. Камою около ея устья съ лѣвой стороны. Чертыкъ, по предположенію нѣкоторыхъ, есть старое русло рѣки Камы, въ которой вода, во время своего теченія, напираетъ на правый берегъ—и поэтому отодвигается отъ лѣваго берега. Подробнѣе объ этомъ см. «Поволжье въ XV и XVI вв.» 9—15 сс.

[2]) Писц. кн. Каз. у. за № 153, подъ № 546 (1619 г.) л. 1378. Дѣти боярскія, которымъ даны были эти озера, братья Петръ и Ѳедоръ Неклюдовы.

были «рыбныя ловли и озеро Бѣлое по конецъ Арбугиныхъ горъ на луговой сторонѣ, противъ Костомскаго Яру, озеро Торопово, озеро Подгорное, противъ узей, озеро Княинка и съ протоки»[1]). Что касается инородцевъ, то они еще въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія владѣли бортными угодьями и бобровыми гонами «на Черемшанскомъ устьѣ, по Казанской дачѣ»[2]). Въ концѣ XVI столѣтія бортные ухожаи, бобровые гоны и рыбныя ловли на луговой сторонѣ, бывшіе во владѣніи служилыхъ инородцевъ, захватывали собой огромныя пространства. Такъ, напримѣръ, въ двадцатыхъ годахъ XVII-го столѣтія одинъ изъ служилыхъ инородцевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что «за отцемъ его было бортной ухожей и бобровые гоны и рыбныя ловли за рѣкою за Камою по рѣкѣ по Волгѣ, по ногайской дорогѣ, ниже Тетюшъ, по Майнѣ рѣкѣ, Алтыбаевскій лугъ по рѣкѣ по Уреню по вершинѣ да къ Малому бору, а отъ Малаго бору по Верхній боръ и по дубровникъ и по Волгу рѣку, а по Волгѣ по рѣкѣ на низъ отъ Маинскаго устья нижняя межа по Красной Яръ, по выше Синбирскаго городища, а верхняя межа по Майнѣ рѣкѣ.... а по тѣмъ урочищамъ бобровыми гоны и рыбными ловлями владѣетъ самъ князь Яковъ,—рыбу ловятъ и бобровъ гоняютъ на него его князь Яковлевы люди; а бортной ухожей по записи 97 году (1589) отдаетъ онъ на оброкъ Свіяжскаго уѣзду съ горные стороны Чювашѣ»[3]).—Изъ приведенныхъ извѣстій можно видѣть, что владѣніе разными угодьями, которыя только и эксплоатировались на лѣвой или луговой сторонахъ рѣкъ Камы и Волги, вовсе не требовало постояннаго пребыванія здѣсь своихъ владѣтелей: они могли приходить сюда лишь на из-

[1]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6463 (1624 г.). *Костомскій* островъ на Волгѣ противъ пригорода Бѣлаго яра.

[2]) Писц. кн. Каз. у. за № 642 лл. 46—47.

[3]) Писц. кн. Каз. у. за № 642 л. 54. Эта выдержка приведена сверхъ того въ статьѣ Невоструева «О городищахъ», помѣщенной въ трудахъ 1-го съѣзда т. II. 550 с. Авторъ отсюда выводитъ, что Симбирское городище было не на правой сторонѣ Волги, какъ говоритъ Олеарій, а на лѣвой.

вѣстное время, а потомъ возвращаться къ себѣ домой въ Тетюши, въ Казанскій или Свіяжскій уѣзды. Но въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже возможность замѣтить, что иногда въ нагорной сторонѣ Поволжья, въ мѣстахъ, гдѣ правительствомъ дозволено было заниматься лишь рыбною ловлею, возникали постоянныя поселенія «изъ работныхъ людей», которые «селились дворами жъ во крестьянство и, росчистя изъ того пустошю чернаго лѣсу, учинили малое число пашни»[1]). Въ данное время на луговой сторонѣ происходятъ тѣ же явленія. Мы уже знаемъ, что Преображенскій монастырь издавна владѣлъ рыбными ловлями за р. Камою въ р. Чертыкѣ и въ Красномъ озерѣ, съ прилегавшими водами. Въ описи начала XVII в. сказано, что здѣсь для рыбной ловли на рѣкѣ на Волгѣ противъ Тетюшъ (?) поставленъ монастырской дворъ на пріѣздъ для рыбные ловли, а въ немъ живутъ старцы изъ монастыря перемѣняясь; а нынѣ живетъ старецъ Лука Безпортошный да десять человѣкъ дѣтенышевъ, годовые наемные»[2]). Изъ послѣдующихъ извѣстій мы узнаемъ, что здѣсь среди рабочихъ рыбныхъ ловцовъ находились иногда и «крестьяне Преображенскаго монастыря»[3]); самъ монастырь впослѣдствіи въ своей грамотѣ, поданной царю, пишетъ, что монахи «владѣютъ тою землею и *пашню пашутъ и сѣно косятъ изстари*»[4]). Въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія застаемъ, что здѣсь «въ межахъ рыбныхъ ловель на острову межъ Волги и Чертыка поставленъ монастырь и устроенъ храмъ во имя Троицы, а въ томъ монастырѣ живетъ старцевъ и служебниковъ тридцать человѣкъ». Но Преображенскій монастырь, что въ Казани, въ данное время не ограничиваетъ своей дѣятельности предѣлами острова, находящагося между Волгою и Чертыкомъ, а двигается далѣе: въ описываемое время «противъ того монастыря за рѣкою Чертыкомъ по рѣчкѣ Безднѣ на гривѣ» стояла уже

[1]) Поволжьѣ въ XV и XVI вв.» сс. 247—248 примѣчаніе 1-ое.

[2]) Ар. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6553, л. 20.

[3]) Тамъ же № 6429 гр. 1647 г.

[4]) Тамъ же грам. 1639 г.

деревня Преображенскаго монастыря, въ которой былъ монастырскій дворъ, гдѣ жилъ прикащикъ, нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ и пустыхъ бобыльскихъ дворовъ; здѣсь же находилось «по гривамъ» въ небольшомъ количествѣ монастырской и крестьянской пахоты съ перелогомъ, зарослями и обширнымъ сѣнокосомъ [1]). Впрочемъ монастыри утверждались въ первой половинѣ XVII вѣка не только въ низовьяхъ р. Камы, а также и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, намъ извѣстно, что основанный въ 1616 году монастырь Живоначальныя Троицы Каменнаго городища, что на Елабугѣ, получилъ по ходатайству своего келаря въ 1638 году на 200 четей земли съ сѣнными покосами и съ рыбными ловлями изъ пустовыхъ пространствъ, которыя тянулись по рѣкамъ Заѣ и Беткѣ на много верстъ. При этомъ обычное выраженіе въ грамотѣ указываетъ намъ цѣль, съ которою земля пріобрѣтена была монастыремъ,—«и которые, говорится, крестьяня на той землѣ учнуть жити, старца келаря съ братьею слушали и доходъ имъ въ монастырь платили, чѣмъ они ихъ пооброчать» [2]). Но не одни лишь такія лица, какъ монастыри, въ данное время двигались за р. Каму и селились тутъ для постояннаго земледѣльческаго занятія. Такъ, до насъ дошло извѣстіе, что въ описываемое время находилась недалеко отъ деревни Преображенскаго монастыря «съ версту въ степь на увеле деревня Андрея да Ивана Молоствова». [3]). Сверхъ того, мы знаемъ, что повыше впаденія р. Вятки въ Каму въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ, на Камѣ, въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка (1626 года) составилась община изъ «новыхъ крестьянъ елабужанъ» съ крестьяниномъ Ѳедоромъ Поповымъ во главѣ, которая рѣшилась, перейдя рѣку, поселиться «подлѣ Камы рѣки на Уфимской сторонѣ»;

[1]) Тамъ же. Крестьянскихъ дворовъ въ деревнѣ было 3, а бобыльскихъ 6; монастырской и крестьянской пашни 10 десятинъ, де на 12 десят. перелогу и зарослей «а сѣнныхъ покосовъ въ тѣхъ межахъ и урочищахъ на островахъ около болотъ промежъ осокорнику на лугахъ на 3000 коп.»

[2]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6469.

[3]) Тамъ же III-е отд. Казань. Переп. кн. 7, № 152, л. 209.

здѣсь они образовали починокъ и стали «въ Уфимскомъ уѣздѣ жити во крестьянѣхъ на пашнѣ, на льготѣ, на Чалнѣ, на Мелекесѣ рѣчкахъ» [1]). Судя по довольно значительному пространству земель, которыя съ самаго начала имъ отведены были [2]), слѣдуетъ предположить, что образовавшаяся община Елабужскихъ крестьянъ («Ѳедька Никонтьевъ Поповъ съ товарыщи») либо съ самаго начала обладала достаточнымъ количествомъ членовъ, либо же была увѣрена въ томъ, что сюда скоро явятся новые поселенцы, ради которыхъ она и поспѣшила занять удобныя и свободныя земли и угодья. Первоначальныя поселенія за р. Камой могли быть и незначительны по числу своихъ членовъ, но для насъ имѣетъ значеніе несомнѣнность появленія этихъ поселеній въ здѣшнихъ мѣстахъ въ извѣстное время. Увеличеніе количества насельниковъ въ старыхъ поселеніяхъ и появленіе новыхъ, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, не могло задержаться надолго вслѣдствіе измѣненій, которыя мѣстами въ Казанскомъ уѣздѣ становятся замѣтны въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка.

Мы видѣли уже, что обработанныя земли Казанскаго уѣзда въ описи шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія обыкновенно обозначаются словами «доброй земли»,—явленіе вполнѣ естественное, если имѣть въ виду, что эти земли большей частью были или дѣвственны, или же, воздѣланныя, были покинуты и могли въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возстановить утраченныя силы свои. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. въ писцовыхъ книгахъ Казанскаго уѣзда встрѣчаются земли въ нѣкоторыхъ деревняхъ, которыя въ шестидесятыхъ годахъ обозначены «доброй землей», а теперь обозначены безъ этого эпитета; въ иныхъ же дворцовыхъ поселеніяхъ вмѣсто

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 л. 677.

[2]) Пространство это, кромѣ вышеуказаннаго, обозначено такимъ образомъ: «съ верхней стороны пришла Шилня рѣчка, а съ нижнюю сторону подошла Беклиня рѣчка, промежъ тѣхъ рѣчекъ съ устья и до вершины» Тамъ же.

«доброй земли» говорится: «крестьянскіе пашни мягкіе земли» [1]). Къ концу первой четверти XVII вѣка производительность земель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанскаго уѣзда уменьшилась, потому что ихъ достоинство прямо опредѣляется наименованіемъ «земля середняя», между тѣмъ какъ въ XVI столѣтіи иныя изъ этихъ земель обозначались «добрыми» [2]); въ одномъ даже мѣстѣ на р. Вяткѣ внутреннее достоинство земли опредѣлено такимъ образомъ: «земля худая». [3]) Отсюда мы можемъ вывести, что земли въ Казанскомъ уѣздѣ мѣстами въ продолженіе извѣстнаго времени успѣли уже истощиться, или, какъ въ то время выражались, «выпахались» [4]), такъ что земледѣльческій трудъ крестьянина не удовлетворялся ими въ достаточной степени, сравнительно съ прошлымъ временемъ. Кромѣ того, въ странахъ сѣвернѣе Казанскаго уѣзда, которыя однако соединялись воднымъ путемъ съ рѣкою Камою, постоянно встрѣчались условія, неблагопріяпныя тамошнему земледѣльцу. Вотъ какъ сами жители этой мѣстности изображаютъ ее въ своей челобитной, поданной царю въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія: «а у нихъ де у Пермичъ мѣсто подкаменное, студеное, хлѣбъ не родится, побиваетъ морозъ по вся годы, и отъ нашихъ (т. е. царскихъ) денежныхъ сборовъ. . . . и отъ хлѣбнаго недороду они Пермичи обнищали и одолжали великими долги и врозь разбрелися по льготнымъ мѣстамъ» [1]). При такихъ обстоятельствахъ русскіе поселенцы, переселившіеся за Каму, не могли чувствовать недостатка въ новыхъ товарищахъ, являвшихся къ нимъ для пользованія тѣми выгодами, которыя представляли собою нетронутый пахотою черноземъ и богатыя угодья въ обширныхъ лѣсахъ и лугахъ. Совершенно естественнымъ поэтому является, что въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія (1643 г.) за р. Камою, на томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально поселилась крестьянская община Ѳедора Нифонтьева Попова съ товарищи, находилась уже цѣлая группа поселеній съ тѣмъ поселкомъ во главѣ, который основанъ былъ общиною выходцевъ изъ дворцоваго села Елабуги, поставившихъ свой починокъ при впаденіи рѣчки Чалны въ Каму, «на мысу» [2]). Въ данное время поселокъ этотъ былъ селомъ, къ которому, вѣроятно, тянули новыя поселенія, находившіяся здѣсь; пахотной земли во всѣхъ поселкахъ было довольно много: «по сказкѣ чалнинскихъ выборныхъ людей пашенныхъ земель они крестьяне пашутъ 656 червертей ржи, овса тожъ». Что же касается до населенія въ это время, то намъ извѣстно, что одннхъ бобылей, которые жили въ поселкахъ вмѣстѣ съ крестьянами, было 40 человѣкъ [3]). Въ концѣ сороковыхъ годовъ [4]) мы можемъ болѣе ясно видѣть дѣятельность, которая развита была здѣсь крестьянскою общиною села Чалновъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить то, что въ данное время мы застаемъ здѣсь, кромѣ самаго села, восемь поселеній, носящихъ названіе деревень; изъ нихъ семь, по свидѣтельству описи, обязаны своимъ происхож-

[1]) Писц. кн. за № 643 лл. 247, 251. (опись дер. Большихъ и Малыхъ Атаръ въ 1567 г.) Писцов. кн. за № 153 лл. 1406, 1408, 1431—1436; (опись тѣхъ же деревень, села Анатошъ и Воскресенскаго въ 1600 г.)

[2]) Такъ, двѣ деревни Атары,—бывшія сперва помѣстными и находившіяся, одна на Долгомъ озеркѣ, а другая на Глухомъ,—земля въ нихъ, по описи Борисова и Кикина, отмѣчена какъ «добрая земля». По описи 1619 г. эти деревни дворцовыя тянутъ къ селу Воскресенскому и земля въ нихъ означена «земля средняя». Кромѣ того дворцовая деревня Карташевка, тянувшая къ дворцовому селу Сабуголь, по описи 1621 года земля въ ней «середняя». Сравни писц. кн. за № 643, лл. 247, 251 и Писц. кн. за № 153 лл. 1509, 1512, 1515, 1517.

[3]) Писц. кн. за № 153 л. 1561.

[4]) Въ царской грамотѣ 1620 г. въ Сибирь говорится: «А будетъ у старыхъ у пашенныхъ крестьянъ земли старая роспашь выпахались, и на тѣхъ пашняхъ старыхъ хлѣбъ не родится». «Соб. Гос. Гр. и Дог. т. Ш, № 54.

[1]) А. А. Э. т. Ш, № 293.

[2]) Рѣчка Чална впадаетъ въ р. Каму съ лѣвой стороны ея, нѣсколько ниже рр. Ика и Мензелы.

[3]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1126 лл. 675—676

[4]) Опись кажется произведена около 1647 года; по крайней мѣрѣ она заключается въ книгѣ за № 6408, гдѣ помѣщены описи 1646 и 1647 годовъ и слѣдуетъ непосредственно за описью Самарскаго уѣзда, которая произведена была въ 1646 году.

деніемъ крестьянской общинѣ села Чалновъ[1]). Кромѣ того, въ здѣшнихъ мѣстахъ находимъ еще два починка, изъ которыхъ одинъ, хотя и принадлежитъ мѣстному Чалнинскому монастырю, но обязанъ былъ происхожденіемъ своимъ той же Чалнинской общинѣ[2]). Во всѣхъ деревняхъ среди крестьянскихъ попадается немало бобыльскихъ дворовъ, указывающихъ на то, что населеніе въ здѣшнихъ поселеніяхъ продолжало прибывать до самаго послѣдняго времени. Численное состояніе села, не смотря на его энергическую колонизаціонную дѣятельность въ здѣшнихъ мѣстахъ, было вполнѣ удовлетворительно: въ немъ въ данное время находилось около 118 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Вслѣдствіе этого можно предполагать, что Чалнинская община отъ себя отдѣляла лишь избытокъ своихъ членовъ; это отдѣленіе естественно должно было совершаться съ промежутками въ разное время существованія крестьянской общины, что отчасти и отражается въ различномъ состояніи деревень въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка. При этомъ нельзя не указать и на то, что болѣе людныя поселенія помѣщены въ описи вслѣдъ за селомъ, при томъ въ постепенности, соотвѣтствующей количеству населенія деревень; кромѣ того, и въ мѣстонахожденіи того или иного поселка замѣчается отсутствіе произвола: деревня, ближайшая къ селу[3]), есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая населенная, немногимъ уступающая своей метрополіи; затѣмъ идутъ далѣе другія деревни[4]), а въ концѣ починокъ Богородскаго монастыря, представляющій, вѣроятно, послѣдній выселокъ села, лежитъ нѣсколько сѣвернѣе, уже на другой рѣкѣ и заключаетъ въ себѣ лишь два крестьянскіе

[1]) Обо всѣхъ этихъ деревняхъ говорится такъ: «Тогожъ Чалнинскаго починка деревня» (такая-то). О восьмой же сказано «Чалнинскаго жъ уѣзда деревни Круглой—3 двора». Писц. кн. за № 6408 лл. 179, 193, 206.

[2]) Объ немъ сказано такъ: «Чалнинскаго жъ починка на рѣкѣ на Шилнѣ Новаго починка монастыря Пречистые Богородицы Казанскіе» Тамъ же л. 209.

[3]) Деревня Бережная—около 100 двор. крестьян. и бобыл.

[4]) Орловка и Миронова: въ 1-ой 27, а во 2-й 25 дв. крест. и боб.

двора[1]). Нельзя не указать еще на одну особенность села Чалновъ, которая заключается въ томъ, что это село, не смотря на свое очевидное значеніе въ колонизаціи здѣшней мѣстности, повидимому, сохранило въ представленіи населенія свое первоначальное наименованіе, отразившееся и въ самой описи, гдѣ оно чаще именуется починкомъ, а не селомъ; обусловливается это, вѣроятно, тѣмъ, что возвышеніе новаго поселенія произошло слишкомъ скоро, такъ что члены самой общины еще не успѣли привыкнуть называть его селомъ, а именовали попрежнему починкомъ[2]). Всего населенія въ данное время въ селѣ Чалнинскомъ съ примыкавшими къ нему деревнями и починками было 349 дворовъ, въ которыхъ проживало 683 человѣка; изъ нихъ крестьянскихъ дворовъ было 296, а бобыльскихъ 53 двора. Сверхъ того, въ самомъ селѣ съ деревнями находилось еще 25 дворовъ пустыхъ, которыхъ владѣтели, «по сказкѣ чалнинскаго старосты и всѣхъ крестьянъ», либо бѣжали, либо «выданы на старину, гдѣ кто за кѣмъ прежъ сего живалъ». Судя по послѣднему выраженію, крестьянскія общины въ селѣ и въ деревняхъ, повидимому, не особенно стѣснялись въ пріемѣ новыхъ членовъ, приходившихъ къ нимъ. Какъ кажется, такихъ блестящихъ результатовъ въ продолженіе сравнительно недолгаго періода времени Чалнинская крестьянская община достигла, благодаря тому обстоятельству, что дворцовое вѣдомство предоставило ей право самоуправленія въ экономическомъ, быть можетъ, также и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ; такъ, намъ извѣстно, что лишь въ началѣ пятидесятыхъ годовъ (1651 г.) отправленъ былъ въ село Чалны съ деревнями служилый человѣкъ[3]) «дозрить и описать дворы и во дворѣхъ людей поименно и братью и бобылей и захребетниковъ и рос-

[1]) Тамъ же лл. 179, 193, 198, 201, 205, 206, 209.

[2]) Въ самомъ началѣ описи: «Въ государевѣ, царевѣ. . . . *Селъ* въ Чалнинскомъ починкѣ, на р. на Камѣ на усть рѣчки Чалны», а затѣмъ говорится всё о дѣятельности лишь Чалнинскаго починка, такъ что, если бы не обмолвка вначалѣ, выходило бы, будто починокъ основываетъ деревни. Тамъ же л. 162.

[3]) Этотъ служилый человѣкъ былъ уфимецъ Семенъ Карево.

писать повытно тяглыхъ крестьянъ и льготчиковъ порознь, кто сколько пашетъ и сколько семьянистъ и почему что государева денежнаго и хлѣбнаго оброку платитъ на годъ .... *потому что государевымъ Чалнинскимъ крестьянамъ и пашеннымъ ихъ землямъ таковы описи и мѣры не бывало*»; о извѣстіяхъ же, находившихся до селѣ въ рукахъ правительства, которые отчасти нами приведены были выше, сказано слѣдующее: «а то писано по крестьянскимъ сказкамъ, а не по мѣрѣ»[1]).

Но если благодатная черноземня почва въ соединеніи съ богатыми и обширными угодьями лѣвой стороны Камы манили къ поселенію одинаково русскаго и инородца, вслѣдствіе чего населеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ увеличивалось съ такою скоростью, какъ это можно видѣть на селѣ Чалнахъ съ деревнями, то, съ другой стороны, опасности, угрожавшія поселенцу здѣшней стороны, были такъ значительны, что иногда могли парализовать дѣятельность землевладѣльца, обладавшаго довольно значительными средствами и опытностью въ дѣлѣ колонизаціи. Хотя непосредственное сосѣдство этихъ странъ со степью и ея обитателями, какъ мы уже знаемъ, давало себя постоянно чувствовать Прикамскому населенію, однако слѣдуетъ сказать, что опасность конца XVI и первой четверти XVII столѣтія была гораздо меньше сравнительно съ тою опасностью, кототорая наступила для здѣшнихъ насельниковъ въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка.

Въ XVI и въ первой четверти XVII столѣтій обитателями обширныхъ степей, простиравшихся за рѣками Камою и Волгою, были Ногайцы, которые обыкновенно съ наступленіемъ тепла перекочевывали со своими стадами отъ Каспійскаго моря къ сѣверу, постепенно подвигаясь по луговой сторонѣ Волги вплоть до самой Камы. Хотя Ногайцы и производили при этомъ набѣги на русскія окраины, но, благодаря умѣлой и ловкой политикѣ московскаго правительства, они постепенно

[1]) Писц. кн. за № 1127 л. 675.

были приведены въ зависимость отъ Россіи, такъ что въ концѣ XVI столѣтія признали авторитетъ русской власти, а въ началѣ XVII вѣка они отдавали въ Астрахани русскимъ воеводамъ въ «аманаты лутчихъ людей» своихъ, которые тамъ содержались «на закладномъ дворѣ», какъ залогъ, вѣроятно, подчиненія ихъ начальныхъ людей московскому правительству[1]). Кромѣ того, сами Ногайцы въ данное время уже не отличались тою людностью, и среди нихъ не было теперь такого большаго количества взрослыхъ воиновъ, какъ въ половинѣ XVI столѣтія, когда число воиновъ насчитывалось у нихъ сотнями тысячъ[2]). Вслѣдствіе этого нападенія и вторженія Ногайцевъ въ началѣ XVII вѣка уже не могли отличаться тѣмъ характеромъ, какъ въ началѣ или половинѣ XVI столѣтія. Но обстоятельства рѣзко измѣняются съ появленіемъ въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія на лѣвой сторонѣ Волги новаго кочеваго народа—Калмыковъ.

Калмыки своими внѣшними признаками—короткій, плоскій носъ, выдающіяся скулы и скосившіеся углы глазъ — указываютъ ясно на принадлежность свою къ монгольскому типу, къ которому они и относились изслѣдователями прошлаго и настоящаго столѣтія[3]). Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII-го столѣтія Калмыки жили еще въ Сибири, въ южныхъ частяхъ нынѣшней Томской и Енисейской губерній, по берегамъ рѣкъ Ишима и Тобола. Калмыки дѣлились на отдѣльныя поколѣнія, а послѣднія на роды; поколѣніями и родами управляли княжескія владѣтельныя фамиліи, находившіяся въ зависимости отъ хана, какъ верховнаго главы народа. Но ханская власть у Калмыковъ была ограничена: онъ имѣлъ свой удѣлъ и не

[1]) «Поволжье въ XV и XVI вв.» сс. 272—308, 322. А. И. т. III, № 154.

[2]) Къ 1649 году въ одной ногайской ордѣ, кочевавшей подлѣ Астрахани, оказалось по смѣтѣ «мужскаго полу, которые могутъ на конь сѣсть четыре тысячи, а женъ, дѣтей, робятъ и дѣвокъ тысячъ съ пятнадцать» А. И. т. IV, № 32.

[3]) «Путешествіе Палласа» т. I, 456 с. «Der Ugrische Volksstamm» F. Müller I, 72 p.

касался доходовъ начальниковъ поколѣній, которые въ свою очередь не касались доходовъ отдѣльныхъ родоначальниковъ. Въ началѣ XVII столѣтія Калмыцкій ханъ, по имени Хара-Хула, задумалъ ввести единодержавіе и сильнѣе подчинить себѣ отдѣльныхъ начальниковъ; въ свою очередь и владѣтели поколѣній захотѣли господствовать независимо отъ власти своего хана. Обладая достаточными средствами и авторитетомъ среди своихъ подчиненныхъ, владѣтели поколѣній объявили себя независимыми ханами, вслѣдствіе чего между калмыцкими начальниками поднялся сильный раздоръ, не мало способствовавшій въ началѣ XVII столѣтія утвержденію русской власти на югѣ Томской и Енисейской губерній. Во время своего движенія впередъ русскіе въ это время встрѣчались только съ малочисленными и разсѣянными по странѣ родами, изъ которыхъ каждый отдѣльно защищалъ лишь свои пастбища; при невозможности же сопротивленія родъ складывалъ на верблюдовъ свои пожитки и уходилъ далѣе въ иную землю. Отсутствіе упорнаго сопротивленія со стороны Калмыковъ, кромѣ междоусобій, обусловливается еще и кочевымъ образомъ жизни, потому что «народы кочевые, не имѣя постоянной осѣдлости, не имѣютъ и большой привязанности къ родинѣ»[1]). При этомъ нѣкоторые калмыцкіе князья со своими родичами—дали безъ труда и присягу подданства Москвѣ (1609 г.). Легкость, съ которою въ настоящемъ случаѣ ихъ князья присягнули, объясняется довольно удовлетворительно однимъ изъ нашихъ отечественныхъ писателей, прожившимъ долгое время въ Китаѣ и имѣвшимъ возможность наблюдать достаточно бытъ и нравы кочевыхъ народовъ; онъ свидѣтельствуетъ, что обыкновенно «кочевые народы подданствомъ полагаютъ выиграть четыре процента на одинъ; поэтому, при случаѣ, они даже соперничаютъ въ готовности подданства. Клятву они считаютъ средствомъ выиграть, а клятвопреступленіе и вѣроломство пу-

[1]) «Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ». Іакинфа, стр. 2—28 съ примѣчаніями.

стыми словами. Таково общее качество кочевыхъ народовъ; кромѣ того, они ищутъ свободы отъ ясака и возможности служить въ войнѣ для грабежу»[1]). По всей вѣроятности, изъ южной Сибири Калмыки уже въ началѣ XVII столѣтія направились къ верховьямъ р. Урала и къ р. Ори[2]), гдѣ и расположились на нѣкоторое время[3]). Въ то время, какъ Калмыки со своими стадами кочевали по р. Ори, они, говорятъ, услыхали, будто р. Волга гораздо больше Урала и представляетъ лучшія удобства для кочеваній со стадами. Вслѣдствіе этого одинъ изъ калмыцкихъ начальниковъ[4]) послалъ нѣсколькихъ своихъ подчиненныхъ на мѣстѣ изслѣдовать достовѣрность этихъ слуховъ; тѣ посѣтили Поволжье и, возвратившись домой, подтвердили, «что дѣйствительно по Волгѣ есть много пажитныхъ мѣстъ, удобныхъ для кочеванія». Въ данное время между тѣмъ по лѣвой или луговой сторонѣ Волги кочевали соплеменники Калмыковъ—Ногайцы. И вотъ, когда однажды въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія (1634 г.) нѣкоторые ногайскіе мирзы съ своими улусными людьми отправились по своему обыкновенію отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ «за зверемъ» на прежнія кочевья между Волгою и Яикомъ, то неожиданно для себя наткнулись на Калмыковъ, которые во множествѣ кочевали на ихъ старыхъ кочевьяхъ. Дѣло дошло до столкновенія между противниками, и въ результатѣ Ногайцы остались въ накладѣ: нѣкоторые изъ нихъ должны были перейти на правый берегъ Волги или на Крымскую сторону, а другіе обратились къ Астраханскимъ воеводамъ съ жалобою на Калмыковъ и съ просьбою о помощи имъ противъ этихъ пришельцевъ, которые «ихъ побивали, женъ и дѣтей въ полонъ имали и животину отгоняли». Воеводы, которымъ изъ

[1]) Тамъ же 31—32 сс.

[2]) Рѣка Орь—притокъ Урала въ верхнемъ теченіи его.

[3]) Доказательствомъ того, что Калмыки поволжскіе до своего появленія здѣсь кочевали на р. Ори, служатъ ихъ пѣсни, въ которыхъ еще во второй половинѣ XVIII столѣтія упоминается эта рѣка. См. объ этомъ въ Оренб. Топографіи Рычкова ч. I, 125 с.

[4]) По Іакинфу это былъ Хоурлукъ, а по Рычкову—Лоузангъ.

Москвы поручено было защищать ногайскихъ Татаръ «отъ всякихъ воровскихъ людей», выслали отъ себя ратныхъ людей; тѣ соединились съ ногайскими мирзами и съ ихъ улусными людьми отправились противъ Калмыковъ и вступили съ ними въ бой,— но не устояли противъ нихъ, по донесенію воеводъ, ибо «стоять имъ было не въ силу»[1]). Оставшись безъ защиты Ногайцы луговой стороны Волги, числомъ около сорока тысячъ кибитокъ, вмѣстѣ съ Турхменцами, кочевавшими по восточной сторонѣ Каспійскаго моря, принуждены были подчиниться Калмыкамъ[2]), которые отъ этого еще больше усилились и такимъ образомъ сдѣлались очень опасными для окраинныхъ земель и пограничныхъ городовъ московскаго государства. Эта опасность не преминула отразиться на населеніи, жившемъ постоянно въ Прикамскихъ странахъ; особенно же должны были ее почувствовать тѣ поселенцы, которые имѣли смѣлость поселиться на лѣвой сторонѣ р. Камы и, быть можетъ, въ это время еще не были достаточно защищены острожками отъ непріятельскихъ вторженій[3]). Дѣйствительно, уже въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія (1639 г.) Калмыки, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, со своихъ кочевьевъ по притокамъ р. Волги[4]) пробираются вверхъ и нападаютъ на городъ Самару, который

---

[1]) Доп. А. Ис. т. II, №№ 62 и 63.

[2]) Оренб. Топогр. Рычкова ч. I, 123 с.

[3]) Иные утверждаютъ, будто «въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ еще, со времени Бориса Годунова, т. е., въ первые годы XVII вѣка появляются городки и острожки: напримѣръ, Полянскій, Ахтачинскій и другіе» (списки насел. мѣстъ Рос. Имп. Казан. губ., обработанная А. Артемьевымъ стр. 47). Другіе въ этомъ направленіи идутъ еще далѣе, говоря, что въ началѣ XVII ст. земли, на которыхъ стоялъ Полянскій острожекъ «пожалованы были первому россійскому патріарху Іову и на нихъ основана патріаршая деревня Полянка, заселенная выведенными изъ разныхъ селъ патріаршими крестьянами» (Памятная книга Каз. губ. 1866—67 гг. «Замѣчательныя селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Казанской губ.» стр. 9). Какъ первое, такъ и второе мнѣніе не подкрѣплено какимъ либо указаніемъ, поэтому мы не можемъ ихъ считать обязательнымъ для себя. Мы склонны къ предположенію что первые острожки на лѣвой сторонѣ р. Камы появляются не ранѣе царствованія Михаила Ѳедоровича.

[4]) Кочевали они по рѣкамъ Еруслану и Торгулу.

подвергся при этомъ большой опасности[1]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ (1643—1644 г.), Калмыки становятся сильнѣе: мы встрѣчаемся уже съ ними въ Прикамскихъ странахъ, гдѣ они, руководимые мѣстными инородцами, нападаютъ на деревни Преображенскаго монастыря, стоявшіе на р. р. Чертыкѣ и Безднѣ, и болѣе значительную изъ нихъ на р. Чертыкѣ совершенно разгромили: десять человѣкъ крестьянъ были убиты; находившійся въ деревнѣ священникъ съ женою, монастырскіе служебники, рыбные ловцы, и крестьяне съ женами и дѣтьми въ числѣ восьмидесяти человѣкъ были уведены калмыками въ плѣнъ; все монастырское и крестьянское имущество въ видѣ большаго количества лошадей[2]) и всякой рухляди, цѣною до четырехъ тысячъ рублей на тогдашнія деньги, Калмыки захватили съ собою[3]). Озабоченное этимъ, Московское правительство распорядилось, чтобъ воеводы изъ Самары и Уфы пошли въ началѣ 1644 года съ войсками на врага. Калмыки потерпѣли пораженіе отъ самарскаго воеводы Плещеева, начальники отряда котораго за это дѣло награждены были золотыми[4]). Поэтому постройка острожковъ для отпора усилившимся непріятельскимъ вторженіямъ и для защиты поселенцевъ, которые въ данное время жили постоянно на лѣвой сторонѣ р. Камы, явилась мѣрою крайне необходимою. Вслѣдствіе этого въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія уже встрѣчаемся здѣсь съ тремя острожками: Ахтачинскимъ, Шешминскимъ и Мензелинскимъ[5]); о Шешминскѣ

---

[1]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1860 г. № 2. «Историч. замѣт. о Самарск. краѣ» Леопольдова 73 с. Авторъ говоритъ, что при составленіи своей статьи пользовался, кромѣ преданій, также и мѣстными официальными документами.

[2]) 387 монастырскихъ лошадей и 56 мериновъ и кобылъ крестьянскихъ.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6429 грам. 1644 года, Марта мѣсяца.

[4]) Дворц. разряды т. II, 713 с. А. И. т. III, № 240.

[5]) Острожки эти стояли на притокахъ р. Камы съ лѣвой стороны: на рр. Ахтаѣ, Шешмѣ и Мензелѣ; послѣдняя —притокъ р. Ика, впадающей въ Каму.

даже прямо говорится, что онъ построенъ былъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича,—вѣроятно, въ самомъ началѣ «для обережи Закамской стороны, отъ воровскихъ людей, отъ Башкирцевъ и отъ Калмыковъ» [1]).

Если мы посмотримъ теперь на поселенія Преображенскаго монастыря по р. р. Чертыкѣ и Безднѣ въ половинѣ XVII вѣка, то состояніе ихъ покажетъ намъ наглядно ту тяжелую и неблагодарную работу, которую долженъ былъ въ это время нести здѣсь какъ поселянинъ, такъ и землевладѣлецъ—монастырь. На р. Чертыкѣ обозначена — «пустошь, *что была деревня Чертыковская старая*», въ которой находилось «по гривамъ» пустой, нѣкогда пахатной земли 60 десятинъ въ трехъ поляхъ; за тѣмъ на р. Безднѣ «тогожъ монастыря пустошь, *что былъ починокъ Старцовъ*», гдѣ было перелогу 90 десятинъ въ каждомъ полѣ. Вслѣдъ за этимъ идутъ населенныя земли въ видѣ «сельца, что была деревня Чертыковская Мельничная на р. на Большой Безднѣ»,—въ немъ, сверхъ монастырскаго двора, въ которомъ жили «старецъ да работники перемѣняясь», находилось лишь два крестьянскихъ двора и 10 бобыльскихъ, съ пашнею «по гривамъ» 45 десятинъ въ каждомъ полѣ. Кромѣ небольшаго сельца съ довольно значительною впрочемъ пахотою мы находимъ еще тутъ только что образовавшійся починокъ Богдановъ на озерѣ Утешевѣ [2]), о которомъ сказано, что въ немъ «живутъ на льготѣ Чюваша, а селятся вновѣ»,—«пашни и *перелогу дикаго поля* по гривамъ» въ этомъ починкѣ было 12 десятинъ въ каждомъ полѣ [3]).

Правда, мы находимъ, что русское правительство вскорѣ завязываетъ мирныя сношенія съ Калмыками, кочевавшими по р. Волгѣ, и достигаетъ того, что они въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича присягнули «быть подъ высокою царскою

---

[1]) Ак. ист. Юрид. Ст. Мельникова грам. 64.

[2]) Починокъ, состоявшій изъ двухъ дворовъ, изъ которыхъ въ одномъ живетъ «Богдашко Гонгильдеевъ».

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. № 6553 л. 59. Писцов. кн. за № 1127 л. 143.

рукою, чтобъ имъ (Калмыкамъ) давати повольный торгъ въ государевыхъ городѣхъ, а войною имъ на государевы города и уѣзды не приходити» [1]).

Но подданническая присяга калмыцкихъ хановъ точно такъ же, какъ въ XVI столѣтіи присяга князей ногайскихъ, имѣла для России болѣе формальное значеніе, чѣмъ по существу дѣла; она, по всей вѣроятности, давалась ими лишь для того, чтобы получать отъ русскаго правительства разные подарки, до которыхъ всегда охочи были начальники кочевыхъ народовъ. Какъ въ прежнее время начальники Ногайцевъ не особенно стѣснялись своими клятвами, а при удобномъ случаѣ вторгались и грабили Россію, такъ теперь Калмыки, ихъ соплеменники, не обращаютъ вниманія на свою присягу о подданствѣ русскому государю, и ихъ тайши (начальники) «на той своей шерти не устояли, учали приходить подъ Сибирскіе городы, подъ Уфу, подъ Саратовъ, подъ Астрахань и на Ногайскіе улусы; и приходя городы и уѣзды воюютъ, села и деревни жгутъ, ногайскіе улусы разоряютъ, людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ» [2]).

При подобныхъ условіяхъ правительству молодаго царя нельзя было не обратить вниманія своего на большія опасности, которымъ въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка подвергались выселки, появившіеся на р. Чалнѣ и на сосѣднихъ съ нею рѣкахъ,—тѣмъ болѣе, что почти всѣ они принадлежали дворцовому вѣдомству, ибо, какъ мы знаемъ, поселенія здѣшнія основаны были общиною крестьянъ выходцевъ изъ дворцоваго села Елабуги и возникли на свободной, т. е. на государевой землѣ. Ближайшій къ селу Чалны острожекъ былъ Мензелинскій, находившійся въ разстояніи десятковъ верстъ; поэтому правительство распорядилось въ 1650-мъ г. построить среди

---

[1]) А. И. IV т. № 32. «Историч. обозр. Ойратовъ» Іоакинфа 46 с.

[2]) А. И. т. IV № 32. (1649 г.)

здѣшнихъ поселковъ городокъ [1]). Городъ воздвигнутъ былъ при впаденіи р. Чалны въ Каму; стоялъ онъ на горѣ надъ послѣднею рѣкою, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ тарасным̆ъ валомъ, и сверхъ того съ двухъ сторонъ, обращенныхъ къ землѣ, рвомъ, около котораго вбиты были надолбы [2]); кругомъ города по рву выстроены были шесть башенъ, изъ которыхъ четыре угловыя были глухія, а двое въ серединѣ съ проѣзжими воротами и образами надъ воротами [3]).

Въ томъ же году поручено было «въ новомъ Чалнинскомъ городкѣ устроить 100 человѣкъ конныхъ бѣлопашенныхъ казаковъ», которымъ «велѣно дать жалованья денегъ на дворовое строеніе по осьму рублевъ человѣку; да на сѣмена хлѣба по три четверти ржи, по пяти четвертей овса человѣку; да имъ же дано земли на пашню по 20 четвертей и сѣнныхъ покосовъ противъ Мензелинскихъ бѣлопашенныхъ стрѣльцовъ», —впослѣдствіи каждому изъ нихъ дано было по 5 десятинъ сѣнокоса или же по 100 копенъ. Какъ постройка города, такъ и водвореніе въ немъ казаковъ сдѣлано было собственно «для оберeганья отъ приходу Калмыцкихъ и Ногайскихъ воинскихъ людей» [4]) Бѣлопашенные казаки, по всей вѣроятности, набраны были изъ охочихъ гулящихъ людей, которыхъ въ это время было довольно на Руси; судя по ихъ прозвищамъ, они вербовались въ разныхъ мѣстахъ и городахъ, какъ ближнихъ, сосѣднихъ Чалнамъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ отъ нихъ. Такъ, въ 1651 году мы здѣсь встрѣчаемся съ дво-

---

[1]) О городкѣ сказано, что онъ «рубленъ въ тарасы, намощенъ, покрытъ драницами; мѣрою городокъ въ длину 100 саженъ, а поперекъ 60 саженъ»; *тарасами* назывались бревенчатые ящики, установленные на землѣ и набитые внутри плотно утрамбованною землею; изъ нихъ составлялся валъ.

[2]) *Надолбами* называлось деревянное укрѣпленіе, состоящее изъ дубовыхъ стояковъ, вбитыхъ въ землю сплошною стѣною. Арх. Ист. Юридич. свѣдѣній Н. Калачева кн. 2-ая, половина первая. «Замѣтки объ Инсарѣ и его уѣздѣ» Н. Калачева с. 67.

[3]) Отъ этихъ образовъ ворота прозывались—однѣ Спасскими, а другія Архангельскими.

[4]) Пиц. кн. за № 1127 лл. 674, 767—768.

рами: «Елабуженина», «Сарапульца» «Лаишевца» (2 двора), «Уржумца», «Ветлуги», «Самаренина», «Пермитина», «Устюженина» (2 двора), «Двинянина» (2 двора), «Ярославца» и «Астраханца»; сверхъ того, такія прозвища у нѣкоторыхъ, какъ «Кожевникъ» (3 двора), «Сапожникъ», «Сѣдельникъ» и «Портной» могутъ навести на мысль, что инымъ изъ бѣлопашенныхъ казаковъ не чужды были и промыслы [1]). Всѣ бѣлопашенные казаки были водворены подъ городомъ. О поселеніи ихъ сказано слѣдующее: «около города Чалновъ, подлѣ городовой стѣны отъ рѣчки Чалны и до рѣки Камы отмѣрено на площадь отъ города до усаду, гдѣ быть дворамъ конныхъ служилыхъ казаковъ . . . съ дву сторонъ города по 30 саженъ; да на усады отмѣрено около той площади по обѣ жъ стороны... подлѣ Камы р. вверхъ и подлѣ рѣчки Чалны по угорамъ *росчистные земли* 12 десятинъ съ половиною». Бѣлопашенные казаки были раздѣлены на десятки, имѣвшіе своихъ десятниковъ, избираемыхъ, кажется, на годъ; во главѣ нѣсколькихъ десятковъ стоялъ пятидесятникъ [2]). Пашенную землю приказано было имъ отвести, «чтобъ къ городу ближе», при чемъ относительно ближайшихъ пахотныхъ полей, которыя отойдутъ бѣлопашцамъ, пояснено слѣдующее: «вмѣсто тѣхъ земель, чьи крестьянскія земли отойдутъ бѣлопашцамъ велѣно (имъ крестьянамъ) отвесть гдѣ пригоже, чтобъ по государеву указу бѣлопашенныхъ казаковъ дворами, пашнями, сѣнными покосы построить вправду, смотря по тамошнему дѣлу, *а крестьянамъ бы въ пашнѣ*

---

[1]) Тамъ же лл. 681—684. На прозвища, какъ въ настоящемъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ нельзя не обращать вниманія, потому что не всегда къ имени и отчеству служилаго человѣка прибавляется прозвище; такъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ попадаются иногда наименованія подобнаго рода: дворъ Сенька *Герасимовъ*; дв. Матюшка *Купріяновъ*, между тѣмъ какъ у другихъ: дв. Сергушки Купріянова *Устюженина*, или дв. Ермолки Яковлева *Муромца*, Мироновецъ онъ же и другіе въ такомъ же родѣ.

[2]) Какъ пятидесятники, такъ и десятники выбирались и назначались на годъ, ибо въ 1652 году мы въ новой описи находимъ новыхъ пятидесятниковъ и нѣкоторыхъ новыхъ десятниковъ. Одинъ изъ пятидесятниковъ сталъ десятникомъ, а нѣкоторые рядовые стали десятниками и пятидесятниками. Тамъ же лл. 681—682, и л. 774.

и въ сѣнныхъ покосѣхъ и во всякихъ угодьяхъ утѣсненія не было» [1]). Бѣлопашенные казаки раздѣлены были на двѣ части и каждая съ особымъ пятидесятникомъ поселена была подъ городомъ въ отдѣльной слободѣ: одна на берегу р. Камы, а другая на берегу р. Челны. Годъ спустя (1651 г.), уже «бѣлопашенные казаки дворами построились и пашни пахать и хлѣбъ сѣять учали». Въ городѣ находились шесть затинныхъ пищалей [2]); дубовый съ выходомъ погребъ, гдѣ хранился порохъ; анбаръ, въ которомъ хранилось «стрѣлецкое знамя дороги зеленыя, на немъ *вышитъ крестъ* дороги алыя»; изба тюремная, изба караульная у Спасскихъ воротъ; да въ городѣ же на караулѣ по перемѣнно стояли пять человѣкъ бѣлопашенныхъ казаковъ или стрѣльцовъ, которые жили за городомъ. Всѣмъ бѣлопашеннымъ казакамъ было дано сто ручныхъ пищалей, и «по государеву указу по ихъ по всѣхъ по стѣ человѣкахъ были взяты поручныя записи въ государевѣ денежномъ жалованьѣ и въ сѣменномъ хлѣбѣ и въ службѣ и въ житьѣ» [3]), — т. е. они, вѣроятно, были обязаны взаимною круговою порукою. Пахотная земля отведена была имъ та, что принадлежала крестьянамъ села Челны, по обѣ стороны села нѣсколько выше «противъ Вятскаго взвозу» со включеніемъ усадебной земли деревни Мироновой, ближайшей къ Челнамъ, изъ которой крестьяне были переведены въ село и въ деревни, къ нему тянувшія; всей пашни отведено было имъ 2000 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей [4]); сѣнные покосы имъ отвели по рѣкѣ Шильнѣ и въ другихъ ближайшихъ мѣстахъ на 10,040 копенъ [5]), — «а больши того казакамъ къ ихъ землямъ покосовъ дать не изъ чего, потому что близко Челновъ лишнихъ покосовъ нѣтъ». Лѣсъ на дворовое строеніе и на дрова отведенъ былъ бѣлопашеннымъ казакамъ на 500 деся-

[1]) Тамъ же *л.* 676.

[2]) Небольшія пушечки.

[3]) Тамъ же *лл.* 684, 768—769.

[4]) По 20 четвертей на человѣка въ кажд. полѣ.

[5]) По 100 копенъ или по 5 десятинъ сѣнокосу на человѣка.

тинъ по близости «въ ихъ межахъ межъ пашень», а хоромной ихъ лѣсъ находился подальше, за рѣкою Шильною, противъ сѣнныхъ покосовъ, гдѣ былъ боръ, которымъ они должны были пользоваться «вопче съ государевы съ челнинскими крестьяны». Наконецъ сказано, что «по ихъ же казачью челобитью въ ихъ межахъ и урочищахъ отведено 20 четвертей пашни къ церкви, которую впредь по своему обѣщанію» бѣлопашенные казаки должны здѣсь построить. Самое село съ этого времени именуется не какъ прежде — Челны, а «Мысъ», потому что Челнами сталъ называться новый городокъ [1]).

Если мы, пользуясь описью 1651 года, взглянемъ на село Челны-Мысъ съ прилегающими къ нему деревнями и починками и сравнимъ его тогдашнее состояніе съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія, то мы не можемъ не обратить вниманія на измѣненія, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ произошли за это время въ немъ. Не смотря на незначительность даннаго промежутка времени, мы теперь находимъ здѣсь новыя деревни и починки, съ которыми прежде не встрѣчались. Таковыми были двѣ деревни и пять починковъ [2]), — при чемъ въ одной деревнѣ [3]) обозначено «пашни пахотные *новоросчистные добрые земли* 130 четвертей»; въ монастырскомъ починкѣ [4]) тоже отмѣчено «пашни паханные новоросчистные добрые земли подъ боромъ 4 четверти, да перелогу и росчисти непашенной 7 четвертей». Въ другомъ починкѣ [5]) при четырехъ тяглыхъ дво-

[1]) Тамъ же лл. 684—686, 695.

[2]) Обѣ деревни и одинъ починокъ принадлежатъ Богородицкому монастырю.

[3]) *Деревня Маркова*, на р. на Камѣ и на озерахъ, въ которой тринадцать дворовъ крестьянскихъ.

[4]) *Починокъ Савинъ* на р. на Камѣ, на берегу къ рѣкѣ Пещанкѣ, 3 двора крестьянскихъ.

[5]) *Починокъ Круглова* на усть рѣки Сусарки» въ немъ тяглыхъ крестьянъ четыре двора, людей въ нихъ девять человѣкъ; да льготныхъ 11 дворовъ, людей въ нихъ 21 человѣкъ. Подобное же явленіе встрѣчаемъ въ другомъ починкѣ *Шишкинѣ*.

рахъ значится 11 льготныхъ; при этомъ отмѣрено «пашни и дикихъ поль. . . . *ново прибылымъ крестьянамъ и бобылямъ, которые впредь прибудутъ*»[1]). Въ самомъ селѣ Мысѣ число дворовъ за это время увеличилось: въ немъ живутъ теперь 123 крестьянскихъ двора, у которыхъ значительная пахота и большой сѣнокосъ[2]). Составъ населенія въ селѣ былъ довольно разнообразенъ: среди крестьянъ встрѣчаются дворы крестьянскіе съ такими прозвищами, какъ «Галичанинъ» (2 двора), «Вятчанинъ» (2 двора), «Стародубецъ», указывающія, повидимому на мѣста, откуда владѣтели дворовъ пришли, или же «Мордвинъ»—прозвище, свидѣтельствующее о происхожденіи даннаго лица. Крестьяне села описываются по вытямъ отдѣльно, и каждая выть имѣетъ особое наименованіе, какъ бы указывающее на своего представителя: такъ, напримѣръ, описывается «Замараева выть», — а въ концѣ описи мы узнаемъ, что староста Чалнинскихъ крестьянъ прозывался «Тренка Замарай»[3]). Среди бобылей села Мыса на денежномъ оброкѣ означенъ «Гришка Кузьминъ, торгуетъ мелкимъ щепетильемъ», затѣмъ встрѣчаются бобыли съ прозвищами «портной мастеръ»,

---

[1]) Тамъ же лл. 728—735, 756—758.

[2]) «И всего села Мысу и съ мироновскими (т. е. переселенцами изъ деревни Мироновой) тяглыхъ крестьянъ 123 двора, людей въ нихъ 219 человѣкъ, тягла на нихъ 5 вытей съ четвертью (выть здѣсь равнялась 56 четвертямъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, и обложена была 4 рублями денегъ и 12 четвертями ржи, овса тожъ); да дворъ льготнаго крестьянина, да бобыльскихъ 16 дворовъ, людей въ нихъ и захребетниковъ 30 человѣкъ; оброку платятъ на годъ 2 рубля 20 алтынъ, 10 денегъ. Да для откупныхъ и торговыхъ промысловъ живутъ два двора людей,—и всего 143 двора, а людей въ нихъ 255 человѣкъ; тягла на нихъ 6 вытей безъ чети и безъ полъ, полъ, полъ четверти выти. Пашни паханной (за крестьянами въ селѣ съ деревнями) и на ново прибылыхъ и льготчиковъ, которые впредь прибудутъ 2627 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ»; сѣнныхъ покосовъ на 720 десятинахъ 14, 400 копенъ, а съ деревнями и починками дальними и близкими 32, 150 коп. Тамъ же лл. 675, 707—710.

[3]) Остальныя выти села Мысъ - Чалны были: Вяцкая выть, — быть можетъ, отъ Вяцкаго взвозу, затѣмъ слѣдуютъ: Кожевникова выть, Кузнецова выть и Воинова выть; въ каждой выти описано болѣе двадцати крестьянскихъ дворовъ. Тамъ же лл. 697—703.

«сапожникъ» и «бочкарь»; въ селѣ же находились два двора «торговыхъ людей», которыхъ владѣтели жили здѣсь «для откупныхъ промысловъ»: обладатель одного изъ нихъ несъ тягло на Москвѣ въ Бронной слободѣ, а въ селѣ жилъ шестой годъ «для откупнаго кабацкаго и таможеннаго промыслу»; владѣтель другаго жилъ на тяглѣ во Владимірѣ, предоставивъ своему двоюродному брату, Владимірскому же тяглецу, торговать на селѣ изъ двухъ анбаровъ солью и хлѣбомъ; сверхъ того, «у него жъ (т. е. у владимірца) на монастырской землѣ солодовня, роститъ солодъ и отпускаетъ въ Астрахань»[1]). Такимъ образомъ мы встрѣчаемся на окраинѣ не съ одними земледѣльцами изъ коренной Россіи, а также и съ предпріимчивою энергіею торговаго великоросса, который, живя подъчасъ за тысячи верстъ, умѣлъ организовать и эксплоатировать дѣло съ барышемъ для себя и не безъ выгоды для другихъ людей не только здѣсь, на мѣстѣ, но и въ отдаленной отсюда Астрахани. Поселенія, тянувшія къ селу Мысу, за это время также въ большей или меньшей степени увеличились, при чемъ и характеръ нѣкоторыхъ поселковъ успѣлъ болѣе прежняго выясниться; такъ, Набережная слобода на р. Камѣ[2]), нѣсколько увеличившись, получила теперь болѣе промышленный характеръ, что замѣчается не въ нѣкоторыхъ только прозвищахъ поселенцевъ слободы, — «рыболовъ» (4 двора), «Кожевникъ», «Перевощикъ»,—но также и въ сравнительно меньшей, чѣмъ въ другихъ поселеніяхъ, пахотѣ и сѣнокосѣ у слобожанъ»[3]).

---

[1]) Тамъ же л. 706.

[2]) Прежде она прозывалась «Бережная» просто.

[3]) Всего въ Набережной слободѣ 112 дворовъ, такъ что населенія прибыло около 11 дворовъ; но при этомъ въ ней 10 дворовъ означено пустыхъ,—изъ нихъ 9 отданы въ 1650 и 1651 годахъ разнымъ лицамъ «во крестьянство» (главнымъ образомъ Данилѣ и Петру Строгоновымъ). Кромѣ прозвищъ «Рыболовъ», въ формѣ, напр., такой: «во дворѣ Аѳонька Васильевъ Шульгинъ съ сыномъ съ Гришкою Рыболовымъ», встрѣчаются люди съ прозвищами «Пермякъ» (2 двора) и «Вятчанинъ». Въ слободѣ находится церковь съ тремя дворами для причта; пахотной земли 371 четв. и 750 коп.; пахота и сѣнокосъ являются незначительными при сравненіи ихъ съ дру-

Въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ, если не всегда замѣчаемъ серіозное увеличеніе тяглаго населенія, то зато постоянно встрѣчаемъ дворы льготныхъ людей, — притомъ въ пропорціи иногда очень значительной, сравнительно съ наличнымъ составомъ населенія въ деревнѣ[1]). Въ одномъ изъ подобныхъ поселковъ, въ которомъ застаемъ много льготныхъ дворовъ, по описи можно отчасти видѣть, какимъ образомъ здѣсь заселялись свободныя земли и какъ иногда увеличивалось населеніе въ селахъ и въ деревняхъ. Въ деревнѣ Средней Шильнѣ, послѣ описи жилыхъ и тяглыхъ дворовъ сказано: «тоежъ деревни Середніе Шильни льготныхъ крестьянъ», вслѣдъ затѣмъ идетъ опись льготныхъ дворовъ, которые расположены особыми группами съ отдѣльнымъ лицомъ во главѣ; эти группы состоятъ изъ двухъ, девяти и болѣе дворовъ. Повидимому группы эти являлись въ деревнѣ отдѣльно, принимались крестьянскою общиною деревни и селились на извѣстное время на льготѣ. Очень вѣроятно, что и группы новыхъ поселенцевъ въ свою очередь составляли общину, при чемъ извѣстное лицо могло быть уполномоченнымъ или представителемъ данной группы въ ея переговорахъ съ деревенскою общиною, которая принимала ее къ себѣ и уступала членамъ группы на опредѣленныхъ условіяхъ землю усадебную, пашенную и угодья; деревенская община могла оказывать группѣ и нѣкоторую матеріальную помощь на первыхъ порахъ ихъ жизни на новомъ мѣстѣ. Такъ, послѣ вышеприведеннаго выраженія слѣдуетъ опись группы, состоящей изъ двухъ дворовъ крестьянскихъ, изъ коихъ въ одномъ дворѣ живутъ два брата, а въ другомъ одинъ крестьянинъ; въ заключеніе сказано: «и тотъ Фетька Яковлевъ съ товарищемъ изо льготы выдутъ во 162 году» (1654); вслѣдъ за этимъ идетъ опись другой группы дворовъ

гими поселеніями здѣсь же, въ которыхъ гораздо меньше дворовъ крестьянскихъ, чѣмъ въ Набережной слободѣ.

[1]) Такъ, напримѣръ, деревня Средняя Шильня на рѣкѣ Шильнѣ, въ которой тяглыхъ дворовъ около 20, а льготныхъ гораздо больше. Затѣмъ починокъ Кругловъ, починокъ Ключъ и др.

состоящей изъ 16 человѣкъ; начинается опись дворомъ Стеньки Федорова съ дѣтьми и заключается слѣдующимъ образомъ: «И тѣ шестнадцать человѣкъ Стенька Федоровъ съ товарищи изъ льготы выйдутъ во 163 году» (1655). Затѣмъ слѣдуютъ еще двѣ группы, состоящія — одна изъ четырехъ крестьянскихъ дворовъ съ братьями и дѣтьми, а другая изъ девяти, опись каждой изъ нихъ заканчивается такимъ же образомъ, какъ и предъидущихъ, при чемъ заключительныя слова относительно послѣдней группы: «и тѣ девять дворовъ Власко Яковлевъ съ товарищи сѣли на льготу въ нынѣшнемъ во 159 году (1651), а изъ льготы выдутъ во 165» (1657), указываютъ намъ и срокъ льготы, на который могли приниматься группы отдѣльныхъ переселенцевъ деревенскою общиною на свои земли [1]).

Изъ этого можно видѣть, что приливъ новыхъ переселенцевъ въ Закамскія страны продолжался, и что это обратило на себя вниманіе правительства молодаго царя, которое построеніемъ здѣсь городка и водвореніемъ въ немъ служилыхъ людей полагало защитить ближайшихъ къ нему поселенцевъ отъ усилившейся опасности. Но трудно допустить, чтобъ русское правительство, сознавшее ненадежность единичныхъ и отрывочныхъ мѣръ на правой сторонѣ Волги, вслѣдствіе чего оно довольно энергически принялось за построеніе Симбирской укрѣпленной черты,— трудно, повторяемъ, допустить, чтобы оно сооруженіе Чалнинскаго города вмѣстѣ съ уже существовавшими острожками считало мѣрою достаточной для защиты Закамскаго населенія, опасность котораго со стороны кочевыхъ обитателей степи была несравненно сильнѣе, чѣмъ у обитателей правой, нагорной стороны. По всей вѣроятности, правительство смотрѣло на это дѣло только какъ на временную мѣру, которая во всякомъ случаѣ была лучше, чѣмъ ничего. Справедливость настоящаго предположенія, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ

[1]) Тамъ же лл. 738—742.

(въ 1651 году) по порученію правительства въ Закамской сторонѣ дѣлались разысканія нѣкоторыми служилыми людьми [1]), которымъ поручено было составить планъ укрѣпленной Закамской черты или линіи. Для помощи въ настоящемъ дѣлѣ служилымъ людямъ, къ нимъ прикомандированы были «въ вожахъ» нѣкоторые инородцы, имѣвшіе вотчины за р. Камою, которые вслѣдствіе этого должны были хорошо знать здѣшнія мѣста и этимъ знаніемъ могли быть имъ полезны [2]) въ Закамской сторонѣ. Такимъ образомъ составлена была «роспись и чертежъ Закамской засѣчной землѣ», по которой должны были быть выстроены «городы и жилые и стоялые остроги и всякія засѣчныя и землянныя и деревянныя крѣпости отъ р. Волги до Ику рѣки и по Ику внизъ до Камы рѣки». Изготовленные планы Казанскими воеводами отосланы были въ Москву въ Казанскій приказъ; здѣсь ихъ разсмотрѣли, одобрили и въ 1652 году прислали обратно въ Казань къ боярину и воеводѣ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи, съ повелѣніемъ, чтобъ они устроили все «по росписи и чертежу, въ которыхъ мѣстахъ городкомъ и острогомъ и засѣчнымъ крѣпостямъ быть пристойно» [3]). Вслѣдствіе этого приказанія въ 1652 г. съ наступленіемъ лѣта «по государевой грамотѣ» открылись работы по построенію укрѣпленной Закамской черты или линіи. Для работъ по Закамской чертѣ по указу наряжались изъ Казанскаго уѣзда «подымовные люди» и, какъ кажется, преимущественно Чуваши, Черемисы и Вотяки. На первый годъ изъ ихъ среды бралось «въ степь, въ работу, въ дѣловые люди» по одному рабочему съ трехъ дворовъ, а впослѣдствіи брался одинъ работникъ съ шести дворовъ. Инородцы, хорошо знакомые съ Закамской стороной, опредѣлялись «по прежнему быть въ вожахъ» при работахъ на Закамской чертѣ [4])

[1]) Эти служилые люди были—Степанъ Змѣевъ и Григорій Львовъ.

[2]) Акт. Ист. Юрид. Собр. Ст. Мельниковымъ грам. 23.

[3]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 лл. 553—554.

[4]) Тамъ же л. 588. Акт. Ист. Юридид. Собр. Ст. Мельниковымъ гр. 23.

По мѣрѣ построенія черты на нее переселяли людей изъ разныхъ мѣстъ, водворяя ихъ здѣсь на время или «на вѣчное житье»; кромѣ того, по чертѣ заводились «проѣзжія станицы», которыми начальствовали головы, руководимые вожами изъ тѣхъ же, знакомыхъ со страною, инородцевъ [1]). По всей вѣроятности, и по Закамской чертѣ, какъ на Симбирской, работы производились въ разныхъ мѣстахъ одновременно, ибо это удобнѣе было и для рабочихъ людей, которые набирались изъ разныхъ частей обширнаго Казанскаго уѣзда, вслѣдствіе чего однимъ сподручнѣе было работать около р. Ику, а другимъ около р. Волги.

Какъ результатъ подобныхъ работъ, появляется на луговой сторонѣ р. Волги, выше впаденія р. Черемшана, въ мѣстахъ, гдѣ въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка были рыбныя ловли Покровскаго монастыря «въ Нижнихъ Тетюшахъ», *городъ* Бѣлый Яръ, «поставленный» въ 88 саженяхъ отъ Волги [2]). Построенъ былъ городъ на низкомъ мѣстѣ и большей частью изъ сосноваго лѣса. Бѣлоярскій городъ представлялъ собою четыреугольникъ, стороны котораго были почти равны [3]). Окруженъ былъ городъ тарасным валомъ въ сажень вышины и столько же ширины, въ которомъ утвержденъ былъ острогъ, подымавшійся изъ тарасовъ на двѣ сажени; съ половодной стороны къ тарасамъ устроенъ былъ земляной привалъ, а по валу въ разныхъ мѣстахъ «для бою дѣланы лавы» [4]). По валу устроены были восемь башенъ, изъ коихъ четыре были осьмиугольныя, глухія, и стояли по угламъ города, — остальныя были четыреугольныя; изъ числа послѣднихъ трое были съ

[1]) Ак. Ист. Юрид. Мельникова гр. 23.

[2]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6464. III е отд. Писц. кн. за № 1127 л. 554.

[3]) По измѣренію служилаго человѣка Никиты Гладкова, которому, послѣ окончанія черты, поручено было осмотрѣть ее отъ Бѣлаго Яра до Новошешминска, Бѣлоярскій городъ имѣлъ 142 сажени въ длину и 140 сажень поперекъ.

[4]) Мосты, по которымъ сходили сражавшіяся изъ укрѣпленія.

проѣзжими воротами, надъ которыми были иконы[1]). Проѣзжія башни были расположены въ городѣ слѣдующимъ образомъ: одна съ сѣверной стороны города («съ Казанскую сторону»), другая съ западной стороны («отъ Волги») и третья съ южной стороны («отъ волошки Бушуйки»[2]); одна изъ проѣзжихъ башенъ и четыре угловыхъ были съ вышками на верху[3]). Въ городѣ около проѣзжихъ воротъ находились караульныя избы; кромѣ того, въ немъ помѣщались общественныя зданія, церковь, дворы причта и нѣсколько стрѣлецкихъ дворовъ[4]). Вооруженіе Бѣлоярскаго города состояло изъ трехъ пищалей мѣдныхъ въ станкахъ на колесахъ, трехъ пищалей полковыхъ и 405 самопаловъ[5]) Кругомъ города, въ разстояніи двухъ саженей

---

[1]) Отъ этихъ иконъ и ворота прозывались Спасскими, Казанскими и пр.

[2]) Волошка Бушуйка была небольшая рѣчка, впадавшая въ Волгу съ южной стороны города Бѣлаго Яра. Эта рѣчка еще означена на подробной картѣ 1800 г.; на нынѣшнихъ картахъ генеральнаго штаба ея нѣтъ.

[3]) Вышки на башняхъ устроены были, вѣроятно, для часовыхъ, наблюдавшихъ за появленіемъ на горизонтѣ непріятеля. Вотъ для примѣра описаніе одной изъ башенъ (всѣ башни на чертѣ построены по одному плану и разнятся лишь въ величинѣ частей, причемъ проѣзжія иногда сдѣланы нѣсколько больше, а иногда меньше глухихъ): «Башня отъ Волошки Бушуйки четвероугольная, съ проѣзжими вороты: стѣны по 4 сажени; вышину до обламовъ 5 сажень съ половиною, обламовъ до шатра сажень, шатра до вышки 4 саженя съ получетвертью; а въ техъ воротныхъ башняхъ затворы брусяны и сосновые». Это описаніе сдѣлано до осмотра Гладкова, а вотъ описаніе той же башни «по досмотру» послѣдняго: «на Бушуйскихъ проѣзжихъ воротахъ образъ Спаса Вседержителя. Башня четвероугольная, въ вышину съ земли до обламовъ 5 сажень, обламовъ сажень, съ обламовъ до вышки 4 сажени, вышка 2 сажени, съ вышки въ степь видѣть на 9 вер.» Съ вышекъ другихъ башенъ, обращенныхъ въ иныя стороны, наблюдаемое разстояніе было другое. Такъ, напримѣръ, съ угловой башни, обращенной къ Волгѣ р. «съ вышки въ стѣнѣ видѣть за Волгу рѣку на 10 верстъ, а подлѣ валу видѣть степную сторону на 2 версты». Тамъ же лл. 555. 592.

[4]) Такъ, въ городѣ упоминается по досмотру Гладкова: Приказная судная изба, государевъ дворъ, гдѣ приказные люди, баня; у волжскихъ проѣзжихъ воротъ государевъ выходной погребъ, изба тюремная, колодезъ—срубъ дубовый; стрѣлецкихъ дворовъ въ городѣ было пять. Тамъ же лл. 594—595.

[5]) «Ружья на Бѣломъ Яру 3 пищали мѣдные въ станкахъ на колесахъ, пищаль фунтовая, къ ней 30 ядеръ, 2 пищали четырехъ фунтовыхъ,

отъ вала, выкопанъ былъ ровъ въ двѣ сажени глубиною; отъ наугольной башни города съ южной стороны до Волги р. «поставлены были двойные надолбы»[1]). О населеніи Бѣлоярскаго города извѣстно слѣдующее: въ сентябрѣ 1653 года Лаишевскому воеводѣ Левашеву поручено было изъ Казани «выбрать сто Лаишевскихъ конныхъ служилыхъ казаковъ, добрыхъ и семьянистыхъ и сказать имъ, что по государеву указу велѣно ихъ съ женами и съ дѣтьми перевести на Бѣлой Яръ, строить на вѣчное житье»; при этомъ прибавлено: «переводить ихъ на Бѣлой Яръ нынѣшнею осенью послѣ пашенные пары, чтобъ они рожь сѣяли въ Лаишевѣ на прежнихъ своихъ земляхъ, а яровой хлѣбъ сѣять на Бѣломъ Яру». Въ этомъ же распоряженіи говорится, чтобъ переведенцы впередъ отправили «своихъ дѣтей и братью и племянниковъ», да и самибъ «готовились на переведенье на Бѣлой Яръ», т. е., велѣно было имъ «къ зимнему времени сѣна готовить и бревна на дворовую селитьбу»[2]). Среди переселенцевъ, дѣлившихся на десятки, бывшихъ подъ начальствомъ 8 десятниковъ и двухъ пятидесятниковъ, встрѣчаются семьи, въ которыхъ не только глава, но и другіе члены семейства въ числѣ двухъ или даже трехъ членовъ отмѣчены годными въ службу[3]). Такія ихъ

къ нимъ 50 ядеръ; 9 пудъ 20 гривенокъ зелья пушечнаго; 3 пищали полковые къ нимъ 89 ядеръ пушечныхъ; 3 пуда зелья ручнаго, свинцу тожъ, 405 самопаловъ». Тамъ же л. 593 съ оборот.

[1]) Тамъ же лл. 554—556.

[2]) Тамъ же л. 537.

[3]) Такъ, напримѣръ, «Ивашка Савельевъ сынъ Санюковъ, а у него сынъ Степка, въ службу годится, да два племянника — Лучка Матвѣевъ въ службу годится, Федька Леонтьевъ — недоросль. Десятникъ Ивашка Мартьяновъ сынъ Бѣляевъ, а у него братъ Митька Уевъ, да съ нимъ въ службѣ захребетники—Ивашка да Алешка Ивановы дѣти, живутъ себѣ дворомъ розно. Артюшка Яковлевъ сынъ Кадышевъ, а у него 3 сына—сынъ Ѳедька въ службу годится, Левка да Гришка — недоросли, да съ нимъ въ службѣ два брата Николка и Ивашка въ службу годятся.» Тамъ же лл. 538, 540, 546. Вѣроятно, и на Закамской чертѣ, какъ прежде на Симбирской, нѣсколько человѣкъ составляли вмѣстѣ *одну службу*, или же при недостаткѣ наличныхъ членовъ семьи—*полъ-службы*.

прозвища какъ: «Тетюшенинъ», «Арзамасецъ», «Нижегородецъ», или же такія, какъ «Мещеровъ» и «Нагаевъ», могутъ навести на мысль, что служилые казаки въ Лаишевѣ вербовались въ это время изъ охочихъ людей различныхъ городовъ и разнообразнаго происхожденія[1]). Въ этотъ же годъ на конную службу въ Бѣлый Яръ переведены были 29 человѣкъ «полониковъ» изъ Тетюшъ съ ихъ десятниками и 9 человѣкъ ссыльныхъ, тоже опредѣленныхъ здѣсь на службу; подобныя прозвища у ссыльныхъ, какъ «Чебоксаренинъ» (2 двора), «Цывиленинъ» и «Саранецъ,» указываютъ намъ, изъ какихъ мѣстъ преимущественно были эти люди[2]). Всѣ переселенцы, опредѣленные въ бѣлопашенные конные казаки, поселены были «за городомъ, съ трехъ сторонъ города», и изъ нихъ образовались двѣ слободы. Всякому переведенцу отведено было «земли подъ дворъ, подъ огородъ и подъ гумно по 40 сажень длиннику, по 10 поперечнику»; сверхъ того, имъ намѣрены были отвести земли на пашню въ опредѣленномъ количествѣ четвертей и сѣнокосу, но не отвели, «потому что близко города Бѣлаго Яру въ чертѣ пашенные земли и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ». Слободы защищены были отъ непріятельскихъ нападеній надолбами[3]).

Непосредственно отъ города Бѣлаго Яра начиналась укрѣпленная Закамская черта, состоявшая изъ группы сооруженій, тянувшихся по правой сторонѣ Большаго Черемшана, такъ что кочевому непріятелю надобно было при вторженіи перейти сперва эту рѣку, и потомъ уже онъ встрѣчался съ укрѣпленною чертою. При сооруженіи укрѣпленной линіи строившіе ее старались повидимому приспособляться и пользоваться природными особенностями, которыя встрѣчались имъ на пути, вслѣдствіе чего находимъ, что одни укрѣпленія воздвигались въ степныхъ мѣстахъ, а другія въ лѣсныхъ; но такъ какъ въ

[1]) Тамъ же лл. 544, 547, 549.
[2]) Тамъ же лл. 551—553, 556, 557. Переп. кн. № 6475, кн. 41, лл. 1—2.
[3]) Тамъ же лл. 556, 595, 601.

здѣшнихъ мѣстахъ господствовалъ лѣсъ, то поэтому на чертѣ между укрѣпленіями преобладаетъ «засѣка». Отъ наугольной башни за рвомъ, на пятисаженномъ разстояніи, «поставлено острогу», который примыкалъ къ тарасному валу, сооруженному «дубровою и степью чистымъ мѣстомъ до чернаго лѣсу» на пространствѣ четырнадцати верстъ и 63 сажень; въ частности говорится, что «тарасы рублены въ крайнемъ сосновомъ и въ дубровномъ лѣсу, въ вышину до обламовъ двѣ сажени, поперекъ тожъ; а обламы рублены въ полъ-аршина и въ три четверти, и въ тарасахъ насыпана земля»[1]). По тарасному валу построены были въ разномъ разстояніи еще особыя небольшія укрѣпленія, которыя назывались городками и выводами; всѣхъ такихъ построекъ по валу сдѣлано двадцать пять на четырнадцати-верстномъ разстояніи[2]). Со стороны поля, въ разстояніи двухъ и болѣе саженей отъ тараснаго вала, городковъ и выводовъ, на всемъ этомъ пространствѣ былъ выкопанъ ровъ въ двѣ сажени глубины и въ три ширины «въ государеву сажень». Отъ конца тараснаго вала по направленію «къ засѣкѣ, подъ увалъ, на десяти саженяхъ поставлены тройныя надолбы». Затѣмъ чрезъ черный лѣсъ на разстояніи двухъ верстъ и девятисотъ саженей устроена была «валежная засѣка въ крѣпкихъ топкихъ мѣстахъ», шириною отъ 40 до 60 саженей, — при чемъ въ засѣкѣ лѣсъ валенъ всякой: дубнякъ, вязникъ, липнякъ, ольшнякъ; отъ корени деревья рублены въ аршинъ и въ два аршина». Около лѣса, въ которомъ была устроена засѣка, на пространствѣ нѣсколькихъ сажень находилось топкое мѣсто, вслѣдствіе чего здѣсь вбиты были «семерные надолбы», примкнувшія непосредственно къ новому тарасному валу за чернымъ лѣсомъ. Здѣсь на про-

[1]) Тамъ же л. 557.
[2]) Объ этихъ укрѣпленіяхъ при осмотрѣ Закамской черты Гладкимъ въ 1658 году сказано слѣдующее: «а тарасы (найденные имъ въ вышину отъ земли на полторы сажени, обламы на полъ сажени) и выводные городки и башни (выводныя) насыпаны землею, а выводные городки въ длину и поперекъ по 10 сажень». Тамъ же л. 602.

странствѣ двухъ верстъ и 350 саженъ сооруженъ былъ снова тарасный валъ, по которому «сдѣланы четыре городка, да четыре вывода на польскую сторону»; затѣмъ попрежнему, на извѣстномъ разстояніи отъ этихъ укрѣпленій, выкопанъ былъ со стороны степи ровъ извѣстной уже глубины и ширины. Отъ послѣдняго тараснаго вала «въ гору ко рву поставлено на тридцать сажень острогу». Здѣсь на рѣчкѣ Ерыклѣ, текущей съ сѣвера и впадающей въ Большой Черемшанъ, на правомъ берегу ея построенъ новый острогъ, назвавшійся отъ рѣки Ерыклинскимъ. Отъ города Бѣлаго Яра до Ерыклинскаго острога «всего валоваго и надолбнаго и острожнаго и засѣчнаго дѣла» было устроено на разстояніи девятнадцати верстъ и 343 саженей [1]).

Ерыклинскій острогъ стоялъ подъ горою въ лощинѣ [2]) и по величинѣ много уступалъ городу Бѣлому Яру. Острогъ имѣлъ видъ четыреугольника, котораго длина равнялась 52, а ширина 42 саженямъ. Вышина острога была около трехъ саженъ, и въ немъ находилось шесть башенъ; изъ нихъ двѣ, обращенныя одна на сѣверъ [3]), а другая на югъ [4]), имѣли проѣзжія ворота и вышки и были нѣсколько больше остальныхъ четырехъ, угловыхъ и глухихъ, безъ вышекъ. Башни въ Ерыклинскомъ острогѣ, быть можетъ, вслѣдствіе меньшей величины самого острога, были нѣсколько меньше Бѣлоярскихъ башенъ, поэтому съ ихъ вышекъ открывался не столь обширный горизонтъ, какъ съ предыдущихъ; на вышкѣ одной изъ проѣзжихъ башенъ острога (на сѣверной) находился «государевъ вѣстовой колоколъ» [5]). Въ Ерыклинскомъ острогѣ, какъ

---

[1]) Тамъ же лл. 559, 602—603.

[2]) Въ актахъ объ этомъ говорится такъ: «надъ рѣчкою Ерыклою *на ували*, подъ горою поставленъ *острогъ*»; въ осмотрѣ Гладкова: «Ерклинскій *городокъ* построенъ *на уторъ*». Тамъ же лл. 560, 603.

[3]) «Съ Казанскую сторону».

[4]) «Съ Нагайскую сторону».

[5]) Вотъ для примѣра описаніе Казанской проѣзжей башни по досмотру Гладкова: «Въ Ерыклинскомъ городкѣ Казанскіе проѣзжіе ворота, на нихъ образъ Спаса Вседержителя. Башня четвероугольная въ вышину и съ земли

и въ Бѣлоярскомъ городѣ, «по острогу для верхняго бою . . . дѣланы лавы»; внутри острога у двоихъ проѣзжихъ воротъ тоже встрѣчаемъ двѣ караульныя избы и сверхъ того общественныя зданія, съ тѣмъ отличіемъ, что въ Ерыклинскѣ, вслѣдствіе его меньшаго объема, нѣкоторыя зданія, какъ церковь съ дворами причта, не могли помѣститься въ серединѣ, а потому построены были внѣ острога у сѣверныхъ проѣзжихъ воротъ. Вооруженіе Ерыклинскаго острога было еще незатѣйливѣе Бѣлоярскаго: одна пушечка въ станкѣ на колесахъ и шесть пищалей затинныхъ, изъ которыхъ четыре расположены на острожныхъ башняхъ, составляли наличный арсеналъ острога [1]). Подобное вооруженіе можетъ, съ одной стороны, свидѣтельствовать о скудости въ то время правительственныхъ средствъ, ибо, вѣроятно, правительство затруднялось снабжать воздвигаемыя на окраинѣ укрѣпленія болѣе значительнымъ вооруженіемъ, — съ другой стороны, такое вооруженіе отчасти указываетъ на не значительныя силы у того непріятеля, противъ котораго оно могло почитаться порядочнымъ средствомъ защиты. Въ Ерыклинскомъ острогѣ, какъ и въ Бѣломъ Яру, на опредѣленномъ разстояніи отъ острога выкопанъ былъ ровъ извѣстной уже глубины и ширины, который, подобно предшествовавшему, въ случаѣ надобности, могъ наполняться водою изъ рѣчки, у которой поставленъ былъ настоящій острогъ. Для заселенія Ерыклинскаго острога переведены въ 1653 году «изъ села Чалновъ сто пятьдесятъ

до обламовъ 5 сажень безъ аршина, обламовъ сажень, съ обламовъ до вышки полъ четверты сажени, вышка 2 сажени (въ другой описи говорится, что «вышка рубленная четвероугольная»), на вышкѣ государевъ вѣстовой колоколъ; съ вышки въ степь видѣть на 5 верстъ; въ башнѣ пищаль желѣзная затинная». На Ногайской проѣзжей башнѣ, такой же величины и съ такимъ-же горизонтомъ, находился «образъ Гурья и Варсонофья, Казанскихъ чудотворцевъ», и на этой же башнѣ стояли 2 пищали желѣзныхъ затинныхъ. Тамъ же лл. 604—605.

[1]) Къ этому вооруженію припасено было: «конопати 9 гривенокъ, 870 пулекъ, четыре шомпола желѣзныхъ; 6 пудъ 28 гривенокъ зелья ручнаго, 4 пуда 35 гривенокъ зелья пушечнаго; свинцу — свичья почата». Тамъ же лл. 561, 605.

человѣкъ пашенныхъ крестьянъ и устроены въ казачью службу»; на ихъ счетъ были пріобрѣтены нѣкоторыя книги церковныя и образъ [1]). Еще лѣтомъ 1652 года по указу государя отправленъ былъ изъ Казани дворянинъ вмѣстѣ съ подъячимъ въ село Чалны съ деревнями съ повелѣніемъ—«села Чалновъ служилыхъ людей стрѣльцовъ и пашенныхъ крестьянъ и бобылей *всѣхъ до одного человѣка перевесть на Закамскую черту и устроить ихъ на Закамской чертѣ въ жилыхъ городѣхъ и вострогахъ* гдѣ пригоже». Для осуществленія этого плана «велѣно имъ (дворянину и подъячему) села Чалновъ деревень и починковъ крестьянъ и бобылей и стрѣлецкихъ дѣтей и братью и племянниковъ и захребетниковъ переписать *до одного человѣка*, а переписавъ велѣно ихъ отвести на Закамскую черту въ новые городы и остроги и устроить ихъ въ тѣхъ новыхъ городѣхъ и острогехъ *на вѣчное житье въ службы* по государеву указу и по разсмотрѣнію, сколько въ которомъ мѣстѣ въ какую службу устроить доведется». Такъ какъ отъ здѣшнихъ мѣстъ до Закамской черты разстояніе было довольно большое, то правительство, въ заботѣ о томъ, чтобъ «надъ ними на дорогѣ какое дурно не учинилось,» велѣло ихъ проводить «до указныхъ мѣстъ» дворянину, который долженъ переписать ихъ вмѣстѣ съ казанскими служилыми людьми. Относительно имущества, которое на мѣстѣ было у всякаго крестьянина въ видѣ хлѣба и построекъ, сказано слѣдующее: «а который у нихъ хлѣбъ стоячей и молоченной и дворы останутся въ селѣ Чалнахъ и въ деревняхъ и въ починкахъ, и тотъ хлѣбъ и дворы послѣ ихъ велѣно приказать оберечь *тутошнимъ окольнымъ людемъ*, покамѣстъ они съ Закамской черты для того хлѣба и для продажи и для перевозки дворовъ своихъ въ село Чалны и въ деревни и въ починки пріѣдутъ»; далѣе говорится еще опредѣленнѣе, что переведенцы свои дворы въ селѣ, въ деревняхъ и въ починкахъ

[1]) Тамъ же л. 562 и 604 «мірского церковнаго строенія запрестольный образъ Богородицы; книгъ: Евангеліе, напрестольный часовникъ».

могутъ «продавать повольною цѣною,» или же буде «похотятъ перевести на Закамскую черту на указныя мѣста, гдѣ имъ быть въ службѣ», —то въ такомъ случаѣ имъ «по томужь вольно дворовое свое строеніе перевести на Закамскую черту и на Закамской чертѣ въ указныхъ мѣстахъ велѣно имъ дворы свои строить вскорѣ безо всякого мотчанія» [1]).

Подобное переселеніе для переведенцевъ сопряжено было со многими потерями и нравственными страданіями. Значительный ущербъ имущественный неизбѣженъ былъ для всѣхъ переселенцевъ; необходимость разстаться съ мѣстомъ, въ которомъ многіе изъ нихъ родились, другіе же, если и не родились, то успѣли уже осѣсть и не безъ труда обзавелись избою и домашнимъ хозяйствомъ, что теперь съ рискомъ и значительными издержками нужно или перевести за сотни верстъ, или же отдать на мѣстѣ за безцѣнокъ постороннему человѣку, — перспектива всего этого естественно должна была во многихъ переведенцахъ возбуждать неудовольствіе, которое при случаѣ могло перейти въ ослушаніе правительственному распоряженію. Это предвидѣло правительство, и поэтому въ концѣ встрѣчаемся съ такимъ распоряженіемъ: «А будетъ которые служилые люди, стрѣльцы и крестьяне и бобыли на Закамскую черту изъ села Чалновъ, изъ деревень и съ починковъ ѣхати не похотятъ, и тѣхъ велѣно выслать и въ неволю; а за ослушаніе велѣно имъ дѣлать наказаніе: бить батоги и сажать въ тюрьму; чтобъ однолично ихъ на Закамскую черту на вѣчное житье выслать всѣхъ нынѣшнимъ лѣтомъ» [2]).

Прежде чѣмъ слѣдить за устройствомъ Чалнинскихъ переведенцевъ на Закамской чертѣ, разсмотримъ тѣ измѣненія, которыя произошли за годъ въ городѣ Чалнахъ и въ селѣ Мысу съ деревнями. Теперь мы уже застаемъ церковь, которую бѣлопашенные казаки, нынѣшніе стрѣльцы, обѣщались, какъ мы знаемъ, построить здѣсь. Не одна церковь, но и

[1]) Тамъ же лл. 763—765.
[2]) Тамъ же л. 765.

«всякое церковное строеніе,» по показанію старцев Семиозерной пустыни, которые жили подлѣ церкви въ трехъ кельяхъ, принадлежало имъ. Затѣмъ въ средѣ стрѣльцовъ, бывшихъ казаковъ, теперь замѣчаемъ присутствіе новыхъ личностей, которыхъ не встрѣчали годъ тому назадъ. Такъ, между ними упоминаются стрѣльцы съ прозвищами: «Мысовецъ», «Солдатъ», «Свіяженинъ» (2 двора), «Хохлуша-Ломоносовъ»; владѣтели двухъ дворовъ носятъ прозваніе «Портной-Швецъ»[1]); въ замѣнъ этого нѣкоторые стрѣльцы означены въ бѣгахъ, а ихъ оружіе сохранялось въ городѣ. Кромѣ того, у стрѣльцовъ въ настоящее время въ сосѣдствѣ попадаются изрѣдка гулящіе люди, при чемъ такое прозвище, какъ «Вятчанинъ,» можетъ намъ указывать на мѣсто, откуда пришелъ этотъ гулящій человѣкъ. Затѣмъ, дѣти нѣкоторыхъ стрѣльцовъ отмѣчены теперь «въ пахотныхъ», — слѣдовательно, они чрезъ ихъ посредство какъ будто начали уже ассимилироваться съ мѣстными общинами пахотныхъ крестьянъ [2]). Село Мысъ-Чалны въ описываемое время именуется уже *посадомъ*; среди крестьянъ этого села, кромѣ людей съ извѣстными намъ прозвищами, теперь попадаются новые люди съ прозвищами: «Пермякъ» (2 двора), «Новоселъ», «Шерстобитъ» (2 двора). Какъ въ самомъ посадѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, къ нему тянувшихъ, по прежнему встрѣчаемся съ пустыми дворами, которыхъ владѣтели отмѣчены «отданными во крестьянство» служилымъ людямъ ближайшихъ уѣздовъ [3]). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, тянувшихъ къ селу-посаду, населеніе за этотъ годъ увеличилось довольно серіозно: такъ, на примѣръ, въ одной деревнѣ вмѣсто прежнихъ тринадцати дворовъ теперь находимъ сорокъ семь [4]). И здѣсь прозвища крестьянъ и захребетниковъ иногда указываютъ на мѣсто, откуда приходило на-

[1]) За годъ предъ этимъ упоминался лишь «Власка Давыдовъ Портной», теперь же, кромѣ него, два новыхъ.

[2]) Тамъ же лл. 774—783.

[3]) Тамъ же 791, 793—805, 822—830.

[4]) Деревня Верхняя Шильня.

селеніе въ Закамскую сторону: Такъ, въ монастырской деревнѣ «Середь Тихихъ горъ» изъ пятнадцати дворовъ четыре крестьянина и одинъ захребетникъ носятъ прозвище «Пермякъ»[1]). Но вмѣстѣ съ этимъ въ описываемое время встрѣчаемся иногда въ деревняхъ съ явленіями, которыя какъ бы свидѣтельствуютъ о новомъ процессѣ, начинающемся въ здѣшнихъ поселеніяхъ: такъ, намъ уже попадаются деревни, въ которыхъ число пустыхъ дворовъ не только равно, но иногда значительно превосходитъ собою количество жилыхъ дворовъ крестьянскихъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что владѣтели нѣкоторыхъ пустыхъ дворовъ обозначены перешедшими съ лѣвой стороны Камы обратно на правую [2]). Въ заключеніе не лишнимъ будетъ упомянуть, что въ селѣ-посадѣ въ данное время находились на р. р. Чалнѣ и Мелекесѣ шесть мельницъ, изъ которыхъ три были «на откупу за Москвитиномъ за Федькою Гурьевымъ», при чемъ за одну мельницу онъ вносилъ двадцать рублей откупныхъ денегъ на годъ; въ деревнѣ Средней Шильнѣ на р. того же имени также стояли въ это время двѣ мельницы, которыя были «на откупу за крестьяны тое жъ деревни»[3]). И вотъ пашенные люди изъ села Чалновъ переведены были въ количествѣ ста пятидесяти человѣкъ на Закамскую черту въ Ерыклинскій острогъ и опредѣлены были здѣсь для конной казачьей службы. Около острога они построили себѣ 133 двора и поселились въ двухъ слободахъ. Въ 1655 году имъ отвели пашенной земли и сѣнокоса въ опредѣленномъ количествѣ, обезпечивающемъ лично каждаго, смотря по его званію [4]). Въ

[1]) Тамъ же лл. 870—874.

[2]) Такъ, например, въ деревнѣ *Шишкинъ починокъ*, въ которой за годъ предъ симъ находилось 6 дворовъ крестьянскихъ и 2 дв. льготныхъ, въ описываемое время 4 дв. крест. жилыхъ и 4 дв. пустыхъ. Въ деревнѣ Нижней Шильнѣ—2 дв. крест. жилыхъ и 7 дв пустыхъ; изъ послѣднихъ о 2 крестьянхъ сказано, что они въ 1652 г. бѣжали съ женами и дѣтьми въ Казанскій уѣздъ въ село Елабугу. Тамъ же лл. 837, 858—860.

[3]) Въ этой деревнѣ находилось теперь около 60 крестьянскихъ дворовъ. Тамъ же лл. 813, 847—858.

[4]) Пятидесятникамъ дано было по 40 четвертей земли, десятникамъ по 30 четв., рядовымъ по 20 четв. человѣку въ каждомъ изъ трехъ полей.

описываемое время въ тѣхъ же поляхъ отведены были пашня и сѣнные покосы также и для пѣшихъ стрѣльцовъ, на случай, если таковые присланы будутъ, или же въ будущемъ окажутся охотники изъ мѣстныхъ людей [1]).

Отъ рва Ерыклинскаго острога, примыкавшаго къ глухой, угольной башнѣ, шла укрѣпленная черта, которая начиналась по прежнему сперва острогомъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей, а за нимъ простирался опять тарасный валъ съ обламами на верху и рвомъ со стороны поля извѣстной уже глубины и ширины; лѣсными пространствами устроены были по прежнему засѣки опредѣленной ширины, а «*топлыми*» мѣстами (около рѣкъ) устанавливались по всему болотному пространству «семерныя надолбы». Но такъ какъ тутъ среди лѣсныхъ пространствъ не встрѣчалось такихъ значительныхъ открытыхъ мѣстъ, какъ между городомъ Бѣлымъ Яромъ и Ерыклинскимъ острогомъ, то поэтому здѣсь встрѣчаемъ нѣсколько разъ на разстояніи около 200 саженей одинъ тарасный валъ со рвомъ при немъ безъ городковъ и выводовъ. Но коль скоро открытое пространство приближается къ 500 саженямъ, то опять встрѣчаемся съ городкомъ при тарасномъ валѣ. Преобладаніе лѣса на пространствѣ между Ерыклинскимъ острогомъ и Тіинскимъ обусловило собой преобладаніе засѣки надъ тарасными валами и городками по укрѣпленной чертѣ, которая тянулась на разстояніи около двадцати двухъ верстъ отъ Ерыклинскаго острога [2]).

На «сѣнные покосы по 10 десятинъ, а на десятинѣ ставится по 15 копенъ —итого будетъ по 150 копенъ человѣку». Тамъ же лл. 609—610.

[1]) Пѣшимъ стрѣльцамъ также отведена была пахота и угодья на 150 человѣкъ въ слѣдующей пропорціи: пятидесятникамъ по 10 четв., десятникамъ по 9 четв., а рядовымъ по 8 четв. въ кажд. полѣ; сѣнныхъ покосовъ отведено было каждому пѣшему стрѣльцу по 4 десятины. Въ 1658 году въ донесеніи Гладкова сказано: «а пѣшихъ стрѣльцовъ въ Ерыклинскомъ въ приборѣ никого нѣтъ». Тамъ же лл. 610—611.

[2]) Тамъ же лл. 562—564, 612. Выводные городки и засѣки устроены были повидимому по одному плану и поэтому о нихъ говорится обыкновенно въ одинаковыхъ выраженіяхъ.

Рѣчка Тія, какъ и Ерыкла, течетъ съ сѣвера и также впадаетъ въ рѣку Черемшанъ съ правой стороны; здѣсь, на лѣвой сторонѣ Тіи, на ровномъ мѣстѣ [1]) построенъ былъ острогъ, получившій, какъ и предъидущій, свое наименованіе отъ рѣчки, у которой стоялъ. Не только общій планъ Тіинскаго острога съ такимъ же количествомъ башенъ, но и его величина близко подходила къ Ерыклинскому острогу,—такъ что описаніе предшествовавшаго укрѣпленія можетъ собой замѣнить настоящее [2]). Внутри Тіинскаго острога встрѣчаемся съ тѣми же общественными зданіями, какъ и въ Ерыклинскомъ острогѣ; церковь тутъ находилась также внѣ города и, какъ въ предыдущемъ острогѣ, стояла около южныхъ проѣзжихъ воротъ; но при описаніи церковнаго имущества здѣсь отмѣченъ «малый колоколъ, строенія мірскаго». Вооруженіе въ Тіинскомъ острогѣ было въ общемъ столь же незатѣйливо, какъ и въ Ерыклинскомъ [3]); внѣ острожное укрѣпленіе состояло изъ того же рва, который выкопанъ былъ кругомъ въ разстояніи двухъ саженей отъ острога. Для того, чтобъ населить Тіинскій острогъ, въ 1653 году перевели сюда пятьдесятъ конныхъ стрѣльцовъ съ семьями изъ Ахтачинскаго острожка; къ нимъ присоединены были сто человѣкъ чалнинскихъ пашенныхъ крестьянъ; на

[1]) Въ одномъ описаніи впрочемъ сказано, что Тіинскій острогъ «поставленъ надъ рѣчкою Тіею *на ували*».

[2]) Такъ, по измѣренію Гладкова, Ерыклинскій острогъ имѣетъ 52 саж. въ длину и 42 поперекъ,—Тіинскій же 49 саж. въ длину и 53 поперекъ; по другому же измѣренію оба они имѣли 60 саж. длины и 55 поперекъ. Въ Тіинскомъ острогѣ находилось тоже 6 башенъ, изъ коихъ 4 наугольныя глухія, безъ вышекъ, и 2 проѣзжія, нѣсколько больше предыдущихъ, съ вышками; однѣ проѣзжія съ сѣверной стороны, а другія съ южной; затѣмъ лавы для боя и проч. Тамъ же лл. 564—565; 612—613.

[3]) «Ружья въ Тіинскомъ острогѣ: пищаль мѣдная, другая желѣзная, къ нимъ 60 ядеръ; 2 пуда зелья пушечнаго, 4 пуда зелья ручнаго, свинцу тожъ». Во время посѣщенія Гладкова одна изъ этихъ пищалей находилась на Ногайской проѣзжей башнѣ; въ его донесеніи сказано: «въ башнѣ (описывается Нагайская башня) наряду: пищаль желѣзная въ длину мѣрою полтора аршина, другая пищаль желѣзная жъ затинная». Въ острогѣ же находился «государевъ вѣстовой колоколъ, вѣсу опричь языка 50 пудъ съ полупудомъ». Тамъ же лл. 666, 613.

всѣхъ ихъ здѣсь возложена была конная казачья служба. Посолены были они возлѣ Тіинскаго острога въ двухъ слободахъ, въ 136 дворахъ. Такія прозвища въ ихъ средѣ, какъ «Сарапулецъ», «Свіяженинъ», «Темниковецъ» (2 двора) и «Царицынецъ», свидѣтельствуютъ наглядно о ихъ сбродномъ составѣ. Въ соотвѣтствіи со службою и званіемъ, каждому изъ нихъ, какъ и въ предыдущемъ острогѣ, отведена была земля на пашню, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что «сѣнныхъ покосовъ имъ не отведено,—косятъ по тѣмъ же пашеннымъ полямъ»; вѣроятно, это обусловливалось отсутствіемъ сѣнокосовъ вблизи настоящаго острога.

Серіозная опасность, грозившая окраинному населенію со стороны Поволжскихъ степняковъ, вмѣстѣ съ малымъ количествомъ собственнаго населенія, особенно военнаго, задолго до описываемаго времени побуждала русское правительство обращаться къ иноземцамъ, которыхъ оно водворяло при случаѣ на окраинѣ, стараясь пользоваться здѣсь ихъ энергіею и силами. Такъ, въ концѣ XVI вѣка (1599 г.), при Борисѣ Годуновѣ, мы встрѣчаемъ въ Казанскомъ уѣздѣ испомѣщенными иноземцевъ: здѣсь упоминаются «нѣмецкія помѣстныя деревни». При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (въ 1619 г.) въ Казанскомъ уѣздѣ были испомѣщены землями двое служилыхъ Литвиновъ; при немъ же нѣкоторыхъ иноземцевъ, которые пріѣзжали въ Москву изъ разныхъ мѣстъ отъ голода и нужды, съ побоевъ или заворовавши, ссылали на кормъ въ Казань и другіе понизовые города [1]). Въ данное время Московское правительство стремится тоже воспользоваться средствами, которыя очутились въ его распоряженіи въ 1654 году вслѣдствіе счастливо начавшейся войны съ Польшею за Малороссію. Какъ извѣстно, главная часть русскаго войска, подъ предводительствомъ царя Алексѣя Михайловича, направилась къ Смоленску, который чрезъ два слишкомъ мѣсяца сдался ему. Въ Смоленскѣ, какъ

[1]) Арх. Мин. Юст. Вотч отд. № 6740, кн. 1-ая, № дѣла 10; Писц. книга Каз. у. № 153, лл. 1168—1173. Ист. Рос. С. Соловьева т. IX, 118, 386 сс.

въ большой пограничной крѣпости Польскаго государства, между многими военными людьми находились Смоленскіе шляхтичи и казаки, которые универсалами польскихъ королей были обязаны въ городѣ нести крѣпостную службу, за что нѣкоторымъ изъ нихъ «въ сторонѣ королевскаго величества предоставлены были маетности и земли». Число шляхтичей и казаковъ въ Смоленскѣ, повидимому, было довольно значительно, ибо они раздѣлялись на четыре отряда, различавшіеся по цвѣту знамени — бѣлаго, чернаго, краснаго и желтаго. Въ 1655 году рѣшено было Смоленскихъ иноземцевъ всѣхъ знаменъ водворить «на вѣчное житье» въ Казанской губерніи; вслѣдствіе этого ихъ прислали въ Казань, причемъ «велѣно устроить по Закамской чертѣ дворами и землями и сѣнными покосы и всякими угодьи» [1]). Въ этомъ году изъ Смоленскихъ иноземцевъ въ Тіинскій острогъ присланы были 127 человѣкъ, принадлежавшихъ къ бѣлому знамени; къ нимъ въ скорости были присоединены еще 14 человѣкъ, такъ что образовался отрядъ изъ 141 человѣка. Всѣмъ имъ около Тіинска отведены были земли: «подъ дворы, подъ огороды, подъ гумна . . . противъ бѣлоярскихъ конныхъ стрѣльцовъ,» — причемъ каждому изъ нихъ выдано было «на дворовое строеніе по шести рублей 26 алтынъ и 4 деньги». Они построили себѣ 123 двора, въ которыхъ и поселились на житье. Сперва хотѣли было имъ также отвести «пашни и сѣнныхъ покосовъ, противъ бѣлоярскихъ стрѣльцовъ», но, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ собственнаго желанія, вмѣсто этого, приказано было имъ выдавать «государева жалованья поденнаго корму по алтыну на день», что они и получали по 1658 годъ включительно. Смоленскіе иноземцы имѣли въ Тіинскѣ свое знамя и знаменщика, своихъ десятниковъ и поручика, который, кажется, начальствовалъ ими [2]).

[1]) Арх. Мин. Юст. Казань, раздаточныя и отказныя книги разныхъ годовъ XVII ст. № 6452, кн. 13, № дѣла 73, л. I; Ак. Ист. и Юрид. собр. Мельниковымъ грам. 34.

[2]) Тамъ же Писц. кн. за № 1127, лл. 566, 620—623. Поручикъ смоленскихъ иноземцовъ бѣлаго знамени назывался Лавринко Бутовъ, а знаменщикъ Гришка Бѣляевъ; другіе Кособуцкій, Арминскій, Мутурути и друг.

Отъ Тіинска Закамская укрѣпленная черта попрежнему сперва шла рядомъ съ рѣкою Большимъ Черемшаномъ, а потомъ, перейдя рѣку Малый Черемшанъ [1]), она принимала сѣверовосточное направленіе, подымаясь къ р. Шешмѣ, притоку р. Камы. За Тіинскомъ укрѣпленія Закамской черты были тѣ же, что и прежде: точно также отъ наугольной башни на небольшомъ пространствѣ (14 саженей) «поставленъ острогъ»; затѣмъ на нѣсколькихъ стахъ саженяхъ до чернаго лѣсу сдѣланъ тарасный валъ, насыпанный землею, съ городкомъ и рвомъ состороны поля, а далѣе чрезъ лѣсъ извѣстной ширины засѣка. Но такъ какъ полянъ[2]) по пути черты было не много и онѣ были сравнительно не велики, то поэтому тарасные валы не отличались длиною; напротивъ, сплошной лѣсъ начинался не доходя Малаго Черемшана и тянулся непрерывно безъ малаго на разстояніи шестидесяти верстъ. Въ сорока одной верстѣ отъ Малаго Черемшана чрезъ лѣсъ проходила въ направленіи съ сѣвера на югъ «старая вотчинная дорога», которую пересѣкала устроенная чрезъ весь лѣсъ засѣка около 50 саженей ширины. Въ концѣ лѣса на полянѣ, не достигавшей двухъ верстъ, встрѣчаемся опять съ тараснымъ валомъ, тремя городками и выводами со стороны поля, защищенными рвомъ на протяженіи всей поляны. При сооруженіи вала на этой полянѣ, онъ на пространствѣ 500 саженей сдѣланъ былъ на полсажени меньше обыкновеннаго[3]), «для того, что дѣланы (тарасы) по старому татарскому валу». Послѣ засѣки, устроенной по небольшому лѣсу, открывалась болѣе значительная поляна, простиравшаяся до р. Шешмы; здѣсь снова построенъ былъ тарасный валъ съ восемью городками и девятью выводами по валу, и снова на разстояніи трехъ верстъ и 200 саженей при

---

1) Рѣка Малый Черемшанъ—значительный притокъ Большаго Черемшана, впадающій въ нее съ правой стороны.

2) Поляны между лѣсомъ нерѣдко именуются въ описяхъ «переполянами».

3) Вмѣсто двухъ саженей вышины тарасный валъ устроенъ былъ лишь въ полторы сажени. Тамъ же л. 568.

сооруженіи вала воспользовались находившимися тутъ остатками стараго вала. Отъ тараснаго вала на пространствѣ нѣсколькихъ саженей, не доходя рѣки Шешмы, быть можетъ, вслѣдствіе болотистости ея берега, «поставлены тройные надолбы», а на противоположной сторонѣ рѣки стоялъ уже новый острогъ, который, какъ и предыдущіе, получилъ свое наименованіе отъ рѣки; но такъ какъ на этой же рѣкѣ ниже настоящаго находился уже острогъ, называвшійся Шешминскимъ, то острогъ, построенный на Закамской чертѣ, сталъ именоваться Новошешминскимъ, а прежній Старошешминскимъ. Укрѣпленная черта между острогами Тіинскимъ и Новошешминскимъ проходила на розстояніи 83 верстъ, 386 саженей и состояла, какъ мы видѣли, преимущественно изъ засѣкъ, устроенныхъ въ лѣсахъ [1]).

На правой, нагорной сторонѣ Шешмы, въ разстояніи 174 саженей отъ рѣки, «на горѣ поставленъ *острогъ*», подходящій по своей величинѣ къ предшествовавшимъ, съ такими же шестью башнями, изъ которыхъ двѣ (на югъ и на сѣверъ) были проѣзжія, остальныя глухія и угольныя[2]); всѣ башни въ этомъ острогѣ были съ вышками; здѣсь также были устроены «для бою лавы» и находился вѣстовой колоколъ, только меньшихъ размѣровъ[3]). Вооруженіе Новошешминскаго острога состояло изъ пищали желѣзной въ станкѣ, на колесахъ, другой пищали—полковой и десяти затинныхъ. Внутри этого острога находились, вѣроятно[4]), тѣже общественныя зданія, что и въ предыдущихъ. Что касается населенія Новошешминскаго острога, то въ немъ водворены были стрѣльцы въ количествѣ ста че-

---

1) Тамъ же лл. 567—570; 624—625.

2) Величена острога, по описанію за подписью дьяка Мины Грязева, слѣдующая: «вдоль города отъ воротъ до воротъ 58 саженъ съ половиною, поперекъ города 60 сажень». Тамъ же л. 571.

3) О колоколѣ сказано слѣдующее: «вѣсу въ немъ 9 пудъ съ четвертью языкъ 13 гривенокъ».

4) Говоримъ *вѣроятно*, ибо извѣстій въ описи за подписью Мины Грязева нѣтъ

ловѣкъ съ ихъ семьями, состоявшими изъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и захребетниковъ; переведены были они сюда изъ Старошешминскаго острога. Разнообразныя прозвища многихъ переведенцевъ указываютъ намъ также на близкія и отдаленныя мѣста, изъ которыхъ они приходили въ Старошешминскъ, гдѣ вербовались въ стрѣлецкую службу. Такъ, мы находимъ стрѣльцовъ съ прозвищами: «Казанецъ» (7 дворовъ), «Устюженинъ» (5 дворовъ), «Вятченинъ» (3 двора), «Алатырецъ» (2 двора), «Курмышенинъ» (2 дв.), «Пермякъ,» «Темниковецъ,» «Арзамасецъ,» «Стародубецъ,» «Владимірецъ,» «Кайгородецъ,» «Торопченинъ» и «Новгородецъ». Такія прозвища между стрѣльцами, какъ «Мещера» и «Черемискинъ,» могутъ свидѣтельствовать о томъ, что инородцы наравнѣ съ русскими имѣли на окраинѣ свободный доступъ въ среду служилаго сословія[1]). Къ Старошешминскимъ стрѣльцамъ для поселенія присоединены были пятьдесятъ человѣкъ пашенныхъ крестьянъ изъ села Чалновъ да 127 человѣкъ смоленскихъ казаковъ; послѣдніе всѣ принадлежали къ отряду «краснаго знамени». Относительно испомѣщенія ихъ въ Новошешминскѣ сказано слѣдующее: «А земли имъ подъ дворы, подъ огороды, подъ гумна, на пашню и сѣнныхъ покосовъ отведено, противъ государева указу, по сколько отведено служилымъ людямъ въ иныхъ городкахъ»; но намъ извѣстно, что многіе Смоленскіе иноземцы краснаго знамени, водворенные въ Новошешминскѣ, вовсе были «землями не построены,» а вмѣсто того имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ «давали великаго государя жалованья по три рубля человѣку» вмѣстѣ «съ хлѣбнымъ жалованьемъ»; впрочемъ немногимъ изъ нихъ въ 1660 году «по указу государя велѣно отвести земли по четыре чети въ каждомъ полѣ, да на сѣнные покосы по двѣ десятины»[2]).

---

[1]) Тамъ же лл. 529—537.

[2]) Акты Ист. и Юрид. Ст. Мельникова грам. 34.

Арх. Мин. Юст. III-е отд. Казань, раздаточныя и отказныя книги разныхъ годовъ XVII ст., кн. 13, № дѣла 1.

Отъ рва Новошешминскаго острога начиналась укрѣпленная черта также сперва острогомъ на небольшомъ разстояніи, затѣмъ продолжалась на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ саженей тарасныиъ валомъ съ городкомъ, выводомъ и рвомъ со стороны поля. По прежнему черта держалась сѣверовосточнаго направленія, приближаясь постепенно къ р. Камѣ. Тарасный валъ упирался въ «перелѣсокъ,» которымъ устроена была обыкновенная засѣка, оканчивавшаяся у «переполяны,» по которой проходилъ тарасный валъ, упиравшійся въ лѣсъ, тянувшійся на восемь слишкомъ верстъ; лѣсомъ засѣка шла до поля, а полемъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ саженей построенъ былъ тарасный валъ съ городкомъ, выводомъ и рвомъ со стороны степи. Послѣдній валъ примыкалъ къ новому острогу, который стоялъ не далеко отъ притока рѣки Шешмы, рѣчки Кичи, текущей съ юговостока на сѣверозападъ[1]); отъ рѣчки и острогъ именовался Кичуевскимъ. Всей черты между Новошешминскимъ и Кичуевскимъ острогами было построено на одиннадцать верстъ 495 съ половиною саженъ.

Изъ городовъ и остроговъ, построенныхъ на Закамской чертѣ, Кичуевскій острогъ, повидимому, былъ самый малый; при этомъ въ устройствѣ этого острога замѣтны нѣкоторыя особенности, съ которыми мы не встрѣчались въ предшествовавшихъ острогахъ. Всѣ остроги на Закамской чертѣ, которые доселѣ нами разсмотрѣны, имѣли форму четыреугольника, противоположныя стороны котораго были равны. Это можно вывести изъ измѣренія вдоль и поперекъ, которое обыкновенно дѣлается для опредѣленія величины острога, а также изъ того, что при описаніи всѣхъ остроговъ упоминаются четыре глухія наугольныя башни и, кромѣ того, проѣзжія. Между тѣмъ въ Кичуевскомъ острогѣ находилось всего четыре башни, изъ которыхъ двѣ были глухія, а двѣ съ проѣзжими воротами; послѣднія башни имѣли вышки и по обыкновенію обращены были

---

[1]) Въ описи теченіе рѣчки опредѣлено такимъ образомъ: «рѣчка Кича течетъ изъ степи въ русскую сторону» Писц. кн. за № 1127 лл. 577—573.

одна къ сѣверу, другая къ югу. Величина проѣзжихъ и глухихъ башенъ въ Кичуевскомъ острогѣ была нѣсколько меньше предыдущихъ,—но отдѣльныя части въ нихъ были тѣже. Кромѣ проѣзжихъ и глухихъ башенъ, въ Кичуевскомъ острогѣ находились еще два *вывода*, которые описаны въ немъ вмѣстѣ съ острожными башнями. Далѣе, величина Кичуевскаго острога измѣряется не вдоль и поперекъ, какъ это дѣлалось доселѣ, а слѣдующимъ образомъ: «всего острога съ выводами межъ башенъ сто девяносто три сажня съ получетвертью»; такимъ образомъ форма Кичуевскаго острога не можетъ быть опредѣлена, не смотря на довольно обстоятельное описаніе его въ актѣ. Настоящій острогъ, какъ и предыдущіе, снабженъ былъ лавами для бою и вооруженіемъ; но послѣдняго въ немъ было гораздо менѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ предшествовавшихъ остроговъ: въ немъ находилась лишь одна полковая пищаль, для которой было припасено ядеръ и пороху [1]). Внѣострожное укрѣпленіе въ Кичуевскомъ острогѣ, какъ и во всѣхъ прежнихъ, состояло изъ рва, который въ двухъ саженяхъ отъ острога выкопанъ былъ кругомъ него. Относителено населенія въ описанномъ острогѣ сказано слѣдующее: «Служилыхъ людей въ Кичуевскомъ на вѣчное житье никого не построено, *а стоятъ въ немъ по перемѣнамъ по пятьдесятъ человѣкъ Казанскихъ стрѣльцовъ*» [2]).

Укрѣпленная чѳрта за Кичуевскимъ острогомъ непосредственно начиналась «отъ острожной выводной стѣны, отъ рву» тарасным валомъ съ обламами, который тянулся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженей до рѣчки Кичуя и за нею. Далѣе чернымъ лѣсомъ, на пространствѣ девятнадцати верстъ, устроена была засѣка, до болотистаго мѣста на полянѣ; болотомъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей установлены были надолбы, затѣмъ поляною устроенъ былъ тарасный

[1]) «Ружья въ Кичуевскомъ: пищаль полковая и къ ней 50 ядеръ, полтора пуда зелья ручнаго, свинцу тожъ; пушечнаго зелья 3 пуда».

[2]) Тамъ же лл. 573—575.

валъ, отъ котораго снова «по болоту поставлено тройныхъ надолобъ,»—на этотъ разъ на довольно значительномъ разстояніи (240 саженей). Въ виду же того, что далѣе, до р. Заи, болото на довольно большомъ пространствѣ поросло березовымъ и еловымъ лѣсомъ, тутъ устроена была неширокая засѣка [1]); сдѣлана же она такою потому, что болото и лѣсъ сами по себѣ могли служить препятствіемъ конному непріятелю (кочевникамъ), если бы онъ рѣшился пробираться здѣшнею стороною; но такъ какъ болотное пространство не было сплошнымъ, а прерывалось сухими промежутками, то въ подобныхъ мѣстахъ устроены были тройные надолбы. Чрезъ рѣку Заю, притокъ рѣки Камы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила черта, перекинутъ былъ мостъ, а на другой сторонѣ рѣки, въ неблизкомъ отъ нея разстояніи, находилось новое укрѣпленіе, которое, какъ и предъидущія, получило названіе отъ рѣки. Пространство всей черты отъ Кичуевскаго острожка до города Заинска равнялось 23 верс. 965 саженямъ.

Заинскъ, подобно Бѣлому Яру, именуется *городомъ*; укрѣпленіе это стояло на высокомъ мѣстѣ и находилось въ разстояніи 279 саженей отъ моста, что на рѣкѣ Заѣ. Городъ Заинскъ не былъ, подобно всѣмъ предшествовавшимъ укрѣпленіямъ на чертѣ, вновь построенъ, а «переведенъ съ Камы рѣки изъ села Чалновъ» [2]) И на самомъ дѣлѣ городъ Заинскъ близко подходитъ по своей величинѣ къ городу Чалнамъ: на новомъ мѣстѣ онъ лишь нѣсколько увеличенъ противъ прежняго [3]). О городѣ Заинскѣ въ описи сказано тоже, что было раньше говорено о Чалнахъ, т. е. что онъ «рубленъ тарасами» и въ немъ шесть башенъ, изъ которыхъ двѣ съ проѣзжими воротами, а четыре наугольныя глухія; что «башни и городъ рублены въ сосновомъ лѣсу и крыты—башни тесомъ, а городъ драницами.» Вооруже-

[1]) Ширина засѣки въ этомъ мѣстѣ была отъ 7 до 10 сажень.

[2]) Ар. Мин. Юст. Переп. кн. за № 6479, кн. 41, л. 168.

[3]) Городъ Чалны, какъ извѣстно, равнялся въ одномъ направленіи 100 саженямъ, а въ другомъ 60 саж.; городъ Заинскъ имѣлъ 58 сажень длины и 104 сажени поперекъ.

ніе въ Заинскѣ находимъ то, которое прежде было въ Чалнахъ: тѣже шесть затинныхъ пищалей вмѣстѣ съ дорогильнымъ[1]) знаменемъ; вѣроятно, что и общественныя зданія здѣсь находились тѣ же, которыя ранѣе были въ Чалнахъ. Въ Заинскѣ не упоминается о рвѣ внѣ города (должно быть его не было), а говорится лишь о слободахъ около города, которыя защищены были двойными надолбами, расположенными на пространствѣ 762 саженей «кругъ города и слободъ»[2]). Для заселенія Заинска были назначены Чалнинскіе стрѣльцы въ числѣ ста человѣкъ, къ которымъ присоединены были Смоленскіе иноземцы казаки въ числѣ 81; тѣ и другіе жили, кажется, въ отдѣльныхъ слободахъ[3]). Относительно предоставленія заинскимъ служилымъ людямъ земли и угодій сказано лишь слѣдующее: «земли имъ (Заинскимъ поселенцамъ) отведено подъ дворы, подъ огороды, подъ гумно и пашни и сѣнныхъ покосовъ по государеву указу противъ иныхъ городковъ служилыхъ людей»[4]).

Отъ моста, что противъ города Заинска, на пространствѣ трехъ верстъ было болото, покрытое ельникомъ, березнякомъ и осинникомъ, прерываемое иногда сухими мѣстами, вслѣдствіе этого здѣсь попрежнему устроены были по болоту засѣки[5]), а по сухимъ мѣстамъ надолбы. Отъ горы, у которой поставленъ былъ Заинскъ, на разстояніи двѣнадцати слишкомъ верстъ тянулся черный лѣсъ до «переполянья», — поэтому на этомъ пространствѣ была устроена обыкновенная засѣка. На «переполяньѣ,» имѣвшей не особенно большое пространство[6]), устроенъ былъ тарасный валъ, увѣнчанный обламами; но, не

¹) «Дорогильное знамя—изъ шелковой клѣтчатой ткани».

²) Писц. кн. за № 1127 лл. 577—578.

³) По крайней мѣрѣ въ описи они помѣщены отдѣльно: Чалнинскіе стрѣльцы жили въ 81 дворѣ, а Смоленскіе иноземцы помѣщались въ 51 дворѣ. Ар. М. Юст. III отд. № 6479 кн. 41 лл. 168—175.

⁴) Тамъ же Писц. кн. за № 1127 л. 578.

⁵) Засѣки были устроены по болоту въ 10 и 15 сажень ширины.

⁶) Пространство тараснаго вала здѣсь равнялось одной верстѣ 273 саженямъ.

смотря на незначительное пространство поляны, на ней мы встрѣчаемся съ особеннымъ укрѣпленіемъ, которое, вѣроятно, воздвигнуто было здѣсь въ виду огромнаго пространства чернаго лѣса, который послѣ этого тянулся на 54 версты слишкомъ. Укрѣпленіе это описано такъ: «да въ томъ же тарасномъ дѣлѣ проѣзжая башня съ караульною вышкою и съ вороты, да на польскую сторону два вывода»; кромѣ того, по обыкновенію со стороны поля въ разстояніи двухъ саженей отъ этого укрѣпленія былъ выкопанъ ровъ, чрезъ который перекинутъ былъ мостъ; здѣсь же, въ одномъ мѣстѣ, противъ тарасовъ вмѣсто рва «поставлено двойныхъ надолобъ 28 сажень»[1]). По всему лѣсу на огромномъ разстояніи устроена была отъ 30 до 50 сажень ширины засѣка, до небольшой поляны, вдоль которой по обыкновенію сдѣланъ былъ тарасный валъ съ городкомъ; далѣе начинался «перелѣсокъ» съ засѣкой и затѣмъ дуброва съ тараснымъ валомъ и выводомъ со стороны поля. Здѣсь опять на разстояніи 14 слишкомъ верстъ тянулся лѣсъ; поэтому въ немъ устроена была обыкновенная засѣка, которая на маломъ пространствѣ прерывалась тараснымъ валомъ и рвомъ, а потомъ на разстояніи семи слишкомъ верстъ снова шелъ черный лѣсъ, чрезъ который устроена была засѣка, упиравшаяся уже въ рѣку Икъ[2]). Чрезъ послѣдній лѣсъ проходила Мензелинская дорога въ разстояніи четырехъ верстъ отъ Мензелинскаго острога, и на ней построена была проѣзжая башня съ караульною вышкою на верху. Отъ города Заинска до самаго Мензелинскаго острага укрѣпленная черта шла почти параллельно рѣкѣ Камѣ.

Надъ рѣкою Мензелою, притокомъ р. Ика, на горѣ стоялъ *старый* острогъ, называвшійся Мензелинскимъ отъ рѣки, на которой находился. Въ немъ упоминаются пять башенъ, изъ коихъ четыре были глухія наугольныя, а одна съ проѣзжими

¹) Тамъ же л. 579.

²) Рѣка Икъ притокъ рѣки Камы съ лѣвой стороны и крайній предѣлъ Закамской линіи.

воротами и вышкою. Сверхъ стараго острога теперь здѣсь построенъ былъ новый, о которомъ сказано, что онъ «приткнутъ къ стѣнѣ къ старому Мензелинскому острогу». Новый острогъ по пространству своему былъ самымъ обширнымъ укрѣпленіемъ на Закамской чертѣ: кривая линія, охватывавшая этотъ острогъ, равнялась 1026 саженямъ. Въ немъ находились двѣ башни проѣзжія съ вышками, нѣсколько наугольныхъ глухихъ башенъ и нѣсколько выводовъ съ башнями. Вообще система укрѣпленія настоящаго острога была, повидимому, сложнѣе предыдущихъ. Новый Мензелинскій острогъ тоже стоялъ на рѣкѣ Мензелѣ и построенъ былъ выше стараго: здѣсь, на рѣкѣ, на довольно значительномъ пространствѣ (болѣе 100 саженей) устроена была осыпь и отчасти по ней установленъ былъ острогъ съ башней и выводами въ разныхъ мѣстахъ [1]). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ Новомензелинскомъ острогѣ мы встрѣчаемъ тѣ же укрѣпленія и то же незначительное вооруженіе, что и въ предыдущихъ острогахъ [2]). Поселена была въ Новомензелинскомъ острогѣ сотня вновь набранныхъ конныхъ стрѣльцовъ, къ которымъ присоединены были 129 человѣкъ Смоленскихъ казаковъ чернаго знамени, присланныхъ «на вѣчное житье» въ Мензелинскъ [3]). Хотя въ описи собственно нѣтъ извѣстій о томъ, какимъ образомъ устроились подлѣ острога стрѣльцы и иноземные казаки, равно какъ ничего не сказано объ ихъ испомѣщеніи здѣсь землями и угодьями, но мы, имѣя въ виду прошлые факты устройства по чертѣ служилыхъ людей, не сомнѣваемся, что и Новомензелинскіе устроены были подъ острогомъ въ отдѣльныхъ слободахъ, точно также, какъ имъ,

[1]) Вслѣдствіе неясности для насъ описанія отдѣльныхъ укрѣпленій Новомензелинскаго острога, мы не беремъ на себя смѣлости дѣлать предположеніе объ его формѣ, отдѣльныхъ частяхъ и укрѣпленіяхъ, предоставляя это людямъ болѣе компетентнымъ въ военной археологіи.

[2]) Здѣсь упоминаются «лавы кругъ острога для верхнаго бою», двѣ мѣдныя пищали въ станкѣ на колесахъ и десять затинныхъ пищалей, для которыхъ припасено пороху и ядеръ.

[3]) Тамъ же лл. 581—585; Переп. кн. за № 6479, кн. 41.

по всей вѣроятности, предоставлены были здѣсь пахотныя земли и угодья въ опредѣленномъ количествѣ, «противу городковъ служилыхъ людей» по чертѣ.

Въ то время, какъ работы на Закамской чертѣ подвигались къ окончанію, въ 1655 году велѣно было «по новому дозору и чертежу Казанца Ивана Лазарева» сдѣлать къ старой засѣкѣ, въ концѣ ея, около рр. Мензелы и Ика нѣкоторыя дополненія въ системѣ укрѣпленій: во первыхъ, прибавлено было на версту съ лишнимъ засѣки лѣсомъ; затѣмъ на пространствѣ болѣе четырехъ верстъ простиралось поле, а по серединѣ его текла рѣчка Мензела; съ одной и другой стороны рѣчки «полемъ и дубровою поставлено надолобъ и рву выкопано и за рвомъ частику бито». Сверхъ того, съ каждой стороны рѣки «на той же полянѣ поставлена башня.» Отсюда въ направленіи къ р. Ику чернымъ лѣсомъ на пространствѣ болѣе семи верстъ была устроена обыкновенная засѣка, отъ которой снова начиналось поле и дуброва, тянувшіяся на двѣ версты вплоть до самаго Ика; здѣсь «поставлены двои четвертныя надолбы и два выкопа подлѣ надолобъ». Всего укрѣпленія на прибавочной чертѣ по плану Лазарева сдѣлано было на разстояніи 15 верстъ и 525 сажень [1]).

Лѣтомъ 1652 года начались работы по проведенію Закамской черты, а въ декабрѣ 1657 года бояринъ и Казанскій воевода Салтыковъ извѣщаетъ царя, «что по Казанской чертѣ (такъ названа здѣсь Закамская черта) валовое и надолобное и засѣчное дѣло до Ику рѣки по 22 число сентября 1656 года подымовными людьми сдѣлано все» [2]). Работали на чертѣ подымовные люди Казанскаго уѣзда, набираемые по человѣку съ нѣсколькихъ дворовъ, притомъ главнымъ образомъ инородцы,—слѣдовательно люди, занятые по преимуществу землелѣліемъ и промыслами, требовавшими отъ нихъ дѣятельности, которою каждый поддерживалъ себя съ семьею. Для подобныхъ

[1]) Писц. кн. за № 1127 лл. 585—586.

[2]) Тамъ же л. 587.

людей самое удобное время работать на чертѣ была осень, потому что хозяева за лѣто могли покончить свои работы. До насъ дошло извѣстіе, что Закамскую черту дѣйствительно «дѣлали въ осень не по одинъ годъ»[1]). Но хотя работы и производились преимущественно осенью, все же онѣ должны были ложиться тяжкимъ бременемъ на населеніи Казанскаго уѣзда, такъ какъ, кромѣ постоянныхъ работъ по проведеніи укрѣпленной черты въ новыхъ мѣстахъ, рабочимъ нужно было постоянно починять укрѣпленія, раньше построенныя и мѣстами попорченныя вешнимъ половодьемъ. Не мудрено поэтому, что рабочіе люди вслѣдствіе подобнаго труда въ продолженіе нѣскольких лѣтъ разстроились имущественно въ такой степени, что когда покончили наконецъ работы по проведенію вновь Закамской черты, то въ сентябрѣ 1656 года рѣшительно отказались дальше оставаться «для подѣлки (починки) по Казанской чертѣ худыхъ и порченныхъ мѣстъ», которыя въ 1655 году «попортило вешнею водою». Вслѣдствіе этого правительство въ интересахъ дѣла должно было распорядиться, чтобъ въ томъ же году «порченныя крѣпости по Казанской чертѣ и чего будетъ не додѣлали додѣлать *иныхъ городовъ* Казанскими подымовными людьми»; прежніе же работники инородцы не только оставлены были теперь въ покоѣ, но впослѣдствіи (1658 г.) по ихъ челобитью государь «не велѣлъ посылать впредь на Закамскую черту и къ поташному дѣлу», дабы они могли свободно заниматься рыбною ловлею и другими своими промыслами[2]).

Послѣ окончанія укрѣпленной Закамской черты Казанскому воеводѣ [3]) въ 1658 году приказано было изъ Москвы послать за рѣку Каму служилаго человѣка, которому «велѣно досмотрѣть по Казанской чертѣ: засѣчное и валовое дѣло и всякія крѣпости отъ Бѣлаго Яру сдѣланы ль и совсѣмъ

[1]) Тамъ же л. 625.

[2]) Тамъ же лл. 587—588.

[3]) Воеводою въ то время былъ окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ.

ли сдѣлано?» Поэтому для осмотра Закамской черты изъ Казани отправленъ былъ Никита Гладковъ, котораго, кажется, снабдили инструкціею, поручивъ осмотрѣть укрѣпленную черту на пространствѣ отъ города Бѣлаго Яра до Новошешминскаго острога. Результатомъ такого осмотра явилось подробное описаніе укрѣпленій Закамской черты на всемъ этомъ пространствѣ, равно какъ опись зданій въ городѣ и острогахъ, населенія въ слободахъ и неудовлетворительнаго состоянія, въ которомъ находилась часть укрѣпленій черты въ моментъ осмотра. Свое обстоятельное донесеніе о состояніи Закамской черты на вышеупомянутомъ разстояніи Гладковъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «А гдѣ по валу объявились худыя и полыя и горѣлыя мѣста и рѣдкая засѣка (описанныя имъ въ донесеніи своемъ), и буде приходъ воинскимъ людемъ будетъ, и воинскимъ людемъ тѣми мѣсты пройти будетъ мочно; а въ валовомъ тарасномъ дѣлѣ полыя и худыя и горѣлыя и въ засѣкѣ рѣдкія мѣста починить мочно валовымъ же тараснымъ дѣломъ, а на топлыхъ мѣстахъ надолбами [1]).

Задолго до окончанія Закамской черты между Тіинскомъ и Новошешминскомъ совершилось въ 1654 году происшествіе, которое показало правительственнымъ лицамъ, руководившимъ сооруженіями на этой линіи, недостаточность укрѣпленій черты на этомъ пространствѣ. Отъ Тіинскаго острога до Новошешминскаго было, какъ извѣстно, болѣе 83 верстъ. Главное укрѣпленіе на этомъ пространствѣ, какъ мы видѣли, составляла засѣка, которая проходила чрезъ лѣсъ на разстояніи пятидесяти четырехъ верстъ. Чрезъ этотъ черный лѣсъ въ разстояніи сорока слишкомъ верстъ отъ Малаго Черемшана, какъ мы уже знаемъ, пролегала «старая вотчинная дорога». Между этими двумя острогами попадались, между тѣмъ, о чемъ мы также упоминали, остатки отъ земляныхъ сооруженій прежнихъ народовъ, которыми они, по всей вѣроятности, старались защитить свое достояніе отъ кочевыхъ обитателей

[1]) Тамъ же л. 625.

Низоваго Поволжья, ибо Поволжскія степи искони населены были кочевниками, чередовавшимися другъ съ другомъ лишь въ названіяхъ, а не въ занятіяхъ и въ хищническихъ инстинктахъ. Остатки эти должны были бы предостеречь служилыхъ людей, составлявшихъ планъ черты послѣ осмотра здѣшней мѣстности. Но, повидимому, они не обратили должнаго вниманія на нихъ и на существованіе слѣдовъ нѣкогда значительнаго города Билярска, находившихся недалеко отъ вотчинной дороги. И вотъ событія не преминули указать правительству на упущеніе въ проектѣ служилыхъ людей, составлявшихъ планъ проведенія Закамской черты въ здѣшнихъ мѣстахъ. Въ 1654 году «изъ степи по той вотчинной дорогѣ приходили воинскіе Ногайскіе люди и засѣку просѣкли и прошли Закамскія мѣста и погромили Саввы Аристова село Жукотино [1]) и назадъ прошли тоюжъ дорогою; и послѣ того въ томъ же мѣстѣ послѣ поставлены во шести мѣстахъ тройныя надолбы поперекъ дороги, по два звена, въ длину шесть сажень, и завалены лѣсомъ; да вновь прибавлено валежныя засѣки съ польскую сторону по дорогѣ на двадцать сажень» [2]). Но ограничиться этою мѣрою въ такомъ исполненномъ опасностей мѣстѣ, какимъ, повидимому, было настоящее, правительство не могло; для него теперь должно было сдѣлаться ясно, что здѣшняя мѣстность особенно удобна кочевому непріятелю для его вторженія, потому что по «старой вотчинной дорогѣ» они могли удобно здѣсь пройти, а по близости не было значительнаго укрѣпленія, гдѣ бы постоянно жили воинскіе люди, присутствіе которыхъ могло бы задержать непріятеля или устрашать его. Вслѣдствіе этого правительство, кажется, въ этомъ же году распорядилось выстроить между Тіинскомъ и

[1]) Въ половинѣ XVII вѣка въ описи Семена Волынскаго (Писц. кн. за № 155 л. 121) «за Саввою Тимоѳеевымъ, сыномъ Аристова, *въ вотчинѣ село Новое* Никольское, Жукотино тожъ, на ключѣ, въ паровомъ полѣ всего 150 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ» (Село находится теперь подлѣ г. Чистополя, на лѣвой сторонѣ р. Камы).

[2]) Писц. кн. за № 1127 л. 568.

Новошешминскомъ, подлѣ Малаго Черемшана и вотчинной дороги, новый острогъ, который отъ рѣчки, на которой стоялъ, и отъ стараго городища получилъ названіе Билярскаго [1]). Городъ построенъ былъ на правой сторонѣ рѣчки Билярки, недалеко отъ ея впаденія въ рѣку Малый Черемшанъ. Для заселенія этого города изъ Ахтачинскаго острога переведены были сто стрѣльцовъ съ ихъ семействами, которые поселились въ слободѣ около города въ пятидесяти дворахъ. Судя по такимъ ихъ прозвищамъ, какъ «Нижегородецъ», «Царицынецъ», «Балахонецъ», «Ветчанинъ», «Темниковецъ», «Самарянинъ», «Алаторецъ», «Муромецъ», «Тетюшенинъ» и «Забродя», надобно предположить, что стрѣльцы въ Ахтачинскѣ набирались изъ свободныхъ и охочихъ людей, которые стекались сюда отовсюду. Дѣлились стрѣльцы на десятки подъ начальствомъ десятниковъ, которыхъ было 8, и сверхъ того

[1]) Прямыхъ извѣстій о времени построенія Билярска мы не имѣемъ, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можемъ предположить его построеніе въ упомянутомъ году. Въ первоначальномъ описаніи Закамской черты за подписью діака Мины Грязева вовсе не упоминается о Билярскомъ острогѣ,— между тѣмъ говорится о вторженіи Ногайцевъ въ 1654 году и объ исправленіи черты въ этомъ мѣстѣ. Билярскъ не упомянутъ, вѣроятно, потому, что онъ не входилъ въ первоначальный планъ или чертежъ Закамской черты. Между тѣмъ есть извѣстіе (Собр. акт. Ист. Юрид. Ст. Мельник., грам. 66), что въ 1654 году Казанцу Артемью Пелепелицыну «велѣно въ Булярскомъ устроить стрѣльцовъ 100 человѣкъ или больши»; въ другомъ мѣстѣ этой грамоты даже говорится, что стрѣльцы «въ 1652 году, по указу великаго Государя, переведены изъ Ахтачинскаго острогу въ Булярскъ», но послѣднее врядъ ли можетъ быть принято; скорѣе можно предположить, что стрѣльцы въ 1698 году (время грамоты) смѣшали повелѣніе того времени описать и перевести стрѣльцовъ изъ Ахтачинска, но только не въ Билярскъ, а въ Ерыклинскъ (объ этомъ смотри Писц. кн. за № 1127 л. 521). На дѣлѣ мысль объ этомъ послѣднемъ переводѣ была оставлена; въ Ерыклинскъ переведены были, какъ уже было выше указано, 150 Чалнинскихъ крестьянъ. Изъ Ахтачинска же въ 1653 году 50 стрѣльцовъ переведено было въ Тіинскъ, а сто впослѣдствіи въ Билярскъ. Является нѣсколько страннымъ лишь то, что о Билярскѣ вовсе не упоминаетъ Гладковъ, которому поручено было осмотрѣть Закамскую черту отъ Бѣлаго Яра до Новошешминска; но это можетъ быть, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что Гладкову было поручено осмотрѣть черту, сооруженную по первоначальному плану безъ позднѣйшихъ дополненій, къ

въ сотнѣ находились два пятидесятника[1]). Изъ среды этихъ стрѣльцовъ нѣкоторые опредѣлены были въ пушкари, въ затинчики и въ воротники. Земля отведена была стрѣльцамъ «подъ дворы, подъ огороды и подъ гумна по сорока сажень длиннику, по десяти сажень поперечнику . . . . а вмѣсто денежнаго жалованья даны имъ пашенныя земли около городка, по обѣ стороны рѣчки Малаго Черемшану съ лѣсомъ и сѣнными покосы . . . . пятидесятнику по сорока чети, десятникамъ по тридцати чети, рядовымъ по двадцати чети человѣку, а сѣнныхъ покосовъ по десяти десятинъ»[2]). Наконецъ, въ заключеніе не будетъ лишнимъ упомянуть о слѣдующемъ: между тѣмъ какъ въ подробномъ донесеніи Гладкова говорится, что «къ городу Бѣлому Яру, къ Ерыклинску и къ Тіинску новокрещенскихъ и Чувашскихъ деревень и Черемшанскихъ волостей уѣздныхъ людей не приписано», — въ межахъ пашенныхъ земель у Билярскихъ стрѣльцовъ упоминается о Мордовской деревнѣ, которая, кажется, находилась тутъ при отводѣ пахотныхъ земель и угодій Ахтачинскимъ стрѣльцамъ во время ихъ водворенія въ Билярскѣ[3])

Въ началѣ настоящаго изслѣдованія сказано было, что тягости, лежавшія на крестьянахъ во второй половинѣ XVI

которымъ могъ относиться Билярскъ, явившійся лишь вслѣдствіе вторженія Ногайцевъ въ 1654 году. Дорога чрезъ Билярскъ, намѣченная на картѣ 1800 года, проходитъ приблизительно около 42 верстъ отъ впаденія Малаго Черемшана въ Большой Черемшанъ (гдѣ означена «старая вотчинная дорога»). Кромѣ грамоты въ Собр. Мельникова, Билярскъ съ населеніемъ описанъ въ Переп. кн. за № 6479, кн. 41. л. 154. (Арх. Мин. Юст. Вотч. отд.). Опись эта составлена въ 1656 году, ибо на 164 л. при описи города Бѣлаго Яра встрѣчается такое указаніе: «дворъ пустъ Ивашка Лаптева, а Ивашко сбѣжалъ *въ нынѣшнемъ* въ 164 году». Начинается опись Билярска въ этой рукоп. слѣдующимъ образомъ: «Городъ Билярской, на рѣчкѣ на Биляркѣ, поставленъ на старомъ городищѣ» и т. д. Въ этой описи нѣтъ извѣстій о величинѣ городка, его формѣ, укрѣпленіяхъ или зданіяхъ внутри его.

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Писц. кн. за № 1127 лл. 521—528 Переп. кн. за № 6479 лл. 154, 155.

[2]) Акт. собр. Ст. Мельниковыхъ гр. 66.

[3]) Арх. М. Юс. III отд. Писц. кн. за № 1127 л. 626 и Акты Соб. Мельник. гр. 66.

вѣка, были довольно разнообразны. Теперь, по истеченіи первой половины XVII столѣтія, попытаемся соединить и представить тѣ отрывочныя данныя, которыя попадались намъ въ извѣстіяхъ того времени, въ надеждѣ, что въ своей совокупности они хоть нѣсколько выяснятъ намъ положеніе крестьянина-колонизатора въ низовомъ Поволжьѣ. Естественно, что послѣ завоеванія края, когда онъ еще не былъ окончательно замиренъ, какъ правительству, такъ и стороннимъ лицамъ, которыя здѣсь получили земли, нужно было стараться большими льготами привлекать сюда русское населеніе. Вслѣдствіе значительныхъ опасностей, которыя грозили вначалѣ поселенцу въ здѣшнихъ мѣстахъ, вслѣдствіе разнообразныхъ и чувствительныхъ лишеній, которымъ онъ подвергался на новомъ мѣстѣ, подобныя льготы были для него справедливымъ, хотя, быть можетъ, и слабымъ воздаяніемъ за эти опасности и лишенія, не говоря уже о большомъ трудѣ на первыхъ порахъ. И безъ легкости передвиженія, коренящейся въ характерѣ русскаго человѣка, мы врядъ ли встрѣтились бы съ такимъ сравнительно скорымъ заселеніемъ здѣшняго края русскими колонистами.

Въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ вотчинахъ правительственныхъ и митрополичьихъ и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія крестьяне пахали съ каждой выти[1]), по десятинѣ ржи и по десятинѣ яри[2]); въ тѣхъ же уѣздахъ на монастырскихъ вотчинахъ крестьяне въ тоже время пахали по десятинѣ съ выти[3]). Срокъ льготы для крестьянъ въ данное время большею частью былъ десятилѣтній. Крестьяне иногда замѣтно тѣснились на первыхъ порахъ своего поселенія въ здѣшней странѣ; это можно видѣть изъ того, что встрѣчаются поселенія, въ которыхъ въ одномъ дворѣ

---

[1]) Выть, какъ было сказано, равнялась въ это время 15 десятинамъ, раздѣленнымъ на три поля.

[2]) Арх. Мин. Юст. III-ее отд. Писц. кн. Каз. у. за № 643 лл. 239, 240, 402; Писц. кн. Свіяж. у. за № 848, л. 129.

[3]) Тамъ же № 848 лл. 243 и 245; № 643, л. 417.

живетъ по нѣсколько крестьянъ, которые не всегда и родственники между собою[1]). Съ теченіемъ времени обстоятельства измѣняются: край постепенно замиряется, а населеніе, благодаря сильному приливу новыхъ поселенцовъ, умножается. Такъ какъ опасностей стало меньше, а выгоды отъ умноженія населенія увеличились, то нѣтъ уже прежней большой нужды въ насельникахъ, и тягости, налагаемыя землевладѣльцами на поселенца, становятся больше,—такимъ образомъ онѣ приближаются постепенно къ тѣмъ, которыя лежали на крестьянахъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія оброкъ на монастырскихъ земляхъ большею частью равнялся 25 алтынамъ съ выти и лишь изрѣдка одному рублю,—въ девяностыхъ же годахъ того же столѣтія (1594 г.) оброкъ съ той-же выти равняется либо одному рублю, либо 40 алтынамъ, и сверхъ того крестьяне при этомъ «издѣлье дѣлаютъ въ городѣ монастырское и мельничное»[2]). Въ дворцовыхъ вотчинахъ тягости, лежавшія, на земледѣльцѣ, тоже нѣсколько увеличились къ концу столѣтія. Хотя выть на дворцовыхъ земляхъ къ этому времени, кажется, мѣстами увеличилась противъ прежняго, но все же не на столько, на сколько прибавились тягости. Вмѣсто прежней десятины ржи и яри въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія крестьяне съ выти[3]), «пашутъ по 2 чети ржи, а овса вдвое»; кромѣ того, они еще «платятъ государева оброку съ выти по 500 вѣниковъ да по 50 лубовъ; да для государевыхъ понизовыхъ отпусковъ крупу

[1]) Такъ, напримѣръ, въ вотчинѣ Казанскаго Преображ. мон., въ дерев. Борисовѣ, состоявшей изъ 3-хъ дворовъ, только въ одномъ живетъ одинъ крестьянинъ, а въ остальныхъ по нѣскольку; тоже и въ починкѣ Полянка. Это впрочемъ замѣтно не только въ отдѣльныхъ поселеніяхъ монастыря, но и въ общемъ итогѣ, въ которомъ значится, что въ 44 хъ дворахъ живетъ 55 взрослыхъ людей. Писц. кн. за № 643, лл. 414—416.

[2]) Писц. кн. за № 848 л. 243; 1-ое отд. Арх. Мин. Юст. тетр. за № 6431, лл. 7, 20, 23, 26 (Рубль равнялся 33 алтынамъ 2 деньгамъ).

[3]) Кажется, уже въ концѣ XVI столѣтія, какъ и въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, въ дворцовыхъ вотчинахъ выть равнялась 18 четямъ въ каждомъ изъ трехъ полей, или же 27 десятинамъ.

и толокно дѣлаютъ же... и у государевыхъ мельницъ всякое мельничное издѣлье . . . и прикащиковъ дворъ»[1]). Ко всему этому мѣстами встрѣчается прибавка: крестьяне, сверхъ пахоты, по вытямъ, обыкновенной въ дворцовыхъ селахъ въ данное время еще «пашутъ *выгономъ* на государевыхъ же десятинахъ»; послѣднее, кажется, означаетъ обязанность цѣлой общины, за пользованіе какою-либо статьею предоставленною ей (мельницею), обрабатывать извѣстное число десятинъ сверхъ опредѣленнаго[2]). Но въ Тетюшскомъ уѣздѣ около двадцатыхъ годовъ XVII вѣка (1619 г.) количество крестьянской пахотной работы на такую выть въ дворцовыхъ вотчинахъ найдено было слишкомъ значительнымъ, и выть была увеличена здѣсь вдвое; оброкъ же съ подобной выти взимался въ уѣздѣ въ данное время въ количествѣ четырехъ рублей[3]). Въ Казанскомъ же уѣздѣ въ описываемое время крестьяне въ дворцовыхъ селахъ пашутъ съ неувеличенныхъ вытей по прежнему. Не обусловливалось ли увеличеніе вытей въ Тетюшскомъ уѣздѣ разореніями, которыя могли терпѣть дворцовые крестьяне въ этомъ пограничномъ и плохо защищенномъ уѣздѣ? На сѣверѣ Казанскаго уѣзда, въ области средняго теченія Вятки, при скудной почвѣ, крестьяне дворцовой слободы въ началѣ XVII вѣка вносили ежегодно съ выти величиною въ двѣ чети, или же съ трехъ десятинъ «посопнаго хлѣба по пяти чети ржи и по пяти овса»[4]). И незначительныя повидимому статьи дохода въ здѣшней странѣ въ началѣ XVII столѣтія уже обращаютъ на себя правительственное вниманіе и сдаются на оброкъ мѣстнымъ крестьянамъ; такъ, въ 1600 году въ дворцовой деревнѣ около Казани отмѣчено: «перевѣсье утячье за Кондратьемъ Кирило-

[1]) Относительно впрочемъ вѣниковъ и лубовъ постоянно повторяется оговорка, что крестьяне «за половину вѣниковъ и за половину лубовъ емлютъ изъ государевы казны деньги».

[2]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 153, лл. 1395, 1408, 1419—1420, 1446, 1518.

[3]) Тамъ же лл. 1473, 1477, 1482.

[4]) Тамъ же л. 1561.

вымъ.... а впредь ему съ того перевѣсья государева оброку платить по гривнѣ на годъ»[1]). Въ частности, сопоставляя извѣстія о тягостяхъ, лежавшихъ въ началѣ XVII вѣка на крестьянинѣ Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ, съ таковыми же въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, мы замѣчаемъ за это время серіозное ихъ увеличеніе и приближеніе къ тягостямъ, лежавшимъ въ концѣ XVI столѣтія на монастырскихъ крестьянахъ въ коренной Россіи. Въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ крестьяне Преображенскаго монастыря, подобно крестьянамъ Троицкаго и Богородскаго монастырей Свіяжскаго уѣзда, по истеченіи льготныхъ лѣтъ должны были на монастырь пахать «по десятинѣ». Въ 1603 году крестьяне Преображенскаго монастыря обязываются уже къ слѣдующему: «а какъ льготные годы отойдутъ, и имъ (крестьянамъ) на монастырь пашня пахати на выть[2]), по десятинѣ и оброкъ платить съ товарыщи ровно; за сѣнокосъ въ монастырь давать съ выти по 2 гривны, да хмѣлю по чети, да по 2 луба»; о тѣхъ же крестьянахъ въ другомъ мѣстѣ говорится, что они «съ выти издѣлье дѣлаютъ и дрова возятъ»[3]). Сверхъ того намъ извѣстно, что монастырскіе крестьяне въ описываемое время «на монастырь гребутъ сѣно въ монастырскихъ лугахъ» въ количествѣ приблизительно одной десятины съ выти, гребутъ при томъ въ такихъ вотчинахъ, гдѣ у самихъ крестьянъ «сѣна и лѣсу нѣтъ, сѣно косятъ наймуя на сторонѣ»[4]). Обращаясь къ тягостямъ, которыя около этого времени лежали на монастырскихъ крестьянахъ въ центральной Россіи, мы находимъ, что въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ концѣ XVI вѣка, по грамотѣ патріарха Іова, они обязаны были «пахати на монастырь подъ рожь по полуторѣ десятины и навозъ возить на монастырскую пашню.... и сѣно косить...

[1]) Тамъ же лл. 1408—1409.

[2]) Величина выти въ монастырскихъ вотчинахъ въ это время была прежняя, т. е., 10 четв. въ каждомъ полѣ.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. Тетр. за № 6553 лл. 10, 13 и 22.

[4]) Тамъ же лл. 6, 7 и 22.

да имъ же молоть на монастырь ржи монастырской по двѣ четверти на вытъ, да имъ же возиты на монастырь съ выти по три воза дровъ.... а не велитъ игуменъ дровъ возити и крестьяне даютъ въ монастырь съ выти по алтыну за возъ»[1]). Принявъ во вниманіе сравнительное плодородіе почвы въ началѣ XVII вѣка въ Казанскомъ уѣздѣ, для которой навозъ не былъ необходимостью, мы видимъ, что положеніе здѣсь земледѣльца въ данное время во многомъ приблизилось къ положенію его въ коренной Россіи[2]). Впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія, и въ дворцовыхъ вотчинахъ крестьянскія тягости становятся больше прежнихъ; напримѣръ, въ Прикамскомъ селѣ Чалнахъ съ деревнями послѣ льготнаго времени крестьяне съ выти[3]), вносили «государева оброку по четыре рубля денегъ, да хлѣба по 12 четвертей ржи, овса тожъ»[4]).

Крестьяне же, живя на землѣ разныхъ владѣльцевъ, вносили имъ за нее оброкъ или отрабатывали имъ своимъ трудомъ, или же отбывали вмѣстѣ то и другое; они составляли изъ себя общину, которая, получивъ отъ землевладѣльца землю, сама уже распредѣляла ее между своими отдѣльными членами, а въ отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ пользовалась ихъ землями и отрабатывала за отсутствующихъ землевладѣльцу. Такъ, въ дворцовомъ селѣ Сабуголь подлѣ Казани въ первой четверти XVII вѣка (1621 г.) крестьяне этого села и деревни тянувшей къ нему, «пашутъ на государевыхъ же десятинахъ бѣглыхъ крестьянъ жеребьи, которые крестьяне разбѣжались,.... пашутъ изъ оброку Сабугольскіе крестьяне Ѳедька Павловъ съ товарищи»[5]). Иногда, быть можетъ въ видѣ особой льготы,

[1]) Временникъ № 2, смѣсь стр. 18.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ коренной Россіи выть часто бывала менѣе 10 четв. въ полѣ. См. объ этомъ Горчакова «О земельн. владѣн. всерос. митр.» 211 с. «Большой Бояринъ» И. Забѣлина 23—24 сс.

[3]) Выть равнялась 56 четв. въ каждомъ изъ трехъ полей.

[4]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1126, л. 675.

[5]) Тамъ же Писц. кн. за 153, лл. 1505—1508

жеребьи умершихъ крестьянъ въ дворцовомъ селѣ вмѣстѣ съ сѣнными покосами предоставляются во владѣніе прикащику [1]).

Внѣ города мы встрѣчаемся прежде всего со слободами, которыя расположены или около города, или же на рѣкѣ. Обыкновенно жители такой слободы если и занимаются земледѣліемъ, то все же оно не составляетъ ихъ исключительнаго занятія, а чаще побочное; главный же доходъ свой слобожане большею частью получаютъ отъ какого либо промысла: кожевеннаго, огороднаго, рыбнаго и тому подобнаго. Обстоятельство это отражается и на слободскомъ священникѣ, о которомъ нерѣдко говорится: «пашни церковныя подъ нимъ нѣтъ, живетъ приходомъ» [2]). Населеніе въ слободахъ въ первой половинѣ XVII вѣка замѣтно увеличилось, особенно это слѣдуетъ отнести къ подгороднымъ слободамъ, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ Борисоглѣбской слободѣ подъ Казанью, населеніе во много разъ стало больше. Вмѣстѣ съ умноженіемъ населенія въ слободахъ увеличивается и зажиточность его, въ чемъ можно отчасти убѣдиться не только изъ значительнаго оброка, вносимаго Борисоглѣбскими слобожанами Покровскому монастырю, но также и изъ оброка, взимаемаго дворцовымъ вѣдомствомъ въ началѣ XVII вѣка въ Рыбной слободѣ на Камѣ [3]). Не смотря на постепенное со временемъ увеличеніе въ слободахъ пахотнаго пространства, какъ въ селахъ и въ деревняхъ, все же слободы продолжаютъ сохранять свой промышленный характеръ и въ половинѣ XVII столѣтія, какъ въ началѣ его [4]). Оброкъ въ слободѣ, какъ и въ остальныхъ поселеніяхъ, распредѣлялся, вѣроятно, между членами самою общиною, ибо отдѣльнымъ членамъ ея должны были быть хорошо извѣстны занятія и доходъ каждаго лица и его платежная способность. Каждый дворъ облагался отдѣльнымъ оброкомъ; если въ дворѣ дѣломъ заправляла женщина, то и она точно также обязывалась опредѣленнымъ оброкомъ, потому что въ глазахъ общины значеніе въ данномъ случаѣ имѣлъ промыселъ и доходъ, получаемый отъ него, а не тотъ или другой полъ лица [1]). Но въ слободѣ могли жить люди, занятія которыхъ доставляли приблизительно одинаковый доходъ каждому изъ нихъ; въ такомъ случаѣ они въ слободѣ могли составлять особую группу, можетъ быть даже отдѣльную общину [2]). Понятно, что если община раскладывала оброкъ сообразно доходу лицъ, жившихъ въ разныхъ дворахъ слободы, то она могла и совсѣмъ освободить лицо, хозяйственное положеніе котораго въ ея глазахъ заслуживало этого; подобные дворы, хоть изрѣдка, но попадаются въ слободахъ. Кромѣ того, въ людной и зажиточной слободѣ нерѣдко встрѣчаемся съ дворами или кельями, особенно при церквахъ, въ которыхъ живутъ убогіе и нищіе люди, кормившіеся, вѣроятно, подаяніями членовъ людной общины [3]).

От слобожанъ перехожу къ крестьянскимъ общинамъ, жившимъ въ селахъ и деревняхъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ. Выше было сказано, что крестьяне, приходившіе въ

[1]) Тамъ же л. 1514. (село Воскресенское).

[2]) Тамъ же л. 4447 1-го отд. Арх. Мин. Юст. Каз. у. Тетр. за № 6556, л. 3.

[3]) Тамъ же Писц. кн. за № 153, 1044—1047, 1447—1452 лл.

[4]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 лл. 5, 121—123.

[1]) Такъ, напримѣръ, въ Рыбной слободѣ въ началѣ XVII вѣка встрѣчаются: «Дворъ вдова Марка Володимерская жена, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ. Дв. Огафья Иванова, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ». Въ Борисоглѣбской слободѣ въ половинѣ XVII в. также попадаются вдовы, вносящія оброкъ, такъ, между прочимъ: «Дв. Овдотьица, Васькина жена, Остафьева сына, прозвище Ивашки *Токаря*, у нея сынъ 11 лѣтъ, а мужъ ея Васька сбѣжалъ въ 1646 году; оброку 13 алтынъ 2 деньги». Арх Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553, л. 40; Писцов. кн. за № 153, лл. 1450—1451.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ рыбной слободѣ, послѣ описанія отдѣльныхъ дворовъ съ разнымъ оброкомъ, говорится: «въ той же слободѣ дворы оброчные, а оброку платятъ съ дворовъ своихъ ровно», затѣмъ идетъ опись каждаго двора отдѣльно, а въ заключеніе: «государева оброку платитъ въ государеву казну Митрофанъ Леонтьевъ *съ товарыщи* съ 30-ти дворовъ 11 руб. съ четью, по 12 алтынъ по 3 деньги съ двора». Тамъ же писц. кн. за №153, л. 1451.

[3]) Тамъ же л. 1452, 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553, лл. 25, 28, 36.

этотъ край изъ Россіи, очень рѣдко могли обладать достаточными средствами для своего обзаведенія па новомъ мѣстѣ полнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего они по необходимости нуждались здѣсь въ освобожденіи на нѣсколько лѣтъ отъ всякихъ тягостей, что обыкновенно предоставлялось имъ на самомъ дѣлѣ въ видѣ такъ называемыхъ льготныхъ годовъ; эти послѣдніе въ шестнадцатомъ столѣтіи на земляхъ богатаго Троицкаго монастыря достигали пятнадцати-лѣтняго срока. На первыхъ порахъ, когда поселенцевъ въ здѣшней сторонѣ было очень мало, ими естественно чрезвычайно дорожили, и мѣстные владѣтели земель спѣшили къ переселенцамъ, приходившимъ изъ Россіи, не съ одними лишь льготными годами, а по всей вѣроятности и съ матеріальною поддержкою на первыхъ порахъ ихъ хозяйственной дѣятельности на новомъ мѣстѣ; впослѣдствіи же, въ XVII столѣтіи, населеніе здѣсь умножилось, а поэтому и льготные годы для переселенцевъ сократились довольно сильно, и помощь отъ землевладѣльца стала, вѣроятно, выдаваться имъ скупѣе. Вслѣдствіе этого земледѣлецъ, являющійся въ этотъ край, рѣже имѣетъ возможность съ разу стать крестьяниномъ и по необходимости предпочитаетъ въ продолженіе первыхъ лѣтъ небольшой бобыльскій оброкъ нелегкому крестьянскому тяглу; для него это было тѣмъ выгоднѣе, что въ XVII столѣтіи бобыли обыкновенно получали льготу на нѣсколько лѣтъ «для дворовые ставки»[1]). По прошествіи нѣкотораго времени поселенецъ, разжившись, либо непосредственно переходилъ съ оброка на тягло, либо ему снова давалась льгота спеціально

[1]) Такъ, въ началѣ XVII ст. (1600 г.) въ Казанск. уѣздѣ въ дворцовой деревнѣ Ивертовѣ: «въ той же деревнѣ велѣно жить въ бобылѣхъ новоприхожему Еремкѣ, а льготы ему дано для дворовые ставки на 2 года». Въ 1619 году, въ дворцовомъ селѣ Задніе Атары: «въ той же деревнѣ велѣно жить на льготѣ въ бобылѣхъ новоприхожимъ (2 чолов.), а льгота имъ дана для дворовые ставки». Въ дворц. селѣ Рождественское, что на Укречѣ, въ 1717 г, означено 14 бобылей на льготѣ: «а льготы тѣмъ бобылямъ дано на 3 годы, а дворовъ у нихъ своихъ нѣтъ, хотятъ ставитъ» Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 153, лл. 1089, 1509, 1517.

для перехода съ бобыльства въ крестьянство [1]). Но кромѣ такого, такъ сказать, самостоятельнаго положенія новаго человѣка въ крестьянской общинѣ, среди которой онъ рѣшилъ поселиться, для него была еще возможность войти въ общину до поры до времени въ качествѣ сосѣда или захребетника къ крестьянину или бобылю этой общины. Относительно того, какъ жилось крестьянину въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ XVII вѣка, можемъ нѣсколько догадываться по тѣмъ тягостямъ, которыя были указаны нами выше, отчасти же можемъ судить по нижеслѣдующему. Крестьяне на дворцовыхъ земляхъ также жили общинами, для которыхъ главнымъ средоточіемъ обыкновенно было село, а къ нему уже тянули другіе поселки; въ такомъ селѣ нерѣдко была «*государева десятинная пашня*», обрабатываемая крестьянами, находились государевы житницы, гдѣ хранился хлѣбъ, и въ этомъ же селѣ жилъ прикащикъ [2]). Количество работъ, отбываемыхъ крестьяниномъ или крестьянкою въ дворцовыхъ земляхъ, обусловливалось величиною земельнаго участка, который они для себя обрабатывали въ дворцовомъ селѣ или деревнѣ. Это можно видѣть изъ того, что если крестьянинъ или крестьянка (вдова) почему-либо не пользовались землею, то они освобождались отъ соотвѣтственной тягости. Такъ, въ первой четверти XVII столѣтія (1617 г.) объ одномъ изъ крестьянъ дворцоваго села говорится: «живетъ на четверти выти, а хлѣба у него въ землѣ не сѣяно, скотины у него никоторые нѣтъ, и тягла онъ государева никотораго не тянетъ»; въ другомъ дворцовомъ селѣ крестьянская вдова, жившая на полу выти, «сказала: что ей изъ государевы казны

[1]) Такъ, въ Казанскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ Анатошѣ въ началѣ XVII ст. крестьянинъ платилъ оброкъ, и о немъ говорится слѣдующее: «оброкъ съ него сложенъ, а впредь ему быть на пашнѣ на полувыти»; въ это же время въ дворцовомъ селѣ Сабуголь «велѣно быть на пашнѣ на четь выти тогожъ села бобылю Ивану Гаврилову, а льготы ему дано на годъ». Тамъ же лл. 1422, 1431.

[2]) Впрочемъ иногда государевы житницы были въ деревняхъ; такъ, напримѣръ, въ Казан. у. въ деревнѣ Шумковѣ находились 2 государевы житницы. Тамъ же лл. 1431, 1422.

нынѣшняго 125 году (1617 г.) десятинныхъ яровыхъ сѣмянъ
сѣять не дано, дѣтей де у меня нѣтъ, пашни пахать некому»;
въ третьемъ селѣ того же вѣдомства крестьянинъ, сидѣвшій
«на осьмухѣ», т. е., на осьмой части выти, сказалъ, что
онъ «ко 125 году яроваго государева десятиннаго хлѣба не
пахалъ, потому что боленъ»[1]). Отсюда мы можемъ видѣть, что
тягости, лежавшія на крестьянинѣ, условливаются главнымъ
образомъ землею, находившеюся въ его пользованіи, и есть
какъ бы процентъ, платимый имъ за капиталъ, бывшій въ его
распоряженіи; если же крестьянинъ почему-либо не пользовался
землею, то въ такомъ случаѣ «онъ государева тягла никото-
раго не тянетъ», что въ то время было ясно и понятно вся-
кому. Естественно предположить, что если пользованіе со сто-
роны члена общины почему-либо было не полно и это обуслов-
ливалась не виною его, а несчастіемъ (болѣзнью, пожаромъ),
то въ такомъ случаѣ община могла уменьшить тягость, лежав-
шую на немъ; равно, если отдѣльный членъ крестьянской об-
щины къ участку обрабатываемой имъ земли присоединялъ но-
вую часть, кѣмъ либо прежде запущенную, либо онъ самъ ее
расчистилъ, въ такомъ случаѣ на эту часть крестьянинъ полу-
чалъ особую льготу на нѣсколько лѣтъ[2]).

Сверхъ пахотныхъ крестьянъ, въ дворцовыхъ вотчинахъ
встрѣчаемся съ оброчными крестьянами. Оброкъ, платимый та-
кими крестьянами, очень разнообразенъ, что обусловливается,

[1]) Въ другихъ случаяхъ подобное указаніе на непользованіе землею
крестьяниномъ выражено не такъ прямо, но его слѣдуетъ предполагать.
Такъ, въ дворцов. деревнѣ Каз. уѣзда Кузьминѣ крестьянинъ Илейко-Оси-
повъ показалъ: «живетъ на полъ-четверти выти, *погорѣлъ*, скотины у него
никоторые нѣтъ»; того же уѣзда въ дворцовой деревнѣ Шумковѣ у одного
крестьянина «скотины у него никоторые нѣтъ»; въ той же деревнѣ: «Дворъ
Лукерьицы Андреевой, живетъ на четверти выти, скотины у ней никоторые
нѣтъ». При отсутствіи скотины у хозяина, очевидно, и пахать нечѣмъ ему
было. Тамъ же лл. 1026, 1033, 1034, 1082, 1088.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ дворцовомъ селѣ Рожественномъ, что на
Укречѣ, среди крестьянъ нѣсколько дворовъ отмѣчены такъ: «Карпъ Оси-
повъ, на четверти выти, да за нимъ же на льготѣ на 5 годовъ осьмой же-
ребей выти»; нѣсколько другихъ крестьянъ также описаны. Тамъ же л. 1087.

вѣроятно, разною степенью зажиточности крестьянъ и разною
прибыльностью ихъ занятій, соотвѣтственно чему только и могла
община накладывать тягости на своихъ отдѣльныхъ членовъ[1]).
Кромѣ крестьянъ, на дворцовыхъ земляхъ встрѣчаются бобыли.
По всей вѣроятности, для большинства крестьянъ бобыльство
было не цѣлью, а лишь средствомъ или ступенью для того,
чтобъ меньше платить, легче разжиться, обзавестись всѣмъ необ-
ходимымъ для крестьянскаго хозяйства и стать крестьяниномъ.
Наконецъ, въ дворцовыхъ селахъ, особенно въ людныхъ и за-
житочныхъ, встрѣчаемся съ дворами нищей братьи и съ кельями,
въ которыхъ живутъ старицы. Прозвище нищаго указываетъ
иногда не на его лишь убогость, а также и на мѣсто, откуда онъ
пришелъ[2]). Безъ сомнѣнія, всѣ подобные люди кормились
средствами, которыя имъ добровольно удѣляли остальные, за-
житочные члены сельской общины. Не лишнимъ будетъ упо-
мянуть и о ссылкѣ крестьянъ въ концѣ XVI столѣтія изъ
западной Руси въ Казанскій уѣздъ, гдѣ они въ дворцовомъ
селѣ занимаются пахотою вмѣстѣ съ живущими здѣсь крестья-
нами, не неся однако съ ними тягостей въ пользу дворцоваго
вѣдомства [3]).

[1]) Тамъ же л. 1431 и др.

[2]) Въ дворцовомъ селѣ Чалны въ полов. XVII в. означены 3 двора ни-
щихъ, между которыми попадаются такія прозвища: «во дворѣ нищей Ивашко
Степановъ *слѣпой* у него сынъ Ѳедька 10 лѣтъ; во дв. нищей Трошка Ла-
заревъ *Устюженинъ*, женатъ, дѣтей нѣтъ». Сверхъ того въ селѣ были еще
6 келей, принадлежавшихъ старицамъ; объ одной изъ нихъ говорится:
«келья старицы Уляньи, а въ ней живетъ нищей Паршутка Дементьевъ
слѣпой, женатъ, дѣтей нѣтъ». Писц. кн. за № 1127, лл. 812—813.

[3]) Въ дворцовомъ селѣ Воскресенскомъ (оп. 1619 г.) послѣ бобыль-
скихъ дворовъ: «Въ томъ же селѣ Воскресенскомъ крестьяне; дворъ Се-
менка *Копоренинъ*, да дв.: Мишка *Копоренинъ*, живутъ на полъ-выти. . . . и
села Воскресенскаго попъ Петръ да крестьяне—староста Олешка Васильевъ
съ товарищи сказали, что тѣ крестьяне живутъ въ селѣ лѣтъ съ 30 ть, го-
сударевы десятинные пашни не пашутъ и издѣлій никакихъ съ ними не
дѣлаютъ, не вѣдаютъ почему. И крестьяне Семенка да Мишка Копоренины
про то допрашиваны, а въ роспросѣ сказали: блаженные де памяти при
государѣ царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ они сосланы изъ Копорья за опалу,

Положеніе крестьянъ въ селахъ и деревняхъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка обусловливалось еще и тѣмъ, на чьихъ земляхъ они жили. По нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что на земляхъ Троицкаго монастыря крестьянамъ въ частности жилось лучше, чѣмъ на другихъ земляхъ, не исключая и дворцовыхъ. Такъ, напримѣръ, въ вотчинахъ только одного этого монастыря мы встрѣчаемся въ концѣ XVI вѣка съ водяными крестьянскими мельницами («меленки колотовки»), о которыхъ говорится, что «крестьяне съ нихъ оброку ничего не платятъ»[1]). Изъ этого мы видимъ, что у крестьянъ, въ ихъ хозяйствѣ, могла находиться извѣстная доходная статья, которую монастырь ничѣмъ не облагалъ въ свою пользу. Отсюда мы можемъ вывести, что пріемы Троицкаго монастыря относительно крестьянъ, жившихъ на его земляхъ, не отличались слишкомъ большою стяжательностью, потому что иначе мы врядъ ли встрѣтились бы съ подобнымъ фактомъ въ хозяйственной дѣятельности монастыря. И въ монастырскихъ вотчинахъ, какъ въ дворцовыхъ, между тяглыми крестьянскими дворами нерѣдко встрѣчаются дворы вдовъ, сидящихъ на полу, четверти и другихъ частяхъ выти, пользующихся землею наравнѣ съ крестьянами и несущихъ наравнѣ съ ними тягости, сопряженныя съ такимъ пользованіемъ; изрѣдка попадаются вдовы, у которыхъ водворѣ живутъ семейные сыновья или зятья, при чемъ главное хозяйственное значеніе все-таки сохраняется матерью[2]). Точно также и бобыльство въ монастырскихъ вотчинахъ было, какъ и въ дворцовыхъ, большею частью

въ Казань, а въ Казани велѣно ихъ устроить пашнею, а государевы десятинные пашни пахати и издѣлей никакихъ дѣлать имъ не велѣно». Писцов. кн. Каз. у. за № 153 лл. 1513—1514.

[1]) Это не была одна или двѣ мельницы на земляхъ Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ, а гораздо больше Такъ, въ деревнѣ Агишево, въ которой находилось 20 дворовъ крестьянскихъ «подъ деревнею были 3 меленки колотовки»; въ починкѣ Корноуховѣ на ручью 3 меленки колотовки; въ деревнѣ Уланковѣ, съ 6 дворами, меленка колотовка, и прибавлено: «а держатъ крестьяне про себя». Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6431 лл. 23, 24.

[2]) Тамъ же № 6553 лл. 7, 47, 48.

лишь переходною ступенью къ крестьянству; такъ, въ селѣ Преображенскаго монастыря (полов. XVII ст.) между пустыми бобыльскими дворами владѣтели нѣкоторыхъ отмѣчены перешедшими въ крестьяне[1]). Среди дворовъ людей, живущихъ на монастырскихъ земляхъ, изрѣдка попадаются дворы, о владѣтеляхъ которыхъ говорится: «оброку не даютъ, бродятъ по миру», или же: «питаются по миру»; такіе дворы принадлежатъ обыкновенно бобылямъ или вдовымъ бобылькамъ[2]). Отдѣльные факты, съ которыми встрѣчаемся въ первой половинѣ XVII вѣка на монастырскихъ земляхъ, могутъ свидѣтельствовать, что просвѣтительная и образовательная дѣятельность не чужда была монастырямъ въ здѣшнемъ краю. Такъ, въ половинѣ XVII вѣка между немногими крестьянами инородцами, жившими въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря за рѣкою Камою, встрѣчаемся съ слѣдующимъ дворомъ: «Сенька Емельяновъ сынъ Новокрещенъ, Мордвинъ». Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія (1646 г.) въ людномъ селѣ Свіяжскаго уѣзда, принадлежавшемъ Троицкому монастырю, при описи дворовъ причта во дворѣ попа Мины Васильева среди его домашнихъ упоминается «ученикъ Ѳедька Алексѣевъ»[3]).

Обращаясь къ положенію крестьянина на помѣстныхъ земляхъ, мы должны прежде всего указать на крайнюю скудость объ этомъ извѣстій, находящихся въ нашемъ распоряженіи; но то малое, которымъ мы располагаемъ, отчасти подкрѣпляетъ мнѣніе, высказанное нами раньше, — что положеніе крестьянъ на помѣстныхъ земляхъ было, говоря вообще, тяжелѣе, чѣмъ

[1]) Тамъ же лл. 91—94.

[2]) Тамъ же лл. 16, 25, 28, 82; Памят. кн. Каз. губ. 1866—67 «Замѣч. сел. по Волгѣ въ пред. Каз. губ.» стр. 9—10.

[3]) Тамъ же л. 59. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 6468 л. 789. Село это—Нижній Услонъ, на берегу Волги, въ которомъ находилось 105 дворовъ крестьянскихъ и 24 дв. бобыльскихъ (бобыли считаются вмѣстѣ съ деревнею Студенецъ, которая тянетъ къ селу). Дворъ описанъ такъ: «Дворъ попа Мины Васильева, у него сынъ Васька, да у него жъ ученикъ Ѳедька Алексѣевъ, да у него жъ работникъ Ѳедька Якимовъ».

въ вотчинахъ монастырскихъ и дворцовыхъ; и если такія дѣйствія, какъ поступки князя Шейдякова въ Ярославскомъ уѣздѣ въ помѣстномъ его селѣ Шорингѣ не представляли еще собою въ то время явленія обыденнаго, а скорѣе были исключеніемъ, то все же начало личнаго усмотрѣнія и произвола, которымъ онъ руководился въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, становится главнымъ мотивомъ для помѣщиковъ первой половины XVII столѣтія относительно ихъ крестьянъ. Такъ, намъ извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка служилый помѣщикъ Казанскаго уѣзда князь Бакшанда, «по сказкѣ» его самого и «по выспросу тутошнихъ и окольныхъ людей», бралъ съ волости Нали Кукморы, въ которой находилось 99 дворовъ, «дорогильные пошлины 14 рублей, 18 алтынъ 2 деньги, съ двора по 5 алтынъ, да съ тѣхъ же дворовъ емлетъ со свадебъ кунишную пошлину. А почему съ тое волости князь Бакшанда емлетъ дорогильную и со свадебъ кунишную пошлину, и государевы грамоты князь Бакшанда не положилъ»[1]). Отсюда мы можемъ отчасти видѣть, что явленіе, констатированное Котошихинымъ во второй половинѣ XVII вѣка и состоявшее въ томъ, что «помѣщики и вотчинники . . . . подати свои кладутъ на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого что взяти», — въ жизни подготовлялось, вѣроятно, постепенно отдѣльными фактами, выработавшими его до общаго положенія, какимъ оно стало уже въ началѣ второй половины XVII вѣка, и, какъ таковое, занесено юристомъ практикомъ на страницы своего сочиненія «О Россіи». Само правительство нерѣдко въ половинѣ XVII столѣтія раздаетъ отдѣльными дворами крестьянъ дворцовыхъ вотчинъ разнымъ служилымъ людямъ въ Поволжскихъ уѣздахъ; бобылей же оно въ это время раздаетъ служилымъ людямъ, какъ всякую другую доходную статью, говоря, что «тѣ бобыли, даны ему (служилому человѣку) въ вотчину за четвертную пашню»[2]). Не смотря на стремленіе мелкопо-

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. за № 642, л. 105.

[2]) Тамъ же Писц. кн. за № 1127 лл. 795, 805, 822—832, 865, 877—878.

мѣстныхъ помѣщиковъ эксплуатировать всякую живую силу, имѣвшую какое-либо отношеніе къ ихъ землѣ у нихъ также мы встрѣчаемся иногда съ личностями, о которыхъ сказано: «кормится христовымъ именемъ»[1]).

Безъ сомнѣнія, то или иное положеніе поселенца въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ первой половинѣ XVII вѣка въ связи съ его состояніемъ должно было отражаться въ жизни какъ его самого, такъ и его семейства. Въ бытѣ простомъ, какимъ и по настоящее время является бытъ нашихъ крестьянъ, болѣе или менѣе тяжелое положеніе поселенца не могло не отражаться на его семьянистости. Въ городахъ болѣе семьянисты посадскіе люди, за ними слѣдуютъ бобыли, а за бобылями идутъ захребетники. Въ селахъ и деревняхъ самые семьянистые люди — крестьяне, послѣ нихъ идутъ бобыли и наконецъ захребетники [2]).

[1]) Тамъ же Писц. кн. за № 6468 л. 1082 и др. При описаніи въ Цывильскомъ уѣздѣ небольшой деревни Рындиной, бывшей въ помѣстьѣ за Данилою Рындинымъ, въ заключеніе сказано слѣдующее: «У него жъ Данила въ деревнѣ Рындинѣ живетъ за бѣдность Цывиленинъ сынъ боярской Иванъ Микифоровъ, сынъ Марковъ». Тамъ же л. 568.

[2]) Намъ хорошо извѣстны злоупотребленія, бывавшія при переписяхъ вызывавшія со стороны правительства распоряженіе «смотрить и беречи. накрѣпко, чтобъ въ той переписке никто не воровалъ: крестьянъ и бобылей не таили, и *изо многихъ дворовъ въ одинъ дворъ не переводили*, и чюжихъ-бы крестьянъ и бобылей ничьихъ за собою не писали» (изъ наказа писцамъ въ 1646 году. Писц. кн. за № 6468 л. 321 — 322); но мы полагаемъ, что частныя злоупотребленія, бывавшія при описяхъ, не уничтожаютъ общаго значенія явленія, которое сохраняетъ въ общемъ свою силу въ настоящемъ случаѣ, какъ и при описаніи пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель. Для примѣра представляемъ населеніе города Свіяжска въ 1646 г. по описи Андрея Андреевича Племянникова и подъячаго Ивана Ѳадѣева: въ это время находилось на посадѣ «165 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьи и племянниковъ 379 челов., да у нихъ же сосѣдъ и подсосѣдниковъ 14 челов., у которыхъ дѣтей и братьи 8 челов.; *да у посацкихъ людей живутъ въ сосѣдствѣ посацкіе же люди* 9 челов., у нихъ дѣтей и братьи 12 чел. *да посацкіе бобыли живутъ въ сосѣдствѣ у посацкихъ же людей* 14 челов., у нихъ дѣтей и братьи 6 челов.; да посацкіе люди и бобыли живутъ на дворничествѣ и въ сосѣдяхъ у всякихъ чиновъ людей — 8 челов. посацкихъ людей, у нихъ дѣтей и братьи 15 челов.: бобылей 13 челов. у нихъ дѣтей и братьи 9 чел.» Тоже большей частью въ общемъ встрѣчается и въ другихъ городахъ. Какъ примѣръ села въ это же время, представляемъ село въ

ГЛАВА III-я.

Занятіе земель бывшихъ подъ старою Тетюшскою засѣкою и находившихся въ сосѣдствѣ съ ними. Заселеніе пространства между Симбирскою чертою и Тетюшскою засѣкою. Занятіе служилыми людьми земель, лежавшихъ за Симбирскою чертою. Стенька Разинъ въ Низовомъ Поволжьѣ и его дѣятельность съ приверженцами на Симбирской чертѣ. Испомѣщеніе служилыхъ людей за валомъ послѣ Разинскаго бунта и состояніе Симбирскаго уѣзда въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка. Самарская Лука, особенности ея и заселеніе въ концѣ XVI-го, въ первой и второй половинахъ XVII столѣтія. Построеніе Сызрани и Кашпира и проведеніе Сызранской черты. Монастырскія поселенія по Волгѣ ниже Кашпира во второй половинѣ XVII-го вѣка. Построеніе новыхъ городовъ на притокахъ р. Дона и въ Низовомъ Поволжье въ концѣ XVII-го столѣтія.

Правая сторона Поволжья, замыкаемая съ сѣвера бывшею Тетюшскою засѣкою, а съ юга новою Симбирскою чертою, составляетъ сѣверную часть нынѣшней Симбирской губерніи. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія производительность здѣшняго

Свіяжскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Троицкому монастырю: «Новое Село въ немъ крестьянскихъ дворовъ 69; у нихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ 161 челов.; бобыльскихъ дворовъ 28, у которыхъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 27 чел.; да въ томъ же селѣ захребетниковъ 7 чел., у которыхъ дѣтей 3 челов.». Тоже въ общемъ въ другихъ селахъ и въ деревняхъ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 6468 лл. 638—644; 737—828, 834—875. Въ заключеніе, быть можетъ, не лишнимъ будетъ упомянуть о слѣдующихъ явленіяхъ, съ которыми въ описываемое время намъ пришлось встрѣтиться: въ Кузьмодемьянскѣ въ 1629 году среди бобыльскихъ дворовъ одинъ такъ описанъ: «во дворѣ вдова попадья Левонтьевская жена съ дѣтьми съ Гришкою, да съ сыномъ Ивашкомъ; въ томъ же дворѣ бобыль Ивашко Остафьевъ, *дворомъ владѣютъ вопче*». Въ Борисоглѣбской слободѣ Покровскаго монастыря подъ Казанью въ половинѣ XVII стол., одинъ изъ оброчныхъ дворовъ описанъ такимъ образомъ: «дворъ Игнашко Ивановъ сынъ Вороженинъ, у него сынъ Куземка 5 л., у него жъ 2 брата — Микифорко да Ѳедька Ивановы дѣти,—*живутъ въ роздѣлѣ на одномъ дворѣ и въ одной избѣ*», оброку платили 20 алтынъ. Тамъ же Писц. кн. за № 847 л. 37; 1-е отд. Каз. у. тетр. за № 6553 л. 32.

чернозема возбуждала восторгъ спеціалистовъ, посѣщавшихъ эту страну[1]). Между тѣмъ плодородіе здѣшней почвы въ болѣе раннее время должно было быть гораздо сильнѣе, ибо, кромѣ теплоты и влажности, обусловливаемой въ половинѣ XVII вѣка изобиліемъ здѣсь лѣсовъ, въ то время находился еще не тронутый пахотою глубокій черноземъ, обладавшій богатствомъ производительныхъ силъ для всякаго рода хлѣбныхъ растеній. Подобныя свойства здѣшнихъ земель не могли быть неизвѣстны землевладѣльцамъ сосѣднихъ уѣздовъ, которыхъ контингентъ состоялъ преимущественно изъ служилыхъ людей Тетюшскаго, Свіяжскаго и Казанскаго уѣздовъ. При такихъ обстоятельствахъ естественно, что служилые люди прежде другихъ поспѣшили, съ соизволенія правительства, овладѣть землями въ здѣшней странѣ. Подобное стремленіе съ ихъ стороны могло находить, по всей вѣроятности, сочувствіе въ правительствѣ, которому выгодно было водворять здѣсь людей, опытныхъ въ несеніи окраинной службы, интересы которыхъ вслѣдствіе этого тѣсно соединялись съ интересами правительства, старавшагося о защитѣ окраиннаго населенія, съ каковою цѣлью построена была и Симбирская черта.

Тетюшская засѣка проходила, какъ извѣстно, южною стороною Тетюшскаго уѣзда около деревни Пролей Каши, — и подлѣ засѣки протекала небольшая рѣчка Кильня, впадающая съ правой стороны въ рѣку Свіягу; Кильня, въ свою очередь, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны нѣсколько притоковъ, среди которыхъ встрѣчается рѣчка Кертель и нѣкоторыя другія. Подлѣ Тетюшской засѣки на Кильнѣ стоялъ Килнинскій острожекъ, который, какъ мы знаемъ, «поставленъ былъ для приходу воинскихъ людей». Послѣ проведенія Симбирской черты военное значеніе Кильнинскаго острожка должно было упраздниться, и въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка (около 1655 года) мы

[1]) Bulletin de la Soçiété imperiale des naturalistes de Moscou. 1853. «Beiträge zur Kenntniss der schwarzen Erde in Russland» u. Wangenheim, von Qualen., p. 21

застаемъ этотъ острожекъ «въ помѣстьѣ и на оброкѣ» за служилыми людьми, причемъ вмѣстѣ съ нимъ имъ здѣсь было отведено извѣстное число «пашни дикаго поля добрые земли» и сѣна въ соотвѣтствіи[1]). Земля, по которой прежде проходила Тетюшская засѣка, въ описываемое время занята и эксплуатируется служилыми людьми; въ документѣ того времени нѣсколько разъ встрѣчаемся съ землями, о которыхъ говорится слѣдующее: «имъ (служилымъ людямъ) дано въ помѣстье *изъ порозжихъ земель дикое поле въ старой въ Свіяжской и въ Тетюшской засѣкѣ....* въ верхъ по рѣкѣ по Свіягѣ»[2]). Въ средѣ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, нерѣдко встрѣчаемъ людей, которые владѣютъ помѣстными и вотчинными жеребьями въ Свіяжскомъ уѣздѣ[3]). Затѣмъ говорится о земляхъ, которыя лежатъ «за старою Тетюшскою засѣкою въ степи» и находятся «за разными помѣщики въ помѣстьяхъ»,—сами же помѣщики означены здѣсь испомѣщенными «на дикомъ полѣ». Дикія поля по рѣкѣ Кильнѣ, по рѣчкѣ Кертели, Беденгѣ, *Сторожевой-Ельховкѣ* и по другимъ рѣчкамъ розданы были въ описываемое время въ значительномъ количествѣ помѣщикамъ Казанскаго и Тетюшскаго уѣздовъ[4]); между здѣшними помѣщиками попадаются фамиліи и коренныхъ служилыхъ людей вышепоимено-

[1]) «За Иваномъ Семеновымъ сыномъ, да Микифоромъ Еуфимьевымъ сыномъ Колодничими въ помѣстьѣ и на оброкѣ острожекъ Кильнинской, на рѣчкѣ на Кильнѣ, что былъ поставленъ для приходу воинскихъ людей, да къ тому жъ острожку пашни дикаго поля добрые земли 100 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 600 коп.; а оброку имъ съ того острожку и съ земли и съ сѣнныхъ покосовъ платить въ государеву казну по 16 алтынъ по 4 деньги на годъ». Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, л. 1085.

[2]) Тамъ же л. 1086.

[3]) Такъ, здѣсь мы находимъ испомѣщенными Илью Соловцова и Ивана Елагина, которые владѣютъ жеребьями въ селѣ Бурнашевѣ; затѣмъ встрѣчаемъ Якова Лукошкова, который въ это же время владѣлъ помѣстьемъ въ Жилецкой слободѣ, и др. Тамъ же лл. 875—879 и 1082—1086.

[4]) «За разными помѣщики дикаго поля межъ рѣчки Кильны и межъ рѣчки Кертели: «за Тетюшениномъ» (такимъ то),—затѣмъ «за Казанцемъ», снова «за Тетюшениномъ». Тамъ же. Писц. кн. Сем. Волынскаго 1655 года за № 155 лл. 370—371; Писц. кн. за № 1127 лл. 389—393.

ванныхъ уѣздовъ[1]). Вслѣдствіе того, что интересъ, представляемый русскимъ правительствомъ въ Поволжской окраинѣ, былъ преимущественно общечеловѣческій—культурный, ибо онъ, главнымъ образомъ, выражался въ трудѣ и въ защитѣ его плодовъ отъ хищничества кочевыхъ обитателей степи, русское правительство раздавало здѣсь съ полнымъ довѣріемъ земли не только русскимъ, но и инородцамъ, въ увѣренности, что послѣдніе заинтересованы не меньше русскихъ въ защитѣ окраинъ отъ нападеній и вторженій кочевниковъ. Такъ, подлѣ рѣчки Кильны мы встрѣчаемъ испомѣщенными не только Свіяжскихъ новокрещеновъ, но также и Казанскихъ служилыхъ татаръ, которые въ здѣшнихъ мѣстахъ владѣли цѣлыми деревнями[2]); нѣсколько позднѣе (1663 г.) служилые татары въ числѣ двадцати пяти человѣкъ были водворены на верховьяхъ рѣки Цилны[3]), гдѣ они получили пахотныя земли и сѣнные покосы[4]). Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія на службу въ Симбирскъ стали посылать служилыхъ людей изъ Москвы, предоставивши имъ право на опредѣленный надѣлъ землею въ Симбирскомъ уѣздѣ. Прибывши на мѣсто, служилый человѣкъ обыкновенно самъ отыскивалъ себѣ свободную землю и просилъ мѣстнаго воеводу назначить земельнаго откащика для отвода ея; назначенный воеводою откащикъ отправлялся «на порозжую землю на дикое поле»; не доѣзжая земли, бралъ «съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, сколько пригоже», распрашивалъ ихъ о найденной челобитчикомъ землѣ, и если тѣ показывали, «что эта земля ни въ помѣстье, ни въ оброкъ никому не отдана и отъ засѣчныхъ крѣпостей въ дальнихъ мѣс-

[1]) Такъ, въ помѣстьяхъ на р. Безднѣ упоминаются дѣти Ивана Жукова, старожильца Тетюшскаго уѣзда, затѣмъ встрѣчается фамилія Аристовыхъ, служилыхъ людей Казанскаго уѣзда. Тамъ же л. 397.

[2]) Тамъ же. Писц. кн. за № 155, л. 371. Писц. кн. за № 1127 л. 395.

[3]) Рѣка Цилна—притокъ Свіяги, впадающій въ нее съ лѣвой стороны, южнѣе притока Карлы.

[4]) Здѣсь водворены были служилые татары Ахмаметко съ товарищи. Тамъ же. Казань, отказная старыхъ лѣтъ кн. 2, № дѣла 15.

тахъ», то въ такомъ случаѣ земля отводилась челобитчику. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII-го столѣтія выше Симбирской черты еще встрѣчались свободныя, нетронутыя земли; такъ. по рѣкѣ Сухому Бирючу[1]) еще попадается «дикое поле ковыль и сѣнные покосы», которые охотно занимаются служилыми людьми, испомѣщаемыми въ Симбирскомъ уѣздѣ. Но подобныхъ пространствъ, вѣроятно, было немного, ибо въ это же время служилые люди нерѣдко должны были обращать свое вниманіе на свободныя земли, находившіяся «за валомъ на Крымской сторонѣ», и здѣсь имъ отводились на разныхъ рѣкахъ земли по шестнадцатой главѣ Уложенія: въ сороковой статьѣ этой главы сказано, чтобъ «украинныхъ городовъ дѣтемъ боярскимъ, которые бьютъ челомъ государю въ помѣстье на порозжія земли на дикое поле, давати изъ порозжихъ земель изъ дикихъ поль», въ соотвѣтствіи съ ихъ окладомъ[2]). Въ шестидесятыхъ же годахъ болѣе отважные и предпріимчивые изъ русскихъ крестьянъ заняли за чертою ниже Симбирска обширную полосу земли, примыкавшую къ Волгѣ и отъ мѣстныхъ возвышенностей именовавшуюся Арбугинскою землею. Въ этомъ мѣстѣ р. Волга обиловала рыбою, вслѣдствіе чего еще въ двадцатыхъ годахъ XVII в. здѣсь находились рыбныя ловли Покровскаго монастыря, что въ Нижнихъ Тетюшахъ. Теперь въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьяне основали нѣсколько слободъ, которыя защищены были отъ непріятельскихъ нападеній особою чертою, называвшеюся Арбугинскою; эти слободы приписаны были къ дворцовому вѣдомству, и по книгамъ 1669 г. за мѣстными крестьянами значатся пахотныя земли на правой, нагорной сторонѣ, а сѣнные покосы на лѣвой, луговой сторонѣ Волги[3]). Такая смѣлость

[1]) Сухой Бирючъ—притокъ Свіяги съ лѣвой стороны, ниже Большаго Бирюча.

[2]) Тамъ же; отказ. старыхъ лѣтъ кн. 5, №№ дѣлъ 16, 37 и др. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, глава 16, ст. 40.

[3]) Всѣхъ слободъ въ 1669 году здѣсь было пять: Кременская, Кривушинская, Шиловская, Тушинская и Ключищенская; а въ 1675 году упоминается съ юго-западной стороны объ Арбугинской чертѣ. Арх. Мин. Юст. Казань, отказ. старыхъ лѣтъ съ городами кн. 1-ая, № дѣла 14; кн. 4, № дѣла 101; 1-го отд. Каз. у. грам. за № 6464.

крестьянъ могла побудить нѣкоторыхъ захребетниковъ, жившихъ въ Бѣлоярскомъ городѣ на луговой сторонѣ Волги, составить общину, перейти на правую сторону и поселиться на рѣчкѣ Сенгилѣйкѣ противъ Бѣлаго Яра; въ 1666 году они предложили правительству свою службу здѣсь въ качествѣ *станичныхъ казаковъ*, а правительство распорядилось въ томъ же году подлѣ ихъ поселенія отвести имъ «земли и сѣнные покосы противъ Бѣлаго Яру на нагорной сторонѣ по рѣчкѣ Сенгилѣйкѣ съ вершины и до Волги рѣки». Но едва лишь они успѣли отстроиться на новомъ мѣстѣ, какъ уже въ слѣдующемъ году новый Симбирскій воевода, князь Дашковъ, «перевелъ ихъ съ той земли жить для крѣпости отъ башкирскаго разоренья къ Волгѣ рѣкѣ на городище, промежъ Тушны и Сенгилѣйки»[1]). Отсюда можно видѣть, съ какими опасностями соединялось тогда поселеніе за Симбирскою чертою поблизости даже съ значительнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ, какимъ въ то время былъ городъ Бѣлый Яръ, находившійся только на лѣвой сторонѣ Волги. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка въ мѣстности, примыкавшей къ Симбирску, поселенцы принуждены были занимать уже земли, находившіяся за валомъ,—а въ семидесятомъ году того же столѣтія занятіе свободныхъ земель за валомъ происходитъ и въ другихъ мѣстахъ по чертѣ, западнѣе Симбирска. Такъ, въ этомъ году отведены были земли за валомъ на рѣчкѣ Селдѣ[2]) солдатамъ выборнаго полку Андрюшкѣ Богданову съ товарищи въ числѣ двѣнадцати человѣкъ; въ томъ же году испомѣщены были землею и сѣнными покосами «за валомъ на Крымской сторонѣ вверхъ по Бѣлому Урепю[3]), по обѣ стороны отъ проѣзжіе башни» двадцать четыре солдата выборнаго полку[4]).

[1]) Тамъ же, отказ. старыхъ лѣтъ съ городами кн. 5, № дѣла 100.

[2]) Рѣчка Селдя — притокъ рѣки Свіяги съ лѣвой стороны, впадающій въ нее противъ Симбирска.

[3]) Рѣчка Бѣлый Урень—притокъ р. Суры; низовьями своими она отчасти протекала въ предѣлахъ укрѣпленной черты.

[4]) Арх. Мин. Юст. Отказн. стар. лѣтъ Казань, кн. 5, №№ дѣлъ 1 и 40. Выборнымъ солдатамъ отводилось обыкновенно по 20 четв. въ каждомъ полѣ на человѣка.

Въ то время, какъ русское правительство старалось по возможности заселить свободныя земли новаго Симбирскаго уѣзда служилыми людьми и заселеніе это шло довольно успѣшно, ибо въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія насельники должны были уже занимать свободныя земли за валомъ, на Крымской сторонѣ, не защищенныя укрѣпленною чертою и подвергавшіяся значительнымъ опасностямъ, —въ то время, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ низовьяхъ Дона среди казачества началось движеніе, результаты котораго были не безъ серіознаго значенія для населенія Симбирской черты. Движеніе это вначалѣ было чисто мѣстное, обусловливаемое лишь казачьимъ интересомъ, опредѣляемымъ самими казаками такимъ образомъ: «учала имъ (казакамъ) на Дону быть скудость большая,—на Черное море проходить имъ не мочно, учинены отъ Турскихъ людей крѣпости, и они отбрався охочіе люди пошли на Волгу, и съ Волги на море безъ вѣдома войсковаго атамана Корнила Яковлева; а начальный человѣкъ къ тому дѣлу у нихъ былъ Стенька Разинъ; а пошло де ихъ съ Дону человѣкъ съ 600; да къ нимъ же приставали на Волгѣ и на Яикѣ изъ Астрахани и изъ иныхъ городовъ всякіе вольные люди»[1]). Но, начавшись движеніемъ мѣстнымъ и въ размѣрахъ на Дону обычныхъ, какъ прежде, такъ и послѣ Разина[2]), движеніе охватило собою на

[1]) «Матеріалы для исторіи возмущ. Стеньки Разина». Москва 1857 г. 38 стр.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ 1683 году съ Дону вмѣстѣ съ Донскимъ козакомъ Максимомъ Скалозубомъ съ дозволенія войсковаго атамана отправилось «для зипуна» на Калмыцкіе улусы за Волгу до 2000 человѣкъ; впослѣдствіи къ нему пристали многіе казаки изъ верховыхъ городковъ, такъ что число всѣхъ ихъ достигло 3000 «и въ томъ числѣ были многіе казацкіе бурлаки и запорожскіе хохлачи и иные многіе гулящіе люди». Позднѣе, въ 1693 году, по донесенію Черноярскаго воеводы «въ третьемъ часу дни прибѣжали безвѣстно *съ верху изъ степи* воровскіе люди воинскіе, человѣкъ сотъ съ пять и больше, и къ городу приступали и били о самые надолбы, *и съ тѣми воровскими воинскими людьми бой былъ долгое время*, и съ пушекъ по нихъ велѣлъ стрѣлять съ башенъ; а бой у тѣхъ воинскихъ людей былъ изъ луковъ и пищалей». Ак. Ист. т. V, № 220; Дополн. къ Ак. Ист. т. VIII, № 99.

этотъ разъ довольно скоро все низовое Поволжье до самаго Нижняго Новгорода. Поэтому для насъ имѣетъ значеніе то, почему именно въ настоящее время казачье движеніе не ограничилось по обыкновенію Дономъ, а охватило собою такое огромное пространство и привлекло къ себѣ массу разнообразнаго населенія не только въ низовомъ Поволжьѣ, но и въ сторонѣ отъ него. Къ сожалѣнію, ограниченность найденнаго досихъ поръ матеріала, его отрывочность и нѣкоторое однообразіе[1]) чрезвычайно затрудняютъ раскрытіе внутреннихъ, экономическихъ и соціальныхъ, причинъ даннаго движенія. Для того, чтобы хоть нѣсколько пополнить этотъ пробѣлъ, необходимо обратиться къ явленіямъ общаго характера той эпохи, которыя должны были отражаться и въ мѣстностяхъ Поволжья.

Извѣстно, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе недостатка опредѣленности въ русскомъ законодательствѣ и вслѣдствіе своекорыстія родственниковъ царской жены и людей къ нимъ близкихъ, происходили злоупотребленія, вызвавшія возстаніе народа въ Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ государства. Послѣ подавленія этихъ движеній правительство молодаго царя, сознавая недостатки дѣйствовавшаго законодательства, созвало въ 1648 году соборъ изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, чтобы устранить ихъ съ общею помощью. Результатомъ отчасти этой дѣятельности явилось соборное Уложеніе 1649 года, которое содержитъ въ себѣ нѣкоторыя новыя законоположенія, имѣвшія большія послѣдствія для служилаго и не служилаго сословій на Руси. Къ такимъ законоположеніямъ принадлежатъ, между прочимъ, первая, вторая, девятая и десятая статьи главы одиннадцатой упомянутаго Уложенія, которыми отмѣняются «урочныя лѣта» крестьянскаго перехода съ земель одного владѣльца на земли другаго. До сихъ поръ урочные года могли сдерживать собой нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ въ примѣненіи крайняго произ-

[1]) Въ матеріалахъ, изданныхъ А. Поповымъ въ Москвѣ, очень много мѣста занимаютъ донесенія воеводъ о движеніяхъ на мятежниковъ и сраженіяхъ съ ними.

вола къ личности крестьянина, ибо у него не была отнята еще возможность протеста уходомъ отъ помѣщика; крестьянину необходимо было при этомъ лишь въ продолженіе извѣстнаго времени скрывать свою личность отъ своего бывшаго землевладѣльца; по истеченіи же срочныхъ лѣтъ онъ безъ всякихъ послѣдствій для себя и своей семьи могъ явиться даже по сосѣдству съ прежнимъ мѣстомъ жительства. Вышеупомянутыя статьи одиннадцатой главы Уложенія выгодны были служилымъ людямъ, особенно мелкимъ изъ нихъ, поэтому казались въ интересѣ государства, односторонне понимаемомъ, и чрезвычайно неудобны для крестьянъ, у которыхъ такимъ образомъ отымалась возможность уходомъ избавлять себя и свою семью отъ притѣсненій и вымогательствъ землевладѣльца, злоупотреблявшаго положеніемъ своимъ и правами относительно крестьянъ, жившихъ на его землѣ. Намъ извѣстно между тѣмъ, что около половины XVII вѣка тягости, налагаемыя на крестьянъ нѣкоторыми частными землевладѣльцами въ Поволжьѣ, увеличились въ нѣсколько разъ сравнительно съ прежними[1]). Кромѣ права произвольно увеличивать тягости, лежавшія на крестьянахъ, въ это время, какъ намъ извѣстно изъ словъ современника, «бояре, и думные и ближніе, и всякихъ чиновъ люди, помѣщики и вотчинники, вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлехъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ»; вотчинный же судъ, который землевладѣлецъ

[1]) Такъ, въ имѣніяхъ, пожалованныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ своему бывшему воспитателю Борису Ивановичу Морозову, тягости увеличены были въ нѣсколько разъ. Морозову въ Нижегородскомъ уѣздѣ принадлежали нѣкоторыя богатыя села на самой Волгѣ и въ сторонѣ отъ нея; такъ, въ его владѣніяхъ находились: Лысково, Мурашкино, Покровское-Ногавицыно, Покровское-Вадъ, Бурцово, Сергачъ (нынѣ городъ), Кузьминъ-Усадъ, Уварово и нѣкоторыя другія. Въ Богатомъ Приволжскомъ селѣ Лысковѣ крестьяне, бывши въ числѣ дворцовыхъ вотчинъ, платили всякихъ оброковъ по писцовымъ книгамъ со 126 вытей по 7 руб. 50 коп. съ выти. Морозовъ увеличилъ число вытей въ Лысковѣ на 6, а оброкъ назначенъ былъ въ селѣ по 20 руб. съ выти, а въ приселкахъ и въ деревняхъ по 15 рублей» (1646 г.). Вѣст. Евр. 1871 г. I ч. «Большой Бояринъ» И. Е. Забѣлина 10 и 28 стр.

могъ производить и не самъ лично, а чрезъ своего прикащика, «пользовался правомъ сажать въ тюрьму, въ колоду, въ желѣза, бить батогами и кнутомъ..... даже могъ подвергать подсудимыхъ пыткѣ»[1]). Вслѣдствіе подобныхъ условій, поводовъ къ неудовольствію крестьянъ на землевладѣльцевъ могло въ описываемое время накопиться много, и уходъ по прежнему оставался для нихъ единственною возможностью избавиться отъ притѣсненій землевладѣльца; но теперь этотъ уходъ получаетъ навсегда характеръ преступленія. Уже въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія дворяне и дѣти боярскія сѣверныхъ городовъ и уѣздовъ въ челобитьѣ на имя государя писали, что съ 1654 года, «какъ они пошли на государеву службу, отъ нихъ учали бѣгать люди ихъ и крестьяне, а бѣгая ихъ помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ разоряютъ и домы ихъ пожигаютъ, а иныхъ самихъ и ихъ женъ и дѣтей и людей и крестьянъ до смерти побиваютъ; и бѣгая живутъ въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ»[2]). Вслѣдствіе этого въ Нижегородскій уѣздъ посланъ былъ сыщикъ, которому поручили «посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ и Татаръ и Мордву роспрашивая и сыскивая подлинно, и изъ тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ выбравъ изъ десяти человѣкъ человѣка два, за побѣгъ бить кнутомъ, чтобы впредь имъ и инымъ не повадно было бѣгать; и высылать ихъ за поруками съ женами и съ дѣтьми и съ животы въ прежніе ихъ мѣста и дворы, откуда кто бѣжалъ, и велѣть имъ жить и государево тягло платить: посадскимъ на посадѣ, а Татарамъ, Мордвѣ и Черемисѣ ясакъ по прежнему платить сполна»[3]). Но, по справедливому замѣчанію г. Костомарова, «рѣдкій уживался на мѣстѣ жительства, будучи возвращенъ туда насильно: еслибъ ему было тамъ хорошо, онъ бы и въ первый разъ не бѣгалъ, а теперь, послѣ того какъ его разъ поймаютъ, ему, конечно, станетъ

[1]) Тамъ же стр. 19.
[2]) Доп. А. И. т. IV, № 48.
[3]) Тамъ же.

хуже: на него наложатъ еще больше повинностей за то, что онъ бѣгалъ; онъ опять навостритъ лыжи»[1]). Но на этотъ разъ онъ, по всей вѣроятности, уже не остановится въ Нижнемъ Новгородѣ или его уѣздѣ, а отправится куда-либо подальше,— если не на вольный Донъ, откуда бѣглецовъ не выдавали обыкновенно, то на глубокій сѣверъ, въ Сибирь, или въ украинныя мѣста, гдѣ и воеводы и землевладѣльцы сильно нуждались въ людяхъ и поэтому были мало наклонны исполнять добросовѣстно двадцатую статью одиннадцатой главы Уложенія[2]). Такъ, намъ извѣстно, что по Симбирской чертѣ, въ Саранскомъ уѣздѣ, въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка (1662 г.), по донесенію сыщиковъ, отправленныхъ правительствомъ въ здѣшнія мѣста, «за дворяны и за дѣтьми боярскими живутъ многіе бѣглые люди и крестьяне», и что «Саранскіе помѣщики и вотчинники и всякихъ чиновъ люди многихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ у себя укрываютъ и таятъ, а къ распросу и къ запискѣ къ нимъ (сыщикамъ) на съѣзжей дворъ не приводятъ». Когда же сыщики «для подлиннаго сыску велѣли Саранскихъ помѣщиковъ выслать въ Саранскъ и про бѣглыхъ людей и крестьянъ взять сказки» у нихъ, то «многіе Саранскіе помѣщики и вотчинники въ Саранскъ не ѣдутъ, а которые де и пріѣхали и они про бѣглыхъ и крестьянъ сказокъ не даютъ,— чинятся не послушны». Относительно того, до какой степени переполнены были въ дѣйствительности поселенія на чертѣ бѣглыми людьми въ шестидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія, можетъ свидѣтельствовать деревня Александрова Саранскаго уѣзда, принадлежавшая князю Андрею Болховскому: въ ней, по розыску сыщика, жили восемнадцать бѣглыхъ семей

[1]) Историч. монограф. и изслѣдов. Н. Костомарова т. II, «Бунтъ Стеньки Разина, 235 с.

[2]) Землевладѣлецъ, по этой статьѣ, обязанъ былъ людей, которые пожелаютъ «за нимъ жити въ крестьянѣхъ или въ бобылѣхъ», подробно распрашивать, требовать у нихъ отпускные и «приводити ихъ того же году къ запискѣ» въ Казань, Москву или другой подобный городъ. Улож. гл. XI, ст. 20.

крестьянскихъ, которыхъ всѣхъ «принялъ во крестьяне князь Андрей Болховской». Кромѣ крестьянъ, по чертѣ попадались бѣглые въ лицѣ стрѣльцовъ, казаковъ и посадскихъ людей, которые здѣсь селились, поступали на службу, отправляя ее въ городахъ и уѣздахъ [1]). Правительство же Московское вмѣсто того, чтобъ заняться на мѣстахъ изслѣдованіемъ условій, большей частью тяжелыхъ и ненормальныхъ, въ которыя здѣсь поставлена была жизнь стрѣльца, казака, посадскаго человѣка и крестьянина, постараться урегулировать ихъ жизнь здѣсь болѣе нормальнымъ образомъ, чтобъ люди не бѣжали съ своей родины,—разсылало сыщиковъ, которымъ на мѣстахъ ихъ дѣятельности должны были давать стрѣльцовъ и воинскихъ людей съ затинными пищалями, а тѣ брали бѣглыхъ, наказывали ихъ и водворяли на старыхъ мѣстахъ; и въ Москвѣ наивно полагали, что, дѣйствуя такимъ образомъ, серіозно устраняется зло бѣгства людей цѣлыми массами съ родныхъ, насиженныхъ мѣстъ.

Если въ описываемое время тяжело приходилось русскому человѣку въ низшихъ слояхъ служилаго и неслужилаго сословій, то инородческому населенію при тѣхъ же условіяхъ приходилось еще тяжелѣе. Разность языка и вѣры ставила инородца въ особое положеніе въ глазахъ, быть можетъ, не однихъ воеводъ, но и вообще русскаго народа. Вслѣдствіе этого воеводы и другіе служилые люди въ своихъ вымогательствахъ и насиліяхъ относительно инородцевъ еще менѣе стѣснялись, чѣмъ по отношенію къ русскому православному населенію. И на самомъ дѣлѣ, извѣстно, напримѣръ, что сборъ ямскихъ денегъ до такой степени разорилъ Мордву Нижегородскаго уѣзда, что въ 1639 году все племя Терюханъ и значительная часть Ердзянъ, обитавшихъ около Арзамаса, не дождавшись лѣтомъ уборки хлѣба, покинули свои деревни и поля, забрали съ собою скотъ, домашнюю рухлядь и разсыпались по дремучимъ

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Столбцы. Городъ Казань. Царствованіе Алексѣя Михайловича № 22, 562. Донесенія сыщика Ивана Бутурлина и подъячаго Ивана Протопопова въ 1662 г. изъ города Симбирска.

лѣсамъ Муромскимъ и Саливарскимъ; нѣкоторые изъ нихъ стали уходить внизъ по Волгѣ и населяли въ Низовьѣ пустыя земли монастырей и лицъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. По словамъ изслѣдователя, «чрезъ все XVII-ое столѣтіе продолжаются стѣсненія Мордвы, то и дѣло заставлявшія ее бѣгать изъ мѣстъ своего жительства; къ тяжкимъ податямъ, къ налогамъ, къ обидамъ воеводскимъ и разныхъ другихъ служилыхъ людей, со временъ патріарха Никона присоединились еще новыя бѣды для Мордвы—насильственное обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру»[1]). Отношенія служилыхъ людей къ другимъ инородцамъ были врядъ ли лучше, нежели къ Мордвѣ; лишь подобными отношеніями въ продолженіе цѣлаго ряда поколѣній можетъ обусловливаться приниженность и забитость Черемисъ въ наше время, равно страхъ Чувашъ предъ волостнымъ писаремъ, какъ лицемъ начальственнымъ въ его глазахъ[2]). О воеводахъ въ русскихъ городахъ, особенно въ окраинныхъ, ихъ злоупотребленіяхъ и произволѣ относительно подвѣдомственнаго населенія и подчиненныхъ имъ служилыхъ людей въ описываемое время, мы не считаемъ необходимымъ говорить, какъ объ явленіяхъ, извѣстныхъ въ русской жизни, обусловливавшихся отчасти патріархальностью понятія «кормиться».

Такимъ образомъ, матеріала для недовольства и озлобленія въ низшихъ слояхъ русскаго общества къ шестидесятымъ годамъ XVII столѣтія въ общемъ могло накопиться много. Особенно недовольные люди должны были сосредоточиться въ Поволжской окраинѣ, куда по преимуществу стремились трудовые

---

[1]) Русск. Вѣст. 1867 год. ч. VI, «Очерки Мордвы» П. Мельникова. Авторъ при составленіи этихъ очерковъ пользовался между прочимъ матеріалами изъ монастырскихъ и уѣздныхъ архивовъ, на которые иногда ссылается.

[2]) Матер. Эт. Россіи Каз. губ. Полков. Ритиха 145—146. Инород Каз. губ. Сбоева с. 16. Сбоевъ приводитъ въ примѣръ слова, сказанныя на рынкѣ пріѣзжимъ Чувашениномъ попадьѣ, обратившейся къ нему со словами: «Побойся Бога»,—онъ ей отвѣчалъ: «Богъ не писарь, чтобъ его бояться».

и гулящіе люди изъ внутренней полосы Россіи, потому что и тѣ и другіе находили здѣсь обширное приложеніе для своихъ инстиктовъ и силъ; естественныхъ богатствъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, рѣкахъ и въ низовой почвѣ было много, въ рабочихъ людяхъ сильно нуждались, и поэтому бѣглыхъ, какъ мы видѣли, здѣсь охотно принимали и старались всячески укрыть ихъ отъ сыщиковъ[1]). Кромѣ множества бѣглыхъ, имѣвшихъ причины быть недовольными нѣкоторыми отношеніями на родинѣ, покинувшихъ ее съ чувствомъ горечи и поселившихся подлѣ Симбирской черты,—остальное населеніе здѣсь носило большей частью сбродный характеръ: его, какъ мы знаемъ, вербовали изъ разныхъ городовъ и мѣстъ и водворяли по чертѣ и около нея въ слободахъ, селахъ и деревняхъ; иногда между поселенцами на чертѣ встрѣчаемся даже съ дворами людей, которые, кажется, были сосланы сюда за преступленія[2]). Стрѣльцы и казаки, водворенные въ городкахъ и острожкахъ по Закамской и Симбирской чертамъ, брались группами изъ разныхъ мѣстъ, а въ этихъ мѣстахъ они вербовались большей частью изъ гулящихъ и охочихъ людей, отовсюду приходившихъ, что и отражается нерѣдко въ ихъ прозвищахъ, свидѣтельствующихъ наглядно о сбродномъ характерѣ низшаго служилаго сословія въ здѣшнихъ мѣстахъ. Вѣроятно, вслѣдствіе необходимости воеводамъ на чертѣ «недостающее число служилыхъ людей... прибирать вновь изъ людей вольныхъ, «которые (какъ говорится въ актахъ) *ни въ какихъ службахъ не бывали и въ тяглѣ ни за кѣмъ не бывали*»[3]), что на окраинѣ сдѣлать было труднѣе,

---

[1]) Такъ, въ Саранскомъ уѣздѣ крестьянинъ князя Андрея Болховскаго, кажется, нѣчто въ родѣ прикащика его, говорилъ сыщику: «а изъ двора во дворъ въ иные жилые дворы переводилъ онъ Ивашка бѣглыхъ крестьянъ по князь Андрееву приказу». Арх. Мин. Юст. Столбцы. Городъ Казань, № 22, 562.

[2]) Такъ, на Закамской чертѣ подлѣ Бѣлаго Яра встрѣчаемъ около десяти дворовъ ссыльныхъ людей, преимущественно изъ Поволжскихъ городовъ. Арх. Мин. Юст. III ее отд. кн. 41, лл. 1—5.

[3]) Арх. Ист. Юрид. свѣд. Н. Калачева, книги второй половина первая. «Инсаръ и еге уѣздъ», ст. Н. Калачова. 73 е.

чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, въ среду стрѣльцовъ и казаковъ здѣсь попадаютъ не только бѣглые крестьяне, стрѣльцы и казаки, но также и ссыльные люди[1]). Въ заключеніе, быть можетъ, будетъ не лишнимъ указать и на особенность въ характерѣ русскаго человѣка, которая отмѣчена наблюдательнымъ иностранцемъ нынѣшняго столѣтія, посѣтившимъ наше отечество; онъ утверждаетъ, что будтобы «въ народномъ характерѣ русскихъ лежитъ извѣстная легкость и подвижность... они любятъ рискъ», далѣе этотъ же путешественникъ говоритъ, что у русскаго человѣка замѣтно «мало преданности своему сословію и ремеслу»[2]).

При такихъ условіяю въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія (1667 г.) на Дону началось казачье движеніе, перешедшее вскорѣ на Волгу; здѣсь, въ низовьяхъ Волги, не было недостатка въ элементахъ, благопріятствовавшихъ быстрому увеличенію сподвижниковъ Разина. Эти послѣдніе являлись къ нему десятками изъ среды рабочихъ, плывшихъ по Волгѣ на судахъ и стругахъ, разбиваемыхъ Разинымъ, изъ ссыльныхъ, отправляемыхъ на судахъ въ низовые города и расковываемыхъ спутниками Разина по его приказанію,—наконецъ, изъ самихъ стрѣльцовъ, которые переходили къ нему и предъ битвою, и во время ея, и послѣ нея, смотря по обстоятельствамъ[3]). По

[1]) Такъ, въ городѣ Бѣломъ Ярѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ между стрѣльцами 2 раза попадается «дворъ стрѣлецъ, ссыльной человѣкъ». Арх. Мин. Юст. III отд. кн. 41, л. 1 съ оборотомъ.

[2]) Haxthausen. «Studien über die Inneren Zustände.. Russlands» I. B., 64 p., III. B., 147 p.

[3]) Въ 1667 году на Волгѣ, ниже Саратова, Разинымъ былъ разграбленъ большой караванъ. «А которые ссыльные люди посланы были въ Астрахань, и тѣхъ людей тѣ казаки расковали»; послѣ этого къ нему прибыло, «по его (Разана) подговору», 16 человѣкъ Ярыжныхъ, т. е. (по Костомарову) рабочихъ. Въ томъ же году къ нему «изъ Астраханскихъ стрѣльцовъ пристало воровать три струга». Въ слѣдующемъ году послѣ сраженія Разина съ Яковымъ Безобразовымъ, высланнымъ противъ него воеводою изъ Астрахани, оказалось прапавшими безъ вѣсти и перешедшими къ Стенькѣ 44 человѣка. Въ томъ же году, по донесенію воеводы изъ Астрахани, къ Разину пристали «съ насадовъ и струговъ гулящихъ и всякихъ работныхъ людей своею охотою человѣкъ съ 300». Матер. для истор. возмущ. Стеньки Разана. 22—29 сс.

этому поводу не можемъ не привести мѣткой характеристики стрѣльца, сдѣланной мастерскою рукою покойнаго С. М. Соловьева, который говоритъ, что «самое сильное обаяніе казацкій духъ производилъ, разумѣется, на стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ же слоевъ общества, какъ и казакъ, онъ человѣкъ военный, привыкъ владѣть оружіемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полуказакъ, и легко понять, какъ при первой встрѣчѣ съ настоящимъ вольнымъ казакомъ, при первой возможности повоевать на себя, т. е. пограбить, добытъ зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ казакамъ»[1]). Совершивши удачный походъ на Персію Каспійскимъ моремъ, Разинъ вмѣстѣ съ сподвижниками своими съ богатою добычею возвратился къ устью Волги; здѣсь онъ выказалъ готовность принести повинную въ Астрахани и выдать оружіе, чтобъ его съ товарищами простили и пропустили на Донъ. Дѣйствительно, часть оружія вмѣстѣ съ небольшою частью имущества, большей частью изъ награбленнаго у русскихъ купцовъ, Разинъ возвратилъ. Потребовать отъ Разина, чтобъ онъ выдалъ все оружіе и награбленное теперь же, Астраханскій воевода, по его словамъ, нерѣшился, «потому что ихъ (казаковъ съ Разинымъ) было многолюдно въ Астрахани, береженья къ нимъ держать было некѣмъ.... астраханскихъ служилыхъ людей малолюдно, и тѣ шатки и къ воровству склонны»[2]). Вслѣдствіе этого Астраханскій воевода рѣшился поскорѣй спровадить этихъ гостей въ Царицынъ, чтобъ оттуда они могли перейти на Донъ. Прибывши въ Царицынъ, «Стенька Разинъ съ товарищи», по донесенію мѣстнаго воеводы въ Москву, «всякое озорничество чинили, вѣдая на Царицынѣ малолюдство», т. е., попросту, Разинъ съ сподвижниками своими дѣлалъ въ Царицынѣ все, что хотѣлъ, не только относительно простыхъ людей въ городѣ, но и по отношенію къ Царицынскому воеводѣ. Когда же наконецъ Разинъ вмѣстѣ съ своими товари-

[1]) Ист. Россіи С. Соловьева, т. XI. 361 с.

[2]) Матер. для ист. возмущ, Стеньки Разина, 47.

щами казаками, съ богатою добычею и оружіемъ явился на Дону, то его торжество здѣсь было полное; голоса его противниковъ, которыхъ не мало было среди домовитыхъ казаковъ, должны были теперь смолкнуть. На Дону Разинъ пробылъ съ осени 1670-го года до весны того же года[1]). Слѣдуетъ отдать справедливость Царицынскому воеводѣ, — онъ не терялъ изъ вида Разина, а наблюдалъ за нимъ и въ декабрѣ того же года между прочимъ сообщалъ въ Москву слѣдующее: «Донскіе казаки Стенькѣ Разину съ товарищи рады, что они пришли на Донъ и называютъ его Стеньку отцомъ, и изо всѣхъ донскихъ и хоперскихъ городковъ казаки, которые голутвенные люди, и съ Волги гулящіе люди къ нему Стенькѣ идутъ многіе... да сказывали ему (воеводѣ)... *что на весну отъ казаковъ безъ воровства, конечно, не будетъ, потому что на Дону стало гораздо много, а кормится имъ нечѣмъ*, никакихъ добычь не стало, и онъ (Царицынскій воевода) живетъ съ великимъ опасеньемъ»[2]). Напрасно Царицынскій воевода писалъ въ Казанскій приказъ и предупреждалъ заранѣе о серіозной опасности, грозившей низовому Поволжью отъ «Разина съ товарищи», которыхъ число на Дону дѣйствительно сильно увеличилось. По всей вѣроятности, въ Москвѣ опасенія воеводы сочли преувеличенными и не особенно спѣшили помощью ему. Лишь весною со вскрытіемъ рѣкъ отправлена была тысяча стрѣльцовъ, направившаяся Волгою на судахъ къ Царицыну. Но Разинъ прежде, чѣмъ стрѣльцы достигли Царицына, успѣлъ перебраться съ Дона на Волгу и, благодаря сочувствію Царицынскаго населенія къ нему, овладѣлъ этимъ важнымъ городомъ. Послѣ этого съ шайкою, возросшею до пяти тысячъ сподвижниковъ, онъ напалъ на плывущихъ стрѣльцовъ съ луговой и нагорной стороны, поразилъ ихъ и въ соединеніи съ Царицынцами и вновь прибывшими сподвижниками въ числѣ десяти

[1]) Годъ въ то время на Руси считался съ сентября мѣсяца, а не съ января.

[2]) Матер. 48—50 сс.

тысятъ направился на Черный Яръ[1]), овладѣлъ этимъ послѣднимъ и пошелъ на Астрахань. При сочувствіи къ Разину Астраханскихъ стрѣльцовъ и большей части населенія, онъ безъ большихъ потерь успѣлъ завладѣть и этимъ значительнымъ городомъ Московскаго государства. Во всѣхъ городахъ, которыми Разинъ овладѣвалъ, правительственные воеводы умерщвлялись и вводилось устройство казачье съ атаманомъ во главѣ вмѣсто воеводы. Пробывши нѣкоторое время въ Астрахани, Стенька въ іюлѣ отправился на двухъ стахъ судахъ вверхъ по Волгѣ, а волжскимъ берегомъ въ то же время двигалась его конница. Съ самаго начала похода Разинъ объявлялъ, что онъ идетъ къ Москвѣ противъ бояръ и воеводъ за государя; впослѣдствіи казаки, приближенные къ Разину, говорили, что у него находится старшій сынъ царя Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй (незадолго предъ этимъ умершій), будто бы бѣжавшій изъ Москвы къ казакамъ; «и какъ де Нижній возьмемъ», говорили эти казаки, «и въ то де число увидятъ царевича всѣ крестьяне»[2]). Сказывали также, будто въ Разинскомъ стану находился и патріархъ Никонъ, изгнанный боярами изъ Москвы[3]).

Саратовъ сдался Разину безъ сопротивленія[4]). Въ Самарѣ казачья партія сперва встрѣтила было нѣкоторое противодѣй-

[1]) Черный Яръ въ то время былъ острогъ между Царицынымъ и Астраханью съ жившими въ немъ служилыми людьми. Говорятъ, поводомъ къ основанію его послужило ограбленіе въ 1621 году около этого мѣста каравана. Построенъ былъ острогъ въ 1627 году воеводами Андреемъ Глуховымъ и Матвѣемъ Львовымъ, присланными изъ Москвы. Главное назначеніе Чернаго Яра состояло въ огражденіи каравановъ отъ нападеній на нихъ со стороны казаковъ и кочевниковъ. Въ актахъ Черный Яръ упоминается нерѣдко въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія. Монографіи Костомарова II, 210 с. Город. пос. Рос. имп. 1, 93 с. Доп. А. И. III, № 126,

[2]) Матер., отн. къ бунту Разина. 5—7, 15, 123, 250—251 сс.

[3]) Монографіи Н. Костомарова II, 313 с. Ист. Рос. С. Соловьева XI, 377 с.

[4]) Въ то время Саратовъ находился не на лѣвой сторонѣ, какъ во время его построенія («Поволжье въ XV и XVI вв.» 320 с.), а на правой, и нѣсколько ниже прежняго мѣста. Время перенесенія Саратова съ лѣваго берега на правый не можетъ быть точно опредѣлено. Мѣстное преданіе утвер-

ствіе въ горожанахъ, но появленіе Разина подъ городомъ дало перевѣсъ его приверженцамъ, и Самара также очутилась въ его распоряженіи. Съ воеводами въ этихъ городахъ Разинъ поступалъ по прежнему, и на ихъ мѣста водворены были атаманы, избранные вольными голосами[1]). Съ присоединеніемъ каждаго новаго города число спутниковъ Разина, его войска, увеличивалось обыкновенно новыми приверженцами, присоединявшимися къ нему, когда онъ двигался дальше[2]). Въ началѣ сентября новаго года (4-го сентября 1671 г.) Разинъ стоялъ уже подъ Симбирскомъ. Здѣсь на первыхъ порахъ ему посчастливилось овладѣть острогомъ и отбить князя Юрія Борятинскаго, пришедшаго съ небольшимъ войскомъ на помощь къ Симбирску, но овладѣть внутреннимъ укрѣпленіемъ города, кремлемъ, въ которомъ засѣлъ Симбирскій воевода Иванъ Милославскій съ

ждаетъ, что городъ Саратовъ «оставался на мѣстѣ своего первоначальнаго основанія лишь 13 лѣтъ. Нахлынувшіе ордынцы разорили его до основанія въ началѣ XVII столѣтія». Дѣйствительно, въ одномъ актѣ, относящемся къ началу царствованія Михаила Ѳеодоровича, говорится стрѣлецкимъ головамъ слѣдующее: «и вы съ Самары отпущены подъ Астрахань на спѣхъ, днемъ и ночью, и вы поѣхали отъ Самары *до Саратовскаго городища . . . . заѣзжали есте на Саратовское городище* и копали ямы и искали поклажевъ (кладовъ), *а отъ городища заѣзжали къ Саратову близко десять верстъ* и прислали колокола; а мы васъ послали подъ Астрахань на спѣхъ, а не ямъ копать и не поклажевъ искать и не для колоколовъ» («О Саратов. краѣ» Леопольдова, 32 стр. А. И. т. III, № 273). Обладая такимъ яснымъ свидѣтельствомъ нашихъ актовъ, мы не можемъ не отвергнуть свидѣтельство Олеарія, говорящаго, что Саратовъ въ его время находился на лѣвой сторонѣ Волги («Путеш.» Олеарія 434 стр.) Эти же данныя привели къ подобному же результату и другихъ изслѣдователей до насъ. См. Город. посел. Рос. им. IV, 406. Мнѣніе г. Костомарова, высказанное объ этомъ вопросѣ въ Памятн. кн. Сарат. губ. 1858 г. въ подобномъ же направленіи, намъ не удалось до сихъ поръ прочесть, ибо этой памятн. кн. мы не могли отыскать въ 1876 году въ іюлѣ мѣсяцѣ даже въ библіотекѣ Саратовскаго статист. комит., издавшаго её.

[1]) Сборникъ кн. Хилкова. 1879 г. № 87.

[2]) О скопищѣ Разинскомъ подъ Симбирскомъ говорится слѣдующее: «и воръ Стенька Разинъ собрався съ ворами Донскими казаками и съ Астраханскими и съ Царицынскими и Саратовскими и съ Самарскими ворами, и съ измѣнниками Синбирскими и по чертѣ изо всѣхъ городовъ съ ворами и разныхъ городовъ съ Татары и съ Чювашею и съ Черемисою и съ Мордвою». Матер. 63 стр.

стрѣльцами и солдатами, Разину не удалось, такъ что онъ долженъ былъ приступить къ осадѣ главнаго укрѣпленія города Симбирска[1]). Успѣшнѣе дѣйствовали Донскіе казаки и приверженцы Разина между населеніемъ и служилыми людьми на Симбирской и Закамской чертахъ. Мы знаемъ, что составъ населенія на укрѣпленныхъ линіяхъ и служилыхъ людей въ здѣшнихъ городахъ и острожкахъ былъ сбродный, и населеніе, не соединенное въ прошломъ между собой внутренними связями, не могло за этотъ промежутокъ времени осѣсть прочно на мѣстѣ своего новаго поселенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить значительный контингентъ всякого рода бѣглыхъ — изъ крестьянъ, стрѣльцовъ, казаковъ и солдатъ, постоянно опасавшихся, что откроется ихъ инкогнито, имъ испишутъ спины кнутомъ и вышлютъ на мѣсто прежняго жительства; приходъ Разина представлялъ имъ удобный выходъ изъ затруднительнаго положенія: они получили возможность стать руководителями и обнаружить свои силы и военный опытъ, который иные изъ нихъ могли пріобрѣсти, отправляя въ томъ или другомъ мѣстѣ обязанности стрѣльца или солдата. Вслѣдствіе подобныхъ условій мѣста, ближайшія къ Волгѣ, въ Закамской укрѣпленной линіи (Бѣлый Яръ и Ерыклинскъ) и вся Симбирская черта были скоро охвачены казачьимъ движеніемъ и открыто приняли сторону Разина.

Какъ на Симбирской чертѣ, такъ и въ ближайшихъ къ ней уѣздахъ: Тетюшскомъ, Свіяжскомъ, Цывильскомъ и другихъ, жило много инородцевъ изъ татаръ, Чувашъ, Черемисъ и Мордвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по чертѣ, какъ мы видѣли, со времени проведенія ея водворены были въ разныхъ мѣстахъ инородцы въ качествѣ служилыхъ людей; такъ, кромѣ прежде упомянутыхъ, въ 1652 году было «отдѣлено Корсунской черты города Малаго Корсунова служилымъ коннымъ татаромъ деревни Ногаевы Иряшкѣ Тергулову съ товарыщи и съ тѣми, которые впредь будутъ прибраны, на пятьдесятъ чело-

---

[1]) Истор. Рос. С. Соловьева т. XI, 375 с. «Монографіи» Костомарова II, 311 с.

вѣкъ.... къ прежней отдѣльной ихъ землѣ, которая отдѣлена имъ татаромъ въ среднемъ полѣ на рѣчкѣ Сухомъ Корсуновѣ, гдѣ они построились слободою»[1]). Раньше мы упоминали о ненормальныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между инородцами и представителями русскаго государства въ мѣстахъ ихъ жительства; отъ подобныхъ отношеній въ сердцѣ инородцевъ должно было накопиться много неудовольствія противъ государства, представляемаго такими служилыми людьми. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что у нѣкоторыхъ инородцевъ, какъ напримѣръ, у Черемисъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія еще тлѣлись прежніе разбойническіе инстикты, которые и разгорѣлись при благопріятныхъ обстоятельствахъ со всею энергіею[2]).

Вмѣстѣ съ осадою Симбирска укрѣпленная Симбирская черта съ острогами по ней и городами стала главнымъ мѣстомъ для военныхъ операцій Разина и его приверженцевъ, которые разсѣялись не только по чертѣ, но и выше ея, всюду пользуясь накопившимся неудовольствіемъ въ низшихъ слояхъ[3]), возбуждая населеніе противъ правительственныхъ людей, представлявшихъ собой власть. Лишь въ немногихъ мѣстахъ воеводы и приказные люди были населеніемъ «одобрены», вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ по ходатайству населенія предъ приверженцами Разина успѣли сохранить свою жизнь; огромное же большинство воеводъ, «облихованное» населеніемъ, умерщ-

---

[1]) Отведено было имъ «по 20 чет. человѣку въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣнныхъ покосовъ въ трехъ поляхъ по 86 коп. человѣку .... а отдѣлена та земля имъ татарамъ изъ поля, что была земля деревни Сухова Корсунова Мордвы». Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. старыхъ лѣтъ, кн. 6, № дѣла 18.

[2]) Матер. 148 с.

[3]) Въ возстаніяхъ иногда принимали дѣятельное участіе священники и посадскіе люди; такъ, въ Кузьмодемьянскѣ «у воровскихъ людей былъ старшиною Кузьмодемьянской посацкой человѣкъ Ивашко Шустъ и Кузьмодемьянскіе соборные церкви попъ Михайло Ѳедоровъ, который съ тѣми воровскими людьми воровалъ за одно и былъ противъ великаго государя ратныхъ людей на бою.» Тамъ же 69, 76 и др. стр.

влялось немедленно, если только они не спѣшили заблаговременно уйти со своихъ мѣстъ, зная нерасположеніе къ себѣ народа и подчиненныхъ служилыхъ людей. Кромѣ сильнаго нерасположенія населенія и низшаго служилаго люда къ начальственнымъ лицамъ, приверженцамъ Разина не трудно было овладѣвать городками и острогами еще вслѣдствіе ихъ малолюдства и большей частью плохаго состоянія въ нихъ вооруженія[1]). Во главѣ возставшихъ, ихъ руководителями въ бояхъ по естественному порядку вещей являются люди, нѣсколько уже знакомые съ военнымъ дѣломъ,—Донскіе казаки, бѣглые солдаты и изрѣдка стрѣльцы; иниціаторами движенія тоже перѣдко выступаютъ казаки и бѣглые солдаты[2]). Быть можетъ, отчасти вслѣдствіе преобладанія инородческаго населенія на Симбирской чертѣ и въ иныхъ мѣстахъ низоваго Поволжья здѣсь среди возставшихъ съ самаго начала бросается въ глаза сильное численное превосходство инородческаго элемента надъ русскимъ, съ тѣмъ ограниченіемъ впрочемъ, что болѣе зажиточные изъ инородцевъ примыкаютъ крѣпко къ русскому правительству и не принимаютъ участія въ возстаніяхъ[3]).

---

[1]) Тамъ же сс. 126, 148, 158.

[2]) Руководящее значеніе казаковъ и бѣглыхъ солдатъ между прочимъ можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ. Воевода Урусовъ доноситъ, что по Симбирской чертѣ «всему воровству заводчики Уренскіе казаки» т. е. казаки изъ пригорода Уреня, что на Симбирской чертѣ. Воевода Милославскій послѣ снятія осады съ города Симбирска пишетъ: «собрався Симбирской и Корсунской черты изъ пригородковъ, изъ слободъ и изъ деревень многіе воровскіе люди и казаки и крестьяне, Татаровя и Чюваша и Мордва тысячь съ шесть, да съ ними воровскихъ казаковъ 20 челов.». Въ ноябрѣ 1671 года воевода Хлоповъ пишетъ изъ Касимова, что въ ближайшихъ городахъ (т. е. въ Верхнемъ Ломовѣ, Кадомѣ, Темниковѣ и др.) бунтуютъ и на всякое зло научаютъ. . . . выборныхъ полковъ Агѣя Шепелева да Матѳѣя Кравкова солдаты, которые сбѣжали изъ полковъ въ домы свои». Тамъ же сс. 66, 67, 170; смотри также 133 и 135 сс.

[3]) При движеніи князя Юрія Борятинскаго къ Симбирску для выручки города отъ Разина, онъ на пути долженъ былъ въ разныхъ мѣстахъ выдержать четыре сраженія съ шайками мятежниковъ; каждая шайка, по его донесенію, была въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Объ этихъ шайкахъ говорится

Воевода Милославскій, задержавши Разина подъ Симбирскомъ, далъ возможность князю Юрію Борятинскому собраться въ Казани съ новыми силами и вторично двинуться къ Симбирску, который былъ уже въ большой крайности. Послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ сраженій съ шайками возставшихъ, Борятинскій съ войсками, главную часть которыхъ составляли полки солдатъ, обученныхъ новому строю, въ концѣ сентября вступилъ подъ Симбирскомъ въ битву съ скопищемъ самого Разина. Сраженіе, по словамъ воеводы, было упорное: «люди въ людѣхъ мѣшались, и стрѣльба на обѣ стороны была въ притинъ», ибо противники сошлись на чрезвычайно близкое разстояніе. Разинъ былъ разбитъ и ушелъ со своими казаками, покинувъ у Симбирска своихъ приверженцевъ. Послѣ этой побѣды часть городовъ и острожковъ вмѣстѣ съ населеніемъ по Симбирской и Закамской чертамъ, по донесенію Симбирскаго воеводы, «добили челомъ государю и вины свои принесли». Но, не смотря на отсутствіе главы въ возстаніи, оно держалось въ разныхъ мѣстахъ низоваго Поволжья еще долгое время, вызывая мѣстами со стороны правительственныхъ воеводъ

такъ: «собрався воры казаки и татаровя, и Чуваша, и Черемиса и Мордва». Когда бунтъ охватилъ собою Свіяжскій, Цывильскій и другіе Поволжскіе уѣзды, то о бунтовщикахъ въ донесеніи воеводъ говорится между прочимъ: «нагорные стороны *Черемиса вся* воруетъ съ воровскими казаками». При казни бунтовщиковъ тоже можно замѣтить преобладаніе въ бунтѣ инородцевъ; такъ, воевода, дѣйствовавшій въ Цывильскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ, доноситъ въ Москву: «на тѣхъ двух бояхъ взялъ языковъ 20 человѣкъ, и изъ тѣхъ взятыхъ языковъ велѣлъ я, холопъ твой, повѣсить пущихъ воровъ и заводчиковъ двух человѣкъ русскихъ людей, да Чюваши 10 человѣкъ». Объ отношеніи зажиточныхъ инородцевъ къ русскимъ въ это время можетъ свидѣтельствовать челобитная трехъ ясачныхъ Чювашъ Цывильскаго уѣзда, пересланная ими въ Москву чрезъ воеводу, въ которой они говорятъ, что были вѣрны въ бунтѣ русскому правительству и доносили ему, когда должны были прійти къ Цывильску воровскіе люди, за что «воровскіе татары и Чуваши хотѣли до смерти убить ихъ»; при этомъ пишется въ грамотѣ, что воровскіе люди у одного изъ челобитчиковъ взяли «на триста рублевъ (вещей?) да денегъ 85», у отца другаго «на 505 руб. да 240 руб. денегъ», у третьяго «на 100 руб. да денегъ 50 руб.». Тамъ же 62—63, 73, 79, 80, 83, 124 сс.

жестокія мѣры противъ населенія, принимавшаго большей частью сильное участіе въ разинскомъ движеніи[1]). Стрѣльцамъ и казакамъ, жившимъ въ городкахъ и острожкахъ по Симбирской чертѣ, не взирая на видимое ихъ раскаяніе и подчиненіе правительству, воеводы не довѣряли вполнѣ и держали ихъ въ полкахъ у себя, «для того, по коихъ мѣстъ укрѣпятся»[2]). Самара и Саратовъ не впустили къ себѣ бѣжавшаго изъ подъ Симбирска Разина и стали снова правительственными городами. Послѣ взятія и казни Разина (апрѣль 1671 года) спокойствіе было постепенно возстановлено всюду правительственными воеводами.

Схваченный на Дону, Разинъ казненъ былъ въ Москвѣ; движеніе въ Поволжьѣ и по Симбирской чертѣ было въ продолженіе года успокоено; но тяжелыя экономическія слѣдствія разинскаго движенія давали чувствовать себя мѣстному населенію и послѣ наступленія спокойствія въ здѣшнихъ мѣстахъ, не взирая на природныя богатства страны. Впрочемъ оно и быть не могло иначе, потому что большинство населенія въ здѣшнемъ краѣ съ той или другой стороны, т. е., за правительство или же за Разина, принимало дѣятельное участіе въ этомъ движеніи, вслѣдствіе чего и должно было поплатиться лично и имущественно, ибо не только Разинцы, но и приверженцы правительства старались дѣйствовать чувствомъ страха на своихъ противниковъ, неостанавливаясь ни предъ чѣмъ въ этомъ направленіи. Само правительство вскорѣ послѣ побѣды князя Юрія Борятинскаго надъ Стенькою Разинымъ говоритъ по этому случаю о дѣйствіяхъ своихъ воеводъ въ выраженіяхъ хотя и общихъ, но едвали допускающихъ сомнѣніе; оно свидѣтельствуетъ, что воеводы «тѣхъ, которые, обольстясь, къ воровству ихъ (т. е. Разинцевъ) пристали въ городѣхъ, что по чертѣ,... *многихъ побили и разорили безъ остатку*»[3]).

[1]) Тамъ же 79 с.

[2]) Тамъ же 71 с.

[3]) Сборникъ кн. Хилкова 1879 г. № 87; грам. 1671 г. 12-го октября. Въ томъ же году въ ноябрѣ князь Даніилъ Борятинскій, братъ побѣдителя Разина, извѣщалъ царя изъ Кузьмодемьянскаго уѣзда, что онъ въ Кузьмо-

Нѣкоторые изъ служилыхъ людей Симбирской черты, у которыхъ съ самаго начала, по ихъ словамъ, было «пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ скудно», до разинскаго движенія еще несли свои обязанности, не жалуясь на свою скудость; теперь же казачій пятидесятникъ Арской слободы вмѣстѣ съ пятидесятью товарищами жалуется государю, что они «безъ пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ оскудали», и просятъ, чтобъ царь въ прибавку къ ихъ прежнимъ землямъ и сѣннымъ покосамъ «велѣлъ имъ, для ихъ скудости, отвести на пашню земли и сѣнныхъ покосовъ *за валомъ*, на Крымской сторонѣ, вверхъ по Студеному ключу»[1]). Послѣ наступленія въ здѣшней сторонѣ спокойствія началось усиленное испомѣщеніе въ ней служилыхъ людей, которые приходили въ Симбирскъ отовсюду изъ Россіи. Большей частью въ отказныхъ грамотахъ говорится, что такой-то служилый человѣкъ, на основаніи 40-й статьи 16-ой главы Уложенія, «поверстанъ на Москвѣ въ приказѣ Казанскаго дворца.... великаго государя жалованья окладъ ему учиненъ (такой-то) и по указу велѣно его написать въ помѣстномъ и въ денежномъ окладѣ въ Симбирскую десятню въ служилый списокъ». Такой служилый человѣкъ, или же иногда цѣлая группа ихъ приходила въ Симбирскій уѣздъ и здѣсь сама разыскивала «за валомъ на Крымской сторонѣ порозжую землю, дикое поле, которое въ помѣстье и на оброкъ никому не отдано»; послѣ этого переселенцы обращались къ Симбирскому воеводѣ съ просьбою назначить «отказщика», который бы имъ отвелъ землю, найденную ими, съ угодьями. Воевода выбиралъ кого-либо изъ мѣстныхъ служилыхъ людей («Синбиренина»), котораго, нерѣдко вмѣстѣ съ подъячимъ, отправлялъ въ тѣ

демьянскѣ сыскивалъ воровъ и измѣнниковъ; «и по сыску, государь, тѣхъ воровъ и измѣнниковъ бито кнутомъ нещадно 400 человѣкъ; да изъ нихъ же, государь, казнено сто человѣкъ, отсѣчено по персту у правой руки, а инымъ отсѣчены руки, а пущихъ воровъ и заводчиковъ казнено смертью 60 человѣкъ». Матер. 79 с.

[1]) Арх. Мин. Юст. III-ее Вотч. отд. Казань, отказная старыхъ лѣтъ съ городами кн. 4. № дѣла 7-ой (1673 г.)

мѣста, гдѣ находилась найденная челобитчиками земля. Отказщикъ долженъ былъ обыкновенно, «не доѣзжая той порозжей земли, взять съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, старостъ, цѣловальниковъ и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, и около той порозжей земли сыскать (иногда прибавляется: «большимъ повальнымъ обыскомъ») русскими людьми по святѣй непорочнѣй евангельстѣй заповѣди господней, а мурзы и татары и мордвою и чювашею по ихъ вѣрѣ, по шерти: та земля, о которой бьютъ челомъ, порозжая и въ помѣстье и на оброкъ и въ ясакъ кому напередъ сего не отдана, и спору о той землѣ не будетъ, и отъ государевыхъ пашенныхъ земель и отъ засѣчныхъ крѣпостей не въ ближнихъ мѣстехъ и отъ воинскихъ людей уберечься мочно ль». Если показанія вышеупомянутыхъ людей относительно всего этого были благопріятны, то найденныя земли съ угодьями отводились челобитчикамъ, сообразно указу и статьѣ Уложенія, и отмежевывались отъ сосѣднихъ земель, раньше занятыхъ или же пустыхъ[1]). Такимъ образомъ, въ 1673 году испомѣщено было въ Симбирскомъ уѣздѣ за валомъ на рѣкѣ Ташлѣ[2]), и на другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ довольно значительное число служилыхъ людей[3]); нѣкоторые изъ нихъ теперь и впослѣдствіи, найдя по близости свободную землю, подходящую для обработки, просили о дополнительномъ надѣлѣ къ землѣ, находившейся уже въ ихъ владѣніи[4]). Каждый служилый человѣкъ, получившій землю въ Симбирскомъ уѣздѣ и зачисленный въ служилый списокъ по городу Симбирску прозывался Симбиренинонъ, хотя бы у него находились земельныя дачи и въ другихъ уѣздахъ; такъ, до насъ дошла грамота, данная «Арзамасцу[5]), Борису Петрову сыну Бекетову», нашедшему за валомъ «по-

[1]) Тамъ же отказн. стар. л. Казань кн. 5, №№ дѣлъ 26, 43, 51, 97 и др.

[2]) Ташла—притокъ Свіяги съ правой стороны, южнѣе Симбирска.

[3]) Тамъ же отказ. ст. л. Казань кн. 4, №№ дѣлъ 32, 37, 38, 43, 82, 88.

[4]) Такъ, въ августѣ 1673 года Иванъ Петровъ Аксаковъ билъ челомъ государю, чтобъ ему отвели 70 четвертей пустой земли, которую онъ нашелъ на Крымской сторонѣ, какъ дополнительный надѣлъ, потому что ему по первоначальной дачѣ слѣдуетъ еще получить. Тамъ же № 3 й.

[5]) Городъ Арзамасъ теперь принадлежитъ Нижегородской губерніи.

розжей земли дикаго поля» и просившему, чтобъ отвели его ему «служба служить по Синбирску съ прежнимъ его помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ»,—въ отводной грамотѣ онъ именуется «Синбиренином»[1]).

Среди служилыхъ людей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ подавленіи разинскаго движенія, не разъ упоминаются люди «выборнаго солдатскаго строя полку Агѣя Шепелева»; нѣкоторые изъ нихъ съ успѣхомъ дѣйствовали противъ приверженцевъ Разина[2]). По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ усмиренія бунта солдаты этого полка, какъ бы въ вознагражденіе отъ правительства, были «поверстаны на Москвѣ въ приказѣ Казанскаго дворца денежнымъ и землянымъ окладомъ по Симбирску»[3]). Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ солдатъ, соединившись между собой, пріискали себѣ «дикое поле за валомъ противъ станичной тетюшской слободы на рѣчкѣ Тетюшкѣ»; другіе нашли себѣ землю на ключѣ, противъ Тетюшской башни, иные же—южнѣе, по рѣчкамъ Гушѣ и Ташлѣ[4]). Всякому солдату назначаемо было въ Симбирскомъ уѣздѣ по 50 четвертей пахотной земли въ каждомъ полѣ съ угодьями и пять рублей денегъ; объ отдѣльныхъ солдатахъ въ частности говорится иногда, что «ему велѣно отвести помѣстной земли дикаго поля въ Симбирскомъ уѣздѣ за полонное терпѣніе и за раны». Всѣхъ ихъ, согласно указу, записывали въ помѣстномъ и въ денежномъ окладѣ въ Симбирскую десятню въ служилый списокъ, съ повелѣніемъ послѣ земельнаго отвода «солдатская служба служить по прежнему»[5]). Несогласія, происходившія временами между служилыми людьми, побуждали иныхъ изъ нихъ уходить со старыхъ мѣстъ и искать за валомъ сво-

[1]) Тамъ же грам. за № 62. (1674 г.).

[2]) Матер. 75 и 80 сс.

[3]) Арх. Мин. Юст. III-е Вотчин. отд. Казань, отказ. стар. лѣтъ кн. 4, № дѣла 101; кн. V, № дѣла 25.

[4]) Рѣчка Тетюшка и Гуша—притоки р. Свіяги съ правой стороны,—послѣдняя южнѣе города Симбирска.

[5])Отказ. стар. лѣтъ Казань, кн. 4, №№ дѣлъ 73. 101; кн. 5, № дѣла 1 и № дѣла 46. Грам. 1675—1676 гг. Между отдѣльными товариществами солдатъ изъ Шепелева полка, испомѣщенными въ здѣшнихъ мѣстахъ,—двое имѣютъ прозвище «Темниковецъ», а одинъ «Муромецъ».

бодныхъ земель, объ отводѣ которыхъ они и просили потомъ, указывая правительству, что «ихъ, солдатъ выборнаго полку, стрѣльцы и казаки изъ дворовъ выбиваютъ и земли пахать не даютъ»[1]). Вслѣдствіе изобилія здѣсь земель, никѣмъ не занятыхъ, солдаты, если имѣли средства обрабатывать лишнія сосѣднія земли, занимали ихъ безъ стѣсненій и воздѣлывали безъ соизволенія правительства въ продолженіе своей жизни, передавая даже своимъ дѣтямъ; только дѣти, пользуясь подходящимъ случаемъ, ходатайствуютъ предъ государемъ объ отводѣ имъ этихъ земель[2]). Дѣти, братья и племянники солдатъ въ свою очередь соединяются между собою, отыскиваютъ на разныхъ рѣчкахъ за валомъ свободныя земли и обращаются къ правительству съ просьбою объ отводѣ имъ этихъ земель съ угодьями при нихъ въ опредѣленномъ количествѣ[3]).

Но не только солдаты соединяются между собою и пріискиваютъ за валомъ свободныя земли, — служилые люди съ гораздо большими пожалованіями поступали точно такъ же въ описываемое время. До насъ дошло нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ видно, что люди, поверстанные въ приказѣ Казанскаго дворца на Москвѣ по Симбирску 300, 250 и 200 четвертями земли, соединяются вмѣстѣ по 4 и по 6 человѣкъ, отыскиваютъ для себя за валомъ свободныя земли съ угодьями и обращаются къ Симбирскому воеводѣ съ челобитьемъ назначить имъ откащика изъ мѣстныхъ служилыхъ людей; получивши откащика, они отправляются съ нимъ на найденныя ими свободныя земли, которыя тотъ и отводитъ имъ на основаніи статьи

[1]) Тамъ же, кн. 6 № дѣла 54. Выборнаго полку солдаты Марчко Ивановъ сынъ Мозинъ съ товарищи, 7 челов.; грам. 1680 г.; на рѣчкѣ Корсуновкѣ.

[2]) Тамъ же № дѣла 77.

[3]) Тамъ же кн. 5, № 66. Распоряженіе объ отводѣ земли на рѣчкахъ —Мансѣ, Инзѣ и Кучкѣ, «противъ челобитья солдатскихъ дѣтей и братьи и племянниковъ Ивашки *Москвы* съ товарищи», по 20 четв. человѣку въ каждомъ полѣ (1677 г.).

Уложенія въ опредѣленномъ количествѣ[1]). Нѣкоторые изъ членовъ подобныхъ товариществъ, получившие свободныя земли за валомъ въ Симбирскомъ уѣздѣ, владѣли пожалованными помѣстьями и въ другихъ, иногда отдаленныхъ отъ упомянутаго уѣзда мѣстахъ; такъ, кромѣ помѣщиковъ, обладавшихъ помѣстьями въ ближайшемъ Алаторскомъ уѣздѣ, мы встрѣчаемъ здѣсь владѣтелей уѣздовъ—Курмышскаго, Арзамаскаго, Нижегородскаго и даже далекаго Углицкаго[2]). Нѣкоторые изъ помѣщиковъ дальнихъ уѣздовъ, не обращая вниманія на разстояніе, переводятъ семьи крестьянъ изъ своихъ помѣстій во внутренней Россіи на пожалованныя имъ земли Симбирскаго уѣзда, богатыя производительностью, и такимъ образомъ постепенно заселяютъ ихъ[3]).

Чѣмъ южнѣе занимались и заселялись свободныя земли въ Симбирскомъ уѣздѣ, тѣмъ больше правительству слѣдовало имѣть въ виду защиту населенныхъ земель отъ непріятельскихъ разореній, тѣмъ болѣе ему надобно было расширять такъ называемую станичную или разъѣздную службу на извѣстномъ пространствѣ. По этому правительству были на руку челобитныя отдѣльныхъ лицъ—преимущественно инородческихъ, отправлявшихъ уже станичную службу въ Симбирскомъ уѣздъ, когда они, найдя южнѣе свободныя и для нихъ удобныя земли, отдѣлялись отъ своихъ товарищей и обращались къ правитель-

---

[1]) Такъ, шесть Симбирянъ просили объ отводѣ имъ земель, найденныхъ ими «вверхъ по р. Барышу, по обѣ стороны» (1676 г.); сверхъ того четыремъ отведено было по ихъ просьбѣ «противъ города Уренска по Самарской дорогѣ» (1680 г.). Тамъ же Казань, кн. 5, №№ дѣлъ 43 и 110.

[2]) Тамъ же кн. 6, №№ дѣлъ 19 и 75 (гр. 1679 и 1680 гг.).

[3]) Такъ, въ 1676 году въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Березопольскомъ стану, въ деревнѣ Топаревѣ часть земли была въ помѣстьѣ за Синбиренѣномъ Артемьемъ Елизаровымъ сыномъ Жеребятниковымъ; за нимъ въ помѣстьѣ его числилось 8 дворовъ жилыхъ крестьянъ и нѣсколько пустыхъ; среди пустыхъ о двухъ дворахъ говорится: «а тѣ крестьяне переведены въ Синбирской уѣздъ въ дер. Майню». Дѣйствительно, въ Симбирскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Малой Майнѣ въ 1686-мъ году встрѣчается помѣстье Артемья Жеребятникова. Арх. Мин. Юст. Нижній, Переп. кн. 1676 г. кн. 46 № 477; Казань, отказ. стар. л. кн. 6, № дѣла 19.

ству съ просьбою отвести имъ эти земли, обязываясь съ своей стороны съ новой земли «станишную службу съ своею братьею служить по прежнему». Такія товарищества составлялись изъ одной или нѣсколькихъ деревень, числомъ въ 5, 10 и 25 человѣкъ. Иногда цѣлая деревня станичниковъ, можетъ быть вслѣдствіе опасностей, которымъ они подвергались на мѣстѣ своего жительства, переходила южнѣе, на новыя, болѣе безопасныя отъ нападеній мѣста, откуда по старому несли сторожевую станичную службу цѣлой общиной[1]).

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка (1678 г.) произведена была опись городу Симбирску съ уѣздомъ; по этой описи мы можемъ нѣсколько ознакомиться съ составомъ Симбирскаго общества, которое жило въ то время на посадѣ и въ уѣздѣ. Не смотря на личный и имущественный погромъ, которому неминуемо долженъ былъ подвергнуться городъ Симбирскъ съ своимъ уѣздомъ во время разинскаго движенія, ибо здѣшняя мѣстность была узломъ, около котораго въ продолженіе извѣстнаго времени сосредоточена была сперва дѣятельность Разина съ сподвижниками, а потомъ правительственныхъ воеводъ, дѣйствовавшихъ противъ Разинцевъ,—не смотря, на это, состояніе Симбирскаго посада съ его уѣздомъ въ описываемое время было очень удовлетворительное,—что можетъ свидѣтельствовать отчасти о сильномъ приливѣ новыхъ жизненныхъ силъ изъ великой Россіи въ здѣшнюю страну, обильную всякими природными благами. Лишь по значительному преобладанію бобыльскихъ дворовъ надъ посадскими въ Симбирскѣ надобно предполагать, что какъ новые, такъ, быть можетъ, и нѣкоторые изъ старыхъ насельниковъ къ данному времени не успѣли еще разжиться на столько, чтобъ могли попасть въ разрядъ посад-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, станичные Татары и Чюваши деревни Сенгилѣевки Казабайка Ябаевъ съ товарищи 25 человѣкъ, да Чюваши деревни Тимерель, Ягайка съ товарищи 10 человѣкъ въ своей челобитной, поданной въ Симбирскѣ, говорятъ, что имъ на старыхъ мѣстахъ жить «стало немочно» (а по чему разобрать въ грамотѣ нѣтъ возможности: листы сгнили и выцвѣли чернила), и просятъ отвести имъ «порозжую землю дикое поле» юж-

скихъ людей[1]). Кромѣ посадскихъ и бобылей, въ Симбирскѣ находилось около тридцати дворовъ площадныхъ подъячихъ, которымъ по царскому указу и по грамотѣ, присланной въ 1676-мъ году изъ Казанскаго дворца, «за ихъ службы и за осадное сидѣнье велѣно быть на площади, а опричь площадной службы иной службы служить не велѣно»; на посадѣ же въ это время въ сорока слишкомъ дворахъ жили рыбные ловцы; сверхъ того, по нѣскольку дворовъ занимали: плотники, кузнецы, воротники, балакирники, пороховаго дѣла мастеры и однимъ дворомъ владѣлъ звѣровщикъ. Люди, занимавшіеся какимъ либо промысломъ, платили съ своего промысла особое тягло: такъ напримѣръ балакирники несли «балакирское тягло»[2]). На Симбирскомъ посадѣ находились еще дворы монастырей: Троице-Сергіева, Спасскаго и Богоявленскаго Костромскаго[3]). Между посадскими людьми, рыболовами и кузнецами встрѣчаемся съ прозвищами: Тетюшенинъ» (4 двора), «Курмышенинъ», «Устюженинъ» и «Нижегородецъ», указывающими на мѣста, откуда являлись поселенцы Симбирскаго посада. Среди

нѣе *по р. Усъ въ урочищахъ Усолья*, обязуясь съ этой земли служить станичную службу по прежнему; ихъ же старыя земли отведены были русскимъ станичникамъ Сенгилѣевской слободы въ наддачу къ прежнимъ землямъ, согласно просьбѣ послѣднихъ. Точно также станичная Мордва деревни Кондарати и дер. Вельминъ, въ числѣ 5 чел, просила правительство отвести имъ «порозжее дикое поле въ угодьи и покосами за валомъ по рѣчкѣ Тувармѣ по обѣ стороны», обязуясь отсюда нести по прежнему станичную службу. Тамъ же Казань кн. 5, №№ дѣлъ 51, 100, 103 (1670 г.—1679 г.).

[1]) Въ городѣ Симбирскѣ въ 1678 году посадскихъ дворовъ было 178, людей въ нихъ жило 498 челов.; бобыльскихъ дворовъ было 326, въ нихъ жило 836 челов. Арх. Мин. Юст. III. Казань. Переп. кн. за № 6455, кн. 17, л. 263—313.

[2]) Казань, Переп. кн. 7, № 152 л. 156.

[3]) Площадныхъ подъячихъ въ Симбирскѣ было 29 дворовъ, людей въ нихъ жило 58 чел.; рыбныхъ ловцовъ 42 дв., людей въ нихъ 106 человѣкъ; плотниковъ 7 дв., людей въ нихъ 20 челов.; кузнецовъ — 6 дв., людей въ нихъ 15 челов.; воротниковъ 5 дв., людей въ нихъ 17 челов.; пороховаго дѣла мастеровъ 4 дв., людей въ нихъ 12 челов; балакирниковъ—3 дв., людей въ нихъ 4 челов.; у звѣровщика былъ сынъ и сосѣдъ; кромѣ того упоминаются приказной избы сторожи, которыхъ 4 дв. съ десятью человѣками. Тамъ же кн. 17 лл. 313—327.

площадныхъ подъячихъ попадаются прозвища: «Корсунецъ», «Чебоксаренинъ», «Москвитинъ» и «сынъ Поповъ» (4 двора), свидѣтельствующія о сбродномъ характерѣ на окраинѣ этого послѣдняго сословія, какъ и всѣхъ остальныхъ. Въ племенномъ отношеніи прозвища посадскихъ людей не столь разнообразны; во всякомъ случаѣ такія прозванія, какъ «Мордвининъ» и «Татариновъ» указываютъ на отсутствіе однообразія въ здѣшнемъ населеніи, котораго впрочемъ и ожидать нельзя вслѣдствіе присутствія довольно значительнаго числа инородцевъ въ составѣ уѣзднаго населенія[1]).

Симбирскій уѣздъ въ описываемое время, какъ мы уже видѣли, не ограничивался пространствомъ, замыкаемымъ укрѣпленною чертою, а захватывалъ массу земель, которыя простирались далеко за валъ. Земли въ уѣздѣ были главнымъ образомъ въ рукахъ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно же по рѣкамъ и рѣчкамъ, изрѣзывающимъ уѣздъ вовсевозможныхъ направленіяхъ. Владѣли служилые люди землею въ различномъ количествѣ, и владѣнія ихъ въ Симбирскомъ, какъ и въ другихъ уѣздахъ, состояли изъ отдѣльныхъ участковъ или жеребьевъ, которыхъ въ цѣломъ уѣздѣ было болѣе двухъ сотъ. Въ деревнѣ обыкновенно находилось нѣсколько участковъ, въ соотвѣтствіи, вѣроятно, съ товариществами, которыя, какъ мы уже видѣли, составлялись нерѣдко служилыми людьми для прiисканія себѣ земель на новыхъ мѣстахъ. Огромное большинство участковъ отмѣчено за «Синбирянами», но попадаются между участками иногда и такіе, которые, быть можетъ вслѣдствіе своего недавняго испомѣщенія въ уѣздѣ, помѣчены «за Алаторцемъ», «за Курмышениномъ» или же «за Арзамасцемъ». Деревни, въ которыхъ испомѣщены служилые люди, нерѣдко носятъ названія, одинаковыя съ фамиліями помѣстныхъ людей, владѣющихъ въ нихъ участками, какъ бы свидѣтельствуя этимъ, что они дѣйствительно были первыми основателями поселеній въ мѣ-

---

[1]) Тамъ же.

стахъ пустынныхъ, не имѣвшихъ прежде никакого наименованія[1]). Населеніе помѣстныхъ земель въ описываемое время состояло изъ крестьянъ, задворныхъ людей[2]) и бобылей; всего больше было крестьянскихъ дворовъ (442 дв.), послѣ нихъ слѣдуютъ задворные люди (250 дв.), а за тѣмъ уже идутъ бобыли (159 дв.).

Кромѣ помѣстныхъ земель, въ Симбирскомъ уѣздѣ въ данное время находились еще дворцовыя земли, на которыхъ, какъ мы знаемъ, раскинулось нѣсколько слободъ, называвшихся слободами «на Арбугинскихъ поляхъ»; изъ нихъ четыре: Кременская, Кривушинская, Шиловская и Тушнинская, расположены одна ниже другой, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ Волги; пятая же слобода, Ключищенская, лежитъ у р. Свіяги, на западъ отъ Кременской слободы. Составъ населенія въ слободахъ одинъ и тотъ же: въ каждой слободѣ встрѣчаемъ крестьянъ и бобылей, но количество тѣхъ и другихъ въ нихъ различно. Въ самомъ лучшемъ состояніи въ моментъ описи находилась Кременская слобода, лежавшая сѣвернѣе другихъ и ближе всѣхъ къ уѣздному и военному средоточію края—къ Симбирску; за ней по количеству крестьянъ слѣдуетъ Кривушинская, лежавшая южнѣе Кременской, потомъ идетъ Шиловская, и наконецъ всего меньше крестьянскихъ дворовъ въ самой южной слободѣ—въ Тушнинской; въ Ключищенской же слободѣ число крестьянскихъ дворовъ еще меньше Тушнинской[3]). Слѣдуетъ предполагать, что на увеличеніе на-

[1]) Такъ, напримѣръ, «*за Курмышенинымъ* за Дмитріемъ Аѳанасьевымъ *Дубенскимъ* на рѣчкѣ Бирючевкѣ *деревня Дубенка*»; «за *Алаторцемъ* за Константиномъ Алексѣевымъ сыномъ *Ворыпаевымъ* на рѣчкѣ Большой Яклѣ *въ деревнѣ Ворыпаевѣ*»; «*въ селѣ Кокоревѣ* за Мареою да за Соломонидою Микифоровыми дочерьми *Кокорева*»; «за *Синбирениномъ* за вторымъ Петровымъ сыномъ *Копыловымъ въ деревнѣ Копыловкѣ*»; «за *Синбирениномъ* за Исаемъ Ананьевымъ сыномъ *Бѣликова деревня Бѣликова*», и другіе подобные же примѣры. Кромѣ одного князя Еделева, мордовскаго мурзы, жившаго въ деревнѣ Еделевѣ, всѣ остальные помѣщики, повидимому, русскіе люди. Тамъ же л. л. 17—106.

[2]) Не дворовыхъ ли слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ «задворныхъ»?

[3]) По описи 1678 г. въ Кременской слободѣ на рѣчкѣ Кременкѣ было 95 дв. крест., въ котор. жило 310 челов., и 55 дв. боб. въ котор. находилось

селенія въ слободахъ не оставалось безъ вліянія то или другое ихъ отношеніе къ средоточію уѣздной жизни, съ чѣмъ могли для населенія соединяться нѣкоторыя торговыя выгоды и большая безопасность; кромѣ того, сосѣдство съ значительною рѣкою не могло не оказывать притягательнаго дѣйствія на населеніе, прибывающее въ здѣшнія мѣста, чѣмъ, по всей вѣроятности, обусловливается приливъ бобыльскаго населенія, замѣчаемый въ Шиловской и Ключищенской слободахъ, стоящихъ на такихъ рѣкахъ, какъ Волга и Свіяга. Прозвища: «Галичанинъ» и «Свіяженинъ», равно какъ «сапожникъ», «кузнецъ» и «бочкаръ», изрѣдка попадающіяся среди арбугинскаго слободскаго населенія, могутъ отчасти намъ указывать какъ на мѣста, откуда слободы получали своихъ поселенцевъ, такъ и на нѣкоторыя занятія слобожанъ въ данное время. Крестьяне и бобыли Арбугинскихъ слободъ, будучи дворцовыми, должны были пахать *десятинную пашню* на государя, величина которой для всѣхъ слободъ равнялась 130 десятинамъ въ каждомъ изъ трехъ полей[1]). На Арбугинскихъ же дворцовыхъ земляхъ между Кременскою и Кривушинскою слободами въ описываемое время находимъ деревню Панскую, состоящую изъ иноземцевъ, о которыхъ сказано, что они сюда «переведены изъ Казани»; иноземческихъ дворовъ въ деревнѣ было болѣе тридцати; у нихъ «во дворехъ живутъ русскіе люди», кажется, въ качествѣ захребетниковъ; здѣсь же живутъ и нѣсколько русскихъ бобылей[2]). Что касается обязанности, возложенной

127 челов.; въ Кривушинской слободѣ на рѣчкѣ Кривушѣ 92 дв. кр., людей въ нихъ 342 челов., и 32 дв. боб., въ котор. жило 101 челов.; въ слоб. Шиловской *на рѣкѣ Волгѣ*, 60 дв. крест., людей въ нихъ 188, 74 дв. боб. со 145 челов.; въ Тушнинской слободѣ 55 дв. крест. съ 209 челов. и 39 дв. боб. съ 72 челов.; въ Ключищенской слободѣ на р. Свіягѣ 31 дв. крест. и 66 дв. боб. Тамъ же л.л. 181—262.

[1]) Тамъ же л. 259.

[2]) Тамъ же л л. 2?2 — 259. Эти иноземцы именуются такъ: «Васка Оремьевъ сынъ», «Ивашко Михайловъ сынъ Рудной» и проч.; всѣхъ дворовъ въ деревнѣ 32, людей въ нихъ иноземцевъ жило 84 челов.; захребетниковъ 10 человѣкъ и 6 двор. русскихъ бобылей, въ которыхъ жило 12 человѣкъ.

правительствомъ на иноземцевъ деревни Панской, то о ней въ описи несказано ничего; говорится только, что «иноземцы деревни Панской и русскіе люди великаго государя десятинной пашни не пашутъ». Судя же по той цѣли, съ какою раньше поселены были Смоленскіе иноземцы четырехъ знаменъ на Закамской линіи, а также Полоцкіе иноземцы на луговой сторонѣ Волги, слѣдуетъ предположить, что на иноземцевъ деревни Панской здѣсь возложена была та же обязанность, что и на остальныхъ служилыхъ людей: охранять и защищать здѣшній край отъ внѣшнихъ опасностей. Къ Симбирскому уѣзду въ описываемое время тянуло еще нѣсколько острожковъ; но эти заселенныя мѣста, основанныя главнымъ образомъ въ интересахъ защиты края, развивались въ другихъ отношеніяхъ очень медленно. Доказательствомъ этого можетъ отчасти служить пригородъ Тагаевъ, построенный во время проведенія Симбирской черты стольникомъ Петромъ Измаиловымъ: на посадѣ въ немъ въ 1678 г. находилось лишь пять дворовъ посадскихъ и семь бобыльскихъ; три года спустя (1681 г.), число посадскихъ дворовъ въ немъ увеличилось съ пяти на семь, и окладный сборъ съ нихъ равнялся пяти рублямъ двадцати алтынамъ[1]).

Шестьдесятъ верстъ южнѣе впаденія рѣчки Сенгилейки въ Волгу, рѣка эта поворачиваетъ на востокъ и своимъ поворотомъ въ этомъ мѣстѣ образуетъ огромный изгибъ, извѣстный подъ названіемъ Самарской луки. Въ прошломъ изслѣдованіи[2]) были указаны причины поворота, производимаго Волгою въ настоящемъ мѣстѣ, въ связи съ нѣкоторыми особенностями здѣшней страны, издавна привлекавшей къ себѣ особаго рода насельниковъ, которые кормились нападеніями на суда и караваны, плававшіе въ разное время и въ значительномъ количествѣ по Волгѣ. Но условія Самарской луки, манившія къ себѣ удальцовъ—казаковъ, жившихъ здѣсь грабежами и разбоями, привлекали также и людей мирныхъ, стремившихся честнымъ

[1] Тамъ же л.л. 328—329; Город. Посел. Рос. Им. IV, 547 с.

[2]) См. «Поволжье въ XV и XVI вв.» стр. 7, 17, 312.

трудомъ добыть себѣ достатокъ. Постараемся разсмотрѣть внимательнѣе особенности земель, входившихъ въ составъ Самарской луки. Самарская лука покрыта большей частью черноземомъ, который обладаетъ неисчислимыми выгодами для земледѣльца. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитый естествоиспытатель Палласъ удивлялся богатству производительныхъ силъ здѣшней почвы, которая, не смотря на нѣкоторую примитивность ея обработки мѣстными крестьянами, давала очень хорошіе урожаи[1]). Слѣдуетъ предполагать, что въ XVII столѣтіи плодородіе земли Самарской луки было еще значительнѣе, чѣмъ при Палласѣ, ибо почва въ то время было еще совершенно дѣвственна. Кромѣ чрезвычайно плодородной почвы, Самарская лука обиловала мѣсторожденіемъ горючей сѣры и другими богатствами, которыя должны были манить къ себѣ предпріимчиваго человѣка. Живописныя горы, изрѣзывающія Самарскую луку, и теперь покрыты большей частью лѣсомъ, а прежде лѣсная площадь здѣсь была гораздо обширнѣе, и размѣры деревъ въ здѣшнихъ лѣсахъ невольно привлекали къ себѣ вниманіе путешественника конца XVIII вѣка[2]). Въ XVII же столѣтіи лѣса на Самарской лукѣ были въ буквальномъ смыслѣ слова непроходимы, такъ что писцы того времени вслѣдствіе густоты лѣса мѣстами не могли проходить чрезъ нихъ для измѣренія здѣшнихъ земель. Въ дуплахъ вѣковыхъ деревъ пчелы клали медъ, а въ гущѣ непроходимыхъ лѣсовъ свободно размножались пушные звѣри, вслѣдствіе чего пчелиный и звѣриный промыслы могли одинаково привлекать къ себѣ предпріимчивыхъ людей изъ русскихъ и инородцевъ. Рѣка Уса со своими притоками и другія рѣчки водами своими орошаютъ Самарскую луку въ разныхъ направленіяхъ; первая изъ нихъ, кромѣ обилія рыбы, богата еще тучными лугами. Возлѣ р. Усы, недалеко отъ ея устья, впадаетъ въ Волгу небольшая

[1]) «Путеш. по разн. провинц. Рос. Им.» Палласа I т. 246 с.

[2]) «Записки Лепехина» т. I, 333 с.

рѣчка Усолка, посреди которой бьютъ соляные ключи, въ изобиліи насыщеные солью[1]).

Обильная естественными произведеніями, Самарская лука защищена была съ трехъ сторонъ широкой и глубокой Волгой отъ хищническихъ обитателей волжскихъ степей; къ этой природной защитѣ, какъ извѣстно, въ концѣ XVI столѣтія присоединилась искуственная защита: при впаданіи р. Самары въ Волгу, у юговосточной части луки, при Ѳедорѣ Іоанновичѣ построенъ былъ крѣпостной городъ Самара. Этотъ городъ получилъ значеніе не только военное, но и торговое, благодаря природнымъ удобствамъ Волги въ здѣшнемъ мѣстѣ и вслѣдствіе усилившейся по этой рѣкѣ навигаціи въ концѣ XVI вѣка; къ этому присоединяется и то еще, что въ XVII столѣтіи путь изъ Москвы на Яикъ проторился чрезъ городъ Самару, гдѣ поэтому устроена была таможня[2]). Серіозное стратегическое (въ смыслѣ защиты) значеніе города Самары объясняется уже и тѣмъ, что послѣ разоренія и перенесенія въ началѣ XVII вѣка города Саратова съ лѣвой стороны Волги на правую, Самара долгое время оставалась во всемъ низовомъ Поволжьѣ единственнымъ значительнымъ городомъ. Поэтому, когда появились въ Поволжьѣ Калмыки и увеличилась опасность въ здѣшнихъ мѣстахъ, она не замедлила, какъ мы уже видѣли, обрушиться на Самару. Въ Москвѣ не могли не знать этого, и вотъ въ сороковыхъ годахъ (1645 г.), по приказанію царя Михаила Ѳедоровича, вылитъ былъ для Самары особый *вѣстовой колоколъ*, который повѣшенъ былъ въ городѣ на крѣпостной башнѣ и въ случаѣ непріятельскихъ нападеній долженъ былъ своимъ набатнымъ звономъ предупреждать окрестныхъ жителей о наступившей для нихъ опасности[3]).

---

[1]) Тамъ же 320 с. Журн. Мин. Вн. Д. 1858 г. ч. IV, 26—27 с.с. Гор. Посел. Рос. Имп. IV, 540 с.

[2]) Акт. Ист. I т. № 230, т. III, № 154; Ист. Рос. С. Соловьева VII, 64 с.; Жур. Мин. Вн. Д. 1858 г. № 3, 8 с.: Город Пос. Рос. Им. IV, 368 с.

[3]) Этотъ колоколъ и въ настоятее время находиться въ Самарѣ, виситъ на Соборной колокольнѣ: вѣсу въ немъ 14 пудовъ 25 гривенокъ. Жур. Мин. Вн. Д. 1860 г. № 2. «Историческія замѣтки о Самарскомъ краѣ» А. Леопольдова.

Вслѣдствіе всѣхъ вышеупомянутыхъ условій природныя богатства Самарской луки должны были рано привлечь къ себѣ вниманіе сильныхъ предпріимчивостью людей, жившихъ не только въ городѣ Самарѣ, но и въ дальнихъ мѣстахъ Россіи. Отдаленность земель, которыя обиловали естественными произведеніями, не останавливала на Руси въ XVII столѣтіи предпріимчивыхъ людей. Мы уже имѣли возможность видѣть, какъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка энергически эксплуатировались смѣлыми инородцами нѣкоторыя угодья на луговой сторонѣ Волги, въ мѣстахъ, далекихъ отъ р. Камы, бывшей въ то время крайнимъ предѣломъ ихъ поселеній. На правой сторонѣ Волги встрѣчаемся съ подобными же явленіями; такъ, намъ извѣстно, что въ концѣ XVI столѣтія нѣкоторыя угодья на луговой сторонѣ около нынѣшняго Симбирска, представлявшія собою доходныя статьи, отдавались служилыми инородцами Казанскаго уѣзда «на оброкъ Чувашѣ съ горные стороны Свіяжскаго уѣзда»[1]). Не только въ Поволжскихъ уѣздахъ, но и въ мѣстахъ, лежавшихъ нѣсколько въ сторонѣ отъ великаго волжскаго пути, большое разстояніе не останавливало предпріимчиваго человѣка, если страна была богата природными произведеніями. Мы имѣемъ извѣстіе, что нѣкоторые крестьяне дворцовыхъ деревень Шацкаго уѣзда въ первой четверти XVII вѣка (1622—1623) владѣли на оброкѣ бортными ухожаями, рыбными ловлями и бобровыми гонами «на рѣкѣ на Медвѣдицѣ, отъ рѣчки Князевки вверхъ по Медвѣдицѣ, по обѣ стороны, до верховъ и съ малыми рѣчками», внося за эти угодья ежегодно не малыя для крестьянъ того времени деньги[2]). Есть даже указаніе, что въ концѣ XVI сто-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. за № 642 л. 55.

[2]) Тамъ же, Дѣла Саратов. уѣзда. Связка 31, № 959. Въ дѣлѣ помѣщены выдержки изъ писцовыхъ книгъ Шацкаго уѣзда. Такъ, въ писцовой кн. 1622 года написано: «Бортникъ Гришка Васильевъ сынъ Давыдовъ, да Ѳедьда Семеновъ сынъ провзвище Блинокъ, до села Ялтунова Ивашка Андреевъ сынъ Нырокъ, да Спирко Ивановъ сынъ Шмакъ, да села Алеменева Анѳрейко Аѳанасьевъ сынъ Марымовъ ходять въ бортной Шубенской ухо-

лѣтія бортными ухожаями на Самарской лукѣ владѣли служилые инородцы: въ писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда начала XVII вѣка сказано, что одному изъ служилыхъ Татаръ этого уѣзда въ 1594 году за его службу данъ былъ «бортной ухожей близко Комшери (?) горы по сей сторонѣ Дѣвичьихъ горъ на р. на Волгѣ»[1]). Отсюда можно видѣть, что эксплуатація природныхъ богатствъ Самарской луки, по обыкновенію, въ началѣ временная, а потомъ постоянная, должна была начаться рано, и мѣстное преданіе, что будто бы еще при Грозномъ въ нынѣшнемъ Сенгилѣйскомъ уѣздѣ появляются поселенія[2]), при подобныхъ условіяхъ врядъ ли можетъ быть совершенно отвергнуто изслѣдователемъ колонизаціи низоваго Поволжья,— скорѣе это извѣстіе надо принять съ нѣкоторымъ лишь ограниченіемъ относительно времени появленія поселковъ въ здѣшней сторонѣ: т. е., русскія поселенія могли показаться здѣсь если и не при Грозномъ, то въ концѣ XVI или въ началѣ XVII столѣтія. Мы знаемъ, что въ самомъ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича на Самарской лукѣ построены были для защиты рыбныхъ промышленниковъ два острожка; одинъ изъ нихъ, какъ извѣстно, поставленъ былъ при впаденіи рѣки Усы въ Волгу, на излюбленномъ мѣстѣ казаковъ, откуда они преимущественно нападали на купеческія суда и караваны, что должно было быть извѣстно правительству, которое и распорядилось построить одинъ изъ острожковъ именно въ этой мѣстности. Между тѣмъ вблизи отъ здѣшняго мѣста въ небольшой рѣчкѣ Усолкѣ «посрединѣ ея протока бьютъ соляные ключи»[1]), а кругомъ простирается огромный лѣсъ, искони росшій на этомъ мѣстѣ и остававшійся безъ всякаго употребленія. На эти природныя условія обратилъ вниманіе предпріимчивый русскій купецъ, Надѣй Свѣтешниковъ, и рѣшилъ завести здѣсь варницы для добычи соли, которою въ изобиліи насыщены были ключи рѣчки Усолки. Вслѣдствіе этого сюда привлечены были рабочіе и началась въ значительномъ количествѣ выварка соли, которая съ выгодою сбывалась въ верховые города и въ Москву[2]), потому что въ то время еще, кажется, не разрабатывались въ низовьяхъ Волги соляныя озера,—если же и разрабатывались, то во всякомъ случаѣ далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ XVIII столѣтіи. Говорятъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка (1632 г.) подлѣ р. Усолки раскинулись уже поселенія, которыя царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ пожалованы были гостю Надѣю Свѣтешникову и его сыну Семену[3]). Можетъ быть, въ это время обращено было вниманіе и на самую выдающуюся изъ Усольскихъ возвышен-

жей на рѣкѣ на Медвѣдицѣ, по обѣ стороны, до верховъ и съ малыми рѣчками: съ Карамышемъ и съ Калшлеи и съ Боландинскаго юрта и съ рѣчкою съ Идолгою», платятъ 4 р. 28 алт. 2 деньги. На другомъ листѣ той же писцовой книги написано: «села Конобеева крестьяне Артемко да Максимко Агаѳоновъ дѣти Збродовы, да села Алеменева креетьянинъ Корнилъ Ѳедоровъ, да села Ялтунова крестьяне (перечислено нѣсколько) платятъ съ рѣки Медвѣдицы съ рыбные ловли и съ бобровыхъ гоновъ съ усть рѣчки Бурлука въ верхъ по Медвѣдицѣ по рѣчку по Князевку съ рѣчкою Терсою денежнаго оброку 21 алт.» и т. д. Вообще «Въ Шацкихъ писцовыхъ дворцовыхъ книгахъ 1623 года Ѳедора Чеботова на 237 л. написано: «Итого ... бортныхъ ухожеевъ съ липягами и съ дубровами и съ лѣсами и съ полянами и съ лугами и съ сѣнными покосы и съ дикими полями и съ степьми и съ раменьи и съ рѣками и съ падучими рѣчками и съ озеры и съ болоты и съ суходолы и съ бобровыми гоны и съ рыбными ловли и съ хмѣлевыми и со всякими угодьи 308, да на рѣкахъ же по обѣ стороны по урочищамъ и съ рыбными ловли безъ вышеписанныхъ угодій 469, — всего 777 ухожьевъ». (Эти мѣста находятся въ сторонѣ отъ Саратова).

[1]) Въ писцовой книгѣ Самарскаго уѣзда 1646 года при описаніи селъ и деревень, бывшихъ въ то время на лукѣ, на 67 л. упоминается деревня Маркваши «въ Дѣвичьихъ горахъ»; далѣе, Олеарій въ своемъ путешествіи, описывая мѣстность Усолья, гдѣ въ то время добывалась уже соль, говоритъ объ р. Усѣ, на которой «обыкновенно держатся казаки», послѣ чего продолжаетъ: «въ недальнемъ разстояніи затѣмъ лежитъ гора, называемая Дѣвичьей горой». Слѣдовательно одна изъ горъ на Самарской Лукѣ носила тогда такое названіе. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. № 642 л. 46; Писц. кн. Сам. у. за № 6408, кн. 30; Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос. 1869, 426 с.

[2]) «Поволжье въ XV и XVI вв». 311 с.

[1]) «Записки Лепехина» I, 320 с.

[2]) Олеарія путеш. 426 с.

[3]) «Волга отъ Твери до Астрах.» Н. Боголюбова 281 с.; Списки насел. мѣстъ Рос. Им. Симб. губ. 20 с.

ностей, съ которой представляется открытый видъ во всѣ стороны на значительное разстояніе, гдѣ учреждены были наблюдательные караулы, вслѣдствіе чего и гора получила названіе *караульной*, надолго сохранившееся за ней[1]). По всей вѣроятности, варничныя дѣла купцовъ Свѣтешниковыхъ шли не худо и въ Усольѣ сдѣлано было много построекъ и приспособленій для выварки соли, потому что заведеніе это обратило на себя вниманіе одного изъ любимыхъ монастырей царя Алексѣя Михайловича—Саввы Сторожевскаго. Послѣ смерти послѣдняго изъ братьевъ Свѣтешниковыхъ Надѣинское Усолье досталось сестрѣ Свѣтешникова, вдовѣ Антонидѣ, и вотъ, по распоряженію царя Алексѣя Михаиловича, въ 1660 году «изъ приказа Казанскаго дворца вдовѣ Антонидѣ дано за то Усолье 6.500 рублей... а Надѣинское Усолье съ варницы и съ варнишными заводы и со крестьяны и съ бобыли и съ рыбными ловлями и со всякими угодьи отдано въ Саввинъ монастырь»[2]). Съ переходомъ Усолья къ Сторожевскому монастырю развитіе его пошло еще успѣшнѣе, потому что этотъ монастырь, сильно покровительствуемый царемъ, обладалъ большими льготами и привилегіями, которыя теперь перешли и на Усолье; такъ монастырю была пожалована грамота, по которой «съ работныхъ людей и бобылей Надѣинскаго Усолья съ деревнями, которые работаютъ въ соляныхъ (варницахъ), никакихъ податей и стрѣлецкаго хлѣба имать не велѣно». За тѣмъ чрезъ нѣсколько лѣтъ мы находимъ во владѣніи у Саввинскаго монастыря пожалованныя ему па рѣкѣ Волгѣ въ Самарскомъ уѣздѣ «Лопатинскія и Васильчиковскія рыбныя ловли», лежавшія у Самарской луки, повыше города Сызрани[3]). Вслѣдствіе такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ къ Усолью чрезъ шестнадцать лѣтъ уже тянутъ нѣсколько деревень, въ которыхъ вмѣстѣ съ Усольемъ находилось 283 двора; въ дворахъ жили крестьяне,

[1]) «Путеш. по разн. пров.» Палласа I, 267 с.; «Записки Лепехина» I, 323 с.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. книга межевая за № 159, л. 8.

[3]) Тамъ же лл. 11, 20.

бобыли, мастеровые, работники и Чуваши; послѣднихъ было 30 дворовъ[1]). Съ особенной энергіей дѣйствовалъ въ Надѣинскомъ Усольѣ въ интересахъ монастыря въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (1682 г.) соборный старецъ Леонтій Маренцовъ; въ своей дѣятельности, въ упомянутомъ направленіи, онъ не стѣснялся ни интересами другихъ лицъ, тоже владѣвшихъ здѣсь землями и угодьями, ни даже авторитетомъ правительства, которое еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича завело на Самарской лукѣ такъ называемую десятинную пашню. Леонтій Маренцовъ захватилъ земли, отведенныя городу Самарѣ, завладѣлъ цѣлою Мордовскою деревнею и дворцовыми землями, на которыхъ уже была заведена правительствомъ десятинная пашня; всего захвачено было имъ земли, сверхъ той, которая отведена была купцамъ Свѣтешниковымъ, верстъ на двѣсти. На этой землѣ Маренцовъ завелъ монастырскія слободы, заселивши ихъ бѣглыми людьми изъ верховыхъ городовъ, а также крестьянами Мордвою и Чувашею, жившими прежде на дворцовыхъ земляхъ, съ которыхъ онъ переманилъ ихъ, освободивши на нѣсколько лѣтъ отъ тягла и податей[2]). Результатомъ подобной дѣятельности явилось то, что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ (1687 г.) Усолью принадлежали: село Жигулевка, Вознесенское тожъ, слобода Переволоцкая[3]), Чувашскія деревни: Новый Теплый Станъ подлѣ Брусянскаго ключа, Новый Теплый Станъ на Ногайскомъ бродѣ и деревня Старый Теплый Станъ. Въ самомъ Усольѣ, находившемся въ 863 саженяхъ отъ р. Волги и стоявшемъ на Усольскомъ озерѣ, въ интересахъ защиты отъ нападеній построенъ былъ деревянный городокъ[4]);

[1]) Тамъ же л 9.

[2]) Акты Ист. т. V, № 107.

[3]) Эта слобода лежитъ въ южной части Самарской луки, гдѣ р. Уса приближается къ Волгѣ.

[4]) Впрочемъ деревянное укрѣпленіе въ Усольѣ было, кажется, уже въ 1671 году, ибо нѣкоторые изъ приверженцевъ Разина (около 700 человѣкъ) сопротивлялись здѣсь правительственнымъ войскамъ, выбравши себѣ это мѣсто послѣ бѣгства Разина изъ подъ Симбирска. См. Матер. изд. А. Попова 67—68 сс.

всѣхъ дворовъ въ это время было около трехъ сотъ[1]), а жило въ нихъ около тысячи человѣкъ. Количество монастырской пашни съ тридцати четвертей, полученныхъ монастыремъ послѣ Свѣтешниковыхъ, дошло до 417 четвертей въ каждомъ полѣ съ 16.060 копнами сѣна, причемъ 387 четвертей земли въ каждомъ полѣ поименованы «новораспашною монастырскою пашнею». Кромѣ того, здѣсь же находилось «пашни крестьянскіе, тяглые и оброчные, бобыльскіе и работничьи и чувашскіе, что емлютъ изъ монастырскіе земли на оброкъ, 938 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 4606 копенъ». Сверхъ обработанной земли, Саввинскому монастырю въ описываемое время принадлежала здѣсь огромная масса «лѣсу пахотнаго и дикіе пахотные и непахотные степи», да кромѣ этого монастырь же владѣлъ на много верстъ Муромскимъ и Усинскимъ боромъ въ разныхъ мѣстахъ, въ которыхъ находились «бортные вотчины и звѣровья»[2]).

Если въ началѣ Самарской луки, въ сѣверной ея части, въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича мы встрѣчаемся съ острожкомъ, подъ защитой котораго могло образоваться постоянное поселеніе, то въ юговосточной части луки вслѣдствіе такого сосѣдства, какъ Самара, подобныя поселенія могли появиться гораздо раньше. Это кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что земля для города Самары изстари отведена была на противоположной сторонѣ Волги, отъ чего и уѣздъ города искони находился на правой сторонѣ Волги[3]). Въ здѣшнемъ мѣстѣ было тѣмъ удобнѣе отвести земли городскому населенію Самары, что въ юговосточной части Самарской луки горный кряжъ, изрѣзывающій ее своими отрогами, оставляетъ порядочную полосу земли свободною какъ разъ противъ города Самары. Обозрѣвая опись Самары съ уѣздомъ 1647-го года, мы встрѣчаемъ данныя, могущія подкрѣпить высказанное мнѣніе о появленіи по-

[1]) 299 дворовъ, въ которыхъ жило 962 человѣка. По всей вѣроятности, дѣятельность Леонтія Маренцова относится еще къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка; объ этомъ см. Д. А. И. т. 10, № 27.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159, лл. 8—10.

[3]) А. И. т. V, № 107.

селковъ на юговосточной сторонѣ Самарской луки. Въ самомъ городѣ Самарѣ составъ населенія въ описываемое время можетъ отчасти указывать намъ на посредствующее значеніе этого города для верховаго и низоваго Поволжья: среди посадскаго населенія Самары попадаются иногда такія прозвища, какъ «Чебоксаранинъ», «Казанецъ» и «Черноярецъ»[1]). Весь уѣздъ города Самары лежитъ на Самарской лукѣ; земли въ его уѣздѣ находятся во владѣніи дворцоваго вѣдомства, патріарха и нѣскольких помѣстныхъ людей — «Самарянъ дѣтей боярскихъ». Болѣе значительное село уѣзда Рождественское лежитъ противъ Самары, нѣсколько сѣвернѣе его, и принадлежитъ патріарху; въ немъ живутъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ (306 челов.), и среди нихъ попадаются бывшіе дворцовые, монастырскіе, помѣщичьи и посадскіе люди изъ Арзамасскаго, Алаторскаго и Тетюшскаго уѣздовъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ показываютъ слѣдующее: перешелъ онъ изъ Арзамасскаго уѣзда, изъ-за Арзамасца сына боярскаго, у котораго жилъ въ крестьянахъ, въ ближайшій Алаторскій уѣздъ, гдѣ жилъ за Алаторцомъ сыномъ боярскимъ, отъ котораго уже явился въ Самарскій уѣздъ и поселился въ селѣ Рождественскомъ. Кромѣ крестьянъ, въ патріаршемъ селѣ жили бобыли и захребетники; о послѣднихъ говорится, что они «прихожіе люди разныхъ городовъ», — слѣдовательно, можно предполагать, что пришли сюда недавно и едва успѣли устроиться. Сверхъ того, въ этомъ же селѣ, вѣроятно, для хозяйственныхъ надобностей, жили — патріаршій служка и наемные люди служебники[2]). За Рождественскимъ слѣдуетъ дворцовое село Ильинское, лежавшее, кажется, выше перваго; въ немъ въ моментъ описи было 255 человѣкъ; коренное населеніе его повидимому уже давно жило на этомъ мѣстѣ, потому что лишь немногіе указываютъ на мѣсто своей родины

[1]) Арх. Мин. Юст. Каз. Переп. кн. Самарскаго уѣзда за № 6408, кн. 30, лл. 7—22. «Всего въ городѣ Самарѣ на посадѣ посадскихъ жилецкихъ людей и ихъ дѣтей и братьи и племянниковъ и внучатъ и сосѣдей и подсосѣдниковъ 317 человѣкъ».

[2]) Тамъ же лл. 49—63.

и на время прихода своего въ село; напротивъ, захребетники этого села почти всѣ свидѣтельствуютъ о мѣстѣ прежняго своего жительства и о времени своего прибытія на мѣсто[1]). Къ селу Ильинскому были приписаны двѣ дворцовыя деревни: Выползова, лежавшая сѣвернѣе Ильинскаго, въ ней жили 195 человѣкъ, и *Новая Караульная*, въ которой во время описи было 140 человѣкъ. Быть можетъ, обѣ деревни основаны были, какъ это нерѣдко случалось, выходцами общины села Ильинскаго, которая временами отдѣляла отъ себя избытокъ населенія, селившійся подлѣ своей метрополіи; поселки эти сначала, вѣроятно, были невелики и увеличились вслѣдствіе сильнаго прилива населенія въ эту богатую землю, нѣсколько защищенную отъ случайности нападеній кочевыхъ обитателей низоваго Поволжья. Состояніе деревень въ моментъ описи и нѣкоторыя ихъ особенности того времени подкрѣпляютъ сдѣланное предположеніе; такъ, въ деревнѣ Выползовѣ не только захребетники, которыхъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ селѣ Ильинскомъ, но и многіе изъ крестьянъ указываютъ на прежнее свое мѣстопребываніе и на время своего прибытія въ деревню. Главный контингентъ насельниковъ выше упомянутой деревнѣ доставили Арзамасскій, Алаторскій и Тетюшскій уѣзды; кромѣ нихъ, мы встрѣчаемся еще здѣсь съ выходцами изъ Нижегородскаго и Балахонскаго уѣздовъ, лежащихъ далеко отъ Самарской луки[2]).

---

[1]) Такъ, бобыль «Александрко Софоновъ *Бочкарь*» показалъ: «а прежде сего жилъ онъ Александрко Тетюшскаго Покровскаго монастыря въ селѣ Исаковѣ во крестьянехъ, а въ селѣ Ильинскомъ живетъ онъ 6-й годъ»; у этого бобыля было 4 сына. Во дв. Иванко Петровъ, прозвище *Скоморохъ*, у него 3 сына, «да у него жъ Ивашки живутъ въ захребетникахъ Микитка да Сенька Архиповы дѣти; а Микитка и Сенька сказали: жили они прежъ сего въ Арзамасскомъ у. въ государевѣ селѣ Озоватовѣ во крестьянехъ, а въ селѣ Ильинскомъ живутъ другой годъ». Во дв. Офонька Петровъ *Овчинникъ*, у него 5 сыновей, «да у Офоньки жъ живетъ въ захребетникахъ Тимошка Дмитрѣевъ; а Тимошка сказалъ: жилъ онъ прежъ сего на Курмышѣ въ посадскихъ людехъ, а въ село Ильинское пришелъ въ нынѣшнемъ въ 1647 году», и. т. п. Тамъ же лл. 23—24, 32—33.

[2]) Такъ, въ деревнѣ Выползовѣ между прочимъ описаны слѣдующіе дворы: «Во дв. Микитка Алексѣевъ *Арзамасецъ*, у него сынъ Гришка, а у Гришки сынъ Ивашко, а прежъ сего жилъ онъ Микитка въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ селѣ Красномъ во крестьянехъ, а въ деревнѣ Выползовѣ живетъ во крестьянехъ 10-й годъ. Во дв. Пашка и Тимошка Ивановы дѣти Гробовщиковы, въ деревнѣ Выползовѣ живутъ во крестьянехъ 10-й годъ, а прежъ сего жили въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ Красной слоб. во крестьянехъ же. Во дв. Бориско Михайловъ, а у него живутъ въ захребетникахъ 2 зятя его Никифорко Өедоровъ, Тимошка Игнатьевъ, а прежде сего жили они въ Нижегородскомъ уѣз. въ Стародубовотцкомъ въ государевѣ селѣ Казаковѣ во крестьянехъ, а въ дер. Выползовѣ живутъ во крестьянехъ же 10-й годъ». и т. под. Тамъ же лл. 34—36.

Большинство выходцевъ были на родинѣ крестьянами въ селахъ и деревняхъ дворцовыхъ, монастырскихъ, митрополичьихъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ; изрѣдка попадаются также люди, бывшіе на родинѣ посадскими или же служилыми казаками. Что касается помѣстныхъ людей въ Самарскомъ уѣздѣ, то въ описываемое время мы находимъ испомѣщенными лишь двухъ: Филатова и Порѣцкаго; за первымъ изъ нихъ въ помѣстьѣ была деревня Ширяевъ Буеракъ, находившаяся въ сѣверовосточной части Самарской луки около рѣчки того же наименованія; въ этой деревнѣ жило 67 крестьянъ, бобылей и захребетниковъ съ семьями, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ во дворѣ находились работники и гулящіе люди. За Порѣцкимъ въ помѣстьѣ состояли двѣ деревни: одна, подъ названіемъ Осиновый Буеракъ, кажется, лежала въ южной сторонѣ луки[1]), другая же, Марквашп, находилась въ сѣверной ея части, на западъ отъ Ширяева Буерака; въ первой деревнѣ жило семь человѣкъ, а во второй, повидимому, недавно начавшей свое существованіе, находился только одинъ дворъ, въ которомъ, кромѣ самого крестьянина съ семьей, еще жилъ какой то Свіяженинъ[2]). Изъ обзора поселковъ Самарскаго уѣзда мы можемъ видѣть, что ближайшее къ городу Самарѣ поселеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое населенное, при чемъ, вѣроятно, Рождественское село появилось на лукѣ прежде другихъ, вслѣдствіе чего оно и получило возможность достигнуть сравнительно большей людности.

---

[1]) На югѣ Самарской луки и теперь еще есть владѣльческое село Осиновка-Никольское. См. Насел. М. Рос. Им. Симб. губ.

[2]) Тамъ же л. 67.

За тѣмъ, судя по количеству населенія и по названію «село», должно было основаться село Ильинское, послѣ котораго и, быть можетъ, въ зависимости отъ него появляются деревни Выползова и *Новая Ново-Караульная*. Первые поселки основывались, повидимому, преимущественно въ сѣверномъ направленіи отъ Самары, ибо мы застаемъ ихъ болѣе людными въ моментъ описи. Что же касается самаго времени ихъ появленія здѣсь, то, судя по состоянію ихъ въ описи, такія села какъ Рождественское и Ильинское, могли появиться не позже конца XVI столѣтія. Помѣстные же люди только недавно стали испомѣщаться въ Самарскомъ уѣздѣ, на что указываетъ и число испомѣщенныхъ людей, и слабая еще населенность деревень, бывшихъ во владѣніи Самарскихъ помѣщиковъ.

Изъ представленнаго очерка русскихъ поселеній на Самарской лукѣ мы можемъ вывести, что русскіе люди въ здѣшнихъ мѣстахъ старались по преимуществу селиться либо у самой Волги, либо въ близкомъ отъ нея разстояніи. Но мы знаемъ уже, что еще до появленія на лукѣ русскихъ поселковъ бортными и другими угодьями здѣсь владѣли инородцы, жившіе въ Казанскомъ уѣздѣ; нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ старожиловъ уѣзда въ началѣ XVIII вѣка, владѣли подлѣ луки «бортною вотчиною и звѣриными и рыбными ловлями изстари.... многіе годы, какъ и городъ Самара сталъ», внося за это владѣніе ясакъ; на владѣніе въ этихъ мѣстахъ угодьями инородцы (Мордва) имѣли грамоты еще отъ Казанскаго царя Сафа Гирея, подкрѣпленныя царемъ Борисомъ. Вслѣдствіе умноженія населенія и увеличившейся безопасности въ здѣшнихъ мѣстахъ инородцы, чтобы быть, вѣроятно, ближе къ своимъ богатымъ угодьямъ и лучше наблюдать за ними, переходятъ и селятся на Самарской лукѣ, которая могла представлять имъ бо́льшую безопасность отъ нападеній кочевниковъ, чѣмъ луговая сторона; впослѣдствіи на луговой сторонѣ инородцы владѣютъ уже не только старыми своими угодьями, но также и пахотною землею и сѣнными покосами[1]).

[1]) Арх. М. Ю. III отд. Меж. кн. за № 159, лл. 348—350.

Въ половинѣ XVII вѣка начинаютъ заселяться земли, лежащія во внутренней части Самарской луки, и первыя поселенія въ этомъ направленіи принадлежатъ инородцамъ; такъ, весною 1652 года четыре Черемисина обратились съ челобитною, «чтобъ государь ихъ пожаловалъ велѣлъ имъ Черемисѣ поселиться за собою государемъ на оброкѣ въ Самарскомъ уѣздѣ на нагорной сторонѣ *на дикомъ полѣ* въ Брусяныхъ вершинахъ у ключа вновь дворы выставить и подъ пашню заложные земли распахать и мутовку ручные жернова на томъ же ключѣ для молотя поставить изо льготы». По прошествіи же трехъ льготныхъ лѣтъ Черемисы вносили по два съ лишнимъ рубля въ годъ за пользованіе отведенною имъ землею и угодьями[1]). Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVII ст. среди Самарской луки застаемъ новую Чувашскую деревню Аскулу, изъ которой двое Чувашъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (1661 г.) просятъ позволенія перейти и «поселиться на новую, на пустовую землю на дикое поле па Сосновой солонецъ, за Аскулу (рѣку) на другую сторону, у семи сосенъ», на что, по обыкновенію, послѣдовало разрѣшеніе со льготою на первые годы и съ платою потомъ небольшаго оброка[2]).

Мы видѣли уже прежде, что служилые люди, записанные въ приказѣ Казанскаго дворца въ Москвѣ службою по Симбирску, послѣ своего прибытія на мѣсто должны были для пріисканія себѣ земель отправляться за валъ, т. е. находили земли южнѣе Симбирской черты, и здѣсь усердно испомѣщались мѣстными властями въ продолженіе семидесятыхъ годовъ

[1]) Чувашская деревня «Брусяна» находится посреди Самарской луки. Хотя въ началѣ грамоты говорится прямо о Черемисѣ, тѣмъ не менѣе во второй половинѣ грамоты говорится: «а льготы *имъ чювашъ* дано на 3 годы; а какъ льготные годы отойдутъ и имъ *чювашъ* съ тое своей пашенной земли и т. д.». Вообще, какъ изъ настоящаго случая, такъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ видно, что правительство не заботилось особенно различать инородцевъ. Тамъ же л. 90.

[2]) Тамъ же л. 90.

описываемаго столѣтія. Рядомъ съ ихъ испомѣщеніемъ идетъ заселеніе Самарской луки не только по берегамъ рѣки Волги, но и въ внутренней части луки. Въ виду этого заселенія правительству нужно было подумать о защитѣ населенія, спускавшагося и селившагося южнѣе Симбирской черты съ ея укрѣпленіями. Вѣроятно, отчасти для удовлетворенія такой потребности въ защитѣ построенъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія укрѣпленный городъ Пенза на рѣкѣ Сурѣ[1]). Вслѣдствіе сравнительно болѣе поздняго своего появленія въ здѣшнихъ мѣстахъ городъ Пенза и въ семидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія именуется еще «новымъ городомъ». Послѣ построенія Пензы служилые люди ближайшихъ къ нему уѣздовъ, желавшіе получить земли въ Пензенскомъ уѣздѣ, стали обращаться къ правительству съ челобитными отвести имъ пахоту съ угодьями въ ближайшихъ мѣстахъ; она отводилась имъ нерѣдко въ очень значительныхъ размѣрахъ. Быть можетъ, вслѣдствіе обширности подобныхъ пожалованій и отсутствія у служилыхъ людей возможности вполнѣ обработать полученныя земли, эти послѣднія иногда занимались пришлыми людьми, которые селились на нихъ своими дворами, считая ихъ, по всей вѣроятности, свободными землями[2]). Но уже

[1]) Городъ Пенза построенъ при впаденіи р. Пензы въ Суру. Время его построенія въ точности неизвѣстно. По преданію острогъ Пензенскій былъ выстроенъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII ст. *воеводою Елисеемъ Лачиновымъ*, который будто бы и населилъ Пензу. Населеніе ея состояло изъ Черкасъ, которые переселены были сюда изъ конныхъ казаковъ Троицкаго острога (Воронежской губ.), пѣшіе же казаки собраны были изъ разныхъ мѣстъ; да кромѣ того конные служилые люди присланы были двукратно изъ Шацка. Въ это же время будто бы отдѣльно поселены были и слободы, имѣнующіяся: первая Черкасская, вторая Конная, третья Стародрагунская и четвертая Новодрагунская. Преданіе это записано въ описаніи города Пензы, которое сдѣлано подполковникомъ Свѣчинымъ въ 1765 году; помѣщено въ Арх. Мин. Юст. въ кн. Сенат. 1762—1767 г. за № 936—3419, л. 924. Воевода Елисей Лачиновъ былъ казненъ въ Пензѣ въ 1671 году во время Разинскаго бунта Донскимъ казакомъ атаманомъ Мишкою Харитоновымъ. См. Матер. 153 с. По мнѣнію г. Артемьева, городъ Пенза основанъ раньше 1666 года. Гор. Пос. III, 583 с.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, лл. 30—32.

стремленіе населенія въ семидесятыхъ годахъ въ Пензенскій уѣздъ должно было показать правительству невозможность ограничиться построеніемъ здѣсь одного только города: послѣ проведенія въ Поволжьѣ Симбирской и Закамской чертъ, это въ глазахъ и самого правительства могло имѣть характеръ лишь временной мѣры. И дѣйствительно, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ у правительства складывается мысль о необходимости заложить въ здѣшнихъ мѣстахъ новую черту. Въ 1681 году, по царскому указу, въ восточную часть Пензенскаго уѣзда переводятся служилые люди изъ Саранска для засѣчной и сторожевой службы и водворяются въ отдѣльной слободѣ на городищѣ на рѣчкѣ Луевкѣ «на проходное мѣсто для обереженія отъ приходу воинскихъ людей». Саранцы образовали товарищество изъ «пятидесяти служебъ», и имъ въ здѣшнихъ мѣстахъ отведено было земли на сто человѣкъ подъ усадьбы и на пахоту вмѣстѣ съ угодьями. Но едва лишь эти сто человѣкъ распахали землю и отстроились на городищѣ въ Налуевской слободѣ, какъ отъ нихъ отдѣлился товарищъ ихъ, засѣчный сторожъ Васька Хлоповъ, и набралъ еще 50 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ изъ пригородовъ и слободъ Симбирской черты въ засѣчные сторожа; поселился онъ со вновь набранными товарищами въ особой слободѣ, въ разстояніи полуторы версты отъ своихъ прежнихъ сотоварищей, стѣснивши ихъ нѣсколько въ пахотѣ и угодьяхъ[1]). Лѣтомъ 1683 года Симбирскому воеводѣ князю Григорію Козловскому поручено было набрать полкъ служилыхъ людей и вмѣстѣ съ набраннымъ полкомъ отправиться къ Самарской лукѣ; здѣсь, подлѣ южной стороны луки, на рѣкѣ Сызранкѣ ему велѣно было построить новый городъ. Въ его полку приказано было находиться Симбирянамъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, изъ иноземцевъ, мурзъ и татаръ полковой службы, изъ Симбирскихъ и Корсунскихъ

[1]) Въ обоихъ отрядахъ отводилось: пятидесятнику по 40 четв., десятнику по 30 четв. и рядовому по 20 четв. въ каждомъ изъ трехъ полей; сѣна и угодій въ соотвѣтствіи съ пахотою. Тамъ же лл. 29—30, 33—37.

копейщиковъ и рейтаръ, изъ стрѣльцовъ и казаковъ Симбирской и Корсунской черты; въ заключеніе всѣмъ имъ «велѣно не замотчавъ иттить для строенія того Сызранскаго города»[1]). Выстроенъ былъ городъ Сызрань на мѣстѣ, на которомъ дотолѣ находились, кажется, мордовскіе бортные ухожаи; городъ занималъ веселое гористое мѣстоположеніе между рѣками Сызранкою и Крымзою, въ сѣверной части. Для городской крѣпости было выбрано самое высокое мѣсто на берегу р. Сызранки; укрѣпленіе было обнесено кругомъ бревенчатою стѣною съ валомъ и сверхъ того было окопано рвомъ[2]). Для населенія новаго города въ 1684 году взяты были изъ Казани и Тетюшъ 236 солдатъ съ женами и дѣтьми, къ которымъ должны были присоединиться 239 человѣкъ изъ Чебоксаръ; всѣмъ имъ было выдано на дворовое строеніе по 4 рубля на человѣка — «противъ ихъ братьи переведенцевъ иныхъ городовъ, которые переведены въ новопостроенные пригороды по Симбирской и по Корсунской чертѣ», и всѣ они опредѣлены были «на вѣчное житье въ новопостроенный городъ Сызрань»[3]). Въ томъ же году Симбирскому воеводѣ Козловскому «велѣно солдатъ новопостроеннаго города Сызрана устроить землями вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья», вслѣдствіе чего уже въ слѣдующемъ году (1685 г.) Сызранскимъ солдатамъ были отведены и самыя земли. Подлѣ города на пространствѣ двухъ верстъ прежде всего «отведено изъ порозжей земли въ верхъ и въ низъ рѣки Сызрана города Сызрана всякихъ чиновъ градскимъ жителямъ на выпуски», — и затѣмъ уже «отведено на пашню земли Сызранскимъ солдатамъ 148 человѣкамъ, переведенцамъ Казанскимъ, Тетюшскимъ, Чебоксарскимъ»; земли отведены были имъ по Симбирской, Корсунской и Самарской дорогамъ;

---

[1]) Доп. А. И. т. 10, № 86.

[2]) Таковою была развалившаяся деревянная крѣпость во время Палласа. «Путеш.» I, 254 с. Журн. Мин. Вн. Д. 1849 г., часть 28, 471 с.; помѣщенная здѣсь статья о Сызрани составлена по архивнымъ документамъ Симбирской гражданской палаты.

[3]) Доп. А. И. т. 10, № 86, грам. II.

сѣнные же покосы отмѣрены были имъ на рѣкѣ Волгѣ, по близости, на большомъ Сызранскомъ островѣ и въ нѣкоторыхъ иныхъ мѣстахъ[1]). Одновременно съ распоряженіемъ о построеніи города Сызрани другою грамотой (1683 г. окт.) приказано было селиться тутъ Симбирскимъ казакамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. При сооруженіи самаго города старецъ Кириллъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми переведенцами изъ солдатъ подали (1683 г.) царямъ челобитную, прося разрѣшить имъ построить у города на мысу, между рѣками Сызранью и Крымзою, при устьѣ послѣдней, мужской деревянный монастырь, чтобъ мѣстнымъ жителямъ, давшимъ обѣтъ, можно было въ старости постригаться въ немъ. Постройка монастыря была разрѣшена правительствомъ, которое при этомъ отвело монашествующимъ на пропитаніе въ здѣшнихъ мѣстахъ 825 десятинъ пахотной, лѣсной и сѣнокосной земли[2]). Одновременно съ новымъ городомъ Сызранью тѣмъ же бояриномъ и воеводою построена была *новая Сызранская черта*, по которой и въ засѣчныхъ крѣпостяхъ въ разныхъ мѣстахъ поселены были служилые люди[3]). Имѣя въ виду то обстоятельство, что къ Сызранской чертѣ относились станичные казаки Луевскаго городища, слѣдуетъ предполагать, что эта черта примыкала къ городу Пензѣ. Къ Сызранской укрѣпленной линіи принадлежали и станичные казаки Печерской слободы, поселенные въ юго-западной части Самарской луки, въ 35 верстахъ отъ города Сызрани; здѣсь въ 1684 году имъ, пятидесяти человѣкамъ,

---

[1]) Вѣроятно, изъ Чебоксаръ вмѣсто 239 человѣкъ прислано было гораздо меньше солдатъ, потому что по смыслу грамоты 236 солдатъ Казанскихъ и Тетюшскихъ были уже въ Симбирскѣ на пути въ Сызрань, Чебоксарскихъ же въ то время еще тамъ не было. Земли солдатамъ отводились «противъ Симбирскихъ валовыхъ казаковъ: сержантамъ 8 человѣкамъ по 40, десятникамъ 40 человѣкамъ по 30, рядовымъ на 370 человѣкъ по 20 четв. въ полѣ, а въ дву потому жъ съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи». Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159 лл. 394—395.

[2]) Жур. Мин. Вн. 1849 г. 28 ч. 471, 473 сс.

[3]) Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, лл. 254—255; Жур. Мин. Вн. Д. 1849, 28 ч. 474—475 сс.

отведены были по Самарской дорогѣ пахотныя земли съ сѣнными покосами и угодьями[1]). Впослѣдствіи солдаты Печерской слободы съ сержантомъ владѣютъ сѣнными покосами на луговой сторонѣ Волги, противъ Печерской слободы, вмѣстѣ съ Симбирскими служилыми людьми, испомѣщенными въ южной части Самарской луки, около Печерской слободы[2]).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Сызрани, южнѣе этого города, въ разстояніи семи верстъ отъ него, построено было на Волгѣ новое укрѣпленіе, получившее названіе Кашпира отъ рѣчки, у которой оно находилось[3]). Кашпировское укрѣпленіе, выстроенное на Волжскихъ горахъ, состояло, кажется, изъ четырехъугольнаго дубоваго кремля, утвержденнаго на земляномъ валѣ, на каждой стѣнѣ котораго стояли три башни[4]). Населеніе города Кашпира, какъ пограничнаго военнаго пункта, состояло глванымъ образомъ изъ солдатъ, которые были тутъ водворены въ числѣ 188; всѣмъ имъ въ 1688 году «вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья отведено подъ пашню земли и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій противъ Сызранскихъ

¹) Предѣлы ихъ земель опредѣляются между прочимъ такъ: «до Печерскихъ горъ ... по Волгѣ рѣкѣ до Татарскаго городища и до рѣчки Усы и вверхъ по Усѣ до Кошерика (Тишерика рѣчки)... новоприборныхъ казаковъ, которые прибраны будутъ въ казачью службу». Арх. Мин. Юст. Меж. кн. за № 159 л. 83.

²) Тамъ же лл. 365, 388.

³) Время построенія города Кашпира въ точности неизвѣстно; вслѣдствіе же того. что въ 1689 году «*изъ Москвы посланъ былъ въ новопостроенный городъ Кашпиръ нарочный*», которому поручено было «въ томъ городѣ Кашпирѣ отвесть солдатамъ переведенцамъ *подъ дворы* и подъ пашню земли», слѣдуетъ предполагать, что постройка Кашпира, какъ раньше этого Сызрани, была произведена за годъ предъ отводомъ земель, т. е. въ 1687 году, и никакъ не раньше 1686 года,—во всякомъ случаѣ *послѣ* города Сызрани, потому что сѣнокосы Сызранскимъ солдатамъ были отведены уже въ 1684 году и простирались до рѣчки Кашпирки, и только позднѣе, въ 1689 году, сѣнныя угодья отведены были переведенцамъ солдатамъ Кашпира, при чемъ отводомъ была захвачена часть сѣнокосовъ Сызранскихъ жителей, которые жаловались правительству на этотъ захватъ. Тамъ же л. 395.

⁴) Въ такомъ видѣ, лишь *обветшалымъ*, пригородъ Кашпиръ былъ въ шестидесятыхъ годахъ XVIII в., при посѣщеніи Лепехина. «Записки Лепехина» I, 344 с.

солдатъ»[1]). Составъ населенія въ Кашпирѣ, судя по назначенію сюда вначалѣ нѣкоторыхъ служилыхъ людей, былъ, какъ и въ остальныхъ вновь созидаемыхъ городахъ, пестрый: солдаты, вѣроятно, были набраны изъ старыхъ Поволжскихъ городовъ, и ихъ водворяли здѣсь вмѣстѣ съ семьями на вѣчное житье, взявши «по нихъ поручныя записи»[2]). Одновременно съ землями и угодьями для Кашпировскихъ солдатъ пожалована была нѣсколько южнѣе земля и угодья Московскому дворянину Семену Константинову сыну Дмитріеву, который отводилъ земли Кашпировскимъ солдатамъ; покосы Дмитріева были по обѣимъ сторонамъ Волги, ниже Кашпира, и впослѣдствіи (1699 г.) были еще больше увеличены[3]).

Между тѣмъ какъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII вѣка русское правительство было озабочено работами по постройкѣ новаго города Сызрани и по проведенію въ здѣшнихъ мѣстахъ новой черты, которая должна была обезопасить населеніе правой стороны низоваго Поволжья на пространствѣ между городами Сызранью и Симбирскомъ, — на Волгѣ появляется стремленіе къ осѣдлости въ мѣстахъ, лежащихъ южнѣе города Кашпира. Вслѣдствіе изобилія рыбы въ Волжскихъ водахъ, особенно въ пустынныхъ полосахъ, гдѣ ее почти не тревожили уловомъ, нѣкоторыя мѣста здѣсь съ давняго времени обратили на себя вниманіе вліятельныхъ и предпріимчивыхъ Московскихъ монастырей. Такъ, извѣстный Чудовъ монастырь уже въ началѣ XVII столѣтія (1606 г.) получилъ отъ царя Ивана Васильевича Шуйскаго право рыбной ловли въ рѣкѣ Волгѣ ниже Самарской луки «въ Самарскихъ тихихъ Сосновыхъ водахъ, отъ Чернаго затону внизъ Волги рѣки на 45 верстъ до устья Елань-Иргизъ». Право монастыря на рыбную ловлю въ

¹) Арх. Мин. Юст. Меж. кн. № 159, л. 395.

²) Тамъ же «Казань, реестръ дѣламъ по Симбирскому уѣзду кн. 35; № 6473. Челобитье 1687 г. (?). Въ 1703 г. среди Кашпирскихъ солдатъ находился «Семенъ *Костромитиновъ*». Тамъ же Межев. кн. за № 159, л. 382.

³) Тамъ же Межев. кн. за № 159, л. 378.

здѣшнихъ мѣстахъ впослѣдствіи было подкрѣплено грамотами царей Михаила и Алексѣя; послѣдній разрѣшилъ (1653 г.) монастырскимъ властямъ «на рѣкѣ Волгѣ въ Самарскихъ водахъ... рыбу ловить про монастырской обиходъ тридцатью связками»[1]). Все это пространство предоставлено было Чудову монастырю, по выраженію грамоты, «съ займищи и съ разливы *по сухой берегъ только для одной рыбной ловли*», вслѣдствіе чего «ватаги рыбнаго промыслу» должны были «стоять по островамъ». Рыбною ловлею въ этихъ мѣстахъ ловцы занимались обыкновенно «только съ весны до полулѣта», послѣ чего они уходили, оставляя станы и ватажное строеніе по островамъ. Весною, въ полую воду, острова на Волгѣ обыкновенно затопляются водою, а «станы ихъ (монаховъ) и всякое ватажное строеніе по вся годы сноситъ и ломаетъ безъ остатку, и убытки имъ чинятся великіе». Въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія монастырь порѣшилъ, вслѣдствіе, вѣроятно, ожидаемыхъ выгодъ, кромѣ лѣтней завести здѣсь «осеннюю и зимнюю ловлю»; для этого ему необходимо было предварительно заготовлять «къ тому зимовью всякіе зимніе припасы и лошадиные кормы, для всякаго ловецкаго извороту—лѣсъ, лыка и лубья», права же занять нужный для всего этого сухой берегъ на нагорной сторонѣ, который «не снимаетъ водою» у монастырскихъ властей не было. И вотъ въ 1685 году онѣ обращаются къ царю съ челобитною, прося дать имъ на устройство ватагъ для рыбнаго промыслу, мѣсто напротивъ ихъ рыбныхъ ловель «на нагорной сторонѣ подлѣ Волги рѣки сухой берегъ отъ Ташевые горы по Хорошенской переборъ», указывая при этомъ государю на то, что «тотъ вольской пустой берегъ въ дачахъ ни за кѣмъ не бывалъ, сталъ *за новою чертою* ниже города Сызранска верстъ съ сорокъ»[2]). Вся эта мѣстность находится въ началѣ XVIII столѣтія во владѣніи Чудова монастыря и въ то время здѣсь

[1]) Тамъ же лл. 249—253.
[2]) Тамъ же лл. 254—255.

уже встрѣчается значительное монастырское поселеніе,—извѣстное село Архангельское, Сосновый островъ тожъ. Вѣроятно, въ видахъ большей убѣдительности монастырь указываетъ еще и на то, что въ это время «по указу великихъ государей учали на Волгѣ новые городы строить[1]), и земли и угодья въ дачи давать,—чтобъ имъ (монахамъ) отъ нихъ (новыхъ поселенцевъ) тѣсноты не было»; при этомъ высказывается опасеніе относительно того, «чтобъ которые люди тѣхъ береговыхъ угодій (для нихъ нужныхъ) не заняли подъ пашни и сѣнокосы». Отсюда мы можемъ заключать, что, быть можетъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія въ здѣшнихъ мѣстахъ существовалъ уже постоянный монастырскій поселокъ. Другой изъ Московскихъ монастырей, Новоспасскій, тоже поспѣшилъ воспользоваться своими рыбными ловлями въ Волжскихъ водахъ, чтобъ завести въ этихъ мѣстахъ постоянныя поселенія, въ увѣренности, что монастырскія выгоды отъ этого много выиграютъ. Еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (1632 г.) Новоспасскій монастырь получилъ жалованную грамоту, которою ему за ежегодный двадцатирублевый оброкъ предоставлены были «въ рѣкѣ Волгѣ Саратовскія Иргизскія рыбныя ловли отъ Канины Тубы внизъ по Волгѣ по нижнюю изголовь осиноваго куста и съ осиновою нижнею и съ Терсицкою косами по обѣ стороны Волги по разливъ вешней воды, *по старымъ рубежамъ*». Должно быть, здѣшнія рыбныя ловли доставляли Новоспаскому монастырю хорошіе доходы, потому что при Алексѣѣ Михайловичѣ монастырь спѣшитъ расширить въ этихъ мѣстахъ свой промыселъ: въ царствованіе этого государя братія выхлопотала грамоту (1653 г.), по которой, за прибавку къ старому оброку 17 рублей и 7 алтынъ, монастырю «дано къ тѣмъ же водамъ Иргизскій юртъ по обѣ стороны тѣхъ водъ и Волги рѣки по старымъ рубежамъ съ рѣчки и съ ерки, и съ буераки, и съ озеры, и съ займищи, а на горахъ съ вѣн-

[1]) Города Сызрань и Кашпиръ были дѣйствительно построены около того времени.

цы и съ рѣчки; Иргизомъ отъ россошей до устья и съ упалыми рѣчки, которыя изъ за-поль впали въ Иргизъ». Такимъ образомъ, воды рѣки Волги на извѣстномъ протяженіи, вмѣстѣ съ ея притоками: рѣчкою Терсою съ нагорной стороны и рѣками Большимъ и Малымъ Иргизомъ съ луговой стороны, были эксплоатируемы Новоспасскимъ монастыремъ за небольшой, повидимому, оброкъ.

Увѣнчавшееся успѣхомъ стремленіе Московскаго Чудова монастыря пріобрѣсти себѣ часть нагорнаго берега Волги съ цѣлью завести постоянное поселеніе въ мѣстности, гдѣ онъ прежде владѣлъ одною лишь рыбною ловлею, вызвало, какъ сказано, подобное же стремленіе у властей Новоспасскаго монастыря. Въ девяностыхъ годахъ XVII-го столѣтія власти этого монастыря обращаются къ правительству съ ходатайствомъ, чтобъ примыкающія къ ихъ водамъ «земли со всѣми угодьи даны (были) въ вотчину Спасскому монастырю безъ мѣры по старымъ урочищамъ». Будучи заранѣе увѣрены, что правительство предоставитъ имъ просимыя земли, также точно, какъ прежде пожалованы были земли Чудову монастырю, Новоспасскія власти до формальнаго отвода имъ земли поспѣшили перевести нѣкоторыхъ своихъ крестьянъ «изъ разныхъ вотчинъ» и поселили ихъ въ этихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ Новоспасскимъ монастыремъ были, по его словамъ, «построены два села: Малыковка на Волгѣ, Терса на р. Терсѣ», — и когда просимыя земли въ концѣ XVII столѣтія (1699 г.) отведены были монастырю, то вышеупомянутыя села уже существовали на монастырскихъ земляхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ [1]). Вѣроятно, молва о богатствѣ земель и угодій ни-

[1]) Тамъ же лл. 29, 248. Говоря, что поселенія здѣсь были раньше формальнаго отвода земель Новоспасскому монастырю, мы имѣемъ въ виду, что отводъ земель монастырю произведенъ былъ лишь въ 1699 году, между тѣмъ какъ въ этомъ же году отводились земли ниже Воскресенскому монастырю, а въ его межахъ значатся уже земли селъ Малыковки и Терсы; слѣдовательно, можно предполагать, что оба эти села существовали раньше отвода, ибо необходимо было время для переселенія и устройства крестьянъ на мѣстѣ.

зоваго Поволжья вмѣстѣ съ тою легкостью, съ какою правительствомъ пожалованы были угодья Чудову и Новоспасскому монастырямъ, возбудили въ представительницѣ третьяго Московскаго монастыря, въ игуменьѣ Новодѣвичья монастыря, желаніе пріобрѣсти въ низовомъ Поволжьѣ участокъ для своихъ хозяйственно-экономическихъ операцій. Вслѣдствіе этого игуменья обратилась съ ходатайствомъ къ государю и Новодѣвичью монастырю пожалованы были въ 1683 году въ вотчину «Атрубскіе воды въ Синбирскомъ уѣздѣ, которые были на оброкѣ за Синбиренином посацкимъ человѣкомъ за Иваномъ Бородулинымъ, а послѣ за крестьяниномъ бояриuа князя Михаила Яковлевича Черкасскаго, за Обросимомъ *Портнымъ* и за иными обротчики, съ стержневыми рыбными ловлями, которые за тѣми обротчики написаны по приходнымъ книгамъ 190 г.» (1682)[1]). По всей вѣроятности, хозяйственная дѣятельность Новодѣвичья монастыря принесла вскорѣ ему хорошіе плоды потому что уже въ началѣ XVII вѣка въ здѣшнихъ мѣстахъ на берегу р. Волги «раскинулось довольно обширное село, густо застроенное съ нѣсколькими церквами и высокою колокольней», носившее названіе монастыря-владѣтеля,—Новодѣвичье[2]). По всей вѣроятности тѣже мотивы, которые возбуждали въ это время энергію Московскихъ монастырей побудила и властей Воскресенскаго монастыря, находящагося въ Московскомъ уѣздѣ, обратиться въ концѣ XVII вѣка къ правительству съ просьбою отвести ему «на рѣкѣ Волгѣ въ Змѣевыхъ горахъ дикое поле». Какъ результатъ этого ходатайства, было въ 1699 году «отмежевано архимандриту Воскресенскаго монастыря съ бра-

[1]) Границы монастырскихъ владѣній означены въ грамотѣ слѣдующимъ образомъ: «На Нагайской сторонѣ Атруба съ истошными озеры по обѣ стороны отъ Черемшанской заводи до Усы р. и по Волгѣ р. выше Атрубы до Черемшанской волошки . . . да рѣчка Бушуйка въ верхъ по Волгѣ р. до Костомской заводи *съ озеры и съ истоки по обѣ стороны Волги рѣки*», и 2 острова на самой Волгѣ. Арх. Мин. Юст. Межев. кн. № 159, л. 196.

[2]) «Путешествіе Корнилія де-Бруина черезъ Московію» с. 172. (Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч.).

тьею въ Сызранскомъ уѣздѣ изъ дикихъ поль отъ устья рѣчки Багая, идучи на низъ по рѣчкѣ Терешкѣ, до устья рѣчки Березовки, и межъ тѣхъ рѣчекъ Багаю и Березовки отъ устья и до вершинъ.... до Волги рѣки.... на пашню земли на 500 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, да подъ усадьбы на 100 чети»[1]). Въ началѣ XVIII столѣтія на этомъ мѣстѣ застаемъ уже село Сергіевское, Воскресенское тожъ, принадлежавшее Воскресенскому монастырю, которое, вѣроятно, образовалось здѣсь такъ же, какъ и села другихъ монастырей: изъ монастырскихъ крестьянъ, переведенныхъ монастыремъ изъ другихъ своихъ вотчинъ, съ присоединеніемъ къ нимъ бѣглаго и гулящаго люда, котораго въ низовомъ Поволжьѣ всегда было достаточно. Въ то время какъ ватаги рыбныхъ ловцовъ въ низовьяхъ Волги обзаводились постояннымъ населеніемъ, паралельныя имъ мѣста, находившіяся въ сторонѣ отъ Волжскаго пути, въ это время также занимаются предпріимчивыми людьми, стремящимися воспользоваться тѣми особенностями, которыя имъ представлялись тамъ. Такъ, одинъ изъ служилыхъ людей конца XVII вѣка, найдя на рѣкѣ Кададѣ[2]), «порожжее мельничное мѣсто и порожжіе сѣнные покосы», здѣсь лежавшіе, просилъ, чтобъ ему «то мельничное мѣсто дать въ помѣстьѣ за четвертную пашню за десять четвертей, а сѣнные покосы межъ рѣчекъ въ угодье», — что и было ему отведено по распоряженію изъ Казанскаго дворца[3]).

Выше было говорено о ненормальномъ положеніи нѣкоторыхъ инородцевъ, жившихъ въ Поволжьѣ, по отношенію къ христіанству и къ представителямъ православной вѣры, которые не пренебрегали насиліемъ при обращеніи Мордвы въ

[1]) Тамъ же л. 257. Земля эта лежитъ по Волгѣ ниже земель Новоспасскаго монастыря, съ которыми она граничила на сѣверѣ. Относительно лѣса сказано: «а въ лѣсъ въѣзжать крестьянамъ въ той своей дачѣ, которая по Волгѣ и по Терешкѣ рѣкамъ».

[2]) Рѣчка Кадада течетъ въ западной части Хвалынскаго уѣзда.

[3]) Саратов. Сборн. 1881 г. «Старинный документъ» 56 — 58 сс. Челобитчика звали Степанъ Григорьевъ Чирковъ,—впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ является *село Чирково-Никольское* на р. Кададѣ.

христіанскую вѣру; мы видѣли, какъ дѣйствовали подобные пріемы на несчастныхъ инородцевъ, покидавшихъ родину и заселявшихъ свободныя, ненаселенныя земли. Но не одни инородцы были въ религіозномъ отношеніи въ ненормальномъ положеніи въ XVII столѣтіи, — масса русскихъ людей послѣ патріарха Никона очутилась въ томъ же положеніи: они отказались признать книжныя исправленія и нововведенія этого патріарха, вслѣдствіе чего получили наименованіе старообрядцевъ или раскольниковъ. Возмущеніе Соловецкое въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ показало Московскому правительству, что количество и энергія приверженцевъ стараго благочестія значительны. Преслѣдуемые въ центральныхъ и населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, раскольники въ восьмидесятыхъ и въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка убѣгали въ украинныя мѣста—на Хоперъ и на Медвѣдицу, пробирались въ низовое Поволжье и на Донъ къ казакамъ; всюду они соединялись между собой, привлекали къ себѣ недовольныхъ общественными и религіозными порядками тогдашняго времени, строили городки (на рѣкѣ Медвѣдицѣ), изъ которыхъ распространяли свое вліяніе на сосѣднія мѣста, стараясь возбуждать людей къ дѣйствіямъ противъ Московскаго правительства. Иногда раскольники собирались въ большія шайки, грабили на Волгѣ людей, приступали къ городамъ въ низовомъ Поволжьѣ и наводили страхъ на мѣстныхъ воеводъ[1]). Подобные факты въ связи съ появленіемъ въ описываемое время осѣдлаго населенія на правой сторонѣ Волги, южнѣе Сызрани и Кашпира, должны были озабочивать русское правительство. Между тѣмъ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ выступаетъ Петръ Великій, неутомимая энергія котораго обнаружилась вскорѣ послѣ его восшествія на русскій престолъ. Какъ извѣстно, Петръ послѣ своей сестры Софьи унаслѣдовалъ непріязненныя отношенія къ Турціи, и вотъ этою

[1]) Акт. Ист. т. V, №№ 220 и 254. Ист. Рос. С. Соловьева т. XIII, 360 с.; т. XIV, 82—83, 284 сс.

войной онъ рѣшился воспользоваться для осуществленія своей мысли—утвердиться на берегу моря. Для этого въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка (1695 и 1696 г.) Петръ предпринималъ два похода къ Черному морю на укрѣпленный приморскій городъ Азовъ, принадлежавшій Туркамъ, и, наконецъ, завладѣлъ имъ. Но, овладѣвши городомъ, лежавшимъ вдали отъ центра русской власти и въ сторонѣ отъ остальныхъ русскихъ городовъ, Петръ долженъ былъ закрѣпить его за Россіею, сдѣлать русскимъ городомъ, этого же можно было достигнуть лишь водвореніемъ здѣсь русской военной силы и поселеніемъ русскихъ людей. Поэтому царскимъ указомъ велѣно было, чтобъ «служилые люди казаки, засѣчные сторожи и станишники изъ Низовыхъ городовъ: Симбирска, Саранска, Инсара и Пензы, которые въ уѣздахъ тѣхъ городовъ были устроены землями и поселены были слободами, всего 3007 съ женами и съ дѣтьми переведены (были) на вѣчное житье въ Азовъ»; изъ одного Налуевскаго городища переведено было въ Азовъ 198 засѣчныхъ сторожей[1]). Сверхъ того было опредѣлено: быть всегда въ Азовѣ въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ Московскимъ стрѣльцамъ и годовымъ солдатамъ[2]). Одновременно съ переселеніемъ массы людей съ Симбирской и Сызранской укрѣпленныхъ чертъ русское правительство, кажется, вознамѣрилось провести въ Поволжьѣ новую черту южнѣе Сызранской, такъ какъ послѣдняя, въ описываемое время, послѣ появленія на Волгѣ ниже Кашпира новыхъ поселковъ, уже не вполнѣ соотвѣтствовала своему назначенію: служить защитой окраинному населенію отъ опасностей со стороны кочевыхъ непріятелей. Поводомъ же къ такому рѣшенію могло послужить намѣреніе молодаго царя соединить каналомъ Волгу съ Дономъ[3]). И въ самомъ дѣлѣ, укрѣпленная черта, проведенная въ здѣшнихъ мѣстахъ, могла защитить не только поселки, появившіеся южнѣе Кашпира въ

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, л. 37, обор.
[2]) Ист. Рос. С. Соловьева т. XIV, 216 с.
[3]) Каналъ долженъ былъ проходить между рѣкою Илавлею, притокомъ Дона, и рѣчкою Камышенкою, притокомъ Волги.

восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ XVII столѣтія, но и городъ Саратовъ. Кромѣ черты подлѣ Камышенки, правительство на этомъ большомъ пространствѣ, вѣроятно, въ видахъ той же защиты своего окраиннаго населенія не только противъ кочевниковъ, но и со стороны русскихъ бѣглецовъ-удальцовъ, рѣшилось выстроить на рѣкахъ Медвѣдицѣ и Хопрѣ по одному городу: на первой построенъ былъ Петровскъ, а на второй Павловскъ. Петровская крѣпость выстроена была (1697—1698 гг.) изъ дубоваго лѣса на лѣвомъ берегу р. Медвѣдицы и имѣла четыреугольную форму; эта крѣпость обнесена была валомъ, по которому шла стѣна съ восемью башнями, а подлѣ вала былъ выкопанъ глубокій ровъ[1]). Для заселенія новыхъ городовъ назначены были люди, жившіе по вышеупомянутымъ укрѣпленнымъ линіямъ. Объ этомъ говорится слѣдующее: «которые въ тѣхъ слободахъ за тѣми азовскими переведенцами остались третчики и половинщики, и тѣхъ велѣно перевесть на вѣчное житье въ новопостроенные городы: на Медвѣдицу—въ Петровской, да на Хоперъ—въ Павловской». Должно быть, въ воспоминаніе о родныхъ мѣстахъ нѣкоторыя улицы въ Петровскѣ доселѣ носятъ названія, происходящія отъ Пензы, Саранска, Инсара и т. под. Первые жители записаны были въ пахотные солдаты, воротники, пушкари и затинщики; пахотные солдаты дѣлились на четыре роты и были снабжены ружьями; другіе служилые люди обязаны были находиться въ случаѣ обороны отъ непріятелей при пушкахъ и воротахъ крѣпостныхъ[2]). Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что масса слободскаго служилаго населенія, поселенная на Сызранской чертѣ для охраны и защиты здѣшнихъ окраинъ, была переведена отсюда въ отдаленный Азовъ и въ новые города, построенные на притокахъ р. Дона; такимъ образомъ русская граница въ этихъ мѣстахъ была, повидимому, обнажена. Но нельзя допустить, чтобъ правительство молодаго царя обнажало окраину отъ защиты, не

[1]) «Историч. очер. Саратовск. края». Леопольдова, 59 с.
[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Меж кн. за № 159, л. 37, обор. и 270 л. «Историч. очер. Сарат. кр.» Леопольдова 59 с.

предпринимая въ тоже время въ иныхъ мѣстахъ новыхъ защитительныхъ мѣръ въ пользу обнаженныхъ земель. Между жителями города Камышина сохранилось преданіе о томъ, будто бы въ 1692 году Казанскій воевода бояринъ князь Черкасскій, согласно полученному указу, собралъ со всѣхъ городовъ Казанской области тысячу человѣкъ изъ стрѣльцовъ и черносошныхъ крестьянъ, и сформировалъ изъ нихъ полкъ. Четыре года спустя, полку этому велѣно было отправиться съ семействами въ городъ Камышенку, куда они и прибыли въ концѣ лѣта 1697-го года[1]). Показанія нѣкоторыхъ старожиловъ города Дмитріевска, дошедшія до насъ отъ первой половины XVIII-го вѣка, подтверждаютъ отчасти мѣстное преданіе. Отставные и служилые солдаты того времени показывали, что они «по указу Петра перваго въ прошлыхъ давнихъ лѣтехъ переведены изъ Казани и изъ прочихъ верховыхъ городовъ на рѣку Камышенку для построенія вновь города Дмитріевска и для содержанія карауловъ и разныхъ службъ». Прозвище «Лаишевецъ» одного изъ казаковъ—старожиловъ половины XVIII-го вѣка можетъ также свидѣтельствовать, что Поволжскіе города преимущественно доставили контингентъ для населенія города Дмитріевска[2]). Доказательствомъ того, что городъ Дмитріевскъ построенъ не ранѣе начатія работъ по проведенію соединительнаго канала между Волгою и Дономъ, т. е., не ранѣе девяностыхъ годовъ XVII вѣка, можетъ также служитъ и грамота патріарха Адріана къ Астраханскому митрополиту, написанная весною 1699-го года.: въ ней городъ Дмитріевскъ названъ «новопостроеннымъ» городомъ. Сверхъ того, иностранный путешественникъ начала XVIII вѣка (въ маѣ 1703 г.), посѣтившій проѣздомъ Камышинъ, свидѣтельствуетъ, что городъ былъ тогда еще не вполнѣ обстроенъ и говоритъ, что постройка города начата была за четыре года предъ этимъ временемъ[3]);

[1]) Город. Посел. Рос. Им. т. IV, 436 с.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Дѣла Сарат. уѣзда. Вязка 61, дѣло за № 2300.

[3]) «Путешествіе Корнилія де-Бруина» Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч. 179 с. Пытаемся опредѣлить время построенія города Дмитріевска на рѣчкѣ Камышенкѣ въ виду маловѣроятнаго извѣстія о постройкѣ этого города, находящагося въ Географич. Лексик. Рос. Госуд Полунина, изд. въ 1773 г.; здѣсь на 82 стр. сказано слѣдующее: «Дмитріевскъ или Камышенка, при устьѣ р. Камышенки, построенъ въ 1668 году и укрѣпленъ англійскимъ полковникомъ, бывшимъ въ русской службѣ, Томасомъ Байлемъ».

самое время отвода пахоты и угодій первымъ насельникамъ города Дмитріевска (что совершилось лишь въ началѣ XVII столѣтія (1707 г.)), также косвенно подкрѣпляетъ то, что городъ здѣсь построенъ не ранѣе девяностыхъ годовъ XVII вѣка, ибо, какъ мы уже не разъ видѣли, отводъ земель и угодій новоселенцамъ происходилъ вскорѣ послѣ ихъ водворенія на новомъ мѣстѣ[1]). Къ основанію города въ этомъ мѣстѣ низоваго Поволжья правительство могло быть побуждаемо рѣшеніемъ построить здѣсь соединительный каналъ между Волгою и Дономъ; этотъ каналъ вслѣдствіе большаго значенія, которое ему придавало русское правительство для торговли, нужно было тщательно охранять отъ опасностей въ низовомъ Поволжьѣ, которыя, по свидѣтельству путешественника половины XVII вѣка, особенно велики были именно въ здѣшнихъ мѣстахъ[2]). Что же касается укрѣпленной черты, которую, повидимому, правительство имѣло въ виду провести въ здѣшнихъ мѣстахъ, то объ этомъ мы можемъ догадываться по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ.

[1]) По просьбѣ служилыхъ людей города Дмитріевска сюда присланъ былъ «нарочно изъ приказа Казанскаго дворца дьякъ Макаръ Полянскій», который въ 1707 году отвелъ имъ «вокругъ города Дмитріевска на выпускъ и на сѣнные покосы, также лѣсныя мѣста и воды для рыбныхъ ловель» по нагорной и по луговой сторонѣ на 440 десятинъ; между прочимъ по луговой сторонѣ рѣка Еруслань съ вершинами; а на р. Волгѣ острова: Дубовскій, Камышенскій и Шишкинскій. Арх. Мин. Юст. III отд. Саратов. у. дѣла. Вязка 61-я, № дѣла 2300.

[2]) Олеарій въ своемъ путешествіи говоритъ слѣдующее объ этомъ мѣстѣ: «По этимъ рѣкамъ (Камышенкѣ и Иловлѣ) Донскіе казаки на легкихъ челнахъ заплываютъ и въ Волгу, отъ чего мѣсто это считается самымъ опаснымъ по разбоямъ»; далѣе онъ говоритъ о большомъ побоищѣ, которое «не много лѣтъ тому назадъ» было на этомъ мѣстѣ между русскимъ войскомъ и казаками, которые укрѣпились здѣсь «и хотѣли запереть свободный ходъ по Волгѣ»; во время сраженія съ обѣихъ сторонъ погибло около 1000 человѣкъ. Де-Брюину въ началѣ XVIII стол. тоже разсказывали въ г. Камышинѣ о нападеніяхъ Донскихъ казаковъ въ этомъ мѣстѣ. Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1869 г. I, 436 с; 1872 г. 3 ч., 180 с.

На самой Волгѣ, около рѣчки Камышенки, кромѣ города Дмитріевска, стоявшаго на лѣвой сторонѣ рѣчки па высокомъ мѣстѣ, находилось на правой сторопѣ другое укрѣпленіе, которое, по своему положенію, почиталось какъ бы частью перваго и называлось Петровскъ[1]). Кромѣ этихъ новопостроенныхъ городовъ «у Волги рѣки на усть рѣчки Камышенки», имѣлось въ виду, судя по выраженію патріаршей грамоты конца XVII-го столѣтія, построить и другіе города *«по чертѣ къ Дону рѣкѣ»*, въ которыхъ должны были быть выстроены церкви; слишкомъ значительное для вновь построеннаго укрѣпленія число семей служилыхъ людей, бывшихъ въ началѣ XVIII столѣтія въ Камышинѣ (ихъ жило тогда 4000 семей), косвенно можетъ также свидѣтельствовать о намѣреніи въ то время русскаго правительства построить въ этой мѣстности новую укрѣпленную черту[2]). Сами старожилы города Дмитріевска въ своей челобитной правительству въ половинѣ XVIII столѣтія писали, что они «по строеніи города (Дмитріевска), за неимѣніемъ въ то время Царицынской линіи, отъ набѣговъ Кубанскихъ имѣли неусыпные въ службѣ труды и всеусердное *по присяжной своей должности* стараніе». Такимъ образомъ можно предположить, что служба служилыхъ людей въ здѣшнихъ мѣстахъ до постройки въ 1719 году Царицынской линіи, замѣняла собою службу служилыхъ людей на этой послѣдней[3]),

---

[1]) «Stromsyst. Wolga» von Müller 499 p. Город. Пос. Рос. Им. IV, 437 с.

[2]) Чтеніе Общ. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч., 180 с.

[3]) Арх. Мин. Юст. III отд. Сарат. уѣзд. дѣла. Вязка 61, дѣло за № 2300. Доп. А. И. т. XII, № 98. Цвѣтущее сост. Всерос. Государ. Ив. Кириллова II-ая ч., 29—30 сс. Трудно допустить, чтобъ патріархъ въ своей грамотѣ подъ «чертой» между Волгою и Дономъ разумѣлъ только строившійся въ то время каналъ.

ГЛАВА IV-я.

Земли, защищенныя Закамскою чертою и ихъ положеніе сравнительно съ землями, замыкаемыми Симбирскою чертою. Заселеніе Закамскихъ земель послѣ проведенія Закамской черты. Русскія и инородческія поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ. Водвореніе Полоцкой шляхты на р.р. Уткѣ и Майнѣ. Построеніе острожковъ на р.р. Уткѣ и Майнѣ. Крестьянская колонизація на земляхъ Прикамскихъ. Хозяйственныя условія въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка Нижегородскаго и нѣкоторыхъ иныхъ уѣздовъ внутренней Россіи и выселенія крестьянъ въ низовое Поволжье. Русскіе и инородческіе поселки въ предѣлахъ р.р. Утки, Майны и Уреня въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Башкирцы и Калмыки въ прикамской сторонѣ и ихъ дѣйствія здѣсь. Продолженіе заселенія Примайнскихъ странъ русскими людьми и инородцами. Состояніе русскихъ и инородческихъ поселеній на земляхъ Примайнскихъ въ концѣ XVII вѣка. Водвореніе иноземцевъ на р.р. Безднѣ, Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ въ концѣ описываемаго вѣка. Положеніе крестьянъ и служилыхъ людей въ Прикамской сторонѣ въ концѣ столѣтія.

Земли, защищенныя Закамской линіею, пространствомъ своимъ были обширнѣе земель, которыя замыкались укрѣпленною Симбирскою чертою; послѣднія, будучи меньше по своему пространству, въ тоже время находились въ болѣе благопріятномъ положеніи относительно кочеваго населенія степи, чѣмъ Закамскія земли: Симбирская полоса лежала, съ одной стороны, вдали отъ Крыма и Кубани, а съ другой—ширина и глубина Волги нѣсколько защищали ее отъ хищническихъ нападеній Калмыковъ и Башкиръ. Находясь въ такомъ сравнительно благопріятномъ положеніи къ степному населенію, Симбирскія земли, кромѣ того, соединялись съ коренными русскими областями,—примыкали къ нимъ непосредственно. Вслѣдствіе этого русскому населенію изъ значительныхъ городовъ и густо населенныхъ странъ двигаться въ Симбирскую сторону было легче и удобнѣе, чѣмъ въ Закамскія страны; Симбирскія земли по

своему положенію могли нерѣдко быть переходными даже для людей, которые стремились къ переселенію въ Закамскую сторону. При подобныхъ условіяхъ землямъ, защищеннымъ Симбирскою чертою, всего естественнѣе было скоро заселиться, и неудивительно, что служилые и неслужилые люди довольно скоро спускаются ниже Симбирской черты и заселяютъ постепенно земли, лежащія за валомъ вмѣстѣ съ Самарскую лукою, такъ что уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка является необходимость построить новый городъ Сызрань съ Сызранско-Пензенскою укрѣпленною чертою. Совершенно въ иномъ положеніи находились Закамскія земли: съ одной стороны онѣ граничили со степью, гдѣ жили кочевые Башкирцы и Калмыки, при всякомъ случаѣ готовые не только поживиться достаткомъ осѣдлаго населенія, но и захватить въ плѣнъ самого поселенца вмѣстѣ съ членами его семейства, чтобъ выгодно сбыть этотъ живой товаръ на рынкахъ средней Азіи; съ другой стороны эти земли примыкали къ Камѣ рѣкѣ, по которой населеніе, за исключеніемъ южной части ея, было очень рѣдко: огромныя пространства правой, нагорной стороны Камы, заняты были еще дремучими лѣсами, поджидавшими себѣ населенія, которое не особенно сюда спѣшило, предпочитая иныя болѣе благопріятныя страны. Вслѣдствіе этого медленный процессъ колонизаціи Закамскихъ земель, замыкаемыхъ укрѣпленною Закамскою чертою, является естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыя онѣ были поставлены. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что вслѣдствіе болѣе значительнаго пространства, захваченнаго Закамскою чертою, земли эти для своего заселенія требовали гораздо большаго количества людей, чѣмъ земли, защищенныя Симбирскою укрѣпленною чертою.

Еще до окончанія постройки Закамской черты земли на Камѣ, давно покинутыя своимъ населеніемъ и лежавшія «отъ татарскаго разоренія впустѣ», начали привлекать вниманіе нѣкоторыхъ лицъ, обладавшихъ средствами. Такъ, напримѣръ, игуменъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря выхлопоталъ у правительства въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія (1655 г.)

на оброкъ «порозжую землю за р. Камою противъ устья рѣки Икъ» вмѣстѣ съ лѣсомъ, сѣнными покосами и рыбными ловлями,—причемъ инородцы ближайшихъ деревень, подтверждая тотъ фактъ, что «нынѣ та земля лежитъ впустѣ и лѣсомъ поросла», свидѣтельствуютъ также и о томъ, что на этихъ мѣстахъ «въ прежніе годы живали на пашенной землѣ отцы ихъ», которые отъ нападенія на нихъ съ боемъ «съ той земли розошлися розно на новыя мѣста, и съ тѣхъ мѣстъ ту землю покинули и та земля поросла лѣсомъ»[1]). Послѣ проведенія Закамской линіи тотъ же игуменъ Богоявленскаго монастыря получилъ въ оброкъ «порозжую землю», которую онъ съ братьею «обыскалъ въ Казанскомъ уѣздѣ на Волгѣ рѣкѣ противъ города Симбирска внизъ по Волгѣ», указывая при этомъ правительству, что «та земля, луги и лѣсъ—мѣсто степное, лежитъ впустѣ, никому не отдана»[2]). Но, кромѣ игумена отдаленнаго Костромскаго монастыря, послѣ окончанія укрѣпленной черты на здѣшнія земли обратилъ вниманіе человѣкъ съ значительными средствами и большимъ вліяніемъ на Руси — патріархъ Московскій и всея Россіи. Въ надеждѣ, что съ проведеніемъ Закамской черты утвердится безопасность въ здѣшней сторонѣ, патріархъ поспѣшилъ пріобрѣсти земли на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ, притокахъ рѣки Волги; на правомъ берегу первой, подлѣ Балымерскаго городища, онъ завелъ поселенія, между которыми впослѣдствіи упоминаются село съ деревнею; на берегу другой рѣчки, Майны, позднѣе тоже упоминаются патріаршие поселки, среди которыхъ встрѣчаемъ село съ церковью, и деревню. На другой сторонѣ Майны, на полянкѣ, по всей вѣроятности для защиты вышеупомянутыхъ поселеній, водворены были «за патріархомъ бѣлопашенные казаки». Въ патріаршихъ селахъ и деревняхъ на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ при усадьбахъ отведены были земли, на которыхъ заведены были «пашня и сѣн-

[1]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6488.

[2]) Въ межахъ этой земли говорится, что она на 10 верстъ южнѣе Симбирска, при чемъ не разъ упоминается рѣчка Камаюръ, впадающая въ рѣку Волгу южнѣе Симбирска съ лѣвой стороны. Тамъ же грам. 1661 г. за № 6498.

ные покосы и всякія угодья»[1]). Съ окончаніемъ же укрѣпленной черты не одни русскіе люди стремяться въ Закамскую сторону, богатую черноземною почвою и естественными произведеніями, — сюда направляются также и инородцы. Природныя богатства здѣшнихъ рѣкъ и лѣсовъ искони были извѣстны инородцамъ Казанскаго уѣзда, и они, какъ мы знаемъ, не оставались праздными созерцателями этихъ богатствъ, а пользовались ими въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ. Но пользованіе нѣкоторыми природными богатствами здѣшней страны не требовало постояннаго пребыванія здѣсь инородца: онъ могъ лишь на время приходить сюда, справляться съ состояніемъ своихъ бортей въ лѣсахъ, съ бобровыми гонами и рыбными ловлями въ мѣстныхъ рѣкахъ, пользоваться тѣми произведеніями, которыя попадали въ его руки и возвращаться въ Казанскій или Свіяжскій уѣзды, гдѣ находилось его мѣстожительство. Но такъ поступать инородецъ могъ лишь до тѣхъ поръ, пока здѣшнія земли были пустынны; когда же стали появляться здѣсь постоянныя поселенія, то инородцу было необходимо селиться подлѣ своихъ угодій, чтобъ блюсти за ихъ неприкосновенностью со стороны постороннихъ людей. Кромѣ того, плодородіе черноземной почвы, нетронутой еще обработкой, тоже должно было привлекать служилыхъ инородцевъ сосѣднихъ уѣздовъ, которые при земледѣліи могли заниматься тутъ и другими промыслами. И вотъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія (1661 г.) сынъ служилаго татарина Симбирскаго уѣзда *Янганайка Кадышеве* предоставляетъ братьямъ своимъ владѣть на родинѣ отцовскою помѣстною землею и нести съ нея государеву службу, а самъ отправляется въ Казань и выхлопатываетъ себѣ и будущимъ своимъ сотоварищамъ на берегу рѣки Уреня пахотной земли съ сѣнными покосами около Волги, обязываясь за это нести государеву службу по Казанскому уѣзду; вслѣдствіе этого на лѣвой сто-

[1]) Арх. Мин. Ю. т. III отд. Писц. кн. за № 1127 лл. 629, 631, 649 и 652; кн. 13 за № 64.2, № дѣла 55, л. 4.

ронѣ Уреня, притокѣ рѣки Волги, появляется деревня *Янганаева*, Яртудина тожъ, населенная служилыми татарами, которые несутъ впослѣдствіи полковую службу по Казани съ пожалованныхъ имъ земель[1]). На другой сторонѣ рѣки Уреня, ближе къ устью, на притокѣ ея, небольшой рѣчкѣ Кременкѣ, основывается также поселеніе, о которомъ, впрочемъ, намъ извѣстно лишь то, что «въ тѣхъ *росчищахъ* надъ рѣчкою Кременкою селидьба бывала до селидьбы патріаршихъ крестьянъ»[2]). Вмѣстѣ съ описанными здѣсь поселеніями въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка по Уреню и по Майнѣ съ ея притокомъ, рѣчкою Красною, появляются другіе поселки, мордовскіе и татарскіе, которыхъ насельники между прочимъ занимаются также и пашнею; но, по всей вѣроятности, главное занятіе инородцевъ въ здѣшнихъ мѣстахъ были промыслы, особенно бортный, ибо въ правительственныхъ актахъ конца шестидесятыхъ годовъ говорится прямо: «на Закамской чертѣ безъ бортныхъ ухожеевъ лѣсовъ мало, потому что за Камою рѣкою въ лѣсахъ все бортные ухожеи во всей Закамской чертѣ», въ другомъ мѣстѣ это же самое выражено еще рѣзче: «а безъ бортныхъ ухожеевъ во всей Закамской чертѣ лѣсовъ нѣтъ»[3]). Вспоминая огромныя пространства дѣвственныхъ лѣсовъ, которые упоминаются при описаніи Закамской черты, мы получаемъ ясное представленіе о главномъ занятіи инородцевъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и о степени развитія у нихъ бортнаго промысла. Слѣдуетъ указать и на то еще, что при своемъ поселеніи здѣсь русскіе люди чаще всего предпочитаютъ мѣста около Волги и, вообще, недалеко отъ устьевъ здѣшнихъ рѣкъ, между тѣмъ какъ инородцы селятся по среднему теченію рѣкъ или же въ верховыхъ частяхъ. За тѣмъ при выборѣ мѣстъ для поселенія русскіе, какъ люди, главнымъ образомъ занима-

[1]) Тамъ же Казань, переп. кн. за № 7, дѣло за № 152, лл. 228, 237 и 259.

[2]) Тамъ же Писц. кн. за № 1127, лл. 651 и 668.

[3]) Тамъ же лл. 632, 649, 651 и 670.

вшіеся земледѣліемъ, предпочитали мѣстность открытую, свободную отъ лѣса, который въ здѣшнихъ мѣстахъ былъ только лишнимъ препятствіемъ для земледѣльца, препятствіемъ, требовавшимъ отъ него значительнаго предварительнаго труда,—очищенія почвы для пахоты. Сохранившіяся наименованія нѣкоторыхъ деревень, бывшихъ за патріархомъ на р.р. Уткѣ и Майнѣ, доказываютъ это наглядно: онѣ называются Полянка и Застепная[1]). Инородцы же по свойству своихъ любимыхъ занятій должны были предпочитать мѣста у лѣсныхъ опушекъ, если не самыя полянки въ лѣсу[2]).

Такъ началось въ разныхъ мѣстахъ заселеніе обширной страны, въ надеждѣ на прочную защиту со стороны вновь проведенной укрѣпленной черты. Защита эта и на самомъ дѣлѣ существовала, но далеко не въ той степени, какъ ожидали нѣкоторые изъ предпріимчивыхъ колонизаторовъ, которые поспѣшили пріобрѣсти отъ правительства земли въ здѣшнихъ мѣстахъ и заселили ихъ въ ожиданіи значительныхъ выгодъ. По всей вѣроятности, кочевые обитатели сосѣдней степи не замедлили своими нападеніями дать почувствовать новымъ колонистамъ, что сооруженіемъ Закамской линіи достигнута была лишь относительная безопасность здѣшнихъ мѣстъ, ибо мы знаемъ, что вотчиннымъ крестьянамъ Троицкаго Елабужскаго монастыря около этого времени «отъ приходу измѣнниковъ Башкирцевъ и Татаръ чинилось разоренье не по одно время», и что нѣкоторые изъ крестьянъ «были пожжены, а иные посѣчены и въ полонъ пойманы»[3]). Объ одномъ же изъ нападеній Башкирцевъ 1666 г., дошедшихъ до устьевъ рѣки Камы, мы имѣемъ даже извѣстіе, которое, не смотря на свою отрывочность, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе насельника въ здѣшней сторонѣ послѣ

[1]) Тамъ же лл. 631, 649, 652; кн. за № 13, дѣло за № 55, л. 4.

[2]) Такъ, напримѣръ, берега средняго теченія р. Майны съ притокомъ ея р. Красною, по которымъ въ то время находились Мордовскіе поселки, еще и въ настоящее время покрыты огромными лѣсами. См. спец. карту Евр. Рос. (машт. 10 вер.) 1870 г. № 110.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6562.

проведенія Закамской черты. Въ царской грамотѣ, данной Казанскому Преображенскому монастырю, говорится, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ вышеупомянутаго года «измѣнники Башкирцы Закамскую вотчину Преображенскаго монастыря, деревню Чертыкъ, разорили», — при чемъ указываются и данныя, свидѣтельствующія о матеріальномъ ущербѣ, понесенномъ деревнею, которая за двадцатъ слишкомъ лѣтъ предъ этимъ испытала разореніе отъ Калмыковъ: въ грамотѣ сказано, что во время нападенія, «по досмотру и по доѣзду станичнаго головы и по сказкѣ крестьянина деревни Чертыкъ, въ полонъ взято монастырскихъ крестьянъ 42 человѣка, да побито 7 человѣкъ,—2 человѣка ранены; да въ деревнѣ жъ Чертыкѣ сожжено 4 крестьянскихъ двора; а людей въ тѣхъ дворѣхъ сгорѣло: посельской старецъ да 20 человѣкъ крестьянъ»[1]). Отсюда можно видѣть, что даже поселенія, лежавшія на р. Чертыкѣ, по прежнему испытывали отъ кочевниковъ опустошенія, послѣ которыхъ поселокъ не скоро могъ оправиться. Но само собою понятно, что съ постепеннымъ удаленіемъ поселеній отъ береговъ Камы опасность, грозившая имъ въ здѣшней сторонѣ, должна была сильно увеличиваться, при чемъ поселенія, лежавшія въ чистомъ полѣ или въ степныхъ мѣстахъ, подвергались гораздо большимъ опасностямъ, чѣмъ поселки, находившіеся въ лѣсу или же подлѣ лѣсной опушки; поселенія, подобныя послѣднимъ, могли быть либо совсѣмъ незамѣчены вторгнувшимся непріятелемъ, либо насельники могли укрыться въ лѣсу, въ которомъ легко спасались въ такомъ случаѣ. Вслѣдствіе подобныхъ условій мы находимъ, что русскія поселенія на Уткѣ и Майнѣ, принадлежавшія патріарху, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія совершенно исчезаютъ, между тѣмъ какъ инородческіе поселки большей частью сохраняются, ибо акты того времени упоминаютъ о нихъ, какъ о существующихъ въ области рѣкъ Майны и Уреня. Такимъ образомъ для мѣстной

[1]) Тамъ же, Собран. грам. Преображ. монастыря подъ № 6429, грам. 1667 года.

власти должно было стать ясно, что для безопасности русскаго населенія въ здѣшней сторонѣ одной Закамской черты съ ея укрѣпленіями недостаточно, что мѣстами здѣсь необходимы особыя укрѣпленія, независимо отъ сооруженій по укрѣпленной линіи, что полезно было бы водвореніе здѣсь такого рода насельниковъ, которые не только были бы въ состояніи держать въ рукахъ земледѣльческое орудіе, но при необходимости могли бы замѣнять его оружіемъ для успѣшнаго дѣйствованія противъ внезапно появившагося непріятеля. Такіе люди въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка были въ распоряженіи русскаго правительства, которое и воспользовалось ими въ своихъ интересахъ на здѣшней окраинѣ.

Въ началѣ польской войны при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ почти одновременно со взятіемъ Смоленска царскія войска овладѣли другимъ древне-русскимъ городомъ на западной окраинѣ—Полоцкомъ. Въ Полоцкѣ, подобно Смоленску, пограничной крѣпости Польскаго государства, находилось особое мѣстное войско,—такъ называемая «Полоцкая шляхта», состоявшая изъ полковника, ротмистровъ, поручиковъ, хорунжихъ и рядовыхъ людей, которые послѣ сдачи Полоцка поступили въ распоряженіе русскаго правительства. Въ то время, какъ Полоцкъ по Андрусовскому перемирію (1667 г.) былъ возвращенъ Польшѣ, Полоцкая шляхта съ полковникомъ Гаврилою Гаславскимъ обнаружила должно быть желаніе остаться на Руси, чтобъ служить русскому государю. И вотъ московское правительство въ 1668 году рѣшилось водворить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Закамской стороны Полоцкую шляхту, подобно тому, какъ въ пятидесятыхъ годахъ этого же столѣтія, оно поселило подлѣ разныхъ острожковъ Закамской черты Смоленскую шляхту четырехъ знаменъ. Шляхты «Гаврилова полку Гаславскаго съ товарыщи» въ распоряженіи правительства было 532 человѣка. Съ самаго начала всѣ они раздѣлены были на двѣ группы: къ первой, небольшой группѣ съ полковникомъ во главѣ, принадлежали тѣ изъ нихъ, которымъ вмѣстѣ съ землею и угодьями рѣшено было дать и крестьянъ; остальнымъ же

предположено было отвести въ здѣшнихъ мѣстахъ одну лишь землю съ угодьями. Принявъ во вниманіе, что между получившими и неполучившими крестьянъ шляхтичами встрѣчаются одинаково люди чиновные и нечиновные, затѣмъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что всѣ шляхтичи, получившіе крестьянъ, за исключеніемъ одного ротмистра, поселены были по обѣимъ сторонамъ православной церкви, можно предполагать, что крестьянъ получили тѣ шляхтичи, которые либо исповѣдывали уже православную вѣру, либо согласились предварительно принять православіе. Говоримъ это потому, что трудно предположить, чтобъ русское правительство при такомъ религіозномъ царѣ, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ царь Алексѣй Михайловичъ, рѣшилось предоставить православныхъ людей во владѣніе не только иноземцамъ, но и иновѣрцамъ. Присутствіе же православныхъ среди полоцкой шляхты допустить слѣдуетъ тѣмъ скорѣе, что городъ Полоцкъ съ своею областью очень долгое время принадлежалъ древней Россіи и тамъ, не взирая на дѣятельную католическую пропаганду въ XVII столѣтіи, могло еще сохраниться православіе въ нѣкоторыхъ дворянскихъ семьяхъ, потому что, какъ извѣстно, религіозная сфера принадлежитъ къ консервативнѣйшимъ въ человѣческихъ обществахъ.

Въ началѣ 1668 года (сентяб.) изъ Казанскаго приказа, находившагося въ Москвѣ, отправлена была грамота въ Казань на имя тамошнихъ воеводъ, въ которой говорилось, что «государь указалъ и бояре приговорили всю Полоцкую шляхту Гаврилова полку Гаславскаго съ товарищи, которые были на Москвѣ и которые были въ Казани, всѣхъ разобрать по статьямъ въ Казани и устроить ихъ землями въ Казанскомъ уѣздѣ по Закамской чертѣ; а на тѣ земли, продолжаетъ грамота, указалъ великій государь взять крестьянъ изъ Казанскаго, Свіяжскаго Царевококшайскаго и изъ Еранскаго уѣздовъ изъ дворцовыхъ селъ великаго государя—съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы и съ хлѣбомъ»[1]).

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. старыхъ лѣтъ, кн. 13, № 2 л. 1.

Вслѣдствіе этого распоряженія въ началѣ весны того же года отправлены были изъ Казани служилые люди въ дворцовыя села названныхъ уѣздовъ, для того, чтобъ въ тѣхъ селахъ съ тянувшими къ нимъ деревнями и починками «переписат крестьянъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и ихъ братью и племянниковъ со отцы и съ прозвищи всякаго человѣка и, переписавъ, выбрать изъ того села и изъ деревень съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами и съ дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы и съ хлѣбомъ». Въ другомъ мѣстѣ находимъ указаніе на то, что относительно зажиточности выборъ крестьянъ производился «изъ середней статьи, съ жеребья», т. е., приблизительно съ каждыхъ двадцати дворовъ крестьянскихъ, «по сказкамъ земскихъ старостъ и за руками всѣхъ крестьянъ», выбирались по зажиточности крестьяне средней статьи, которые и вынимали жребій; крестьянинъ, вынувшій жребій, со всею семьею и имуществомъ поступалъ въ число крестьянъ, предназначенныхъ для Полоцкой шляхты[1]). Вслѣдствіе этого распоряженія дворцовымъ крестьянамъ вышепоименованныхъ уѣздовъ выпала тяжкая доля, потому что каждому переселенцу въ настоящемъ случаѣ необходимо было разстаться съ общиною, въ которой онъ если и не родился, то во всякомъ случаѣ могъ успѣть обжиться и достигнуть средней зажиточности въ крестьянскомъ хозяйствѣ; теперь же это хозяйство, при переѣздѣ въ далекія, незнакомыя мѣста, должно было неминуемо разстроиться. Сверхъ того ему на новомъ мѣстѣ являлась въ перспективѣ власть помѣщика — иноземца. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что тягости, лежавшія на жеребьевыхъ крестьянахъ, должны были распредѣлиться между остальными членами крестьянской общины. Ничего нѣтъ удивительнаго по этому, что при такихъ обстоятельствахъ въ нѣкоторыхъ людныхъ селахъ Свіяжскаго уѣзда (въ Тенкахъ и Ключищахъ) «старосты и всѣ крестьяне, по словамъ перепищика, указу великаго государя не послушали, учинились сильны, къ книгамъ

[1]) Тамъ же № 6, л. 3 и другіе.

рукъ не приложили и сказокъ за руками не дали». Но, по всей вѣроятности, неповиновеніе это было не радикальнаго свойства, потому что онъ же, перепищикъ, «крестьянъ, которые выбраны по жеребью изъ средней статьи, велѣлъ до указу великаго государя беречь тѣхъ селъ и деревень крестьяномъ, съ кого они взяты»[1]). Весной того же года (апрѣль) къ Казанскимъ воеводамъ отправленъ былъ указъ изъ Москвы, чтобъ «изъ Казани на рѣки Утку и Майну послать дворянина да приказной палаты подъячаго добрыхъ, и на тѣхъ рѣкахъ переписать и измѣрить землю, и положить въ четверти и на чертежъ, сколько будетъ четвертей пашни на тѣхъ рѣкахъ»; сверхъ того, эти же посланцы должны были «полковника Гаврила Гаславскаго и всю Полоцкую шляхту построить по рѣкамъ по Уткѣ и по Майнѣ на угожихъ мѣстахъ, подлѣ крѣпостой и засѣкъ, *чтобъ въ приходъ воинскихъ людей имъ, шляхтѣ, жить было безстрашно и отъ воинскихъ людей разоренія не было*». Въ другомъ мѣстѣ по этому же поводу сказано: «а построить бы ихъ (шляхтичей) землями, гдѣ напередъ сего бывали села и деревни.... на земляхъ, которыя-бъ земли не подошли близко всякихъ ясачныхъ уголей и бортныхъ ухожеевъ,—а земель бы ясачныхъ въ дачѣ отнюдь не было бъ». Землю Полоцкой шляхтѣ велѣно было отводить по чину того лица, которому производился отводъ: полковнику отведено было по 100 четвертей въ каждомъ полѣ, ротмистру по 80 четвертей, поручику по 70 четвертей,—остальнымъ чинамъ вмѣстѣ съ рядовыми людьми по 60 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей съ сѣнными покосами соотвѣтственно пашнѣ. Группѣ Полоцкой шляхты съ полковникомъ во главѣ велѣно было «на тое землю государева жалованья крестьянъ» давать: полковнику — 12 дворовъ крестьянскихъ, каждому ротмистру по 10 дворовъ, всякому поручику, хорунжему и рядовому по шести дворовъ; всѣхъ шляхтичей, которымъ правительство опредѣлило дать крестьянъ было 31 человѣкъ; кромѣ полковника здѣсь находилось восемь ротмистровъ, капитанъ, семь поручиковъ, семь хорунжихъ и семеро «изъ

[1]) Тамъ же № 4, л. 2.

рядовой *породной шляхты*». По поводу земель, которыя должны были отводится Полоцкой шляхтѣ безъ крестьянъ, говорится слѣдующее: «а давать имъ безъ крестьянъ землю съ ряду съ одного и не выборомъ, противъ указу и разбору, а лишніе земли сверхъ указу однолично никому не давать; а что, сказано далѣе, будетъ земли за ихъ дачами, и то потому жъ измѣрить и положить въ четверти и отъ ихъ земли отмежевать». Наконецъ въ наказѣ находится и повелѣніе о томъ, чтобъ Полоцкой шляхтѣ не отводить мѣстъ, гдѣ въ старину были укрѣпленные города: «а на которыхъ мѣстехъ на рѣкахъ на Уткѣ и на Майнѣ бывали старые городищи и валы и осыпи со всякими крѣпостьми, и тѣхъ мѣстъ шляхтѣ не давать, потому что въ тѣхъ мѣстахъ будутъ построены по прежнему городы и всякіе крѣпости»[1]). Вслѣдствіе такого приказанія центральнаго правительства въ концѣ того же года (августъ) изъ Казани отправлены были съ подробнымъ наказомъ на рр. Утку и Майну служилый дворянинъ Михаилъ Бараковъ и подьячій Анисимъ Чередѣевъ съ порученіемъ исполнить все вышеупомянутое. И вотъ они, пріѣхавъ на Утку и Майну, остановили свое вниманіе на мѣстахъ, «гдѣ прежъ сего были патріаршія села и деревни, усадьбы, пашня и земли и сѣнные покосы и всякія угодья»; все это они «описали и въ четверти положили и на чертежъ начертили»; на этихъ-то земляхъ, по ихъ словамъ, и были «построены усадьбою и пашенною землею и сѣнными покосы со всѣми угодьи» полковникъ съ ротмистрами, поручиками, хорунжими и рядовою шляхтою, «*которые пріѣхали на Утку и на Майну рѣки принимать земли*». Большая часть прибывшихъ шляхтичей (таковыхъ же оказалось очень не много) водворены были на р. Майнѣ. Здѣсь по лѣвой сторонѣ, надъ рѣкою Майною, на мѣстѣ прежняго патріаршаго села, предварительно было «отмѣрено земли, подъ церковь Божію, гдѣ прежъ сего была церковь Божія, и попомъ съ причетники подъ усадьбы»; послѣ этого уже «отъ церковной земли на низъ по Майнѣ рѣкѣ» отмѣрена была земля на усадьбы полковнику и нѣкоторымъ его товарищамъ (до 18 человѣкъ); затѣмъ «по другую сторону церковной земли въ верхъ по Майнѣ» отведены были усадебныя земли одному изъ ротмистровъ съ товарищами. Не смотря на желаніе служилыхъ людей, помѣщавшихъ шляхту, а можетъ быть и самихъ водворяемыхъ жить на р. Майнѣ въ одномъ мѣстѣ, они не могли быть испомѣщены такимъ образомъ потому, «что на старой усадьбѣ ихъ полковника съ товарищи, которые пріѣхали на р. Майну пріимать земли, въ одномъ мѣстѣ усадебною полною землею всѣхъ ихъ построить негдѣ, а другая половина усадебной земли дана имъ по той же сторонѣ» Майны, рядомъ, но только въ другомъ мѣстѣ. Сверхъ того, отдѣльная группа шляхты вмѣстѣ съ капитаномъ водворена была «на другой сторонѣ р. Майны на полянкѣ, гдѣ за патріархомъ жили бѣлопашенные казаки». Всего въ разныхъ мѣстахъ на р. Майнѣ поселено было изъ Полоцкой шляхты 43 человѣка, которымъ отведено было усадебной земли 236 десятинъ. Объ отводѣ же имъ пахоты сказано, что «къ той усадебной землѣ полковнику съ товарищи отмѣрено пашенные земли противъ усадебъ среди поля», при чемъ нѣкоторымъ изъ рядовыхъ шляхтичей, не получившимъ крестьянъ на земли, вмѣстѣ съ двумя сыновьями полковника Гаславскаго отведено было по 50 четвертей въ полѣ каждому, вмѣсто 60 четвертей; на церковь («попу съ причетники») отмѣрено было по 40 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей. Пахотная земля во всѣхъ трехъ поляхъ отведена была «съ ряду въ верхъ по Майнѣ рѣкѣ къ Краснорѣцкимъ мордовскимъ пашнямъ»[1]). При землѣ усадебной и пашенной Полоцкой шляхтѣ отмѣрено было здѣсь «по дубровамъ и по низкимъ непашеннымъ мѣстамъ и по болотамъ подлѣ Майны рѣки на выпускъ (выгонъ) 236 десятинъ». О сѣнныхъ покосахъ сказано, что отведены «всѣмъ имъ помѣщикомъ вопче», при чемъ они простирались, съ одной стороны, отъ устья рѣки Майны внизъ по Волгѣ до конца шляхецкихъ пахотныхъ полей, а съ другой—вверхъ по Майнѣ до грани полей размежеванныхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ съ

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, лл. 626—627 и др.

[1]) Рѣчка Красная—притокъ Майны съ лѣвой стороны ея.

землями Краснорѣцкой Мордвы; подобно сѣннымъ покосамъ, и лѣсныя угодья также отведены были «всѣмъ имъ помѣщикомъ вопче, отъ Майны рѣки въ гору къ Уткѣ рѣкѣ на три версты опричь бортныхъ ухожеевъ[1]». Кромѣ одного ротмистра, всѣ шляхтичи, получившіе крестьянъ, поселены были на рѣкѣ Майнѣ около того мѣста, гдѣ построена была православная церковь, къ которой назначенъ былъ причтъ. Меньшая же группа Полоцкой шляхты (23 человѣка) вмѣстѣ съ ротмистромъ Петромъ Костенецкимъ, который получилъ опредѣленное число крестьянъ на свою землю, водворена была на р. Уткѣ, сверху ея. Усадебная земля въ количествѣ 111 десятинъ отведена была здѣшней шляхтѣ «подлѣ Балымскаго городчица, гдѣ прежъ сего была патріаршая деревня Полянка»; затѣмъ сказано, что «противъ ихъ усадебной земли, подъ горою на лугахъ кругъ озерковъ» отмѣрено было имъ 111 десятинъ «на выпускъ». На здѣшнихъ же лугахъ вплоть до самой Волги отведены были сѣнные покосы Полоцкой шляхтѣ «всѣмъ вопче»[2]); по близости съ усадебною землею и выгонами отведена была имъ здѣсь въ опредѣленномъ количествѣ и пашенная земля. Вообще земли на Майнѣ и Уткѣ для всей Полоцкой шляхты отмѣрено было 24,575 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей[3]); изъ этого количества отведено было 66 человѣкамъ на вышеупомянутыхъ рѣкахъ лишь 4160 четвертей въ каждомъ полѣ. Неиспомѣщенными остались «по списку, каковъ данъ подъ наказомъ, 466 человѣкъ, — потому что они на Утку и на Майну для пріему помѣстные земли не бывали»; не явились же они, какъ впослѣдствіи оказалось, къ пріему земель, отмѣренныхъ для нихъ, вслѣдствіе того, что «многіе безъ крестьянъ земель принять не похотѣли»[4]). Вся вышеозначенная земля отмѣрена

[1]) Тамъ же лл. 629—648. Сѣнныхъ покосовъ отведено было имъ по указу на 7075 копенъ.

[2]) Сѣнныхъ покосовъ предоставлено было имъ здѣсь на 3350 копенъ.

[3]) Земли для Полоцкой шляхты, судя по послѣдующему, отведены были по обѣимъ сторонамъ рр. Утки, Майны и Уреня. Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7, № 152, лл. 232, 234.

[4]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, лл. 650—652, 654.

была, кромѣ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ въ прежнее время находились города, ибо въ актѣ прямо сказано, что «городища.... описаны на великаго государя». Въ заключеніе донесенія Баракова и Чередеева сказано слѣдующее: «А будетъ Закамская черта не укрѣпится, и полковнику Гаврилѣ Гасловскому и Полоцкой шляхтѣ на Уткѣ и на Майнѣ рѣкахъ отъ приходу воинскихъ людей жить (будетъ) страшно, потому что на тѣхъ рѣкахъ крѣпкихъ[1]) мѣстъ нѣтъ»[2]). Вѣроятно, Полоцкая шляхта, получившая землю безъ крестьянъ на Уткѣ и Майнѣ, вначалѣ была довольна своими землями и угодьями въ здѣшнихъ мѣстахъ, и слухъ объ этомъ довольствѣ дошелъ и до тѣхъ, которые раньше не пожелали принимать земель безъ крестьянъ, потому что вскорѣ послѣ испомѣщенія полковника Гаславскаго съ товарищами новая группа шляхтичей, состоявшая изъ 54 человѣкъ, обращается къ правительству съ просьбою послать на Утку и на Майну откащика для отвода имъ тамъ земель безъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого лѣтомъ слѣдующаго года (іюль 1669 г.) отправленъ былъ изъ Казани дворянинъ Владиміръ Макаровъ съ порученіемъ снова отвести Полоцкой шляхтѣ на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ земли. Наказъ, данный Макарову для отвода, въ общемъ содержитъ тоже, что и предшествовавшій, съ тѣмъ же указаніемъ, чтобъ «старые городища и валы и осыпи шляхтѣ однолично недавать, потому что въ тѣхъ мѣстахъ построены будутъ по прежнему городы и всякія крѣпости»; относительно пахотныхъ земель для послѣдней группы прямо сказано: «а отдѣлить имъ та земля по переписнымъ и отдѣльнымъ книгамъ Михайла Баракова.... а осталась (та земля) послѣ отдачи Полоцкой шляхтѣ полковника Гаврила Гаславскаго съ товарищи»[3]). На этотъ разъ всѣ шляхтичи, пожелавшіе получить землю безъ крестьянъ, водворены были въ разныхъ мѣстахъ подлѣ рѣки Утки; раздѣлены были они

[1]) Крѣпкихъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ, въ которыхъ можно было бы спастись во время появленія непріятеля.

[2]) Тамъ же л. 653.

[3]) Тамъ же л. 655.

при водвореніи на три группы, — изъ коихъ одни [1]) испомѣщены были усадьбами «на горѣ и подъ горою, гдѣ была усадьба патріаршихъ крестьянъ»; другой группѣ [2]) усадебная земля отведена была «у Балымерскаго городища»; наконецъ послѣдняя группа [3]) испомѣщена была усадебною землею «залѣсомъ на большой полянѣ ниже Тетюшъ [4]). Сверхъ усадебной земли, каждой группѣ по близости отведены были земли пахотныя, выгонныя и сѣнные покосы соотвѣтственно пахотѣ. Остатки отъ нѣкогда бывшихъ здѣсь укрѣпленій, или такъ называемыя городища, съ выгонными около нихъ мѣстами по прежнему были «отписаны на великаго государя» [5]). Въ концѣ своего донесенія Макаровъ указываетъ, что онъ «сверхъ письма и мѣры дворянина Баракова, служа и радѣя великому государю, изыскалъ и измѣрилъ на Уткѣ и на Балымерѣ и на степи противъ большой поляны» нѣсколько тысячъ четвертей лишней пахотной земли, а сѣнныхъ покосовъ больше двадцати тысячъ копенъ; заключаетъ же онъ свое донесеніе такими словами: «а будетъ *прибылыхъ людей жильцовъ на Закамской чертѣ небудетъ, и Полоцкой шляхтѣ впредь отъ воинскихъ людей на Закамской чертѣ на тѣхъ мѣстахъ жить будетъ*

[1]) Юрій Луцкій съ товарищами (19 челов.), получившіе каждый по 60 четвертей земли въ каждомъ полѣ и по 60 копенъ сѣна.

[2]) Тимоѳей Людоговскій съ товарищами (6 челов.),—каждый изъ нихъ получилъ столько же, сколько и предыдущіе.

[3]) Поручикъ Юрій Романовскій съ товарищами (19 челов.),—поручику по старому отмѣрено было 70 четвертей въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 70 копенъ; остальнымъ каждому по 50 четвертей земли и по 50 копенъ сѣна.

[4]) Всего отмѣрено было 54-мъ человѣкамъ 2650 четвертей пахатной земли въ каждомъ полѣ и сѣнокосу на 2650 копенъ,—при чемъ сказано слѣдующее: «а писцовая мѣра въ десятинѣ длина по 70 сажень, поперекъ 30 саж. а въ десятинѣ 2 четверти; а сѣнные покосы противъ четвертные пашни; а въ Казанскихъ городскихъ лугахъ ставится на десятинѣ по 30 копенъ волоковыхъ». Тамъ же лл. 656, 666.

[5]) Тамъ же л. 663. Большая часть городищъ, которыя упоминаются при водвореніи Полоцкой шляхты, лежали около рѣки Утки; таковы: Уткинское, Балымерское, Луткинское, Селитренное и Кокришское; подлѣ р. Майны упоминается лишь «Высокое городище» около дачъ полковника Гаславскаго.

страшно; а по Майнѣ и по Уткѣ рѣкамъ къ Болгаромъ на низъ Чертика рѣки и по Безднѣ рѣкѣ на степи подлѣ крѣпостей многія села и деревни построить мочно» [1]). Вслѣдствіе такихъ настоятельныхъ указаній свѣдущихъ людей, испомѣщавшихъ полоцкую шляхту, Московское правительство уже въ слѣдующемъ году (1670 г.) отправило указъ въ Казань, чтобъ воеводы послали на мѣсто служилыхъ людей, для составленія смѣты укрѣпленіямъ, которые въ ближайшемъ будущемъ должны были быть выстроены на рѣкахъ Уткѣ и на Майнѣ въ интересахъ защиты тамошнихъ поселенцевъ. И вотъ въ началѣ марта 1670 года отправлены были изъ Казани на Утку и Майну служилый человѣкъ Андрей Черновъ съ подъячимъ Галактіоновымъ, которымъ поручено было: «пріѣхавъ на Майну, взять у полковника у Гаврилы Гаславскаго и у начальныхъ людей, а на Уткѣ у Петра Костенецкаго (ротмистра) и у шляхты сказки, чтобъ (знать заранѣе) гдѣ построить на Майнѣ и на Уткѣ въ крѣпкихъ мѣстехъ, и по тѣмъ ихъ сказкамъ отписать, и измѣрить и осмотрить, въ которомъ мѣстѣ около слободъ Полоцкой шляхты на Майнѣ и на Уткѣ пристойно построить остроги и башни со всякими городовыми крѣпостьми»; за тѣмъ говорится, что въ смѣтѣ должно быть означено, «сколько будетъ въ острогѣ пряселъ и башенъ и что около острогу и башенъ.... всякихъ крѣпостей.... и на всякія крѣпости сколько какова лѣсу надобно»; къ этому прибавлено объясненіе, «чтобъ сдѣлать городъ тыномъ». Явившись на мѣсто, посланные по наказу обратились къ вышепоименованнымъ людямъ, и послѣ совѣта съ ними рѣшено было построить 2 острога: одинъ, большій на р. Майнѣ, а другой, по меньше на Уткѣ рѣкѣ. Майнскій острогъ рѣшили поставить «на прежнемъ жиломъ мѣстѣ, гдѣ было патріаршее село, — на усадьбахъ, которыя усадьбы отвелъ полковнику и начальнымъ людямъ Михайло Бараковъ». По величинѣ Майнскій острогъ долженъ былъ равняться 900 саженямъ въ дли-

[1]) Тамъ же лл. 669—670.

ну и 200 саженямъ поперекъ, — въ окружности же онъ долженъ былъ имѣть 2200 сажень; въ этомъ острогѣ должно было находиться 12 башенъ глухихъ и 6 проѣзжихъ. Вокругъ острога предположено было выкопать ровъ, а за городомъ подлѣ слободъ и огородовъ съ степной стороны укрѣпить острогъ надолбами. Сверхъ того предположили «отъ рѣки Майны въ пахотныя поля до озера Яику (Булгакуль тожъ) и до Красные рѣчки.... отъ Самарскіе степи.... учинить надолбы и въ тѣхъ надолбахъ на трехъ дорогахъ и отъ Булярскіе степи сдѣлать три караульныя вышки»[1]). Уткинскій острогъ рѣшено было построить «на прежнемъ же жиломъ мѣстѣ, гдѣ жили патріаршіе крестьяне на усадьбахъ Петра Костенецкаго съ товарищи». По своей величинѣ Уткинскій острогъ много уступалъ предыдущему: длина его должна была равняться 200 саженямъ, а поперекъ онъ долженъ былъ имѣть 70 сажень, кругомъ 540 сажень; глухихъ башенъ въ послѣднемъ острогѣ предположено было лишь четыре. Подлѣ Уткинскаго острога съ степной стороны предположено было выкопать ровъ; отъ острога до Балымерскаго врага, также за городомъ подлѣ слободъ и огородовъ, отъ степной стороны на четверть версты, рѣшено было устроить надолбы; на Балымерскомъ же врагѣ и у лѣса, который глядѣлъ на похотныя поля, предполагалось выставить три караульныя вышки[2]). Такъ какъ въ коммиссіи, которой поручено было составленіе на мѣстѣ смѣты укрѣпленіямъ на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ, находились, кромѣ дворянина и подъячаго, еще и люди, знакомые съ техническою стороною постройки остроговъ, надолбъ, караульныхъ вышекъ и другихъ сооруженій, то по этому мы находимъ въ смѣтѣ также и опредѣленіе того, сколько бревенъ понадобится на построеніе каждой отдѣльной башни и острога[3]). Относительно же

---

[1]) Тамъ же лл. 671 и 672.

[2]) Тамъ же л. 673.

[3]) Такъ, въ актѣ говорится: что «по смѣтѣ и по сказкѣ подмастерьевъ Казанскихъ стрѣльцовъ Николки Захарьева да Ѳетки Важенина надобно на Майнское острожное дѣло и на катки и на мосты и на иглы и на подпоры

количества деревяннаго матеріала на постройку надолбъ и караульныхъ вышекъ въ обоихъ острогахъ буквально сказано слѣдующее: «А сколько на тѣ надолбы и на вышки надобно какова лѣсу, того смѣтить не можно, потому что укинули снѣги большіе и измѣрять тѣхъ мѣстъ нельзя; а которыми мѣсты надолбы вести, и въ тѣхъ мѣстахъ на надолбы лѣсъ близко»[1]). Есть извѣстіе, свидѣтельствующее, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ намѣченныхъ и въ иныхъ мѣстахъ здѣсь уже существовали остроги, въ которыхъ съ самаго начала жили не только воинскіе люди, но и простые тяглые люди и бобыли[2]). Полоцкіе же шляхтичи, оставшіеся неиспомѣщенными на Уткѣ и на Майнѣ, согласились, кажется, на водвореніе ихъ въ Казани, въ Казанскихъ пригородахъ и въ нѣкоторыхъ низовыхъ Поволжскихъ городахъ, гдѣ они жили въ продолженіе почти тридцати лѣтъ, получая вмѣсто земель «великаго государя денежное и хлѣбное жалованье»; лишь впослѣдствіи, по ихъ желанію, они какъ увидимъ, водворены были правительствомъ на здѣшнихъ земляхъ, отмѣренныхъ для нихъ служилыми людьми въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія[3]).

Между тѣмъ какъ Московское правительство, пользуясь находившеюся въ его распоряженіи Полоцкою шляхтою, стара-

---

на всякую сажень по 20 бревенъ; итого на острожное дѣло 42,000 бревенъ трехъ саженныхъ, въ отрубкѣ по полупята и по 5 и по 6 вершковъ; да на проѣзжіе на 6 башенъ по 300 бревенъ, да по 100 тесницъ на башню»,—затѣмъ слѣдуетъ разсчетъ на глухія башни, и наконецъ «всего на Майнское и на башенное дѣло надобно 80,000 бревенъ, да 1800 тесницъ». Въ Уткинскомъ острогѣ «всего на то острожное и башенное дѣло надобно 30,100 бревенъ, да 700 тесницъ». Тамъ же лл. 672—673.

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ концѣ XVII вѣка нѣкоторые поселенцы селъ Кременки (около р. Уреня) и Кандалы (на р. Кандалѣ, притокѣ Майны) показывали, что они за тридцать и за 20 лѣтъ перешли изъ городка Майны; поселенцы иныхъ селъ свидѣтельствовали о своемъ переходѣ изъ пригородка Утки. Кромѣ того есть извѣстіе, что въ здѣшнихъ же мѣстахъ (кажется на р. Уткѣ) находился «Полянскій городокъ». Арх. Мин. Юст. III отд. Казань переп. кн. 7, № 152; Казань, раздаточныя и отказныя книги XVII в. кн. 13, № дѣла 57.

[3]) Тамъ же.

лось на мѣстахъ, исполненныхъ опасностей и однажды уже потерявшихъ свое населеніе, водворять людей, умѣвшихъ обходиться съ военнымъ оружіемъ, мѣста болѣе безопасныя на правомъ берегу Камы, пустоши, успѣвшія порости дикимъ лѣсомъ, заселяются русскими крестьянами по ихъ собственной иниціативѣ и безъ сторонней поддержки. Въ приходной книгѣ Казанскаго уѣзда конца шестидесятыхъ годовъ (1668 г.) написано: «по Зюрейской дорогѣ подлѣ Камы рѣки сталъ ново починокъ»; оказалось, что повыше Вятскаго устья надъ рѣкою Камою находилось урочище Свиныя горы, нѣкогда населенныя, но предъ описываемымъ временемъ о нихъ говорится «поросли дикимъ лѣсомъ». Описаніе поселка въ приходной книгѣ носитъ на себѣ слѣдъ только что начавшагося поселенія: въ немъ находились два полудвора, и въ каждомъ изъ нихъ отмѣченъ свой особый хозяинъ; сверхъ того, есть еще цѣлый дворъ, въ которомъ живутъ вмѣстѣ, очевидно лишь на время, пятеро крестьянъ[1]). Но въ то время какъ крестьяне заняты были на новомъ мѣстѣ усердной расчисткой земли отъ лѣса подъ пахоту и для большей успѣшности въ этомъ трудномъ дѣлѣ стремились привлечь въ свою общину новыхъ поселенцевъ, слухъ объ ихъ дѣятельности здѣсь и выгодахъ, которыя, быть можетъ, они уже успѣли пріобрѣсти на новомъ мѣстѣ, достигъ до игумена Савватія Раиоской пустыни, лежавшей недалеко отъ Казани; этотъ игуменъ занятъ былъ около того времени серіозными хозяйственными заботами: имъ была «зачата вновь строить пустыня». Вѣроятно, расходы на возобновленіе пустыни понадобились немалые, потому что количество братіи увеличилось въ это время, «а къ той пустыни вотчинъ и пустыхъ земель нѣтъ, строить нечѣмъ, скитаются (братья) христовымъ именемъ»[2]),—вслѣдствіе этого игуменъ обратился къ царю съ просьбою предоставить имъ во владѣніе «пустошь надъ Камою

[1]) Кромѣ двухъ крестьянъ, всѣ съ разными именами отчественными.

[2]) т. е. вѣроятно, братья монастырская принуждена была собирать для построенія обители средства въ мірѣ, какъ это дѣлается иногда и теперь при постройкѣ или возобновленіи церкви и обители.

рѣкою урочище Свиныя горы», свидѣтельствуя при семъ, что «на томъ мѣстѣ поселились пришлые люди», о коихъ въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ, что это были «крестьяне», которые «поселились на Свиныхъ горахъ въ ново на дикомъ черномъ лѣсу, лѣсъ (крестьяне здѣсь) росчищали и роспахивали». Сперва игуменская просьба была лишь та, чтобъ государь «пожаловалъ бы ихъ велѣлъ тое новую пустошь Свиныя горы съ дикимъ лѣсомъ противъ ихъ челобитья по межамъ и урочищамъ отдать имъ въ монастырь съ ясаками». По этому въ семидесятомъ году послѣдовало распоряженіе, чтобъ при переписке «тѣхъ крестьянъ, которые крестьяне объявятся сверхъ ясачныхъ людей,—записать за государя». Монахи повидимому не предполагали, чтобъ въ короткій, двухлѣтній промежутокъ времени, прошедшій съ того времени, какъ правительство наложило на поселенцевъ ясакъ, пришлыхъ, безъ ясачныхъ людей могло прибыть много,—на самомъ же дѣлѣ оказалось, что населеніе поселка за это время сильно умножилось. Кромѣ семи прежнихъ крестьянъ, которые къ этому времени (1670 г.) обзавелись особыми дворами, теперь на ясакѣ находились еще три крестьянскихъ двора; сверхъ того въ починкѣ оказалось значительное число дворовъ «безъ ясачныхъ крестьянъ, которые сверхъ ясачныхъ людей пашни пашутъ и сѣнные покосы косятъ»,—подобныхъ людей было сорокъ два двора. Такъ какъ пахотная земля могла здѣсь увеличиваться лишь очисткою почвы отъ «дикаго лѣса», то слѣдовало бы предполагать, что разность въ величинѣ пахоты между старыми ясачными и новыми безъ ясачными должна быть во всякомъ случаѣ значительна, но на дѣлѣ этого не оказалось: у ясачныхъ пахотная земля равнялась семи десятинамъ, а у безъясачныхъ она составляла шесть десятинъ; сѣнокосъ же у всѣхъ крестьянъ починка Свиныя горы былъ общій[1]). Подобный, можно сказать, блестящій результатъ въ столь короткій промежутокъ времени могъ быть достигнутъ лишь энергическими усиліями всей крестьян-

[1]) На сѣнокосѣ ставилось 1700 копенъ сѣна.

ской общины, которая на здѣшнемъ мѣстѣ за это время сильно увеличилась въ своемъ числѣ. При такихъ для игумена Раиөской пустыни неожиданныхъ результатахъ, онъ, не смутившись нисколько, обратился отъ лица братіи къ государю съ новою просьбою «пожаловати ихъ и тою новоросчистною землею и сѣнными покосы и крестьяны», которые оказались во время переписи семидесятаго года, и получили отъ царя на это жалованную грамоту[1]). Но болѣе независимые и предпріимчивые крестьяне поселка Свиныя горы не помирились съ положеніемъ, которое для нихъ наступило послѣ подчиненія ихъ игумену Раиөскія пустыни подлѣ Казани. И вотъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ описываемаго столѣтія (1682 г.) крестьянинъ вышеупомянутаго поселенія Алексѣй Давыдовъ Чертищевъ обращается къ правительству съ слѣдующимъ челобитіемъ: «есть въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ по рѣкѣ Камѣ, ниже Вятскаго устья, пустая порожая земля черный лѣсъ и дикое раменье Сокольи горы[2])…. и та де земля и сѣнные покосы опричь бортныхъ ухожеевъ, а сѣнные покосы противъ устья Вятки…. и тою порозжею землею и сѣнными покосы никто не владѣетъ, лежитъ впустѣ, — чтобъ повелѣно было ему на той порозжей землѣ поселиться вновь; а станетъ онъ съ тое пустые земли въ казну великаго государя платить прибыли денежной и хлѣбной ясакъ; а дать ему для дворового строенія льготъ на три года и (позволеніе) свою братью безъ ясачныхъ вольныхъ людей на ту пустую землю призывать». Вслѣдствіе этой просьбы «ему, Алешкѣ, велѣно тою порозжею землею и сѣнными покосы владѣть и платить ему съ той порозжей земли и съ сѣнныхъ покосовъ великаго государя въ казну денежной и хлѣбной ясакъ»[3]). Какъ видно, съ самаго начала вмѣстѣ съ крестьяниномъ Алексѣемъ Чертищевымъ, ко-

[1]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6504.

[2]) Здѣсь означены межи этой свободной земли: «верхняя межа по Соколкѣ рѣчкѣ, а другая межа внизъ по Камѣ рѣкѣ по большому нижнему ключу въ боръ» и т. д.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6687.

торому принадлежала инициатива дѣла, потому что въ грамотѣ сказано прямо, что онъ «тое деревню Соколовку заводилъ», находились и другіе крестьяне села Свиныя горы, ибо въ другой грамотѣ говорится, что «новый починокъ деревню Соколовку» основалъ «крестьянинъ *дворцоваго села* Свиныхъ горъ Алешка Чертищевъ *съ товарищи, покиня свои старыя тягла,* поселился въ томъ починкѣ вновь на порозжей землѣ въ черномъ дикомъ лѣсу изъ ясачнаго оброку»[1]). Въ то время, какъ по одной сторонѣ рѣчки Соколки расчищали почву отъ лѣса русскіе люди, по другой сторонѣ ея тѣмъ же заняты были инородцы Ижбулатовой сотни Мелешка Дементьевъ съ товарищи, поселившіеся съ соизволенія правительства «на пустой порозжей землѣ»[2]). На сѣверозападъ отъ нихъ, недалеко отсюда, на рѣчкѣ Кирменѣ, на земляхъ Казанскаго митрополита Чуваши тоже основали поселеніе, о которомъ сказано: «починокъ сталъ ново на березникѣ»[3]). Но крестьянской общинѣ урочища Свиныя горы не посчастливилось и на новомъ мѣстѣ: деревня Соколовка основана была общиною крестьянъ съ Алексѣемъ Чертищевымъ во главѣ на лѣвомъ берегу р. Камы, а на противоположномъ ея берегу находились рыбныя ловли Донскаго Богородицкаго монастыря. Благодаря неустанному труду колонистовъ крестьянъ, на дѣвственномъ мѣстѣ въ глухомъ лѣсу выстроены были избы, лѣсъ расчищенъ и заведено было столько пашни что крестьянская община чрезъ четыре года обложена была вмѣсто одного ясака-четырьмя. Но, по всей вѣроятности, молва о богатыхъ сѣнныхъ покосахъ и землѣ, успѣшно очищаемой отъ лѣса подъ пахоту, достигла до архимандрита Донскаго монастыря, который въ 1687 году отъ лица братіи обратился съ челобитіемъ къ царской власти, чтобъ «великіе государи пожаловали ихъ (братію)…. вмѣсто взятыхъ ихъ монастырскихъ Тверскихъ пустошей, которые взяты и отданы къ

[1]) Тамъ же III отд. Раздаточ. и отказ. кн. 13, № дѣла 16.

[2]) Тамъ же I отд. Казан. у. грам. за № 6687.

[3]) Тамъ же грам. за № 6618.

дворцовому селу Городнѣ, дать въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ новой починокъ деревню Соколовку.... съ пашнею и съ лѣсомъ и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, какъ владѣли тѣ крестьяне» (т. е. Алексѣй Чертищевъ съ товарищи)[1]). Правительство рѣшило отдать деревню Соколовку Донскому монастырю, «а крестьянъ изъ того починка, которые пришли изъ разныхъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ, покиня свои старые службы и тягла, развесть по тѣмъ же городамъ и селамъ, гдѣ напередъ сего жили; а которые, продолжаетъ грамота, въ томъ починкѣ явятся помѣщиковы и вотчинниковы и монастырскіе крестьяне и тѣмъ крестьянамъ быть въ томъ починкѣ за монастыремъ до указу великаго государя, покамѣсть отыщутся помѣщики и вотчинники». Для выполненія этого распоряженія изъ Казани посланъ былъ «въ новый починокъ деревню Соколовку» казанецъ Аѳанасій Бутлеровъ, по отзыву котораго въ 1688 году въ починкѣ-деревнѣ находилось 14 крестьянскихъ дворовъ; по словамъ его, «живутъ тѣ крестьяне въ томъ починкѣ дворами на три усадьбы: а по смѣтѣ на одной усадьбѣ на три десятины, на другой усадьбѣ на три жъ десятины, а въ третьей усадьбѣ пашенные земли нѣтъ, потому что поселились въ лѣсу; сѣнные покосы къ тому починку за Камою рѣкою по смѣтѣ на три тысячи копенъ». И покосъ, и пахота приводятся лишь по смѣтѣ, т. е., вѣроятно, по указанію крестьянъ, такъ какъ самому Бутлерову «мѣрять было въ томъ починкѣ пашенные земли (и о сѣнныхъ покосахъ въ другомъ мѣстѣ говорится тоже самое) нельзя, потому что росчищена въ лѣсу и снѣги большіе»; по смѣтѣ же лѣсъ означенъ на восемь верстъ въ длину и на 6 поперекъ[2]). Неизвѣстно, по какой причинѣ[3]), но только въ продолженіе двухъ

[1]) Тамъ же грам. за № 6569.

[2]) Тамъ же III отд. Раздат. и отказ. кн. 13, № 16.

[3]) Не могло ли обусловливаться промедленіе въ передачѣ протестомъ со стороны Алексѣя Чертищева, который, какъ мы знаемъ, владѣлъ грамотою, разрѣшавшей ему съ товарищами селиться на этомъ мѣстѣ, которое они, по всей вѣроятности, только съ большимъ трудомъ и издержками успѣли культивировать? На подобную мысль можетъ навести тотъ фактъ, что при послѣдней описи Дмитрія Воеводина, во время передачи деревни монастырю, шесть дворовъ крестьянъ, пришедшихъ въ деревню большею частью за 2 года, показывали каждый, что онъ «помогаетъ платить тое деревни крестьянину Алешкѣ Чертищеву ясаки, а особаго ясаку на немъ нѣтъ»; отсюда можно предположить, что Чертищевъ принималъ ихъ въ общину, въ надеждѣ, вѣроятно удержать землю, пріобрѣтенную тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ, на основаніи пожалованной ему грамоты.

лѣтъ деревня Соколовка продолжала находиться во владѣніи крестьянской общины съ Алексѣемъ Чертищевымъ во главѣ и не передавалась, какъ было предположено вначалѣ правительствомъ, Донскому монастырю, вслѣдствіе чего за этотъ промежутокъ времени продолжался пріемъ новыхъ насельниковъ въ крестьянскую общину, которая за послѣдніе два года увеличилась больше, чѣмъ съ самаго основанія своего[1]). Присланный изъ Казани въ 1690 году служилый человѣкъ произвелъ новую опись вышеупомянутой деревнѣ и передалъ ее наконецъ Донскому монастырю на томъ условіи, чтобъ «оброкъ съ того монастыря сполна имать потому жъ, почему платили крестьяне». Что же касается распоряженія Московскаго правительства, чтобъ крестьяне городскіе и дворцовые возвращены были на старые свои мѣста, откуда кто пришелъ, то оно мѣстными Казанскими властями видоизмѣнено было еще въ наказѣ Бутлерову, которому поручено было такихъ крестьянъ «перевесть въ Казанскомъ уѣздѣ въ государевы дворцовыя волости и въ ясачныя села и деревни, гдѣ они похотятъ жить, и быть имъ (на тѣхъ мѣстахъ) въ тяглѣ»[2]). Согласно этому повелѣнію, которое повторено было и Воеводину, немногіе дворцовые крестьяне, по ихъ желанію, переведены были въ ближайшія ясачныя деревни[3]),—большинство же поселенцевъ деревни Соколовки, перешедшихъ, какъ оказалось при послѣдней описи, съ помѣстій и вотчинъ частныхъ лицъ и мона-

[1]) Количество всѣхъ дворовъ въ деревнѣ по описи Воеводина было тридцать.

[2]) Тамъ же.

[3]) Такъ, основатель деревни крестьянинъ Алексѣй Давыдовъ Чертищевъ съ сыномъ и двумя внуками, по его желанію, переведенъ былъ за рѣку Каму въ ясачную деревню Полянку.

стырей, были, какъ таковые, оставлены за Донскимъ монастыремъ до царскаго указа. Такимъ образомъ вслѣдствіе подобной операціи очень много выигралъ Донской монастырь; правительство, если смотрѣть на вопросъ съ внѣшней стороны, не проиграло,—за то въ большомъ накладѣ остались бѣдные крестьяне основатели деревни, Алексѣй Чертищевъ съ товарищи, очистившіе землю отъ лѣса, распахавшіе ее, какъ оказалось однако, не для себя, а для вліятельнаго Московскаго монастыря, владѣвшаго раньше по сосѣдству съ починкомъ одними лишь рыбными ловлями, къ которымъ присоединена была теперь деревня въ двадцать дворовъ, съ хорошею землею, богатымъ сѣнокосомъ и огромнымъ лѣсомъ,—все это братія получила въ замѣнъ пустоши, взятой правительствомъ у монастыря въ Тверскомъ уѣздѣ. Обозрѣвая населеніе деревни Соколовки, какимъ оно является намъ по описи девяностаго года, мы видимъ, что въ это время нѣкоторыхъ крестьянъ (четыре двора) не было на деревнѣ,—они, по словамъ ихъ женъ, «пошли на судахъ въ работѣ»; такимъ образомъ не всѣ поселенцы деревни снискивали себѣ пропитаніе земледѣліемъ, а нѣкоторые изъ нихъ работали на сторонѣ, пользуясь близостью судоходной р. Камы. Довольно значительная часть крестьянъ деревни показала себя выходцами верхнихъ частей Поволжья[1]), при чемъ нѣкоторые крестьяне свидѣтельствовали, что они изъ родныхъ мѣстъ *бѣжали* «отъ хлѣбнаго недороду» или же «отъ скудости»[2]). Но не только отдѣльныхъ насельниковъ доставляло деревнѣ Соколовкѣ Верховое Поволжье,—цѣлыя поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ основываются около этого времени выходцами оттуда. Такъ, въ девяностыхъ годахъ архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря извѣщаетъ царя, что въ пустоши Казанскаго уѣзда Алмалы, по Зюрейской дорогѣ, «поселились бѣглые ихъ монастырскіе крестьяне верховыхъ вотчинъ», которые платятъ въ царскую казну «два ясака сполна безъ

[1]) Изъ одного Нижегородскаго уѣзда вышло пять дворовъ.

[2]) Арх. Мин. Юст. III-ое отд. Раздат. и отказ. кн. 13, № дѣла 13, лл. 5, 13, 14.

доимки»[1]). Въ виду того, что главный контингентъ насельниковъ для новыхъ поселеній, появляющихся на рр. Уткѣ и Майнѣ, доставляютъ мѣста, лежащія въ Поволжьѣ выше этихъ рѣкъ, и по преимуществу Нижегородскій уѣздъ, мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ особенностей, встрѣчающихся въ селахъ и деревняхъ этого уѣзда.

Обозрѣвая поселенія Нижегородскаго уѣзда по переписнымъ книгамъ конца семидесятыхъ годовъ въ двухъ станахъ[2]), мы замѣчаемъ здѣсь въ селахъ и деревняхъ серіозное умноженіе бобылей; это умноженіе замѣчается одинаково на монастырскихъ и патріаршихъ земляхъ и въ вотчинахъ и помѣстьяхъ служилаго класса. Но само собою разумѣется, что это, такъ сказать, общее увеличеніе не исключаетъ количественной разницы между ними въ отдѣльности, сводящейся къ тому, что преобладаніе бобылей надъ крестьянами особенно рѣзко кидается въ глаза въ мелкихъ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ служилыхъ людей[3]).

[1]) Тамъ же 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6596.

[2]) Эти станы суть: Березопольскій, лежавшій между р. Окою и р. Кудьмою и Закудемскій, обнимавшій собою обширную страну между р. Кудьмою и р. Сурою.

[3]) Такъ, въ Березопольскомъ станѣ за патріархомъ было 414 крестьянскихъ дворовъ и 224 бобыльскихъ; въ вотчинахъ монастырскихъ въ томъ же станѣ крест. двор. 575, а бобыльск. 224; въ томъ же станѣ: за стольникомъ за князь Михаиломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ въ вотчинахъ его, въ селѣ Ворсмѣ, въ слободкахъ и деревняхъ крест. дв. было 456, а бобыл. 338; въ вотчинѣ за бояриномъ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ въ селѣ Дуденевѣ 31 дв. крест. и 16 дв. боб. Въ Закудемскомъ станѣ: за бояриномъ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ въ селѣ Княгининѣ, въ селѣ Барминѣ съ приселками и деревнями 1092 дв. крест. и 607 двор. боб.; въ томъ же станѣ въ помѣстьѣ за бояриномъ за княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ въ помѣстьѣ село Троицкое, въ которомъ крест. двор. 108, боб. 91 дв.; въ томъ же стану въ помѣстьѣ за княземъ Никитою Семеновымъ сыномъ Болховсквмъ въ деревнѣ Гаряхъ 2 дв. кр. и 2 дв. боб; тамъ же въ дер. Большомъ Бѣлозерьѣ въ помѣстьѣ за Андреемъ Ивановымъ Мяснымъ крест. дв. 1 и 3 дв. боб.; въ той же деревнѣ на помѣстьѣ столника Луки Никифорова Мясного 1 дв. кр. и 3 дв. боб.; здѣсь же за вдовою Маѳою Степановой дочерью Ларионовой, женою Иванова, сына Мянова въ помѣстьѣ 1 дв. кр. и 3 дв. боб. Въ этомъ же станѣ въ вотчинѣ за бояриномъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ деревня Ключища крест. дв. 18, боб. 23; деревня Яковлева крест. дв. 23, боб. 30; деревня

Кромѣ этой общей особенности, можно указать и на другія черты, встрѣчающіяся въ это время въ Нижегородскомъ уѣздѣ: такъ, напримѣръ, крестьянскіе и бобыльскіе дворы теперь гораздо люднѣе, чѣмъ это было прежде; но эта людность обусловливается не столько величиною крестьянскихъ и бобыльскихъ семей, сколько тѣмъ, что въ настоящее время къ крестьянскому и бобыльскому двору приписаны сосѣди, подсосѣдники и захребетники въ такомъ количествѣ, въ которомъ въ прежнія времена почти не встрѣчалось[1]). Сверхъ того попадаются цѣлыя села, населенныя либо бобыльскими полудворами, либо дворами безпашенныхъ бобылей[2]). При значительномъ количествѣ бобылей, сосѣдей, подсосѣдниковъ и захребетниковъ въ многихъ селахъ у крестьянъ, нѣкоторыя села принуждены были выдѣлять довольно значительное число такихъ крестьянъ, о которыхъ говорится, что они «живутъ въ работѣ на березовскомъ

Княжиха крест. дв. 11, боб. 15. Всѣ деревни тянуть къ селу Княгинину. Арх. Мин. Юст. Переп. кн. 46, №№ 506, 571 и 572. Переп. кн. 47, №№ 1, 32, 230, 231, 232 и 279.

¹) Такъ, въ Закудемскомъ станѣ въ вотчинахъ кн. Воротынскаго: село Осташиха — 24 дв. крест., при которыхъ 22 подсосѣдника и захребетника; бобыльскихъ дв. 17, у которыхъ 7 захребетниковъ. Село Теплый Врагъ, а Присѣкъ тожъ — 35 дв. кр., при коихъ 29 сосѣдей и захребетниковъ, да бобыльск. 22 дв., у которыхъ 6 сосѣдей; тоже самое въ деревняхъ: Бѣлозерихѣ, Коробихѣ, Варганѣ, Большой Клоковицѣ и др. Въ частности попадаются иногда такіе дворы: въ дер. Варганѣ «Дв. Мишка Артемьевъ, у него захребетники; Петрушка да Пронька 15 лѣтъ, да Ивашко 5 л. Михайловы дѣти, да захребетникъ Петрушка Ивановъ, у него дѣти—Онашко 10 л., Якимко 8 л., да захребетникъ Митька Михайловъ, у него сынъ Петрушка 7 л.». Въ Патріаршемъ селѣ Работки (на Волгѣ), состоявшемъ изъ одниxъ безпашенныхъ бобылей, «дв. вдова Агрипѣница Силуянова дочь Даниловша, жена Самсонова, у нея зять Кондрашка Семеновъ 25 лѣтъ, да 2 захребетника: Ивашко Ермѣевъ сынъ Крупа, Назарко Савостьяновъ, сынъ Мазура». Нижній, Переп. кн. 47, № 278, л. 261, № 279 лл. 235—236 и др.

²) Такъ, напримѣръ, въ Закудемскомъ станѣ было патріаршее село Работки, состоявшее изъ 47 двор. безпашенныхъ бобылей, при которыхъ числилось 34 захреб. и 2 сосѣда; въ томъ же станѣ въ вотчинахъ кн. Воротынскаго находилось село Троицкое, а Бармино тожъ, состоявшее изъ 57 бобыльскихъ полудворовъ и 18 келей, въ которыхъ жили семьи захребетниковъ. Тамъ же № 278, лл. 240—267, № 279, лл. 312—316.

и огневскомъ майданехъ»[1]), т. е., занимались добычей поташа изъ золы, остающейся послѣ сожиганія деревъ. Изъ представленнаго очерка можно видѣть, что крестьяне Нижегородскаго уѣзда въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія тяготятся крестьянскимъ тягломъ и отдаютъ предпочтеніе бобыльскому. Иногда крестьянинъ предпочитаетъ, повидимому, даже зависимое положеніе сосѣда или захребетника независимому положенію крестьянина и бобыля; иные изъ нихъ принуждены были покидать свои семьи и отправлялись въ ближайшія къ нимъ мѣста на будное майданное дѣло, которое, по словамъ современнаго изслѣдователя, въ то время было «для крестьянъ настоящею каторгою, тяжелымъ бременемъ, отъ котораго они старались уходить всякими средствами»[2]). Чѣмъ же обусловливается предпочтеніе, отдаваемое крестьянами Нижегородскаго уѣзда не только бобыльству, но даже захребетничеству предъ крестьянствомъ? не было ли это слѣдствіемъ чрезмѣрной величины въ то время крестьянскаго тягла или оброка? Если судить по показаніямъ крестьянъ сходцевъ Нижегородскаго уѣзда, которые въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія селятся въ селахъ и деревняхъ Казанскаго уѣзда на рр. Уткѣ и Майнѣ, то они большею частью на родинѣ несли небольшое тягло и обложены были незначительнымъ оброкомъ[3]), который въ большинствѣ случаевъ несли въ томъ же

¹) Такъ, въ Закудемскомъ станѣ изъ числа вотчинъ Воротынскаго: изъ села Воротынска,—состоявщаго изъ 27 дв. кр., у которыхъ было 14 сосѣдей и подсосѣдниковъ и 18 дв. боб., 15 крестьянъ (у нѣкоторыхъ были взрослые сыновья и братья) было въ работѣ на майданахъ; изъ села Бѣловки, состоявшаго изъ 13 дв. кр., у которыхъ 9 сосѣдей и подсосѣдниковъ и 2 дв. боб., 9 крест. было на работѣ майданной. Тамъ же № 279, лл. 316 — 320, 325 — 327, 390—394.

²) Вѣстн. Евр. за 1871 г. февр. статья И. Е. Забѣлина «Большой бояринъ», 482 с.

³) Такъ, напримѣръ, сходцы Княгининской волости, которыхъ въ селѣ Кондалѣ (на рѣчкѣ Кандалѣ, притокѣ р. Майны) было около 15 семей, большею частью несли тягло на родинѣ съ получети десятины, а меньшая часть ихъ съ чети десятины; оброкъ сходцы Барминской волости села Воротынска платили по 5 или 6 алтынъ. Въ томъ же селѣ Кандалѣ сходцы Мурашкинской волости платили у себя на родинѣ по 5 алтынъ или же иные по 2 гривны; сходцы Сергачской волости въ Кандалѣ были на родинѣ обложены по 8

количествѣ и на новомъ мѣстѣ, иногда даже въ бо́льшемъ. Рядомъ съ показаніями сходцевъ о величинѣ лежавшихъ на нихъ тягостей, нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ также и о той причинѣ, по которой они припуждены были покинуть родныя мѣста и перейти на отдаленную окраину. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые крестьяне села Грязнухи[1]) при распросѣ въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка показывали слѣдующее: одинъ, что онъ «Нижегородскаго уѣзда Княгининской волости, жилъ въ бобыляхъ и сошелъ изъ той волости *отъ хлѣбнаго недороду* лѣтъ съ десять» (тому назадъ); другой «въ роспросѣ сказалъ: крестьянинъ Нижегородскаго уѣзда Сергачской волости, платилъ въ той волости по двѣ четверти поташной золы, и изъ той волости *сошелъ онъ отъ скудости своей* и пришелъ въ село Грязнуху тому десять лѣтъ»[2]). Изъ этого можетъ быть ясно, что крестьянское населеніе Нижегородскаго уѣзда тяготилось не столько величиною тягла или оброка, сколько истощеніемъ почвы, на которой оно хозяйничало, — такъ что, выражаясь политикоэкономическимъ языкомъ, крестьянину того времени тяжело было владѣть истощеннымъ капиталомъ, съ котораго ему надлежало платить сравнительно слишкомъ высокіе проценты, вслѣдствіе чего онъ старался имѣть у себя въ оборотѣ такого капитала поменьше, чтобъ этимъ уменьшить величину процента и своего обязательства предъ правительствомъ и хоть такимъ путемъ облегчить свою долю. По всей вѣроятности, отъ истощенности же почвы нѣкоторые крестьяне у владѣльца обширныхъ вотчинъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ покинули свои родныя палестины и перешли на свободную землю того же вотчинника, на которой основали новую деревню; такъ, объ одной изъ деревень князя Воротынскаго въ Закудемскомъ станѣ

алтынъ, по полуполтинѣ, а иные и по 10 алтынъ. Изрѣдка, впрочемъ, нѣкоторые сходцы показываютъ, что они платили на родинѣ по 20 и болѣе алтынъ. Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, Переп. кн. 7, № 152.

[1]) Село Грязнуха находится на правой сторонѣ р. Майны, въ низовьяхъ рѣки.

[2]) Тамъ же лл. 75 и 129.

сказано слѣдующее: «деревня Отары поселилась въ новѣ на пустѣ мѣстѣ . . . . а перешли тѣ крестьяне изъ Барминскіе жъ волости изъ селъ и изъ деревень»[1]). Болѣе же смѣлые и рѣшительные изъ крестьянъ покидали свою родину съ истощенной и мало благодарной для земледѣльческаго труда землей и уходили въ дальнія, но благословенныя страны съ благодатною для земледѣльца черноземною почвою. Вслѣдствіе этого является совершенно естественнымъ довольно значительное число пустыхъ дворовъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ на земляхъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ[2]). Къ этой общаго свойства и могущественной причинѣ присоединяются другія, которыя тоже нерѣдко побуждаютъ крестьянъ покидать родныя мѣста; такъ, напримѣръ, въ Поволжскомъ селѣ Работки Нижегородскаго уѣзда, принадлежавшемъ въ описываемое время патріарху Іоакиму, попадается нѣсколько дворовъ, о коихъ говорится: «а бѣжали они Васька, да Ермолка, да Демка[3]) въ 1671 году съ женами и съ дѣтьми отъ церковнаго расколу»[4]). Но, кромѣ религіозныхъ мотивовъ, мѣстами должна была также дѣйствовать и неопредѣленность отношеній помѣщика и вотчинника къ крестьянину, какъ лицъ сильныхъ, имѣвшихъ возможность злоупотреблять своею властью надъ существомъ въ соціальномъ отношеніи болѣе слабымъ и подвластнымъ, у котораго при томъ въ то время почти не было иного способа протеста противъ

[1]) Тамъ же Нижн. Переп. кн. 47, № 279, л. 347.

[2]) Такъ, въ Березопольскомъ станѣ на земляхъ Іоакима Патріарха на 414 дв. кр. и 224 дв. боб. 162 двора пустыхъ; въ томъ же станѣ на монастырскихъ вотчинахъ при 575 дв. кр., 224 дв. боб. и 142 дв. пустыхъ; въ томъ же станѣ въ помѣстьѣ Алексѣя Елизарова Жеребятникова въ деревнѣ Токаревѣ 11 дв. кр., 8 дв. боб. и пять человѣкъ въ бѣгахъ. Въ Закудемскомъ станѣ за Васильемъ Григорьевымъ сыномъ Курзаковымъ въ помѣстьѣ въ Маломъ Андроновѣ 2 кр. дв., а людей въ нихъ 5 человѣкъ, да въ бѣгахъ 4 человѣка, — всѣ крестьяне бѣглые съ семьями; въ той же деревнѣ въ помѣстьѣ за Осипомъ Семеновымъ сыномъ Аристова—2 дв. кр., людей въ нихъ 3 человѣка, да пустыхъ 3 двора, людей въ бѣгахъ 4 человѣка. Тамъ же Пер. кн. 46, №№ 478, 506; переп. кн. 47, №№ 50, 52.

[3]) Всѣ три брата жили въ одномъ дворѣ.

[4]) Нижній, Переп. кн. 47, № 278, лл. 263, 268.

злоупотребленій господина, кромѣ ухода. Таковы были условія жизни крестьянъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ; въ иныхъ поволжскихъ и сопредѣльныхъ съ Поволжьемъ уѣздахъ они въ описываемое время въ общемъ были не лучше. Говоримъ такъ потому, что почвенныя условія въ другихъ мѣстностяхъ выражались въ томъ же суглинкѣ и супеси, съ тѣмъ лишь различіемъ, что населеніе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ могло быть гуще Нижегородскаго, вслѣдствіе чего земля должна была быть сильнѣе истощена, чѣмъ въ Нижегородскомъ, и послѣдствія подобнаго истощенія тамошнимъ населеніемъ должно было больше чувствоваться. Отдѣльныя показанія крестьянъ, переселившихся на р. Майну изъ мѣстностей сопредѣльныхъ съ Нижегородскимъ уѣздомъ, могутъ подкрѣпить высказанное нами мнѣніе. Такъ, одновременно съ неурожаемъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ неурожай, оказывается, былъ и въ близкомъ къ нему *Гороховскомъ уѣздѣ*, ибо крестьянинъ села Грязнухи, бобыль упомянутаго уѣзда, показываетъ въ девяностыхъ же годахъ, что онъ десять лѣтъ тому назадъ «сошелъ изъ той деревни *отъ хлѣбнаго недороду*»[1]). Въ то же время нѣкоторые крестьяне села Кандалы показываютъ слѣдующее: одинъ, что «родина его *Костромскаго уѣзда... сошелъ съ племянникомъ отъ голоду* и пришелъ въ Кандалу»; другой въ распросѣ сказалъ: «родина его въ Вязниковскомъ уѣздѣ.... *сошелъ* изъ той дередни *отъ голоду* и пришелъ въ село Кандалу»[2]). Крестьянинъ *Унженскаго уѣзда*[3]) вотчины Макарьевскаго монастыря въ девяностомъ году XVII столѣтія показывалъ, что «отецъ его Ганка съ нимъ Ивашкою да съ братомъ Максимкомъ *бѣжалъ отъ хлѣбнаго недороду*»[4]). Но не въ этихъ только мѣ-

[1]) Крестьянинъ деревни Комлевы Гороховскаго уѣзда. Тамъ же. Казань, переп. кн. 7, № 152, л. 127.

[2]) Первый крестьянинъ изъ деревни Пеньга Костромскаго у.; второй изъ деревни Колесниковой Вязниковскаго уѣзда. Тамъ же лл. 77, 82.

[3]) Городъ Унжа на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны.

[4]) Крестьянинъ села Хаскина Унженскаго уѣзда.

стахъ, гдѣ усѣлось населеніе съ давняго времени и издавна обрабатывало землю, эта послѣдняя перестала достаточно вознаграждать трудъ земледѣльца, — въ другихъ уѣздахъ, съ почвою сравнительно болѣе свѣжею, въ описываемое время встрѣчаемся съ подобными же явленіями. Такъ, помѣстный *крестьянинъ Свіяжскаго уѣзда* разсказываетъ въ девяностомъ году, что онъ «изъ деревни *бѣжалъ отъ хлѣбнаго недороду*»[1]); *въ Казанскомъ уѣздѣ* нѣкоторыя земли, какъ мы уже видѣли, не отмѣчаются по прежнему доброю землею, а только среднею, и во второй половинѣ XVII вѣка (въ концѣ семидесятыхъ годовъ) съ этихъ земель *крестьяне, уходятъ*, по ихъ словамъ, «за *скудостью*»[2]). Всѣ упомянутые крестьяне несли у себя на родинѣ не значительныя тягости[3]), и все же вслѣдствіе недорода и голода должны были со своими семьями выселиться на отдаленную окраину.

Мы знаемъ, что русское правительство, рѣшивши водворить на рр. Уткѣ и Майнѣ Полоцкую шляхту, отправило сюда служилыхъ людей, которые измѣрили по этимъ рѣкамъ всѣ свободныя земли, на которыхъ долженъ былъ быть поселенъ цѣлый полкъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ съ полковникомъ во главѣ; но мы видѣли, что для полученія земель въ оба раза сюда явилась лишь небольшая часть полка, которая и была водворена,—большая же часть Полоцкой шляхты, повидимому, предпочла болѣе безопасную мѣстность Казани съ пригородами богатымъ, но безпокойнымъ землямъ по Уткѣ и Майнѣ. Послѣ испомѣщенія шляхты, пожелавшей селиться на этихъ рѣкахъ, правительство для защиты водворенныхъ построило укрѣпленія, отъ которыхъ безопасность здѣсь должна была на самомъ дѣлѣ увеличиться. При увеличившейся безопасности отъ появившихся острожковъ, богатыя земли на Уткѣ и Майнѣ должны были еще сильнѣе манить къ себѣ поселенцевъ изъ

[1]) Крестьянинъ деревни Каралги помѣщика мурзы Кулешева.

[2]) Казань, переп. кн. 7, № 151.

[3]) Они были или бобыли, или же платили по 5 алтынъ, другіе по одной гривнѣ на годъ.

сосѣднихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи. Вслѣдствіе этого и процессъ заселенія здѣшнихъ земель людьми пришлыми идетъ чрезвычайно успѣшно, такъ что чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ значительная часть свободныхъ земель по рр. Уткѣ и Майнѣ уже заняты были переселенцами. Первые насельники сперва основали небольшіе поселки, которые однако вскорѣ стали наполняться новыми переселенцами изъ русскихъ людей и инородцевъ, и въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка мы здѣсь встрѣчаемся уже съ обширными селами, насчитывающими у себя по нѣсколько сотъ поселенцевъ. Люди, приходившіе сюда, найдя земли свободными, занимали ихъ и селились, разсчитывая лишь на извѣстныя выгоды и удобства, представляемыя ими; чаще всего они предпочитали земли, лежащія ближе къ р. Волгѣ, этому торному водному пути, который соединялъ ихъ съ населенными мѣстами остальной Россіи; сюда они стремились, вѣроятно, и потому еще, что въ здѣшнихъ мѣстахъ находились поселенія Полоцкой шляхты, для защиты которой правительствомъ воздвигнуты были укрѣпленные остроги. Какъ мы знаемъ, значительная часть здѣшней земли описана была служилыми людьми по повелѣнію Московскаго правительства, предположившаго водворить на нихъ поселенцевъ особаго рода, со стороны которыхъ оно могло ожидать большой пользы въ интересахъ защиты здѣшняго края; а между тѣмъ служилые люди ближайшихъ городовъ и остроговъ (воеводы, наборщики и др.) не только дозволяли селиться пришлымъ людямъ, являвшимся къ нимъ съ заявленіемъ о своей личности и о подобномъ своемъ желаніи, но иногда сами направляли сюда поселенцевъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что какъ пришлый людъ, такъ и мѣстные представители власти смотрѣли на описанныя, но не занятыя земли, какъ на свободныя для заселенія.

Непосредственно послѣ водворенія первой группы поселенцевъ Полоцкой шляхты (1668 г.), недалеко отъ впаденія р. Кандалы въ Майну и по среднему теченію рѣки Утки появляются поселки; однимъ изъ первыхъ поселенцевъ поселка, получившаго свое наименованіе—Кандала, отъ рѣки, у которой онъ

появился, былъ выходецъ изъ Ломовскаго уѣзда[1]). Основателями втораго поселка, называвшагося Утка-Кокрячъ, Аланъ тожъ[2]), были Мордовскіе выходцы далекаго Нижегородскаго уѣзда, къ которымъ присоединились переселенцы изъ Мордовской деревни сосѣдняго Казанскаго уѣзда[3]). Вскорѣ послѣ этихъ поселковъ основываются другія два поселенія. Первое— Грязнуха, появляется недалеко отъ устья р. Майны, на правой сторонѣ ея, на почвѣ богатой влагою[4]); однимъ изъ старѣйшихъ поселенцевъ Грязнухи былъ крестьянинъ Нижегородскаго уѣзда[5]). Другое поселеніе — Кременки, появляется южнѣе, на притокѣ р. Уреня, на небольшой рѣчкѣ Кременкѣ, впадающей въ нее недалеко отъ устья. Старѣйшими поселенцами въ этой деревнѣ были выходцы изъ отдаленнаго Вязниковскаго уѣзда и сосѣдняго Тетюшскаго; къ нимъ вскорѣ присоединились переселенцы Нижегородскаго и Симбирскаго уѣздовъ, равно какъ

---

¹) Города Верхній и Нижній Ломовы—Пензенской губерніи. Савка Лаврентьевъ сынъ Бѣлобородовъ въ 1699 г. въ селѣ Кандалѣ «въ распросѣ сказалъ: родина его въ Ломовскомъ уѣздѣ въ селѣ Самаіевскомъ, бобыльской сынъ, а въ село Калдалу пришелъ тому лѣтъ съ 30, и платитъ по окладу оброчнаго тягла по 2 гривны на годъ». Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, перєп. кн. 7, № 152, л. 77.

²) Первое прозвище происходитъ отъ рѣки, у которой появилось поселеніе, а второе отъ городища, на которомъ поселились первые поселенцы деревни, именовавшейся такимъ образомъ.

³) Въ томъ же году поселенецъ Мордовской деревни Утки-Кокрячъ, Аланъ тожъ Меншотка Шапунинъ «въ распросѣ сказалъ: родина его Нижегородскаго уѣзда въ деревнѣ Акузовѣ, а отецъ его былъ въ той деревнѣ въ тяглѣ и умрѣ, а сколько платилъ не знаетъ, потому де лѣтъ 30 сошелъ онъ изъ той деревни и пришелъ въ деревню Утку. . . . а платитъ онъ тягло въ Казани съ четверти ясака». Кромѣ него, одновременно съ нимъ изъ той же деревни вышли еще 3 мордвина, пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ въ деревню Утку. Въ томъ же году пришли въ деревню Утку по показаніямъ ихъ 2 бобыля изъ деревни Акузовы Казанскаго уѣзда. Тамъ же лл. 171—176.

⁴) Здѣсь и теперь еще въ значительномъ числѣ встрѣчаются небольшія рѣчки и озера.

⁵) Въ томъ же году крестьянинъ села Грязнухи Максимко Михайловъ, «въ распросѣ сказалъ: Нижегородскаго уѣзда, села Сергачь, крестьянской сынъ; отецъ его въ томъ селѣ платилъ на будные станы по 2 четверти золы, и пришелъ отецъ его въ село Грязнуху тому 25 лѣтъ,—и въ переписныхъ книгахъ 186 (1678 г.) году отецъ его и онъ написаны». Тамъ же л. 75.

города Сапожка и сосѣднихъ пригородовъ: Майны и Ерыклинска[1]). Въ семидесятыхъ годахъ нѣкоторые вліятельные люди въ Москвѣ, услыхавъ о богатствѣ здѣшнихъ земель, на которыя охотно селятся переселенцы изъ внутренней Россіи, въ увѣренности, что земли на р. Уткѣ свободны, поспѣшили присвоить себѣ часть земель по лѣвой сторонѣ этой рѣки, недалеко отъ ея устья, и стали заселять ихъ на свой страхъ; такъ образовалась деревня Утка, Зеленовка тожъ, принадлежавшая князьямъ Трубецкимъ, и деревня Волосниковка, принадлежавшая стольнику Нарышкину[2]). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ (1679 г.) по среднему теченію р. Утки возникаютъ новыя поселенія, основываемыя инородцами, переселенцами изъ Мордвы. Нѣкоторые тяглые Мордвины Нижегородскаго уѣзда, той деревни, откуда раньше нѣсколько человѣкъ, выселившись, поселились на городищѣ подлѣ р. Утки, по всей вѣроятности услыхали отъ своихъ земляковъ, во время посѣщенія тѣми родныхъ мѣстъ, о плодородіи тамошнихъ земель и о нѣкоторыхъ другихъ выгодахъ ихъ жизни на Уткѣ[3]) и рѣшились въ свою

[1]) Смотри показанія крестьянъ этого села въ 1699 г. Тамъ же лл. 42—71. Одинъ изъ поселенцевъ села Кременокъ показываетъ даже, что онъ «тому нынѣ 30 лѣтъ сошелъ изъ пригородка Майны и пришелъ въ село Кременки»,—но въ этомъ свидѣтельствѣ очевидна ошибка, ибо въ 1670 году какъ намъ уже извѣстно, составленъ былъ только проектъ Майнскаго острога который слѣдовательно въ 1669 году не могъ еще существовать. Вязниковскій и Тетюшскій переселенцы показываютъ, что они сошли за 23 года до 1699 года, остальные за 20 лѣтъ.

[2]) Деревня Утка, Зеленовка тожъ считалась среди вотчинъ боярина князя Ивана Юрьевича да стольника князя Юрья Юрьевича Трубецкихъ; въ ней въ концѣ столѣтія, кромѣ бѣглыхъ и умершихъ, было 36 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 65 человѣкъ. Въ деревнѣ Волосниковкѣ, числившейся между вотчинами стольника Андрея Ѳедоровича Нарышкина, кромѣ бѣглыхъ и умершихъ, находилось 70 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило въ тоже время 108 человѣкъ. На земляхъ этихъ деревень, какъ увидимъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ поселены были иноземцы, а крестьяне взяты были за государя и переселены отселѣ на свободныя земли въ вершинахъ р. Кандалы. Тамъ же лл. 139—148, 219.

[3]) Говоримъ это потому, что подобныя посѣщенія выселенцами своихъ родныхъ и знакомыхъ, оставшихся въ Нижегородскомъ уѣздѣ, попадались намъ. Такъ, въ концѣ столѣтія, при описи села Кандалы, жены двухъ посе-

очередь послѣдовать ихъ примѣру: въ концѣ семидесятыхъ годовъ они переселились на Утку, гдѣ, вмѣстѣ съ другими переселенцами изъ Алаторскаго и Саранскаго уѣздовъ, основали около своихъ земляковъ на той же сторонѣ Утки рѣки деревню Матвѣевку[1]). Въ это время южнѣе, около деревни Кременки, основывается Мордвинами, выходцами Казанскаго и Арзамаскаго уѣздовъ, деревня Помряскина[2]); теперь же, либо въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ верховьяхъ р. Майны появляется инородческое поселеніе, —преимущественно изъ Татаръ, основанное выходцами изъ деревень Свіяжскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ мотивовъ, которые побуждали ихъ оставить родныя мѣста; вѣроятно, мотивы эти были очень серіозные и имѣли общій характеръ, потому что инородцы выселялись не отдѣльно, а цѣлыми группами и приблизительно около одного времени; притомъ выселялись не самовольно, а послѣ челобитья мѣстнымъ властямъ о желаніи своемъ перейти съ тѣмъ же тягломъ въ здѣшнія мѣста[3]), и всѣ получили это разрѣшеніе,—слѣдовательно мотивъ къ переселенію былъ уважителенъ и въ глазахъ мѣстной власти[4]).

ленцевъ показывали: «а нынѣ мужъ ея въ Сергачской волости у сродниковъ своихъ», другая, которой мужъ былъ изъ деревни Ляпуновой Нижегородскаго уѣзда, свидѣтельствовала: «а мужъ де ея нынѣ въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ляпуновѣ». Тамъ же № 152.

[1]) Изъ Нижегородскаго уѣзда за 20 лѣтъ вышли въ деревню Матвѣевку 6 человѣкъ; трое изъ нихъ принадлежали деревнѣ Акузовой; изъ Алаторскаго уѣзда въ ту же деревню вышло 5 человѣкъ, всѣ изъ деревни Пожарокъ, гдѣ были въ посопномъ тяглѣ въ четверти десятинѣ. Тамъ же лл. 161—162, 178—183, 220—221.

[2]) Показанія крестьянъ деревни Помряскиной. Тамъ же лл. 156—160, 187, 267.

[3]) Тягло большинства переселенцевъ на родинѣ было по времени довольно значительное: они платили по пол-ясака, между тѣмъ какъ обычная величина его была треть или четверть ясака на дворъ.

[4]) Изъ деревни Анеутъ Свіяжскаго у. такимъ образомъ одновременно выселилось 8 семей татарскихъ; изъ Нижнихъ Тарханъ, деревни того же уѣзда, выселилось 4 семьи; изъ деревни Еркѣевой Свіяж. у. 3 семьи. Всѣхъ подобныхъ переселенцевъ разныхъ деревень Свіяжскаго у. въ этомъ поселеніи было 28 дворовъ. Тамъ же лл. 23—42. (Показанія крестьянъ деревни Боранъ).

Въ то время, какъ русскіе люди и инородцы, переселившіеся изъ разныхъ полосъ Россіи, старались получше устроиться по рр. Уткѣ, Майнѣ и Уреню, и, благодаря плодородію здѣшней почвы и обилію естественныхъ произведеній, хорошо вознаграждавшихъ трудъ и предпріимчивость поселенцевъ, скоро могли зажить довольно порядочно,—въ сосѣдней степи давно начавшееся движеніе[1]) среди одной части ея обитателей успѣло разростись въ ураганъ, который со всею силою обратился на сосѣднія Прикамскія и Приволжскія земли, опрокидывая въ своемъ движеніи тѣ искусственныя преграды, которыя съ такимъ трудомъ устроены были Московскимъ правительствомъ для защиты этихъ странъ, населенныхъ трудовымъ населеніемъ. Еще въ семидесятыхъ годахъ (1676 г.) Башкирцы осаждали Мензелинскъ, но Мензелинскіе служилые люди, благодаря подоспѣвшему къ нимъ отряду яицкихъ козаковъ, съ успѣхомъ отразили непріятелей[2]). Но опасность отъ башкирскаго движенія для Закамскихъ земель чрезвычайно усилилась въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, потому что въ это время Башкирцы успѣли привлечь на свою сторону значительную часть Калмыковъ съ ихъ извѣстнымъ начальникомъ Аюкой. По донесенію мѣстныхъ воеводъ 1682 года, «Аюкай и иные тайши[3]), собрався съ своими ратными людьми, пошли подъ Казанскіе и Уфимскіе уѣзды войною, по присылкѣ воровскихъ Башкирцевъ и Казанскихъ Татаръ.... а пошло де съ ними воинскихъ людей Калмыковъ и Татаръ съ сорокъ тысячъ.... и изъ улусовъ де своихъ они Калмыки женъ своихъ и дѣтей отпустили за рѣку Яикъ, въ дальные мѣста»[4]). Повидимому, Примайнскія страны были назначены мѣстомъ встрѣчи новыхъ союзниковъ, потому

[1]) Это движеніе—извѣстный среди Башкирцевъ Сеитовскій бунтъ, начавшійся въ 1662 году подъ предводительствомъ башкирскаго старшины Сеита, который соединился вскорѣ съ Киргизъ Кайсаками.

[2]) Историч. библіот. за 1878 г. Декабрь. «Очеркъ колонизаціи Башкирскаго края» В. Новикова 45 с. Статья составлена отчасти по мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ.

[3]) Такъ именуются главные начальники Калмыковъ.

[4]) Тамъ же 44 с.

что, одновременно съ движеніемъ Калмыковъ подъ начальствомъ Аюки съ южной стороны чрезъ Закамскую черту,—Башкирцы съ востока направились на Мензелинскъ, Заинскъ, Новошешминскъ и Билярскъ[1]). Движеніе на эти укрѣпленныя мѣста, какъ и естественно со стороны людей, воевавшихъ съ цѣлью грабежа, было не одновременное; такъ, отъ укрѣпленій Мензелинскаго острога Башкирцы напали и разгромили по сосѣдству довольно людное село на Камѣ—Чалны; слѣдъ отъ ихъ остановки здѣсь замѣтенъ былъ еще въ концѣ описываемаго столѣтія въ видѣ 35 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ, владѣтелей которыхъ, крестьянъ, «въ прошломъ во 190 году (1682) измѣнники Башкирцы и Татары порубили и въ полонъ взяли съ женами и дѣтьми, а ихъ дворы выжгли»[2]). Неизвѣстно, насколько серіозно могли сопротивляться стремительному натиску Башкирцевъ служилые люди, проживавшіе въ вышеупомянутыхъ острогахъ; но, судя по тому, что въ Билярскѣ они вынуждены были брать съ собою въ сраженіе оброчныхъ бобылей[3]), можно сомнѣваться, чтобъ при подобныхъ обстоятельствахъ они способны были оказать сильное противодѣйствіе непріятелю. Кромѣ того, самое разрушеніе бобыльскихъ и стрѣлецкихъ дворовъ въ нѣкоторыхъ острогахъ и бѣгство растерявшихся жителей изъ укрѣпленій и изъ деревень, подвергшихся нападеніямъ Башкирцевъ, также могутъ отчасти свидѣтельствовать, что отпоръ и защита были слабы, вслѣдствіе чего и должна была увеличиться паника среди населенія, жившаго подлѣ укрѣпленій. По всей вѣроятности, Башкирцы въ нынѣшнее, благопріятное для нихъ, время отъ Билярска р. Малымъ Черемша-

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань переп кн. 7. №№ 135, 151.

[2]) Тамъ же № 151.

[3]) По показанію въ концѣ XVII вѣка Билярскихъ стрѣльцовъ, четверо Билярскихъ оброчныхъ бобылей (Ивашко Сидоровъ, Андрюшко Дергачь и еще два) «*побиты на бою* отъ измѣнниковъ татаръ въ прошломъ во 191 году (1683 г.), а послѣ ихъ жены ихъ и дѣти разбрелись въ розны»; въ другихъ острогахъ сами бобыли разбѣжались отъ страха. Въ Мензелинскѣ, Заинскѣ и Новошешминскѣ Башкирцы хозяйничали годомъ раньше, т. е. въ 1682 г. Тамъ же, тѣ же номера.

номъ спустились до чувашской деревни Ахметевой, которая раскинулась по обѣимъ сторонамъ упомянутой рѣки; память о пребываніи ихъ въ этой деревнѣ осталась, ибо въ девяностыхъ годахъ само правительство въ грамотѣ, данной другимъ инородцамъ на поселеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ, свидѣтельствуетъ, что «та деревня разорена и выжжена, и люди отъ башкирскаго разоренія разбѣжались»[1]). Похозяйничавши на Маломъ Черемшанѣ, гдѣ въ то время еще не могло быть многихъ поселковъ, Башкирцамъ естественно было отсюда пройти въ сосѣднюю, сравнительно болѣе населенную, страну, въ которой, правда, въ настоящее время были уже два острога, — но кочевники привыкли не особенно страшиться подобныхъ укрѣпленій, ознакомившись съ ними на пути во время своего послѣдняго вторженія; здѣшнія укрѣпленія не должны были остановить ихъ и потому еще, что тамъ они могли соединиться съ своими союзниками, Калмыками. И дѣйствительно, мы встрѣчаемся съ слѣдами ихъ пребыванія недалеко отъ устья рѣки Майны, гдѣ они посѣтили село Грязнуху, которое, по свидѣтельству одного поселенца въ концѣ описываемаго столѣтія, «въ прошлыхъ лѣтехъ разорено отъ Башкирцевъ»; другой поселенецъ въ тоже время говорилъ, что «онъ сошелъ изъ того села отъ башкирскаго разоренія и жилъ въ разныхъ мѣстахъ»[2]). Съ береговъ Майны Башкирцы, кажется, двинулись на югъ, къ р. Уреню, на встрѣчу своимъ союзникамъ, Калмыкамъ, ибо есть извѣстіе, что они побывали въ Кременкахъ, откуда нѣкоторые поселенцы также ушли, по ихъ словамъ «отъ Башкирскаго разоренія»[3]). Между тѣмъ какъ Башкирцы послѣ заключенія союза съ Калмыками двинулись изъ-за р. Бѣлой (съ востока) на Мензелинскъ, союзники ихъ, Калмыки, въ тоже время съ юга направились въ Прикамскія страны; перешедши

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. стар. лѣтъ съ городами кн. 13, № дѣла 15, л. 1.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань. Переп. кн. 7, № 152, лл. 77—79.

[3]) Говоримъ *кажется*, потому что показанія крестьянъ-выходцевъ села Кременокъ менѣе опредѣленны, чѣмъ предшествовавшихъ. Тамъ же л. 257.

укрѣпленную черту, они, по всей вѣроятности, не оставались здѣсь праздными зрителями и хозяйничали съ такимъ же успѣхомъ, какъ и союзники ихъ Башкирцы, которыхъ они могли встрѣтить въ области р. Уреня[1]). При условіяхъ, въ которыхъ теперь очутились Примайнскія земли, въ правительственныхъ сферахъ могла снова явиться мысль о пользѣ, которая должна произойти отъ водворенія въ здѣшнихъ мѣстахъ служилыхъ иноземцевъ, какъ людей привычныхъ къ опасностямъ войны, которые потому менѣе другихъ могли смущаться и устрашаться. Такимъ образомъ, принятое правительствомъ рѣшеніе въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка водворить значительную группу служилыхъ иноземцевъ на рѣкѣ Майнѣ было совершенно естественно по обстоятельствамъ того времени. И вотъ вслѣдствіе этого, инородцы Свіяжскаго уѣзда, поселившіеся было съ дозволенія правительства въ вершинахъ р. Майны, были отсюда переведены въ сосѣднюю деревню Баранъ, повидимому, тоже основанную инородцами, выходцами Свіяжскаго уѣзда, а земли переведенцевъ отведены были подъ пахоту съ сѣнными покосами значительной группѣ Казанскихъ служилыхъ иноземцевъ— Степану Селивановскому съ товарищи, которые въ вершинахъ р. Майны основали село Верхнюю Майну и деревню Богацкую[2]).

Существованіе мѣстами поселковъ въ продолженіе извѣстнаго времени не могло не оказывать притягательнаго

[1]) Въ царской грамотѣ отъ 8 іюня 1683 года есть извѣстіе о сборищѣ Башкиръ съ Калмыками для продолженія войны. По свѣдѣніямъ мѣстныхъ воеводъ, «Калмыцкій царевичъ Дидюбакъ Бокаевъ съ воинскими людьми съ Калмыки зимовалъ подлѣ озера Чертаклы, а съ нимъ Калмыковъ сорокъ тысячъ». Озеро Чердаклы лежитъ южнѣе р. Уреня, въ Поволжьѣ. «Истор. Биб.» 1878 г. Декабрь. «Очеркъ колонизаціи башкир. зем.» Новикова, 48.

[2]) Смотри по этому поводу показанія многихъ крестьянъ-татаръ деревни Баранъ. Тамъ же лл. 23 — 42; кромѣ того л. 76. Къ сожалѣнію, мы, по отсутствію какихъ либо данныхъ, не могли опредѣлить числа Казанскихъ иноземцевъ, водворенныхъ въ это время на вершинахъ р. Майны, равно и объяснить, почему именно эти иноземцы поселены были въ вершинахъ рѣки Майны, а не въ мѣстахъ подлѣ Полоцкой шляхты. Не сохранялись ли правительствомъ свободныя земли около Полоцкой шляхты для тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ полку Гаславскаго и которые, быть можетъ, не прямо отказались, а болѣе медлили своимъ прибытіемъ?

дѣйствія на новыхъ переселенцевъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ спѣшили присоединяться къ прежнимъ и селились вмѣстѣ съ ними, ибо подобное сожительство старымъ насельникамъ, при изобиліи здѣсь свободныхъ земель и крайнемъ малолюдствѣ, могло быть только пріятно; въ другихъ переселенцахъ жизнь въ томъ или иномъ мѣстѣ земляковъ, соединенная съ извѣстными выгодами, должна была возбуждать смѣлость къ поселенію по сосѣдству съ ними, въ надеждѣ, что и ихъ житье пойдетъ не хуже въ здѣшнихъ мѣстахъ. Подобными мотивами, по всей вѣроятности, обусловливается появленіе новыхъ поселковъ вблизи старыхъ, спустя нѣкоторое время. Такъ, намъ извѣстно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ на лѣвой сторонѣ р. Уреня появляется деревня служилыхъ инородцевъ Яганаева Яртудина, въ которой поселился служилый татаринъ съ подобнымъ же прозвищемъ; въ недалекомъ же разстояніи отъ этой деревни, южнѣе, на берегу озера Чердаклы, въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ мы застаемъ деревню служилыхъ татаръ, въ которой старѣйшими поселенцами были выходцы изъ Саранскаго уѣзда (нынѣшней Пензенской губ.), принадлежавшіе на родинѣ къ служилому классу и переселившіеся на луговую сторону, гдѣ основали деревню Чердакли[1]). Существованіе и выгоды, получаемыя служилыми инородцами деревни Чердакли, могли въ свою очередь побудить служилыхъ инородцевъ сосѣднихъ уѣздовъ предложить мѣстному правительству свою службу за земли

[1]) Тамъ же лл. 229, 245—249. Одинъ изъ поселенцевъ показывалъ въ 1699 году, что онъ на родинѣ служилъ службу съ 20 четвертей земли въ каждомъ полѣ; на своей службѣ оставилъ брата, а самъ 20 лѣтъ тому назадъ сошелъ въ Чердакли и по челобитью его въ городѣ Симбирскѣ дано ему на новомъ мѣстѣ 20 четвертей въ каждомъ полѣ для службы по Симбирску. Другой поселенецъ деревни изъ Саранскаго уѣзда, сынъ служилаго человѣка, остался послѣ отца въ малыхъ лѣтахъ, сошелъ лѣтъ съ 40 тому назадъ, «жилъ переходя въ разныхъ мѣстахъ», въ Чердакли пришелъ 17 лѣтъ тому назадъ, билъ челомъ въ Симбирскѣ и получилъ 20 четв. земли въ каждомъ полѣ для службы по Симбирску. О самой деревнѣ сказано: «В Симбирскомъ уѣздѣ *на степи* подлѣ озера Чердаклинскаго поселилась деревня Чердакли, а в ней живутъ служилые татара».

въ здѣшнихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого въ началѣ девяностыхъ годовъ XVII столѣтія по сосѣдству съ деревнею Чердакли («въ ободу Чердаклинскихъ татаръ») находимъ новую деревню Уренбашъ, о которой говорится: «живутъ въ ней служилые татары, а служатъ полковую службу по Симбирску»[1]). Продолжительное существованіе на р. Уренѣ мордовской деревни Помряскиной, заселенной съ самаго начала выходцами изъ Казанскаго уѣзда, не могло не оказывать вліянія на инородцевъ сосѣдняго уѣзда, — и вотъ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ описываемаго вѣка мы встрѣчаемъ въ сосѣдствѣ съ Помряскиной деревню Войкину, состоящую изъ ясачныхъ татаръ, переселенцевъ Свіяжскаго уѣзда[2]). На р. Уткѣ, на правомъ берегу ея, какъ мы знаемъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ появляется мордовское поселеніе, получившее наименованіе Кокрячь — отъ городища, на которомъ оно было основано; а въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ того-же столѣтія на противоположной сторонѣ р. Утки встрѣчаемся съ мордовскимъ же поселкомъ, въ которомъ живетъ выходецъ Алаторскаго уѣзда (нынѣшней Симбирской губерніи), сдавшій тягло свое брату, а самъ съ сыномъ перешедшій на Утку, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ къ нему присоединились другіе соплеменники Казанскаго уѣзда, и всѣ они вмѣстѣ живутъ въ мордовской деревнѣ Айбаши[3]). На притокѣ р. Уреня, на рѣчкѣ Кременкѣ въ семидесятыхъ годахъ застаемъ деревню

[1]) Старѣйшими поселенцами этой деревни, которая въ концѣ XVII вѣка насчитывала у себя 25 человѣкъ служилыхъ инородцевъ, были переселенцы Темниковскаго и Симбирскаго уѣздовъ; всѣ 3 переселенца Темниковскаго уѣзда показывали, что они сходцы изъ деревни Идяковой и перешли въ дер. Уренбашъ за 6 лѣтъ до допроса. Тамъ же лл. 250—261.

[2]) Тамъ же лл. 188—192. Показанія ясачныхъ татаръ деревни Войкиной: л. 267.

[3]) Тамъ же лл. 20—23. Къ Мордвину деревни Чюкалѣй Алаторскаго уѣзда, переселившемуся на Утку за 15 лѣтъ до 1699 года, присоединились 6 выходцевъ изъ деревни Безсоновой Казанскаго уѣзда, переселившіеся въ деревню Айбаши за 10 лѣтъ; изъ послѣднихъ переселенцевъ пятеро были тяглыми и несли на родинѣ—трое тягло съ полуясака, а двое съ четверти; одинъ былъ бобылемъ.

Кременки, а въ восьмидесятыхъ годахъ подлѣ, на правомъ берегу Уреня находимъ инородческое поселеніе Урень-Тюгѣево, въ которой старѣйшіе поселенцы — выходцы Казанскаго и Темниковскаго уѣздовъ[1]). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, при испомѣщеніи по р. Майнѣ Полоцкой шляхты, въ межахъ отведенныхъ имъ здѣсь земель упоминается между прочимъ о «Краснорѣцкихъ Мордовскихъ пашняхъ»[2]), вслѣдстіе чего можно предполагать, что въ то время на рѣчкѣ Красной, притокѣ Майны, недалеко отъ впаденія ея, на лѣвой сторонѣ существовало уже инородческое поселеніе, котораго населеніе занималось земледѣліемъ; а въ восьмидесятыхъ годахъ нѣкоторые служилые инородцы Свіяжскаго уѣзда, по челобитью своему, получаютъ отъ правительства землю въ верхнихъ частяхъ рѣчки Красной, основываютъ здѣсь деревню Урайкину и обязываются нести службу по Казанскому уѣзду; къ нимъ на новомъ мѣстѣ вскорѣ присоединились инородцы — выходцы изъ Алаторскаго уѣзда, тоже испомѣщенные здѣсь съ обязательствомъ нести службу за отведенныя имъ земли. Въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія (1692 г.) служилые инородцы описываемой деревни достигаютъ тридцати человѣкъ и, образовавши общину, сами принимаютъ къ себѣ свою братью[3]). Но не только въ верховьяхъ

---

[1]) Тамъ же лл. 185 — 187. Мордвинъ деревни Уреня Сюнчелѣевъ въ концѣ столѣтія «въ роспросѣ сказалъ: родина его Казанскаго уѣзда деревни *Стараго Уреня, отецъ его въ деревню Урень пришелъ* жить бивъ челомъ великому государю въ Казани съ прежнимъ ясакомъ, и тотъ ясакъ нынѣ платитъ онъ»; другой выходецъ Темниковскаго уѣзда показываетъ, что онъ пришелъ въ дер. Урень 10 лѣтъ тому назадъ.

[2]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, л. 632.

[3]) Казань. Переп. кн 7, № 152 лл. 149 — 155. «*Деревни Ураевы* служилые татары: *Дв. Алка Ураевъ* въ роспросѣ сказалъ: родина его въ Свіяжскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Алмендярѣ; служилъ полковую службу безъ помѣстья по Свіяжску и тому нынѣ лѣтъ 10 и больше по челобитью отца его.... по грамотѣ великаго государя изъ Казани дано ему въ той деревнѣ Ураевѣ въ помѣстье и въ оброкъ 50 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ; братъ у него родной Кондарка Ураевъ, помѣстье за братомъ его въ той деревнѣ Ураевѣ» столько же и т. д.; нѣкоторые служилые инородцы показываютъ: пришелъ онъ въ дер. и «снялъ *полюбовно безъ челобитья* въ той деревнѣ Ураевѣ у татарина (имя и фамилія) половину помѣстья той оброчной земли его»

Красной рѣчки, и у самой вершины р. Майны около описываемаго времени появляются инородческіе поселки; такъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ нѣсколько Мордвиновъ — выходцевъ Казанскаго уѣзда, соединившись съ соплеменниками своими изъ Саранскаго и Темниковскаго уѣздовъ, съ дозволенія правительства поселились недалеко отъ инородческой деревни Баранъ, существовавшей въ верхнихъ частяхъ р. Майны[1]). Къ концу столѣтія основываются поселки въ верхнихъ частяхъ рѣчки Кандалы, болѣе восточнаго притока рѣки Майны съ лѣвой стороны ея; въ этихъ мѣстахъ нѣкоторые инородцы, выходцы изъ Симбирскаго уѣзда[2]), пожелали получить отъ правительства земли съ обязательствомъ нести съ нихъ службу по Казанскому уѣзду; къ нимъ присоединились вскорѣ инородцы изъ другихъ уѣздовъ и такимъ путемъ образовалась деревня, въ которой служилые инородцы, составивши общину, въ свою очередь принимаютъ къ себѣ на поселеніе свою братью — новыхъ выходцевъ[3]). Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, какъ мы видѣли, по сторонамъ рѣки Уреня появляются русскіе и инородческіе поселки, существованіе которыхъ могло возбудить смѣлость въ ясачныхъ инородцахъ Симбирскаго уѣзда, поселиться въ началѣ девяностыхъ годовъ въ вершинѣ рѣки Уреня и основать здѣсь деревню, въ которой въ концѣ XVII столѣтія насчитывалось уже около 20 ясачныхъ дворовъ[4]). По всей вѣроят-

---

[1]) Тамъ же лл. 18—20. «Въ вершинахъ Майны р... *деревни Налитевы* Ясачная Мордва: Дв. Атяшко *Налѣтевъ* въ распросѣ сказалъ: жилъ въ Казанскомъ у. въ дер. Уренѣ и платилъ съ четверти ясака; сошелъ 7-ой годъ въ деревню Налитеву и платитъ въ Казани прежнее тягло»; у него сынъ и родные братья, изъ которыхъ одинъ женатъ и платитъ тягло особое.

[2]) Рѣки Утка и Майна съ притоками тянули къ Казанскому уѣзду.

[3]) Тамъ лл. 136—139. «На Кандалѣ рѣчкѣ, *деревни Ертугановы*, верхъ Кандала тожъ, служилые татары: *Дв. Ертуганка Мурзы*, сынъ Тагоевъ въ распросѣ сказалъ: родина его въ Симбирскомъ у. въ дер. Каракитѣ, жилъ въ бобыляхъ, и въ прошлыхъ годѣхъ поево челобитью въ Казани дано ему въ той деревнѣ Ертугановѣ помѣстья 50 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; живетъ въ той деревнѣ съ прошлаго 206 года (1698 г.); сынъ у него Елметка—женатъ» и др. дворы.

[4]) Тамъ же лл. 168—170. «На рѣчкѣ Уреню поселились Мордва и Татары Симбирскаго уѣзду *деревни Богдашкиной Богдашко Ведяшевъ съ товарищи*».

ности, такія же условія вызвали появленіе инородческихъ поселеній на сѣверъ отъ р. Утки, нѣсколько восточнѣе поселковъ, раньше существовавшихъ. Главными дѣятелями при основаніи здѣсь новыхъ поселеній являются выходцы Свіяжскаго уѣзда, къ которымъ скоро присоединяются инородцы, вышедшіе изъ мѣстныхъ селъ и деревень. Такъ, довольно значительная татарская деревня Яркули, существовавшая уже въ началѣ девяностыхъ годовъ XVII-го столѣтія, основана была группою ясачныхъ инородцевъ, которые въ числѣ восьми вышли изъ деревни Анеутъ Свіяжскаго уѣзда, откуда и прежде не разъ выселялись жители на Майну; и вотъ переселенцы въ Казани бьютъ челомъ о ясакахъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединяются новые выходцы изъ тогоже уѣзда. При этомъ слѣдуетъ указать, что въ этотъ разъ, какъ и прежде, причина эмиграціи населенія, должно предполагать, была въ глазахъ мѣстныхъ властей вполнѣ уважительна, ибо они не противятся подобному выселенію, не смотря на то, что въ нынѣшній разъ переселенцы не передаютъ на родинѣ своихъ ясаковъ другимъ, такъ какъ, по ихъ показанію, «тотъ полъ ясака и Анеутъ деревня нынѣ въ пустѣ»[1]). Но новыя поселенія основываются въ описываемое время въ здѣшнихъ мѣстахъ не одними выходцами изъ отдаленныхъ или сосѣднихъ уѣздовъ,— мѣстные уроженцы или насельники, поселившіеся было здѣсь, но не вполнѣ удовлетворенные на мѣстѣ своего жительства, являются въ свою очередь виновниками новыхъ поселковъ въ Примайнскихъ странахъ. Такъ, мы знаемъ, что нѣкоторые изъ ино-

Замѣчательны фамиліи нѣкоторыхъ инородцевъ въ этой деревнѣ: Нечаевъ, Борисовъ, Смирновъ и нѣкоторыя другія; такія и подобныя русскія прозвища встрѣчаются у инородцевъ и въ другихъ здѣшнихъ поселкахъ.

[1]) Тамъ же лл. 192—196, 204. «Деревни Яркуль Татары: дв. Ахметка Тюгѣевъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Свіяж. у. въ деревнѣ Анеутъ; платилъ въ Свіяжску съ братомъ своимъ двоюроднымъ; а въ дер. Яркуль пришелъ онъ тому седьмой годъ (показ. въ 1699 г.); и тотъ полъ ясака и Анеутъ деревня ныне въ пустѣ; а въ деревнѣ Яркулѣ по его челобитью, данъ ему изъ Казани вновь въ прибыль четь ясака. У него жъ Ахметки братья родные: Елдашка, Еричка—женаты». Показанія остальныхъ изъ этой деревни большею частью такія же.

родцевъ, жившіе въ деревняхъ по р. Уткѣ, въ девяностыхъ годахъ покидаютъ свои деревни и основываютъ съ разрѣшенія мѣстной власти въ восточномъ направленіи новое поселеніе, которое быстро увеличивается прибытіемъ туда выходцевъ изъ Свіяжскаго уѣзда[1]). Въ данное же время въ здѣшнихъ мѣстахъ встрѣчаемся и съ такими явленіями: служилый инородецъ Свіяжскаго уѣзда свою помѣстную землю на родинѣ вмѣстѣ со службою съ нея предоставляетъ своему брату, — самъ же въ преклонномъ возрастѣ съ семьею переходитъ въ Казанскій уѣздъ, гдѣ останавливаетъ свое вниманіе на привольныхъ земляхъ, лежащихъ въ области р. Малаго Черемшана; здѣсь, въ верхнихъ частяхъ рѣчки Шіи[2]), «по обѣ стороны и въ иныхъ урочищахъ дано ему изъ Казани земли по его челобитью, — а велѣно ему съ той земли платить по ясаку на годъ». На рѣчкѣ же Шіѣ, кромѣ земли, отведенной служилому татарину, находилось еще много свободныхъ земель, на которыхъ въ концѣ столѣтія застаемъ двѣ другія инородческія деревни. Вѣроятно, старому служилому татарину было не совсѣмъ пріятно постоянно жить въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ то время еще рѣдко населенныхъ и лежавшихъ въ сторонѣ отъ укрѣпленныхъ острожковъ, потому что мы застаемъ его въ 1698 году «отставленнаго, по грамотѣ вел. госуд., отъ службы за старостью»:

[1]) Тамъ же лл. 196—197, 204. «Деревни Долгаго Озера Мордва» второй дворъ отъ начала «Дв. Юрка Мялковъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казанскомъ у. въ деревнѣ Уткѣ, а Зеленовка тожъ, былъ въ тяглѣ въ чети ясакѣ, а въ деревню Долгое Озеро пришелъ онъ тому 4-ой годъ, и то тягло четь ясака сдалъ онъ крестьянину Ивашкѣ Дементьеву, а въ дер. Долгомъ озерѣ платитъ онъ съ получети ясаку, бивъ челомъ великому государю въ Казани въ прибыль; да у него жъ сынъ, живетъ особо избою, Мартышка, — живетъ въ бобыляхъ». «Дв. Петрушка Сергѣевъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казан. у. въ дер. Урюмѣ; было на отцѣ его тягла полъ ясака и по челобитью его съ тѣмъ ясакомъ перешелъ жить въ Казанскій у. въ дер. Утку, Зеленовка тожъ; жилъ лѣтъ съ 20 и больши, и съ тѣмъ же тягломъ перешолъ онъ Петрушка въ дер. Долгое Озеро тому четвертой годъ». Въ нѣкоторыхъ другихъ дворахъ подобныя же показанія. Деревня лежала не далеко отъ дер. Яркуля.

[2]) Рѣчка Шія течетъ на одной линіи съ рѣкою Уткою.

онъ проживалъ въ деревнѣ на р. Красной[1]), куда прибылъ за годъ до описи, и гдѣ получилъ землю «въ помѣстье и въ оброкъ», съ которой службу несъ сынъ его[2]). Въ то время какъ пришлое населеніе отъ Волги по ея притокамъ постепенно двигается на востокъ, на встрѣчу ему, по другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, подвигаются инородческія поселенія съ востока на западъ,—такъ что новые поселки въ здѣшней мѣстности какъ бы стремятся въ описываемое время образовать изъ себя непрерывную цѣпь поселеній. Такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ группа служилыхъ «*неверстанныхъ*» Мещеряковъ (10 человѣкъ) обратилась къ правительству съ слѣдующимъ челобитіемъ: «отдѣлились они дѣти отъ отцовъ и братья отъ братей» для заселенія пустой пахотной земли, оставшейся отъ разбредшихся Чювашъ, населявшихъ деревню Ахметеву—Миронову, которая расположена была по обѣимъ сторонамъ р. Малаго Черемшана; вслѣдствіе этого пахатная земля по Малому Черемшану съ сѣнными покосами по рѣчкѣ Шіѣ отдана была Мещерякамъ сперва на оброкъ, а потомъ «въ помѣстье и въ оброкъ»[3]).

Здѣшнее населеніе въ девяностыхъ годахъ двигалось на востокъ отъ Волги не только по р.р. Уткѣ и Майнѣ,—тоже движеніе можно замѣтить и южнѣе, въ области р. Уреня: здѣсь «въ вершинѣ рѣчки Уреня, по лѣвой сторонѣ, подъ чернымъ Чиглинскимъ лѣсомъ» встрѣчаемся въ началѣ девяностыхъ годовъ съ инородческимъ поселеніемъ, которому основаніе положено было, повидимому, Чувашами Симбирскаго и Свіяжскаго уѣздовъ; самое названіе этой деревни образовалось отъ одного изъ первыхъ поселенцевъ инородческой деревни[4]).

---

[1]) Въ дер. Ураевѣ, въ верхнихъ частяхъ р. Красной (прит. р. Майны).

[2]) Тамъ же лл. 154 и 205.

[3]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. стар. л. кн. 13, № дѣла 15.

[4]) И въ настоящее время деревня Еремкина находится подъ лѣсомъ (см. карту генер. штаба съ 10 вер. машт. 1870 г.). Описывается она такъ: «Да за рѣкою ж Уренемъ на той же отписной землѣ, которая земля отписана во 176 году (1668 г.) по Михайловымъ книгамъ Баракова . . . . . поселилась Синбирскаго уѣзду деревня Нараткодь, *Еремкина* тожъ, а въ ней живутъ ясачные Татара и Чюваша. А у досмотру и у мѣры они Татара и Чюваша *Еремка* Бекбулатовъ подали выпись съ отказныхъ книгъ». Тамъ же кн. 7, № 152, л. 234.

Не одни впрочемъ крестьяне внутренней Россіи и инородцы сосѣднихъ уѣздовъ стремятся въ концѣ описываемаго столѣтія занимать земли, почитавшіяся свободными, и селятся въ здѣшнихъ мѣстахъ, чтобъ пользоваться природными богатствами ихъ, — служилые люди и представители духовенства дѣлаютъ съ своей стороны тоже. Такъ, въ верхнихъ частяхъ рѣки Уреня, въ концѣ девяностыхъ годовъ (1697 г.), «поселена на правой сторонѣ деревня *Новая* Синбирскихъ иноземцовъ». Эта деревня во время описи (1699 г.) состояла лишь изъ нѣсколькихъ дворовъ (пять), большинство которыхъ были переселенцами Нижегородскаго уѣзда; но значительное количество земли, которое отведено было для нея подъ усадьбу, пахоту и покосъ могли свидѣтельствовать о томъ, что владѣльцы расчитывали на большой приливъ населенія[1]). Кромѣ того, въ сосѣдствѣ съ деревнею Чердакли въ концѣ столѣтія встрѣчаемся съ землями стольника Наумова и крестьянъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря; въ самой же деревнѣ, въ отдѣльныхъ дворахъ, живутъ три чувашскихъ семейства, выходцы Симбирскаго уѣзда, свидѣтельствовавшіе о себѣ, что они приняты были нѣсколько лѣтъ тому назадъ на священническую землю Симбирскимъ соборнымъ священикомъ, у котораго теперь и состояли «въ работѣ», т. е., по ихъ словамъ, «пашню на него (священика) пашутъ и всякіе издѣлья дѣлаютъ». Отсюда мы можемъ видѣть, что Симбирскому священику было выгодно владѣть здѣсь землею и эксплоатировать ея богатства посредствомъ наемныхъ работниковъ[2]).

Если теперь обратимся къ разсмотрѣнію вышеупомянутыхъ поселеній на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ въ концѣ XVII вѣка, то въ нихъ можно отмѣтить слѣдующія особенности: въ по-

---

[1]) «Деревня *Новая* Синбирскихъ иноземцевъ Ивана Тимоѳеева сына Ильинича и Ивана Новокульскихъ». Тамъ же лл. 233, 256—261.

[2]) Тамъ же лл. 248—250, 261.

селкахъ русскіе и инородцы живутъ всегда отдѣльно[1]); инородцы по своему происхожденію принадлежатъ главнымъ образомъ Татарамъ и Мордвѣ; инородцы-новокрещены, когда ихъ число въ деревнѣ значительно, имѣютъ, какъ кажется, стремленіе составлять изъ себя отдѣльную общину и принимаютъ на свои земли, вмѣсто выбывшихъ, новыхъ членовъ[2]). Естественно ожидать, что старѣйшія поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ станутъ люднѣе сравнительно съ позднѣйшими поселками. И дѣйствительно, самыя многолюдныя поселенія на рр. Майнѣ, Уткѣ и Уренѣ суть тѣ, которыя основаны въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія[3]); къ нимъ по людности примыкаютъ поселки, появившіеся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Такая людность замѣчательна, потому что нѣкоторыя изъ раннихъ поселеній на Майнѣ и Уренѣ испытали, какъ намъ извѣстно, разореніе отъ Башкирцевъ, вслѣдствіе чего населеніе въ нихъ должно было уменьшиться[4]). Самымъ

---

[1]) Только одинъ разъ, въ деревнѣ Помряскинѣ, встрѣчается отступленіе: въ этой деревнѣ вмѣстѣ съ русскими крестьянами жили новокрещены изъ Мордвы и нѣсколько дворовъ (три) языческой Мордвы. Тамъ же лл. 156—160, 187.

[2]) Такъ въ деревняхъ Матвѣевкѣ и Помряскиной дворы новокрещенъ описываются особо,—при чемъ одинъ изъ новокрещенъ послѣдней деревни—«Дв. Ѳедка Дмитріевъ сынъ Новокрещенъ въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казанскомъ у. въ деревнѣ Мордовской Шесталѣ; и крестясь въ православную христіанскую вѣру тому лѣтъ 15 пришелъ въ дер. Помряскину, и не бивъ челомъ великому государю *приняли въ той деревни новокрещены и Мордва* въ пустовой четверть ясака умершаго Мордвина (имя и отеч.)». Тамъ же лл. 158—161.

[3]) Исключеніемъ является лишь деревня *Янганаева*, которая, хотя и была основана въ шестидесятыхъ годахъ, но имѣла въ концѣ столѣтія только 32 двора служилыхъ людей; такое малолюдство деревни могло обусловливаться окраиннымъ ея положеніемъ (на лѣвой стор. р. Уреня) и сосѣдствомъ со степью (ближайшая къ ней деревня Чердакли означена «*на степи*»), требовавшей очень большую долю смѣлости отъ насельника; кромѣ того, медленно развивалась дер. Помряскина.

[4]) Два крестьянина села Кандалы показывали, что они изъ села Грязнухы — «изъ того села сошелъ отъ Башкирскаго разоренья и жилъ въ разныхъ мѣстахъ»; сверхъ того крестьянинъ деревни *Новой*, Новокульскихъ, разсказывалъ о себѣ, что онъ жилъ на ясакѣ въ селѣ Кременкахъ «и сошелъ изъ того села отъ Башкирскаго разоренья». Тамъ же лл. 79, 257.

большимъ поселеніемъ здѣсь было селеніе Кандала; въ немъ находилось 168 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ проживало 369 человѣкъ взрослыхъ, большею частью семейныхъ. Почти всѣ они, по ихъ свидѣтельству, были *сходцами* или переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Россіи,—преимущественно же изъ Нижегородскаго[1]), Симбирскаго[2]), Казанскаго[3]) и Вязниковскаго уѣздовъ[4]). Но кромѣ значительнаго числа выходцевъ изъ упомянутыхъ уѣздовъ мы встрѣчаемся здѣсь еще и съ переселенцами другихъ уѣздовъ, и близкихъ, и далекихъ отъ описываемой мѣстности[5]). Время ухода крестьянъ съ родины и поселенія ихъ на р. Кандалѣ было различное; при этомъ нерѣдко встрѣчаемся съ фактомъ, что переселенецъ, сдавши тягло или оброкъ въ своей деревнѣ другому крестьянину, иногда родственнику, до своего водворенія въ селѣ Кандалѣ, по его словамъ, «жилъ переходя въ разныхъ мѣстахъ». Такіе переходы совершались инымъ крестьяниномъ съ семьею въ продолженіи довольно значительнаго промежутка времени[6]); быть

---

[1]) Всего переселенцевъ изъ Нижег. у. было 67 челов.; при этомъ больше всего выслала Княгининская волость—15 челов.,—изъ одной лишь деревни Яблочной выселилось 6 человѣкъ.

[2]) Изъ Симб. у. переселились 35 челов., — 18 челов. изъ одной Арбугинской слободы.

[3]) Изъ Казан. у. 28 челов.; 11 человѣкъ бобылей переведено было изъ пригорода Тіинска, — большею частью воеводою Супоневымъ.

[4]) Изъ Вязников. у. было въ с. Кандалѣ 23 переселенца.

[5]) Такъ, изъ Ломовскаго уѣзда перешли 10 челов.; изъ Муромскаго у.— 8 челов.; изъ Свіяж. у. 7 чел.; изъ Суздальск. у. 6 челов.; изъ Костром. у. 5 челов; изъ Арзамаск. у. 5 челов.; изъ Москов. у. 5 челов.; изъ Тетюшск. у. 3 челов. Сверхъ того попадаются сходцы: изъ Ярославскаго, Владимірскаго, Можайскаго, Вяземскаго, Коломенскаго, Юрьева Польскаго, Юрьева Повольскаго, Уфимскаго, Самарскаго, Шацкаго, Корсунскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

[6]) Такъ, напримѣръ, крестьянинъ Нижегород. у. села Мурашкина въ распросѣ говорилъ: «отецъ его жилъ въ томъ селѣ въ бобыляхъ, а онъ сошелъ изъ того села тому лѣтъ съ 10 и жилъ переходя въ разныхъ мѣстахъ; а въ село Кандалу пришелъ въ нынѣшнемъ 207 г. (1699) и живетъ въ бобыляхъ». Крестьянинъ Костромскаго у. деревни Решетниковой показывалъ: «отецъ его былъ въ посопномъ тяглѣ въ десятинной пашнѣ и умре; а въ томъ тяглѣ остался другой крестьян. (имя), а онъ сошелъ изъ той деревни

можетъ, это обусловливается отчасти тѣмъ, что крестьянинъ полагалъ необходимымъ вполнѣ приспособиться къ окружающимъ его новымъ условіямъ, прежде чѣмъ рѣшиться на окончательное поселеніе. Во всякомъ случаѣ, фактъ подобнаго странствованія со стороны крестьянъ не только внутренней Россіи, но и сосѣднихъ уѣздовъ, можетъ наглядно свидѣтельствовать о томъ, что русскій крестьянинъ XVII вѣка, какъ и въ наше время, не боялся передвиженій въ сообществѣ съ родными и близкими людьми. Выходцы изъ одного уѣзда, иногда той же деревни, оставляютъ родину одновременно и въ Кандалѣ селятся также въ одно время, при чемъ одинъ изъ переселенцевъ на новомъ мѣстѣ становится крестьяниномъ, а другой сосѣдомъ у него; точно тоже можно сказать и относительно близкихъ деревень или уѣздовъ[1]). Но не только крестьяне,—жены послѣ смерти мужей покидаютъ съ семьею родныя мѣста и селятся въ здѣшнихъ краяхъ, далеко еще не безопасныхъ отъ нападеній кочеваго непріятеля[2]). Нерѣдко встрѣчаемся съ показаніями крестьянъ

лѣтъ съ 20 и жилъ въ разныхъ мѣстехъ; а въ село Кандалу пришелъ тому 6 лѣтъ, и *билъ челомъ государю въ Тетюшахъ* и дано ему, по его челобитью, въ томъ селѣ Кандалѣ послѣ крестьянина (имя и прозв.), и *платитъ въ Казани* по полтинѣ на годъ оброку; дѣти у него: Ивашко, Оска, Васька, Пронка, Гришка—женаты, да Митька 15 л; у Ивашки дѣти (2 сына малыхъ). Крестьянинъ Ломовскаго уѣзда, села Троицкаго разсказывалъ, что онъ «сдалъ тягло дядѣ своему родному по матерѣ (имя) и сошелъ изъ той деревни тому лѣтъ съ 30, и жилъ, переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кандалу пришелъ тому 3 года; *и по его челобитью въ Тіинску*, дано ему пустоваго оброку послѣ бѣглаго крестьянина (имя и прозв.) и платитъ по 5 алт. на годъ», у него нѣсколько небольшихъ дѣтей. Другіе крестьяне свидѣтельствуютъ въ своихъ показаніяхъ о иныхъ, менѣе продолжительныхъ срокахъ своего странствованія «въ разныхъ мѣстехъ» до водворенія своего въ Кандалѣ. Тамъ же, лл. 77—125.

[1]) Такъ, напр., изъ деревни Комлевы, Вязниковскаго уѣзда, одновременно сошли пятеро крестьянъ, поселившихся въ одно время въ Кандалѣ, причемъ два крестьянина имѣютъ *сосѣдями* своихъ земляковъ, сошедшихъ одновременно; тоже встрѣчается и у другихъ крестьянъ, сошедшихъ изъ иныхъ мѣстностей.

[2]) Вдова Агафья Иванова, жившая въ особомъ самостоятельномъ дворѣ и платившая оброкъ въ селѣ Кандалѣ «въ роспросѣ сказала: мужъ ее (имя и отеч.) жилъ въ Суздальск. у. въ селѣ Лопатинѣ въ бобыляхъ и умеръ; а

того либо другаго уѣзда, или же ихъ сосѣдей, что они вышли изъ родныхъ мѣстъ, спустя годъ или два одинъ послѣ другаго, при чемъ первый переселенецъ свидѣтельствуетъ о своемъ странствованіи въ теченіи нѣкотораго времени, прежде чѣмъ поселиться въ Кандалѣ,—слѣдующіе же за нимъ крестьяне тойже мѣстности показываютъ, что они прямо переселились на р. Кандалу. Иные крестьяне на новомъ мѣстѣ довольно скоро обзаводятся самостоятельнымъ дворомъ и хозяйствомъ, другіе же въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занимаютъ подчиненное положеніе сосѣда, живущаго лишь въ особой избѣ, а иногда въ одномъ дворѣ съ крестьяниномъ-патрономъ: такой сосѣдъ «помогаетъ того села крестьянину (имя и прозвище) въ оброчномъ тяглѣ». Разность въ хозяйственномъ положеніи переселенца на новомъ мѣстѣ обусловливается иногда недавнимъ временемъ его перехода: повидимому, онъ не успѣлъ еще разжиться,—но улучшеніе въ его общественномъ положеніи наступитъ скоро вслѣдствіе обилія рабочихъ силъ въ семьѣ; либо такое улучшеніе должно нѣсколько замедлиться, вслѣдствіе того, что нужно было извѣстное время, чтобы подростки, съ которыми онъ пришелъ, могли подняться и сформироваться въ взрослыя рабочія силы. Нерѣдко встрѣчающіеся примѣры подобнаго движенія въ общественно-хозяйственномъ положеніи переселенца на новомъ мѣстѣ наглядно подкрѣпляютъ высказанную мысль[1]). По своему составу члены Кандалинской общины были

она Агашка съ дѣтьми сошла изъ того села и пришла въ село Кандалу тому 3-ій годъ и не бивъ челомъ вел. госуд. сняла она у крестьянина (имя и прозв.) оброку и платитъ 4 алт. на годъ (у нея 2 сына—15 и 14 лл.); платить тягло съ получети ясака». Тамъ же.

[1]) Такъ, напр. крестьянинъ Суздальск. у. пригорода Шуи Ѳедоръ Карповъ Нырокъ показывалъ, что онъ съ отцемъ своимъ жили въ бобыляхъ; пришелъ въ Кандалу 9 лѣтъ тому назадъ, отецъ его умеръ въ Кандалѣ, а онъ, «не бивъ челомъ государю», сперва помогалъ другому крестьянину платить оброкъ, внося по 3 алт. 2 ден. на годъ; за тѣмъ «у него Ѳедки въ сосѣдствѣ братья родные—Ѳилька да Максимка—женаты, Дениска—15 л.; платитъ онъ съ братьями (въ моментъ допроса) пустовой оброкъ послѣ бѣглаго крестьянина (имя и прозв.) по 6 алт. 4 ден. на годъ. Платить тягло ясакъ безъ четверти». Тамъ же л. 77.

большею частью изъ дворцовыхъ крестьянъ и бобылей, между которыми встрѣчаются служилые люди: преимущественно казаки, сдавшіе на родинѣ свою службу другимъ людямъ, а сами, переселившись въ Кандалу, стали оброчными крестьянами. Кромѣ служилыхъ людей попадаются ихъ дѣти — сыновья стрѣльцовъ и казаковъ ближайшихъ пригородовъ, а также сыновья людей, тянувшихъ къ духовенству, и дворовые, отпущенные своими господами на волю; нерѣдко встрѣчаются бобыли изъ городовъ и пригородовъ, — изрѣдка попадаются посадскіе и ямскіе люди, крестьяне свѣтскихъ и духовныхъ властей тогдашняго времени. Всѣ они покидали родныя мѣста для того, чтобъ зажить новою жизнью на берегахъ р. Кандалы. Тяглые и оброчные крестьяне, какъ и служилые, даже при голодѣ или скудости, не иначе уходятъ съ своей родины, какъ сдавши предварительно свое тягло или оброкъ родственнику или постороннему лицу. Нѣкоторые бобыли ближайшихъ пригородовъ были, «по ихъ (бобылей) челобитью», издавна переведены офиціальными лицами «жить на порозжую землю, гдѣ ныне ясачное село Кандала», и здѣсь на нихъ наложенъ былъ опредѣленный оброкъ[1]). Многіе изъ переселенцевъ свидѣтельствуютъ, что, они, по приходѣ въ Кандалу, стали членами общины, снявши у одного и изъ мѣстныхъ крестьянъ

[1]) «Дворъ Ивашка Павловъ сынъ Горбунъ, въ роспросѣ сказалъ: отецъ его жилъ въ Тамбовск. у. въ селѣ Ивановѣ въ оброчномъ тяглѣ, а многоль оброку платилъ и онъ Ивашка не знаетъ, потому остался въ малыхъ лѣтехъ; а сошелъ онъ изъ того села тому 20 лѣтъ и жилъ въ Казан. у. въ городѣ Тіинску въ бобыляхъ; и перевелъ его Ивашку въ село Кандалу Григорій Супоневъ (стольникъ, производившій опись въ 1678 г.) и по окладу его платитъ онъ по 4 алт. 1 ден. на годъ; сынъ у него Микитка женатъ, у Микитки сынъ 2 л.; у него же сосѣдъ Спирко Ивановъ сынъ Макаровъ; платитъ ему (Ивашкѣ) тягло съ полу чети ясака. Въ роспросѣ Спирко сказалъ родина его въ Казан. у. въ Тіинскомъ острогѣ; отецъ его Ивашка Макаровъ жилъ въ Тіинску въ бобыляхъ и переведенъ въ село Кандалу тому лѣтъ съ 15 и по окладу Александра Дубровскаго отецъ его плитилъ оброку 11 алт., — и отецъ его умре; у него Спирки братья родные (двое по именамъ) женаты, и тотъ оброкъ платитъ онъ съ братьями. Платитъ тягло съ полуясака». Показанія другихъ въ томъ же родѣ. Тамъ же № 134 и № 152 лл. 77—125.

часть тягла «не бивъ челомъ великому государю», или же «помогаетъ онъ (выходецъ) того села крестьянину (имя) въ оброчномъ тяглѣ», внося извѣстное количество оброка. Не рѣдко впрочемъ встрѣчаемся и съ показаніями переселенца, что онъ послѣ своего прибытія въ Кандалу «билъ челомъ вел. госуд. въ Тіинску (иногда прибавлено «въ прибыль»), и данъ ему пустовой оброкъ въ томъ селѣ (Кандалѣ) крестьянина» (имя и прозв.), — или же «по его челобитью въ Тетюшахъ снялъ онъ (переселенецъ) въ томъ селѣ у крестьянина (имя и прозв.), и платитъ въ Казани» такой-то оброкъ. Судя по величинѣ оброка, коимъ въ концѣ семидесятыхъ или въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ обложена была Кандалинская община (42 рубля въ годъ), зажиточность большинства ея членовъ должна была быть порядочная; это тѣмъ вѣроятнѣе, что недоимокъ за ними не значилось, а въ 1698 году оброкъ увеличенъ былъ съ 42 рублей до 54 рублей, 15 алтынъ. Въ слѣдующемъ же году Кандалинскіе крестьяне переведены были съ оброка на тягло, причемъ они должны были вносить по 50 ясаковъ въ годъ[1]), что указываетъ на значительную пахотную землю, которая съ своей стороны можетъ свидѣтельствовать о зажиточности Кандалинской общины въ концѣ XVII столѣтія.

Обращаясь къ остальнымъ двумъ старѣйшимъ поселеніямъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ которыхъ жили русскіе крестьяне: къ селу Грязнухѣ и Кременкамъ, мы должны сказать, что въ нихъ встрѣчаются тѣже явленія, какъ и въ Кандалѣ; можно даже замѣтить, что нѣкоторыя стороны въ послѣднихъ двухъ поселеніяхъ выступаютъ рельефнѣе и поэтому рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ въ Кандалинской общинѣ. Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что Грязнуха и Кременки, какъ намъ извѣстно, пострадали отъ нападеній кочевниковъ, вслѣдствіе чего крестьянкія общины этихъ поселковъ не отличаются такою

[1]) Пахоты на ясакъ полагалось по 6 десятинъ въ каждомъ полѣ, а сѣнныхъ покосовъ въ распоряженіи крестьянъ находилось по р. Кандалѣ на 3000 копенъ. Тамъ же лл. 133 и 217.

людностью, какъ Кандала. Повидимому, Башкирское разореніе особенно сильно отразилось на Грязнухѣ, гдѣ во время описи находилось всего 57 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 106 человѣкъ, — при чемъ значительное большинство время своего пребыванія въ селѣ Грязнухѣ опредѣляетъ 10, 8 и менѣе годами. Гораздо богаче числомъ людей является Кременская община, — но и она далеко уступаетъ Кандалинской: въ Кременкахъ по описи было 96 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ проживало 280 человѣкъ. Но и въ Кременкахъ значительное число людей, явившихся сравнительно позднѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что множество поселенцевъ (около 80 человѣкъ) проживало въ Кременкахъ въ моментъ описи въ качествѣ сосѣдей, приписанныхъ къ крестьянскимъ дворамъ, въ числѣ двухъ, а иногда и трехъ человѣкъ, равно какъ и встрѣчаемая здѣсь группа (изъ 12 человѣкъ) бобылей, — всё это свидѣтельствуетъ о недавнемъ увеличеніи Кременской общины новоприбылыми членами. И обозрѣваемымъ теперь селамъ главный контингентъ поселенцевъ доставлялъ Нижегородскій уѣздъ, за которымъ, по числу высланныхъ сходцевъ, слѣдуютъ Симбирскій и Казанскій уѣзды. Кромѣ нихъ, по прежнему, встрѣчаемся здѣсь съ группами переселенцевъ изъ Костромскаго, Суздальскаго, Коломенскаго уѣздовъ, равно какъ попадаются представители Дорогобужскаго, Хлыновскаго, Устюжскаго и другихъ отдаленныхъ уѣздовъ[1]). Многіе изъ жителей Кременокъ и Грязнухи свидѣтельствуютъ

[1]) Изъ Нижегородскаго у. въ Кременкахъ во время описи (1699 г.) было 34 челов. (Изъ Мурашкинской вол. 10 чел., Изъ Терюшевской вол. 7 чел. изъ остальн. менѣе), изъ числа которыхъ 26 челов. были у себя на родинѣ бобылями, а въ Кременкахъ почти всѣ стали тяглыми людьми. Изъ Симбирск. у. перешло 29 челов. (12 челов. изъ одного города Симбирска),— изъ срсды которыхъ 18 человѣкъ до перехода были бобылями, а въ Кремен. стали тяглыми. Изъ Казанскаго уѣзда выселилось 11 челов.—и изъ нихъ 8 до переселенія были бобылями. Изъ Костромскаго у. перешло 8 челов.,—изъ котор. 6 были на родинѣ бобылями. Изъ Суздальскаго у. 8 челов., — 7 изъ нихъ были бобылями; Изъ Свіяж. у. 6 челов., — 4 изъ нихъ были бобылями. Изъ города Шуи, именуемаго «Суздальскимъ пригородномъ» 4 челов. выселил., и всѣ были бобылями. Изъ Коломенскаго у. выселил., 5 челов., — причемъ трое бобылей изъ села Дедилова сошли одновременно, странствовали въ продолженіи 10 лѣтъ: «жили переходя въ разныхъ мѣстехъ» и въ одно время поселились въ Кременкахъ. Изъ города Сапожка (Ряз. губ.) одновременно вышли 3 бобыля и поселились вмѣстѣ въ Кременкахъ. Сверхъ того попадаются переселенцы изъ уу. Московскаго, Дмитровскаго, Вязниковскаго, Каширскаго и др., а также изъ городовъ Ярославля, Владиміра и нѣкот. другихъ. Въ село Грязнуху изъ Нижегород. у. выселилось 17 челов., изъ Симбир у. 5 чел.; кромѣ того по нѣсколько челов. изъ Балахонскаго, Казанскаго, Ломовскаго, Владимірскаго, Пензенскаго, и др. Тамъ же № 152 лл. 42—77, 125—133.

о томъ, что они, сдавши тягости, лежавшія на нихъ на родинѣ, до своего водворенія въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ теченіи извѣстнаго времени, «жили переходя по разнымъ мѣстамъ»; можно даже сказать, что число такихъ людей среди поселенцевъ послѣднихъ двухъ селъ было сравнительно больше, чѣмъ въ Кандалѣ[1]). Въ этихъ селахъ, какъ и въ Кандалѣ,

[1]) Позволяемъ себѣ привести нѣсколько характерныхъ примѣровъ. «Дворъ Терешка Дороѳѣевъ сынъ Красной въ роспр. сказалъ: родина его въ городѣ Ерославлѣ; отецъ его Дороѳѣйко Яковлевъ былъ въ Ямской службѣ; и отецъ его и онъ сошли тому лѣтъ съ 40 и жили переходя по разнымъ мѣстамъ, а въ село Кременки пришли тому лѣтъ съ 20, и по окладнымъ книгамъ стольника Григорья Супонева платитъ чатверть ясака; у него Терешки дѣти — Родка — женатъ, (2-ой сынъ 10 л.). У него же Терешки въ сосѣдствѣ братъ родной Луконка, платитъ по окладу Григорья Супонева, четв. ясака; у него Луконки дѣти — Куземка да Сенка — женаты, (3-ій с. 10 л.); платить прежняго тягла полъясака, да вновь съ получетверти ясака. Дв. Ѳилка Еремѣевъ, въ роспр. сказ.: родина его въ Казани; отецъ его Еремка Васильевъ и онъ Ѳилька были дворовые люди Казанца Савы Аристова, и въ прошлыхъ годѣхъ по указу велик. госуд. взятъ онъ Ѳилька отъ него Савы въ данные къ Москвѣ и написанъ въ стрѣльцахъ, и на Москвѣ служилъ стрѣлецкую службу лѣтъ съ 12, и со службы велик. госуд. бѣжалъ онъ тому 29 ой годъ, и жилъ по разнымъ мѣстамъ, а въ село Кременки прешелъ онъ тому другой годъ. И по распроснымъ рѣчамъ посыланъ онъ Ѳилька съ сыномъ Емелькою на Алатырь (къ тамошнимъ воеводамъ Ловчиковымъ), и по указу велик. госуд. съ Алатыря онъ Ѳилька присланъ въ село Кременки, — велѣно ему Ѳильке съ сыномъ Емелькою жить по прежнему въ селѣ Кременкахъ въ ясачномъ тяглѣ; и въ томъ по немъ Ѳильке собрана поручная запись. Платить тягло вновь полъ четверти ясака». Нѣкоторые же крестьяне показываютъ такъ: «Въ роспросѣ Ивашка сказалъ: отецъ его Ерошка Елизаревъ каково чину былъ и откуды сходецъ, — не знаетъ, потому остался онъ послѣ отца своего въ малыхъ лѣтехъ и жилъ переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кременки пришелъ (столько то

составъ населенія былъ довольно пестрый, съ замѣтнымъ преобладаніемъ людей, переселившихся изъ дворцовыхъ земель, — причемъ слѣдуетъ указать на то, что огромная часть поселенцевъ Кременокъ и Грязнухи были у себя на родинѣ бобылями, а послѣ водворенія своего въ здѣшнихъ мѣстахъ нѣкоторые вскорѣ, другіе же спустя нѣкоторое время, стали тяглыми[1]). И здѣсь большая часть прибывшихъ становятся членами общины, принявши на себя, съ согласія отдѣльнаго члена, часть тягости, лежавшей на цѣлой общинѣ, «не бивъ челомъ великому государю»; впрочемъ, нѣкоторые переселенцы, по ихъ словамъ, были приняты въ село «наборщикомъ», — другихъ принялъ Тетюшскій воевода; иные же указывали, что поселились здѣсь, «объявясь въ Тетюшахъ», или же «по челобитью въ Казани»[2]). Точно также и о зажиточности многихъ членовъ описанныхъ общинъ можно догадываться изъ того факта, что тягло ихъ въ концѣ столѣтія было значительно увеличено сравнительно съ тѣмъ, какое крестьяне вносили раньше[3]). Что же касается поселеній русскихъ крестьянъ на земляхъ, которыми успѣли завладѣть нѣкоторые вліятельные служилые люди, то

лѣтъ и платитъ такое то тягло). Такихъ крестьянъ странствователей изъ одного Нижегород. у. было въ Кременкахъ 6 челов. (отъ 29 лѣтъ до 5 лѣтъ странствовали); Изъ Симбирскаго и другихъ уѣздовъ тоже нерѣдко попадаются подобные крестьяне. Тамъ же.

[1]) Между поселенцами Кременскими около 120 человѣкъ были, по ихъ показаніямъ, на своей родинѣ бобылями, — среди Грязнуховцевъ около 40 человѣкъ.

[2]) Тамъ же лл. 42—77, 125—133.

[3]) Крестьяне с. Кременокъ сперва платили 25 ясаковъ, а при описи набавлено на нихъ около 12 ясаковъ; Грязнуховскіе поселенцы вносили 8 ясаковъ, — а набавлено было на нихъ болѣе 8 ясаковъ. Надбавка вновь ясаковъ отчасти можетъ служить признакомъ зажиточности потому, что по приказу изъ Москвы на здѣшнихъ жителей было «велѣно *накладывать въ новь смотря по семейству и по ихъ пожиткамъ и по угодью*», — вслѣдствіе чего на дѣлѣ ясакъ не всегда надбавляемъ былъ на крестьянинѣ, а нерѣдко ему оставлялся старый ясакъ; попадаются даже случаи уменьшенія ясака. Такъ напр., одному изъ сосѣдей крестьянина села Кременокъ, вносившему четверть ясака послѣ бѣглаго крестьянина, было назначено «*Платить тягло изъ прежняго полъ четверти ясака для его скудости*». Тамъ же лл. 1, 60 и др.

въ нихъ, какъ появившихся позднѣе, не находимъ слишкомъ значительной людности, но и они къ концу столѣтія успѣли достигнуть порядочной величины[1]). Переходя къ инородческимъ поселкамъ на здѣшнихъ рѣкахъ, мы можемъ видѣть, что болѣе раннія изъ нихъ также успѣли достигнуть къ концу столѣтія довольно значительныхъ размѣровъ; такъ, деревня Баранъ, населенная оброчными Татарами, переведенными въ 1697 году на тягло, насчитывала у себя 71 дворъ, въ которыхъ жилъ 161 человѣкъ. Подобной людности деревня достигла, не смотря на то, что большая часть деревенскихъ жителей сперва поселилась на р. Майнѣ, а потомъ отсюда переведена была въ деревню Баранъ; такое передвиженіе, послѣ незначительнаго промежутка времени, проведеннаго поселенцами на новомъ мѣстѣ, не могло произойти безъ ущерба въ ихъ хозяйствахъ, что и видно на самомъ дѣлѣ, потому что многіе изъ нихъ на р. Майнѣ несли болѣе значительное тягло, чѣмъ послѣ водворенія своего въ деревнѣ Баранъ. Другая деревня на р. Уткѣ, именовавшаяся Утка—Кокрячь, Аланъ тожъ, населенная Мордвой, во время описи состояла изъ 45 инородческихъ дворовъ, въ которыхъ жило 64 человѣка. Населенность этихъ инородческихъ деревень нельзя не признать значительною, если примемъ во вниманіе то, что онѣ находились въ мѣстности, подвергавшейся частымъ нападеніямъ кочевниковъ, отъ которыхъ не могли быть совершенно безопасны и поселенія инородцевъ, хотя и лежавшія иногда въ мѣстахъ, болѣе защищенныхъ природными условіями, чѣмъ русскіе поселки. Всѣ Татары деревни Баранъ суть выходцы Свіяжскаго уѣзда, а Мордва деревни Утки-Кокрячь переселилась большею частью изъ Нижегородскаго уѣзда, отчасти изъ Казанскаго[2]). Въ остальныхъ инородческихъ поселеніяхъ,

[1]) Въ деревнѣ стольника Андрея Ѳедор. Нарышкина Волосниковкѣ оказалось 70 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 108 челов. взрослыхъ; въ дер. Княз. Трубецкихъ Утка-Зеленовка было 39 двор., и въ нихъ жило 62 челов. Тамъ же л. 219.

[2]) Изъ деревни Анеутъ Свіяж. у. переселилось на р. Майну 11 челов.; кромѣ одного всѣ перешли въ одно время. Изъ дер. Еркѣевой того же у.

основанныхъ позже, хотя въ концѣ столѣтія и было меньше поселенцевъ сравнительно съ вышеупомянутыми, но и о нихъ можно сказать, что были достаточно населены; особенно, какъ мы видѣли, силенъ былъ приливъ инородцевъ въ деревни, появившіяся въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія: въ теченіи шести — семи лѣтъ онѣ достигаютъ двадцати и болѣе дворовъ. Насельниковъ въ здѣшнія поселенія, основываемыя и впослѣдствіи инородцами, высылаетъ главнымъ образомъ Свіяжскій уѣздъ, къ которому примыкаютъ Алаторскій и Симбирскій уѣзды[1]). Многіе инородцы, проживавшіе въ деревняхъ на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ, показывали, что они селились здѣсь «бивъ челомъ великому государю» въ томъ или другомъ городѣ, прибавляя иногда къ этому «въ прибыль». Нерѣдко также среди нихъ встрѣчаемъ людей, свидѣтельствующихъ, что они живутъ въ деревнѣ «по пріемной записи», или же «по пріемной заручной челобитной» инородцевъ того поселка. Тѣ изъ инородцевъ, на которыхъ лежали на родинѣ извѣстныя тягости (служба, тягло или оброкъ), большею частью указываютъ, что они передали ихъ своимъ родственникамъ или жесторонним людямъ; нѣкоторые, впрочемъ, говорятъ, что они отправляли на родинѣ службу «безъ дачь», т. е., безъ земли, которая дана была имъ впервые въ здѣшнихъ мѣстахъ; попадается нерѣдко и такой инородецъ, который показываетъ, что

выселилось въ разное время 10 дв. крест. Въ дер. Уткѣ-Кокрячь изъ Ниже. город. у. переселилось 31 дворъ, — изъ нихъ 28 челов. перешли изъ дер. Акузовой; изъ Казан. у. перешло 8 челов. Тамъ же лл. 23—42, 172—176, 215, 271.

[1]) Такъ наприм., деревня Яркуль, населенная ясачными татарами, состояла изъ 23 дворовъ, въ которыхъ жили 34 человѣка,—всѣ они были выходцами Свіяжскаго уѣзда; въ дерев. Войкиной, населенной тоже ясачными татарами, жившими въ 19 дворахъ,—16 дворовъ принадлежали также Свіяжскому уѣз.; съ тѣмъ же отчасти встрѣчаемся въ дер. Долгое — Озеро. Нѣкоторые инородцы не съ разу прибыли на Майну, а двигались изъ своего уѣзда сперва въ сосѣдній, постепенно спускаясь все южнѣе и южнѣе. Такъ, Чувашенинъ Цивильскаго уѣзда переходитъ сперва въ болѣе сѣверную часть Казанскаго уѣзда, и оттуда уже перебирается на р. Урень въ дер. Уренбашъ. Тамъ же л. 255.

онъ (инородецъ), сдавши на родинѣ свою землю и службу брату, пришелъ сюда и «*снялъ полюбовно безъ челобитья* половину оброчной земли» у инородца здѣшней деревни, вслѣдствіе чего и проживаетъ теперь здѣсь[1]). Говоря объ инородческихъ поселеніяхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ нельзя не коснуться процесса ихъ ассимиляціи и обрусѣнія, выражающагося мѣстами въ фамиліяхъ инородцевъ и въ обращеніе ихъ въ православіе. Процессъ этотъ особенно замѣчается на Мордвѣ, среди которой нерѣдко встрѣчаются такія фамиліи какъ: Богдановъ, Борисовъ, Смирновъ, Нечаевъ, Новиковъ, Надѣевъ и др. Мордва же повидимому легче другихъ инородцевъ разставалась съ своимъ язычествомъ и обращалась къ христіанству, потому что не только отдѣльныя личности изъ Мордвиновъ принимали православную вѣру и селились здѣсь вмѣстѣ съ русскими крестьянами, но и цѣлыя ихъ группы описываются иногда отдѣльно въ здѣшнихъ поселеніяхъ[2]). О нѣкоторой зажиточности инородцевъ въ этихъ мѣстахъ, какъ и русскихъ крестьянъ, можно сдѣлать выводъ изъ отношенія вносимаго прежде ясака къ вновь наложенному на нихъ: не только въ отдѣльныхъ деревняхъ, но и въ общемъ итогѣ ясакъ оказывается увеличен-

---

[1]) Тамъ же лл. 153—196, 252—261.

[2]) Такъ, въ селѣ Кандалѣ, населенномъ русскими крестьянами, описывается отдѣльн. дворъ крестьянина: «Янушка Ивановъ сынъ Коноваловъ, въ роспросѣ сказалъ: отецъ его Ивашка Микитинъ былъ *Мордовской породы* и жили переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кандалу пришелъ тому 9 л.: не бивъ челомъ вел. госуд. взялъ онъ Янушка оброчнаго тягла у крестьянина (имя и фам.) и платитъ онъ съ братьями 11 алт.; у него сынъ 8 л., да братья родные: Макарко, Степка, Ивашка—женаты; платить тягло съ полуясака. Другой крестьянинъ того же села, проживавшій въ сосѣдяхъ, «въ роспросѣ Петрушка *Новокрещеновъ* сказалъ: родина его въ Красной слободѣ отецъ его Максимко Алексѣевъ крестился въ православную христіанскую вѣру изъ Мордвы, а сколь давно — онъ не знаетъ, и жили они переходя въ разныхъ мѣстехъ, и отецъ его умре; а онъ Петрушка пришелъ въ село Кандалу тому 3-ій годъ, и не бивъ челомъ вел. госуд. *помогаетъ онъ Петрушка того села крестьянину у котораго, въ сосѣдствѣ живетъ*, и платитъ оброку по 3 алт. по 2 д. на годъ; у него Петрушки сынъ 5 л.; платитъ тягло съ получетверти ясака». Отдѣльными группами встрѣчаются новокрещены въ деревняхъ Помряскинѣ и Матвѣевкѣ. Тамъ же лл. 77—125. 158—176.

нымъ въ сильной степени, не смотря на то, что встрѣчаемся съ уменьшеніемъ ясака отдѣльнымъ личностямъ[1]).

Раньше мы уже говорили о томъ, что Московское правительство, желая воспользоваться Полоцкою шляхтою для защиты Закамскихъ земель, хотѣло ее всю водворить на луговой сторонѣ р. Волги, съ каковою цѣлью, какъ извѣстно, были описаны и измѣрены земли, удобныя для поселенія по рр. Уткѣ, Майнѣ и Уреню. Но мы видѣли, что для полученія земель сюда явилась лишь незначительная часть шляхты съ полковникомъ Гаславскимъ, къ которой чрезъ годъ присоединилась группа ихъ товарищей; большая же часть шляхтичей не пожелала селиться въ здѣшнихъ мѣстахъ, — а предпочла нести службу въ другихъ, болѣе безопасныхъ мѣстахъ, за денежное и хлѣбное жалованье. Не смотря на это Примайнскія страны стали постепенно заселяться русскими и инородческими переселенцами, которые извлекали для себя большія выгоды изъ плодородія здѣшней почвы, посылая хлѣбъ отсюда въ верховые города, а иногда, ради выгоднѣйшаго сбыта, отправляясь туда лично[2]). Молвѣ о выгодахъ, получаемыхъ Примайнскими

[1]) Въ деревнѣ Войкиной, напримѣръ, (19 дзор.) ясачные Татары платили «прежняго 2 ясака и 2 чети, новаго 2 ясака безъ получети»; въ дер. Долгое—Озеро, гдѣ было 15 дв. Мордвы «тягла имъ платить прежняго полъ 2 ясака съ получетью; новаго полъ 3 ясака съ получетью,—всего прежняго и новаго тягла платить имъ 4 ясака съ четью»; въ послѣдней деревнѣ *тремъ* человѣк. во время описи ясакъ уменьшенъ на четверть ясака, съ полуясака ими вносимаго. Въ другихъ деревняхъ также встрѣчается серіозное увеличеніе ясака. Общій итогъ стараго и новаго ясака въ поселеніяхъ русскихъ и инородческихъ на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ является слѣдующимъ: «Всего прежнихъ жителей ясачныхъ крестьянъ—русскихъ и Татаръ и Мордвы и Чюваши 270 дворовъ, людей въ нихъ (взрослыхъ) 561 челов. Тягла платить имъ *прежняго* 30 ясаковъ, съ полуясакомъ, *новаго 56 ясаковъ* съ третью. Всего тягла имъ платить *новаго и стараго 87 ясаковъ* безъ получети. На пашню имъ земли 521 десят. съ четью въ кажд. полѣ». Тамъ же лл. 190—225.

[2]) Въ концѣ описываемаго столѣтія нѣкоторые служилые Татары деревни Уренбашъ, на р. Уренѣ, (четыре человѣка) не могли получить слѣдуемой земли, которую отмѣрялъ служилымъ татарамъ той деревни подъячій Василій Астраханцевъ, потому что «они (эти 4 челов.) въ то число въ той деревни не прилучились, — *были въ Нижнемъ для хлѣбной продажи*». Тамъ же № 152 л. 286.

служилыми людьми, естественно было дойти до находившихся тогда еще въ живыхъ иноземцевъ и ихъ дѣтей, которые, отказавшись отъ предназначенныхъ для нихъ земель по рр. Уткѣ, Майнѣ и Уреню, несли въ то время службы по Казани и по Казанскимъ пригородамъ, за неособенно, вѣроятно, щедрое хлѣбное и денежное вознагражденіе. Вслѣдствіе этого нѣкоторые иноземцы, находившіеся на службѣ на р. Камышенкѣ, гдѣ въ концѣ девяностыхъ годовъ уже шли работы по проведенію соединительнаго канала между Волгою и Дономъ, воспользовались, по всей вѣроятности, пріѣздомъ на Камышенку начальника приказа Казанскаго дворца—князя Бориса Алексѣевича Голицына, и просили его отвести имъ земли на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ, выражая свою полную готовность принять ихъ въ описываемое время[1]). Какъ слѣдствіе такого желанія съ ихъ стороны, въ іюнѣ 1697 года отправлена была изъ Казанскаго приказа грамота къ мѣстному воеводѣ, въ которой велѣно «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и иныхъ низовыхъ городовъ иноземцевъ полковой службы и рейтаръ, вмѣсто великаго государя денежнаго и хлѣбнаго жалованья, устроить землями по указнымъ статьямъ: ротмистромъ по 80 чети, поручикомъ по 70 чети, хорунжимъ и рядовымъ по 60 чети .... въ Казанскомъ уѣздѣ изъ отписныхъ земель, что осталось за раздачею Полоцкой шляхты 178 году (1668) по Майнѣ и по Уткѣ рѣкамъ; а *для таковой селидьбы на строеніе* велѣно выдать всѣмъ иноземцамъ великого государя денежное и хлѣбное жалованье на одинъ годъ по указнымъ статьямъ». При этомъ приводится и число иноземцевъ, которые должны были быть водворены на отведенныхъ земляхъ, а именно: Казанскихъ

[1]) Говоримъ такъ, потому что приказъ Симбирскому воеводѣ объ отводѣ земель иноземцамъ послѣдовалъ отъ князя Бориса Алексѣевича Голицына «какъ былъ въ пути. . . . шелъ съ Камышенки и былъ на Пензѣ»; на Камышенкѣ же въ это время, какъ намъ извѣстно, находились между прочимъ и служилые иноземцы нѣкоторыхъ Понизовыхъ городовъ. Кромѣ того, въ 1699 г. Симбирскіе иноземцы обращаются уже прямо въ Москву и въ Симбирскъ съ челобитіемъ объ отводѣ имъ земель по р. Уреню. Тамъ же лл. 227, 281, 303.

и Казанскихъ пригородовъ иноземцевъ и рейтаръ—198 человѣкъ, Царевосанчурскихъ рейтаръ — 11 человѣкъ, Яранскихъ рейтаръ — 11 человѣкъ, Уржумскихъ иноземцевъ полковой службы 61 человѣкъ, а рейтаръ—22 челов., всего же такихъ иноземцевъ оказалось 303 человѣка. Въ Казанскомъ приказѣ однако не могли не знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ за это время успѣли уже появиться значительныя поселенія, населенныя русскими людьми и инородцами, изъ которыхъ одни тянули къ дворцовому вѣдомству, а другіе принадлежали частнымъ лицамъ. Вслѣдствіе этого владѣльческія деревни, появившіяся здѣсь и занесенныя въ описныя книги 1697 г., равно и дворцовые поселки, о коихъ упоминается въ слѣдующемъ году, — всѣ эти поселки, «которые появились на отписной (т. е. на измѣренной и опредѣленной для Полоцкой шляхты) землѣ, велѣно съ нихъ свесть и поселить въ вершинѣ рѣки Майны и Кандалы и на Красной рѣчкѣ и на Уренскихъ вершинахъ». Сверхъ того центральное правительство распорядилось людей, «которыхъ велѣно свесть и поселить, которые на тѣхъ земляхъ на вершинахъ рѣкъ Майны, Кандалы и Красной рѣки и Уренскихъ вершинахъ живутъ, распросить: кто, откуды пришелъ и сколь давно и по какому великаго государя указу живутъ, и въ Казани и въ Синбирску великаго государя подати какія платили и кто что платитъ; и буде ясачное тягло и всякія великаго государя подати платятъ льготно, — велѣно на нихъ вновь накладывать, *смотря по семейству и по ихъ пожиткамъ и по угодью*, и дать имъ въ томъ платежѣ льготъ для селитьбы и строенія — которые поселены будутъ на распашныхъ земляхъ, тѣмъ на годъ, а на дикихъ земляхъ, тѣмъ года на два и на три. А буде кто учнетъ великому государю бить челомъ (на) тѣхъ отписныхъ вотчинъ деревни Утки, Зеленовка тожъ, да деревни Волосниковки крестьянъ, которые будутъ переведены, въ холопствѣ и во крестьянствѣ, — велѣно... вмѣсто тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, взять и отдать изъ иныхъ ихъ вотчинъ и помѣстій крестьянъ; а вышеупомянутымъ переведеннымъ людемъ

и крестьяномъ.... быть за великимъ государемъ въ тяглѣ; а буде и въ иныхъ селѣхъ и деревняхъ въ вышеписанныхъ урочищахъ явятся бѣглые люди и крестьяне пришли послѣ переписныхъ книгъ 186 году (1678), и по челобитью въ роспросахъ отпиратся не учнутъ, — велѣно объ отдачѣ помѣщикомъ и вотчинникомъ по крѣпостямъ великого государя указъ учинить. А которые прежніе жители въ тѣхъ урочищахъ иноземцы и Русскіе и ясачные крестьяне и Татары и Мордва и Чюваша, поселясь живутъ, а землями ободными (т. е. сосѣдними, въ близи лежащими) владѣютъ многое число, и тѣ земли и сѣнные покосы измѣрить, а измѣря дать имъ, иноземцамъ, по указнымъ статьямъ; а ясачнымъ людемъ вымѣрять на ясаки по шти чети, а лишнюю землю отдать переведенцамъ. Пришлыхъ служилыхъ татаръ, у которыхъ въ иныхъ уѣздахъ есть помѣстья, роспрося ихъ, велѣно отсылать въ тѣ прежнія помѣстья, гдѣ кто напередъ сего жилъ, а у которыхъ въ иныхъ уѣздахъ помѣстій нѣтъ, — и имъ велѣно на той землѣ жить до указу велик. государя..... также, буде прежде сего или нынѣ тѣ земли взяли которыхъ городовъ помѣщики и вотчинники или служилые мурзы и Татары или ясачные Русскіе люди и Татара и Мордва, *не освѣдомясь подлинно*.... и тѣхъ людей съ тѣхъ земель сослать и дачь за ними не быть, — а быть той землѣ за новопостроенными ясачными людьми». Далѣе говорится, что если у кого изъ вышеупомянутыхъ людей окажутся люди «въ работѣ», то ихъ тоже велѣно было «роспросить по вышеписанному и, роспрося, отдавать тѣмъ же людямъ съ роспискою» на случай, если съ людей, у которыхъ они жили, окажется нужнымъ взять за прожитое время пожилыя деньги по 20 рублей за годъ[1]).

Вслѣдствіе подобнаго распоряженія центральнаго правительства, въ 1698 году отправленъ былъ изъ Симбирска воевода Саловъ на рр. Майну и Утку, чтобы водворить на «отписныхъ» земляхъ «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, Переп. кн. 7, № 152. первые листы.

иныхъ низовыхъ городовъ иноземцевъ». Всѣ иноземцы, прибывшіе для полученія земель, раздѣлены были на отдѣльныя группы разной величины, соотвѣтственно, должно быть, количеству земли той или иной мѣстности, на которой предположено было селить иноземцевъ. Первая группа Казанскихъ иноземцевъ, состоявшая изъ одиннадцати рядовыхъ, водворена была на правой сторонѣ р. Майны, недалеко отъ устья рѣки: въ этихъ мѣстахъ каждому изъ поселенцевъ отмѣрено по 60 четвертей на пашню въ каждомъ полѣ и по 15 десятинъ сѣнокоса подлѣ Волги; усадебныя земли отведены были имъ «въ прежней селитьбѣ въ селѣ Грязнухѣ». Что касается лѣса, то по этому поводу относительно всѣхъ группъ встрѣчается одно и тоже распоряженіе, формулированное слѣдующимъ образомъ: «а лѣсъ имъ (иноземцамъ) хоромной и дровянной рубить въ Майнскомъ и Уткинскомъ лѣсу, опричь бортнаго деревья»[1]). Что же касается Грязнуховскихъ крестьянъ, то они были раздѣленны на двѣ части: большинство[2]) переведено на р. Кандалу, гдѣ они водворены были въ селѣ Кандалѣ вмѣстѣ съ тамошними крестьянами; пахатныя земли предоставлены были имъ тамъ изъ числа свободныхъ, приписанныхъ къ селу земель, при чемъ опредѣлялось имъ «пашню пахать и сѣнными покосы и всякими угодьи владѣть съ ними (т. е. съ Кандалинскими крестьянами) вопче; а лѣсъ хоромной и дровяной рубить (имъ) въ Майнскомъ, въ Кандалинскомъ и въ Тіинскомъ черныхъ и боровыхъ лѣсахъ, опричь бортного деревья». Меньшая же часть крестьянъ села Грязнухи[3]) вмѣстѣ съ поселенцами села Кременокъ, переведены были въ вершины р. Майны, гдѣ имъ предоставлены были примѣренныя свободныя земли татарской деревни Баранъ; здѣсь они поселились

[1]) Среди Казанскихъ иноземцевъ первой группы упоминаются: Алексѣй Ивановъ сынъ Заблоцкій, Гаврило Ивановъ сынъ Иванисовъ, Петръ Матвѣевъ сынъ Козловскій, затѣмъ встрѣчаются такія фамиліи: Кобелевъ, Черкатцкій, Адамовъ и другіе.

[2]) 47 дворовъ, въ которыхъ жило 82 челов. взросл. и 72 недоросля отъ 13 л. до 6 недѣль.

[3]) 10 дворовъ, въ котор. жило 18 челов. взросл. и 8 челов. недорослей.

на правой сторонѣ рѣчки Хмѣлевки[1]) и образовали новое поселеніе Хмѣлевку[2]). Вторая группа Казанскихъ иноземцевъ имѣла во главѣ поручика и состояла изъ 22 человѣкъ; поручику отмѣрено было 70 четвертей пашенной земли, остальнымъ, рядовымъ, по 60 четвертей человѣку въ каждомъ полѣ, сѣвернѣе земель предыдущей группы. Для покосовъ отведено было каждому члену группы по 15 десятинъ «подлѣ сѣнныхъ покосовъ Грязнуховскихъ помѣщиковъ»; усадебныя земли второй группѣ назначены были «въ прежнихъ селитьбахъ въ деревнѣ Волосниковкѣ»[3]). Волосниковскіе же крестьяне переведены на вершину р. Кандалы, гдѣ имъ, вмѣстѣ съ крестьянами сосѣдней деревни Зеленовки, были предоставлены земли для пашни изъ примѣренныхъ свободныхъ земель служилыхъ татаръ деревни Ертугановой; здѣсь крестьяне совмѣстно основали поселеніе, получившее названіе Малой Кандалы, въ отличіе отъ села Кандалы, которое стало именоваться Большою Кандалою[4]). Третья группа Казанскихъ иноземцевъ, изъ 10 человѣкъ съ ротмистромъ во главѣ, водворена была усадьбами на лѣвой сторонѣ р. Утки, въ деревнѣ Уткѣ-Зеленовкѣ, въ сосѣдствѣ съ предшествовавшей партіей поручика; пашенная земля ротмистру отведена была въ количествѣ 80, а рядовымъ по 60 четвертей въ каждомъ полѣ, съ сѣнокосомъ на Волгѣ соотвѣтственно пахотѣ[5]). Крестьяне же деревни Зеленовки, какъ мы знаемъ, были переведены вмѣстѣ съ сосѣдними Волосниковскими крестьянами на р. Кандалу, гдѣ совмѣстно образовали крестьянскую общину въ поселеніи Малая

[1]) Рѣчка Хмѣлевка притокъ р. Майны въ верхнихъ ея частяхъ.

[2]) Тамъ же лл. 76 и 133.

[3]) Деревня Волосниковка лежитъ ближе къ р. Уткѣ и, какъ извѣстно, принадлежала стольнику Андрею Ѳедоровичу Нарышкину. Въ этой группѣ, кромѣ поручика Ивана Иванова Талалаева, встрѣчаются фамиліи: Высоцкій, Пальчевскій, Закревскій, Козловскій, Корѣлинъ, Одинцовъ и др.

[4]) Тамъ же лл. 139 219.

[5]) Ротмистръ въ этой группѣ былъ Казиміръ Ивановъ сынъ Поговскій; среди рядовыхъ: Максимъ Казимировъ сынъ Поговскій, Туманевскій, Шестаковъ и др.

Кандала. Четвертая группа Казанскихъ иноземцевъ также имѣла во главѣ ротмистра, сверхъ котораго въ ней находился хорунжій и 29 рядовыхъ; ротмистръ получилъ 80 четвертей пашенной земли, — остальные всѣ по 60 четв. въ каждомъ полѣ. Пахотная земля, отмѣренная для нихъ, лежала по обѣимъ сторонамъ средняго теченія р. Утки, — но главный центръ земель съ усадьбами назначенъ былъ имъ «въ прежней селитьбѣ въ деревнѣ Уткѣ—Кокрячь, Алань тожъ»; пашни ихъ простирались главнымъ образомъ «отъ Кокря городища въ степь къ Безднѣ р., подлѣ чернаго лѣса, до острога» (Уткинскаго?); здѣсь же находилась и главная часть отмѣренныхъ имъ сѣнныхъ покосовъ (370 десятинъ), и лишь небольшая часть послѣднихъ (100 десят.) отведена была этой партіи «на Волгѣ, межъ Майнскаго и Уткинскаго устья»[1]). Населеніе деревни Кокрячь, состоявшее изъ Мордвы, переведено на вершину р. Уреня, гдѣ было водворено на примѣренной свободной землѣ Мордовской деревни Богдашкиной, нѣсколько повыше ея[2]). Пятая группа Казанскихъ иноземцевъ состояла изъ семнадцати рядовыхъ; имъ отведены были пашни съ сѣнокосами около предыдущей группы въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ; усадьбами же ихъ устроили «въ прежней селитьбѣ, гдѣ была деревня Матвѣевка»[3]). Что касается инородческаго населенія послѣдней деревни, то одна часть, состоявшая изъ новокрещеновъ, водворена была вмѣстѣ съ русскими и новокрещенами деревни Помряскиной въ верхнихъ частяхъ Красной рѣчки, на свободной землѣ служилыхъ татаръ деревни Ураевы, гдѣ они совмѣстно образовали новую ясачную деревню—Помряскино; другая часть населенія — Мордва язычники, поселена была

[1]) Ротмистръ въ здѣшней группѣ былъ Семенъ Игнатьевъ сынъ Бухановскій, хорунжій—Михаилъ Тимофѣевъ сынъ Касовскій; между рядовыми попадаются фамиліи: Засѣцкій, Садовскій Янушевскій, Щестаковъ, Мертвецовъ и др.

[2]) Тамъ же лл. 171 и 221.

[3]) Фамиліи рядовыхъ, встрѣчающіяся въ этой группѣ, суть: Погоскій, Ермолинскій, Карась и нѣкот. друг.

вмѣстѣ съ Мордвой деревни Утки-Кокрячь на вышеупомянутой примѣренной землѣ деревни Богдашкиной въ вершинахъ р. Уреня[1]). Шестая группа Казанскихъ иноземцевъ была также изъ рядовыхъ; они въ числѣ 21 чел. водворены были по сосѣдству съ предшествовавшею группою деревни Матѳѣевки, подлѣ которой они получили не только пахотныя земли и сѣнокосы въ указанномъ количествѣ, но также и усадьбы: членамъ этой группы назначено было жить «въ прежней селитьбѣ въ деревнѣ Шмелевкѣ», лежавшей на правой сторонѣ Ясашъ болота, раздѣлявшаго обѣ поименованныя деревни[2]). Наконецъ, седьмая, и послѣдняя, партія Казанскихъ иноземцевъ, состоявшая изъ 27 рядовыхъ, получила свои пахотныя земли и угодья въ томъ же количествѣ восточнѣе предыдущихъ: они заняли земли, которыя прежде принадлежали Яркульскимъ и Долгоозернымъ инородцамъ[3]). Относительно усадебъ настоящей группы сказано: «а усадьбы имъ.... въ прежнихъ селитьбахъ въ деревнѣ Яркулѣ и въ дер Долгомъ Озерѣ». Населеніе же этихъ деревень раздѣлено было на двѣ части: одна[4]) переведена была на отписную землю, оставшуюся свободною отъ Казанскихъ иноземцевъ въ здѣшнихъ же мѣстахъ; другая часть, вмѣсто Майнскихъ и Уренскихъ вершинъ, которыя были «отъ той ихъ селитьбы въ дальнихъ мѣстахъ» и жителямъ, по ихъ словамъ «дворовымъ строеніемъ и скотиною перевестись за скудостью и за дальнимъ разстояніемъ было не въ мочь», — вслѣдствіе этого, и согласно своему желанію и челобитью служилаго татарина Риски, владѣвшаго въ здѣшнихъ мѣстахъ землею, переведена была на рѣчку Шію; при чемъ опредѣлено, чтобы «имъ деревни Яркуль и деревни Долгаго Озера татарамъ селиться въ одной селитьбѣ съ Рискою, въ деревнѣ Ри-

[1]) Тамъ же лл. 162, 221.

[2]) Въ этой группѣ встрѣчаются фамиліи: Стенповскій, Калиновскій Литвиновъ, Неклюдовъ и др.

[3]) Въ послѣдней партіи попадаются фамиліи: Поплавскій, Бурдяевъ и нѣк. друг.

[4]) Эта часть состояла изъ большинства Яркульскихъ Татаръ (23 двор.),

скинѣ»[1]). Сверхъ того, въ деревнѣ Матвѣевкѣ испомѣщены были пахотою, угодьями и усадьбами, вмѣстѣ съ прежде поселенными, двое рядовыхъ Казанскихъ иноземцевъ, явившихся, быть можетъ, послѣ другихъ водворенныхъ[2]). Такимъ образомъ, въ 1698 году въ здѣшнихъ мѣстахъ водворено было нѣсколько группъ Казанскихъ иноземцевъ изъ тѣхъ, «которые у пріему земли явились». Всѣмъ имъ въ совокупности (141 челов.), по описи, «дано земли по указнымъ статьямъ 8510 четв.» въ каждомъ полѣ, при чемъ прибавлено, что не вся земля, предполагавшаяся къ раздачѣ, была роздана,— нерозданной осталось еще довольно много земли, «потому къ пріему тѣхъ земель явились не всѣ Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и иныхъ низовыхъ городовъ иноземцы».

Кромѣ Казанскихъ иноземцевъ, въ томъ же году испомѣщены были на р. Уренѣ «Уржумскіе иноземцы полковой службы», отдѣльною партіею, состоявшей изъ 82 рядовыхъ. Пахотныя земли съ угодьями отведены были имъ, въ извѣстномъ намъ количествѣ[3]), на огромномъ пространствѣ по правой сторонѣ р.

[1]) На рѣчку Шію переведенъ былъ 21 дворъ. По поводу водворенія этихъ людей въ здѣшнихъ мѣстахъ произошелъ споръ между нѣсколькими деревнями на рѣчкѣ Шіѣ, изъ которыхъ каждая просила правительство поселить переселенцевъ у нихъ, указывая на излишекъ у себя земель и угодій. Такъ служилый татаринъ Риска Клекѣевъ въ своей челобитной правительству писалъ: «дано ему Риске по его челобитью изъ Казани земли по обѣ стороны р. Шіи и въ иныхъ урочищахъ, а велѣно ему съ той земли платить по ясаку на годъ; и на той землѣ, поселясь, живетъ онъ одинъ, и никто съ нимъ въ ясаку не селится; и той де земли и сѣнныхъ покосовъ и угодій будетъ на 20 дворовъ; и чтобъ тѣхъ Яркульскихъ татаръ 20 дворовъ свесть и поселить съ старыми ихъ ясаки и что вновь прибавлено будетъ,— и владѣть тою землею вопче». Правительство рѣшило поселить переселенцевъ съ Рискою, «потому что его Рискино челобитье прежде ихъ (другихъ 2-хъ деревень здѣшнихъ: деревни Качаевы Чувашей и деревни Ахмаметевы татаръ, просившихъ правительство о томъ же) челобитья». Тамъ же л. 205.

[2]) Иноземцы водворенные здѣсь были Яковъ Набоковъ и Андрей Глазовскій.

[3]) Т. е., по 60 четвертей земли,— всего 4920 четвертей въ каждомъ полѣ.

Уреня. Центральными мѣстами для водворенныхъ были, повидимому, здѣсь два пункта: рѣчка Кременка, съ бывшими усадьбами села Кременокъ и землями по обѣимъ сторонамъ этой рѣчки, была однимъ центромъ, а другой находился по сосѣдству съ нимъ, въ бывшей деревнѣ Войкиной. Сѣнные покосы, предоставленные имъ[1]), съ одной стороны примыкали къ Волгѣ, а съ другой тянулись «отъ устья Кременскова по рѣкѣ Уреню вверхъ ѣдучи и по рѣчкѣ Кременкѣ по обѣ стороны и по конецъ поль по дубровамъ и по вражкамъ». Относительно усадебныхъ земель и лѣса для Уржумскихъ иноземцевъ говорится: «а усадьбы имъ въ прежней селитьбѣ въ селѣ Кременкахъ и въ деревнѣ Войкиной, а лѣсъ хоромной и дровяной рубить имъ въ Уренскомъ и Майнскомъ и въ Кандалинскомъ лѣсахъ, опричь бортнаго деревья»[2]). Что касается жителей села Кременокъ и деревень, земли которыхъ отведены были Уржумскимъ иноземцамъ, то населеніе Кременокъ выселено было, какъ мы знаемъ, на вершину р. Майны, гдѣ они съ большинствомъ крестьянъ села Грязнухи образовали поселеніе Хмѣлевку; инородцы же деревень Войкиной и Помряскиной поселены были отчасти на Красной рѣчкѣ, отчасти въ верхней части р. Уреня—«въ старомъ селищѣ, гдѣ была татарская деревня Тюгѣева»[3]). И на р. Уренѣ, какъ на прежнихъ рѣкахъ, изъ отписныхъ земель, измѣренныхъ и предназначенныхъ въ 1668 году для иноземцевъ, оказалось довольно большое количество «отписной земли въ остаткѣ въ разныхъ мѣстахъ», которая на этотъ разъ впрочемъ скоро занята была иноземцами, видимо спѣшившими занимать земли, остававшіяся здѣсь еще свободными.

Такимъ образомъ, довольно значительное число людей, прожившихъ болѣе или менѣе времени на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ и успѣвшихъ уже сдѣлаться домовитыми, переведены были,

[1]) Каждому человѣку отмѣрено было по 15 десятинъ,—всегоже на 1230 десятинъ.

[2]) Между фамиліями Уржумскихъ иноземцевъ встрѣчаются: Выходцевъ (8 разъ), Васильковскій, Полоцкій, Пивоваровъ, Дедюлинъ и друг.

[3]) Тамъ же лл. 191—192, 220, 222.

послѣ ихъ опроса, на новыя мѣста; при чемъ тягости, лежавшія на нихъ на старыхъ мѣстахъ въ соединеніи съ вновь прибавленными, могутъ отчасти свидѣтельствовать о нѣкоторой зажиточности, которой они успѣли достигнуть въ здѣшней сторонѣ[1]). Но не смотря на выселеніе русскихъ крестьянъ и инородцевъ съ отписныхъ земель и на водвореніе иноземцевъ на ихъ земляхъ, почти всѣ поселки удерживаютъ свои старыя названія, съ которыми и доходятъ до нашего времени[2]).

Въ октябрѣ слѣдующаго года (1699) двѣ партіи Симбирскихъ иноземцевъ[3]) обратились чрезъ представителей своихъ въ Москву и въ Симбирскъ съ челобитными, въ которыхъ писали: «служатъ де они по Симбирску..... всякіе великаго государя городовые и уѣздные службы; а по указу великаго государя и по грамотѣ велѣно устроить ихъ землями, и за одинъ годъ велѣно выдать имъ вел. государя жалованье по окладамъ ихъ»; далѣе, они извѣщаютъ, что есть свободныя земли по обѣимъ сторонамъ р. Уреня въ Казанскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ, на которыхъ поселилось нѣсколько инородческихъ деревень (называемыхъ ими) прибавляя, что «въ тѣ деревни, собрався разныхъ городовъ Татара и Чюваша, покиня свои жеребья и ясаки, поселясь живутъ въ тѣхъ деревняхъ, а великаго государя службъ не служатъ и ясаковъ не платятъ»[4]). Вслѣдствіе этого изъ Симбирска посланъ былъ подъячій на

[1]) «Да переведенцевъ ясачныхъ крестьянъ русскихъ и татаръ и мордвы 357 двор., людей въ нихъ 701 челов.; недорослей (т. е. людей отъ 14 л. до 2 недѣль) 548 челов. (всего больше 10 лѣт.); тягло имъ платитъ въ указные годы (т. е. по истеченіи льготныхъ лѣтъ): *прежняго — 108 ясаковъ, новаго — 120 ясаковъ*, прежняго и новаго 228 ясаковъ». Тамъ же лл. 225—226.

[2]) Только жители села Кандалы (впослѣдствіи «Большой Кандалы») оставлены были на своемъ мѣстѣ, остальные переведены были на новыя мѣста. По поводу названій см. подробныя карты Россіи 1801 г. и 1870 гг.

[3]) Одна партія иноземцевъ состояла изъ 64 челов., «служащихъ *по разбору* по Симбирску»,—другая состояла изъ 50 челов., «служащихъ *сверхъ разбору*»; представителей 1о-й партіи былъ Михайла Елецъ, а 2-ой Данила Абрамовъ и Степанъ Коробецъ,

[4]) Деревни, именуемыя ими при этомъ, находились всѣ на лѣвой сторонѣ р. Уреня. Ар. М. Юст. Казань. Пер. кн. 7, № 152 л. 227.

р. Урень[1]), которому «велѣно тѣ земли досмотрить и описать имянно и роспросить: какіе они (тамошніе жители) люди и сколько ихъ поселилось, и не въ отписныхъ-ли земляхъ Михаила Баракова (1668 г.) или сверхъ той отписной земли; и есть ли у нихъ на тѣ земли крѣпости, и откуда они въ тѣ деревни пришли»,—все это велѣно описать вмѣстѣ съ урочищами, рѣками, рѣчками и озерами, «учиня всему книги и чертежъ учинить» и подать «тотъ досмотръ и опись и книги и чертежъ и роспросные ихъ (жителей) рѣчи» воеводѣ Салову на съѣзжемъ дворѣ въ Кременкахъ. Въ результатѣ жители почти всѣхъ деревень, находившихся по лѣвой сторонѣ Уреня[2]), переселены были восточнѣе, на вершины рѣки, а земли ихъ отданы иноземцамъ, которые водворены были здѣсь въ разныхъ мѣстахъ отдѣльными группами.

И вотъ въ томъ же году (1699), по наказу Симбирскаго воеводы поручено было Салову остальныхъ, не водворенныхъ еще «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ иноземцевъ» поселить въ Казанскомъ уѣздѣ на отписныхъ земляхъ, «что осталось за роздачею Полоцкой шляхты 1668 года по Майнѣ и по Уткѣ рѣкамъ»; послѣ того говорится: «а Симбирскихъ иноземцевъ полковой службы (устроить) *на порозжихъ земляхъ* изъ дикихъ поль, въ которыхъ мѣстехъ пристойно»; при этомъ повторяется, чтобъ «для той новой селитьбы на строеніе выдать всѣмъ иноземцамъ великаго государя денежное и хлѣбное жалованье на одинъ годъ,— а впредь всѣмъ имъ вел госуд. денежнаго и хлѣбнаго жалованья давать не велѣно». Въ частности о Симбирскихъ иноземцахъ-челобитчи-

[1]) Подъячій, отправленный въ Казанскій и Симбирскій уѣзды былъ «Симбирскіе приказные избы подъячій Василій Астраханцевъ»; правая сторона р. Уреня вмѣстѣ съ землями, простиравшимися на сѣверъ, повидимому тянула къ Казани, а земли, по лѣвой сторонѣ р. Уреня и лежавшія на югъ отъ него, принадлежали къ Симбирскому уѣзду.

[2]) Только деревня служилаго Татарина Янганаева Ялтудина и деревня Уренбашъ (находившаяся на притокѣ р. Уреня, рѣчкѣ Уренбашѣ) оставлены были на своихъ мѣстахъ; остальныя же, не исключая деревни служилыхъ Симбирскихъ иноземцевъ Новокульскихъ, переведены были въ другія мѣста.

кахъ постановлено было, чтобъ имъ «116 человѣкомъ (?) землю роздать въ урочищахъ по р. Уреню противъ ихъ челобитья по указнымъ статьямъ». Когда же для водворенія Симбирскихъ иноземцевъ изъ Симбирска потребованъ былъ списокъ имъ, то въ спискѣ «по справкамъ съ Симбирскимъ приказомъ и посказкамъ иноземцевъ *вмѣсто умершихъ и отставныхъ иноземческихъ дѣтей Симбирскихъ* явилось 147 человѣкъ»[1]). Вслѣдствіе водворенія съ разу значительнаго количества людей въ разныхъ мѣстахъ по рр. Уткѣ, Майнѣ и Уреню, между ними появилась, кажется, нѣкоторая спекуляція отведенными имъ землями, выражавшаяся въ мѣнѣ и въ уступкахъ другъ другу своихъ участковъ; по крайней мѣрѣ, это можно вывести изъ заключительныхъ словъ указа 1699 года, который говоритъ слѣдующее: «и съ сего великаго государя указу *мѣновыхъ помѣстій межъ ими* (иноземцами) *росписывать и по ихъ поступкамъ справливать ни закѣмъ не указано*; и велѣно имъ иноземцамъ *жить смирно и селиться, гдѣ кому усадьбы и пашня отведена*, и бѣглыхъ людей и крестьянъ отнюдь бы не принимать; а кому куды доведется отъѣхать, спрашивались бы они иноземцы съ начальными людьми, а буде кто поѣдетъ въ иной городъ для какихъ своихъ нуждъ,—являлись бы въ Майнскомъ городкѣ, въ приказной избѣ»[2]).

На этотъ разъ сперва водворены были двѣ группы иноземцевъ на правой сторонѣ р. Уреня, на земляхъ, которыя, какъ намъ извѣстно, остались отъ испомѣщенія здѣсь Уржумскихъ иноземцевъ. Первая группа состояла изъ одиннадцати рядовыхъ Царевосанчурцевъ, въ средѣ которыхъ двое были «по разбору *за старостью отъ службы* великаго государя *отставлены*», и вмѣсто нихъ земли отведены были дѣтямъ ихъ, изъ коихъ наслѣдникъ одного отмѣченъ «въ малыхъ лѣтехъ». Другая группа была изъ рядовыхъ Симбирскихъ иноземцевъ такого же числа, и земли съ угодьями они получили

[1]) Присланные въ 1699 году списокъ и справка были «за приписью дьяка Михаила Шапкина по разбору 185 году (1677)». Тамъ же лл. 264—265.

[2]) Тамъ же л. 265.

рядомъ съ своими предшественниками[1]); здѣсь же оставлена была пахота съ угодьями для третьей группы, состоявшей изъ одиннадцати рядовыхъ иноземцевъ города Еранска[2]), которыхъ во время отвода не было еще на мѣстѣ, но скораго ихъ прибытія, вѣроятно, ожидали. Въ частности мѣста пашень послѣднихъ трехъ группъ отмѣчены такъ: «гдѣ владѣли деревни Помряскины русскіе и новокрещены въ одной округѣ съ ясачными крестьяны села Кременокъ да деревни Войкиной съ Татары»; сѣнные покосы отведены были имъ «въ томъ же ободу, межъ поль, по вражкамъ и дубровамъ»,—а о лѣсѣ повторено дословно распоряженіе, приведенное нами раньше. Что же касается усадебной осѣдлости упомянутыхъ группъ, то имъ всѣмъ велѣно «селиться въ прежней усадьбѣ въ деревнѣ Помряскинѣ»[3]).

Симбирскіе иноземцы, явившіеся за полученіемъ земель на лѣвой сторонѣ у. Уреня, раздѣлены были на двѣ партіи: въ одной находилось девяносто семь рядовыхъ иноземцевъ, а въ другой 33 человѣка; къ нимъ примыкала маленькая группа изъ четырехъ человѣкъ недорослей, которые «по справкѣ съ Симбирскими списками и по сказкамъ Симбирскихъ иноземцевъ» оказались родственниками умершихъ Симбирскихъ иноземцевъ, вслѣдствіе чего имъ, по ихъ челобитью, отведены были земли также въ здѣшнихъ мѣстахъ. Земли для поселенія первой партіи, заключавшей въ себѣ такое значительное количество Симбирянъ, назначены были въ мѣстахъ «прежней селитьбы, въ деревнѣ Чердакли»,—а подлѣ, охватывая большое пространство, простирались пашенныя земли «съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, гдѣ владѣли Симбирскаго уѣзду деревни Чердакли Татары»; относительно же лѣсныхъ угодій по прежнему говорится, что «лѣсъ имъ хоромной и дровяной рубить въ Уренскомъ и въ Чиглинскомъ лѣсу, и въ дубровахъ и въ

[1]) Между иноземцами первой и второй группы попадаются: Островскіе, Черкасовъ, Дубровскіе, Малаховскій, Миняевъ и друг.

[2]) Казанскій пригородъ.

[3]) Тамъ же лл. 266—267.

колкахъ опричь бортнаго деревья»[1]). Что касается служилыхъ Татаръ деревни Чердакли, то, по ихъ желанію, они были переведены въ сосѣднюю деревню Уренбашъ, населенную также служилыми Татарами[2]). Вторая партія, въ которую входило и нѣсколько новокрещенъ, водворена была «межъ вершинъ рѣки Уреня да Уренбаша, гдѣ по дачамъ владѣли Симбирскіе иноземцы»—Новокульскіе[3]). Въ здѣшнихъ мѣстахъ, т. е., съ лѣвой стороны р. Уреня, только «ниже деревни Новокульской, поселены были и Симбирскіе иноземцы изъ недорослей», которымъ также отведено было каждому по 60 четвертей пашенной земли съ сѣнокосами и угодьями подлѣ[4]). Въ это же время, на лѣвой сторонѣ Уреня, отмѣрены были земли отсутствовавшей группѣ Сызранскихъ иноземцевъ, которая состояла изъ девяти человѣкъ, просившихъ объ отводѣ имъ въ счетъ службы земель, найденныхъ ими подлѣ Симбирскихъ иноземцевъ[5]).

Не успѣлъ еще Саловъ помѣстить всѣхъ иноземцевъ, которыхъ ему поручили водворить на р. Уренѣ, какъ отъ Симбирскаго воеводы (въ 1700 г.) на Майну пришелъ новый указъ «о поселеніи Свіяжскихъ, Цивильскихъ, Чебоксарскихъ, Кузь-

[1]) Тамъ же лл. 268—270. Между прочими въ этой партіи встрѣчаются такія фамиліи: Петрашевскій, Максимовскій, Журовскій, Грохольскій, Романовскій, Крюковскій, Обрамовскій, Пугачевскій, Рожекранцъ, Богдановъ, Елецъ, Журавлевъ, и друг.

[2]) Поступлено было съ ними такъ, «потому что те Чердаклинскіе Татары поселились на той землѣ по Симбирской дачѣ (?) и потому.... били челомъ вел. госуд. деревни Уренбашъ Татары, Янтурдины (дерев.) Татары жъ и подали челобитные: (чтобъ) вышеписанной деревни Чердакли Татаръ свесть къ нимъ на ихъ примѣрные земли, потому селитьбы у нихъ въ деревняхъ за малолюдствомъ ихъ мало; и дер. Чердакли Татары вел. госуд. били челомъ, чтобъ ихъ въ тѣ деревни свесть». Быть можетъ, земля Чердаклинскихъ Татаръ, хотя и лежавшая въ Симбирскомъ уѣздѣ, но, какъ описанная по приказу изъ Казани и Казанскимъ дворяниномъ, почиталась въ зависимости отъ Казани, а не отъ Симбирска.

[3]) Въ этой партіи попадаются: Дерюжинскій, Скугоровскій, Яновскій, Вертюшинскій, Костюковъ, Литвиновъ и др.; у новокрещенъ: князь Издеберскій, Поповъ и друг.

[4]) Тамъ же лл. 272—277.

[5]) Изъ девяти Сызранскихъ иноземцевъ 6 отмѣчены «первой статьи», 3 «второй статьи»; каждому отмѣрено по 60 четв. пахот. зем. съ угодьями.

модемьянскихъ, Курмышскихъ и Ядринскихъ иноземцевъ»; всѣхъ ихъ велѣно было «устроить землями по *указнымъ статьямъ*, и поселить въ Казанскомъ уѣздѣ на отписной землѣ по Безднѣ, Уткѣ и по Майнѣ». Но такъ какъ большая часть земель по Уткѣ и Майнѣ отошли уже подъ поселенія Казанскихъ иноземцевъ, то вновь прибывшихъ пришлось по необходимости водворить на рѣкѣ Безднѣ. Иноземцы-претенденты, присланные для испомѣщенія на рѣкѣ Безднѣ, составляли партію изъ 136 человѣкъ. Вслѣдствіе новаго распоряженія, Майнскій воевода Саловъ отправился въ январѣ мѣсяцѣ на р. Бездну, «описалъ и измѣрялъ земли въ десятины и положилъ въ чети, и изъ той земли по урочищамъ, учиня грани и всякіе признаки, отмѣрялъ на всякаго человѣка по указнымъ статьямъ, по 60 четвертей въ каждомъ полѣ, — сѣнныхъ покосовъ по 15 десятинъ на человѣка». Въ частности о мѣстѣ поселенія иноземцевъ сказано, что имъ отведены «усадебныя земли на р. Безднѣ, по обѣ стороны, около стараго городища, что надъ рѣкою Бездною, на низъ, по правой сторонѣ, ниже деревни Ижборискиной, по 3 десятины на человѣка»; угодья — сѣнные покосы — отведены были имъ здѣсь же «по р. Безднѣ и по рѣчкѣ Енасаркѣ и около озеръ, по вражкамъ и по дубровамъ». Но если южнѣе мы встрѣчались въ здѣшнихъ мѣстахъ съ поселками, то тѣмъ естественнѣе имъ было находиться въ описываемое время по р. Безднѣ. И дѣйствительно, кромѣ деревни Ижборискиной здѣсь упоминаются еще и другія деревни[1]), большей частью, повидимому, населенныя инородцами; нѣкоторые служилые инородцы въ здѣшнихъ мѣстахъ поселились даже съ разрѣшенія правительства, отъ котораго даны были имъ крѣпости и вводныя грамоты[2]). О мѣстныхъ же поселенцахъ правительство сдѣлало такое распоряженіе: «которые люди

[1]) Упоминаются, напримѣръ, деревни: Кошкина и Тахталы.

[2]) Такъ, наприм., говорится, что крѣпостью и вводной грамотой на землю отъ 1691 г. владѣлъ здѣсь служилый Татаринъ Тюргейбека Кельмаметевъ съ товарищи—четыре человѣка, за которыми числилось 200 четвертей земли въ каждомъ полѣ и 4000 сѣнныхъ копенъ.

живутъ на тѣхъ отписныхъ земляхъ—иноземцы и русскіе ясачные крестьяне и Татары и Мордва и Чюваша, а землями ободными владѣютъ многое число, и тѣ земли и сѣнные покосы измѣрить, и измѣря дать имъ иноземцамъ по указнымъ статьямъ; а ясачнымъ людямъ вымѣрять на ясаки по 6 десятинъ на ясакъ, да сѣнныхъ покосовъ по 3 десятины на ясакъ». Вслѣдствіе подобнаго распоряженія воевода Саловъ служилымъ инородцамъ «отмѣрилъ (земли) въ вершинѣ р. Бездны, по обѣ стороны, и велѣлъ имъ жить на той землѣ до указу велик. государя»; точно также, повидимому, поступлено было съ ясачными людьми — Чювашами, которые жили въ здѣшнихъ деревняхъ[1]).

Зимой 1700 года поселены были иноземцы вышеупомянутыхъ городовъ на р. Безднѣ, а осенью того же года[2]) нужно было водворять иноземцевъ Казанскихъ и другихъ городовъ, которые почему либо не явились во время за полученіемъ слѣдуемыхъ имъ земель на рр. Уткѣ и Уренѣ. На этотъ разъ всѣ являвшіеся иноземцы, кромѣ Еранскихъ и Сызранскихъ, были не велики числомъ: одинъ, два, найболѣе пять человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ объясняли правительству позднее свое появленіе для полученія земель, указывая при этомъ на службы въ Казани и на Камышенкѣ, на задержавшія ихъ нужды или на болѣзнь. Вновь прибывшимъ отводилось обыкновенно каждому по 60 четвертей пахотной земли съ сѣнными покосами и угодьями соотвѣтственно пашнѣ; усадебныя земли назначались имъ всегда въ мѣстахъ, гдѣ жили иноземцы, такъ что запоздавшіе примыкали къ прежнимъ, иногда своимъ товарищамъ. Такимъ образомъ, осенью и зимою 1700 года водворены были на отмѣренныхъ уже земляхъ на р. Уренѣ 11 рядовыхъ

[1]) Тамъ же лл. 303—304.

[2]) Испомѣщеніе на этотъ разъ началось въ октябрѣ 1700 года. Въ декабрѣ 1699 года, по распоряженію Петра Великаго, лѣтосчисленіе приказано вести не отъ сотворенія міра, какъ прежде, а отъ Рождества Христова; кромѣ того новый годъ должны были считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го генваря. Истор. Рос. С. Соловьева, т. XIV. 293 с.

иноземцевъ Еранскихъ и девять Сызранскихъ; между послѣдними упоминаются нѣсколько новокрещенъ. Сверхъ того, изъ свободныхъ земель вновь отведены были земли по лѣвой сторонѣ р. Уреня и по рѣчкѣ Уренбашу: подполковнику, четыремъ рядовымъ Симбирскимъ иноземцамъ и рядовому Сызранскому иноземцу[1]). Въ томъ же году поселены были на р. Уткѣ небольшими группами запоздавшіе Казанскіе иноземцы: семеро присоединены были къ иноземцамъ деревни Яркуль-Долгое Озеро, и имъ здѣсь же отмѣрены были изъ «остаточной земли» пашни и угодья. Кромѣ нихъ, пятеро испомѣщены были въ иноземческой деревнѣ Шмелевкѣ, а четверо водворены въ деревнѣ Матвѣевкѣ[2]).

Вѣроятно, молва о плодородіи здѣшнихъ земель и о богатствѣ угодій въ описываемое время распространилась быстро по всей Руси, потому что въ началѣ XVIII столѣтія (1701 г., февраль) изъ приказа Казанскаго дворца прислана была грамота на Майну къ воеводѣ Салову съ повелѣніемъ отвести земли здѣсь двумъ служилымъ иноземцамъ, которыхъ «отецъ и родственники служили по Кіеву», сами же они просили государя о назначеніи имъ земель съ Симбирскими иноземцами, соглашаясь служить по Симбирску. Вслѣдствіе этого распоряженія, Кіевскимъ иноземцамъ отведена была пашенная земля «съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи..... въ однихъ межахъ и урочищахъ съ Симбирскими иноземцы и съ подполковникомъ», вмѣстѣ съ которыми приказано было имъ се-

[1]) Подполковнику Прокофью Алексѣеву сыну Опреву отмѣрено было 100 четвертей пашенной земли въ каждомъ полѣ; «а селиться ему... подлѣ р. Уреня внизъ по лѣвой ст. ниже деревни Новокульской», гдѣ поселена была партія изъ 33 челов. Симбирскихъ иноземцевъ. Относительно угодій сказано: «сѣнные покосы ему по вражкамъ и по дубровамъ, а лѣсъ хоромной и дровяной въ Уренскомъ и т. д. Здѣсь же испомѣщены были пашнею, угодьями и усадьбами Симбиряне и Сызранецъ. Среди фамилій Симбирскихъ иноземцевъ встрѣчаются: (двое) Шапчинскіе (иноземцы съ такими фамиліями встрѣчаются среди Полоцкой шляхты водворенной въ 1668 г.); между Еранскими: Богдановскій, Зубрицкій, Черкашенинъ и друг. Тамъ же лл. 277—282, 297.

[2]) Между иноземцами водворенными въ Шмелевкѣ значатся два «Тетюшенина» по фамиліи «Бизяевы». Тамъ же лл. 295—298.

литься «подлѣ р. Уреня внизъ по лѣвой сторонѣ»[1]). Одновременно съ Кіевскими иноземцами (нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе) водворяемы были на Уткѣ вновь появлявшіеся Казанскіе иноземцы, которые испомѣщались въ теченіи цѣлаго года на свободныхъ отписныхъ земляхъ пашнею и угодьями, тянувшими къ деревнямъ — Шмелевкѣ, Матвѣевкѣ и Яркуль-Долгое Озеро, гдѣ новоприбывшіе и селились усадьбами вмѣстѣ съ раньше водворенными здѣсь Казанскими иноземцами[2]).

Если къ концу XVII столѣтія замѣтно усиливается приливъ новыхъ сходцевъ въ Закамскія страны, защищенныя Примайнскими острожками и укрѣпленіями Закамской черты, чтобъ пользоваться здѣшними выгодами, то слѣдуетъ ожидать, что мѣстные жители, съ самаго начала водворенные здѣсь русскимъ правительствомъ, не останутся съ своей стороны спокойными зрителями мѣстныхъ богатствъ, находившихся по сосѣдству съ ними; событія, происходившія въ послѣдней четверти XVII вѣка, наглядно показываютъ стремленіе ихъ относиться дѣятельно къ природнымъ богатствамъ второй своей родины. Такъ, Ерыклинскіе солдаты, именовавшіеся прежде казаками и стрѣльцами, будучи переведены изъ Прикамскаго села Чалны и водворенные въ Ерыклинскомъ острогѣ «для обережи отъ татарскаго и Калмыцкаго приходу», получили слѣдуемыя имъ земли и угодья сперва «съ одну русскую сторону валу», т. е., въ верхней части, защищенной укрѣпленіями Закамской черты; но уже въ восьмидесятыхъ годахъ они обращаются къ

[1]) Кіевскіе иноземцы, бившіе государю челомъ въ Москвѣ и испомѣщенные здѣсь землями въ количествѣ 60 четв. паш. въ каждомъ полѣ, были братья Якимъ и Григорій Жилевскіе. Тамъ же л. 283.

[2]) Такъ, въ февр. поселенъ былъ въ деревнѣ Яркуль Каз. иноз. Петръ Борисовъ; въ апр. водворенъ былъ тамъ же Андрей Петровскій; въ апрѣлѣ же, только въ дер. Матвѣевкѣ, помѣщенъ былъ Каз. иноз. Иванъ Горшевскій; въ маѣ водворенъ, по его желанію, въ дер. Шмелевкѣ Каз. иноз. Өедоръ Корелинъ; въ декаб. поселены б. въ той же дер. трое Казан. иноз. (Глинскій, Алехновскій и Неклюдовъ); всѣмъ отводилось по 60 четв. паш. земли въ каж. полѣ «съ сѣнными покосы и совсѣми угодьи въ однихъ межахъ и урочищахъ, гдѣ даны земли Казанскимъ же иноземцамъ». Тамъ же лл. 298—301.

мѣстному правительству съ челобитьемъ, по которому въ 1686 году отведены были «имъ сѣнные покосы *на другой сторонѣ валу по обѣ стороны рѣки Черемшану, по урочищамъ*»[1]). Въ восьмидесятыхъ годахъ Ерыклинцы соблазнились богатствомъ сѣнныхъ покосовъ за р. Черемшаномъ и пользуются ими съ соизволенія правительства, а въ девяностыхъ годахъ (1692 г.) партія служилыхъ татаръ получаетъ отъ правительства за небольшой оброкъ пахотныя земли съ угодьями «на Ногайской сторонѣ, а рѣки Черемшана на другой сторонѣ», и основываетъ недалеко отъ Черемшана двѣ деревни: Лебяжье Озеро и Быкову Поляну[2]). Три года спустя группа солдатъ выборнаго полка получаетъ, въ счетъ службы, пахотныя земли за укрѣпленной чертой, «на устьѣ рѣчки Сосновки», гдѣ въ свою очередь основали поселеніе[3]). Но не только служилые люди проникаются энергіей къ концу столѣтія и пріобрѣтаютъ земли, лежавшія за укрѣпленіями Закамской черты, — частные люди, отличавшіеся смѣлостью и предпріимчивостью, также стремятся пріобрѣтать здѣсь выгодныя для себя земли; но эти земли не всегда являются теперь свободными, вслѣдствіе чего приходится пріобрѣтать ихъ уже со вторыхъ рукъ, отъ первоначальныхъ обитателей, у которыхъ они находились во владѣніи. Такъ, напримѣръ, на рѣчкѣ Сосновкѣ, подлѣ мѣста, гдѣ находились сечерные надолбы, полоса земли была удобна для устройства мельницы и другихъ хозяйственныхъ сооруженій; между тѣмъ участкомъ этимъ владѣли Ерыклинскіе солдаты. Это не остановило однако Симбирянина Злобина: онъ уговорилъ Ерыклинскихъ служилыхъ людей уступить въ 1699 году нужную ему полосу земли, пріобрѣтши которую, онъ поспѣ-

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159, лл. 221—225.

[2]) Партія служилыхъ татаръ состояла изъ 22 человѣкъ, — всякому изъ нихъ отведено было по 40 четвер. земли пахотной въ каждомъ полѣ, которою они владѣли «изъ оброку по 10 алт. на годъ съ человѣка». Тамъ же л. 222.

[3]) Рѣчка Сосновка, притокъ Б. Черемшана, течетъ паралельно Ерыклѣ. Группа состояла изъ 11 человѣкъ; всякому солдату отмѣрено было по 20 чет. паш. земли въ каждомъ полѣ. Тамъ же.

шилъ отмежевать[1]). Намъ извѣстно обиліе въ здѣшнихъ мѣстахъ нетронутаго пахотою чернозема; извѣстно и богатство дѣвственныхъ лѣсовъ съ текущими по нимъ ручьями и рѣками, несущими массу влаги и увеличивающими благодатность почвы; намъ извѣстно также, что мѣстные жители находили для себя выгоднымъ сбывать свой хлѣбъ даже въ Нижнемъ Новгородѣ; при подобныхъ условіяхъ мы не найдемъ страннымъ намѣреніе предпріимчиваго человѣка построить на рѣкѣ Сосновкѣ кромѣ мельницы еще винокуренный заводъ, который, при быстро возрастающемъ населеніи въ здѣшней мѣстности, могъ сулить ему въ будущемъ хорошіе барыши. Какъ результатъ всего этого въ началѣ XVIII вѣка (1710 г.) мы застаемъ на р. Сосновкѣ, въ томъ мѣстѣ, «гдѣ бывали семерные надолбы», кромѣ мельницы, винокуренные заводы, принадлежавшіе купцу «гостинныя сотни» Осипу Твердышеву, смѣнившаго собой Симбирянина, первоначальнаго покупщика[2]). Само правительство въ началѣ XVIII столѣтія обращаетъ свое вниманіе на здѣшнія земли, сильно привлекавшія новыхъ поселенцевъ, и изъ заселенія ихъ старается извлечь для себя пользу. Въ 1704 году, по просьбѣ Ерыклинскихъ солдатъ, обезпокоенныхъ, вѣроятно, усиливающимся наплывомъ новыхъ насельниковъ по сосѣдству съ ними, присланъ былъ служилый человѣкъ на Закамскую черту для формальнаго отвода слѣдуемыхъ имъ земель и угодій. Послѣ измѣренія свободныхъ земель въ здѣшнихъ мѣстахъ и предоставленія слѣдуемой части Ерыклинцамъ, оказалось, что «въ округѣ города Ерыклинска..... во владѣнье Ерыклинскихъ солдатъ были многіе улишніе земли сверхъ ихъ дачь», которыми правительство и рѣшилось воспользоваться теперь въ своихъ интересахъ. Правительству хорошо было извѣстно, что въ то время «въ Казанскихъ пригородехъ, въ волостяхъ, за помѣщики и за вотчинники жили» многіе люди, «которые бѣжали (сюда) изъ верховыхъ городовъ»; поэтому оно распорядилось, чтобъ на свободной землѣ, оставшейся отъ надѣла Ерыклинскихъ солдатъ и отписанной на государя, «селить ясашные села», принимая въ нихъ вышеупомянутыхъ бѣглецовъ. Результатомъ этого дозволенія, было то, что въ теченіи пяти лѣтъ переселенцы заселили свободныя земли не только по правой сторонѣ большаго Черемшана, но перешли и на лѣвую сторону, образовавъ цѣлую дворцовую волость—Черемшанскую, въ которую входили: два села и деревня на правой сторонѣ, и два селенія по лѣвой сторонѣ рѣки, въ недалекомъ разстояніи отъ нея[1]). Судя потому, что эти поселенія состояли главнымъ образомъ изъ селъ и образовывали въ 1710 году уже волость, слѣдуетъ предполагать въ нихъ довольно значительную людность.

[1]) 650 десятинъ земли и 175 десятинъ сѣнокоса въ 1699 году пріобрѣлъ здѣсь Симбиренинъ Иванъ Злобинъ «по поступке Ерыклинскихъ солдатъ». Тамъ же л. 223.

[2]) Тамъ же л. 221.

Въ то время какъ на луговой сторонѣ Волги земледѣльческое населеніе, защищаемое укрѣпленіями Закамской черты, заселенной служилыми военными людьми, въ началѣ XVIII столѣтія едва переваливало за Большой Черемшанъ, въ нагорной сторонѣ, защищенной отъ нападеній Калмыковъ и Башкирцевъ шириною и глубиною Волжскихъ водъ, земледѣльческія поселенія появляются въ мѣстахъ болѣе южныхъ и увеличиваются сравнительно быстрѣе. Мы уже видѣли, какъ скоро заселилось село Новодѣвичье, достигшее своего значительнаго благосостоянія вслѣдствіе природныхъ богатствъ, которыми тогда обиловали земли и воды низоваго Поволжья. Но эти же, почти нетронутыя, природныя богатства вмѣстѣ съ тѣми результатами, которыхъ въ скорости достигалъ тотъ или иной крупный землевладѣлецъ, должны были возбуждать апетитъ у многихъ другихъ людей того времени, вслѣдстіе чего у нѣкоторыхъ изъ нихъ уси-

[1]) Поселенія, составлявшія Черемшанскую волость въ 1710 г. были,—на правой стор. Большаго Черемшана села: Никольское-Черемшанъ и Рождественское—Сосновка; по лѣвой ст. р. находились села: Богородское—Грязнуха, на рѣчкѣ Грязнухѣ и Архангельское — Городище, на р. Черемшанѣ и на рѣчкѣ Городищѣ; сверхъ того, къ волости принадлежала еще деревня Золотаревка. Тамъ же лл. 215 и 225.

ливается стремленіе стать землевладѣльцами въ здѣшнихъ мѣстахъ. Благодаря этому мы встрѣчаемся въ началѣ XVIII столѣтія съ немалымъ числомъ новыхъ владѣтелей, которыхъ владѣнія попадаются не только на Самарской лукѣ, но и гораздо южнѣе, въ разныхъ мѣстностяхъ низоваго Поволжья; земли ихъ, не смотря на сравнительно небольшой промежутокъ времени, являются уже заселенными деревнями, о которыхъ свидѣтельствують и акты начала XVIII столѣтія, и иностранный путешественникъ того времени, проѣзжавшій по Волгѣ[1]).

По всей вѣроятности, тоже усиленное желаніе пользоваться природными богатствами низоваго Поволжья побуждало еще въ концѣ XVII вѣка крупныхъ замлевладѣльцевъ нагорной части не оставлять безъ вниманія луговой стороны Поволжья — мѣстъ, ближайшихъ къ тѣмъ, которыми владѣтели пользовались или намѣрены были воспользоваться въ нагорной сторонѣ. Вслѣдствіе этого къ селамъ: Архангельскому, Малыковкѣ и Терсѣ «по крѣпостямъ написаны земли и угодья на луговой сторонѣ», простиравшіяся на значительное число верстъ[2]). Болѣе мелкіе владѣтели тоже съ своей стороны не упускали

---

[1]) Такъ, по межевой книгѣ 1710 г. на югѣ Самарской луки находились: земли служилаго человѣка Алексѣя Никитича Кольцова (деревня Кольцовка?); село Городище-Костычи, принадлежавшее Московскому Вознесенскому дѣвичьему монастырю; ниже была слободка служилаго Москвича Семена Константинова Димитріева; кромѣ того, въ здѣшнихъ мѣстахъ упоминаются «дачи боярина Ѳедора Алексѣевича Головина». Въ межахъ съ селами Архангельскимъ, Малыковкою и Сергіевскимъ—Воскресенскимъ упоминаются: инородческая деревня Колмантаи и деревня Алексѣевская «князя Сергія, княжъ Борисова сына Голицына» (князь Борисъ Голицынъ въ концѣ XVII ст. былъ начальникомъ Приказа Казанскаго дворца). Кромѣ того, Де Бруинъ въ своемъ путешествіи говоритъ, что ниже «села, лежавшаго въ 60 верстахъ отъ Кашпира (не Архангельское-ли?)... часъ спустя мы увидѣли еще *три селенія на берегу рѣки* (Волги), а съ лѣвой стороны достигли до р. Васильевой, насупротивъ которой виднѣлась *Новая деревня*, принадлежащая Ѳедору Алексѣевичу Головину». Арх. Мин. Юст. III отд меж. кн. за № 159. лл. 266, 362, 363, 382, 388. Путеш. Де Бруина. Чт Об. Ист. и Др. Рос. 1872, 3 кн. 175—176 сс.

[2]) Такъ, «по сказкѣ старожиловъ селъ Малыковки и Терсы» въ началѣ XVIII вѣка 1710 г.) монастырскія угодья на луговой сторонѣ въ концѣ XVII ст. были слѣдующія: «отъ рѣки Волги съ устья рѣки Тишеня до рѣчки

богатыхъ заливныхъ луговъ низовой стороны, лежавшихъ насупротивъ отведенныхъ имъ пашенныхъ и усадебныхъ земель, особенно, если тамошніе сѣнокосы были защищены теченіемъ рѣкъ и рѣчекъ. Такъ, мы знаемъ, что сѣнокосные луга по лѣвой сторонѣ Волги, противъ города Сызрана и по рѣчкѣ Тростянкѣ, въ концѣ XVII столѣтія отведены были служилымъ людямъ вышеупомянутаго города и уѣзда; кромѣ того, въ этихъ же и сосѣднихъ мѣстахъ Низовья сѣнными покосами владѣли Кашпирскіе солдаты и нѣкоторые служилые люди, получившіе земли на югѣ Самарской луки, по сосѣдству съ Сызранскими и Кашпирскими солдатами; всѣ они получили сѣнокосы на луговой сторонѣ Волги, въ промежутокъ времени отъ конца восьмидесятыхъ и до первыхъ годовъ XVIII вѣка включительно[1]). Даже въ такой мѣстности низоваго Поволжья, какъ Камышинъ, служилымъ людямъ, водвореннымъ въ городѣ въ началѣ XVIII столѣтія, отведены были, по ихъ желанію, угодья съ сѣнными покосами на луговой сторонѣ Волги[2]). Подобное усиленное стремленіе въ концѣ XVII и въ первыхъ годахъ XVIII вѣковъ къ завладѣнію выгодными мѣстами на луговой сторонѣ Волги, кромѣ тамошнихъ природныхъ богатствъ, могло обусловливаться и нѣкоторымъ спокойствіемъ, которое наступило, на короткое время, со стороны кочевыхъ обывателей степи, не тревожившихъ особенно своими набѣгами окраиннаго населенія. Впрочемъ и въ это время болѣе предусмотрительные изъ мѣстныхъ жителей не предавались илюзіямъ, а, вступая въ до-

---

Вертубы, до вершины съ 20 верстъ, а отъ Вертубы до Иргизскихъ вершинъ до россошей 40 верстъ, а отъ россошей степью до р. Сазанлей съ 10 верстъ, а отъ Сазанлей до рѣчки Канины Тубы съ 20 верстъ, а рѣкою Каниною Тубою до Волги р. съ 10 верстъ». Арх. Мин. Юст. III отд. меж. кн. № 159 лл. 264—265.

[1]) Тамъ-же лл. 363, 365, 378, 379, 382, 384, 388.

[2]) Угодья и сѣнокосы служилымъ людямъ въ г. Камышинѣ (Дмитріевскѣ) отведены были въ 1707 дьякомъ Макаромъ Полянскимъ, присланнымъ для этого изъ приказа Казанскаго дворца; земли эти между прочимъ захватывали на луговой сторонѣ Волги «рѣку Еруслапъ съ вершинами ее, а отъ устья оной... на низъ по Волгѣ займище и острова»—Дубовскій, Камышенскій и Шишкинскій. Арх. Мин. Юст. III отд. Дѣла Сарат. у. Вязка 61, № 2300.

говоры съ владѣтелями угодій по лѣвой сторонѣ Волги, старались обезпечить свои интересы на случай вторженія кочевниковъ и ихъ разореній[1]). Но само собою понятно, что отсутствіе въ теченіе извѣстнаго времени губительныхъ вторженій кочевниковъ если и способно было усилить стремленіе землевладѣльцевъ нагорной стороны пользоваться природными богатствами луговой, то все же оно не могло изгладить общаго впечатлѣнія, оставшагося отъ предшествовавшихъ вторженій, не могло при постоянномъ сосѣдствѣ со степью, быстро видоизмѣнить положеніе низоваго Поволжья. И въ самомъ дѣлѣ, иностранный путешественникъ начала XVIII столѣтія, проѣзжая Волгу около Сызрани, заноситъ на страницы своего сочиненія, что «Калмыцкіе татары дѣлаютъ набѣги изъ этихъ мѣстъ вплоть до Казани и захватываютъ все, что могутъ или съумѣютъ, людей, скотъ и проч. и проч.»[2]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ вовсе не упоминаетъ здѣсь о другихъ врагахъ окраиннаго населенія въ низовомъ Поволжьѣ, о Башкирцахъ и Кубанскихъ татарахъ, которые дѣйствовали въ здѣшнихъ мѣстахъ не хуже Калмыковъ. Дѣйствительно, въ 1708 году Башкирцы вторглись въ Прикамскія земли и на правой сторонѣ р. Камы напали на извѣстное намъ село Сокольи горы, принадлежавшее Донскому монастырю, — «село разорили и церковь сожгли и многихъ крестьянъ побили»; это разореніе было до такой степени сильное, что, по словамъ грамоты монастырской, «изъ Донскаго монастыря въ ту вотчину отъ того разоренія долговременно никого не посылали»[3]). Понятно, если Башкирцы такъ хозяйничали на правой сторонѣ Камы, на земляхъ защищен-

[1]) Такъ, крестьянинъ Самарской луки села Ширяева Буерака, снявши въ началѣ XVIII стол. у Мордвы деревни Бахиловой, принадлежавшіе имъ луга на лѣвой сторонѣ Волги, противъ луки, обязывается платить имъ за нихъ въ такомъ лишь случаѣ, если не будетъ разоренія отъ Башкирцевъ; въ противномъ же случаѣ онъ не долженъ вносить денегъ за луга. Ар. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159 лл. 338—339.

[2]) Путеш. Корнил. Де Бруина, 175 с.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6687.

ныхъ укрѣпленіями Закамской черты и глубокими водами р. Камы, то въ мѣстахъ, лишенныхъ защиты, населеніе луговой стороны было совершенно предоставлено ихъ нападеніямъ, что не могло не возбуждать въ немъ нѣкотораго страха. Но вслѣдствіе возобновившихся нападеній Башкирцевъ страдали не только постоянные жители луговой стороны, а также и люди нагорной стороны, пользовавшіеся тамъ угодьями; такъ, мы знаемъ, что крестьяне сѣверной полосы Самарской луки въ 1710 и въ 1711 годахъ на лугахъ лѣвой стороны не могли косить сѣна, потому что, по ихъ словамъ, «имъ на тѣхъ сѣнныхъ покосахъ въ те годы было разореніе отъ приходу Башкирцевъ, и (они) сѣна за тѣмъ разорѣніемъ не кашивали», въ то время какъ прежде эти-же крестьяне «на тѣхъ лугахъ кашивали стоговъ по 40 и больше»[1]). Если населеніе страдало отъ Башкирскихъ разореній въ области между р. р. Самарой и Камой, то земли луговой стороны, простиравшіяся южнѣе луки, въ продолженіе первой четверти XVIII столѣтія были вполнѣ во власти Калмыковъ, которыхъ посѣщали здѣсь наѣздомъ лишь ихъ сотоварищи по нападеніямъ на русскія окраины — Башкирцы. Область, орошаемая рѣками Большимъ и Малымъ Иргизами, была мѣстомъ, гдѣ, кажется, они по временамъ встрѣчались и вмѣстѣ кочевали. Понятно, что безопасность сосѣднихъ мѣстъ нагорной стороны отъ совмѣстнаго ихъ пребыванія въ здѣшнихъ мѣстахъ не могла увеличиться. Такъ, въ 1710 году крестьяне—старожилы монастырскихъ поселеній на правой сторонѣ Волги (Малыковки и Терсы), свидѣтельствуютъ предъ правительствомъ, что земли и угодья, отведенныя ихъ монастырю въ концѣ XVII ст. на лѣвой сторонѣ Волги, остались не мѣряны и не межеваны, потому что «межевать той земли и съ вервью идти и столбовъ ставить и ямъ копать и на деревьяхъ грани насѣкать невозможно, для того по Иргизу и по степи Калмыки и Башкирцы кочуютъ зимовьями, и затѣмъ ихъ кочевьемъ и они (крестьяне) тою землею не владѣютъ; а опричъ татарскихъ кочевей на той луговой сторонѣ

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159 лл. 338—339.

русскихъ людей жилья ничьего нѣтъ». Въ другой разъ тѣже старожилы и понятые, говоря объ этомъ же, высказываютъ, что «тѣхъ земель за Волгою на луговой сторонѣ межевать не возможно, для того: живутъ въ той ихъ (т. е. отведенной ихнему монастырю) округѣ по рѣкѣ Иргизу Калмыки и Башкирцы воровскими кочевьями, и зимуютъ и за зверьми ходятъ *и ихъ колютъ и грабятъ*, и отъ того ихъ воровства они на луговой сторонѣ пашни не пашутъ и сѣнъ не косятъ; а въ округу де*той земли дикая порозжая степь, а жилья ничьего нѣтъ»*; въ заключеніе крестьяне прибавляютъ: «будетъ они сказали ложно и великій государь указалъ бы за то учинить имъ смертную казнь»[1]).

На страницахъ настоящаго изслѣдованія не разъ говорилось, что положеніе осѣдлаго населенія правой, нагорной стороны Поволжья, относительно кочеваго непріятеля, жившаго въ степяхъ, было много выгоднѣе, чѣмъ положеніе населенія лѣвой, луговой стороны; этими выгодами отчасти и обусловливается болѣе успѣшное заселеніе нагорной части Поволжья сравнительно съ луговою. Но этими преимуществами правой стороны не слѣдуетъ особенно увлекаться, потому что они, въ свою очередь, были лишь относительны; въ этомъ можно убѣдиться между прочимъ изъ факта, приводимаго образованнымъ современникомъ Кириловымъ, который былъ хорошо знакомъ съ условіями жизни Россіи первой четверти XVIII столѣтія. Кириловъ говоритъ, что до 1720 года[2]) жители «*при городахъ Царыцинѣ и Саратовѣ ничего сѣять въ поляхъ и степяхъ не смѣли, за опасеніемъ внезапныхъ приходовъ» Кубанской орды*, проживавшей въ южныхъ мѣстахъ, которая «чинила всякія озлобленія россійскому народу, живущему въ низовыхъ мѣстахъ, — брали людей въ полонъ и скотъ отгоняли»[3]). Такимъ образомъ, лишь построеніемъ со

[1]) Тамъ же лл. 217, 264—265.

[2]) Въ этомъ году окончена была построеніемъ новая укрѣпленная линія — Царицынская.

[3]) Отъ 1718—1720 гг. произведена была, по приказу Петра Великаго, постройка укрѣпленной черты или линіи между Царицынымъ и Дономъ на

стороны Россіи новыхъ укрѣпленныхъ чертъ въ нагорной и луговой сторонахъ Поволжья, сооружаемыхъ съ большимъ трудомъ и значительными издержками въ продолженіи XVIII столѣтія, и воздвигаемыхъ каждый разъ южнѣе и южнѣе, отвоевались отъ кочевниковъ земли въ низовомъ Поволжьѣ для земледѣческой культуры и государственной жизни русскаго общества[1]).

Переходя къ разсмотрѣнію того, какъ жилось въ низовомъ Поволжьѣ крестьянину и служилому человѣку во второй половинѣ XVII вѣка, мы и теперь вынуждены, какъ въ прошлый разъ, указать на скудость и отрывочность матеріала, которымъ располагаемъ, и на невозможность вслѣдствіе этого отвѣчать обстоятельно на многіе вопросы, интересующіе современнаго изслѣдователя. Въ ряду вліятельныхъ событій второй половины описываемаго столѣтія прежде всего слѣдуетъ упомянуть о моровомъ повѣтріи (чумѣ), которое посѣтило низовое Поволжье и произвело здѣсь, какъ и въ большей части Россіи, страшное опустошеніе посреди всѣхъ классовъ населенія. Для засвидѣтельствованія губительныхъ послѣдствій, которыя произведены были чумою въ низовомъ Поволжьѣ, достаточно будетъ привести тотъ фактъ, что по описи половины XVII вѣка за Казанскимъ Преображенскимъ монастыремъ въ его вотчинахъ, расположенныхъ въ Казанскомъ уѣздѣ, числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ 821; послѣ мороваго повѣтрія по тщательному изслѣдованію, произведенному правительствомъ въ 1662 году, оказалось «за монастыремъ въ

пространствѣ 60 верстъ; на всемъ этомъ пространствѣ была «сдѣлана линія, т. е., ровъ и по тому рву земляной валъ и 4 земляныя крѣпости (перечислены какія и въ какихъ мѣстахъ). Въ тѣхъ крѣпостяхъ и по всей линіи всегда бываютъ служилые люди для карауловъ и разъѣздовъ; а особливо въ лѣто присылаются командированныя отъ армейскихъ полковъ. «*Итако* за Божью помощью *Низовая Украйна отъ тѣхъ Кубанскихъ набѣговъ успокоена, и гдѣ было не токмо прежніе жилье, но и въ новыхъ пустыхъ мѣстахъ селитьба умножается*». «Цвѣтущее сост. Всерос. государства» И. Кирилова, II ч. 29—30 сс.

[1]) На луговой сторонѣ въ XVIII ст. сперва проведена была укрѣпленная линія по р. Соку, а впослѣдствіи по р. Самарѣ.

живущемъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 434 двора»; причемъ, кромѣ небольшаго количества бѣглыхъ и на службу взятыхъ (въ стрѣльцы) «пустыхъ выморочныхъ дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ» насчитано было 368 дворовъ[1]). И въ самомъ дѣлѣ, по описи, произведенной монастырскимъ вотчинамъ въ 1662 году, изъ пятнадцати деревень, принадлежавшихъ монастырю въ Казанскомъ уѣздѣ, семь совершенно потеряли свое населеніе, — *стали пустошами* съ 15 и болѣе дворами, о которыхъ говорится, что «крестьяне тѣхъ дворовъ съ женами и съ дѣтьми въ моровое повѣтріе померли безъ остатка»; одинъ или два человѣка, изрѣдка уцѣлѣвшіе, уходили изъ роднаго поселка со своими семьями «въ иные села и деревни (того монастыря, гдѣ сохранилось больше населенія) для малолюдства»[2]). Но не смотря на страшный ураганъ, пронесшійся надъ низовымъ Поволжьемъ, который унесъ массу людей изъ среды трудоваго и подростающаго поколѣнія, хозяйственное положеніе оставшихся въ живыхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ чрезъ десять лѣтъ было уже довольно порядочное. Объ этомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по имущественному состоянію тѣхъ крестьянъ, которые взяты были по жребію изъ семей средней зажиточности («средніе статьи») съ дворцовыхъ поселеній нѣсколькихъ уѣздовъ луговой и нагорной сторонъ

---

[1]) Разслѣдованіе о количествѣ крестьян. и бобыльск. дворовъ въ вотчинахъ Преображенскаго мон., произведено было по повелѣнію правительства на мѣстѣ, ибо власти монастыря жаловались въ Москвѣ, что съ монастыря берутъ поборы (полоняничные, задаточныхъ и проч.) за многіе пустые дворы. Вслѣдствіе чего присланы были переписныя книги и сдѣланъ былъ «обыскъ» на мѣстѣ; при этомъ говорится что «въ обыскѣхъ всякихъ чиновъ людей 670 челов. сказали: Преображенскаго мон. въ вотчинахъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ крестьяне и бобыли въ моровое повѣтріе померли многіе, и въ деревняхъ (перечислены 4 дер.) и въ иныхъ деревняхъ *крестьяне вымерли безъ остатку*». Ар. М. Ю. 1-ое отд. Собр. грам. Преобр. мон. тетр. за № 6429 грам. 1667 г. декаб. м.

[2]) Быть можетъ, не будетъ лишнимъ упомянуть, что почти всѣ монастырскія деревни, запустѣвшія отъ моровaго повѣтрія, были расположены (судя по прежнимъ описямъ) «на болотѣ», «на озерѣ» или же «на рѣкѣ» Тамъ же, тетр. за № 6553, лл. 44—123.

низоваго Поволжья. Довольно порядочнымъ экономическое состояніе упомянутыхъ крестьянъ является въ нашихъ глазахъ потому, что опись ихъ имущества произведена была не раньше второй половины марта мѣсяца, — слѣдовательно въ то время, когда запасы въ крестьянскихъ хозяйствахъ за осеннее и зимнее время должны были значительно истощиться. Обозрѣвая въ частности хозяйственное состояніе дворцовыхъ крестьянъ, взятыхъ для Полоцкой шляхты съ низоваго Поволжья, мы видимъ, что сравнительно большею зажиточностью въ скотинѣ и хлѣбѣ обладаетъ населеніе Теньковской волости въ Свіяжскомъ уѣздѣ, которая лежала въ нагорной сторонѣ, пониже Казани; почти у всѣхъ крестьянъ этой волости въ хозяйственномъ инвентарѣ значится по двѣ коровы и по парѣ лошадей; кромѣ того у каждаго упоминается по 5 и болѣе овецъ и по нѣскольку свиней. Всякаго хлѣба, въ зернѣ и посѣяннаго, крестьяне часто насчитываютъ у себя осьминами и четвертями, что въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчается гораздо рѣже. Благопріятная мѣстность, на которой расположена была Теньковская волость, простиравшаяся по самой Волгѣ, находившаяся недалеко отъ такого людняго и торговаго центра какъ Казань, вѣроятно, не мало способствовала населенію волости достигнуть такого благосостоянія[1]). Крестьяне дворцовыхъ селъ и деревень иныхъ мѣстностей, хотя въ зажиточности и уступали нѣсколько крестьянамъ Теньковской волости, — но и ихъ хозяйственное состояніе нельзя не признать достаточнымъ; такъ, у большинства крестьянъ Царевококшайскаго уѣзда число скотины въ ихъ экономіяхъ не уступаетъ Теньковскимъ; у остальныхъ въ ихъ хозяйствахъ при одной коровѣ обыкновенно встрѣчается пара лошадей. Въ Кукарской слободѣ съ поселеніями, къ ней примыкавшими, большинство крестьянъ въ ихъ хозяйствахъ насчитываетъ либо по 2 коровы съ лошадью, либо по парѣ лошадей съ коровою, при чемъ число овецъ не рѣдко превосходитъ собою ихъ ко-

---

[1]) Всѣ поселки, тянувшіе къ Тенкамъ, какъ Ключищи, Шеланга Матюшкино, Ташевка—лежатъ на р. Волгѣ и ближе къ Казани, чѣмъ Тенки.

личество въ экономіяхъ предыдущихъ крестьянъ; точно тоже слѣдуетъ сказать относительно хлѣба въ зернѣ и посѣяннаго,— по крайней мѣрѣ, сравнительно съ крестьянами Царевококшайскаго уѣзда. По всей вѣроятности, крестьянинъ здѣшней полосы, не обладавшей, какъ извѣстно, плодородною почвою, умѣлъ вознаградить себя богатыми промыслами въ обширныхъ лѣсахъ и довольно значительныхъ рѣкахъ, которыя по прежнему предоставлялись правительствомъ въ его распоряженіе. Менѣе другихъ поселенцевъ дворцовыхъ волостей зажиточны крестьяне Анатошской волости на р. Камѣ: но и они не столько уступаютъ своей братьѣ въ озимыхъ посѣвахъ или въ хлѣбныхъ запасахъ, сколько въ количествѣ скотины, находившейся въ ихъ распоряженіи: почти у всѣхъ крестьянъ волости было лишь по лошади и по коровѣ. Впрочемъ, послѣдняя особенность врядъ ли можетъ удивлять насъ, ибо мы знаемъ мѣстоположеніе, занимаемое этою волостью, и разоренія, которыя въ началѣ XVII вѣка поселенцамъ волости приходилось испытывать отъ сосѣдства со степью и ея обитателей, отъ которыхъ они и во второй половинѣ этого столѣтія не могли быть совершенно безопасны, ибо намъ извѣстно, что и въ началѣ XVIII столѣтія монастырскія поселенія въ низовьяхъ Камы страдали отъ кочевыхъ обитателей степи.

Но возраставшія государственныя потребности въ связи съ продолжительною и утомительною войною, которую при Алексѣѣ Михайловичѣ вело русское государство, не могло не отразиться на экономическомъ состояніи общества, какъ внутри Россіи, такъ и въ Поволжьѣ[1]). Къ этой общей причинѣ въ

[1]) Такъ, съ Казанскаго Преображенскаго монастыря, за которымъ, какъ намъ извѣстно, въ его вотчинахъ въ полов. XVII ст. числилось 821 дворъ, начиная съ 1650 года по 1665 годъ съ 821 двора бралось ежегодно «полоненникомъ на окупъ по 8 денегъ съ двора на годъ, — всего 525 руб. 14 алтынъ 4 деньги. Кромѣ того, по госуд. указу съ монастырскихъ вотчинъ взято въ 1664 г. въ Казань «въ стрѣльцы на вѣчное житье крестьянъ съ женами и дѣтьми и съ животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченнымъ — 82 семьи». *Въ 1657 и слѣдующемъ году* съ монастыря взято было съ 477 дворовъ «*за даточныхъ конныхъ по 13 алт. по 3 ден. съ двора на годъ*,—и того

концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ надъ низовымъ Поволжьемъ разразилось свое собственное несчастье,— Разинскій бунтъ, охватившій всё низовое пространство отъ Астрахани до Нижняго, сопровождавшійся огромною потерею людей и ихъ совершеннымъ разореніемъ. Къ этому, такъ сказать, временному соціальному недугу низового Поволжья присоединяется другой, представляющій собою его исконную хроническую болѣзнь — нападенія кочевниковъ изъ Приволжскихъ и Прикамскихъ степей. Невозможно исчислить тѣхъ потерь, которыя наносились хозяйству трудоваго окраиннаго населенія въ Поволжьѣ вторженіемъ кочевыхъ обывателей степи, — не говоря о физическихъ и нравственныхъ страданіяхъ людей, оставшихся въ живыхъ послѣ такихъ разореній[1]). Вслѣдствіе этого не легко жилось русскому крестьянину, служилому человѣку и инородцу въ низовомъ Поволжьѣ во второй половинѣ XVII столѣтія. Старыя тягости увеличились, къ нимъ присоединяются новые поборы и налоги, которые отъ времени до времени тоже прогрессируютъ; между тѣмъ войны, веденныя русскимъ правительствомъ по смерти царя Алексѣя Михайловича, и расходы по сооруженію флота въ концѣ вѣка не способны были уменьшить тягостей, лежавшихъ на подданныхъ, а скорѣе могли ихъ увеличить. Къ этому въ девяностыхъ годахъ присоединяется спеціальное сооруженіе, предпринятое въ низовомъ Поволжьѣ, для соединенія р. Волги съ р. Дономъ каналомъ у рѣчки Камышенки; для здѣшнихъ работъ люди снаряжались главнымъ образомъ изъ низовыхъ странъ. Слѣдуетъ прибавить, что мѣстами въ низовомъ Поволжьѣ естественныя богатства, заключавшіяся въ землѣ, нетронутой пахотою, во множествѣ дѣвственныхъ лѣсовъ съ пушными въ

190 р. 26 алт. 4 д.; *а на 1659 годъ по 26 алт. по 4 ден. съ двора*, — И того 381 р. 20 алт.; *а на 1661 и на 1662 по рублю съ двора на годъ*, — и того 954 р. Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. Собран. грам. Преображ. мон. кн. за № 6429, грам. 1667 г. декабр. м.

[1]) Убійство родителей, братьевъ, дѣтей,—а также уводъ ихъ въ плѣнъ и продажа на рынкахъ европейскихъ и азіатскихъ.

нихъ звѣрями и бортями, теперь уже не представляли того, что на первыхъ порахъ, — слѣдовательно, не могли собой привлекать новыхъ насельниковъ такъ, какъ въ началѣ колонизаціи здѣшней страны. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ поселкахъ почти совершенно прекращается приливъ новыхъ колонистовъ[1]); въ иныхъ-же, если и замѣчается увеличеніе поселенцевъ сравнительно съ прошлымъ, то это является больше результатомъ естественнаго прироста населенія за извѣстный промежутокъ времени, чѣмъ слѣдствіемъ прибытія новыхъ[2]). Попадаются даже такія поселенія, которыя постепенно умаляются въ количествѣ своихъ обитателей, такъ что конецъ XVII вѣка застаетъ ихъ менѣе людными, чѣмъ каковыми они были въ началѣ столѣтія[3]).

Для того чтобы хоть нѣсколько освѣтить это явленіе, обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ условій, среди которыхъ приходилось въ то время жить крестьянину низоваго Поволжья. Какъ

[1]) Такъ, наприм., въ дворцовыхъ селахъ Казан. у.: въ селѣ Анатошѣ въ 1617 г. находилось 45 дв. крест. и 16 дв. бобыл.; въ 1676 г. въ селѣ было 50 двор., да еще впослѣд. оказались 6 двор. кр. въ селѣ, владѣтелей которыхъ въ моментъ описи не было вѣ селѣ «для того, что они, по ихъ словамъ, кормились работою» на сторонѣ; въ концѣ столѣтія въ селѣ находилось всего 62 дв. крест. Въ селѣ Воскресенскомъ въ 1617 г. было 20 двор. крест.; а въ концѣ столѣтія «стороннихъ и пришлыхъ» 20 двор., кромѣ пустыхъ. Тоже встрѣчается въ селѣ Бетвахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. за № 153 лл. 1023—1089; Переп. кн. 7, №№ 137, 142. 144, 145.

[2]) Такъ, въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ и въ деревняхъ старинныхъ крестьянъ въ 1678 г. находилось 168 дв.,—а въ концѣ столѣтія ихъ оказалось 217; но въ поясненіе къ этому въ описи сказано: «и по нынѣшней переписке явилось, которые отдѣлились отъ отцевъ дѣти и отъ братьи-братья и которые жили у сродичевъ своихъ сверхъ тѣхъ переписныхъ книгъ—55 дворовъ, да бобыльскихъ 7 дв. — всего 62 двора». Тамъ же переп. кн. 7, № 191.

[3]) Такъ, напр., въ дворцов. селѣ Казан. у. Сабуголь по описи 1600 года въ немъ было 23 дв. кр. и 3 дв. боб.; въ 1621 г. «въ живущихъ» находилось 36 двор. По описи 1678 въ немъ было 23 двора; а въ концѣ столѣтія «противъ тѣхъ переписныхъ книгъ въ томъ селѣ убыло 7 двор. крестьянскихъ, да прибылъ въ жилыхъ одинъ дворъ, — въ томъ прибыломъ дворѣ живетъ отдѣлясь послѣ переп. кн. 1678 г. братъ отъ брата».Тамъ же Писц. кн. № 153, лл. 1418—1422, 1505. Переп. кн. 7, № 140.

извѣстно, крестьяне жили общинами въ селахъ и деревняхъ. Общинная организація выражалась во владѣніи крестьянами землею и угодьями и въ несеніи тягостей, налагаемыхъ на нихъ правительствомъ, какъ землевладѣльцомъ; въ актахъ того времени объ послѣднемъ говорится прямо: «а сбираютъ те деньги (платимыя всею общиною правительству) они (крестьяне) межъ собою по разверсткѣ»[1]). Вслѣдствіе этого всѣ члены общины были заинтересованы, чтобъ число взрослыхъ рабочихъ единицъ послѣ описи не уменьшалось въ общинѣ, а увеличивалось, потому что при подобныхъ условіяхъ несеніе тягостей облегчалось для всѣхъ. Поэтому всякая община была рада новымъ колонистамъ, такъ какъ въ то время земель и угодій большею частью было достаточно, ибо самому правительству, какъ землевладѣльцу, было выгодно, чтобъ въ оборотѣ у общинъ было больше земли, съ которой они должны были въ такомъ случаѣ нести и больше тягостей. Новоприбывшій, являвшійся на новое мѣсто чаще всего съ легкимъ имущественнымъ багажемъ[2]), обыкновенно либо выбиралъ себѣ отдѣльнаго вліятельнаго члена въ общинѣ, у котораго становился сосѣдомъ или захребетникомъ, непосредственно помогая ему или чрезъ него всей общинѣ нести часть тягостей[3]), либо прямо становился членомъ общины, при этомъ въ первые годы послѣ своего водворенія на мѣстѣ переселенцы показываютъ: одинъ — «онъ помогаетъ платить крестьяномъ тое деревни пустовые ясаки, а особаго ясаку на немъ нѣтъ», другой — «платитъ онъ ясакъ съ крестьяны тое деревни, что въ которомъ году достанется, потому что на всѣхъ крестьянехъ той деревни» лежитъ столько то ясаковъ; наконецъ, иные свидѣтельствуютъ предъ правительственнымъ лицомъ, что

[1]) Арх. М. Юст. Казань, переп. кн. 7, № 151.

[2]) Такъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ о трехъ пришлыхъ дворахъ въ деревнѣ Задніе Атары, Казан. у. говорится «тягла на нихъ своего за скудостью нѣтъ, а помагаютъ въ тяглѣ той деревни крестьяномъ». Тамъ же № 137.

[3]) Такъ, въ деревнѣ Соколовкѣ на р. Камѣ нѣсколько новыхъ переселенцевъ помогаютъ основателю деревни крестьянину Алексѣю Чертишеву.

«тое деревни, крестьяне емлютъ съ него» столько то[1]). Такъ разрѣшался этотъ вопросъ русскою жизнью къ обоюдной выгодѣ участниковъ. Въ подобномъ состояніи была община при отсутствіи сторонняго вмѣшательства въ отправленіяхъ ея жизни до новой описи, во время которой обыкновенно производилась ревизія отдѣльнымъ ея членамъ, ихъ семьямъ и платежнымъ способностямъ. Но бывали случаи, нарушавшіе обычное теченіе общинной жизни, производившіе разстройство въ отдѣльныхъ хозяйствахъ ея членовъ, тѣмъ болѣе чувствительное для нихъ, что они происходили совершенно неожиданно. Такъ, намъ извѣстно, что съ дворцовыхъ земель нѣсколькихъ уѣздовъ въ низовомъ Поволжьѣ взяты были крестьяне съ ихъ семьями и имуществомъ для Полоцкой шляхты, водворенной на рр. Уткѣ и Майнѣ; мы видѣли также, что болѣе зажиточныя общины Свіяжскаго уѣзда (Теньковская волость) выразили протестъ противъ образа дѣйствій своего землевладѣльца, которымъ въ этомъ случаѣ оказалось само правительство. Столь же неожиданное событіе, въ другомъ только родѣ, въ обыденной жизни крестьянскихъ общинъ Низоваго Поволжья произошло чрезъ десять лѣтъ. Въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка понадобились для правительства «рыбные ловцы бѣлодворцы»,—вслѣдствіе чего приказано было мѣстному служилому человѣку[2]) «ѣхать въ Казанскіе пригороды: въ Тетюши, въ Лаишевъ, да въ дворцовые села (перечислены)[3]), а пріѣхавъ взять у крестьянъ сказки за руками, кто въ прошлыхъ годахъ имянно крестьяне на обиходъ великаго государя въ подрядѣ и у промышленниковъ и про себя плавною и иною какою ловлею рыбу ловили.... и которымъ за обычна та рыбная ловля, выбрать лучшихъ людей и пожиточныхъ въ рыбные ловцы, въ бѣлодворцы, а скудныхъ

[1]) Арх. Мин. Юст. Казань, отказ. стар. лѣтъ съ городами кн. 13, № дѣла 13.

[2]) Михаилу Ивановичу Баракову.

[3]) Въ село Толминское, въ Рыбную слободу (въ какую? ихъ было нѣсколько на р. Камѣ), въ село Елабугу, въ село Чалны, да въ починки Савинскіе Аристова, въ деревню Кривушу и въ починокъ Мельничной.

не выбирать..... перевести (ихъ) съ женами и съ дѣтьми въ Рыбную слободу, и отвести имъ подъ дворы мѣста, *а на тяглые ихъ жеребьи, съ которыхъ жеребьевъ тѣ ловцы взяты будутъ, поселить отъ семей изъ остальныхъ крестьянъ, отдѣля отъ семей, смотря по тамошнему дѣлу и по семьямъ*»[1]). Такимъ образомъ, оставшіеся на мѣстѣ члены общины обязаны были нести тягости, которыя правительствомъ наложены были прежде на общину соотвѣтственно бо́льшему числу ея наличныхъ членовъ, что долженствовало быть непріятнымъ сюрпризомъ для оставшихся на мѣстѣ общинниковъ, — главнымъ образомъ для болѣе семьянистыхъ, зажиточныхъ и вліятельныхъ членовъ, на которыхъ эти тягости при разверсткѣ должны были лечь. Въ послѣднемъ случаѣ, благодаря, быть можетъ, тому, что Рыбная слобода, куда переводились рыбные ловцы, лежала недалеко отъ мѣстъ, откуда они взяты были, а также и нѣкоторымъ другимъ условіямъ, въ общинахъ не обнаружилось непріязненнаго движенія. Между тѣмъ какъ подобный захватъ членовъ изъ Теньковской волости, при такой же раскладкѣ тягостей на оставшихся членахъ общины, вмѣстѣ съ тяжелою преспективою въ будущемъ для односельчанъ переселенцевъ, вызвало движеніе среди мѣстныхъ общинъ, которое въ наше время иные администраторы были бы не прочь озаглавить эпитетомъ крестьянскаго бунта, для прекращенія котораго не преминули бы вызвать военную команду. Къ счастію того времени, болѣвшаго, правда, иными общественными недугами, русская жизнь не обладала подобными администраторами, и движеніе крестьянскихъ общинъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ прошло безъ особаго шума и улеглось, вѣроятно, само собою. Но если отвѣтственность за тягости, лежавшія на общинахъ, находившихся въ завѣдываніи правительства, тяготѣла на всемъ крестьянскомъ обществѣ, которое поэтому заинтересовано было въ увеличеніи своего наличнаго состава новыми членами, — особенно, при введеніи новыхъ налоговъ и увеличеніи въ об-

[1]) Тамъ же, № дѣла 9.

емѣ старыхъ, то переселяющимся крестьянамъ съ своей стороны было естественно сильнѣе интересоваться такими мѣстами, гдѣ было больше нетронутыхъ природныхъ богатствъ, гдѣ крестьянскія общины продолжали жить на льготномъ положеніи, — а такого рода земли во второй половинѣ XVII вѣка большею частью лежали уже за рѣкою Камою и за Сызранскою чертою, куда и стремится усиленно крестьянское населеніе не только внутренней Россіи, но изъ Прикамскихъ и другихъ окраинныхъ земель. Въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ было, правда, больше опасностей отъ обитателей сосѣдней степи, но и верхнія мѣста окраиннаго Поволжья, какъ и земли праваго берега Камы не были въ то время совершенно безопасны отъ тѣхъ же кочевниковъ; между тѣмъ естественныя богатства послѣднихъ земель за цѣлое столѣтіе могли во многомъ уменьшиться сравнительно съ болѣе низовыми странами, которыя вполнѣ сохраняли еще свой дѣвственный характеръ. Но если приливъ новыхъ насельниковъ въ крестьянскія общины, жившія въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья сильно уменьшился вслѣдствіе умаленія тамъ природныхъ богатствъ, а тягости, лежавшія на общинахъ, сильно увеличились, то при подобныхъ обстоятельствахъ надо ждать пониженія крестьянскаго благосостоянія въ здѣшнихъ мѣстахъ, что и замѣтно на самомъ дѣлѣ уже въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, — особенно же въ концѣ его. Яснымъ признакомъ пониженія крестьянскаго благосостоянія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ служить то, что, при описи въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ селахъ и деревняхъ Казанскаго уѣзда по правой сторонѣ р. Камы встрѣчаются небольшія группы крестьянъ, которые не попали въ опись, хотя и были «старинные», ибо они въ то время, по ихъ словамъ «изъ того села (или деревни) ходили *отъ скудости* и кормились въ разныхъ мѣстахъ»[1]). Кромѣ того въ людныхъ селахъ къ

¹) Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7, №№ 137, 142, 146. Такія показанія встрѣчаются въ дворцовыхъ селахъ Каз. у.: Анатошѣ, Воскресенскомъ, Ошнякѣ, Беткахъ, и въ нѣкот. деревняхъ.

концу семидесятыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ увеличивается контингентъ нищихъ, что можно замѣтить отчасти въ селахъ Елабугѣ и Сундырѣ[1]). Но если благосостояніе крестьянскихъ общинъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ описываемаго времени было не велико, то къ концу столѣтія, вслѣдствіе наложенія новыхъ тягостей на общины, оно должно было понизиться. Достаточно привести голый перечень окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, взимавшихся въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ съ дворцовыхъ крестьянскихъ общинъ въ низовомъ Поволжьѣ, чтобы ясно видѣть тяжелое положеніе крестьянъ того времени. Такъ, напримѣръ, крестьяне Анатошской волости[2]) обязаны были въ это время «платить по окладу въ Казани въ казну великаго государя на годъ: за лѣсъ низовыхъ отпусковъ[3]), за дрова[4]), за уголье[5]), за береговой лѣсъ, за лубье и за драницы, за шесты и за бабайки, за лыка и за мочала[6]);

¹) Въ дворцов. с. Елабугѣ съ деревнями находилось въ 1678 г. болѣе 40 дворовъ, которыхъ хозяева «пашенными землями и сѣнными покосы не владѣютъ, кормятся христовымъ именемъ»; впрочемъ, не взирая на бѣдность, у нихъ въ то время еще былъ кое какой достатокъ, ибо сказано, что они «платили съ ними крестьяны всякихъ податей», причемъ въ частности говорится чего и сколько они вносили; такъ, напр., «сошнаго хлѣба—5 четвертей, за лѣсъ низовыхъ отпусковъ — 16 алт., за Ланшевскую десятину—5 четвертей, ямскихъ и полоняничныхъ 26 алт. 4 ден.» и пр. Въ селѣ Крутицкаго митрополита Сундырѣ съ деревнями на Волгѣ въ 1654 было: при 90 дворахъ крест., въ которыхъ проживало 235 человѣкъ, 49 двор. боб. со 102 челов., и 9 дворовъ нищихъ «людей въ нихъ 12 человѣкъ, бродятъ межъ дворовъ, питаются христовымъ именемъ». Въ томъ же селѣ съ деревнями въ 1685 г. значится 105 двор. крест· людей въ нихъ 424 челов., бобыльск. 49, людей въ нихъ 202 челов., нищихъ 9 дворовъ, людей въ нихъ 20 челов. «кормятся христовымъ именемъ». Такимъ образомъ, хотя дворы боб. и нищихъ остались прежніе въ числѣ, но взрослое населеніе дворовъ значительно увеличилось. Тамъ же № 151; Памят. кн. Казан. губ. 1866—67 г, 9—11 сс.

²) Волость означена «съ селы и съ деревнями», въ ней въ 1678 г. находилось 262 двора крест. и боб., а къ концу столѣтія «сверхъ переписныхъ книгъ прибыло 81 дворъ»,—слѣдоват. волость относительно населенія своего была въ сравнительно благопріятномъ положеніи.

³) «По 14 руб. по 29 алт. 2 ден.».

⁴) «По 24 руб. 25 алт.».

⁵) «По 5 р. 5 алт.».

⁶) «По 21 руб. 7 алт.».

и всего они платятъ тѣхъ окладныхъ доходовъ съ жилыхъ и съ умершихъ и бѣглыхъ и отдаточныхъ крестьянъ съ 178 безъ малой чети[2]); да онижъ всѣ вопче платятъ съ пустовыхъ съ пяти осьмухъ съ малою четью тѣхъ же вышеписанныхъ окладныхъ доходовъ[3]); да сверхъ тѣхъ окладныхъ доходовъ онижъ, крестьяне, платятъ по переписнымъ книгамъ 186 году (1678) съ рыбно слободскими крестьяны съ 288 дворовъ по окладу: ямскихъ и полоняничныхъ денегъ по 10 денегъ съ двора[4]), да сошнаго стрелецкаго хлѣба въ Астрахани по полу осьмине съ получетверикомъ ржи, овса потомужъ съ двора. Да великого государя всякихъ издѣлей дѣлаютъ Анатошские жъ волости крестьяня съ селы и съ деревнями: на Казанскихъ подгородныхъ мелнницахъ всякіе починки по 20 человѣкъ; въ Рыбную слободу и на кружечной дворъ и въ таможню даютъ бурмистровъ по 3 человѣка, целовальниковъ по 3 человѣка, и за тѣхъ бурмистровъ всякіе великаго государя подати платятъ, издѣлья дѣлаютъ онижъ крестьяня; а целовальникамъ даютъ подмоги по 4 рубля на годъ, въ Рыбной же слободѣ на кружечномъ дворѣ и въ таможнѣ ставятъ караульщиковъ по 2 человѣка, на конскую площадку въ целовальники одного человѣка, подмоги ему даютъ по 2 руб. на годъ; да онижъ изъ Рыбные слободы гоняютъ по годы вверхъ Камою рѣкою до Елабуги, а на низъ до Лаишева безъ прогоновъ; въ селѣ Беткахъ и въ селѣ Ошнякѣ велик. государя на двухъ мельницахъ всякіе вешніе и осенніе починки и лѣсъ к тому мельнишному строенію готовятъ и зимою дрова возятъ и целовальниковъ даютъ по 2 челов., а подмоги имъ даютъ по 4 руб. на годъ человѣку; да къ тѣмъ же мельницамъ даютъ по караульщику къ мельницѣ; а за тѣхъ мельнишныхъ целовальниковъ велик. государя всякіе издѣлья дѣлаютъ они крестьяня. Въ Анатошской волости къ приказнымъ людямъ даютъ двор-

[2]) «63 руб., 32 алт. 2 ден.».
[3]) «2 руб. 4 алт. 4 ден.».
[4]) «Всего 13 руб. 3 алт. 2 ден.».

щиковъ[1]) по 2 человѣка, а подмоги имъ даютъ по 5 руб. на годъ. На Камышенку по нынешней 1701 годъ посылали работниковъ: пѣшихъ по 53 человѣка[2]), найму и подмоги имъ давали по 5 руб. человѣку, конныхъ по 5 человѣкъ[3]), найму имъ давали по 10 руб. человѣку. Великаго государя десятинные пашни пашутъ 175 десятинъ. Да они же къ лѣсной ронкѣ, которой лѣсъ ронятъ на Шмаковое дѣло (?), посылаютъ работниковъ по очереди по 2 человѣка, а подмоги имъ даютъ по 23 алт. по 2 ден. человѣку. Да въ нынѣшнемъ 1701 году послали въ Казань къ Шмакову дѣлу работниковъ пѣшихъ 28 челов., подмоги имъ дали по 5 руб. человѣку, да 6 челов. конныхъ, подмоги и найму имъ дали по 10 руб. человѣку»[4]). Такія же тягости лежали въ описываемое время на крестьянскихъ общинахъ дворцоваго вѣдомства въ иныхъ селахъ и деревняхъ низоваго Поволжья[5]). При подобныхъ тягостяхъ крестьянскимъ общинамъ въ Поволжьѣ жилось трудно; между тѣмъ, вслѣдствіе большихъ тягостей, которыя здѣсь ждали поселенца вскорѣ послѣ его водворенія, при умаленіи естественныхъ богатствъ, уменьшился сильно приливъ новыхъ насельниковъ въ здѣшнія мѣста. Поэтому нѣкоторые изъ Прикамскихъ крестьянъ, которымъ приходилось, вѣроятно, особенно тяжело на родинѣ, избывая тягостей, на нихъ лежавшихъ, уходятъ на свободныя окраинныя земли нижняго Поволжья, гдѣ на новыхъ мѣстахъ занимаютъ болѣе легкое и льготное положеніе относительно тягостей[6]). Но понятно, что оставшимся на мѣстѣ поселенцамъ становилось

[1]) Слово не вполнѣ разобрано, можетъ быть, денщиковъ?
[2]) Съ пяти дворовъ по одному пѣшему человѣку, какъ говорится объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.
[3]) Съ 50 дворовъ по одному конному человѣку.
[4]) Арх. Мин. Юст. Казань. Переп. кн. 7, №№ 142 и 147.
[5]) Въ нѣкоторыхъ волостяхъ вмѣстѣ съ приведенными здѣсь встрѣ- чаются и новыя натуральныя повинности; такъ, напр., въ селѣ Воскресенскомъ съ деревнями крестьянская община обязана была поставлять: пучки луку, драницы, «каменью, опричь буту» и тому подобное.
[6]) Такъ, въ селѣ Кандалѣ встрѣчаемся съ выходцами изъ Прикамскаго села Чалны, которые на мѣстѣ у себя несли тягло съ полуясака, а въ Кандалѣ платили оброка по 3 съ половиною и по 4 алтына;

отъ этого еще тяжелѣе, и труднѣе было отбывать тягости, лежавшія на общинѣ. Вслѣдствіе чего уровень благосостоянія мѣстныхъ крестьянъ долженъ былъ понизиться, что не могло не отразиться ближайшимъ образомъ на членахъ общины, владѣвшихъ меньшею долею имущества. И дѣйствительно, если уже въ семидесятыхъ годахъ трудно жилось бѣдному крестьянину въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья и онъ, ради лучшихъ заработковъ, уходилъ въ другія мѣста, если и тогда въ людныхъ общинахъ не мало встрѣчаемъ людей, числившихся въ разрядѣ крайне бѣдныхъ — нищихъ, все же подобные люди были въ состояніи еще каждый лично за себя и всѣ вмѣстѣ нести ту незначительную тягость, которая, сообразно ихъ хозяйственному положенію, налагалась на нихъ крестьянскою общиною, знавшею хорошо ихъ экономическое состояніе. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству крестьянъ села Елабуги съ деревнями, еще въ семидесятыхъ годахъ (1678 — 1679) «нищіе платили съ ними крестьяны всякихъ податей», которыя лежали на всѣхъ ихъ; между тѣмъ какъ въ 1701 году таже крестьянская община показываетъ, что за 43 двора нищихъ и нищенскихъ женъ они «платятъ миромъ»[1]). Въ другихъ общинахъ въ это время тоже нерѣдко попадаются отдѣльные члены и даже небольшія группы крестьянъ, о которыхъ или говорится, что крестьянинъ «тягла за скудостью не платитъ», или «а тягло для ево скудости платятъ того села крестьяны, или же «тягла на нихъ (крестьянахъ) своево за скудостью нѣтъ, а помогаютъ въ тяглѣ той деревни крестьяномъ»[2]). Вслѣдствіе тяжелаго положенія остающіеся на мѣстахъ крестьяне стремятся найти для себя новые источники доходовъ, помимо земледѣлія и сѣнокоса, которые мѣстами въ Поволжьѣ не представляютъ для нихъ преж-

[1]) Арх. Мин. Юст. Каз. переп. кн. 7, № 151. Въ книгѣ указано, что въ частности платили всѣ дворы нищихъ въ 1678 по каждому отдѣлу тягостей. Тоже и въ селѣ Ошнякѣ — нищіе раньше платили за себя, а потомъ община; см. № 146.

[2]) Тамъ же №№ 137, 140, 141. Нѣкоторые изъ подобныхъ захудалыхъ крестьянъ отмѣчены, какъ «старинные».

нихъ выгодъ. Такъ, жители Свіяжскаго уѣзда села Нижній Услонъ и сосѣднихъ поселковъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ занимаются добычею извести въ горахъ, которую, по всей вѣроятности, съ выгодою для себя сбывали въ Казани и иныхъ ближайшихъ людныхъ пунктахъ. Въ деревнѣ Шумковѣ Казанскаго уѣзда нѣкоторые крестьяне вмѣсто сѣнныхъ покосовъ кормятся, по ихъ показанію, кузнечнымъ и крашениннымъ мастерствомъ. Въ другихъ мѣстахъ населеніе пользуется особыми свойствами мѣстной глины, изъ которой приготовляетъ посуду, отправляемую для выгоднѣйшаго сбыта въ отдаленную Астрахань[1]). Такимъ образомъ, тяжелыя соціальныя и экономическія условія населенія, вмѣстѣ съ истощеніемъ прежняго обилія природныхъ богатствъ въ краѣ, открывшихся, съ начала для поселенца побуждаютъ Поволжанъ внимательнѣе всматриваться въ окружающія ихъ условія, вслѣдствіе чего ихъ энергіи и труду открываются новыя поприща для плодотворной дѣятельности. Но если къ большимъ тягостямъ, лежавшимъ на дворцовыхъ крестьянахъ въ описываемое время, присоединялись нѣкоторыя неблагопріятныя случайности[2]), которымъ иногда подвергались Прикамскія земли, то положеніе несчастныхъ крестьянъ въ такомъ случаѣ становилось мѣстами невыносимымъ. Въ подобномъ состояніи очутилась между прочимъ въ концѣ столѣтія Чалнинская крестьянская община. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ по описи въ селѣ Чалнахъ находилось 143 крестьянскихъ двора, на которыхъ и расчитана была вся значительная сумма окладныхъ и неокладныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, о коихъ говорено было прежде. Между тѣмъ здѣшняя мѣстность вмѣстѣ съ селомъ подверглась, какъ мы уже знаемъ, въ 1682 году нападенію кочевниковъ, послѣ ухода которыхъ 35 дворовыхъ мѣстъ остались пустыми, незастроенными; о бывшихъ ихъ владѣтеляхъ въ концѣ столѣтія говорится «по сказкѣ бурмистра

[1]) Тамъ же № 115; «Путеш. Корнилія Де Бруина» 169 и 176 сс.

[2]) Вторженія кочевниковъ, пожары.

да земскаго старосты», что ихъ «измѣнники Башкирцы и Татара порубили и въ полонъ взяли съ женами и съ дѣтьми, а иные (крестьяне-обладатели дворовъ) отъ нихъ измѣнниковъ въ Камѣ рѣкѣ потонули съ женами и съ дѣтьми, а дворы ихъ (крестьянъ) выжгли» Башкирцы. Послѣ такого разгрома Чалнинскіе крестьяне съ разу очутились въ очень тяжеломъ положеніи: вѣроятно у весьма немногихъ изъ нихъ сохранились дворы послѣ посѣщенія Башкирцевъ; вмѣстѣ съ избами должна была погибнуть и большая часть крестьянскаго имущества. Слѣдовательно, послѣ ухода Башкирцевъ крестьянамъ нужно было обзаводиться дворомъ и хозяйствомъ, а тутъ, между тѣмъ, большія тягости и повинности, лежавшія на цѣлой общинѣ, — вслѣдствіе чего и раньше еще нѣкоторые крестьяне изъ среды Чалнинской общины взяты были «въ солдаты въ Чигиринскую службу»[1]); теперь же иные крестьяне снаряжены были «къ слюзному дѣлу на Камышенку», другіе отданы «въ крестьянство» Казанскому митрополиту и разнымъ помѣщикамъ[2]); многіе крестьяне послѣ подобнаго хозяйственнаго погрома, сопровождавшагося и нравственными потрясеніями, неизбѣжными въ такихъ случаяхъ, умерли вскорѣ послѣ этого[3]); нѣкоторые крестьяне въ преспективѣ тягостей, которыя послѣ Башкирскаго разоренія должны на нихъ обрушиться еще сильнѣе прежняго, не смогли остаться на мѣстѣ и разбѣжались. Какъ результатъ всего этого, въ Чалнахъ къ началу столѣтія «по досмотру» оказалось пустыхъ 82 двора и дворовыхъ мѣста. Но не смотря на значительное уменьшеніе крестьянской общины въ числѣ ея членовъ, она обязана была нести тягости и повинности за полное количество дворовъ, которые значились за ней по описи конца семидесятыхъ годовъ; вслѣдствіе этого Чалнинскіе крестьяне должны были ежегодно вносить: «сошнаго стрѣлецкаго хлѣба» съ 56 жилыхъ дворовъ

[1]) Таковыхъ были 5 крест. двор.

[2]) Однихъ и другихъ было болѣе 20 дворовъ крестьянскихъ.

[3]) Умершихъ дворовъ означено 15; о нѣкоторыхъ сказано «умерли съ женами и дѣтьми».

«19 четвертей съ осьминою и пол-полъ четверикомъ ржи, овса тожъ», а за опустѣлые дворы: «30 четвер. съ осьминою ржи, овса тожъ»[1]); окладныхъ денежныхъ доходовъ они же платили: за жилые дворы 17 руб. 6 ден., а за опустѣлые 28 руб. 16 алт. съ денгою[2]). И вотъ въ результатѣ такого положенія общины въ началѣ XVIII столѣтія оказалось, что Чалнинскіе крестьяне «той вышеписанной стрѣлецкой хлѣбъ и всякіе денежные доходы за вышеписанныхъ крестьянъ съ пустыхъ дворовъ и мѣстъ (дворовыхъ) *платятъ они остальные крестьяня съ правежу»*,—платятъ, не взирая на то, что «по сказкѣ бурмистра и старосты земскаго съ товарыщи всѣхъ вышеписанныхъ крестьянъ (т. е., крестьянъ, послѣ коихъ остались пустые дворы и дворовыя мѣста) пашенными землями и сѣнными покосами никто не владѣетъ, — лежатъ въ пустѣ». Повинности Чалнинскіе крестьяне обязаны были отбывать точно также съ жилыхъ и съ пустовыхъ дворовъ[3]). Слѣдуетъ замѣтить, что тяжелое состояніе Чалнинской крестьянской общины было въ данное время явленіемъ вовсе не исключительнымъ,— дворцовые крестьяне въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ уѣзда

[1]) Хлѣбъ этотъ крестьяне сдавали «въ Астрахани въ Московскую восьмичетвериковую мѣру»; Елабужскіе крестьяне свидѣтельствовали предъ правительствомъ, что имъ провозъ въ Астрахань своего сошнаго стрѣлецкаго хлѣба 51 четв. ржи, овса тожъ обходился въ 33 рубля. Тамъ же № 151.

[2]) О деньгахъ сказано: «а сбираютъ тѣ деньги они (крестьяне) межъ собою по разверсткѣ».

[3]) Только повинности община несла не за 82, а за 104 пустовые двора что обусловливалось, вѣроятно, тѣмъ, что относительно повинностей къ Чалнамъ приписаны были еще нѣкоторыя сосѣднія поселенія,—по крайней мѣрѣ такъ было съ общиною Анатошской волости; въ повинностяхъ отношеніе жилыхъ къ пустовымъ было таково: «да съ нихъ же (т. е. съ Чалнин. крест.) въ прошломъ 1700 году взято было къ слюзному дѣлу на Камышенку въ работу съ жилыхъ съ 56 дв. пѣшихъ 11 челов., (съ 5 дв. одного), да съ лошадью 1 челов. (съ 50 дв.); да съ пустыхъ съ 104 дв. *доправлено* на нихъ: пѣшихъ 21 челов., съ лошад. 2 челов. А дали они тѣмъ работникомъ найму съ своихъ съ жилыхъ съ 56 дв. коннымъ и пѣш. работникамъ 68 р. съ полтиною, да съ пустыхъ со 104 дв кон. и пѣш. дано найму 131 руб. съ полтиною». Другіе повинности (къ Шмаковому дѣлу, къ лѣсной ронкѣ и т. д. см. выше) расчитаны были точно также, какъ и эти. Арх. Мин. Юст. Каз. переп. кн. 7, № 151.

находились въ подобномъ же положеніи. Это можно ясно видѣть изъ правительственнаго распоряженія начала XVIII вѣка (1701 г. март.) въ которомъ говорится: «великому государю учинилось вѣдомо, *что Казанскихъ волостей* всякіе его окладные доходы сбираются по окладу[1]) не сполна, и *многую доимку сбираютъ съ правежемъ*, для того, что изо многихъ дворцовыхъ селъ крестьяня разошлись въ Казанской же уѣздъ и въ пригороды, и поселились въ иныхъ селахъ и въ деревняхъ и живутъ въ захребетникахъ, а иные въ третчикахъ и въ половинщикахъ, покинувъ старые свои тягла; и съ тѣхъ покидныхъ тяглъ правятъ всякіе окладные доходы на остаточныхъ крестьянехъ, и отъ того имъ чинится разоренье и достаточные идутъ въ рознь; а въ кои села и въ деревни перешли въ новь и тѣ живутъ на льготѣ и великаго государя податей не платятъ»[2]).

Но если въ старыхъ окраинныхъ мѣстностяхъ Поволжья жилось трудно крестьянину, то бобылю здѣсь приходилось еще тяжелѣе. Крестьянинъ при нѣкоторомъ достаткѣ и при поддержкѣ со стороны крестьянской общины, хотя съ трудомъ, но всё же могъ реставрироваться послѣ случайности пожара или нашествія кочевниковъ, — между тѣмъ какъ бобыль такими случайностями низводился на степень нищаго, лишеннаго крова и всякаго имущества. Послѣ проведенія Закамской черты нѣкоторые изъ переселенцевъ въ надеждѣ, вѣроятно, на хорошую защиту, которую они во время опасности найдутъ за стѣнами остроговъ, построенныхъ на чертѣ, стали селиться подлѣ дворами и зажили тутъ въ качествѣ бобылей. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія число бобылей въ нѣкоторыхъ острожкахъ было уже порядочное[3]); впослѣдствіи, однако, очень

[1]) Т. е., какъ пояснено раньше, доходы сбирались по переписнымъ книгамъ 1678 года.

[2]) Тамъ же № 151.

[3]) Такъ, по описи въ Мензелинскѣ находилось 29 двор. боб.; въ Билярскѣ — 17 дв; въ другихъ острожкахъ число ихъ было меньше. Составъ бобылей, судя по такимъ прозвищамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ «Лаишевецъ», «Самара», «Верховецъ» — былъ сбродный.

многимъ бобылямъ пришлось раскаяться въ томъ, что они выбрали себѣ для поселенія здѣшнія мѣста. Надо сказать, что бобыли въ острожкахъ, повидимому, также составляли общину, которая отвѣчала предъ правительствомъ за тягости, лежавшія на ея членахъ[1]). Между тѣмъ у бобылей, по свидѣтельству служилыхъ и посадскихъ людей, съ которыми тѣ жили въ острожкахъ, «пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ небывало и никакими торгами и промыслами не промышляли»,—кормились же они, «черною работою». Вслѣдствіе своего подобнаго состоянія бобыли за вознагражденіе охотно подряжались къ крестьянскимъ и посадскимъ общинамъ, въ сосѣдствѣ которыхъ проживали, отправлять лежавшія на нихъ натуральныя повинности. Такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ, что бобыли чаще всего посылались «въ работу къ слюзному дѣлу на Камышенку», или же находились «у Шмаковова дѣла (?) въ кузнецахъ», получая за это плату отъ той или иной общины. По всей вѣроятности, отправленіе этихъ повинностей было не легкимъ дѣломъ, ибо нерѣдко попадаются извѣстія, что одни бобыли умирали на такихъ работахъ, а другіе съ нихъ убѣгали. Но и хорошо оплаченную черную работу бобылю на мѣстѣ можно было достать лишь при нѣкоторой зажиточности посадскихъ людей, крестьянъ или служилаго сословія, — между тѣмъ, вторженія кочевниковъ и пожары, о которыхъ нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія въ актахъ того времени, не могли способствовать такой зажиточности здѣшняго населенія. Вслѣдствіе этого болѣе энергическіе бобыли и захребетники поспѣшили, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, перейти въ села и деревни сосѣдней Примайнской страны, гдѣ, благодаря льготамъ и природнымъ богатствамъ тамошнихъ зе-

[1]) Это можно видѣть изъ того, что, напр., въ пригородѣ Новошешминскѣ по описи 1678 г. было всего 2 дв. боб, и когда владѣтель одного двора въ началѣ девяностыхъ годовъ бѣжалъ съ женою и дѣтьми, то посвидѣтельству оставшагося на мѣстѣ въ началѣ XVIII в. (1701) «и послѣ его Марскова побѣгу всякіе великаго государя подати доправили на немъ Ивашкѣ: сошной хлѣбъ, да за сало и за вятчину 10 алт.; за седла и за узду 7 алт. 2 ден.» Тамъ же № 151.

мель стали крестьянами, иногда довольно зажиточными[1]). Другіе бобыли, лишившись во время пожара или Башкирскаго вторженія своихъ дворовъ и имущества, уходятъ съ женами и дѣтьми въ иныя мѣста, можетъ быть, болѣе безопасныя отъ нападеній степняковъ, или же съ болѣе зажиточнымъ населеніемъ, гдѣ можно было достать выгодную «черную работу»; факты подобнаго бѣгства бобылей и отдѣльно и цѣлыми группами встрѣчаются здѣсь въ немаломъ количествѣ[2]). Что касается бобылей, оставшихся на мѣстѣ, то одни изъ нихъ, какъ мы уже сказали, находили себѣ за вознагражденіе отъ своихъ общинъ занятіе въ дали отъ своей осѣдлости, при чемъ иногда продавали свой дворъ и оставляли семью въ крайности; другіе, въ надеждѣ на лучшее будущее, продолжаютъ жить изъ года въ годъ, накопляя всё больше и больше недоимокъ, не смотря на сравнительно незначительный оброкъ, платимый лично бобылемъ; третьи, не имѣя ни кола ни двора, проживая въ сосѣдствѣ у посадскаго или служилаго человѣка, или же у своего брата бобыля, кормились случайно перепадавшею на ихъ долю черною работою; иные бобыли, не имѣвшіе двора и жившіе у родственника, отдаются имъ «въ крестьянство помѣщику»; о нѣкоторыхъ же бобыляхъ просто говорится, что они «кормятся христовымъ именемъ». При подобныхъ условіяхъ бобыльской жизни въ пригородахъ на Закамской чертѣ насъ не должно удивлять совершенное отсутствіе бобылей въ нѣко-

[1]) Такъ, мы знаемъ, что Тіинскіе бобыли были переведены «по ихъ челобитью жить на порожжую землю, гдѣ ныне ясачное село Кандала»; о двухъ Старошешминскихъ захребетникахъ также сказано, что они «живутъ въ ясакѣ въ деревнѣ Толкишѣ». Изъ города Симбирска тоже перешло не мало бобылей въ Примайнскія поселенія и стали здѣсь крестьянами. Тамъ же №№ 134, 151, 152.

[2]) Такъ, служилые люди въ Мензелинскѣ свидѣтельствовали предъ правительствомъ, что «Оска Мойсеевъ (бобыль) съ товарищи, пять человѣкъ, послѣ бунту измѣнниковъ Башкирцовъ 190 году съ женами и съ дѣтьми бѣжали; а гдѣ они ныне живутъ, и того они (свидѣтельствовавшіе) не знаютъ». Въ другихъ острожкахъ по показанію служилыхъ людей о цѣлыхъ групахъ женъ и дѣтей бобылей, а также и о нихъ самихъ говорится, что одни—послѣ убійства отцевъ и мужей, а другіе послѣ разоренія ихъ дворовъ «разбрелись въ рознь». Тамъ же №№ 135 и 151.

торыхъ острожкахъ на чертѣ въ началѣ XVIII столѣтія, хотя прежде число ихъ тамъ было довольно значительное; въ иныхъ же пригородахъ застаемъ въ это время одного или двухъ бобылей, причемъ нѣкоторые изъ этихъ немногихъ, возвращеные насильно изъ бѣгства, въ моментъ описи съ семьею «сидятъ въ приказной избѣ за карауломъ» за недоимки и долги, которые на нихъ накопились въ періодъ ихъ бобыльства въ пригородѣ[1]).

Изъ представленнаго очерка можно видѣть какъ тяжела была жизнь крестьянина и бобыля въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья на такъ низываемыхъ государевыхъ земляхъ. Трудно предположить чтобъ крестьянамъ и бобылямъ на земляхъ частныхъ людей въ описываемое время жилось лучше. Изъ краткаго обзора предшествовавшаго времени, а также вслѣдствіе усиленія власти помѣщиковъ и вотчиниковъ послѣ прикрѣпленія крестьянъ, слѣдуетъ предполагать, что положеніе ихъ на частныхъ земляхъ должно было стать тяжелѣе. Слова Посошкова, крестьянина конца XVII и начала XVIII столѣтія, могутъ под-

[1]) Такъ о бобылѣ Тишкѣ Тихоновѣ, жившемъ въ Заинскѣ въ одномъ дворѣ съ братомъ и платившемъ оброку 6 алт. 4 ден. сказано, что онъ послѣ смерти своего брата въ 1701 году «посланъ къ слюзному дѣлу на Камышенку въ работу, а дворъ брата своего онъ Ивашко продалъ человѣку (изъ Казани), взялъ 20 алт., потому что ему Ивашку Тихонову поднятся къ слюзному дѣлу не чѣмъ; а дѣтей у него Ивашка не осталось, а жена его ныне кормится христовымъ именемъ». О Старошешминскомъ бобылѣ Сенкѣ Марковѣ, платившемъ оброку по полтинѣ на годъ и бѣжавшемъ за десять лѣтъ предъ этимъ, говорится «и въ нынѣшнемъ 1701 г. по извѣту пасынка его (имя и прозв) приведенъ съ женою въ Старошешминскъ по прежнему, и сидятъ въ приказной избѣ за карауломъ, *для того, что на немъ Сенке въ прошлые годы есть въ доимкѣ много его бобыльскаго оброку и всякіе подати*». Въ пригородѣ Заинскѣ было 5 бобылей, о которыхъ говорится «двора у него не было, жилъ въ сосѣдяхъ», — о всѣхъ о нихъ, а равно и о другихъ бобыляхъ, владѣвшихъ дворами въ иныхъ острожкахъ сказано, что они «*кормились христовымъ именемъ и черною работою*». Въ Мензелинскѣ въ 1 78 г. находилось 29 двор. боб., а въ 1701 г. «на лицо никого не явилось»; въ Биларскѣ въ 1678 г, было 18 дв. боб., а въ нач. XVIII в. сказано: «а ныне тѣхъ бобылей не явилось»; въ Старошешминскѣ было 14 дв. боб., а сохранился только 1 дв. боб.; въ Заинскѣ было 8 дв. боб., а осталось лишь 2 дв. боб. Тамъ же №№ 135, 151.

крѣпить собою сказанное. Вотъ что говоритъ умный и наблюдательный Посошковъ, котораго трудно заподозрить въ недостаточномъ знакомствѣ съ бытомъ помѣщичьихъ крестьянъ начала XVIII вѣка, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» въ главѣ, трактующей о крестьянствѣ: «сіе не весьма право зрится мнѣ, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ.... и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ. *Отъ таковыя нужды* (помѣщичьи крестьяне) *домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные жъ во Украинныя, а иные — и въ зарубежныя*[1]); *тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ*». Вслѣдствіе этого авторъ приходитъ къ заключенію о необходимости самодержавной власти, заинтересованной въ благосостояніи крестьянъ, «понеже крестьянское богатство — богатство царственное», прійти на помощь помѣщичьимъ крестьянамъ, опредѣливши на всегда закономъ «почему имъ (помѣщикамъ) съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и поколику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и иного какого сдѣлья дѣлать, чтобъ имъ (крестьянамъ) сносно было государеву

[1]) Между прочимъ на нѣкоторыхъ участкахъ Полоцкой шляхты, возлѣ р. Утки, на которыхъ они получили дворцовыхъ крестьянъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ 1690 году «тѣ крестьяне съ тѣхъ помѣстныхъ жеребьевъ (двухъ) въ бѣгахъ». Арх. Мин. Юст. Казань. Раздаточ. и отказныя кн. разныхъ годовъ XVII ст. № 6452, кн. 13, № дѣла 55.

подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды»[1]). Но чаяніямъ русскаго крестьянина начала XVIII столѣтія и его, повидимому, простымъ и яснымъ мыслямъ суждено было стать законодательнымъ достояніемъ не раньше конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Намъ извѣстно уже, что одна изъ причинъ плохого хозяйственнаго состоянія прежнихъ помѣстій заключалась въ крайней ихъ дробимости, между тѣмъ за новый періодъ времени дробимость эта не уменьшилась, а, кажется, еще болѣе увеличилась. По крайней мѣрѣ, тотъ же Посошковъ, говоря о состояніи дворянскихъ помѣстій въ началѣ XVIII столѣтія, замѣчаетъ, что въ его время «*у одной пустоши бываютъ владѣльцовъ по* 10 *и гораздо больше*; и такая бездѣлица бываетъ, что иному владѣльцу достанется 10 четвертей, инымъ же четверти подвѣ-три, *а иному и по четверти и по осьминѣ и по четверику, и всякую пахотную полосу худу и добрую, всё паютъ*.... и въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ, кромѣ ссоры, да бѣды инаго нѣтъ ничего, и за ссорами многія общія земли и пустѣютъ и дернѣютъ и лѣсомъ поростаютъ»[2]).

Переходя отъ крестьянъ къ инородцамъ низоваго Поволжья во второй половинѣ XVII вѣка, можно замѣтить, что ихъ положеніе не лучше. Мы уже говорили прежде о притѣсненіяхъ, которыя дѣлались инородцамъ въ нѣкоторыхъ Поволжскихъ уѣздахъ при сборѣ съ нихъ податей и обращеніи ихъ въ христіанство, притѣсненіяхъ, вызывавшихъ бѣгство инородцевъ съ родныхъ мѣстъ цѣлыми деревнями. Сверхъ того, усиленное участіе инородцевъ низоваго Поволжья въ Разинскомъ бунтѣ, можетъ быть объяснено не исключительно силою въ нихъ противообщественныхъ инстиктовъ, а также вымогательствами и притѣсненіями, испытываемыми ими со стороны пред-

[1]) Сочинен. И. Посошкова, т. I. «Книга о скудости и богатствѣ» гл. VII, 182—183 сс.

[2]) Тамъ же гл. VIII, с. 191. Примѣры дробленія помѣстій на отдѣльныя части попадаются и между помѣщиками (Полоцкой шляхтою) низоваго Поволжья. Арх. Мин. Юст. Казань, отк. ст. л. кн. 13. № дѣла 55.

ставителей русскаго государства, стѣснявшихся въ своихъ предосудительныхъ отношеніяхъ къ инородцамъ менѣе, чѣмъ относительно русскихъ крестьянъ. Нами было высказано даже предположеніе, что не только воеводы, но и русскіе люди того времени глядѣли на инородца, человѣка другой вѣры и чуждаго языка, какъ на существо особаго рода, быть можетъ, низшаго порядка сравнительно съ нимъ, православнымъ человѣкомъ[1]). Послѣдующія событія свидѣтельствуютъ, что притѣсненія инородцевъ продолжаются попрежнему; такъ, мы узнаемъ, что подьячіе въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія брали, какъ съ отдѣльныхъ инородцевъ, такъ и съ цѣлыхъ инородческихъ общинъ, деньги въ счётъ тягостей, на нихъ лежавшихъ, не отдавая при этомъ «имъ отписей въ платежѣ тѣхъ денегъ», вслѣдствіе чего брали, по показанію инородцевъ, за одно и тоже по два раза въ годъ[2]). Сказанное можетъ служить доказательствомъ того, что нижеслѣдующія слова Посошкова имѣютъ силу не только относительно начала XVIII-го вѣка, но сохраняютъ значеніе и по отношенію ко второй половинѣ XVII столѣтія. Разсуждая о пользѣ обученія русской грамотѣ инородческой Мордвы Понизовья Посошковъ прибавляетъ, что для нихъ необходимо это сдѣлать «потому что къ нимъ (Мордвѣ) паче русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты и приставы и подьячіи, овогда съ указомъ, *овогдажъ и безъ указу, и чинятъ что хотятъ, потому что они* (инородцы) *люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякій ихъ изобижаетъ, и чего въ указѣ никогда не бывало, того на нихъ спрашиваютъ и правежемъ правятъ*»[3]).

---

[1]) Не можетъ ли слѣдующій фактъ отчасти иллюстрировать это. Около половины XVII ст. (1647 г.) въ патріаршемъ селѣ Рождественскомъ, что на Самарской лукѣ, на монастырскомъ дворѣ среди работниковъ отмѣчены живущими вмѣстѣ съ ними «да Яицкіе казаки *дали вкладу* въ Преображенскій монастырь *двѹ татарченковъ* — Семейку, да Трошку, Осиповыхъ дѣтей». Арх. Мин. Юст. Писц кн. 30. Самар. у. л. 62.

[2]) Тамъ же, переп. кн. 7, № 152 лл. 248—250, 260.

[3]) Соч. Ив. Посошкова, I, 176 с.

Обращаясь, наконецъ, къ обозрѣнію состоянія во второй половинѣ XVII вѣка служилыхъ людей, испомѣщенныхъ правительствомъ въ разныхъ мѣстностяхъ низоваго Поволжья, — преимущественно подлѣ городовъ и острожковъ въ нагорной и луговой сторонахъ Волги, я полагаю остановиться особенно на тѣхъ изъ нихъ, которымъ пришлось перейти съ западной окраины на восточную — Поволжскую: на Смоленскихъ казакахъ и на Полоцкой шляхтѣ. Какъ однимъ, такъ и другимъ опасности и случайности пограничной военной службы должны были быть хорошо знакомы. Но, должно быть, тягости военной службы на восточной границѣ Польскаго государства, граничившаго съ Россіею, сравнительно съ трудностями службы на восточной окраинѣ Русскаго государства, стали ясными для болѣе интеллегентныхъ изъ нихъ, потому что огромное большинство Полоцкой шляхты отказалось, при условіяхъ окраинной жизни того времени, принимать на рр. Уткѣ и Майнѣ земли безъ крестьянъ, вслѣдствіе чего они и были водворены въ городѣ Казани и его пригородахъ. То состояніе, въ какомъ очутились Смоленскіе казаки, поселенные въ острожкахъ по Закамской чертѣ, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія, убѣждаетъ насъ, что нельзя осуждать большинство Полоцкой шляхты за отказъ отъ Примайнскихъ земель въ то время. По первоначальному распоряженію властей, Смоленскіе казаки всѣхъ четырехъ знаменъ должны были получить земли около острожковъ по чертѣ, какъ и русскіе служилые люди. Но вскорѣ оказалось, что предположеніе центральной власти о изобиліи хорошихъ земель для пашни и угодій подлѣ острожковъ должно было отступить предъ дѣйствительностью. Земель, удобныхъ для пахоты, около нѣкоторыхъ острожковъ оказалось очень мало; большая же часть земель, простиравшихся около нихъ, въ это время была недоступна для земледѣлія, «потому что пришли лѣсы большіе и мѣста болотные». Вѣроятно, вслѣдствіе подобныхъ условій Смоленскимъ казакамъ четырехъ знаменъ, которые водворены были на Закамской чертѣ, вмѣсто земель выдавали денежное жалованье по три рубля

человѣку на годъ до 1674 года[1]); въ этомъ же году по указу государя и, должно быть, по согласію Смоленскихъ казаковъ, «имъ вмѣсто денежнаго государева жалованья даны пашенныя земли, и службы великаго государя велѣно имъ служить съ тѣхъ земель, а денежнаго жалованья имъ впредь давать невелѣно». Въ результатѣ пахотныя земли, отведенныя Смоленскимъ казакамъ, въ однихъ мѣстахъ оказались малыми,— въ другихъ онѣ соединены были съ нѣкоторыми очень существенными неудобствами для служилыхъ людей, живущихъ постоянно въ острожкахъ. Такъ, Смоленскимъ казакамъ краснаго знамени, которыхъ въ Новошешминскѣ находилось во время отвода 126 человѣкъ[2]), пашенной земли въ ближайшемъ полѣ отъ острога—«за валомъ, въ степную сторону по Шешмѣ рѣкѣ» отведено было «мѣрою по полудесятинѣ въ полѣ» на человѣка,—поясняя при этомъ, что «больши того въ томъ полѣ пахотныя земли нѣтъ, а прибавить негдѣ, потому что пришли лѣсы большіе и мѣста болотные». Пашни же для остальныхъ двухъ полей могли быть имъ отведены лишь «за валомъ, за Шешмою рѣкою въ степь, *за болотами вдаль отъ посаду*»[3]). Смоленскіе казаки бѣлаго знамени, находившіеся въ Тіинскѣ въ числѣ 134 человѣкъ[4]), испомѣщены были въ томъ же году (1674) землями вмѣсто денежнаго жалованья, и, должно быть, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ земли съ угодьями отведены были имъ «въ разныхъ мѣстахъ въ десяти и больши верстахъ отъ Тіинска», такъ что угодья ихъ лежали въ верхнихъ частяхъ рѣки Майны и около рѣчки Хмѣлевки[5]) И вотъ спустя два года послѣ отвода имъ пашенныхъ земель и угодій, «Смоленскіе казаки Закамскихъ городковъ били челомъ великому государю (Ѳедору Алексѣевичу) о денежномъ жалованьѣ», говоря въ

[1]) Арх. Мин. Юст. Казань, раздат. и отк. кн. 13, № дѣла 73.

[2]) Во главѣ ихъ упоминается поручикъ Степанъ Ероѳеевъ Пузанъ.

[3]) Тамъ же № дѣла 1-ый л. 2.

[4]) Во главѣ Смоленскихъ казаковъ бѣлаго знамени стоялъ, повидимому поручикъ Павелъ Коскѣевъ.

[5]) Тамъ же №№ дѣлъ 50 и 73.

своей челобитной, что «съ земли.... имъ служить великаго государя служба не въ мочу». Тогда для провѣрки жалобы и для лучшаго ознакомленія съ хозяйственнымъ ихъ состояніемъ Новошешминскому воеводѣ[1]) поручено было «досмотрить въ правду: что имъ (Смоленскимъ казакамъ въ Новошешминскѣ) земли отведено, и мочно ль имъ съ той земли безъ государева денежнаго жалованья служба служить.... На тѣхъ пашенныхъ земляхъ, которые имъ отведены вмѣсто государева денежнаго жалованья, хлѣбъ они сѣялиль, и сколько десятинъ какова хлѣба прежъ сего кто сѣялъ и ныне сѣетъ, и впредь кому пахать мочно ли, и сколько той отводной земли въ пустѣ и зачѣмъ тое земли не пашутъ». Новошешминскій воевода, сдѣлавъ осмотръ по данной ему инструкціи, доноситъ, что большинство Новошешминскихъ Смоленскихъ казаковъ за послѣдніе два года пахали лишь одно ближайшее къ нимъ поле, «а вдаль имъ земли (т. е. остальныя два поля, отведенныя имъ) пахать за приходомъ воровскихъ и воинскихъ людей нелзе потому, что стало въ степи и отъ посадовъ ихъ далечо», прибавляя съ своей стороны указаніе, что «около тѣхъ дву поль никакихъ крѣпей (т. е. укрѣпленныхъ мѣстъ) нѣтъ». Но и въ ближайшемъ къ Новошешминску полѣ не всѣ Смоленскіе казаки были въ состояніи обрабатывать свои земли,— воевода свидѣтельствуетъ, что «*въ томъ полѣ иные доли лежатъ не паханы за скудостью ихъ и за безконьствомъ*», при чемъ прилагаетъ и поименный списокъ скуднымъ и безконнымъ Смоленскимъ казакамъ, которыхъ оказывается 33 человѣка[2]). Тіинскіе Смоленскіе казаки бѣлаго знамени въ своей челобитной государю въ восьмидесятыхъ годахъ (1685 г.) также указываютъ на то, что «*ихъ земли лежатъ въ пустѣ за дальностью*», свидѣтельствуя при

[1]) Воеводою былъ—Ѳедоръ Агаѳонниковъ Неѣловъ.

[2]) Арх. Мин. Юст. Казань, отк. кн. 13, № дѣла 1-ый. Среди фамилій скудныхъ встрѣчаются: Сушковъ, Усовъ, Лобановъ и др. нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр, Сушковы и Лобановы и друг. фигурируютъ теперь въ числѣ дворянскихъ родовъ Уфимской губ. «Истор. библ.» 1878 г. дек. «Очеркъ колониз. Башкир. края» 24 с.

семъ, что у нихъ «за частыми службами и за посылками» не остается времени для обработки земель въ столь отдаленныхъ мѣстахъ; что же касается земель «близъ города», то они говорятъ, что ихъ «мало и скотиннаго выпуску никакого нѣтъ, и въ тѣхъ де дальныхъ мѣстехъ земли имъ пахать не мочь, *и отъ того они оскудали безъ остатку*»[1]).

Не многимъ лучше, вѣроятно, жилось во второй половинѣ XVII вѣка многимъ служилымъ изъ Полоцкой шляхты, испомѣщенныхъ землями по рр. Уткѣ и Майнѣ. Такое предположеніе дѣлаемъ не только относительно шляхтичей, получившихъ однѣ земли, а также и по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые на свои помѣстныя земли получили дворцовыхъ крестьянъ. Особенно тяжело приходилось Полоцкой шляхтѣ въ восьмидесятыхъ годахъ описанаго столѣтія, когда Башкирцы въ союзѣ съ Калмыками усердно распоряжались въ Примайнской сторонѣ. Помѣстныя земли нѣкоторыхъ шляхтичей, получившихъ крестьянъ на свои земли, потеряли ихъ скоро, потому что крестьяне воспользовались удобствами въ этомъ отношеніи окраинныхъ земель и убѣжали отъ своихъ новыхъ господъ. Оставшись безъ крестьянъ, при тяжелой окраинной службѣ, среди безпрестанныхъ опасностей со стороны кочеваго непріятеля, шляхтѣ было очень трудно успѣшно обрабатывать доставшіяся имъ плодородныя земли, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ «покиня свои земли (на р. Уткѣ) переписались служить по Симбирску, и емлютъ (въ Симбирскѣ) великихъ государей денежное и хлѣбное жалованье, а земли ихъ лежатъ порожзи»; другіе шляхтичи (на р. Майнѣ) «переписались по Казани и по Симбирску, — а земли ихъ ныне (т. е. въ концѣ столѣтія) въ пустѣ»; наконецъ, третьи спѣшатъ обмѣнять въ девяностомъ году свои помѣстья, или же часть ихъ на небольшое количество земли въ другихъ, болѣе безопасныхъ, мѣстахъ Поволжья, переуступая здѣшнія свои земли болѣе мужественнымъ и смѣлымъ изъ русскихъ служилыхъ людей[2]).

[1]) Тамъ же № дѣла 73.

[2]) Такъ, нѣсколько помѣстій въ Примайнской странѣ вымѣняли у Полоцкихъ шляхтичей Змѣевы — стольникъ Θедоръ Ивановъ и Иванъ Герасимовъ; первый, напр., промѣнялъ у Казиміра Венкѣева на р. Уткѣ въ 1690 г. 20 чет. изъ его помѣстья въ кажд. полѣ на 2 чети въ кажд. полѣ своего помѣстья въ Нижегород. у. въ Березопольскомъ стану, при чемъ Венкѣевъ за перехожіе чети взялъ съ Θедора Змѣева денегъ 20 р.; онъ же вымѣнялъ еще у другаго иноземца 60 четв. земли въ кажд. полѣ около Полянскаго городка (подлѣ р. Утки), уступивъ ему изъ своего помѣстья въ Арзам. у. 3 четвер. и заплативши 100 р. денегъ «за перехожіе чети и крестьянскіе животы», — всего одна семья. Тамъ же №№ дѣлъ 55, 57, 66; Казань, Переп. кн. 7. № 152, л. 76.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что нѣкоторые служилые люди Полоцкой шляхты, быть можетъ, находясь подъ впечатлѣніемъ слишкомъ безпокойныхъ восьмидесятыхъ годовъ, стремятся въ началѣ девяностыхъ годовъ перебраться съ мѣстъ своего водворенія въ Поволжскіе уѣзды нагорной стороны, болѣе безопасные относительно вторженія Калмыковъ и Башкирцевъ, чѣмъ Примайнскія земли. Но и жизнь служилыхъ людей нагорной части Поволжья, хотя и была сравнительно безопаснѣе отъ кочевыхъ непріятелей сосѣдней степи, была богата въ описываемое время многими тягостями, которыя по необходимости представители государственной власти на окраинѣ, вслѣдствіе недостатка подъ рукою достаточнаго количества служилыхъ людей, должны были возлагать на немногихъ изъ нихъ, жившихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Такъ, солдаты Печерской слободы, что на Самарской лукѣ, бывшіе въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка въ зависимости отъ Сызранскаго воеводы, въ лицѣ своихъ выборныхъ — сержанта и нѣсколькихъ рядовыхъ — свидѣтельствовали предъ правительствомъ, что имъ на луговой сторонѣ, противъ слободы, не были въ надлежащее время отведены покосы «за ихъ (солдатъ) неходьбою, для того что всѣ высланы на службу и до ныне служатъ, *а которые де остались за старостью и тѣ непрестанно были на караулахъ и въ посылкахъ на Сызранѣ и въ подвотчикахъ, и въ работѣ на Камышенкѣ*»[1]).

Но при обиліи тягостей, лежавшихъ на служиломъ человѣкѣ низоваго Поволжья, требовавшихъ при выполненіи отъ

[1]) Арх. Мин. Юст. Меж. кн. за № 159, л. 365.

него напряженія всей энергіи и большихъ хлопотъ, жизнь его здѣсь внѣ отправленія служебныхъ обязанностей не была свободна отъ случайностей, способныхъ иногда отправлять ему самое существованіе. Подобныя обстоятельства тѣмъ сильнѣе могли чувствоваться въ то время служилымъ человѣкомъ, что семейная сфера въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ была, быть можетъ, единственной для него, гдѣ онъ могъ находить свое отдохновеніе и утѣшеніе отъ многихъ заботъ, которыя возлагались на него на окраинѣ русскимъ государствомъ. И тѣмъ тяжелѣе служилымъ людямъ было выносить оскорбленія своихъ интимныхъ семейныхъ чувствъ, что они дѣлались иногда людьми, которые могли почитаться представителями по преимуществу нравственныхъ началъ. Извѣстно, что Надѣинское Усолье, благодаря расположенію царя Алексѣя Михайловича къ монастырю Саввы Сторожевскаго, перешло къ нему во владѣніе. И вотъ монастырскія власти, пользуясь своимъ вліяніемъ и значительными средствами, развили въ здѣшнихъ мѣстахъ значительную дѣятельность, сопровождавшуюся, какъ мы уже видѣли, нѣкоторыми довольно успѣшными колонизаціонными послѣдствіями для края. Къ Усолью, какъ и къ нѣкоторымъ другимъ населеннымъ промышленнымъ пунктамъ низоваго Поволжья, въ интересахъ, должно быть, защиты мѣстнаго населенія отъ случайныхъ опасностей, были приписаны такъ называемые бѣлопашенные казаки. Особенно, какъ мы видѣли, отличался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія энергическою хозяйственною дѣятельностью на пользу своего монастыря соборный старецъ Леонтій Маренцовъ, заправлявшій монастырскимъ хозяйствомъ въ Усольѣ. Но этотъ хозяинъ-колонизаторъ, почувствовавъ на окраинѣ низоваго Поволжья отсутствіе надъ собою высшаго духовнаго авторитета и монастырскаго надзора, совершенно не считалъ для себя обязательнымъ одинъ изъ монашескихъ обѣтовъ — цѣломудріе, и сталъ вести образъ жизни крайне предосудительный для него, какъ представителя монашествующихъ, людей по преимуществу цѣломудренныхъ. Разнуздавшись въ животной похоти, соборный старецъ для удовле-

творенія своей преступной страсти не довольствовался уже ближайшимъ матеріаломъ, который находился у него подъ рукою, а сталъ у бѣлопашенныхъ казаковъ отнимать «своимъ насильствомъ и озорничествомъ женъ отъ мужей.... и дѣвицъ у отцевъ», выдавая послѣднихъ впослѣдствіи «насильствомъ замужъ». Свою челобитную царю по этому поводу несчастные служилые люди Надѣинскаго Усолья заключаютъ такими многознаменательными словами «*и отъ его* (соборнаго старца Маренцова) *злого озорничества и разоренія мы съ женами и дѣтьми погибаемъ.... а иные многіе разбѣжались*»[1]).

Говоря о служилыхъ людахъ низоваго Поволжья, нельзя не упомянуть и о томъ, что они, по крайней мѣрѣ, въ ка-

---

[1]) Эти интересныя грамоты напечатаны въ Доп. къ А. И. т. X подъ № 27. (1682—1684 гг.). *Одна грамота* отъ патріарха Іоакима архимандриту Саввы Сторожевскаго монастыря Сильвестру о розыскѣ надъ Маренцовымъ, вслѣдствіе челобитной поданной патріарху поваромъ Ивашкою Игнатьевымъ Слѣпымъ на соборнаго старца, который «взялъ жену его въ Надѣино Усолье въ коровницы, и забывъ страхъ Божій, онъ старецъ его жену взялъ къ себѣ по неволѣ и живетъ съ нею блудно, а его де Ивашка билъ и мучилъ и на чѣпъ сажалъ и морилъ голодною смертью. Да онъ же старецъ прежъ того племяницу жены вдову (имя) также взялъ по нволѣ и держалъ на дворѣ и блудно жилъ съ нею и ныне живетъ». *Другая грамота* — челобитье царю отъ бѣлопашенныхъ казаковъ, приписанныхъ къ Усолью, на того же Маренцова; между прочимъ челобитчики пишутъ, «что онъ (соборный старецъ) своимъ насильствомъ и озорничествомъ, забывъ страхъ Божій, женъ отъ мужей у насъ сиротъ вашихъ отлучилъ блуднымъ насильствомъ. Да онъ же старецъ *у многихъ нашія братьи*, для блуднаго воровства, дѣвицъ у отцевъ отнявъ и растля блудомъ, выдаетъ замужъ насильствомъ»; далѣе говорятъ они, что Маренцовъ отнимаетъ у нихъ насильствомъ лошадей «емлетъ взятки, посулы и поминки безпрестанно, и многихъ бьетъ и мучитъ напрасно»; послѣ этого объясняютъ въ частности, что онъ соборный старецъ, у одного жену отнялъ къ себѣ на блудъ «и тотъ Ѳедка (мужъ) отъ него старца ушелъ»; «да онъ же старецъ отлучилъ жену блуднымъ насильствомъ у Савостки Иванова, а дочь его Авдотьицу емлетъ на блудъ безпрестанно, а его Савостку хочетъ убить до смерти и т. д. въ этомъ же родѣ; къ челобитной вмѣсто жалующихся приложили руки «Уржумецъ» и «Устюженинъ». Наконецъ, *третья грамота*—въ пользу Маренцова, отвергающая приписываемыя ему притѣсненія; она отъ работныхъ людей «Надѣйнскаго Усолья солянаго и рыбнаго промысловъ» и отъ Усольскихъ жителей. Сопоставляя извѣстія всѣхъ грамотъ, трудно сомнѣваться, гдѣ содержится болѣе реальной правды.

зачьей службѣ, могли свободно поступать и потомъ выходить изъ службы въ посадскіе, крестьяне и бобыли; только при этомъ необходимо было оставить на свое мѣсто другого человѣка, который бы согласился нести службу вмѣсто него; встрѣчаемся даже съ полюбовною мѣною людей своимъ общественнымъ положеніемъ, при чемъ одна изъ сторонъ состоитъ на службѣ[1]).

---

[1]) Такъ, въ селѣ Кандалѣ нѣсколько крестьянъ показывали, что сами они или отцы ихъ сперва находились въ казачьей службѣ, которую отправляли по 10 и больше лѣтъ, а потомъ, оставивъ вмѣсто себя другого, свободно переходили въ крестьяне или бобыли. Служилые люди пригорода Заинска показываютъ объ одномъ Заинскомъ бобылѣ слѣдующее: «а двора у него Алешки не бывало, жилъ въ сосѣдехъ у бѣлопашеннаго казака, у зятя своего у Степки Винокурова, и тотъ свой бобыльской оброкъ сдалъ онъ бѣлопашенному казаку Өеонке Родивонову сыну Осетрову тому восьмой годъ, а Өеонкину казачью службу снялъ онъ Алешка на себя; и въ нынешнемъ 1701 году сынъ Өеонкин Өеонка ж посланъ къ слюзному дѣлу на Камышенку въ работу, а отецъ его Өеонки Өеонка ж работаетъ в Казани у Шмакова двла в кузнецахъ, а живутъ они в ясашной деревнѣ Красной Дубровѣ, въ одномъ дворѣ. И тотъ съемной бобыльской оброкъ онъ Өеонка с сыномъ Өеонкою платятъ по вся годы, а онъ Алешка Ильинъ его Аөонкину службу служитъ с бѣлопашенными казаки». Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7. №№ 151, 152.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Архивъ Минист. юстиціи, III отд. Казань, раздаточ. и отказ. кн. 13.

№ 6.

«176 году апрѣля въ 4 день подалъ Өедоръ Черниковъ. Выписалъ ис книгъ на перечень, сколько выбралъ крестьянъ и тѣхъ крестьянъ беречь кому приказалъ и противъ ли указу крестьянъ выбиралъ». «Лѣта 7176 г., февраля въ 25 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу и по наказу столника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкаго, окольничего Никиты Михаиловича Боборыкина, дьяковъ Өөонасья Ташлыкова, Юрья Блудова, велѣно Өедору Черникову Онучину ѣхать въ Анатошскую волость и в Рыбную слободу и в сѣло Толминское с приселки и з деревнями, для того: в нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 6 день в грамоте великаго государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца писано в Казань к боярину и воиводамъ ко князю Григорью Семеновичю Куракину с товарыщи,—указалъ великій государь и бояре приговорили Полоцкую всю шляху Гаврила Гаславскаго с товарыщи, которые были на Москве и которые на Москве нѣбыли, а были в Казани, всѣхъ разобрать по статьямъ в Казани и устроить их землями в Казанскомъ уѣзде по Закамской черте, а на тѣ земли указалъ великій государь взяти крестьянъ ис Казанскаго и из Свияжскаго и ис Царевококшаского и из Еранскаго уѣздов, великого государя из дворцовыхъ селъ, з двадцати дворовъ по крестьянину з женами

и з дѣтьми и со всѣми их животы и с хлѣбомъ; и Өедоръ Черниковъ Онучинъ в Анатошскую волость и в Рыбную слободу и в сѣло Толминское с приселки и з деревнями ѣздилъ и выбиралъ крестьянъ по книгамъ, каковы даны в Казани за дьячею приписью, з дватцати дворовъ по крестьянину з женами и з дѣтми и со всѣми ихъ крестьянскими животы из середние статьи з жеребья, кому по жеребью и по скаскамъ земскихъ старостъ и всѣхъ крестьянъ за руками довелось, а хто имяны крестьяня выбраны, и тѣхъ выборныхъ крестьянъ имяна и что у ково животовъ и хлѣба и скоту и с которыхъ крестьянъ имяны тѣ выборные крестьяня взяты, и то писано в книгахъ имянно порознь; и велѣлъ тѣхъ выборныхъ крестьянъ тѣмъ крестьяномъ, с которыхъ они выбраны, беречь до указу великого государя».
(л.л. 2—4)

«*Села Толминского* крестьянские дворы»: (перечислены по дворамъ отдѣльно двадцать крестьянъ). «И того 20 дворовъ. И с тѣхъ дватцати дворовъ выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ из середние статьи, и з жеребья досталось Ивашку Семенову Дулѣпехе; у него жена Палашка Сидорова дочь, да два сына: Мишка, Ондрюшка, да дочь — дѣвка Анютка, Степанидка, Өедорка, а у него лошадь да корова, да телица, да теленокъ, двѣ овцы, пятеро свинѣй, да в гумнѣ стоячего хлѣба два овина овса, да посеяно в землѣ три четверика ржи». (Затѣмъ снова перечислены отдѣльно по двор. 20 крест.). «И съ тѣхъ дватцати дворовъ выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ изъ середние статьи, и з жеребью досталось Сенке Сидорову Кривоносу; у него жена Окулька Сидорова, да сынъ Тишка, Ивашко, да у негож лошадь да свиня, четыре поросенка, корова, двѣ овцы, да в землѣ посеяно четверть ржи». (Опять 20 дворовъ крест. переч.). «И с тѣхъ 20 двор. выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ изъ середние статьи, и з жеребью досталось Гришке Мелентьѣву; у него жена Өеимка Ермолаева да сынъ Васка, да Костка, да дочь дѣвка Василиска, да у него ж лошадь, 3 жеребенка, 10 овецъ, 5 свинѣй, 3 четверика овса, да в землѣ посеяно хлѣба 5 четвериковъ ржи, и приказано тѣ крестьяномъ, кои всей статье писаны, того Гришку беречь з женою и з детьми до указу великого государя, покамѣста ево за помѣщиковъ спросятъ на Закамскую черту». (Снова оп. 20 дв. крес.). «И с тѣхъ 20 дв. выбранъ за полоц. шлях. крестья-

(лл. 5—6) (л. 7—8) (л. 9—10)

нинъ из середние статьи, и з жеребью досталось Никонку Иванову Мѣдынину; у него жена Мареутка Григорьѣва; у нихъ сынъ Ивашко, Пронка, да 3 дочери дѣвки: Оксютка, да Парашка, да Танька, да у него ж лошадь, корова, да в землѣ посеяно хлѣба 3 четверика ржи. И приказанъ онъ Никонко и з животами бѣречь до указу великаго государя крестьяномъ, кои всѣй статье имяны писаны». Послѣ 20 дв. кр. «И ис тѣхъ двадцати дворовъ выбранъ за полоцкую шляхту крест., из жеребью досталось из середние статьи Елисейку Сидорову Кривоносу, у него жена Окулка Васильѣва, да сынъ Гришка, да 2 дочери дѣвки—Анютка да Улка, да у него ж лошадь, корова, 2 теленка, 3 овцы, свиня, да 3 четверика ржи, 2 четверика овса, да в землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Елисейко з женою и з детьми и со всѣми иво крестьянскими животы приказанъ бѣречи до ук. вел. г-ря крестьяномъ кои всѣи статье имяны писаны». (л. 11—12) (л. 13—14)

Деревни Мысу крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И ис тѣхъ двадцати дворовъ выбраны крестьяня из середние статьи и з жеребю досталось за полоцкую шляхту крестьянину Митке Иевлѣву Подковырину, а у него жена Окулька Микитина дочь, да детѣй: Бориско, Лукашка, Өетка, да дочь дѣвка Ориньках, да у него ж лошадь, корова, 10 овецъ, да в землѣ посеяно хлѣба 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Митка з женою и з дѣтми и со всѣми крестьянскими животы до указу вел. гос. крестьяномъ кои всей статье писаны». (Снова 20 дв. крест.). «И с тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня в жеребей из середние статьи и з жеребю досталось за полоцкую шляхту Оске Макарову, у него жена Устиньица Онтонова дочь, да сынъ Игнашко, Өролко, двѣ дочери дѣвки — Овдотица, Огашка, да у него ж лошадь, корова, осмина ржи, 3 овцы, 5 свинѣй, да в землѣ посеяно хлѣба осмина. И тотъ выборной крестьянинъ Оска з женою и з дѣтми и всѣми крестьянскими животы и т. д. (л. 15—16) (л. 17—18)

Рыбной Слободы крестьянские дворы: (описаны 20 дворовъ; одинъ дворъ «Дв. Лучка, да Петрушка, да Васка да Максимко Григорiевы дѣти Палмины»). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Өролко Емельяновъ Шабановъ, у него братъ Ивашко, у Өролка жена Анютка Кон-

дратіева, да сынъ Ивашко да Сенка, у Ивашка жена Палашка Тимоѳѣева, да дочь дѣвка Катерина, да у
(л. 19—20) него ж лошадь, корова, теленокъ, 3 овцы». (Опять 20 дв. кр.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня из середние статьи, и з жеребью достался полоцкой шляхте крестьянинъ Петунка Троѳимовъ; у него жена Танка Тимоѳѣева, да сынъ Лаврушка да Мишка, да дочь дѣвка Манка да Анютка, да у него ж лошадь, корова, овца. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ Пятунка бѣречи з женою и з дѣтми и з животы до указу великаго государя темъ крестьяномъ, кои в сей статье имяны писаны». (Пе-
(л.л. 21—22) речисл. 20 дв.). «И ис тѣхъ 20 дв. выбраны крестьяня в жеребей из средние статьи, и з жеребью достался полоцкой шляхте крестьянинъ Гришка Максимовъ, у него жена Овдотица Констентинова дочь, да 2 сына Митка, Васка, у Митки жена Елисаѳетца; у него ж 2 лошади, корова, 4 овцы, свиніа; в землѣ посеяно
(л. 22—23) осмина ржи».

Анатошские волости крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И того 20 дворовъ; и с тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи изъ середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Васка Яковлевъ, у него жена Огашка Семенова дочь, да сынъ Ѳетка, у Ѳетки сынъ Ивашко, Анкудинко, Ондрюшка; у него 2 лошеди, 3 коровы, 8 овецъ, 2 свини, 10 поросятъ, четверть муки ржаные, 3 чети овса, осмина полбы, осмина ячменя; в землѣ посеяно хлѣба 2 чети. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ Васка Яковлевъ до ук. вел. государя бер. тѣмъ крест., кои вс. ст. им. писаны». (Снова переч. 20 дв.
(л. 24—25) кр.). «И ис тѣхъ 20 дв. выбр. крест. въ жеребей из середние ст. і жеребю достался полоц. шлях. крестьянинъ Васка Ермолаевъ; у него жена Оѳимка Степанова дочь, да сынъ Триѳонко, Васка, да дочь дѣвка Марѳутка, Палашка; да у него ж 2 лошади, корова, телѣнокъ, 6 овецъ, шестеро свинѣй, 3 четверика муки ржаной, четверть овса; да въ землѣ посеяно хлѣба— четверть ржи. И тотъ выбор. крест. Васка Ермолаевъ з жен. и з дѣт. приказ. бѣречи и т. д. какъ
(л. 26—27) прежде.

«*Деревни Полянки* крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). И ис тѣхъ 20 дв. и т. д. по прежнему, и з жеребю достался полоцкой шляхтѣ крестьянинъ Исачко Микитинъ, у него жена Овдотица Тимоѳѣева дочь, да у него ж сынъ Стенка, у Стенки 2 сына—

Матюшка, Ивашко; да у него ж 2 лошади, корова, 3 овцы, свиня; да въ зѣмлѣ посеяно хлѣба — четверикъ ржи. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. по прежнему. (л. 28—29)

Села Ураю крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И всего в сей статье 20 дворовъ. И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня в жеребеи из середние статьи и из жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Ивашко Дементиевъ; у него жена Улка Иванова, братъ Ганка, у Ивашки сынъ Ивашко да пасынокъ Ивашко Левонтиевъ, да Ганька Ѳедоровъ; да у него ж лошадь, да жеребенокъ, корова, 3 овцы, десятеро свинѣй, осмина ржи, 2 чети овса, четверикъ конопляного семени, четверикъ ячмени, да в зѣмлѣ посеяно ржи 5 четвериковъ. И тотъ выборной крестьянинъ Ивашко Дементиівъ з женою и з дѣтми
и т. д. (Снова перечислены 20 дв. крест.). «И ис (лл. 30—32)
тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ Васка Прокоѳиевъ, у него жена Оринка Дмитрѣева дочь, да сынъ Емилка; у него лошадь, корова, 3 овцы, осмина ржи, да в землѣ посеяно ржи осмина. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. какъ
и прежде. (Опять переч. 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ (л. 33—34)
20 дворовъ выбраны въ жеребей крестьяня изъ середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ Никонко Клементиевъ, у него жена Оѳроска Максимова дочь, да сынъ Максимко да Ивашко, да дочь Наталица, да Паранка; у него ж двѣ лошеди, 3 овцы; въ зѣмлѣ посеяно осмина ржи». (л. 35—36)

Села Бетковъ крестьянские дворы: (переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дв.; и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня изъ середние статьи, и з жеребью достался полоц. шлях. крестьянинъ Стенка Игнатіевъ, у него жена Оринка Захарова дочь, да у него ж 5 сыновъ—Галахтіонко, Сидорко, Ивашко, Ротка, Максимко; да у него ж лошадь да жеребенокъ, 2 овцы, въ зѣмлѣ посеяно четверик ржи И тотъ выборной крестянинъ з женою и з детми и со всѣми крестьянскими животы приказанъ бѣречи до указу вел. гос. крестьяномъ, кои въ сѣй статье имяны писаны». (л. 37—38)

Деревни Шумковы крестьянскіе дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И того 20 дв., и ис тѣхъ 20 двор. выбраны крестьяня въ жеребей из середние стат ии з жеребю досталось полоц. шляхте крестьянинъ Оѳонка

Сергѣивъ, у него жена Варка Иванова дочь да 2 сына—Митка да Окимко, да двѣ дочери дѣвки—Танка, Ѳороска; да у него ж лошадь, двѣ коровы, 3 овцы, 6 свиней, четверикъ ржи, четверть овса, осмина полбы, да в землѣ посеяно 3 осмины ржи. И тотъ выборный крестьянинъ з женою и з детми и со всѣми
(л. 39—40) крестьянскими животы приказанъ бѣречи и т. д.

Деревня Ошнякъ крестьянские дворы: (перечисл. 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ и т. д. какъ прежде, и з жеребю дост. полоц. шлях. крестьянинъ Тимошка Евсѣевъ Бирюковъ, у него жена Ѳоимка Ѳедорова дочь да два сына — Данилко, Пронка, да 2 дочери дѣвки — Огашка, Елисаѳетица, да у него ж лошадь, корова, четверикъ муки, 3 овцы, 2 свини, въ землѣ посеяно осмина ржи. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ з женою и з дѣтми бѣречи до указу вел. гос. крестьяномъ, кои в сей статье имяны
(л. 41—42) писаны». (Снова переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дв., и ис тѣхъ 20 двор. выбраны крестьяне и т. д. и з жер. дост. полоц. шлях. крестьянинъ Олешка Васильевъ Мамонъ, у него жена Танка Тимофеева дочь, да сынъ Петрушка, да у него ж 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 3 свини, четверикъ ржи, осмина овса, да в зѣмле посеяно осмина ржи. И тотъ выборной крестьяннъ з жен. з дѣтми до указу вел. гос.
(л. 43—44) приказанъ бѣречи и т. д.

Села Рожественского крестьянские дворы: (переч. 20 двор.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Петрушка Васильевъ, у него жена Оксютка Наумова дочь, да дочь дѣвка Катерина; да у него ж 2 лошади, корова, теленокъ, 9 овецъ, 4 свини, четверть овса; да в землѣ посеяно осмина ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з женою и з детми до указу великого государя приказанъ бѣречи крестьяномъ и пр. (Снова переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ, и ис тех 20 двор. выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и т. д. крестьянинъ Ивашко Аникиевъ Щербакъ, у него жена Лукерица Иванова дочь, да сынъ Акинѳейко, да двѣ дочери дѣвки—Анютка, Марѳутка, да пасынокъ Петрушка Ѳилипиевъ, да у него ж 2 лошеди, 2 коровы, 3 овцы; въ землѣ посеяно полтора четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з женою и з детми приказанъ бѣречи и проч. какъ въ
(л. 45—46) прош. (Затѣмъ описаны два двора того же села, да

14 дворовъ *деревни Тонѣевы*, къ которымъ прибавлены 4 двора села Рожественскаго). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Васка Карповъ, (деревни Тонѣевой) у него жена Хаврошка Михайлова дочь, да у него ж лошадь, корова, 2 теленка, 4 овцы, да в земле посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. какъ прежде. (л. 49—50)

Села Сабуголѣй крестьянские дворы: (перечислено 14 двор. крест.); *села Бѣтковъ*—(переч. 6 двор. кр.). «И того 20 дворовъ и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ Ивашко Дмитрѣивъ (изъ села Сабуголѣй), у него жена Манка Васильива дочь, да 3 сына — Гурка, Ивашко, Силка, да племяникъ Сенка женатъ; да у него ж скота: 2 лошади, жеребенокъ, 3 коровы, 2 теленка, 10 овецъ, свинья, 5 поросятъ, да четверть муки, четверть овса; да в землѣ посеяно 3 осмины ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Ивашко Дмитрѣівъ з женою и з дѣтми приказанъ бѣречи до указу и т. д. (л. 51—53)

Села Воскресенскаго крестьянские дворы: (переч. 20 двор. крестьянскихъ, среди которыхъ «дворъ вдова Окулка Осипова у нѣе сынъ Стенка»). «И ис тѣхъ 20 дввровъ выбраны крестьяня въ жеребей и з жеребю достался полоцкой щляхте крестьянинъ Гришка Ортемивъ, а у него скоту: 2 лошади, корова, 2 овцы, свиня, молоченаго хлѣба осмина ржи, да в зѣмлѣ посеяно 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Гришка Ортемівъ з женою(?) и з детми(?) и со всѣми крестьянскими животы приказанъ бѣречи до указу вел. государя крестьяномъ, кои в сей статьи имяны писаны». (л. 54—55)

Тогож села Воскресенскаго деревни Побѣдиловы крестьянские дворы (переч. 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и из жеребю достался полоц. шлях. крестьянинъ Ѳилка Василивъ, у него жена Марѳутка Васильива, да 4 сына: Ягонка—женатъ, Ондрющка, Якушко, Ганка, да у него ж скоту: лошадь, корова, 10 овецъ, свиня, осмина ржи; въ землѣ посеяно 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Ѳилка Василивъ з женою и з детми приказанъ бѣречи и т. д. (л.л. 47—49)
(Затѣмъ перечисл. 9 дв. крест. той же деревни, среди которыхъ дв. вдовы; потомъ 11 дворовъ *деревни Ко-*

кушкины). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ деревни Побѣдиловы Васка Микитинъ, у него жена Дарица Ларивонова; да скоту: лошадь з жеребенкомъ, 4 овцы, четверть ржи, четверикъ овса, четверикъ пшеницы; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Васка Микитинъ з
(л. 50—51) женою и з дѣтми, приказанъ бѣречи и т. д.

Тогож села Воскресенского деревни Середних Атаръ (переч. 14 дворовъ крест, между которыми дв. вдовы) затѣмъ: «*деревни Задних Атаръ*: (переч. 6 дворовъ). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ деревни Середнихъ Атаръ Пронка Давыдовъ,—у него жена Мареутка Микиѳорова, да четыре сына: Осташка, Ѳетка, Пронка, Ивашко, а скоту: лошедь, 3 овцы, свиня; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ вы-
(л. 52—53) борной крестьянинъ и т. д. д. по прежнему.

Тоежъ деревни Задних Атаръ: (переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Трошка Тимоѳѣевъ, у него жена Варварка Иванова, да 2 сына: Ларка—женатъ, Якунка; да скоту: 2 лошади, корова, 5 овецъ, 3 четверика овса, осмина ржи, батманъ пшеницы; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ приказанъ бѣречи до указу великого государя крестьяномъ, кои всей стате имяны писаны».

5.

(л. 1-й). «187 г. Книги Кукарской слободы з деревнями выборнымъ крестьяномъ, которые выбраны за полоцкую шляхту во крестьяня из середние стати зжеребя».

(л. 2). «*Починка Толминскаго* — крестьянинъ Овдѣйка Родионовъ сынъ Кочергинъ, у него жена Анютка Алексѣева дочь; дѣтей — сынъ Гришка 20 лѣтъ, да сынъ Ларка 16 лѣтъ; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ, 2 коровы, 2 четверика овса, овинъ ржи, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жучковы* — Илюшка Григорьевъ сынъ Мандри, у него жена Дунка Анисимова дочь; дѣтей:

сынъ Лукашка—женатъ, у Лукашки сынъ Еремка 3-хъ лѣтъ, дочь дѣвка Опроска; пожитковъ: 2 лошади, 2 коровы, 8 овецъ, 4 четверти ржи, 8 четвертей овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Починка Черепанова* — крестьянинъ Якушко Евсѣевъ сынъ Некрасовъ, у него жена Дунка Семенова дочь, дѣтей: сынъ Савка — женатъ, у Савки сынъ Ларка 5 лѣтъ; пожитковъ: 2 лошади, жеребенокъ, 4 коровы, 6 овецъ, 2 четверти ржи, 4 четверти овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Греховы* — крестьянинъ Лазарко Ѳедоровъ сынъ Золотаревъ, у него жена Наташка Никитина дочь, дѣтей: сынъ Аѳонка 12 лѣтъ, сынъ Стенка 8 лѣтъ, сынъ Сенка 5 л., сынъ Ивашко 2 л., дочь дѣвка Ѳедоска; пожитковъ: лошадь да корова, 4 овцы, 2 теленка, осмина ржи, осмина овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Медвѣдевы* — крестьянинъ Пашка Прокоѳьевъ сынъ Черепановъ, у него жена Огашка Иванова дочь; дѣтей: сынъ Аѳонка — женатъ, сынъ Никитка 4 лѣтъ, сынъ Ивашко полугоду, 3 дочери дѣвки: Оксютка, да Оришка, да Дунка; да внучка Дунка ж; пожитковъ: 2 лошади, 4 четверти овса; ржаные муки четверикъ, 3 четверика ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Ѳедка Ѳокинъ, у (л. 3).
него жена Оленка Исакiева дочь; дѣтей: сынъ Якунка 5 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, теленокъ, 3 овцы, осмина ржи, 3 осмины овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Осинокъ* — крестьянинъ Гришка Андрѣевъ сынъ Шеломенцовъ, у него жена Оксютка Андрѣева дочь; дѣтей: сынъ Серешко — женатъ, сынъ Оска 15 лѣтъ, 3 дочери: Устинка, да Василиска, да Оришка; пожитковъ: лошадь да корова, 3 овцы, 3 теленка, 2 четверти ржи, 5 четвертей овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

Деревни Жаворонковы — крестьянинъ Ивашко Родионовъ сынъ Синцовъ, у него жена Оришка Триѳонова дочь; дѣтей: пасынокъ Васка Аѳонасьевъ, у Васки сынъ Ивашко году, у него 2 дочери дѣвки — Маришка да Сопка, у него ж Ивашка падчерица, дѣвка ж; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 6 овецъ,

четверикъ ржи, осмина ячменю, да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Кукарской* — крестьянинъ Купряшка Карповъ сынъ Глазыревъ, у него жена Улка, дѣтей: 3 дочери дѣвки — Оксютка, Дунка да Параска; пожитковъ: лошадь, да корова; в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Села Ишлыка* — крестьянинъ Левка Анисимовъ сынъ Сушавинъ, у него жена Параска Третьякова дочь; дѣтей: сынъ Сенка 3 лѣтъ, дочь дѣвка Улка; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ, 2 коровы, 5 овецъ, четверикъ ржи, четверть овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

(л. 4). «*Деревни Палника* — крестьянинъ Максимко Стеѳановъ сынъ Пушкаревъ, у него жена Анютка Козмина дочь; дѣтей: сынъ Оска—женатъ, сынъ Аѳонка 9 лѣтъ, сынъ Алешка 2 лѣтъ; пожитковъ: 2 лошади, жеребенокъ, 2 коровы, 9 овецъ, 3 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Ивашко Аѳонасьевъ сынъ Зыкинъ, у него жена Олисаветка Аѳонасьева дочь; дѣтей: сынъ Гаранка 10 лѣтъ, сынъ Гришка 8 л., сынъ Ивашко 4 л., 2 дочери дѣвки — Ѳедоска да Улка; пожитковъ: лошадь, да жеребенокъ, да корова, 10 овецъ, четверть овса; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Деревни Заборской* — крестьянинъ Ивашко Ѳедоровъ, у него жена Паранка Сидорова, нѣтъ дѣтей, пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 5 телятъ, 5 овецъ; четверикъ ржи, 3 четверика овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Силдуса* — крестьянинъ Мартинко Тимоѳеевъ сынъ Малковъ, у него жена Анютка Сидорова дочь; дѣтей: сынъ Кирюшка — женатъ, сынъ Стенка 4 лѣтъ, 3 дочери дѣвки — Антонидка да Оришка, да Ѳедоска; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, да корова, четверо телятъ, 5 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, четверть ячменю, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Сухоруковы* — крестьянинъ Ганка Томиловъ сынъ Мошкинъ, у него жена Маришка Мойсѣева дочь; дѣтей: сынъ Стенка 10 лѣтъ, сынъ Якушка 7 л., сынъ Евтошка шти лѣтъ, сынъ Ивашко 5 л., дочь дѣвка Ѳедоска; пожитковъ: 2 лошади, да корова, трое телятъ, осмина ржи, 3 четверти овса, да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Деревни Лоптины* — крестьянинъ Данилко Артемьевъ сынъ Маточкинъ, у него жена Ѳедоска Обросимова дочь; дѣтей: сынъ Ѳетка 5 лѣтъ, сынъ Кирюшка 4 л., сынъ Ѳилка году; пожитковъ: лошадь да корова, 2 овцы, четверикъ ржи, четверть овса; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Шубинские* — крестьянинъ Тимошка Андрѣевъ сынъ Горевъ, у него жена Настка Павлова дочь; дѣтей: сынъ Емелка, 2 дочери дѣвки — Дунка да Василиска; пожитковъ: лошадь да корова с теленкомъ, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 5).

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Якимко Семеновъ сынъ Дудоладовъ, у него жена Оксютка Каликина дочь; дѣтей: сынъ Костка 15 лѣтъ, дочь Акилинка; пожитковъ: кобыла зъ жеребенкомъ, да корова, два теленка, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 5).

«*Деревни Сидоркины* — крестьянинъ Тимошка Аѳонасьевъ, у него жена Опроска Тимоѳеева дочь; дѣтей: сынъ Антипка 12 лѣтъ, Макарка 6 л., да сынъ Ларка 14 лѣтъ, двѣ дочери дѣвки — Дунка да Огашка; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, 3 коровы, 3 телятъ, 7 овецъ, четверикъ ржи, 4 четверти овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Толкины* — крестьянинъ Тимошка Юрьевъ сынъ Вошкинъ, у него дѣтей: Ведейка — женатъ, 3 дочери дѣвки: Окулка да Улка, да Ѳедоска; у Ведейки дочь Паранка; пожитковъ — лошадь, да корова с теленкомъ, четыре овцы, четверть ржи, 2 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

Тоеж деревни — крестьянинъ Гришка Ивановъ сынъ Патрушинъ, у него жена Опроска Есипова дочь; дѣтей: сынъ Гришка — женатъ, сынъ Аѳонка 3 лѣтъ, дочь дѣвка Ѳедоска; пожитковъ: 2 лошади, 3 коровы, 2 теленка, 10 овецъ, четверть ржи, 5 четвертей овса, четверть ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 6).

«*Села Ильинскаго* — крестьянинъ Стенка Ѳеѳиловъ сынъ Ведерниковъ, у него жена Ѳедоска Семе-

нова дочь; дѣтей: сынъ Ѳедотко 3 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 4 овцы, 3 четверти ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Галомидовы* — крестьянинъ Лазорко Антоновъ сынъ Шершневъ, у него жена Ховрюшка Ѳотиева дочь; дѣтей: сынъ Данилка шти лѣтъ, сынъ Карпушка 4 л., сынъ Оксенко 2 л., дочь Огашка; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ да корова, 2 теленка, 3 овцы, четверикъ ржи, 2 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Косогорской* — крестьянинъ Илюшка Андрѣевъ сынъ *Волгинъ*, у него жена Катерина Максимова дочь; дѣтей: сынъ Ларка; пожитковъ: кобыла 3 овцы, 3 четверика ржи, 2 четверти овса, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно 5 четвериковъ ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Ларка Гавриловъ сынъ Гнаващевъ, у него жена Манка Аѳонасьева дочь; да пожитковъ: лошадь, 3 коровы, 5 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, четверть полбы; да в землѣ посѣяно полторы четверти ржи».

(л. 7). «*Деревни Дубровы* — крестьянинъ Сенка Ивановъ сынъ Порминъ, у него жена Грунка Логинова дочь; дѣтей: сынъ Панкратко 14 л., сынъ Митюшка 5 л., дочь дѣвка Анютка; пожитковъ: кобыла, 2 коровы, 2 теленка, 6 овецъ, четверикъ ржи, четверть овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Кошелевы* — крестьянинъ Оска Денисовъ сынъ Метелевъ, у него жена Лукшатка Микитина дочь; дѣтей: сынъ Евсѣвейко 4 л., да братъ Гришка Ивановъ, вдовъ, у Гришки сынъ Ивашко Тихѣй, у Оски дочь дѣвка Оксютка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 7 овецъ, четверть ржи, 2 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Загорковской* — крестьянинъ Ѳетка Насоновъ, у него дѣтей: сынъ Якунка — женатъ, дочь дѣвка Манка; пожитковъ: лошадь да корова, 2 теленка, 4 овцы, четверикъ ржи, полтора четверти овса, четверикъ ячменю, четверикъ полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Тоеж деревни*— крестьянинъ Потишко Еремѣевъ сынъ Гиревъ, у него жена Лукщарка Кирилова дочь; дѣтей: сынъ Селиванко, сынъ Лазарко — женатъ, дочь дѣвка Улка; да у Лазарка дочь дѣвка Василиска; пожитковъ: 2 лошади, корова, 4 телятъ, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четрерти овса, осмина ячменю; да в землѣ полторы четверти ржи».

Деревни Палтины — крестьянинъ Оброско Петровъ сынъ Чермного, у него жена Ѳедоска Назарова (л. 8).
дочь; дѣтей: сынъ Пронка—женатъ, четыре дочери дѣвки—Соломонидка, Огашка, Анютка, Еленка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 4 теленка, 6 овецъ, четверикъ ржи, полторы четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

Деревни Самысловы — крестьянинъ Ѳетка Ермолаевъ сынъ Пуртовъ, у него жена Ѳедорка Антонова дочь, дѣтей: сынъ Юрька 2 л., пятеро дочерей, дѣвки — Дунка, да Улка, да Еленка, да Танка, да Ѳедорка; пожитковъ: лошадь, да корова, 2 теленка, четверикъ ржи, 2 четверти овса; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

Деревни Шалаховы— крестьянинъ Бориско Козминъ сынъ Аноѳреївъ, у него жена Манка Еминова дочь, дѣтей — сынъ Мишка 5 л., сынъ Родка 2 л., дочь дѣвка Ѳедорка; пожитковъ: 2 лошади, да 2 коровы, 3 теленка, 4 овцы, осмина ржи, четверть овса, полтора четверика ячменю, четверть полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

Деревни Гайдура — крестьянинъ Оброско Евдокимовъ сынъ Спицынъ, у него жена Опроска Ѳедорова дочь; дѣтей: 2 дочери дѣвки—Ѳедулка да Матрена; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, четверть ржи, 3 четверика овса, четверикъ ячменю, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно 2 четверика ржи».

Деревни Усть-Чернорѣчки — крестьянинъ Оничка Марковъ сынъ Жеребцовъ, у него жена Агашка Максимова дочь, дѣтей: сынъ Савка 8 л., сынъ Гришка 5 л., сынъ Никифорко 2 л., дочь дѣвка Соѳка; пожитковъ: лошадь да корова, 2 теленка, семъ овецъ, полъ четверика ржи, четверикъ овса, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 9).

Дерерни Зараменской — Сенка Корма сынъ Саваловъ, у него жена Каптелинка; пожитковъ: 5 лошадей, 5 коровъ, теленокъ, 7 овецъ, 6 овиновъ ржи,

10 четвертей овса, четверть ячменю, 2 четверти полбы; да в землѣ посѣяно полторы четверти ржи».

«*Деревни Володины* — крестьянинъ Ивашко Васильевъ сынъ Злобинъ, у него жена Ѳеколка Григорьева дочь; дѣтей: сынъ Ларка 10 л., у него ж пасынокъ Гришка 10 л., 2 дочери дѣвки — Улка да Ѳедоска; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ да корова, да нетелъ, 3 овцы; четверть ржи, 2 четверти овса, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жеребцовы* — крестьянинъ Васка Леонтьевъ сынъ Комовъ, у него жена Устенка Каромонова дочь; дѣтей: сынъ Стенка — женатъ, у Стенки сынъ Ѳилка 3 л., у Васки дочь дѣвка Танка, у Стенки сынъ Васка году; пожитковъ: 2 лошади, корова да нетелъ, 10 овецъ, 3 овина ржи, 3 четверти овса, четверикъ ячменю, полторы четверти полбы; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жаравлевы* — крестьянинъ Андрюшка Ларионовъ сынъ Марихинъ, у него жена Ѳеколка Якимова дочь, да сынъ Потапка 3 л., 3 дочери — Оксютка да Анютка, да Акилинка; пожитковъ: лошадь да корова, 2 натели, 7 овецъ, 3 четверика ржи, полторы четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

(л. 10). «*Деревни Емельяновской* — крестьянинъ Васка Ивановъ сынъ Ковалевъ, у него жена Настка Яковлева; дѣтей: сынъ Матюшка 10 л., сынъ Петрушка шти лѣтъ, сынъ Мишка 4 л., 3 дочери дѣвки — Ѳедорка, да Оришка, да Дунка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 3 телятъ, 5 овецъ, 2 четверти овса, осмина ячменю, 3 четверика полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Починка Левки Тарасова* — крестьянинъ Якунка Антипинъ сынъ Сухово, у него жена Дашка Ѳилипьева дочь; дѣтей: сынъ Гришка — женатъ, у Гришки сынъ Алешка 3 л. да пріемышъ Лучка Софоновъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 3 теленка, 8 овецъ, четверикъ ржи, 2 четверти овса, осмина ячменю, осмина полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Мансуровы* — крестьянинъ Ларка Болдиковъ сынъ Хвостовъ, у него жена Дунка Лукина дочь; дѣтей: сынъ Лазорко 3 л., у него же братъ Костка — женатъ, да братъ Ивашко 7 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 3 овцы, четверикъ ржи,

2 четверти овса, пол четверика ячменю, осмина полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Конановы* — крестьянинъ Сенка Ивановъ сынъ Корчагинъ, у него жена Степанидка Леонтьева дочь; дѣтей: сынъ Митка — женатъ, сынъ Ѳилка 15 л., сынъ Гришка 10 л., сынъ Вахрушка 7 л.; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, трое телятъ, 2 четверти овса, четверикъ ячменю, осмина полбы; да в землѣ посѣяно осмина ржи». (л. 11).

Тоеж деревни — крестьянинъ Ѳедотко Ильинъ, сынъ Турусинъ, у него жена Ѳедорка Иванова дочь, у нихъ племянникъ Кипрянко Тимоѳѣевъ 5 л.; пожитковъ: лошадь да корова, 3 телятъ, 2 четверти, овса, 3 четверика полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Лесниковы* — крестьянинъ Терешка Наумовъ сынъ Глотовъ, у него жена Ѳилка Ермолаева дочь; дѣтей: сынъ Ивашко — женатъ, да сынъ Гришка — женатъ, у Ивашка сынъ Маркелко 5 л., 2 дочери — Марѳица да Ѳедоска; пожитковъ: 3 лошади, да жеребенокъ, 4 коровы, 7 телятъ, 10 овецъ, 2 четверти ржи, 8 четвертей овса, четверть ячменю, овинъ ржи; да в землѣ посѣяно 9 четвериковъ ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Якимко Осиповъ сынъ Тарасовъ, у него жена Матренка Агаѳонова дочь; дѣтей: сынъ Енка — женатъ, да сынъ Андрюшка 14 л., да сынъ Вавилко 10 л.; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 6 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

Деревни Загуляевы — крестьянинъ Юрька Соѳроновъ сынъ Соколовъ, у него жена Ѳедоска Терентьева дочь; дѣтей: сынъ Данилко 12 л., сынъ Мартьянко 13 л., сынъ Мишка 13 л., 2 дочери дѣвки — Катеринка да Степанидка; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, 2 коровы, 3 телятъ, 4 овцы, четверть ржи, 4 четверти овса, осмина ячменю: да в землѣ посѣяно четверть ржи».

Той-же книги № 4.

«Лѣта 7106 г. февраля въ 25 день по Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича (л. 1). всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца

указу и по наказу столника и воевод князя Юрия Петровича Трубецкого, окольничего Никиты Михайловича Боборыкина, діаковъ Аѳонасія Ташлыкова, Юрия Блудова,— велѣно Григорию Скрыпицыну ѣхать в Свияжской уездъ великаго государя в дворцовые села и в деревни, а в тѣхъ селахъ и в деревняхъ велено выбрать з двадцати дворовъ по крестьянину з женами и з детми и со всѣми их крестьянскими животы з жеребю за полоцкую шляхту Гаврила Гославскаго с товарыщи; и Григорей Скрыпицынъ в Свияжской уездъ великаго государя в дворцовые села и в деревни ѣздилъ, и в тѣхъ селахъ и в деревняхъ противъ наказу по книгамъ из середние статьи по жеребю з двадцати дворовъ по крестьянину выбралъ, а кого имяны крестьянъ выбралъ и что у тѣхъ выборныхъ крестьянъ дѣтей и братей и племянниковъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и животовъ и
(л. 2). хлѣба молоченного и земляного, и то писано в сихъ книгахъ порознь по статьямъ; а тѣхъ селъ — села Тенковъ и села Ключищъ старосты и всѣ крестьяне великаго государя указу непослушали, учинились сильны, к книгамъ рукъ не приложили и сказокъ за руками не дали; а выборныхъ крестьянъ, которые выбраны за полоцкую шляхту велѣлъ беречь до указу великаго государя тѣхъ селъ и деревень крестьяномъ, съ кого они взяты.

(л. 3—4). «*Села Тенковъ* — (перечислены 20 дворовъ крест.). «Итого 20 дворовъ; и из тѣх двадцати дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние статьи Ѳетка Васильивъ Крапивинъ, детей у него: Гришка, Стенка, Мишка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; пять четвертей всякаго хлѣба моло-
(л. 4—5). ченого, да посѣяно в землѣ четь ржи».

(Снова перечислены 20 дв. кр.) «Итого 20 двор., и изъ тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Ивашко Ѳедоровъ; дѣтей у него: Ивашко, Артюшка, Ѳролко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; всякаго хлѣба 3 четверти молоченного, да посѣяно в землѣ осмина ржи.

(Перечисл. 20 дв. кр.) «Итого 20 дв., и из тѣх 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Егорко Еѳимовъ; у него братей — Харка, Трошка, Савка; у него сынъ—Дениско; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; всякаго хлѣба 4 четверти молоченного, да посѣяно в землѣ осмина ржи».

(Перечисл. 20 дв. крест.). «И того 20 двор., и из (л. 6—7).
тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Степка Карповъ, у него детей: Данилко, Гурка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ, 3 свини; всякаго хлѣба 2 четверти молоченого, да посѣяно в земле четь ржи». (л. 8—9).

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Тимошка Прокоѳинъ, у него пасынки: Мелешка, Ѳеонка Прокоѳівы дѣти; у Тимошки сынъ Васка у Васки сынъ Оска; скотины: 3 лошади, корова, 5 овецъ, 4 свини; всякаго хлѣба четверть, да посѣяно в земле осмина ржи». (л. 9—10).

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ полоцкой шляхте крестьянинъ из середней стати Ивашко Павловъ; у него братъ Тимошка; сынъ у него Ивашко, да у него ж племянникъ Ѳилка Ипполитовъ; скотины: 2 лошади, 2 коровы; всякаго хлѣба 2 четверти, да посѣяно в земле осмина ржи». (л. 11—12).

Села Ключищъ: (перечисл. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ и из тѣхъ 20 дворовъ, выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Терешко Прокоѳіевъ, у него сынъ Тимошка, да Стенка, да пасынокъ Никонко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 6 свиней; хлѣба — осмина ржи, осмина пшеницы, да посѣяно в земле ржи четь». (л. 11—12).

(Перечисл. 20 дв. кр). «И того 20 дв. и из тѣхъ (л. 13—14).
20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Триѳонко Ивановъ; у него сынъ Андрюшка; у Андрюшки дѣтей — Гришка да Ѳилка; да скотины: 3 лошади, 2 коровы, 3 овцы, 5 свиней; хлѣба 3 осмины, да посѣяно в землѣ четь ржи».

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв. и из тѣхъ (л. 15—16).
20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Левка Аввакумовъ; у него сынъ Овдейко, да пасынки — Ѳедка да Ивашко Авгѣевы; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 7 овецъ, 5 свиней; хлѣба—три чети молоченнаго, да посѣяно в земле четь ржи».

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв. и из тѣхъ (л. 16—17)
20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Сенка Менѣевъ; у него дѣтей — Пашка да Ивашко, да пасынокъ Андрюшка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 3 свини, хлѣба молоченнаго четь, да посѣяно в земле ржи осмина».

(л. 18—19) (*Перечисл. 16 дв. кр.*) послѣ чего «да к селу Ключищамъ придано из села Тенковъ в прибавку» прибавлено нѣсколько дв. «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Оѳерко Даниловъ, у него сынъ Пронка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 7 овецъ, 3 свини; хлѣба молоченого 3 осмины, да посѣяно в земле ржи четь».

(л. 19—20) «*Деревни Матюшкина починка*—(переч. 20 дв. кр.). «Итого 20 дворовъ и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Аѳонска Семеновъ Коровлевъ, у него сынъ Ивашко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 8 овецъ, 10 свиней; всякого молоченого хлѣба 3 чети, посѣяно в земле 2 чети ржи».

(л. 20—21) (*Перечисл. 20 дв. крест.*). «И т. 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Якушка Михайловъ Студенецъ; у него сынъ Емелка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, хлѣба всякого молоченого 2 чети, да посѣяно в землѣ четь ржи».

(л. 21—22) (*Перечисл. 20 дв. крест.*). «И т. 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте изъ середние стати Петръ Семеновъ; у него сынъ Микишка, Лукашка, Алешка; скотины: 2 лошади, корова, телица, 10 овецъ, 5 свиней, всякого хлѣба 3 чети, да посѣяно в земле четь ржи».

(л. 22—23) *Села что бывала деревня Шаланга*—(перечисл. 20 дв.). «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Карпунка Харитоновъ, у него детей: Ивашко, Ивстюшка; скотины: лошадь, корова, 3 свини; всякого хлѣба четвечть, да посѣяно в земле осмина ржи».

(л. 24—25) (*Перечисл. 16 двор. кр.*). «А къ селу Шаланге придано из села Тенковъ в прибавку» (еще переч. 4 двора кр.). «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхтѣ из середней стати Алешка Полуехтовъ; у него детей: Ивашко да братъ Якушка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 6 овецъ; 2 четверти хлѣба молоченого, да посѣяно в земле осмина ржи».

(л. 25—26) *Деревни Ташевки*: (перечисл. 20 двор. крест.). «И того 20 дворовъ, и из тѣх 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Дениско Лаврентиевъ; у него детей: Тихонко, Ивашко, Якимко; скотины: 2 лошади, 3 коровы, 5 овецъ, 6 свиней; всякого хлѣба молоченого 3 четверти; да посѣяно в земле четверти ржи».

(*Перечисл. 15 двор. кр.*). «Итого 15 дворовъ, и из тѣхъ 15 дворовъ взятъ за полоцкую шляхту кре- (л. 27—28)
стьяня из середней стати Ивашко Аникѣивъ; у него детей: Васка, Мишка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 3 свини; хлѣба всякого 2 чети; да посѣяно в земле осмина ржи».

Той же кн. № 3.

«Лѣта 7106, ѳевраля въ 25 день по государеву ца- (л. 2)
реву и великого князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Россiи самодержца указу и по наказу столника и воевод князь Юри Петровича Трубецкого, околничего Никиты Михайловича Боборыкина, дьяковъ Ѳоонасія Ташлыкова, Юри Блудова—велѣли Миките Маркову ѣхать из Казани въ Царевококьшаской для того: в нынешнемъ во 106 году сентября въ 26 день в грамоте великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея велик. и мал. и бѣл. Рос. самод. писано въ Казань к боярину и воеводамъ ко князю Григорю Семеновичу Куракину с товарыщи—указалъ великiй государь и бояре приговорили: полоцкую и всю шляхту Гаврилова полку Гаславского с товарыщи, которые были на Москве и которые на Москве не были, а были в Казани, всехъ разобрать по статямъ и устроить ихъ землями в Казанскомъ уѣзде по Закамской черте; а на те земли указалъ великiй государь взяти крестьянъ из Казанского и из Свiяжского и из Царевококьшаского и из Еранского уѣздовъ
великого государя из дворцовыхъ селъ з 20 дворовъ (л. 3)
по крестьянину з женами и з детми и со всеми ихъ животы и с хлѣбомъ. И Микита Марковъ прiѣхавъ в Царевькокьшаской взялъ у воеводы у Вилинбаша Ахлебинина да у подячего у Луки Скрыпова переписные книги великого государя дворцовой волости за рукою подячего Луки Скрыпова, и по книгамъ выбралъ з дватцати дворовъ по крестьянину з женами и з детми и со всеми ихъ животы изъ середние стати по скаскамъ дворцовой волости старосты и всѣхъ крестьянъ за руками быть доведетца, и с хлѣбомъ стоячимъ и с молоченымъ и з землянымъ, которой посѣянъ къ нынешному ко 106 году, и тѣхъ выборныхъ крестьянъ имяны со отцы и с прозвищи

и их детей и братю и племянниковъ, которые с теми выборными крестьяны въ однехъ дворехъ живутъ, и что у ково живота и хлѣба, и с которых крестьянъ имяны тѣ выборные крестьяня взяты и тому книги имяно порознь и по статямъ».

(л. 4—7) *Деревни Вараксины:* (перечислены дворами и семьями 18 дворовъ кр.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Серешка Тимофѣев, жена у него Овдотица Савелева; детей у него 3 сына, — Кирюшка—женатъ, Анисимко 10 л., Петрушка шти лѣтъ: у Кирюшки жена Матренка Григорьева, да сынъ Ѳеонка году; а живота у него: 2 лошеди, да 2 жеребенка—годовики, да корова, да 2 теленка—годовикижъ, да 3 овцы; молоченого хлеба 5 четвериковъ ржи, овса тожъ; посеено ржи—3 четверика, овса посеено 8 четвериковъ».

(л. 7—10) *Деревни Лапшины:* (переч. 19 двор крест.съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ Ондрюшка Тимоѳеевъ, жена у него Онтонидка Павлова, да у него 2 пасынка: Микитка—женатъ, да Трошка 8 лѣтъ — Олексѣевы дѣти; у Микитки жена Ѳеколка Михайлова; а живота у него: 2 лошади, да корова, да нетелъ, да телица полутора году, да 3 овцы, да свиня; молоченого хлѣба: ржи 5 четвериковъ, овса тожъ; посѣяно: ржи осмина, а овса посеяно 8 четвериковъ».

(л. 11—14) «*Деревни Березовы:* (переч. 19 дв. съ семьями кр.) «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Березовы Трошка Онтипинъ, жена у него Мамельѳица Трофимова; дѣтей у него 4 сына Матюшка 14 л., Ондрюшка 12 л., Микешка 7 л. Демка 5 л.; да 3 дочери: Оксютка 10 л.. Овдотица шти лѣтъ, Соломонидка дву летъ; а живота у него: 2 лошеди, да корова, 4 овцы, 6 свиней; оржаной муки—осмина; молоченнаго хлѣба: 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посѣяно ржи 3 четверика, а овса посеено 6 четвериковъ».

(л. 14—18) «*Починка Мосина*»: (переч. 10 дв. кр. съ сем.); «*Починокъ Мышинъ*»: (переч. 4 дв. кр. съ сем.); «*Починка Маркова*» (переч. 2 дв. кр. съ сем.); «*Деревни Березовы:* (переч. 3 дв. кр. съ сем.) «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ починка Мосина Соѳронка Савелевъ, жена у него Маврутка Микитина, да 2 сына: Ивашко 13 л., Ортюшка 4 недел; 2 дочери: Огроѳенка 8 л., Оришка 3 л.; а живота у него: 2 лошади, да 2 коровы, 4 овцы; а молоченого хлѣба—5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посеено ржи 4 четверика, да всякова ярова хлѣба посеено 8 четвериковъ».

«*Деревня Коряковская:* (переч. 16 кр. дв. съ сем.); «*Починка Маркова*» (переч. 2 дв. кр. съ сем.); «*Починка Голзевъ*» (1 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Коряковские Микитка Ѳроловъ сынъ Туманинъ; жена у него Анютка Зотѣева; детей у него 5 сыновъ: Ивашко 13 л., Сидорка 8 л., Игонка 5 л., Карпунка да Семенка—двойни, 3 летъ, да 2 дочери: Василиска 15 л., да Василиска ж 5 л.; а скотины у него: 2 лошеди, 3 коровы, 5 овець, да пятеро свиней; молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посѣено ржи осмина, да еровова хлѣба посѣено 4 четверика». (л. 18—21)

«*Деревня Пахомова*» (переч. 9 дв. кр. съ сем.); «*Починка Гозева*» (переч. 2 дв. кр. съ сем.); «*Деревня Вяткина*» (переч. 8 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Пахомовы Ѳедка Созоновъ, жена у него Мамелѳица Прокоѳиева; детей у него: сынъ Ивашко 10 л., Гришка 8 л., Ивашко шти лѣтъ; дочери: Устиница 5 л., Окулка—полугоду; а живота у него: 2 лошади, да 2 коровы, 4 овцы, 2 свиньи; молоченого хлѣба; 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посѣяно ржи: 3 четверика, а овса посеяно 5 четвериковъ». (л. 22—25)

«*Деревни Жуковы:* (переч. 4 дв. кр. съ сем.); *Починка Ширянкова:* (переч. 4 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбраны крестьяня деревни Ширянкова починка Созонка да Ниѳонка Ниѳантовых детей Нестеровыхъ; у нихъ мать Ѳедорка Сергѣева; у Созонка жена Анютка Яковлева; детей у него два сына: Тимко по седмому году, Ѳедосейко по пятому году, да дочь Окулка—полугоду; у Нифонка жена Василиска Михайлова, да сынъ Агейко по другому году; а живота у нихъ: 2 лошади, да 3 коровы, да 3 телонка, да 2 овцы, да 5 свиней; а молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, овса тож; посеено ржи осмина, а овса посеено 6 четвериковъ». (л. 25—28)

Деревня Княжня. (Перечисл. 19 кр. дв. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Княжни Васка Ивановъ, жена у него Оришка Киприянова, детей у него: сынъ Спирка; у Спирки жена Матренка Микиѳорова; а скотины у него 2 лошади, да 2 коровы, да нетелъ, 4 овцы, да одна свиня; молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, овса тож; посеено ржи 3 четьерика, да еровова всякова хлѣба посеено 8 четвериковъ». (л. 29—32)

(л. 33—36) *(Той же деревни* переч. 14 кр. дв. съ сем.); *Починокъ Семенов»* (переч. 4 дв. кр. съ сем.). А с техъ дворов выбранъ крестьянинъ деревни Княжни Матюшка Дороѳѣевъ, жена у него Устиница Иванова, да 4 сына: Ивашко 17 л., Якимко 15 л., Пашка двунадцати летъ, Стенка 8 л., да дочь Ориница 4 л.; а скотины у него: кобыла з жеребенкомъ, да 2 коровы; молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож, а посѣено всякова ероваго хлѣба 3 четверика».

(л. 36—40) *Деревня Середня Кузнецовская* (переч. 12 крест. дв. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни середние Кузнецовские Ѳочка Ивановъ; жена у него Василиска Улянова, да сынъ Дорофейко—женатъ; да 2 дочери: Улянка да Анютка 8 л., да зять Ульянкинъ муж Ѳедка Окуловъ; у Дороѳейка жена Ненилка Микитина; да у Ѳедки сынъ Лаврушка; а скотины у него: 2 лошеди да 2 коровы, 4 овцы, 6 свиней, молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посеено: ржи осмина, а овса посѣяно 4 четверика, да ячьменю пол четверика, да пьшеницы бажня».

(л. 40—44) *Деревня Далная Кузнецовская*: (перечисл. 19 дв. крест. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Далные Кузнецовские Гришка Ѳѳнасьевъ, жена у него Варварка Ѳедорова, да 4 сына: Ѳедка — женатъ, да Кирюшка 10 л., да Ѳѳонка 7 л., да Савка 4 л., да 2 дочери Оленка шти летъ, Ульянка 3 л.; у Ѳедки жена Окулка Кузмина; а скотины у него: 3 лошеди, да жеребенокъ, да 5 коровъ, 4 овцы; а молоченого хлѣба: 5 четвертей ржи, а овса тож; а посѣяно ржи 5 четвериковъ, а овса посѣяно 10 четвериковъ».

(л. 44—48) «*Починокъ Юшковъ* (переч. 15 двор. кр. съ сем.); дерев. *Далная Кузнецовская* (переч. 3 дв. кр. съ сем.). «А съ тех дворовъ выбраны крестьяня починка Юшкова Доронка да Захарко Полуехтовы дети; у Доронки жена Матренка Прокоѳьева, да пасынокъ у него Якимко Микитинъ 10 л.; у Захарка жена Василиска Иванова; а скотины у нихъ: 2 лошеди, да корова, 3 овцы, 4 свини; а молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посеено ржи три четверика, а ерова хлѣба посѣяно 4 четверика».

(л. 48—50) «*Починокъ Якимовъ*: (перечисл. 5 кр. дв. съ сем.); *Починокъ Кожинъ*: (переч. 6 дв. кр. съ сем.); *Починокъ Игнатьевъ*: (переч. 3 дв. кр. съ сем.); *Починокъ Семеновъ*: (переч. 2 дв. кр. съ сем.); *деревня Середня Кузнецовская*: (переч. 2 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянин починка Якимова Кирюшка Родивоновъ; жена у него Ѳедорка Васильева, да детей у него два сына: Максимко 7 л., Мишка 5 л., да дочь Матрена 10 л.; а скотины у него: 2 лошеди, да 2 коровы, да 3 овцы; молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посеено ржи 2 четверти казенных, да три четверти овса».

Той же книги № 2.

«Лѣта 7106 Ѳевраля въ 25 день по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу столникъ и воевода князь Юрьи Петровичъ Трубецкой, околничій Никита Михайловичъ Боборыкинъ, дьяки Ѳѳонасей Ташлыковъ, Юри Блудовъ велели Миките Маркову ѣхать в село Лебяже, для того... (далѣе дословно тоже, что и въ предыдущемъ)... и приѣхавъ в село Лебяже и в том селе и в деревняхъ переписать крестьянъ и соседъ и подсоседниковъ и ихъ братю и племянниковъ со отцы и прозвищи всякого человѣка, и переписавъ выбрать ис того села и из деревень з дватцати дворовъ по крестьянину з женами и з детми и со всеми ихъ крестьянскими животы и з хлѣбомъ стоячимъ и с молоченымъ и землянымъ, которой посеенъ ко 106 году; а кого имянемъ выбранъ и с коихъ дворовъ и тому книги имяные под семъ доѣздомъ». (л. 1) (л. 2)

«Книги села Лебяжя и деревнямъ и починкамъ крестьянамъ имянные».

«*Села Лебяжя*»: (переч. 9 дв. кр. съ сем.); «*Деревня Тишкина починка*» (переч. 4 кр. дв. съ сем.); «*Починокъ Малыхъ Шорей*» (переч. 4 дв. кр. съ сем.); *Деревни Большой Шоры* (переч. 2 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Большой Шоры Янка да Ивашко Родивоновы дети *Астраханцы*; у Янки жена Соломонидка Огаѳонова, детей у него 2 сына—Мишка 10 л. да Демка 4 л., да 2 дочери—Оришка 12 л., Оносьица 3 л.; у Ивашки жена Устиница Ѳролова, детей у него: 2 сына—Микоѳорка 4 л., да Митка полутора году; скотины у нихъ: 2 лошеди да 2 жеребенка, 4 коровы, да быкъ, да 3 теленка, 9 овецъ, 2 свини; молоченого хлѣба: овса 5 четвериковъ, ржи осмина, ячьменю четверикъ, оржаной муки четверикъ; посеено ржи 3 четверика». (л. 7)

«*Деревни Большой Шоры*»: (переч. 3 кр. дв. съ сем.), «*Деревни Лоптевы*» (переч. 3 дв. кр. съ сем.) (л. 8—12)

«Деревни Огаѳоновские» (1 дв. кр. съ сем.). *«Починка Наисоковскаго»* (переч. 2 дв. кр. съ сем.). *«Починка на горахъ над озеры»* (переч. 2 кр. дв. съ сем.). *«Починок Микитки Богаева»*. «Дв. крестьянинъ Микитка, да Марчко, да Соѳонко, да Ларка, да Овдокимко Савины дети Богаевы; у Микитки жена Оришка Лукина; детей у него: сынъ Ѳедка, да дочери Оксьютка да Ѳедорка; у Марчки жена Окулька Саѳонова; детей у нихъ: сынъ Юрька, да 2 дочери—Огроѳенка, да Василиска; у Соѳонка жена Палашка Григорьева; детей у него—сынъ Мишка; у Ларки жена Анютка Ѳедосѣева». *«Деревня Куркурская»* (переч. 5 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ Ондрюшка Михайловъ сынъ Вышивцовъ, жена у него Степанидка Гаврилова; детей у него 2 сына—Семионко 13 л., Ондрѣянко шти летъ, да 2 дочери—Матренка 11 л., Василиска 3 л.; скотины у него: 3 лошеди, да 3 жеребенка, да корова, 5 теленковъ, 15 овецъ, 6 свиней; молоченого хлѣба: ржи 5 четвертей, овса 7 четвертей, ячменю осмина, полбы 3 четверика».

(л. 13—19) *«Починокъ Бакаевъ»* (переч. 2 дв. кр. съ сем.). *«Починокъ Кремонки»* 1 дв. кр. изъ 2 хъ братьевъ съ сем.). *Починка Пермьскаго* (переч. 10 дв. кр. съ сем.). *Починка на Дуброве Лаптева»* (переч. 6 дв. кр. съ сем.). «А с тех дворовъ выбранъ крестьянинъ починка Пермьскаго Ѳеѳилко Ивановъ сынъ Ворыпаевъ, у него жена Пестелиница Кирилова; детей у него: сынъ Микитка 10 л., да пасынокъ Левка Огаповъ 12 л., да 2 дочери—Окулка 11 л., Наташка 7 л.; да у него ж соседъ Захарко Харитоновъ, жена у него Улинка Минѣева; да захребетникъ Кормушка Давыдовъ, жена у него Анютка Огапова, сынъ у него Давыдко 2 л.; у Ѳеѳилка скотины: лошедь, да 2 жеребонка, да корова, 2 телонка, 2 овцы, 4 свини, посеено хлѣба ржи осмина; молоченого хлѣба: ржи четверикъ, овса 2 четверика, полбы 3 четверика, ячменю осмина; у Захарка скотины: корова, 2 овцы, овса четверикъ; у Кормушки: одна лошедь, хлѣба ржи осмина».

(л. 20—23) *«Починокъ Золотаина»* (переч. 7 дв. кр. съ сем.). *«Починокъ Калянурской»* (описаны 2 дв. кр. съ сем.), *«Деревня Кореновская»* (оп. 2 дв. кр. съ сем.). *Деревни Реткины* (перечисл. 8 дв. кр. съ сем.). «А с тех дворовъ выбран крестьянинъ починка Калянурскаго Алешка Царѳеновъ сынъ Сукьсынъ, жена у него Паранка Иванова; детей у него: сынъ Ѳедка полугоду, да 2 дочери—Овдотица 12 л., Овдотица ж 4 л.; скотины у него: 3 лошеди, да 2 коровы, 3 телонка, да 3 овцы, 4 свини, 2 поросенка (зимняковъ); молоченого хлѣба: ржи четверть, овса 3 четверти, четверть полбы, ячьменю четверикъ; посеено ржи 3 четверика».

«Деревни Толунбаики» (переч 8 дв. кр. съ сем.). (л. 23—29) *«Деревни Тулунбаска»* (опис. 5 дв. кр. съ сем.). *«Починокъ вершина по Тулунбайке речке»* (опис. 1 дв. крес. съ сем.). *«Починокъ Шишкинъ»* (опис. 3 дв. кр. съ сем.). *«Починокъ Дьяковъ»* (опис. 2 кр. съ сем.). *Починка Жукова»* (опис. 1 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворов выбран крестьянинъ деревни Реткины Ивашко Григорьевъ сынъ Белянинъ; у него жена Анютка Евѳимова; детей у него 5 сыновъ: Гришка да Васка, да Костюнка, да Марчко, да Микитка; у Гришки жена Домника, у него 2 дочери—Оринка 4 л., Машка—году; у Васки жена Окулка Потапова, да сынъ Кузка году; у негож скотины: 2 лошеди, 2 коровы, да нетелъ, 2 теленка, 5 овецъ, 5 свиней; молоченого хлѣба ржи осмина, овса 3 четверти с осминою, ячьменю осмина; посеено ржи четверть».

«Да осталось четыре двора починка Жукова» (они описаны въ концѣ съ семьями).

УКАЗАТЕЛЬ ПОСЕЛЕНІЯМЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

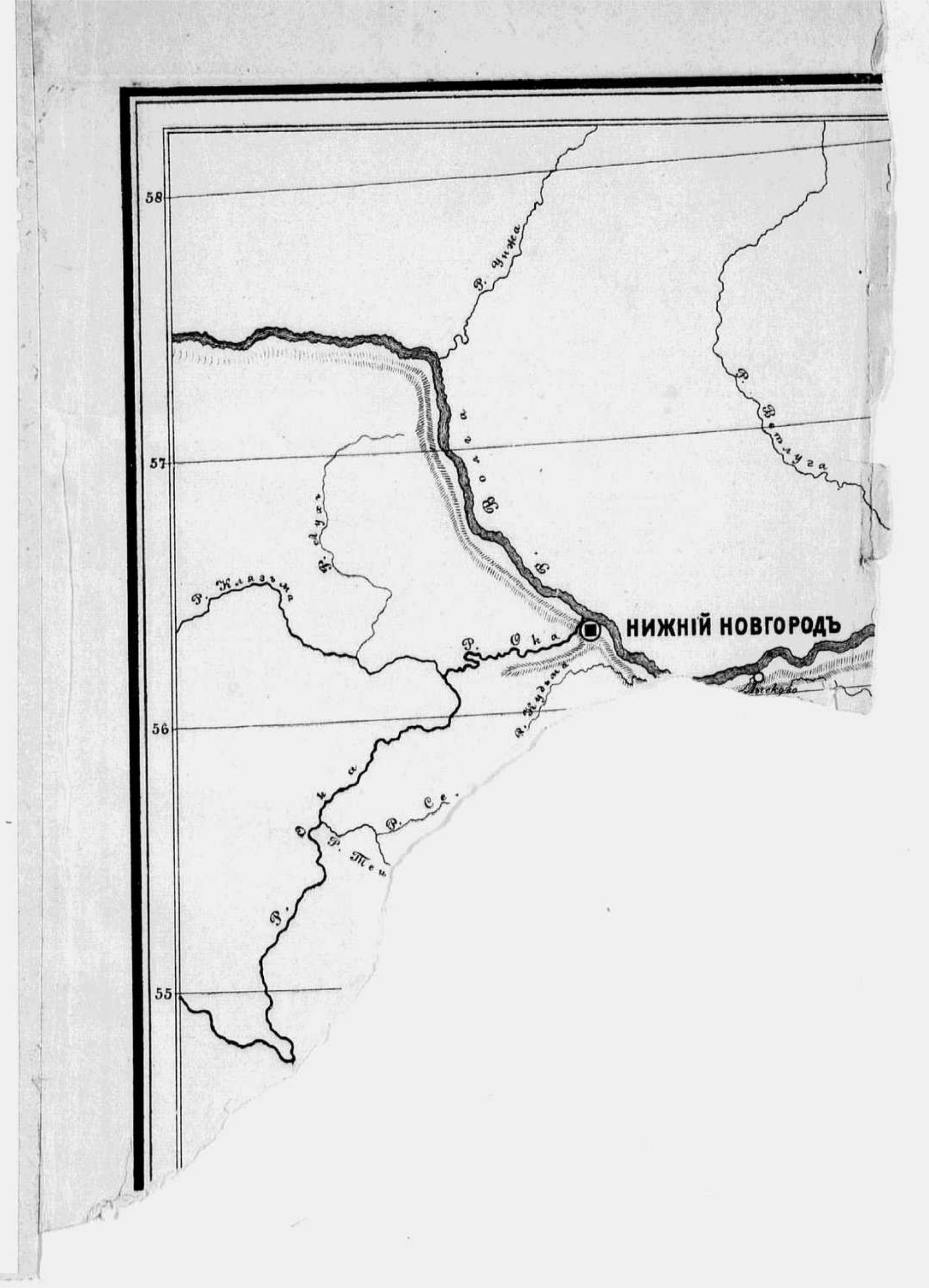
Е.

Ж.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
24	7-я сверху	Составлялась	Составилась
25	4-я снизу	крестьяпе	крестьяне
30	10-я сверху	Единственно,	Естественно, что въ
44	1-я снизу	Новою деревнею и Новымъ починкомъ	новою деревнею и новымъ починкомъ
57	6-я »	сѣноковъ	сѣнокосовъ
76	въ 3-мъ примѣчаніи 4-я снизу	все	всего
—	»	соазмѣрно	соразмѣрно
84	въ 1-мъ примѣчаніи 5-я сверху	плвтитъ	платитъ
92	11-я снизу	квестьянами	крестьянами
110	въ примѣч. 1-мъ 3-я снизу	дв. 35 людей въ нихъ 107	дв. 97, людей въ нихъ 316
118	въ примѣч. 1-мъ 3-я снизу	де на 12 десят.	да на 12 десят.
155	3-я »	по 1658 годъ	по 1674 годъ
165	1-ая сверху	по всей вѣроятности, предоставлены были	повсей вѣроятности, впослѣдствіи предоставлены были
178	въ 1-мъ примѣч. 3-я снизу	въ 1717 г.	въ 1617 г.
200	въ 3-мъ примѣч. 4-я сверху	(Разана)	(Разина)
205	7-я »	острожкакъ	острожкахъ
214	3-я снизу	въ Симбирскомъ уѣздъ	въ Симбирскомъ уѣздѣ.
244	12-я »	тѣми особенностями	тѣми особенными выгодами
249	1-я сверху	нахоты	пахоты
279	8-я »	болыля ; пные	бобыля; иные
—	10-я »	современнаго	современнаго намъ
291	9-я »	могли смущаться	могли ими смущаться
304	1-я снизу	одного и изъ	одного изъ
325	5-я »	простирались пашенныя	простирались ихъ пашенныя
338	3-я »	всякія озлобленія	великія озлобленія
338	въ примѣч. 1-мъ (на слѣд. стр.) 3-я снизу	*прежніе*	*прежнее*
369	въ примѣч. 1-мъ 9-ая сверху	нвволѣ	неволѣ


58
57
56
55
Р. Унжа
Р. Ветлуга
Р. Волга
Р. Лухъ
Р. Клязьма
Р. Ока
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
Р. Кудьма
Р. Теш
Р. Ока